

№ 14 (85) 2010
Выпуск 13

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-21121
от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Зам. главного редактора

Пересыткин А.П.

проректор по научной работе
Белгородского государственного
университета, кандидат педагогических
наук

Ответственные секретари

Московкин В.М.

заместитель по инновационной
деятельности проректора по научной
работе Белгородского государственного
университета, доктор географических наук
Боруха С.Ю.

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики Белгородского
государственного университета

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Славянофильство и западничество: концептуальная оппозиция доктринам классической немецкой философии? **Т.И. Липич 5**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Философия науки Н.Н. Страхова. **Е.А. Антонов 17**

Познавательные стратегии между религиозным и образовательным дискурсами: эпистемологический аспект. **Е.А. Кожмякин 25**

О когнитивных возможностях герменевтических концепций в феноменологии религии. **Т.Г. Человенко 36**

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 3. Культурно-исторические образы субкультур детства и юности (античность и средние века). **М.М. Белоусова, О.В. Ковальчук, В.П. Римский 46**

Человек в политико-культурных реалиях современного российского общества (философско-антропологический анализ). **В.А. Носков 56**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Религиозный аспект социального здоровья личности. **В.Л. Гатило, В.В. Сухоруков 63**

Профессиональная мотивация работников АПК к управленческой деятельности. **Н.А. Ефанова 72**

Факторы естественного прироста населения Белгородской области: социологический анализ. **М.Н. Реутова 77**

Информатизация как фактор социально-технологических процессов. **В.В. Трошихин, М.А. Товстий 87**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Философско-мировоззренческие и нравственно-религиозные характеристики российского язычества. **А.Н. Агальцов 92**

Буддизм как этноинтегрирующий фактор глазами жителей республики Бурятия. **О.С. Баженова 97**

Бытийная вера как воспитательно-образовательный фактор становления личности **Р.К. Омельчук 104**

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Доктрина защиты прав человека в контексте правозащитной функции государства **М.А. Беспалова 110**

Понятийно-категориальный аппарат учения о защите права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера. **В.И. Евтушенко 117**

Политические и правовые предпосылки модернизации общественных отношений в России. **Е.Е. Тонков 128**

Конституционно-правовые гарантии субъективных экологических прав: понятийно-содержательный аспект. **И.С. Чалых 139**

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный университет)

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный университет)

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук
(Белгородский государственный университет)

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Лоусон Т.Р., доктор философии, профессор Луисвилльского университета и Университета Кентукки (США), директор международных программ Института социальной работы им. Кента Луисвилльского университета, Почетный профессор БелГУ

Мархгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

Тарабаева В.Б., доктор социологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного университета

В авторской редакции

Оригинал-макет С.Н. Борисов,
А.А. Махова

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 15.09.2010.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 39,76.
Тираж 1000 экз.
Заказ 232.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39748

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Закономерность процессуализации законодательства в России: проблемы модернизации юридического образования. **Г.А. Борисов 145**

Юридические (правовые) формы осуществления государственных функций: эволюция в условиях кризиса общественных отношений. **Е.Е. Тонков 151**

Современные проблемы квалификации преступлений, связанных со сбытом наркотических средств. **В.Е. Тонков 157**

Стратегии борьбы с недобросовестной конкуренцией в России.

Е.А. Исайчева 162

Источники и правовые механизмы финансирования социального обеспечения в советский и постсоветский периоды: сравнительно-правовой анализ. **М.В. Левшук 166**

К вопросу о методе корпоративного права. **Е.А. Моисеева 176**

Договор оказания услуг сотовой связи. **С.В. Тьчнин, А.А. Васильченко 180**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О социокультурных практиках противодействия терроризму.

С.Н. Борисов, А.В. Римский 186

Позитивная значимость экзистенциальных кризисов. **В.П. Ермаков,**

А.Д. Похилько 193

Национально-культурное своеобразие русской философской мысли.

А.Н. Задворнов 200

Теоретико-методологические основы анализа медиатехнологий.

А.П. Константинова 213

Критический рационализм К. Поппера в социально-философском познании. **И.Б. Костина 221**

Праздник по Марксу. Очень серьезно. **И.Н. Лаврикова 229**

Эволюция богословских воззрений Лютера в контексте современности.

Т.В. Луценко 234

Генезис и эволюция исходных и производных факторов системы образования в Китайской народной республике. **Н.В. Майорова 241**

Генезис католической модели экуменизма. **В.И. Манзюк 253**

Философия семейного бюджета. **И.М. Муравецкий, А.М. Страхов 257**

Трансцендентное как сущность религиозного. **И.О. Надточий 264**

Место и роль мнения в структурах объяснения и референции. **А.В. Нехаев 270**

Понятийные проблемы инновационных правоотношений. **А.П. Пересыткин, В.Ю. Туранин, А.А. Белецкая 279**

Офис как социальный институт. **М.М. Писарева 285**

Глобализация: гуманитарный аспект. **Е.С. Посметьева 291**

Исламский терроризм как транскультурный проект. **С.В. Резник, С.А. Кутومانов, В.Н. Мизаев 299**

Аксиология кризиса современного материнства. **Л.Н. Тронина 307**

Ценностные основания права в философии «Русского зарубежья».

И.Р. Фомина 311

Анализ понятия «целомудрие» в религиозно-нравственном учении

Л. Н. Толстого. **Ю.В. Шарановская 318**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

«ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: АРХАИЧЕСКОЕ, ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ НАЧАЛА» Материалы IV Всероссийской научной конференции

Социальная аксиология Н.Н. Страхова (опыт реконструкции). **П.А. Ольхов 325**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Слово о человеке: учебное пособие П.С. Гуревича «Философская антропология» – М.: Омега-Л, 2010. – 607 с. **А.М. Страхов 331**

Сведения об авторах 333

Информация для авторов 336

**№ 14 (85) 2010
Issue 13**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod state university"

Publisher:

Belgorod state university
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor.

Co-editor

A.P. Peresyppkin

Vice-rector for scientific research of Belgorod State University, candidate of pedagogical sciences

Executive secretary

V.M. Moskovkin

Doctor of geographical sciences, professor of world economy department Belgorod State University

S.Yu. Borukha

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor of Pedagogics department of Belgorod State University

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, Doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod State University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Slavophilism and Westernism as a conceptual opposition to doctrines of classical German idealistic philosophy. **T.I. Lipich 5**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Philosophy of science by N.N. Strakhov. **E.A. Antonov 17**

Cognition in various discourse practices: an epistemological view. **E.A. Kozhemyakin 25**

On cognitive resources of hermeneutic conceptions in the phenomenology of religion. **T.G. Chelovenko 36**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Methodology of subcultures studies in social sciences and humanities. Paper 3. Cultural and historical images of youth and childhood subcultures (Antiquity and Middle Ages). **M.M. Belousova, O.V. Kovalchuk, V.P. Rimskiy 46**

A man in the political and cultural reality of contemporary Russian society (a philosophical and anthropological research). **V.A. Noskov 56**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Religious aspect of personal social health. **V.L. Hatilo, V.V. Sukhorukov 63**

Professional motivation of agro-industrial workers to management activity. **N.A. Efanova 72**

Factors of the natural increase of the population of the Belgorod region: sociological analysis. **M.N. Reutova 77**

Informatization as a factor of socio-technological processes. **V.V. Troshikhin, M.A. Tovsty 87**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Characteristics of Russian paganism based on philosophy and world outlook, ethics and religion. **A.N. Agaltsov 92**

Buddhism as a factor of ethnic integration in the people's opinion in the Republic of Buryatia. **O.S. Bazhenova 97**

Ontological belief as an educational factor of personality formation. **R.K. Omelchuk 104**

HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN LEGISLATION

Doctrine of human rights protection in the context of human rights function of a state. **M.A. Bespalova 110**

Notional and categorical apparatus for the study of human and citizen right for the positive environment in natural and technogenic extremal situations. **V.I. Evtushenko 117**

Political and legal premises of social relations modernization in Russia. **E.E. Tonkov 128**

Constitutional guarantees of perceptions of environmental rights: conceptual aspect. **I.S. Chalykh 139**

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod State University)

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod State University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor (Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod State University)

T.R. Lowson, PhD, professor of The University of Louisville and the University of Kentucky (USA), director of international programmes of Raymond A. Kent School of Social Work of The University of Louisville, Honorary professor of the Belgorod State University

M.V. Marhgeim, Doctor of Law, Professor (Belgorod State University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology, associate professor (Belgorod State University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology, associate professor, dean of the faculty of management and entrepreneurship, Belgorod State University

Original editing by contributors

Original layout by S.N. Borisov, A.A. Mahova

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; SBorisov@bsu.edu.ru

Signed to print 15.09.2010.
Format 60×84/8.
Type: Georgia, Impact
Print lists 39,76.
Circulation: 1000
Order 232.

Subscription index in Rospechat' catalogue – 81462,
in Pressa Rossiya catalogue – 39748

Original layout is copied in Belgorod State University Press
Address: Pobedy, 85, Belgorod, 308015, Russian Federation

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Legitimacy of law procedure in Russia: issues of modernization of legal education. **G.A. Borisov 145**

Legal forms of state activity: transformation in crisis conditions. **E.E. Tonkov 151**

Up-to-date problems of traffic-related offences qualification. **V.E. Tonkov 157**

Strategy of strife with unfair competition in Russia. **E.A. Isaycheva 162**

Sources and legal mechanisms of financing of social security in soviet and post-soviet periods: comparatively-legal analyses **M.V. Levshuk 166**

Method of corporate law. **E.A. Moiseeva 176**

Contract of rendering services of cellular communication. **S.V. Tychinin, A.A. Vasilchenko 180**

THESIS

On sociocultural practices of counter-terrorism. **S.N. Borisov, A.V. Rimskiy 186**

The positive importance of existential crises. **V.P. Ermakov, A.D. Pokhil'ko 193**

National and cultural peculiarity of Russian philosophical thought. **A.N. Zadvornov 200**

Theoretical and methodological premises for mediatechnologies analysis. **A.P. Konstantinova 213**

Karl Popper's critical rationalism in sociophilosophical knowledge. **I.B. Kostina 221**

Holiday by Karl Marx. It's serious. **I.N. Lavrikova 229**

Evolution of theological views of Luther in the present context. **T.V. Lutsenko 234**

Genesis and evolution of initial and derivative factors of the education system in the people's republic of China. **N.V. Majorova 241**

Genesis of catholic model of ecumenism. **V.I. Manzuk 253**

Family budget as a philosophical problem. **I.M. Muravetsky, A.M. Strakhov 257**

Transcendence as an essence of religion. **I.O. Nadtochy 264**

Place and role of opinion in structures of the explanation and reference. **A.V. Nekhaev 270**

Conceptual issues of innovative legal relationship. **A.P. Peresypkin, V.Y. Turanin, A.A. Beletskaya 279**

Office as a social institution: general aspects. **M.M. Pisareva 285**

Globalization: a humanity aspect. **E.S. Posmetyeva 291**

Islamic terrorism as a transcultural project. **S.V. Reznik, S.A. Kutomanov, V.N. Mizaev 299**

Crisis of modern motherhood as the expression of moral values crisis. **L.N. Tronina 307**

Values foundations of law in the philosophy of Russian emigration. **I.R. Fomina 311**

Analysis of the concept "chastity" in the religious-moral doctrine of L.N. Tolstoy. **Y.V. Sharanovskaya 318**

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

«ISSUES OF RUSSIAN IDENTIFICATION: ARCHAIC, TRADITIONAL AND INNOVATIONAL SOURCES»

Papers of the IVth Russian scientific conference

Axiological presuppositions in social understanding (historical example by Nicolai N. Strakhov). **P.A. Olkhov 325**

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Discourse on man: review on the study guide by P.S. Gurevitch "Philosophical anthropology". Moscow: Omega-l, 2010. 607p. **A.M. Strakhov 331**

About authors 333

Information for authors 336

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ЗАПАДНИЧЕСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ ДОКТРИНАМ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ?

Т. И. ЛИПИЧ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: Lipich@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается диалог славянофилов и западников с немецкой идеалистической философией и немецким романтизмом. Русские романтики, в рядах которых были и будущие славянофилы, и будущие западники, считали, необходимо создать свою национальную культуру, литературу, отойти от подражательности Западу. Автор соотносит взгляды А.С. Хомякова, И. Киреевского, Н.В. Станкевича с основными идеями Шеллинга, Гегеля, Ф. Шлегеля. Этот диалог может быть назван полифоническим диалогом, в котором создается благоприятная почва для дальнейшего развития русской культуры, в основе которой лежит православное христианство. Славянофильская концепция представляет собой первый опыт создания русского общественного самосознания, становления его самобытных основ.

Ключевые слова: славянофильство, западничество, диалог культур.

Духовная атмосфера, складывающаяся 20 – 40-е годы XIX века в России, связана с поисками русских романтиков такой универсальной теории, которая бы давала возможность преобразования мира. Поэтому поиски эти связывались романтиками с философским осмыслением действительности, с осознанием собственной самобытности, связанной с пониманием уникальности своих культурных задач и социальных условий. Благодаря романтизму, как культурному явлению, появляется возможность осознать свои национальные корни, свою историю, многовековые традиции. Русские романтики, в рядах которых были и будущие славянофилы, и будущие западники, считали, что вполне возможно осуществление их идеалов, а для этого необходимо создать свою национальную культуру, литературу, отойти от подражательности Западу. Эти задачи ставили в ряде своих статей Любомудры Д. Веневитинов, В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский в своих «Обозрениях...», статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» и др., В.Г. Белинский в «Литературных мечтаниях», А.С. Хомяков в стихотворениях и драме «Вадим». Все они ратовали за особую роль русской культуры, которая, по их мнению, призвана реализовать идеалы народности, вольности, свободы личности, творчества.

Известно, что П.Я. Чаадаев своими «Философическими письмами» «разбудил», выражаясь словами Герцена, русскую интеллигенцию. Это философское «пробуждение» проходило в болезненном процессе национального и исторического «самонахождения». Чаадаев сформулировал антитезу «Россия – Запад» и показал, чем же отличается, на его взгляд, развитие России от развития Запада, и выдвинул идею о том, что русские могут строить свое будущее, используя исторический опыт народов Европы, и могут избежать их ошибок, повинаясь голосу просвещенного разума и сознательной воли. Его выводы явились концентрированным выражением формирующегося национального самосознания, а также тех процессов, которые происходили в русской культуре и связывались, прежде всего, с разделением общества на приверженцев разума и сторонников веры, на защитников индивидуальности и сторонников общинности, на проповедников гражданской жизни и жизни в народе. П.В. Анненков писал: «Образованный русский мир как бы впервые очнулся к тридцатым годам, как будто внезапно почувствовал невозможность жить в том растерянном умственном и нравственном положении, в каком оставался до толе. Общество уже не слушало приглашений отдаться просто течению событий и молча плыть за ними, не спрашивая, куда несет его ветер. Все люди, мало-мальски пробужденные к мысли, принялись около этого времени искать, с жаром и алчностью голодных умов, основ для сознательного разумного существования на Руси. Само собой разумеется, что с первых же шагов они приведены были к необходимости, прежде всего, добраться до внутреннего смысла русской истории.... Только с помощью убеждений, приобретенных таким анализом, и можно было составить себе представление о месте, которое мы занимаем в среде европейских народов».¹ И далее он приходит к мысли, что «образованный русский мир» должен искать «основы сознательного существования» на Руси, обращая свои взоры на Запад. Очерчиваются как бы два пути: или нам продолжать учиться у Запада, или попробовать мыслить самих себя как русских людей. Запад мыслился Анненковым как сознательное разумное начало, и соотнесенность с ним означала бы возможность утвердить собственную сознательную разумность. Этой западнической позиции славянофилы предложили свое понимание: они утверждали свою исконно русскую сознательную разумность, так как западная разумность абстрактна и отвлеченна. Но при всех отличиях обе эти позиции обращались к Западу, так как он играл для них роль «своего другого». И только в сопоставлении с ним можно было бы ответить на вопросы о судьбе России, о месте, которое занимают русские в семье европейских народов. Поэтому весьма насыщенная событиями эпоха 20 – 40-х годов XIX века в России породила два своеобразных явления под названием «славянофильство» и «западничество», которые выразили своеобразную «внутреннюю» диалогичность русской культуры. Можно сказать, что недифференцированность в этом смысле русской культуры предшествующей эпохи («любомудры», декабристы, Пушкин) резко разделилась в 40-е годы на эти две культурологические программы. И славянофильство, и западничество XIX века имели своих предшественников в отечественной интеллектуальной истории.

Мы не будем подробно останавливаться на анализе теоретических положений их предшественников, отметим только, что об этом достаточно подробно писали в свое время В. Белинский, А. Пыпин, П. Виноградов, М. Чадов, С. Дмитриев, В. Кожин, З. Каменский, А. Янов и др.² Многие из них выделяют как отечественные, так и западные тео-

¹ Анненков П.В. Литературные воспоминания. – В кн. Замечательное десятилетие. 1838-1848. – М., 1989. – С. 192-193.

² См. об этом: Белинский В.Г. Сочинения: Ч. I – XII. М., 1859 – 1862, Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. – СПб., 1906, Чадов М. Славянофильство и народное представительство. Политическое учение славянофилов в прошлом и настоящем. – Харьков. 1906, Виноградов П. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. – 1892. – Январь. – Кн. II, Дмитриев С.С. Подход должен быть конкретно-историческим // Вопросы литературы. – 1969. – №1 2, Каменский З.А. Московский кружок любомудров // История философии в СССР. – М., 1968, Кожин В. О главном в наследии славянофилов // Вопросы литературы. – 1969. № 10, Богданов А.В. Западничество в России: история и современность // Философия и общество. – 2008. – № 3, Сумин О. Гегель как судьба России. – Краснодар, ПКГОО «ГЛАГОЛ», 2005 и др.. Анненкова Е.И. Русское смирение и западная цивилизация (спор славянофилов и западников в контексте 40-50-х годов XIX века // Русская литература, 1995. – № 1.

ретические предпосылки. В нашем случае, это, прежде всего, касается немецкой классической философии и немецкого романтизма. В целом, интеллектуальный диалог славянофилов и западников был предопределен национально-исторической и культурной традицией в России. Некоторые исследователи называют эту ситуацию «диалогическим конфликтом» (Ю. Манн), другие спором, борьбой. Но в любом случае, это не просто борьба старого и нового, народного и лженародного, а конфликт разных представлений о народной жизни, это противоборство идей, жизненных ценностей. Эту ситуацию еще можно охарактеризовать как «единство и борьба противоположностей» (В.П. Попов). И с такой позицией можно согласиться, так как эта борьба проходит не только как диалог двух культур, но это еще и диалог внутри одной культуры, который стал возможен благодаря предшествующему «внешнему» диалогу культур, в частности, русской и немецкой культур. Этот «внешний» диалог с западной культурой носил уже опосредованный, подчиненный характер, можно сказать, что русская культура прошла «обучение» у Запада и, приобретая свое самосознание, задумалась над собственными, интересующими её вопросами. М.М. Бахтин отмечал, что диалогичность этого спора – есть «особая форма взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями» и что диалогические отношения между ними – единственная форма отношения, «сохраняющая свободу и независимость» западничества и славянофильства.³ Этот диалог равноправных участников питал русскую культуру, давал ей способность для творческого развития, детерминировал усилия в области, как литературы, так и философии. М. Бахтин назвал этот спор как «безысходное диалогическое противостояние». Данный диалог красной нитью проходит через творчество русских писателей и философов – Ф.М. Достоевского, В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Франка и др. Ф.М. Достоевский считал, что между славянофильством и западничеством нет строгих различий, а А.И. Герцен сравнил славянофилов и западников с двуглавым орлом, у которого головы смотрят в разные стороны, а сердце бьётся одно.

Современный философ А. Гулыга также считает, что в результате этого диалога рождается синтез позиций в виде русской идеи. Этот «великий спор» западников и славянофилов является одной из важнейших особенностей русской культуры вообще и русской классической литературы, в частности, отмечает совершенно справедливо В.П. Попов.⁴ Русская литература, создавая великие образцы своего творчества, была одухотворена этим плодотворным диалогом. В связи с этим, В. Кожин в своей статье «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» высказал глубокую мысль: «Стихия русской литературы – это в основе своей стихия проникновенного диалога, в котором могут равноправно участвовать предельно далекие голоса.... В творчестве всечеловеческого диалога, быть может, прежде всего, и выражается величайшая миссия русской литературы».⁵ Именно эта диалогичность была неотъемлемым свойством русской культуры, русского национального сознания, так как вне этого диалога не могло быть никакой позитивной динамики и творческого развития. В этом споре прослеживается глубокая внутренняя связь, общие закономерности развития культуры, происходит выработка новых ценностных ориентаций, нравственных идеалов. Именно высшие нравственные ценности, которые вырабатывались в этом диалоге славянофилов и западников, соответствовали умонастроению представителей русской культуры и литературы, чье творчество было одухотворено христианскими традициями. В этом диалоге их усилия направлялись не на уничтожение друг друга, а способствовали взаимному духовному обогащению. Например, Ф.И. Тютчев, долгое время проживший в Германии и далекий от ортодоксального славянофильства в свое время писал, что европейский Запад – это всего лишь одна половина великого органического целого. Те трудности, которые претерпевает Запад, могут быть преодолены только с помощью другой половины. Он имел в виду, конечно же, Россию. В творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева и других ярчайших представителей русской литературы I половины XIX века можно выделить общую со славянофилами методологию освещения, как коренных вопросов бытия, так и различных явлений жизни. В их фило-

³ Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. – М., 1996. С. 341-349.

⁴ См. Попов В.П. Славянофильство и творческие искания русских писателей XIX века. Автореф. на соискан. доктора филос. н. – М., 1995.

⁵ Кожин В.В. О русском национальном сознании. – М., 2002, С. 178-179.

софско-литературном творчестве, связанном с духовно-эстетическими исканиями, разорванностью русской жизни, выражался менталитет русской культуры. В начале XX века Н. Бердяев писал: «Давно уже пора приступить к серьезному исследованию славянофильства и оценке его значения в истории нашего самосознания... И пора признать, что славянофилы были лучшими европейцами, людьми более культурными, чем многие, многие наши западники. Славянофилы творчески преломили в нашем национальном духе то, что совершалось на вершине европейской и мировой культуры». И тут же отмечает, что «главная заслуга и своеобразие славянофилов в том, что они впервые отнесли к западным и мировым идеям творчески и самостоятельно. ...Славянофилы определили русскую мысль как религиозную по преимуществу. В этом их неумирающая заслуга».⁶

О славянофильстве написано немало, но, несмотря на это, споры вокруг них и их философии до сих пор не утихают. Например, Э.В. Смирнова отмечает, что в славянофильстве как определенном теоретическом феномене можно рассмотреть три важнейших компонента: социальный (сельская община), национальный (вопрос об особенностях русского исторического развития) и теоретический (религиозно-идеалистическая философия, направленная против рационализма и смыкающаяся с решением проблемы вероисповедания).⁷ Но мы не должны забывать, что славянофильство являлось еще и литературным явлением, специфически воплощающимся в художественных поисках писателей и поэтов того времени (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К. Аксаков, Ф.И. Тютчев и др.). Ученые пытаются разобраться в сущности славянофильского мировоззрения, выяснить истоки этого литературно-философского и культурологического течения общественной мысли I половины XIX века. До недавнего времени это явление рассматривалось чаще всего с какой-то одной стороны: как историческое, социально-политическое, социально-экономическое, литературное явление. Известно, что начало традиции выделения какого-то одного компонента при характеристике славянофильства положил в свое время А. Герцен, который считал, что главным в этом направлении является открытие русской сельской общины. Эту традицию поддержал В. Соловьев, который считал, что лицо славянофильства – это националистическая направленность. Несколько позднее Н. Бердяев исходил из такой же методологической установки при характеристике славянофильства. Он считал, что историческое значение славянофильства состоит в формулировании «русской идеи», русской религиозной философии. С этим можно согласиться, но, на наш взгляд, правы те современные философы, которые исходят из необходимости рассмотрения этого явления как целостного учения. Только такой методологический подход дает возможность всесторонне и комплексно рассматривать этот многогранный и многоаспектный феномен. В этом направлении работают современные исследователи Н.И. Цимбаев, В.И. Порох, В.А. Кошелев, В.И. Кулешов, К.Н. Ломунов, Ю. Янковский, Э.В. Смирнова, Б.Ф. Егоров и др. Философские аспекты творчества славянофилов достаточно подробно рассматриваются в работах С.Н. Носова, Т.И. Благовой, Э.А. Каменского, В.С. Федорова, В.Г. Шукина, Л.Г. Королевой и др. Наш интерес лежит в плоскости формирования литературно-философских взглядов славянофилов, исходя из той общественно-исторической обстановки и тех диалогических отношений с западниками, которые складывались в 30-40-е годы XIX века в России. Кроме этого, славянофильство является также ответом не только на вызовы России, но и на те процессы, которые проходили в Европе в это же самое время. Поэтому, мы считаем, что нельзя понять славянофильство, руководствуясь только анализом духовной ситуации внутри России, но необходимо учитывать и широкий контекст общеевропейской ситуации, исторической и общественной мысли. Известно, что славянофильство сформировалось как самобытное идейное течение в конце 30-х годов XIX века, а точнее, в 1839г, когда вышла статья А.С. Хомякова «О старом и новом». Известно также, что это мог быть и 1836 год, когда было опубликовано первое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева. Но все дискуссии по поводу этой публикации были запрещены Николаем I. Русскими мыслителями Хомяковым, Чаадаевым, Киреевским, написавшими ответ Хомякову, руководила в это время одна мысль – о месте, судьбе и предназначении России и русских в общеисторическом развитии.

⁶ Бердяев Н.А. А.С. Хомяков. – М., 1912. – С. V.

⁷ Смирнова Э.В. К спорам о славянофильстве // Вопросы философии. – 1987. – № 11. – С. 122.

В нашем исследовании мы солидарны с той позицией, которая была высказана Н. Бердяевым и сводящаяся к тому, что славянофилы были «теми русскими людьми, которые стали мыслить самостоятельно, которые оказались на высоте европейской культуры, которые не только усвоили себе европейско-всемирную культуру, но и пытались в ней творчески участвовать....Лучше западников впитали в себя славянофилы европейскую философию, прошли через Шеллинга и Гегеля,— эти вершины европейской мысли той эпохи. Главная заслуга и своеобразие славянофилов не в том, что они были независимы от западных и мировых влияний и черпали все лишь на Востоке, а в том, что они впервые отнесли к западным и мировым идеям творчески и самостоятельно, т. е. дерзнули войти в круговорот мировой культурной жизни».⁸ Известно, что Бердяев не отрицал зависимость славянофильства от романтизма, так как такое отрицание означало бы полный разрыв с европейской культурой, но он также подчеркивал, что, пройдя через Шеллинга и Гегеля, славянофилы создали самобытную православную философию.

Можно также отметить, что многие проблемы развития России, развития её культуры рассматривались славянофилами через призму сопоставления с Западом. В свое время И. Киреевский отмечал, что вопрос об отношении русского просвещения (здесь он имел в виду всю русскую культуру)⁹ и западного имеет очень важное значение, столь важное, что от его решения может зависеть не только развитие нашей литературы, но и всей умственной деятельности, а также характер общественных отношений. Поэтому теоретические поиски славянофилов во многом отражались на их практических программах изменения России. Славянофилы критически относились к общественно-политической ситуации в Европе, поэтому они предлагали свои пути решения проблемы преобразования мира. На этом основании в философской литературе существуют две точки зрения. Согласно первой, якобы при выработке своих рекомендаций по преобразованию мира славянофилы почти не используют европейский культурный опыт, основываются исключительно на византийско-богословских источниках, тем самым, отрицают связь славянофильства и романтизма.¹⁰ Согласно второй точке зрения, которую разделяем и мы, славянофилы во многом связаны с некоторыми западными культурологическими программами, конечно же, наряду со святоотеческими поисками. Мы имеем в виду связь славянофильства и немецкого романтизма, немецкой идеалистической философии. На чем же основывается такой подход? В качестве основных характеристик, сближающих романтизм и славянофильство, можно выделить, во-первых, резко отрицательное отношение к капиталистическим и модернистским преобразованиям в Европе, во-вторых, как следствие первого идеализация патриархального общества, старины, в-третьих, полное неприятие рационализма Просвещения и противопоставления этому идеи органического развития, в-четвертых, это традиционализм и как следствие, в-пятых, глубокая внутренняя связь с религией. Но были и отличия, прежде всего связанные с пониманием славянофилами особенностей исторического развития России, её специфических проблем, её отношением с Западом и, что очень важно, отличия, связанные с характером вероисповедания. Бердяев, в частности, писал: «Религиозная вера лежит в основе и всякой цивилизации и всего пути истории и в философской мысли. Этим определяется различие между Россией и Западной Европой. В первооснове России лежит православная вера, в первооснове Западной Европы лежит вера католическая»¹¹. Исходя из этих установок, славянофилы считали необходимым создание собственной русской философии, о чем вполне определенно высказывался И. Киреевский. Русские мыслители, осмысливая западный опыт, исключали возможность слепого подражания западным философским учениям. Они рассматривались ими по принципу полезности для создания собственной философии, какие идеи и установки немецкой философии могут использоваться для этой цели. Вместе с тем, основной идеей философии, составляющей духовную особенность русской жизни, по их мнению, должно стать православие.

⁸ Бердяев Н.А. А.С. Хомяков. – М., 1912. – С. VI.

⁹ В статье «Деятельный век» термины «просвещение» и «образование» приобретают вполне определенное значение, которое несколько позже будет охарактеризовано Ап. Григорьевым, Н. Страховым и Н. Данилевским как «культура».

¹⁰ См. Goerdts W. Vergottlichung und Gesellschaft. Studien zur Philosophie von Ivan V. Kireevskij Wiesbaden, 1969.

¹¹ Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. – 1990. – № 1. – С. 100.

Таким образом, для создания собственной философии славянофилы обратились как к немецкому романтизму, так и к немецкой классической философии. Известно, что именно к Шеллингу и Гегелю было приковано внимание славянофилов. Усвоение, осознание их философских взглядов является первым шагом, по мнению Киреевского, к созданию собственной философии. А вторым шагом является творческое развитие её с учетом собственных интересов и осознания самих себя, собственных духовных приоритетов.

В современной философской литературе бытуют разные точки зрения на то, кто же из названных философов оказал большее воздействие, чьи идеи были более близки славянофилам. Однозначно ответить на этот вопрос достаточно сложно, ведь само течение славянофилов было достаточно неоднородным, и у каждого мыслителя были свои приоритеты, свой идейный путь развития. Но на наш взгляд, философия Шеллинга была более востребована в среде славянофилов, так как многие из них прошли «путь любознательности» и увлечения романтизмом. Но, отдавая должное гегелевской философии, необходимо отметить, что его философия истории была востребована славянофилами при построении собственных историософских идей. Немалый вклад в разработку этих идей также внесли работы романтика Ф. Шлегеля, в частности, его «Философия истории». Известно, что Шеллинг оказал большее влияние на духовное развитие И. Киреевского-романтика. Но в целом отношение к шеллинговской философии у славянофилов было весьма избирательным и, прежде всего, в силу их установки на создание собственной философии, а также еще и потому, что отношение к различным частям учения Шеллинга было неоднозначным. Круг философских интересов славянофилов очерчивался проблемами человека, истории, культуры, религии, а натурфилософские исследования Шеллинга интересовали их в меньшей степени, хотя некоторые идеи, понятия «организма», «органического развития» и «полярности» весьма оригинально были осмыслены и представлены в творчестве славянофилов. Понятие «организма» Шеллинг распространял на всю природу, рассматривал её как единое живое целое. Романтики и Шеллинг идею мира как организма, которому присуще спонтанное развитие, противопоставляли пониманию мира как механического соединения различных частей. Но славянофилы пошли дальше: они выдвинули концепцию «цельного знания», которая исходила из понимания мира как живого организма. Только при помощи такого знания можно было познавать этот мир. Идея органического развития использовалась славянофилами, в частности, Хомяковым в создании концепции всемирной истории, в которой «все настоящее имеет свои корни в старине». Весьма своеобразно у Хомякова преломлялась и шеллингианская идея «полярности», которую он представлял как свойство органической природы и которая связывалась им с разделением женского и мужского начала. Идея «полярности» относилась к миру «вещественности» и царящей в этом мире необходимости. Она являлась характерной чертой религий «кушитского» типа, так как в них есть двойственность божественного мира и действительности. Формой развития в «кушитстве» является триада. Хомяков отмечал, что «мир божества, еще отвлеченного, разлагается на органическую полярность и воспроизводит сам себя в действительности. Он воплощается расхождением своих двух внутренних начал. Вот основа кушитства и религии».¹² А «иранству» двойственность, полярность несвойственны, так как Бог есть начало нравственное и благое, в нем не может быть противоположных начал. Вот этот дуалистический характер философско-исторической концепции Хомякова качественно отличает её от философии истории Шеллинга. Хомяков считал, что вся история развития человечества есть борьба различных религий (иранство и кушитство) и связанных с ними культур. В конечном счете, это различие Запада, в котором христианство искажено под воздействием кушитства и Востоком, к которому Хомяков относил в первую очередь Россию, где иранское начало получило свое завершение в истинном христианстве – православии. По выражению Н. Бердяева, такое деление в истории на иранство и кушитство является самой оригинальной и гениальной идеей Хомякова. Некоторые исследователи считают, что в таком делении истории человечества у Хомякова, который, по всей видимости, был знаком с работой Ф. Шлегеля «Философия истории», есть некоторое сходство с подходом Ф. Шлегеля к истории. Они оба исходили из деления человечества с ещё доисторических времен на две

¹² Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: 3-е изд. – М., 1900-1906. – С. 31-32.

группы, различающихся своим отношением к религии, на «мирные» и «воинственные». Но философские построения Хомякова качественно отличались от построений Ф. Шлегеля. Если для Шлегеля причина «раздвоения» человеческого рода находится в природе самого человека и трактуется как религиозность и атеизм, то для Хомякова причиной такого «раздвоения» является «отступничество» одного из древнейших библейских племен, выражающееся в противостоянии двух типов религии. При этом Хомяков уделял большое значение противопоставлению свободы и необходимости, на что совсем не обратил внимания Ф. Шлегель. Из «Системы трансцендентального идеализма» славянофилы своеобразно интерпретировали идею непосредственности знания (интеллектуальной интуиции), которое, по выражению И. Киреевского, «было только предчувствием будущего направления» мысли Шеллинга, связанного с критикой рационализма. Идеи философии тождества Шеллинга также творчески пересматривались славянофилами. Например, А. Хомяков отмечал, что Шеллинг «дает разумное оправдание природе, представив её отражением духа»¹³. Но такое понимание не устраивало славянофилов, и они в своих философских исследованиях разграничивали духовный и реальный миры, противопоставляя друг другу свободно творящий дух и находящуюся в тисках необходимости «вещественность». Философия откровения также рассматривалась славянофилами с критической точки зрения. Это в первую очередь касается их отношения к религиозным поискам Шеллинга, которые они не принимали, так как для них вопрос с верой был решен вполне определенно в православных традициях. И. Киреевский точно и афористично определил духовные движения Шеллинга в этом направлении: «Жалкая работа – сочинять себе веру..., – отмечал он. Его христианская философия «явилась и не христианскою и не философией: от христианства отличалась она самыми главными догматами, от философии – самым способом познания».¹⁴ Что же касается философии мифологии Шеллинга, то отношение к ней в целом было критичным: у Киреевского в его работе «О необходимости и возможности новых начал для философии» – менее критично, а вот Хомяков высказывался в своих работах по поводу её более жестко: «Ряд блестящих заблуждений, перемешанных с высокими истинами, не связанных между собою разумной мыслью, проблески поэтических догадок, затерянных в тумане произвольной гностики: такова последняя эпоха Шеллинга, о которой Киреевский в своей последней статье говорил с такою горячею любовью и с таким скорбным сочувствием».¹⁵ Таким образом, и Киреевский, и Хомяков в творческом диалоге с Шеллингом вполне определенно обращают внимание на одни положения его философии и совсем не обращают на другие. Это связано с тем, что многие немецкие философские схемы не вписываются в то философское проектирование, какое складывается у славянофилов.

Вполне определенный диалог вели славянофилы и с Гегелем. Его философия казалась им вершиной развития рационализма. Славянофилы считали, что гегелевская философия является примером несостоятельности рационализма, невозможности при помощи рассудочности и логичности познать реальную действительность. Этот факт являлся доказательством того, что западноевропейский рационализм принципиально ограничен, о чем неоднократно говорили «старшие славянофилы». Но первым философом, обратившимся к гегелевской философии, был И.В. Киреевский, хотя философия Шеллинга его привлекала больше. Киреевский первый славянин, посетивший лекции Гегеля в 1830 году. Этот факт он очень красочно описывает в письме к своей матери А.П. Елагинной от 20 февраля 1830г., характеризуя как самого Гегеля, так и его философию. После посещения дома Гегеля и философских бесед с ним и его немецкими единомышленниками, Киреевский отдает должное его философской системе. Но это не помешает ему в своей работе «О необходимости и возможности новых начал для философии» в 1856 году весьма критично подойти к гегелевской философии. Из этой работы видно, что Киреевский пытается провести разницу между рассудочной мыслью и спекулятивно-разумной: «Разум, как его понимает последняя философия, не смешивает себя с логическим рассудком, заключающимся в формальном сцеплении понятий и движущимся посредством

¹³ Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: 4-е изд. – М., 1900-1914. – Т. I. – С. 290.

¹⁴ Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1984. – С. 270-271.

¹⁵ Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: 4-е изд. – М., 1900 – 1914.

силлогистических выводов и доказательств. Разум в последнем своем виде выводит свое знание, по законам умственной необходимости, не из отвлеченного понятия, но из самого корня самосознания, где бытие и мышление соединяются в одно безусловное тождество. Его мыслительный процесс заключается не в логическом развитии, движущимся посредством отвлеченных умозаключений, но в развитии диалектическом, исходящем из самой сущности предмета»¹⁶. В этом отрывке мы видим, что он вроде бы следует логике гегелевской мысли о «единстве мышления и бытия», но это не так. Это означает лишь то, какое мнение высказывает сознание, рассудок о разуме, а не высказывание разума о разуме. Мыслимый предмет и само мышление для Киреевского не одно и то же. Когда Киреевский говорит о всеобщности мысли, то в действительности мышление выступает у него как деятельность, помимо которой существует еще некое бытие, не сводимое к мысли. Это является причиной того, что Киреевский ставит «границы» разуму: «Но высказав свое последнее слово, философский разум дал вместе с тем возможность уму сознать его границы»¹⁷. Киреевский говорит о «внутренней природе разума», которая превосходит «формальность логического сцепления». Представления о «внутренней природе ума» связываются им с «умозрительными творениями святых отцов». «Внутреннее устройство разума», которым пользуется Киреевский, это, прежде всего, собирание воедино всех духовных способностей, логического мышления, воли, нравственных и эстетических чувств, которые должны быть в единстве. Только тогда человеку откроется высшая истина. Ведь известно, что человек, по Киреевскому, это, прежде всего, носитель православной культуры и целостного сознания.

Таким образом, Киреевский, как представитель русской культуры, в своем диалоге и критическом отношении к шеллингианской и гегелевской философии, как ярчайшим проявлениям немецкой культуры, вырабатывает свою позицию, свое понимание «положительной философии», т. е. такой философии, которая была бы способна согласовать веру и разум и могла бы открыть путь к подлинному познанию истины.

Многие идеи в отношении И.В. Киреевского к Гегелю разделяли и другие славянофилы, например, А.С. Хомяков, который вел свой диалог с гегелевской философией и не принимал её рационалистической и абстрактной логики. Он считал, что логическим путем нельзя познать истину, поэтому необходим ещё религиозный путь. Д.И. Чижевский в своем труде «Гегель в России» очень точно выразил суть отношения Хомякова к Гегелю: «Гегель и гегельянцы – последняя и наивысшая ступень в развитии философии, необходимо уничтожающая себя самое и доказывающая недоступность конкретного логическому познанию. На логическом пути нельзя достичь истины. Остается религиозный путь. Абсолютное бытие выше категорий рассудка и отражается в них только искаженно и неполно. Гегель же остается в сфере рассудка»¹⁸. Хомяков выступал против онтологизации логики у Гегеля, так как она приводит к извращенному изображению действительно пути познания, в связи с тем, что в действительности логически познаваемое предшествует познанию. Поэтому гегелевская логика, считал Хомяков, есть явление бесплодное, хотя и может принести определенные положительные плоды, если её рассматривать как изучение категорий, через которые дух сущий стремится к собственному самопознанию. Такое понимание Хомяковым гегелевской «Логики» было связано с убеждением в том, что духу как мировому началу развитие несвойственно, оно возможно только у духа, воплощенного в человеческом сознании. Обвинял Хомяков гегелевский, да и весь рационализм немецкой философии в отсутствии понятия воли, которая понималась им как «свобода в положительном проявлении». Ведь для славянофилов идея свободного творения мира Богом была одной из основополагающих аксиом. Хомяков достаточно подробно развивал эту идею в своем труде, посвященном всемирной истории.

Необходимо отметить, что ранние, или как иногда говорят «старшие славянофилы», так же как и романтики, идеализировали общественные отношения, свойственные преиндустриальному обществу и основанные на традиционализме. В таком же духе трактовалось ими и понятие народа, народного самосознания. Славянофилы, как и немецкие

¹⁶ Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1984. – С. 267-268.

¹⁷ Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1984. – С. 267.

¹⁸ Чижевский Д.И. Гегель в России. – Париж, 1939. – С. 188.

романтики, утверждали важность и необходимость познания «народного духа», а также высказывались за органическую связь со своим народом, так как все добродетели находятся только в русской народности. Эти понятия развивались органически последовательно из развития культуры всего народа и были связаны с самыми разными слоями общества, начиная от «простого пахаря» и заканчивая «высшими проявлениями научного и художественного творчества нации». Культура того или иного народа в различной степени может испытывать влияние со стороны другой культуры, но такое влияние проявляется в ней при условии соответствия требованиям внутреннего развития народа и в соответствии с её собственным характером. Поэтому славянофилы, признавая органическое и своеобразное развитие Запада, выступали за восстановление органической целостности развития русской культуры, которая была нарушена в результате реформ Петра I. Они считали, что различие культур Запада и России, основанных на отличии западных вероисповеданий и православных, носит принципиальный характер. Но в то же время, известно, что славянофилы неоднозначно относились к достижениям западной культуры, они не могли отвергать её достижения, во-первых, потому что они считали Запад христианским, хоть и «неистинным», а просвещение «неполным» и «односторонним», а во-вторых, они понимали, что русская культура, взявшая очень много у западной, не может быть оторванной от неё. Но, несмотря на это, русская и западная культура развивались из разных оснований. По мнению славянофилов, в основе одной лежит «цельность духа», а в основании другой – рационализм. Поэтому, считали они, ни допетровский быт, ни введение западного образа жизни не приемлемо для России. Необходимо найти третий путь, соединяющий эти противоположности, считал Киреевский. Такую позицию мыслителя В. Гердт обозначает как «трансцендентально-диалектическую».¹⁹ Он полагал, что у Киреевского процесс раздвоения единого начала (христианства) на противоположности русского и западного стиля мышления, обусловленного различным типом вероисповедания, должен закончиться примирением этих противоположностей на основе объединения западного Ratio и русского религиозного стиля мышления. Поэтому, конвергенция рациональной западной культуры и духовно-мистической культуры России предполагает синтез, примирение рационального и духовного начал в человеческом духе. Эта идея Киреевского, якобы является основной в его философии, считал Гердт. Но эта позиция В. Гердта подвергается серьезной критике другими мыслителями. Так, например, З.В. Смирнова высказывает, на наш взгляд, интересную мысль о том, что у Киреевского «примирение» русской и западной культур как противоположностей не носит диалектического характера. Так как западная культура уже достигла своего пика и развивается «односторонне» на основе рациио. Дальнейшее развитие её возможно только при условии влияния на неё плодотворных начал русской культуры, считал Киреевский. Поэтому, отмечает З.В. Смирнова, идея соединения западной и русской культур в какую-то третью единую культуру возможна только при условии подчинения одной культуры другой, а не на их диалектическом синтезе. Сопоставляя позиции Киреевского и Хомякова по этому вопросу, можно сказать, что позиция Хомякова была более радикальной, так как он отказывал западной цивилизации в праве считаться христианской, в отличие от Киреевского, который готов был признать право у западной цивилизации называться таковою. Хомяков считал, что в христианское учение проникло кушитское начало, которое исказило его, тем самым, сблизив с язычеством. Поэтому в основе западной культуры оказывается не христианство, а язычество. Такое понимание западной культуры означало, что христианство не может быть основанием синтеза русской и западной культур. Это также означало, что эти противоположности, т. е. истинное христианство и западное, зараженное язычеством, не могут быть примирены.

Таким образом, подводя итог творческому диалогу между славянофилами и философией Шеллинга и Гегеля, необходимо отметить, что славянофилы, во-первых, считали их философию вершиной развития философской мысли в Европе. Во-вторых, они полагали, что в эволюции философии Шеллинга от системы тождества к религиозно-иррационалистической философии откровения проявился кризис всей культуры и фило-

¹⁹ Goerd W. Vergottlichung und Gesellschaft. Studien zur Philosophie von Ivan V. Kireevskij. – Wiesbaden, 1969. – S.34.

софии Европы, приведший её в тупик. В-третьих, они полагали, что Шеллинг был гениален в том, что убедился в ограниченности логического познания и высказался о необходимости божественного откровения. Это славянофилы интерпретировали как необходимость «живой веры» как высшей разумности и «стихии познания», по мнению Киреевского. В-четвертых, вследствие критики логического познания они предлагали ввести в познание нравственные основания, которые могут быть получены только при помощи веры. В «цельном знании», считали они, разум добровольно подчиняется вере, а необходимым условием этого знания является единство всех духовных сил человека и его познавательных способностей. В-пятых, в рамках критики того же рационализма и индивидуализма, славянофилы, прежде всего в лице Хомякова, разработали концепцию «соборности», которая предстает как общность людей, объединенных верой в православные ценности, которые гарантируют духовную ценность личности, свободу каждого и единство всех членов общества. В-шестых, они считали, что европейская философская мысль самостоятельно не сможет найти нужный и верный путь развития, поэтому ей должна помочь русская культура, основанная на «истинном христианстве» – православии. Тем самым они включали Россию в эстафету всемирно-исторических государств, сменяющих друг друга по мере совершенствования религиозных форм.

Славянофилы в своем становлении и развитии вели творческий диалог не только с западной философией, в лице Шеллинга и Гегеля, но и с западниками. В целом, западничество выражало идеологию определенной части интеллигенции, которая из поколения в поколение воспитывалась на идеалах западной культуры и была заинтересована в ускорении экономического и технического прогресса России в направлении, указанном Западной Европой. Значимость национальной культуры была наваяна, как западникам, так и славянофилам, идеями немецкой классической философии, в частности, мыслью Шеллингом о том, что каждая народность выражает какую-либо сторону всемирной культуры человечества, и тезисом Гегеля о существовании исторических и неисторических народов. Но если Шеллинг верил, что Россия внесет свой вклад в развитие мировой культуры, то Гегель считал, что мировой дух нашел свое выражение в германском народе, но остановился у границ славянского мира, обрекая эти народы на духовную зависимость и подражательство. Как видно, немецкая классическая философия в лице Шеллинга и Гегеля сделала возможным и необходимым обращение России к самой себе, а также выяснения собственного места среди других народов.

Славянофилы и западники пошли разными путями в решении этих проблем. Например, проблема свободы личности, которая весьма интересовала эти противоборствующие и диалогически общающиеся лагеря, у славянофилов понималась через призму соборности, т.е. предполагалось духовное общение личности с полнотой всей Церкви. Хомяков считал, что основной принцип Церкви заключается не в повиновении внешней власти, а в совместном отыскании путей к спасению. В связи с этим, Хомяков разрабатывает концепцию соборности, которая предстает у него как единение людей на основе веры их в православные ценности, которые гарантируют духовную ценность личности, свободу каждого и единство всех членов общества. Западники же, ориентируясь на романтический культ личности, доводили понимание свободы личности даже до индивидуализма. Свободные чувства, свободные мнения, свободные поступки становятся идеалом для западников. Известно, что в дальнейшем такая абсолютизация личности, поднявшейся над бытом, привела Бакунина, Боткина к разрушению и ликвидации всех норм и обязанностей, о чем свидетельствует их жизненный путь. Н.В. Станкевич, как основатель кружка западников, зимой 1831-1832 гг., прошел весьма интересный путь своего духовного становления. Известно, что он был близок многим идеям «любомудров». Так, например, в своем раннем философском трактате и в своей поэзии он продолжает вневитиновскую тему конфликта нравственно-совершенной личности с развращенным обществом. Эту мысль он развивает в своей повести «Несколько мгновений из жизни графа Z». Ещё не знакомясь с философией Шеллинга, Станкевич через общение с «любомудрами» а также при помощи своих учителей – русских шеллингианцев Павлова и Надеждина усваивает многие её положения. В 1833 году он написал свой философский труд «Моя метафизика», в котором главными вопросами были отношения человека к природе и «Разумению», место человека в мире, его смысло-жизненные цели и каков должен быть его нравственный идеал. Эти три составные части его работы предполагают некое соответствие с «Системой трансцендентальной фи-

лософии» Шеллинга. Вообще понимание философии Шеллинга пришло к Станкевичу после изучения кантовской философии, которая послужила «основанием системе Шеллинга» не только в «трансцендентальной», но и в «натуральной философии». Исходя из этого, он рассмотрел шеллингову концепцию развития самосознания до стадии разума и стал более подробно анализировать природу. Раздумывая над дальнейшим путем развития философии, он предположил, что возможно соединение философии и религии, что собственно и произошло в философии Шеллинга в дальнейшем.

В целом, если рассматривать продуктивный диалог Станкевича и шеллингианской философии, то необходимо отметить, что Станкевич больше склонялся к «практической философии» Шеллинга, считая её попыткой согласования закономерностей природы и человеческой истории как воспитания человеческого рода. Но, по мнению Станкевича, Шеллинг видит природу человека не в любви, не в стремлении людей друг к другу, а в эгоизме. Кроме этого, Станкевич полагал, что Шеллинг не придавал должного значения искусству и науке. Он считал, что необходимо заниматься и историей, и философией, что даст возможность соединения разнообразных фактов и идей – это может быть идеалом знания как такового. Станкевич обращается к философии Гегеля. Он ценил в его философии, как и в эстетике романтиков, идею единства идеала и жизни, идеала и действительности. Но и гегелевская философия полностью не удовлетворяла Станкевича, он подходил к некоторым ее положениям весьма критично. Он говорил о сухости, призрачности изложения категорий в «Логике», а также о том, что гегелевское понятие «разумной любви» (в «Философии права») он хочет понимать по-своему.

Таким образом, изучая немецкую философию, Станкевич приходит к своим выводам о единстве опыта и умознания, предполагающего отказ от пустого «трансцендентализма», а также к мысли о единстве идеала и жизни, о «действительности» как важнейшей категории эстетики и философии, к разделению философии и религии. Он считал, что единство философии и истории помогут решить ему проблему нравственно совершенной личности как основы создания совершенного общества. Вообще, необходимо отметить, что между славянофилами и западниками как двумя постоянно диалогически общающимися лагерями русской культуры были идейные расхождения, но были и общие взгляды на те или иные проблемы. В частности, и те, и другие критиковали общественно-политический уклад России, представляли идеал обустройства будущего общества, имеющего религиозно-духовную основу, о чем неоднократно упоминал С. Франк в своей работе «Русское мировоззрение». Он справедливо отмечал, что «суровые оппоненты славянофилов, так называемые «западники» ... и сами не так уж далеко от этого духовного направления». Сопоставляя высказывания представителей этих направлений, он констатирует: «И мышление «западников» – Чаадаева, Герцена, Белинского – внутренне определено лейтмотивом славянофилов, т.е. идеалом конкретного универсализма, интегрирующей тотальности общественной и в то же время свободной человеческой жизни».²⁰ Таким образом, анализируя эти два течения в русской культуре, можно сказать, что во многом они были схожи, выступали мнимыми оппонентами друг другу, но были и принципиальные вопросы, по которым у них не было согласия: одни игнорировали своеобразие русской культуры, условия её обусловившие; другие абсолютизировали угрозу, идущую с Запада, исключали возможность плодотворного взаимообогащающего диалога культур, где обе культуры выступают равнозначными партнерами, без подавления и угнетения какой-либо культуры. Этот диалог, как единство и борьба противоположностей, отразил в совокупности своеобразие русского менталитета, русской культуры.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что культурный диалог между западной и русской культурами, славянофилами и западниками, а также другими течениями общественной мысли России 40-50-х годов XIX века может быть назван полифоническим диалогом, в котором создается благоприятная почва для дальнейшего развития русской культуры, в основе которой лежит православное христианство. В её недрах формируется цельная, законченная историко-философская и социально-политическая доктрина. Славянофильская концепция представляет собой первый опыт создания русского общественного самосознания, становления его самобытных основ.

²⁰ Франк С. Русское мировоззрение // Общественные науки и современность. – 1991. – № 1. – С. 185-186.

Список литературы

1. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – В кн. Замечательное десятилетие. 1838-1848. – М., 1989. – С. 192-193.
2. См. об этом: Белинский В.Г. Сочинения: Ч. I – XII. М., 1859 – 1862, Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. – СПб., 1906, Чадов М. Славянофильство и народное представительство. Политическое учение славянофилов в прошлом и настоящем. – Харьков. 1906, Виноградов П. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. – 1892. – Январь. – Кн. II, Дмитриев С.С. Подход должен быть конкретно-историческим // Вопросы литературы. – 1969. – №1 2, Каменский З.А. Московский кружок любушевичей // История философии в СССР. – М., 1968, Кожин В. О главном в наследии славянофилов // Вопросы литературы. – 1969. № 10, Богданов А.В. Западничество в России: история и современность // Философия и общество. – 2008. – № 3, Сумин О. Гегель как судьба России. – Краснодар, ПКГОО «ГЛАГОЛ», 2005 и др.. Анненкова Е.И. Русское смирение и западная цивилизация (спор славянофилов и западников в контексте 40-50-х годов XIX века // Русская литература, 1995. – № 1.
3. Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. – М., 1996. с. 341-349.
4. См. Попов В.П. Славянофильство и творческие искания русских писателей XIX века. Автореф. на соискан. доктора филос. н. – М., 1995.
5. Кожин В.В. О русском национальном сознании. – М., 2002, С. 178-179.
6. Бердяев Н.А. А.С. Хомяков. – М., 1912. – С. V.
7. Смирнова Э.В. К спорам о славянофильстве // Вопросы философии. – 1987. – № 11. – С. 122.
8. Бердяев Н.А. А.С. Хомяков. – М., 1912. – С. VI.
9. В статье «Девятнадцатый век» термины «просвещение» и «образование» приобретают вполне определенное значение, которое несколько позже будет охарактеризовано Ап. Григорьевым, Н. Страховым и Н. Данилевским как «культура».
10. См. Goerd W. Vergottlichung und Gesellschaft. Studien zur Philosophie von Ivan V. Kireevskij Wiesbaden, 1969.
11. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. – 1990. – № 1. – С. 100.
12. Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: 3-е изд. – М., 1900-1906. – С. 31-32.
13. Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: 4-е изд. – М., 1900-1914. – Т.I. – С. 290.
14. Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1984. – С. 270-271.
15. Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: 4-е изд. – М., 1900 – 1914.
16. Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1984. – С. 267-268.
17. Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1984. – С. 267.
18. Чижевский Д.И. Гегель в России. – Париж, 1939. – С. 188.
19. Goerd W. Vergottlichung und Gesellschaft. Studien zur Philosophie von Ivan V. Kireevskij. – Wiesbaden, 1969. – S.34.
20. Франк С. Русское мировоззрение // Общественные науки и современность. – 1991. – № 1. – С. 185-186.

SLAVOPHILISM AND WESTERNISM AS A CONCEPTUAL OPPOSITION TO DOCTRINES OF CLASSICAL GERMAN IDEALISTIC PHILOSOPHY

T. I. LIPICH

Belgorod State University
e-mail: Lipich@bsu.edu.ru

The article deals with the dialogue of Slavophiles and Westernists with German idealistic philosophy and German romanticism. Russian romanticists including future Slavophiles and Westernists considered that it was necessary to create Russian national culture and literature, to refuse from imitation of the West. The author correlates the views of Homjakov, Kireevskiy, Stankevich to Schelling, Hegel, Schlegel's basic ideas. This dialogue can be called a "polyphonic" dialogue in which the favourable circumstances for the further development of Russian culture with its orthodox Christianity in the basis, are created. The Slavophile concept represents itself the first experience of creation of Russian public consciousness, the formation of its original bases.

Key words: Slavophilism, Westernism, dialogue of cultures.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 13:008:50

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ Н.Н. СТРАХОВА*

Е. А. АНТОНОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Antonov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается диалектическая концепция философии науки Н.Н. Страхова и его отношение к позитивизму, показано соотношение априорного и опытного знания в науке.

Ключевые слова: философия науки, наука, метод, принципы, априорные и опытные знания, органическая диалектика, позитивизм.

Одна из ярких страниц в истории отечественной философии науки неразрывно связана с именем Н.Н. Страхова, мыслителя, литературного критика, ученого, переводчика. Его творческое наследие представляет собой интересную и плодотворную попытку построения оригинальной диалектической концепции философии науки, которая еще не становилась предметом конструктивно-критического осмысления современных исследователей. Следует признать, что вклад Страхова в русскую философию до сих пор не оценен по достоинству, а его творческое наследие остается недостаточно исследованным особенно в области философии науки. Серьезным препятствием для систематических разработок этого вопроса является длительное забвение творчества Страхова, а также то, что свои взгляды по этой проблеме мыслитель излагал фрагментарно, в соответствии с решаемыми для его времени научными задачами. Сегодня ситуация в этой области начинает изменяться. С междисциплинарных позиций начинает изучаться творчество Н.Н. Страхова, переиздаются отдельные его труды и выясняется связь высказанных им идей с современностью. В ряде работ Н.Г. Гаврюшина, Н.П. Ильина и О.Д. Маслобоевой затронуты некоторые аспекты концепции философии науки Страхова¹. Однако до настоящего времени нет исследований, специально посвященных целостному анализу этой концепции. Все это служит основанием для глубокого и многостороннего анализа работ русского мыслителя, вызывает потребность в реконструкции содержащихся в них философско-научных положений.

* Работа выполнена при поддержке гранта №182-рп. 2010.

¹ См.: Гаврюшин Н.Г. Мир как целое. Н.Н. Страхов о развитии естествознания // Природа. – 1982. – №7; Ильин Н.П. Последняя тайна природы // Страхов Н.Н. Мир как целое. – М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007; Маслобоева О.Д. Н.Н. Страхов и отечественная философия науки (посвящается 180-летию со дня рождения мыслителя) // Вопросы философии. – 2009. – №5.

Диалектическую концепцию философии науки Н.Н. Страхова нельзя понять, а тем более объяснить и оценить на основе отдельных положений из различных работ без учета всего комплекса идей, высказанных им в этой области. Поэтому в настоящем исследовании мы попытаемся кратко воспроизвести основные высказывания Страхова в области философии науки, выстроив их в определенном логическом порядке и с учетом их иерархической структуры. При этом мы исходим из того, что философия науки, которой занимался Н.Н. Страхов, это не натурфилософия или философские концепции естествознания, а также, конечно, и не позитивистская концепция науки в каком-либо из ее вариантов. Хотя шеллинговская и гегелевская натурфилософии выступают предпосылкой для самостоятельных рассуждений Страхова, но его отказ от натурфилософии при осмыслении науки вовсе не означал перехода на позиции позитивизма, а являлся началом разработки философских проблем науки с позиций диалектики. Придерживаясь диалектической традиции, Н.Н. Страхов стремился идти вперед, основываясь не только на эмпиризме, но и опираясь на вечные истины, обладавшие всеобщностью и необходимостью. Отсюда его критика позитивизма и разработка диалектики как учения о понятиях.

Для Н.Н. Страхова была характерна органическая диалектика, а не «диалектический органицизм» (Н.К. Гаврюшин). Поэтому он придает диалектике большое значение в научном познании, предвидя время, когда метафизика в ее традиционном понимании «будет вовсе изгнана из наук, то есть из них будут изгнаны всякие попытки воплощать сущность вещей в те или другие частные формы. Тогда априорический элемент, эта душа каждой науки, будет иметь вид не метафизики, а *диалектики*»². Это положение частично созвучно тем идеям, которые высказывали в то же время К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, например, в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс писал, что «из всей прежней философии самостоятельное существование еще сохраняет учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика»³. Такое созвучие во взглядах этих различающихся между собой представителей диалектического осмысления научного развития весьма симптоматично.

Страховская концепция, опирающаяся на предшествующую философскую и научную мысль (как отечественную, так и мировую), обобщает многообразный опыт построения философии науки своего времени. С одной стороны, она связана с предшествующей интеллектуальной традицией, а с другой – с современными ей вопросами, решаемыми на стыке философии и науки. Б.В. Никольский, хорошо знавший Н.Н. Страхова, в свое время утверждал, что «как философ, Страхов является преимущественно методологом ... методология составляла его главнейший философский интерес ... И вот Страхов, как методолог и философ, взял на себя тяжелый и неблагодарный труд – выяснить основные начала и крайние выводы естествознания, проверив со своим диалектическим методом самодовольные учения современных точных наук»⁴. Именно начала естественных наук «Страхов избрал предметом своего анализа, так как именно к началам-то и должен быть приложен тот диалектический метод, который, если рационализм – душа науки, должен являться как бы нервной системой»⁵.

И с этим трудно не согласиться, если иметь в виду такие его основные работы по рассматриваемому вопросу, как «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (1865), «Мир как целое» (1872), «Об основных вопросах психологии и физиологии» (1882), «О вечных истинах. (Мой спор о спиритизме)» (1887), «О дарвинизме» (1888) и др. Но при этом необходимо сделать весьма существенное уточнение. Н.Н. Страхов прошел основательную философскую школу по философии в духовной семинарии, закончив ее по философскому отделению. В то же время, являясь по своему вузовскому образованию натуралистом, он уже в первом своем научном сочинении, представленном в виде магистерской диссертации «О костях запястья млекопитающих» (1857 г.), высказывает ряд общих соображений о принципах научного познания. Он был хорошо осведомлен о достижениях науки своего времени, внимательно следя за новейшими откры-

² Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 440.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.20. – С. 525.

⁴ Никольский Б.Н. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. – 1896. – №4. – С. 242.

⁵ Там же. – С. 244-245.

тиями в области европейской и отечественной науки и публикуя сообщения о них в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в конце 50-х годов XIX века. Вслед за «Физиологическими письмами», вышедшими в «Русском мире» в 1859 г., он пишет «Письма об органической жизни», которые печатаются в «Светоче» в 1861 и 1863 гг. и посвящены дальнейшему разъяснению уникальности качеств органической природы.

Этот процесс углубленных занятий натурфилософией вывел Н.Н. Страхова на философию науки. Известный американский исследователь творчества русского мыслителя Л. Герштейн, считает, что «Страхов предстает в этих статьях не только как популяризатор научных достижений, но также и как философ науки, использующий научные знания в своей метафизике»⁶. Действительно, этот процесс углубленных занятий натурфилософией вывел Н.Н. Страхова на философию науки⁷. Вместе с тем следует отметить, что приведенное высказывание скорее относится к тем работам, которые опубликованы Страховым во второй части работы «Мир как целое», нежели к первой, о которой говорит Л. Герштейн. В этой монографии Н.Н. Страхова наблюдается не просто единство, а своеобразное дополнение натурфилософии и философии науки, правда, не всегда различаемое как его современниками, так и исследователями нашего времени. Он ставит себе в качестве высшей задачи не простое построение целостной картины мира и раскрытие в ней места и роли человека (отсюда его антропоцентризм), но и приступает к разработке диалектической концепции философии науки. Н.Н. Страхов решительно противостоял господствовавшим в его время натурфилософским концепциям связи между философией и естественными науками, суть которых заключалась в полном подчинении естествознания философии, в попытках возвести основание науки на абстрактных философских конструкциях и навязать естествознанию спекулятивные схемы.

Философия науки вырабатывается Н.Н. Страховым в полемике, с одной стороны, с устаревающими натурфилософскими концепциями, а с другой, с позитивистской концепцией науки, выступая в качестве ее альтернативы. В его работах мы неоднократно встречаемся с понятием «философия науки» в различных его модификациях. В частности, он писал, что в споре с Дюма в Парижской Академии наук по поводу «произвольного» зарождения живых организмов «Депре стал ссылаться на философию науки»⁸. Кроме того, русский мыслитель считал, что «каталоги фактов не составляют еще науки; наука излагается в других книгах. Так было уже у великого Линнея; *Philosophia botanica* заключала у него изложение начал науки, а *Systema naturale* была собранием фактов ... Как для всех других наук, так и для естественных, главное, существенное дело заключается в теоретическом интересе, в стремлении понять и объяснить явления помощью общих начал»⁹. Характеризуя взгляды выдающегося французского ученого К. Бернара, Н.Н. Страхов отмечает, что «это был не просто натуралист, а философ-натуралист, человек с величайшим успехом исследовавший природу и при этом развивавший известные философские понятия, нужные для этого исследования»¹⁰. Действительно, будучи одновременно экспериментатором и теоретиком, К. Бернар внес большой вклад в развитие естественно-научного познания и преобразования его основ.

Каким же образом представлено Н.Н. Страховым общее видение научного знания, методологические и гносеологические принципы исследования науки? В предметное поле философии науки он вводит такие вопросы, как соотношение рационализма и иррационализма, ученый и свобода творчества, методы научного познания и границы науки. Обладая большой философской культурой, Н.Н. Страхов интересуется вопросами естество-

⁶ Gerstein L. Nikolai Strakhov philosopher, man of letters and social critic. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1971. – С. 25.

⁷ В свете сказанного вряд ли можно признать правомерным высказывание Н.В. Снетовой, что «натурфилософия и была в то время формой философии науки» (Снетова Н.В. История русского органицизма. – Пермь: ПГУ, 2007. С. 39). В действительности же, как показывает история, философия науки является новой формой связи философии и науки, отличной от натурфилософии.

⁸ Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 425.

⁹ Страхов Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. – СПб., 1865. – С. 118, 119.

¹⁰ Страхов Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. Изд. второе. – СПб., 1894. – С. 158-159.

вознания на протяжении всей своей жизни и философское осмысление естественных наук было постоянно в центре его научных интересов. При этом он основывался на принципе историзма, раскрывая системный, целостный характер развития естествознания. Ядро страховской диалектической концепции философии науки включает в себя следующие составляющие: осмысление оснований науки, определение места науки в культуре, методологию, язык науки. Для нее характерны такие черты, как гуманистическая и этическая направленность.

Опираясь на историю философии и науки, Н.Н.Страхов раскрывает, каким образом происходил отказ представителей естественных наук от философии. «Можно даже найти указания, – пишет он, – что некогда, когда науки были так сказать дружественнее между собою, эта философия (немецкая – Е.А.) оказала значительное и плодотворное влияние на естественные науки»¹¹. Так, например, Гете писал свою *метаморфозу растений* под влиянием кантовского учения об организме. Кювье определял органическое словами Канта, а на Стефана Жоффруа Сент-Илера имела влияние шеллинговская натурфилософия. Однако теперь же, по мнению Н.Н. Страхова, «естественные науки, гордясь своей самостоятельностью, не хотят ничего иметь общего с философией, и за то находятся под сильным господством механических категорий. Книга Дарвина, например, написана вполне по этим категориям»¹². При этом органические категории, порожденные и развитые немецкой философией, были отброшены последующими исследователями.

Обращение к философскому наследию Н.Н. Страхова показывает, что еще в 1857 г. он отмечал, что ученые руководствуются в своих исследованиях определенными философскими воззрениями: «Изучение всех начал, приобретенных наукою со времени Аристотеля, было бы полезно и в наше время и спасло бы натуралистов от односторонности и узости суждений, в которые они беспрерывно впадают. То, что сделал Шлейден для ботаники и Виктор Карус для зоологии еще недостаточно; тем более, что каждый из них руководствовался односторонним философским воззрением, один – философией Фриса, другой – так называемую *положительную* философией. Тот-же предмет должен быть исследован и другими учеными и преимущественно на основании истории науки»¹³. При этом он считал, что опора на историю науки и на философские положения способствует проведению содержательных и глубоких научных исследований.

Именно в пренебрежении к философии состоит, по Н.Н. Страхову, суть позитивизма. Поэтому он тянется к немецкому идеализму, хотя и не может принимать его полностью и безоговорочно. По его мнению, «следовало бы послушаться Вёгелитина и остаться верными немецкому идеализму; тогда, если бы и оказалась необходимость выйти из этого идеализма, мы вышли бы, вероятно, не в ту сторону, в которую вышли немцы», которые пошли «в науку к новейшим французам и англичанам»¹⁴, т.е. стали позитивистами. «Позитивизм, – считал Страхов, – есть попытка основать на положительных науках полное мировоззрение, полную философию»¹⁵. Осознавая недостатки этого подхода, русский мыслитель стремился создать теоретическую конструкцию, в которой нашлось бы место и данным естественных наук и их философскому осмыслению. Позитивизм рассматривался им в качестве одного из проявлений кризиса западноевропейского просвещения, поскольку тот стремился к упразднению философии и растворению ее в естествознании. Основной упрек, высказываемый Н.Н. Страховым в его адрес, заключается в том, что позитивисты отождествляют философию с наукой, в частности, с естествознанием и не признают ее самостоятельности. Между тем, по его мнению, науки имеют самостоятельность, существуя независимо от философии. «Что касается до *позитивизма*, – писал Н.Н. Страхов, – то ему, по обыкновению, здесь придано преувеличенное значение. Ренан ... думает, что слава Конта, совершенно фальшивая, и он, конечно, прав в известной мере. Но нужно бы объяснить причины возникновения этой славы. Редкие ученые вникают в

¹¹ Страхов Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. – СПб., 1865. – С. IX.

¹² Там же. – С. IX-X.

¹³ Страхов Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. – СПб., 1865. – С. 71.

¹⁴ Там же. – С. 35.

¹⁵ Там же. – С. 98.

Канта; ссылаются же на него очень многие»¹⁶. Это связано с тем, что «само название *позитивизм* имеет в себе нечто приличное и солидное, содержит глухое указание на какой-то строгий прием исследования. А отвержение метафизики, то есть философии, провозглашенное Кантом, сразу привлекло множество умов, для которых философия была несносным игром»¹⁷. Именно поэтому с середины XIX века позитивизм превратился в ведущее направление в философии науки, став господствующим в течение целого столетия, предопределяя в последующие десятилетия поиски предметного поля в этой области. Эмпиризму и фактонакопительству позитивизма Н.Н. Страхов противопоставлял принцип понимания, нацеленный на раскрытие смыслового имплицитного содержания исследуемых текстов и выяснение оснований и предпосылок научного знания.

Решая вопрос о взаимодействии философии и науки в широком культурно-историческом контексте, Н.Н. Страхов утверждал, что отношение философии к наукам есть существенная черта, когда вопрос идет о состоянии философии. По его мнению, «если философия сильна, она неотразимо и плодотворно действует на науки, следы ее влияния часто простираются на огромное протяжение»¹⁸. И далее он пишет: «Если же науки не хотят знать философии, или даже враждуют против нее и сами заявляют право на решение всяких вопросов, то это верный признак упадка не только философии, но и истинно-научного духа в науках»¹⁹. Это связано с тем, что философия не может, по Н.Н. Страхову, подчиняться в своем развитии какой-нибудь частной науке.

Отождествление философии и науки, тезис «наука сама себе философия» – исходное положение позитивизма. Это утверждение является результатом низкой культуры философского мышления у представителей данного направления в истории человеческой мысли. Философский подход, по Н.Н. Страхову, предполагает необходимость различения в работе с фундаментальными понятиями. Именно диалектика является тем, благодаря чему возможна эта работа. Сложившуюся ситуацию в современном ему естествознании Н.Н. Страхов характеризовал следующим образом: «Есть наука, исследующая всякие методы и свойства всяких понятий, именно философия. К ней следовало бы натуралистам обратиться за помощью; но, к несчастью, эта наука в последние десятилетия потеряла свой авторитет, и можно прямо сказать, что именно недостаток философского руководства составляет причину тех неправильностей в движении естественных наук, о которых мы говорим»²⁰. Польза же от философии для них, по Н.Н. Страхову, состоит в разъяснении понятий и выявлении их смысла. С этих позиций он писал об основных понятиях психологии и физиологии, об атомистической теории, рассматривал основные представления о жизни и анализировал ряд научных и натурфилософских идей, позднее вошедших в качестве составных частей в философию русского космизма.

Н.Н. Страхов занимался выяснением общекультурных смыслов новых результатов в науке. При этом он исходил из тех социокультурных условий и имманентных научных закономерностей, которые сложились в его время в Западной Европе и России. Он прекрасно осознает, что в основе классической науки лежат такие понятия, которые относятся к априорной области. Поэтому большое значение для понимания страховской философии науки имеет учение об априорных положениях И. Канта, получившее новый импульс в современной философии²¹. Русский философ считал, что метода науки по самой своей сущности является априорической и не заимствуется из опыта, а всегда прилагается к опыту и руководит в исследовании фактов. «На этом основании, – писал он, – можно было бы подумать, что метода всегда дается частным наукам общею наукою, тою наукою,

¹⁶ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – Киев, 1898. – Книжка третья. – С. 9.

¹⁷ Там же. – С. 10.

¹⁸ Страхов Н.Н. Философские очерки. – СПб., 1895. – С. 290.

¹⁹ – Там же.

²⁰ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – Киев, 1898. – Книжка третья. – С. 88.

²¹ См.: Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005; Лоренц Конрад. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // Человек. – 1997. – №5.

предмет которой составляет все априорическое, т.е. философию. Так это и бывает, но не всегда и даже очень редко. Обыкновенно науки имеют самостоятельность, существуют независимо от философии. Требовать слишком тесной зависимости было бы даже неестественно и невозможно»²². По мнению Н.Н. Страхова, априорические понятия и приемы различным образом присутствуют в различных науках. В частности, в физике, которая прямо заявляет свою цель – подвести исследуемые предметы под математические и механические формы. «В таком случае, – считает русский философ, – бывает в то же время совершенно ясно, что метода науки есть философский взгляд, т.е. взгляд, известным образом определенный и установленный философию. В самом деле точка зрения астрономии, физики и других подобных наук совершенно совпадает с известною в философии точкою зрения Декарта»²³. И далее: «В естественных науках в тесном смысле слова, т.е. в науках органических и наблюдательных, метода, как увидит читатель, отчасти сознается, отчасти нет. Чтобы разъяснить ее, чтобы приблизиться к ее отчетливому сознанию, можно идти только двумя путями. Или начать априори, т.е. исходить из философского взгляда на органическую природу и отсюда вывести правила и приемы ее изучения. Или же образно – можно взять уже существующие у натуралистов правила и приемы, взять методу, как она уже успела осуществиться в науке и в этих приемах отыскать и разъяснить их априоричность, поставить ее на вид там, где она не была замечена»²⁴. В цитируемой работе философ держался главным образом второго пути, т.е. он становился на одну почву с натуралистами и показывал, что априоричность присутствует в используемых приемах. По его мнению, задача философии науки как раз и состоит в том, чтобы исследовать априорные понятия, искать их в естественных науках и давать им осознанное рациональное осмысление.

Н.Н. Страхов стремился найти способы постановки новых вопросов, исходя при этом из изменений языка. Он искал критерии достоверности научного знания, благодаря которым можно отличить философское и научное знание от других форм человеческого знания. Провести границу между философией, наукой, религией, искусством, мистикой, спиритизмом и означало осуществить процедуру демаркации. Не даром его философию Н.Н. Вагнер назвал «перегородочной» или «разделительной»: «Мой взгляд не может признать вашей перегородочной философии с ее эквилибристикой»²⁵. И с этим названием своей философии Н.Н. Страхов полностью соглашался. У него уже имеется разграничительная программа, т.е. программа демаркации философии и науки. В отличие от неопозитивистов, которые в середине XIX века стремились освободить науку от бессмысленной с их точки зрения метафизики или философии, он в своей разграничительной, «перегородочной» философии указывал на их различие. При этом философ отмечал, что «философия решает вопросы о границах и свойствах познания, она старается указать точную меру его авторитета, тогда как специалист, поклоняющийся своему кумиру, обыкновенно приписывает ему беспредельное могущество»²⁶. Такая оценка нарождавшейся тенденции превращения науки в своеобразный идол поклонения прозвучала в середине XIX века, т.е. задолго до того, как это стало реальным фактом. Причем это не вскользь оброненная идея, а четко заявленная позиция, связанная с многолетними глубокими размышлениями Н.Н. Страхова о существовании науки, которую он знал не понаслышке, а «варился» в ней в течение десятилетий.

Говоря о современных ему ученых-натуралистах, Страхов отмечает, что «они думают, что могут все познать» и «другого познания, кроме научного, они не допускают, а научным считают только то, что дознано естественно-научными приемами»²⁷. Мыслитель подчеркивает, что «естественные науки чем дальше тем больше чувствуют свою силу и авторитет; и вот, ученые этой области стали думать, что она составляет центр всего человеческого ведения, что для их исследований нет ничего недоступного и что самое об-

²² Страхов Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. – СПб., 1865. – С. VI.

²³ Там же. – С. VII.

²⁴ Там же. – С. VII-VIII.

²⁵ Вагнер Н. Перегородочная философия и наука: [Открытое письмо к г. Страхову] // Новое время. – 1883. – № 2654.

²⁶ Там же. – С. 9.

²⁷ Страхов Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). – СПб., 1887. – С. 53.

щее мирозерцание должно основываться на этих исследованиях»²⁸. Однако, как утверждает Н.Н. Страхов, «наука не объемлет того, что для нас всего важнее, всего существеннее, не объемлет *жизни*. Вне науки находится главная сторона нашего бытия, то, что составляет нашу судьбу, то, что мы называем Богом, совестью, нашим счастьем и достоинством»²⁹. Там, где речь идет о мотивациях человеческого поведения, о глубинных детерминантах человеческой жизни, необходимо другое видение проблемы. Более того, научное познание, по Н.Н. Страхову, базируется на других, более глубоких идейных основаниях. Тем самым он отводит естественным наукам особое место в системе человеческого знания, не абсолютизируя их и считая, что в основе науки лежит предшествовавшая ей духовная деятельность людей, включая обыденное познание.

Ратуя за рациональное естествознание, он вместе с тем выступает против откровенного секуляризма западной культуры и сугубо рационального постижения истории. Будучи тонким и проницательным мыслителем, Н.Н. Страхов понимал, что суть дела не в спорах о границах рационализма, а в исторической перспективе научного познания и в цене, которую пришлось бы заплатить за свободу исследования путем отказа от использования научных средств и методов. В отличие от всех других областей человеческих стремлений, где царит, по его мнению, хаос, наука идет по ясному пути. «Возьмем же ее за исходную точку, – призывает он, – для устройства нашего умственного мира, для определения наших отношений к другим областям. Если мы сумеем найти центр и радиус науки, то есть ее истинные производящие силы, то мы легко определим величину ее сферы и границы, до которых она простирается»³⁰. При этом основополагающее значение он придает принципам науки: «Принцип всякой науки не только связывает и централизует все ее частности, но он же определяет и самую область науки, указывает границу, за которою прекращается ее господство»³¹. Такой подход позволяет показать, что ученые, занятые спиритизмом, выходят за пределы науки и принуждены отвергнуть непреложность каких бы то ни было истин. Дальнейшее движение мысли в направлении преодоления границ существующей науки, как показывает Страхов, может привести не только к их расширению, но и к отбрасыванию рационального и впадению в мистику.

Для Н.Н. Страхова был характерен свой способ центрирования проблематики философии науки. Центральными понятиями для него являлись: «метафизика науки», «философия науки», «метода», «приемы», «принципы», «мышление», «опытные знания», «априорные знания» и др. Именно они позволяли ставить и отвечать на вопрос об особенностях научного познания, его возможностях и границах. Погружаясь в область эпистемологии, рассматривая вопросы о специальном научном знании, о предмете и методе ряда естественных наук (психология, физиология, химия, физика, механика), Н.Н. Страхов стремился облечь свои методологические идеи в четкие и обоснованные положения, изложенные ясным и понятным языком.

Таким образом, можно сказать, что Н.Н. Страхов был одним из тех немногих русских мыслителей, которые готовили новое понимание философии науки, отличное от господствовавшей в его время позитивистской парадигмы. Он размышлял о смене идеалов научности, об идолах и идеалах, о вечных истинах, отрываясь при этом от сиюминутного и снова возвращаясь к нему. В частности, он одним из первых выступил против крайнего сциентизма и позитивизма задолго до их тотального распространения в России. Его взгляды на соотношение философии и науки отличались новизной, самобытностью и эвристической ценностью. Н.Н. Страхов предвосхитил в ряде своих суждений идеи современной диалектической философии науки. В первую очередь это относится к тщательной разработке им проблемы роли метафизики в развитии науки, соотношения априорного и опытного знания, а также решения проблемы демаркации философии и науки, философии и религии, научного и вненаучного знания, о границах научной рациональности. Само видение и постановка рассматриваемых им проблем далеко выходят за рамки XIX века, переходя в XXI столетие и предполагая дальнейшее их решение на новом историческом витке развития философии науки.

²⁸ Там же. – С. 48.

²⁹ Там же. – С. 54.

³⁰ Там же. – С. 45-46.

³¹ Страхов Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. Изд. второе. – СПб., 1894. – С. У1.

Список литературы

1. Гаврюшин Н.Г. Мир как целое. Н.Н. Страхов о развитии естествознания // Природа. – 1982. – №7;
2. Ильин Н.П. Последняя тайна природы // Страхов Н.Н. Мир как целое. – М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007;
3. Маслобоева О.Д. Н.Н. Страхов и отечественная философия науки (посвящается 180-летию со дня рождения мыслителя) // Вопросы философии. – 2009. – №5.
4. Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.20.
6. Никольский Б.Н. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. – 1896. – №4. – С. 242.
7. Gerstein L. Nikolai Strakhov philosopher, man of letters and social critic. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1971.
8. Снетова Н.В. История русского органицизма. – Пермь: ПГУ, 2007.
9. Страхов Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. – СПб., 1865.
10. Страхов Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. Изд. второе. – СПб., 1894.

PHILOSOPHY OF SCIENCE BY N.N. STRAKHOV

E. A. ANTONOV

Belgorod State University

e-mail: Antonov@bsu.edu.ru

The article discusses the dialectical conception of the philosophy of science by N.N. Strakhov and his view on the positivism. The author shows the relation between a priori and a posteriori in the science.

Key words: philosophy of science, science, method, principles, a priori and a posteriori knowledge, dialectics, positivism.

УДК 165.1

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ДИСКУРСАМИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. А. КОЖЕМЯКИН*Белгородский
государственный
университет**e-mail:**kozhenyakin@bsu.edu.ru*

Статья посвящена описанию существенных черт познавательных стратегий и операций, осуществляемых в различных дискурсных практиках. Автор сопоставляет политический, религиозный, юридический и образовательно-педагогический дискурсы на предмет различий содержания их когнитивного параметра.

Ключевые слова: дискурс, познание, политический дискурс, религиозный дискурс, юридический дискурс, образовательно-педагогический дискурс.

Как принято считать в неклассической и постнеклассической философии, метафора зеркала вряд ли применима к процессу познания действительности. Мы не можем утверждать о непосредственно-прямом соответствии знания действительности без учета эпистемических, дискурсных условий его формирования. Адекватное знание в терминах неклассической парадигмы трактуется как императив дискурсных практик, в контексте которых оно вырабатывается, но не как реальность. От того, какие формы и методы познания традиционно или консенсусно применяются в рамках той или иной дискурсной практики, зависит тип и содержание знания, а также критерии оценки его адекватности. Наблюдаются значительные различия в способах обоснования, характерных, например, для религиозного и научного дискурсов; в моделях объяснения в медицинском и юридическом дискурсах; в логических принципах юридического и религиозного дискурсов, etc. В этой статье мы предпринимаем попытку сопоставления содержания познавательных операций и процедур в четырех наиболее влиятельных сегодня «институционализированных» дискурсах – политическом, религиозном, юридическом и образовательно-педагогическом.

Мы исходим из того, что опосредованное языком и дискурсом познание имеет три наиболее специфичные особенности, на которые указывает Л.А. Микешина¹: обращение познания к внеопытным структурам-посредникам (модели, символы, логические и математические системы); интерсубъективность познания (соотнесение с принятыми в обществе правилами и нормами, а также с убеждениями, оценками, установками других людей); гетерогенность (познание не сводится только к логико-методологическим процедурам, оно включает в себя и интуицию, и творческие процедуры). Таким образом, когнитивный аспект дискурса включает в себя такие базовые познавательные операции, как репрезентации, категоризации, интерпретации, конвенции, роль и «значимость» которых в различных типах дискурса отличается.

Политический дискурс

Поскольку политический дискурс используется во властных целях, то очевидна тенденция к охвату массовой аудитории за счет её идеологического противопоставления иной, такой же массовой, но «чужой» социальной категории. Иными словами, речь идет о разделении социального поля на «своих» и «чужих». В этом отношении одним из наиболее типичных для политического дискурса способов познания является генерализация, обобщение, при котором происходит упрощение категорий по принципу их объединения: например, разнородные части целевой аудитории политического дискурса представляются как имеющие ряд существенных объединяющих их черт, в то время как разъединяющие их качества демонстрируются как несущественные или вовсе игнорируются. Од-

¹ Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – С.101-102.

ной из таких генерализованных категорий политического дискурса является категория «народ». Такому же обобщению подвергается и противопоставляемая целевой аудитории группа. В этом измерении политический дискурс демонстрирует диалогическое противопоставление «верной» («своей») и «неверной» («чужой») точек зрения.

В когнитивно-эпистемическом отношении политический дискурс отличается от иных типов дискурса тем, что оценка истинности высказываний осуществляется на основе, во-первых, оценки их авторства и, во-вторых, оценки их соответствия центральной (идеологической) точке зрения на ключевые объекты дискурса. Если для религиозного дискурса одним из ключевых критериев «приемлемости» высказывания является его соотнесенность с субъективным опытом веры, то для политического – его соответствие прецедентным высказываниям группы «власти». С другой стороны, существуют и точки пересечения между политическим и религиозным дискурсами: таковыми является «презумпция истинности» тех высказываний, которые соответствуют догматическим установкам и/или картине мира, принятым в институте (например, идеологическим установкам в политике или церковным догмам в религии).

Этим тенденциям «принуждения к правильному знанию» и истинностной оценки высказываний по принципу оценки автора подчиняются все основные познавательные операции – репрезентация, категоризация, интерпретация и конвенция.

Политическая *репрезентация* как способ познания представляет собой не отражательную процедуру по отношению к объективной политической реальности, а опосредованные институциональными нормами, языком, стереотипами и т.д. восприятие и представление объектов, которым приписывается политический статус. Репрезентировать в политическом дискурсе означает не просто выразить с помощью языковых средств и механизмов образ реальности, но предопределить его содержание и возникновение в сознании адресата, что достигается с помощью целенаправленного и осознанного использования определенных знаково-символических форм. Политик, репрезентируя, не столько представляет образ реальности, существующий в его сознании, сколько моделирует идеальный в определенном политическом контексте тип реальности. В этом смысле репрезентация как познавательная операция выполняет конструирующую функцию в политическом дискурсе. Политические высказывания, формально содержащие в себе операторы репрезентации («я думаю, что...», «мне представляется, что...», «нам кажется, что...»), фактически реализуются так, как если бы они содержали операторы долженствования («необходимо, чтобы...», «требуется, чтобы...»), а описание ситуации фактически реализуется как ее проектирование. Политика располагает специфичным языком, применение которого к повседневности может способствовать построению особой политической картины мира, в которой доминируют не обобщения повседневного опыта, а убеждения и верования идеологического порядка.

Основной задачей *категоризации* как познавательной операции разделения на роды и виды, классы и типы объектов является сегментация выделенных в результате генерализации семантических пространств. «Свои» наделяются определенными свойствами, которые позволяют однозначно отличать их от «чужих». Распределение политических идентификаций, «реестр ценностей», иерархизация смыслов – всё это характеризует операции категоризации в политическом дискурсе. Категоризировать в политическом дискурсе – значит упорядочить поле репрезентаций таким образом, чтобы были поддержаны основные политико-идеологические ценности и цели. Именно идеологически и институционально закрепленные ценности той или иной политической системы являются критерием осуществления операции категоризации.

Политическая категоризация, с точки зрения Т. ван Дейка, строится на базе определенных идеологических ментальных схем, которые включает такие категории, как групповая идентичность (конструируемая чаще всего на национально-этнической основе), цели (например, дистанцирование, противостояние, консолидация), ценности и нормы, статусные отношения (превосходство и «исключительное право» «своей» группы), ресурсы (власть, территория, благосостояние и прочие)². Каждая из этих категорий под-

² Dijk T.A. van. On the analysis of the parliamentary debates on immigration // <http://www.let.uva.nl/~teun/categor2.html> (July 1998).

чиняется политическим целям достижения и поддержки власти за счет общественного мнения, индивидуальных и коллективных убеждений и верований, коллективно разделяемых ценностей. Как утверждал Р.Барт, «язык – это средство классификации, и всякая классификация есть способ подавления»³.

Одним из наиболее важных способов категоризации в политическом дискурсе является историзация как своего рода расчленение действительности на прошлое, настоящее и будущее. Конструирование темпоральной преемственности, последовательности и перспективности предстает как создание трех измерений субъекта дискурса – прошлого, настоящего и будущего – причем их линейное расположение характеризуется как некоторое движение от простого к сложному, от несовершенного к идеальному, от неверного к истинному; негативный полюс такой линейности всегда расположен в прошлом, бифуркационный период (с постулируемой необходимостью индивида делать «правильный политический выбор», а, следовательно – «выбирать свое и общее будущее») – в настоящем, а идеальное и желаемое положение дел – в будущем. «Эсхатологические настроения» политического дискурса объясняются, главным образом, своеобразным способом легитимации власти, в соответствии с которым власть представляет оправдание и обоснование самой себя в эмпирически не наблюдаемом будущем, что позволяет ей снять вопрос верификации истинности собственных высказываний: факты будущего не проверяемы, в них следует поверить и ждать их свершения. Поэтому политические высказывания настолько богаты обещаниями: обещать – значит, отсрочить проверку искренности позиции говорящего и истинности его высказываний. Собственно, сам вопрос доказательств становится второстепенным в политическом дискурсе, уступая вопросу о потенциальной доказуемости и доверия (веры) содержанию дискурса адресанта.

Операция *интерпретации*, заключающаяся в «переводе формальных символов и понятий на язык содержательного знания»⁴, представляется одной из базовых познавательных операций в политическом дискурсе. Ее значимость объясняется преимущественно тем, что субъект политического дискурса находится в интердискурсном пространстве, наполненном различными смыслами, значениями, знаками, ценностями, репрезентациями которых может совпадать в различных дискурсных средах, а категоризировать которые не всегда является достаточным для успешной ориентации в дискурсе. Интерпретации в политическом дискурсе ориентированы на создание и воссоздание реальности, факты которой организуются и упорядочиваются определенным образом. Более того, фактом в политическом дискурсе объявляется то, что соответствует определенной (идеологической) картине мира. Формальным элементом политической интерпретации является смысл, который, следуя идеям Макса Вебера, состоит в том, чтобы сделать возможными определенные точки зрения и оценки⁵.

Любое интерпретирующее высказывание политического дискурса может быть оценено как «истинное» при условии его соотнесенности с идеологической картиной мира. Косвенным аргументом в пользу этого, как утверждает Е.Г.Задворная, является отсутствие презумпции искренности субъекта: «в рамках данной (политической – Е.К.) дискурсивной сферы истинностная оценка легко переходит из области неконтролируемых заблуждений в область приписываемой оппоненту сознательной лжи (фальсификации, дезинформации и т.п.)»⁶. В реализации этой стратегии интерпретация в политическом дискурсе имеет ряд интенциональных характеристик, на которые указывает Е.И.Шейгал: эвфемизация и дисфемизация как способы уклонения от истины, прогностическая эзотеричность, референциальная неопределенность. На наш взгляд, все перечисленные и прочие характеристики (например, перформативность) политической интерпретации свидетельствуют о том, что ее ключевым механизмом является связывание индивидуальных убеждений и мнений, с одной стороны, и коллективного политического знания, с другой стороны. Позиция инди-

³ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 548.

⁴ Микешина, Л. Эпистемология ценностей. – М.: Росспэн, 2007. – С. 137.

⁵ Вебер М. Критические исследования в области наук о культуре // Культурология. XX век. Антология. – М., 1995. – С. 32.

⁶ Задворная Е.Г. Дискурсивные эпистемические трансформации // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск, 2001. – С. 240.

вида подстраивается и включается в легитимную картину мира, поддерживаемую конкретной идеологией (понимаемой в узком смысле как система идей, обусловленных интересами правящего класса) политического института. В свою очередь это необходимо для унифицирования и интеграции индивидов в единое политическое поле.

Конвенция как познавательная операция связана с аспектом нормирования политического культурного института. Как и любой другой культурный институт политика базируется на комплексе норм-конвенций, которые носят искусственный характер. Вопросы достижения и удержания власти, ключевые для политического дискурса, решаются в преимущественно конвенциональном поле, причем это поле отличается высокой подвижностью: одни нормы, регулирующие познание в сфере политики, сменяются другими и зачастую – стремительно. Характерной особенностью политического дискурса является то, что не существует или практически не встречается преемственность и эволюция нормативной сферы, как это отмечается в отношении научного или даже религиозного дискурса. Довольно часто в истории мы можем обнаружить примеры того, как со сменой политического режима приходят новые политические нормы, отрицающие предыдущие. При этом вряд ли приходится говорить о ревизии или переоценке конвенций предыдущего политического порядка: поскольку смысл изменения политического режима состоит в перераспределении власти, то отношение к политическим оппонентам и к их нормативным системам мыслится исключительно как критически-оценочное.

Итак, политический дискурс ориентирован не столько на «отражение» объективной реальности, сколько на ее создание и воссоздание, и когнитивные операции в значительной степени подчинены этой особенности политики.

Религиозный дискурс

Одной из основных особенностей религиозного дискурса является открытое, а не завуалированное, как, например, часто в политическом дискурсе, представление (артикуляция) ценностей и норм как жизнедеятельности, так и самой религиозной коммуникации. Популярное изречение «вера не нуждается в доказательстве» свидетельствует о специфике религиозного познания: знание конструируется на основе догм и мистических переживаний, а истина понимается не как соответствие действительности, а как совпадение с Абсолютом, знание о котором зафиксировано в сакральном тексте. Открытая артикуляция ценностно-нормативных основ религии обусловлена ее нормативным статусом: адекватная трансляция сакрального знания и опыта предполагает максимально точное понимание религиозных максим, что достигается с помощью недвусмысленного их формулирования. Однако, это не означает, что религиозный дискурс не обладает или в недостаточной степени располагает аргументативными средствами. Напротив, толкование, пояснение содержания сакрального текста являются типичными когнитивными процедурами любой религии в силу их повышенного интереса к аутентичному смыслу, содержащемуся в сакральном тексте. Религиозный дискурс выстраивается субъектами таким образом, что каждая рутинная ситуация может быть оценена с позиций религиозного учения, ей может быть приписан определенный ценностный статус, а оценочные действия подкрепляются определенной аргументацией. Этот аспект свидетельствует об идеологическом характере дискурса, который разделяет не только религиозный, но и иные типы «институционализированного» дискурса: как политика, так и образование, и юриспруденция оперируют такого рода индуктивной схемой, при которой каждый частный случай категоризируется в институционально фиксированной «классификационной таблице» ценностей, принципов, идей, учений, законов, etc.

Одним из распространенных аргументативно-риторических приемов, используемых в религиозном дискурсе, является *апелляция к авторитету*. В качестве авторитетов выступают канонические фигуры, ученые-теологи, философы, поэты. Оставляя в стороне вопрос об основаниях надления тех или иных субъектов дискурсивной практики статусом авторитетности, обратим внимание на то, что для религиозного дискурса является характерным надление статусом безусловного авторитета даже не столько субъектов дискурсивной практики, сколько сакрального текста, который в таком контексте приобретает признаки чуть ли не полноценного коммуниканта. Обладание авторитетом означает наличие пережитого мистического опыта и безоговорочное разделение и понимание религиозных

догм. Сакральный текст в этом отношении обладает абсолютным авторитетом. *Апелляция к образцу* также является одной из распространенных аргументативных тактик, посредством которой адресант побуждает адресата воспроизводить необходимые модели поведения. По утверждению А.А.Ивина, в качестве образцов выступают субъекты, общественный престиж которых повышает значимость их действий⁷. Очевидно, что с помощью этого аргументативного приема реализуются описательные и нормирующие функции дискурса: во-первых, описывается порядок и характер выполнения определенных действий в рамках типа поведения, и, во-вторых, необходимое поведение презентуется как единственно «оправданное», допустимое и морально приемлемое. В качестве образцов служат как сакральные фигуры (например, Иисус, Будда), так и религиозные деятели (священнослужители, верующие, etc.). Уже этих двух примеров организации религиозной аргументации достаточно, чтобы судить о характере верификации как когнитивной процедуры в дискурсе религиозной культуры – она носит характер отсылки к Тексту как первоисточнику критериев истинности высказываний.

Ряд исследователей⁸ обращают внимание также на такую особенность религиозного дискурса, как презумпция искренности субъекта дискурсивной практики, высказывания которого могут быть оценены как «ложные» или «истинные», «правильные» или «неправильные», но никогда – «преднамеренно ложные» или «манипулятивные». Субъект, с точки зрения религиозной дискурсивной практики, может заблуждаться, но никогда не обманывает, высказываясь в «режиме» религиозного дискурса. Эта особенность существенно отличает религиозный дискурс от политического и сближает его, как это ни парадоксально, с научным дискурсом.

Репрезентативные познавательные операции реализуются в дискурсивном поле религии с помощью двух ключевых механизмов – *обобщения* и *конкретизации*, которые позволяют выделить классы явлений и сущностей в предметном поле религиозного дискурса и оперировать абстрактными именами. Суть абстрактных понятий («Бог», «спасение», «грех», «благо», «зло») раскрывается за счет конкретизации, своего рода их индуктивной «адаптации» к повседневным ситуациям, знакомым и понятным адресатам религиозной коммуникации. И напротив, повседневные ситуации дедуктивно обобщаются в религиозном дискурсе, что позволяет унифицировать все поле возможных поступков, намерений, интересов индивидов и «заклечь» их в единую религиозно-идеологическую рамку.

Операции обобщения и конкретизации в религиозном дискурсе выполняют функцию демонстрации не только действительного, но и должного положения вещей. Синхронное применение двух операций позволяет встраивать религиозный текст по образцу «морального размышления», при котором «частный случай» (конкретизация) сравнивается с абсолютной ценностью или нормой (обобщение). Более того, частное трактуется в религиозном дискурсе как производное от общего, то есть – Абсолюта. Это отличает этот тип дискурса от, например, политического дискурса, в котором общее может конструироваться как сумма частного (сравним: «Мы все во власти Бога» и «Судьба страны зависит от твоего выбора»). В целом, если в политическом дискурсе репрезентация выполняет скорее конструирующую функцию, то в религиозном – нормирующую (если в политике «описать» означает смоделировать ситуацию, то в религии – оценить ситуацию с моральной точки зрения).

Основной задачей *категоризации* как познавательной операции религиозного дискурса является разделение предметной области на значимые сегменты, противопоставление которых имеет определенный смысл для реализации задач религиозного дискурса. Как и для политического дискурса, для религии характерно выделение категорий «свои» и «чужие»: к «своим» традиционно относятся представители разделяемой конфессии, религии или все верующие, к «чужим» – представители иной конфессии, религии или неверующие. Более того, для религиозного дискурса характерно также распределение категориальных статусов среди объектов сверхъестественного, физического и со-

⁷ Ивин, А.А. Теория аргументации. – М., 1997.

⁸ См., например: Карасик, В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19; Мечковская, Н.Б. Язык и религия. – М.: ФАИР, 1998.

циального мира: «высшие существа» располагаются друг относительно друга в иерархическом порядке (в зависимости от «близости к Абсолюту»), определенным образом упорядочены физические предметы (в зависимости от степени их мифологизации, представленности в религиозных нарративах или использования в религиозных культурах), индивиды (в зависимости от наличия или отсутствия, а также характера и степени их мистического опыта, соответствия их образа жизни, поступков, деятельности религиозным нормам), священнослужители (в зависимости от характера и степени мистического опыта).

На основе категоризации строятся процедуры *аналогии*, позволяющие организовать и реорганизовать когнитивный опыт и систему знаний в соответствии с религиозными ценностями и догмами. Распространенными являются стратегии соотнесения канонизированных и типичных повседневных ситуаций: адресанты религиозного дискурса, объясняя конкретные действия, поступки и положения дел, приводят в качестве аналога примеры из сакральных текстов, обращение к которым является основной и «предельной» объяснительной процедурой.

Религиозная категоризация предполагает также применение процедур сравнения и оценивания, поскольку догматический характер религиозного дискурса «требует», чтобы индивид регулярно соотносил личный и «идеальный» мистический опыт, индивидуальные убеждения и догмы разделяемой им религии, личные модели поведения и поддерживаемые в институте религии нормы деятельности. *Сравнение* строится на объяснении незнакомой ситуации через известные, и часто – текстуально зафиксированные (преимущественно в сакральном тексте) знания. *Оценивание* основано на моральных и нравственных положениях, формирующих основы религиозного учения. Базовая оппозиция «добро – зло», определяющая ключевые концепты и тезисы религии, выражается в конкретных операторах оценивания «хорошо» и «плохо», «приемлемо» и «неприемлемо», «допустимо» и «недопустимо». Основной задачей использования таких оппозиций является ориентация адресата на этические нормы (заповеди, правила, идеалы). Как правило, положительная оценка связывается с каноническими либо с аналогичными им явлениями, в то время как негативная оценка фиксирует отклонение от религиозных норм и правил.

Религиозная категоризация строится на базе определенных ментальных схем, которые включают в себя такие составляющие, как коллективная идентичность («соборность», «единство», «братство»), ценности и догмы, опыт («откровение», «прозрение», «греховность», «спасение», «покаяние»), представление об истине, индивидуальное и коллективное спасение, образ жизни и прочие. Эти феномены согласуются с представлениями об Абсолюте как центральном концепте предметной области религиозного дискурса.

Как и в политическом дискурсе, для религии характерны процедуры историзации и нарративизации как распространенные способы категоризации. Отличие заключается в том, что в религиозном дискурсе истинное положение вещей мыслится либо в прошлом (как идеальный опыт, который впоследствии был утерян), либо в будущем (например, «рай»), но никогда в настоящем, в то время, как для политического дискурса характерна преимущественно экстраполяция «истины» в будущее.

Интерпретация используется в религиозном дискурсе с целью разъяснения как повседневных ситуаций, так и фрагментов сакральных текстов. В первом случае интерпретация осуществляется с теологических позиций, в соответствии с которым «матрица значений и смыслов», зафиксированная в сакральном тексте, применяется к описанию конкретного положения вещей. Во втором случае эта «матрица» воспроизводится на материале самого сакрального текста. Для религиозного дискурса типичными являются достаточно жесткие предписания к организации коммуникативного аспекта интерпретации: толкование представляется привилегированным занятием адресантов (священнослужителей). Это отличает этот тип дискурса от иных: одним из главных условий реализации демократического политического дискурса является интерпретация, осуществляемая адресатом, а в юридическом дискурсе сопоставление интерпретаций адресанта и адресата (например, истца и ответчика) трактуется как операция, необходимая для принятия легитимного (например, судебного) решения.

Познавательная операция *конвенции* связана, на наш взгляд, с нормативным аспектом религиозного дискурса. В отличие от иных типов дискурса и в силу высокой степени догматичности, дискурс религии практически не использует нормы-конвенции; вся его нормативная сфера формируется однозначными и документально зафиксированными правилами (заповедями, предписаниями, принципами), конвенциональное отноше-

ние к которым опасно с точки зрения стабильности и преемственности той или иной религиозной традиции. Однако, конвенциональные процедуры широко используются в отношении терминов, определенных схем декодирования ключевых высказываний, сюжетов и описаний, и в ряде случаев – в отношении создания и закрепления этикетных норм. Тем не менее, религиозный дискурс избегает использования четких дефиниций тех или иных терминов, что, на наш взгляд, объясняется установкой на использование таких более эффективных в отношении воздействия и «ускоренной» интериоризации методов, как апелляция к авторитету, к эмоциям, к канонам.

Юридический дискурс

Познавательные стратегии, характерные для юридического дискурса, непосредственно обусловлены его целями и предметной областью. Во-первых, юридическое познание носит «диагностико-оценивающий» характер, что определяется целью дискурса – нормировать и регулировать общественные отношения. В этом отношении в юридической дискурсивной практике представляется недостаточным описать некоторое положение дел; необходимо установить степень и характер его отклонения от нормы или её соблюдения в соответствии с принятой в качестве легитимной в юридической практике когнитивной моделью, то есть – осуществить индивидуализирующую или типологизирующую диагностику⁹. Во-вторых, специфика «юридических объектов» такова, что познающий субъект стремится к максимально точному их описанию, избегая двусмысленностей и смысловой неопределенности. Это существенно отличает юридический дискурс от политического и позволяет провести аналогии с когнитивным параметром научного – в большей степени естественнонаучного, чем гуманитарного – дискурса.

Как отмечает Е.А. Кротков, когнитивный процесс диагностики вмещает в себя три основных этапа или уровня: сначала субъект юридического дискурса формирует феноменологический профиль объекта познания (ситуации, личности или деяния), потом сравнивает его с принятым в той или иной юридической дискурсивной формации когнитивным образом объекта и затем формирует ноуменальный профиль объекта¹⁰.

Первый этап – конструирование феноменологического образа объекта – предполагает использование преимущественно *репрезентативных* когнитивных операций. В отличие от политического дискурса, в котором репрезентация означает не столько отражение реальности, сколько создание ее модели, юридический дискурс ориентирован на максимально достоверное и точное описание реального положения дел. Конечная цель такого описания – диагностика соответствия или несоответствия норме, и это сближает юридический дискурс с религиозным. Одна из специфических черт связана с тем, что юридическое познание строится не на моральных принципах, а на системе формально-логического доказательства, и это означает, что недоказанные факты не могут быть интегрированы в систему юридического знания. Тогда как религиозный дискурс предполагает наличие своего рода «гарантии подтверждения догмы», то в юридическом дискурсе невозможно заранее установить правовой характер действия: юрист априори располагает знанием о возможных признаках преступления, но ему всегда требуется статистически достаточные подтверждения наличия этих признаков, поэтому его описание будет максимально насыщенным.

Второй этап – сравнение феноменологического профиля с когнитивным образом объекта, что предполагает реализацию *категоризирующих* когнитивных операций. То или иное деяние или ситуацию необходимо отнести к определенной институционально установленной категории деяний или ситуаций, что подразумевает выделение в объекте познания существенных для категоризации признаков. Для юридического дискурса абсолютно не допустимой представляется ситуация разделения предметного поля на «свои» и «чужие» объекты, как это свойственно политическому и религиозному дискурсам. Беспристрастность как один из принципов юридического познания подразумевает безоценочное, не основанное на определенной ценностной системе отношение к объектам категоризации. Однако заметим, что сами основания установления норм, в соответствии с которыми выделяются те или иные категории («преступление», «порядок», «вменяемость», «наказание», etc.), могут иметь ценностный характер – например, быть основанными на религиозных идеалах.

⁹ Кротков, Е.А. Диагностическое познание. – Белгород: БелГУ, 2006. – С. 13-15.

¹⁰ См. там же.

Категоризация объектов юридического дискурса предполагает применение операции аналогии, в ходе которой единичные факты сопоставляются друг с другом на основании общих признаков, составляющих ту или иную категорию. С помощью аналогии разрабатываются законы, которые обязательным образом носят универсальный характер и «покрывают» ряд аналогичных ситуаций; идентифицируются преступления на основе аналогичных прецедентных деяний; выявляются серия однотипных деяний с целью установления «почерка преступника» и т.д. Однако центральной функцией аналогии является контроль над реализацией морального принципа, согласно которому закон должен применяться в аналогичных случаях.

Категоризация не является конечной целью юридического познания; нормативный характер дискурса означает, что юрист не просто идентифицирует объект познания, но осуществляет определенное регулятивное действие – оправдывает, наказывает, приговаривает и т.д. Однако переход от категоризации к правовым действиям требует еще одного этапа – интерпретации объекта познания.

Итак, третий этап – формирование ноуменального объекта – характерен реализацией *интерпретативных* когнитивных операций. Интерпретация в юридическом дискурсе выполняет исключительно диагностико-нормирующую функцию, то есть квалифицирует объект как соответствующий либо несоответствующий норме, а также, в случае девиации, определяет степень нарушения нормы и характер последующих правовых действий. Отличие от политического и религиозного дискурсов заключается в том, что интерпретация как «перевод на язык содержательного знания» не подразумевает никакой идеологической или догматической основы, по крайней мере, не рационализируется самим агентом действия как идеологически обусловленная и/или манипулятивная деятельность. И, тем не менее, в современной теории права – и в частности, в судебной лингвистике – достаточно часто в последнее время высказываются идеи о том, что формальные – риторические, речевые, стилистические – аспекты интерпретации оказывают существенное воздействие на юридическое заключение. Однако, несмотря на значимость риторической составляющей, юридический дискурс специфичен наличием жестких требований к логико-аргументативным процедурам. По мнению многих представителей современных теорий права (например, Р.Алекси), приемлемым юридическим решением необходимо считать только то, которое возникло в результате рациональной, а не риторической дискуссии. Жесткое следование логическим правилам на «микроуровне» юридического дискурса – то есть на уровне высказываний и рассуждений – регулирует следование моральным правилам универсальности на «макроуровне» – то есть на уровне конструирования знания.

Конвенция имеет отношение к каждому из трех этапов юридического познания и представляет собой подчиняющую себе все остальные познавательные операции, в большей степени интерпретативные, в меньшей – репрезентативные операции. Проблема конвенций в юридическом дискурсе связана с априорным и апостериорным типами знания. Если содержание апостериорного знания в значительной степени зависит от индивидуальных аргументативных навыков и компетентности субъекта, то априорное знание имеет дискурсную и – в более общем смысле – культурно-историческую природу. По терминологии Фуко, оно представляет собой ту «эпистему», которая характерна для конкретной культурно-исторической эпохи: «юридическое производство знания» (М.Фуко) основано на представлении об истинности, инвестируемом иными дискурсными средами – педагогической, религиозной, политической, научной и прочими.

По своему результату юридическое познание адаптивно или конструктивно – но не автономно – по отношению к иным типам «институционализованного» познания; однако, по своему процессу оно специфично и независимо. Примером тому может служить известный курьезный случай, произошедший в судебной практике: в суде был не принят к рассмотрению иск, предъявленный Богу с требованием прекратить «смерть, разрушения и страдания», при этом обоснование отказа включало в себя формулировку «за невозможностью установить точный адрес ответчика, чтобы отправить ему повестку». Этот пример, несмотря на свою нетипичность, тем не менее, демонстрирует основные черты юридического дискурса: с одной стороны, не отрицается и не оспаривается знание, произведенное в иной дискурсной системе (в данном случае – существование Бога); но с другой стороны, соблюдаются все требования к логико-формальной стороне юридического высказывания (объект правовых отношений, как мы упоминали ранее, мыслится как находящийся в пределах человеческой деятельности).

Образовательно-педагогический дискурс

Номотетический способ познания, организации и передачи знания, по-видимому, является доминирующим в образовательно-педагогическом дискурсе, поскольку речь здесь идет о задачах конструирования образа мира, о передаче знаний о мире, то есть о построении абстракций, основанных на типичном. Эффектом образовательно-педагогического дискурса является, в первую очередь, включенность индивида в общую структуру (действия, познания, артикуляции), делающую возможным каждое единичное, а нацеленность на этот эффект обуславливает специфичную организацию познавательных процессов в рамках этой дискурсивной практики. В то же время, образовательный дискурс ориентирован на трансляцию и закрепление таких знаний, которые позволили бы адресату «справиться» с типичными жизненными ситуациями.

Образовательно-педагогический дискурс жестко увязывается не только с социальными, профессиональными, культурными и иными факторами познания, но и, главным образом, с возрастной спецификой когнитивной деятельности. Градуальность образовательно-педагогического дискурса связана преимущественно именно с его ориентацией на конкретные этапы психического и интеллектуального развития индивида. Эта особенность существенно отличает его от юридического дискурса, в котором, как известно, «перед законом все равны» и «незнание закона не освобождает от ответственности перед ним». В этом отношении в образовательно-педагогическом дискурсе действует принцип достаточности, смысл которого сводится к ориентации не только на полноту транслируемого знания, но и на его доступность («понятность») сознанию адресатов.

Репрезентация в образовательно-педагогическом дискурсе предполагает предъявление ученикам и воспитуемым некоторого положения дел, фрагментов реальности, фактов, из которых будет «собрана» коллективно разделяемая в конкретных историко-культурных условиях картина мира.

Одной из важнейших репрезентативных процедур в образовательно-педагогическом дискурсе является дефинирование. Важность дефиниций объясняется тем, что они содержат в себе в конденсированном и акцентированном виде основные признаки предмета. Впрочем, дефиниция используется не только для точной характеристики предмета. Как утверждает В.И. Карасик, «педагогическая дефиниция имеет тройную ориентацию: во-первых, требуется адекватная характеристика предмета (научная ориентация); во-вторых, определение предмета должно быть понятно получателю речи (адресатная ориентация); в-третьих, отсюда вытекает процессуальность дефиниции, ее временный и рабочий характер на каждом этапе обучения, поскольку в целом задача состоит не в том, чтобы дать дефиницию, в том, чтобы научить дефинировать (процессуальная ориентация)»¹¹. Педагогическая дефиниция ориентирована не только на трансляцию точной информации о предмете, но и на формирование социокультурного представления о нем. Это, в свою очередь, означает, что педагогическая репрезентация никогда не свободна от социокультурного опыта самого учителя; и в этом смысле утверждение «ученики таковы, каков их учитель» следует признать справедливым, с той лишь ремаркой, что учителя многочисленны, и интериоризируемый учеником социокультурный опыт также не может быть сведен только лишь к одной модели.

Мы полностью разделяем точку зрения В.И. Карасика, утверждающего: «задача педагогической дефиниции – сформировать в сознании адресата культурный концепт, в состав которого входят разнородные признаки образного, понятийного, оценочного, инструментального характера»¹². В этом обнаруживается существенное отличие от научного дискурса, в котором дефинирование ориентировано на репрезентацию и закрепление не концептов, а понятий. Здесь видны также аналогии с политическим или религиозным дискурсами, в которых дефиниции имеют отношение, скорее, к включению адресата в общее знаково-концептуальное поле, чем к созданию понятийной точности.

Категоризация в образовательно-педагогическом дискурсе нацелена на упорядочение репрезентируемых фактов реальности. Это достигается, преимущественно, за счет

¹¹ Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С. 257.

¹² Там же, С. 258.

сравнения и оценивания. Сравнивая предметы, учитель не только демонстрирует общность их признаков, но и формирует у учеников опыт поиска аналогий; не только сообщает что-то о предметах, но и упорядочивает ранее приобретенные знания; не только демонстрирует ученикам «связность» предметного мира, но и включает неизвестные ранее предметы в сформированные в сознании учеников категориальные схемы. Иными словами, для дискурса образования характерно то, что сравнение направлено не столько на работу с предметным миром, сколько на упорядочивание когнитивного опыта адресатов. В этом отношении очевидны отличия между образовательно-педагогическим и научным дискурсами; однако, по утверждению В.И. Карасика, «для ученика цели педагогического дискурса в значительной степени совпадают с целями научного общения»¹³, поскольку ученик получает новое для него знание.

Оценивание представляет собой специфичную для образовательно-педагогического дискурса операцию, занимающую «промежуточную» позицию между категоризацией и интерпретацией. С одной стороны, учитель намеревается не просто передать ученику знание и научить его формировать собственную точку зрения, но и транслирует определенные модусы отношения к предмету, выражаемые операторами «хорошо – плохо», «красиво – некрасиво», «допустимо – недопустимо», «нравится – не нравится», «полезно – вредно», «правильно – неправильно», etc. Безусловно, такое оценивание предполагает размещение объекта оценки на некоторой воображаемой оценочной шкале, то есть – категоризацию предмета в системе устойчивых в определенной культуре оценочных отношений. Объектом оценки выступают также высказывания и действия самого ученика: учитель не просто категоризирует то, что говорит и делает его адресат, но и интерпретирует его самого как ученика и личность. Функции категоризации выполняют не только различные – преимущественно дискурсивные – формы учебной деятельности, но и собственно многочисленные абсолютно или относительно легитимные номинации учеников («отстающие», «перспективные», «бесперспективные», «класс коррекции», «среднячки», «троечники», «крепкие хорошисты», «гордость класса»). Эти номинации выполняют не только функции оценки уровня знаний учащихся, но и определяют их статус в социальной иерархии определенной образовательно-педагогической среды. Таким образом, оценивание не просто формирует у ученика стратегии морально-эмоционального отношения к действительности, но и конструирует его идентичность.

В образовательно-педагогической дискурсивной практике происходит предъявление и передача как фактов реальности, так и (институционализованные и субъективные) мнения о них. Иными словами, образовательно-педагогический дискурс не только репрезентирует, но и интерпретирует, при этом, *интерпретация* предопределяется как историко-культурной эпохой («дискурсивной формацией»), так и интеллектуально-психическими характеристиками личности учителя. Конечно, мы можем утверждать, что в конкретных историко-культурных условиях распространены определенные модели интерпретации, которые транслируются от поколения к поколению в процессе образовательной дискурсивной практики; но помимо этого, личный опыт учителя оказывает существенное влияние на характер, например, объяснения и детерминации как интерпретативных процедур. В других дискурсах интерпретативные стратегии в большей мере обусловлены установленными моделями – например, в научном дискурсе (особенно в дискурсе естественных наук распространены примеры решения задач или способы доказательства), в религиозном (например, интерпретация может воспроизводить стратегии, содержащиеся в текстах патристического характера), в юридическом (нормативные тексты могут содержать критерии, на основании которых следует квалифицировать деяния). Образовательно-педагогический дискурс в этом отношении сближается с политическим, в котором роль «субъективного фактора» в интерпретации фактов действительности также достаточно высока.

На наш взгляд, *конвенция* как когнитивная операция образовательно-педагогической дискурсивной практики имеет свою специфику преимущественно в отношении отношений «учитель – ученик» и теоретического нормирования дискурса. В первом случае нормативные высказывания способны буквально мгновенно изменить модус

¹³ Там же. С. 257.

восприятия и установить дистанцию между коммуникантами. Такие абсолютно педагогические высказывания, как «к доске!», «тишина в классе!», «кто вам давал слово?», «задержитесь после урока» оказывают сильный нормирующий эффект и вне педагогических ситуаций. Во втором случае теоретический уровень образовательно-педагогического дискурса представлен нормативными высказываниями относительно организации самой дискурсной практики: концептуальный аппарат педагогики, педагогические гипотезы, модели и теории в значительной степени предопределяют дискурсные действия учителя в конкретных образовательных ситуациях.

Однако, в значительной степени образовательно-педагогический дискурс базируется на нормах-конвенциях иных дискурсов – в первую очередь, научного. Познавательный процесс в сфере образования обусловлен нормами-конвенциями той научной или технологической области, знание которой транслируется в рамках определенных дисциплин. Так, нормы гуманитарного познания обуславливают специфику доказательства, описания, объяснения в гуманитарных дисциплинах, а нормы технического познания – в контексте профессиональной подготовки специалистов технического профиля.

Краткое рассмотрение когнитивного параметра некоторых видов общественно значимых дискурсов позволяет заключить, что познавательные стратегии и процедуры существенным образом определяют предметной областью и целями дискурсной практики. Например, содержание системообразующего для политического дискурса концепта «власть» и достижение «кратоцентрических» целей детерминируют особенности формирования знания в политическом дискурсе. Нам представляется, что это обстоятельство является и фактором распространенных междискурсных конфликтов: невозможность установить диалог между представителями различных дискурсных сред связано не столько с неадекватным использованием когнитивного инструментария (например, средств аргументации или понятий), сколько с существенными расхождениями в трактовке обсуждаемого предмета и в прагматике дискурсной практики.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994.
2. Вебер М. Критические исследования в области наук о культуре // Культурология. XX век. Антология. – М., 1995.
3. Задворная Е.Г. Дискурсивные эпистемические трансформации // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск, 2001. – С.240.
4. Ивин, А.А. Теория аргументации. – М., 1997.
5. Карасик, В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С.5-19.
6. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
7. Кротков, Е.А. Диагностическое познание. – Белгород: БелГУ, 2006.
8. Мечковская, Н.Б. Язык и религия. – М.: ФАИР, 1998.
9. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Росспэн, 2007.
10. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004.
11. Dijk T.A. van. On the analysis of the parliamentary debates on immigration // <http://www.let.uva.nl/~teun/categor2.html> (July 1998).

COGNITION IN VARIOUS DISCOURSE PRACTICES: AN EPISTEMOLOGICAL VIEW

E. A. KOZHEMYAKIN

Belgorod State University

e-mail:
kozheymyakin@bsu.edu.ru

The article describes the most significant features of cognition strategies and operations in different discursive practices. Political, religious, juridical and educational discourses are compared with a view to differences in their cognitive parameter.

Key words: discourse, cognition, political discourse, religious discourse, juridical discourse, educational discourse.

УДК 001.1

О КОГНИТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ РЕЛИГИИ

Т. Г. ЧЕЛОВЕНКО*Орловский государственный
университет**e-mail: chelovenko@inbox.ru*

В статье рассматриваются познавательные возможности герменевтических концепций в изучении религиозных явлений. Автор обращается к исследовательскому потенциалу герменевтики на стыке гносеологии и онтологии в условиях постклассической науки.

Ключевые слова: постклассическая рациональность, религиозный опыт, онтология феномена, герменевтическая феноменология, экзистенциальная феноменология.

К постановке проблемы. Всеобщую пронизанность современной культуры духом феноменологизма мы находим в самых различных областях социального знания: понятия естественной установки сознания, горизонта сознания, внутреннего времени и др. становятся опорными концептуальными средствами антропологического переворота в европейской и отечественной философии XX-XXI вв.. Привлекательность феноменологии с методологической точки зрения объясняется тем, что она, с одной стороны, сохраняет, хотя и в весьма модифицированном виде, основные завоевания «классического идеала» науки (достоверность источников познания, обоснованность используемых методов получения знания, общезначимость и объективную истинность научных результатов, опору на опыт, а также универсализм научного подхода), а с другой стороны, отвечает на поставленную ещё Кантом (1724-1804) задачу *отыскания «предельных» условий возможности обретения субъектом объективного опыта.*

Герменевтика пытается разработать всеобщую теорию интерпретации, пригодную для изучения религии, поскольку в силу своих концептуальных идей она может стать адекватной основой для «науки о религии» (см., например, концепции О. Больнова и П. Рикёра).

Исследования религии, культуры и человека как целостных сопряжённых явлений, заслуживают внимания современного религиоведения, поскольку толкование религиозного феномена вне богословского и вероучительного контекстов делает его просто другим объектом нерелигиозного характера.

До недавнего времени среди исследователей и экспертов был распространён эпифеноменизм¹, согласно которому религия трактуется как нечто побочное, второстепенное, несущественное, неопределяющее даже по отношению к тем процессам и явлениям, которые мы называем религиозными. Основанный на известном марксистском постулате – бытие определяет сознание, а, конкретно, социально-экономические отношения определяют системы идей, в том числе религиозных, метафизических и философских, этот принцип показал крайнюю живучесть, найдя опору не только в идеологии, но и в рационально-механистическом отношении к религиозной составляющей жизненного мира.

Острые дискуссии вокруг природы религиозности, выявления критериев и общетеоретических подходов к её изучению тесно связаны с проблемой «внешнего-внутреннего» в описании и понимании религиозных феноменов. Сегодня уже невозмож-

¹ Эпифеномен – явление, сопутствующее в качестве побочного продукта другим, фундаментальным явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния. Эпифеноменизация религии была свойственна идеологии и марксистской философии Советского Союза. Она проявилась не только в отношении Русской Православной Церкви и других внутрироссийских конфессий, но и в связи с решением конкретных социально-политических ситуаций, например, в отношении зарубежного ислама, когда в к. 70-ых – н. 80-ых г.г. XX в. в связи с известными событиями в Афганистане и Иране официальной установкой стало игнорирование религиозного характера исламских движений. Эпифеноменизм в качестве господствующего подхода просуществовал до настоящего времени.

но одностороннее внешнее истолкование религиозности. Неклассический взгляд на науку предполагает доверие к принимаемой субъектом познавательной традиции, отказ от фундаментализма, от субъектоцентризма, предполагает новое понимание «внутренних» состояний сознания, ментальных репрезентаций и самого Я².

Таким образом, категория опыта становится важным фактором современной эпистемологии и, конкретно, личностно-ориентированной теории познания, где феномен и опыт не рассматриваются как взаимоисключающие категории (Сафронов П.А.).

Возможности современной эпистемологии значительно увеличиваются за счёт актуализации диалектического взаимодействия понимания и объяснения³ (см., например, творчество Рикёра). С другой стороны, особый тип постклассической рациональности⁴ значительно расширяет «предельную реальность» и предмет познания. Он предстаёт как явление в объёмном видении его внешних и внутренних характеристик⁵ и требует герменевтического стиля мышления.

Отличительной чертой и важнейшим элементом феноменологического подхода к изучению религии является включение экзистенциального опыта в процесс исследования религиозного феномена⁶. Герменевтическая и экзистенциальная феноменология способна исследовать религию такой, какой она представляется религиозному человеку, т.е. в её непосредственной данности. В тоже время этот подход создаёт почву для сотрудничества с теологами. *В этом сообразовании научно-рефлексивного метода с трансцендентальным ядром религии и заключается, на наш взгляд, основная общенаучная значимость герменевтической и экзистенциальной феноменологии, цель которых – понимание (интеллектуальное и экзистенциальное) религиозной жизни.* Феноменология религии сама в этом случае становится ресурсом эпистемологических открытий, имеющих самое широкое приложение, на чём мы и остановимся в данной статье.

Классическая и современная феноменология религии имеют в своей основе разные теоретико-методологические основания, на чём пунктирно мы будем останавливаться в статье, поскольку от этого зависит характер герменевтических подходов к пониманию религиозных явлений.

В первой половине XIX в. наиболее влиятельными (и до сих пор являющимися наиболее законченными и эмпирически выверенными) были концепции понимания Й. Ваха (1898-1955) и Г. ван дер Леува (1890-1950), имеющие концептуально-обоснованные межпредметные связи с христианской теологией. Большой вклад в развитие герменевтической феноменологии внесли идеи протестантской теологии и идеали-

² Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. Москва. 2001.

³ О соотношении объяснения и понимания в науках, предметом которых являются смысл действия и поведения человека см.: Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. Москва. 1990. С. 606-609, а также анализ концепции «понимания-объяснения» для наук о духе К.-О. Апеля, ставившего задачу преодоления как «квазипозитивистского историзма и релятивизма», так и «историзма-релятивизма герменевтики» см.: Микешина Л.А. Проблема релятивизма в социологии познания // Философия познания. Москва. 2002. С. 406-416.

⁴ См.: Стёпин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10; Он же. Философская антропология и философия науки. Москва. 1992. С. 177-189. Наряду с неклассической рациональностью в качестве самостоятельного типа рациональности выдана так называемая постнеклассическая рациональность, для которой характерен учёт ценностных факторов человеческого мироотношения. Иногда понятием неклассической рациональности авторы охватывают все формы рациональности, выходящие за пределы классики. См.: Швырёв В.С. Судьбы рациональности в современной философии // Субъект, познание, деятельность: Сб. научн. тр.. Москва. 2002. С. 186-206.

⁵ См.: Стёпин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. Москва. 2000; Швырёв В.С. Рациональность в спектре её возможностей. «Исторические типы рациональности». Москва. 1995; Швырёв В.С. Судьбы рациональности в современной философии // Субъект, познание, деятельность: Сб. научн. тр.. Москва. 2002. С. 186-206.

⁶ Под феноменологическим подходом в религиоведении понимается, по крайней мере, три явления. Во-первых, собственно философская традиция, связанная с именем Э. Гуссерля и с феноменологическим методом познания; во-вторых, феноменолого-религиоведческая традиция анализа фактического (этнографического, исторического и др.) материала (например, в творчестве М. Элиаде); в-третьих, традиция общего междисциплинарного синтеза, отличающаяся рядом методологических особенностей и имеющая целью понимание (интеллектуальное и экзистенциальное) внутренней сути религиозной жизни в целом и различных её аспектов в отдельности.

стической философии. В качестве первичной данности любой религии они рассматривали религиозный опыт, который, согласно Й. Ваху, идентифицируется по следующим критериям: как переживание *предельной реальности*; как опыт, принадлежащий *интегральной личности*, вовлечённой в него своим разумом, чувствами и волей; как *самое интенсивное из всех экзистенциальных переживаний*, на которые способен человек и как обязательное наличие в религиозном опыте *практической деятельной составляющей*⁷.

Соответственно, в герменевтическом духе Вах трактует не только религиозный опыт, но и предмет религиоведения, который заключается в изучении всех и сегодняшних и прошлых форм выражения религиозного опыта. Цель религиоведения состоит в том, чтобы понять, что стоит за этими формами, и показать «живую целостность изучаемых религий». Пониманию религий препятствует уникальность чуждой для исследователя духовности, которая с неизбежностью накладывает отпечаток на все формы выражения религии. «Кто из нас не ощущал неизмеримых глубин при изучении религиозных представлений Дальнего Востока или демонизма, характерного для религий Африки?»⁸.

Подчёркивая особый характер предмета изучения религиоведения, Й. Вах говорит о необходимости учитывать исследователю его специфику. «Выдающиеся учёные поставили под сомнение применимость экспериментального, количественного, каузального методов исследования к духовной сфере. Философское обоснование свободы духа было дано в работах Бергсона, Дильтея, Бэल्фора, фон Хюгеля, Трельча, Гуссерля, Шелера, Темпля, Отто, Юнга, Бейли, Бердяева и других авторов. Чтобы метод стал адекватен предмету исследования, нужно осознать феномен индивидуальности, природу ценности и значение свободы. Следует прямо заявить, что целостный мир личности, с которым неразрывно связаны религиозные изыскания, останется закрытым для исследователя, не желающего привести используемую им методологию в соответствие с изучаемым предметом»⁹.

Методы изучения религии, способствовавшие прогрессу религиоведения на стадии его формирования, по мнению Ваха, нужно дополнить достижениями герменевтической философии. Развитие герменевтического метода в религиоведческом контексте связано непосредственно с проблемой понимания чужих для исследователя религий. Й. Вах, так же как и Ф. Шлейермахер (1768-1834) и В. Дильтей (1833-1911), положительно решает эту проблему с опорой на единство человеческой природы. В каждом человеке, по мысли исследователя, содержатся все формы человечности. Исследователь должен уметь активизировать латентно присутствующее в его сознании многообразие религиозного опыта. Обладая определённой подготовкой, он может обнаружить в себе нечто созвучное тем формам выражения религиозного опыта, которые составляют предмет его исследования, и тем самым понять религиозность разных эпох и народов.

А. ван Гарви выразил сомнения в возможности создания *универсальной герменевтики для наук о духе*, поскольку религиовед, сталкиваясь с чуждыми проявлениями культуры, навряд ли может рассчитывать на их симпатическое понимание, даже несмотря на абстрактный принцип «единства человеческой природы»¹⁰.

И тем не менее позиция герменевтической феноменологии заслуживает самого пристального внимания, поскольку в этом случае *религиоведение, дополненное методологическими принципами герменевтики (одарённость интерпретатора, обладание чувством религии, специальная подготовка, интеллектуальный, эмоциональный и волевой настрой, способность к девинации) становится не только наукой, но и искусством понимания религии*. Исследователь имеет дело, как подчёркивает Вах, с формами выражений разных религий, его цель в том, чтобы сделать эти формы прозрачными и рассмотреть сквозь них дух определённого религиозного контекста. Для этого необходимо обладать, говорит известный феноменолог, чувством (органом) религии, а кроме того, обширнейшими знаниями и серьёзной религиоведческой подготовкой, несмотря на то, что многие до сих пор думают, что вполне достаточно одной из этих предпосылок.

⁷ Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research. The Hague; P., 1973. Vol. 1.

⁸ Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research. The Hague; P., 1973. Vol. 1.

⁹ Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research. The Hague; P., 1973. Vol. 1.

¹⁰ Harvey A. van. Hermeneutics // The Encyclopedia of Religion. N. Y.; L., 1987. Vol. 6.

Само религиозное чувство может быть понято и в узком смысле и в широком. В узком смысле религиозное чувство – это исповедание той или иной религии, это принадлежность к тому или иному религиозному сообществу. Но даже беглый взгляд на успешные результаты научного изучения религии показывает, считает учёный, что исследователь не обязательно должен быть адептом той религии, которую он изучает. Западный учёный, посвятивший многие годы изучению буддизма, может понимать эту религию лучше, чем сами буддисты. Так называемые «мёртвые религии» могут быть поняты только извне, поскольку у них нет последователей по определению. Главное состоит в том, чтобы постичь «основополагающую интенцию» изучаемой религии, а это достигается в тесном взаимодействии рационального и дивинационного моментов понимания. Но подлинная интуиция (дивинация) – редкость. И с этим надо считаться. В этом случае она может быть представлена интеллектуальной интуицией, способной на синтез, который стоит на первом месте в любом виде интеллектуальной деятельности, в том числе в науке о религии. Успешное и плодотворное сочетание этих двух путей познания, подчёркивает Й. Вах, предоставляет исследователю возможность выявить характерные черты чужой религиозности, а затем постичь и описать её основополагающую интенцию.

На этих же концептуальных позициях стоял голландский феноменолог религии Г. ван дер Леув. Обозначив цель феноменологии религии как *понимание религиозных феноменов*, исследователь выстраивает свою теоретико-методологическую позицию её достижения. В отличие от Й. Ваха, который всё же отдавал предпочтение интеллектуальным методам познания, голландский учёный считал, что так называемые научные методы исследования играют второстепенную роль в гуманитарных дисциплинах¹¹. Когда психолог или историк проникает в интересующий его объект, он сталкивается с реальностью, которая по своей природе не имеет ничего общего с пространственно-временными отношениями. Эта реальность – целостный поток сознания, не поддающийся критическому анализу и расчленению на отдельные части. Ссылаясь на Ф. Brentano (1838-1917), У. Джеймса (1842-1910), А. Бергсона (1859-1941), голландский феноменолог утверждает, что попытки постичь духовную жизнь путём её расчленения на части никогда не приведут к пониманию её полноты и бесконечного разнообразия. Более того, расчленение духовной жизни на части равнозначно её умерщвлению.

По мнению Г. ван дер Леува, критический анализ, широко распространённый в естествознании и в экспериментальной психологии, совершенно непригоден для понимания духовных явлений. Он сравнивает такой анализ с деятельностью человека, который черпает ведрами воду из потока для того, чтобы постичь его сущность. Все эти пробы воды, взятые даже в очень большом количестве, не приведут исследователя к желаемой цели. Тот, кто хочет понять поток, его прохладную свежесть, глубину, быстроту течения и т.п., должен научиться плавать. А это уже не столько наука, сколько искусство. «Здесь выступает на сцену феноменологический аналитик. Он – пловец, который знает, как погружаться в поток. Он не расчленяет психические феномены подобно экспериментатору, он берёт их в том виде, как они являются ему. Он стремится к постижению сущности феноменов и не ставит вопрос об их фактическом существовании. Он анализирует в интуитивной, а не рациональной манере; его интересуют не эмпирически схватываемые события, а события, которые непосредственно умопостигаются в их общем бытии»¹².

Современный отечественный религиовед Красников А.С., анализируя творчество Г. ван дер Леува, делает вывод о его субъективистско-психологических подходах к пониманию и изучению религии¹³. Но, на наш взгляд, психологизм преодолевается в объективно-теологической рефлексии религиозного явления¹⁴. Подлинное понимание воз-

¹¹ Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research. The Hague; P., 1973. Vol. 1.

¹² Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research. The Hague; P., 1973. Vol. 1.

¹³ Красников А.Н. Методология классического религиоведения. Благовещенск. 2004.

¹⁴ О принципе теологического объективизма в сущностной феноменологии религии см.: Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Москва. 1994.; также о концепции «теологического поворота» в феноменологии П. Рикёра, М. Анри и Ж.-Л. Марьяона см. в кн.: Phenomenology and the «Theological Turn» The French Debate. New York: Fordham University Press. 2000.

можно в том случае, если существуют всеобъемлющие духовные структуры, некие универсалии, объективированные и теологически и философски. Благодаря им индивидуальная структура постигается в тесной связи с тем, что находится за пределами индивидуальности. Эти духовные структуры есть не что иное, как *объективный разум*, без которого невозможно понимание самого себя и других людей. *Ван дер Леув взамен субъективно-идеалистического принципа «единства человеческой природы», отмеченного иррационалистическим духом, предлагает объективно-идеалистическую позицию, основанную на теологических смысловых единицах.*

Подчёркивая зависимость понимания не столько от человека сколько от более значительных и частично чуждых людям структур, ван дер Леув сформулировал тезис о *религиозном характере понимания*. При чём в основу этого понимания ван дер Леув положил теологически понятую «любовь». «Подлинное понимание, – пишет он, – предполагает интеллектуальное ограничение. Оно не может быть достигнуто хладнокровным наблюдателем, напротив, оно требует особого взгляда, который влюблённый человек обращает к возлюбленному объекту. В основе любого понимания лежит самоотверженная любовь. Если этого нет, то не только дискуссия о том, что является нам религия, но и любая дискуссия о том, что является нам, становится невозможной. Тому, кто не любит, не может что-либо явиться. Об этом свидетельствует платонический, а также христианский опыт»¹⁵. Следовательно, любовь к Богу является важнейшей предпосылкой понимания вертикального измерения религии, а феноменология религии в понимании ван дер Леува – пропедевтика к восприятию Божественного Откровения и его теологическому оформлению.

Эта позиция вытекает и из понимания ван дер Леува религии, которое он разворачивает в двух ипостасях: «снизу», исходя из человека, или «сверху», исходя из Бога. Религиоведение идёт первым путём и истолковывает религию в терминах человеческого опыта. Теология идёт вторым путём, придавая религии статус непостижимого божественного откровения. Человек стремится возвысить жизнь, увеличить её ценность, придать ей более глубокое и широкое значение. Здесь проявляет себя горизонтальное измерение религии: религия есть расширение жизни до крайних её пределов. Религиозный человек устремлён к более богатой, более глубокой, более открытой жизни, подчёркивает мыслитель.

Голландский феноменолог был убеждён в существовании неразрывного единства религии и культуры, поскольку в конечном счёте любая культура религиозна, а любая религия представляет собой культуру. Поиски того, что превосходит человека, придают особое значение жизни, поскольку упорядочивают жизнь, обеспечивают её целостность, тем самым способствуя возникновению и развитию культуры.

Религиоведение, понятое в парадигме классической науки, стремится исключить всякое взаимодействие с теологией, которую в большой степени характеризует личностное измерение. Исключают они и всякое «экзистенциальное измерение» религиозного феномена. В результате сам религиозный феномен подвергается «натурализации», сводится к социальному функционированию человека, к его социобиологическому, социопсихологическому началу. При этом личностная основа веры и свобода ее выбора либо игнорируются, либо принижаются и сводятся до достаточно примитивного их истолкования. Между тем, привлечение теологической аргументации при интерпретации парадокса человеческой субъективности было бы полезным, когда речь идет о различении природы человека и его ипостасности (личностности).

В неклассической методологии существуют различные способы постановки герменевтической проблематики. Для нас наиболее интересными представляются герменевтическая позиция Хайдеггера (1889-1976), где проблема понимания оказывается сопряжённой с индивидуальным человеческим бытием, а так же герменевтические концепции Гадамера (1900-) и Рикёра (1913-2005), где понимание рассматривается как важнейший атрибут социального диалога.

¹⁵ Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research. The Hague; P., 1973. Vol. 1.

В современной феноменологии религии мы наблюдаем изменение её концептуальных оснований, связанные не только с попыткой преодоления внутренних противоречий классической и философской феноменологии религии, но также с развитием общетеоретических подходов в парадигме постклассической методологии (диалогическая герменевтика О. Больнова, ассимилированная современным немецким религиоведом В. Гантке, антропологический антиредукционизм Х. Плеснера (1892-1985) и К. Барта (1886-1968), фундаментально-онтологическая герменевтика М. Хайдеггера, феноменологические взгляды П. Рикёра, контекстуальный подход Х. Вальденфельса (1934-)).

Остановимся только на одной, но центральной для феноменологии религии проблеме – проблеме интерпретации религиозного опыта в парадигме постклассической науки. Здесь опять мы встречаемся с проблемой соотношения исторического и феноменологического подходов, а значит с герменевтическими возможностями её решения.

Общетеоретические предпосылки, которые позволили рассматривать понятия «религиозный опыт» и «священное» во временном контексте, мы находим в герменевтических концепциях Больнова и Хайдеггера. Это, во-первых, *идея открытости опыта*, принадлежащая Больнову, которая позволяет познание сущности поставит в зависимость от её контекстуального прочтения, снимаемая в то же время противоречие между феноменологами и историками. Во-вторых, *философское осознание различия святого и бытия*. Существенно раздвинули границы понимания религиозных явлений особые типы мышления, выделенные У. Хаммерли («оставляющее» мышление) и М. Хайдеггером («осмысляющее» и «калькилирующее» мышление), которые позволяют подняться к познанию святого. В-третьих, феноменологическая интерпретация тезиса Хайдеггера о том, что «мысль, осмысливающая истину бытия, в качестве мысли исторична»¹⁶. Это позволило Рикёру осмысливать «священное», и в целом религиозный опыт, через исследования онтологических корней понимания: зависимость «Я» от существования поставила проблему отыскания связи «исторического бытия с совокупным бытием», связи, которая предшествовала бы субъект-объектным отношениям¹⁷.

Гантке и Рикёр, каждый по-своему, пытаются *отойти от антропоцентрической теории религиозного опыта*, занимавшей ведущее место в классической феноменологии религии. Согласно принципу антропологического антиредукционизма Х. Плеснера и К. Барта, религиозный опыт индивида не может служить ни масштабом, ни критерием измерения трансчеловеческого (трансрационального) вектора святого, поскольку человек историчен и конечен (Гантке). *Рикёр, в своей дистанцированности от антропоцентрической теории религиозного опыта, опирается на фундаментальную онтологию, на бытие, понимаемое как событийное присутствие*. Для Рикёра, как и для Хайдеггера, «лишь из истины Бытия впервые удаётся осмыслить суть Священного»¹⁸. Поэтому для французского философа *понимание выступает уже не как способ познания, а как способ бытия*¹⁹. Поиск всеобщего религиозного сознания как цель герменевтики, согласно Рикёру, возможен, но после осмысления вопроса о бытии. «Надо решительно выйти из заколдованного круга субъект-объектной проблематики и задаться вопросом о бытии»²⁰, – подчёркивает мыслитель.

Понятие «священное» Гантке и Рикёр рассматривают как герменевтическое, пытаясь с его помощью преодолеть разрыв между неизменными формами и изменяющимся во времени содержанием, между вневременной значимостью и историческим генезисом. У Гантке понятие «святого» выступает как «открытая проблема», но не как инвариантная структура религиозного сознания. Опираясь на принцип неопределённости, немецкий религиовед исследует историко-эмпирический контекст, добываясь лишь большей определённости в понимании «священного». Для него, как и Рикёра, понятия языка религии не являются определяемыми в контексте формальной логики. Они раскрываются только в «герменевтической логике» (терминология Липпса). Священное никогда не преобразо-

¹⁶ Хайдеггер М. *Время и бытие*. Москва. 1993.

¹⁷ Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. Москва. 2002. – С. 38.

¹⁸ Хайдеггер М. *Время и бытие*. Москва. 1993. – С. 185.

¹⁹ Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. Москва. 2002. – С. 36.

²⁰ Там же. – С. 38.

вать в познание и знание, т.к. символы священного принципиально не исчерпаемы ни одной рациональной интерпретацией, а значение священного всегда будет оставаться эсхатологическим. Поскольку священное занимает место абсолютного знания, постольку оно само, считает Рикёр, будет инициировать мышление.

Таким образом, в отличие от эпистемологического оптимизма классической феноменологии религии некоторые концепции современной феноменологии религии, руководствуясь принципами постмодернистской эпистемологии социокультурной и плюралистической ориентации, пессимистически настроены о возможностях сущностного познания «святого».

Действительно, классическая реконструкция религии у М. Шелера (1874-1928) не приложима к осмыслению восточных религиозных традиций, особенно его строгая корреляция между Noesis (акт и его структура) и Ноэма (напряжённость на предметы в их своеобразии) как основное условие функционирования философской феноменологии и феноменологии религии. Интерпретация священного у Шелера, основанная на христианско-теологической объективности, осуществляется в рамках феноменологии сущности сквозь призму таких западно-философских понятий, как ценность-бытие, сущность-бытие-вот, акт-предмет. Постулирование определённого «онтологического» понимания действительности исключает «другие» толкования реальности, например, буддистское, для которого не существует понятия субстанции. Наличие подобного рода ситуаций и вызвало к жизни религиозноведческий интерес Гантке к методологической открытости герменевтики Больнова, согласно которой недопустимо считать признание решения теоретической проблемы одновременно ещё и решением проблемы реальности. С другой стороны, «онтологическое» понимание религиозной действительности имеет своё теоретико-методологическое развитие в концепции посттрансцендентальной онтологии феномена, на которой мы остановимся ниже. Но в любом случае интерпретация религиозных феноменов через религиозную онтологию нам не кажется тупиковым направлением, более того для решения многих социальных и научных проблем это направление мысли нам представляется наиболее перспективным.

Иначе антитеза историзма и универсализма преодолевается в герменевтической концепции «священного» Рикёра, построенной на интегративных началах. Рикёр отталкивается от герменевтики символов, выявляя «связность, демонстрируя нечто вроде символической системы»²¹. В парадигме классической феноменологии религии он раскрывает несколько уровней опыта или представлений. Затем, используя компаративистский анализ, Рикёр описывает символы в рамках дескриптивной феноменологии. Но собственно герменевтика символов, и прежде всего герменевтика «священного», должна по его мнению вступить в диалог с другими дисциплинами (психоанализом, лингвистической семантикой, феноменологией) по поводу различных употреблений двойного смысла символов и разнообразных функций интерпретаций²². Надо сказать, что Рикёр опирается на весьма широкое толкование герменевтики как науки, берущей начало в интерпретации, которая переводит скрытый смысл в очевидный. *При этом создаётся философская основа для образования универсальной религиозноведческой герменевтики, построенной на интегративных началах и включающей в себя лингвистические, психологические, феноменологические подходы в изучении религии, т.е. те подходы, которая не смогла в себе соединить классическая феноменология религии.*

Феноменология религии предлагает и собственную методологию межрелигиозной коммуникации где, диалог рассматривается на двух уровнях: исторически-межкультурном и философско-герменевтическом (Гантке В.). Этот подход соответствует общей тенденции развития современной методологии гуманитарного знания, которая строится с опорой и на методологию объяснения и на герменевтическую традицию – методологию понимания. Такое сочетание перспективно, как справедливо считает Микешина Л.А., для преодоления релятивизма и получения объективной истины в сфере знания другого типа рациональности. Отсюда и востребованность теологии как необходимой части межрелигиозной коммуникации.

²¹ Там же. – С. 370.

²² Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Москва. 2002. – С. 333.

Но диалогизм феноменологии религии заслуживает отдельного исследования, поскольку диалогическое взаимодействие как средство понимания можно рассматривать как интересубъективный (так называемый «человекоразмерный») метод исследования, весьма востребованный не только современным состоянием научной и философской мысли, но и социальными потребностями общества.

Нужно сказать, что герменевтические концепции религии сталкивались с гносеологическими проблемами, если религиозный феномен и религиозный опыт трактовать как взаимоисключающие категории. Это, пожалуй, главная проблемная ситуация, которая до постнеклассической эпистемологии не находила своего разрешения. Но уже постклассическая трактовка феномена (в том числе религиозного) в духе корреляции явления и сознания придала ему онтологическую окраску, а постнеклассическая трактовка феномена, коррелирующая его с опытом, открыла дорогу глубинным основаниям экзистенции, а значит выходу в личностное измерение. На повестке дня создание *посттрансцендентальной онтологии феномена*²³, актуализирующей личностный характер феноменологического познания. Здесь феноменология познания производится не неким чистым разумом, а лицом, попадающим в ситуации, где возникают задачи, указывающие на феномены.

Феноменология познания в этом случае является личностной, доступной *этому вот* человеку, но не личной, потому что указать или показать, кто именно *этим вот* человеком может быть, невозможно.

Постнеклассическое учение о феномене, придавая большое значение опыту самопонимания, пытается помыслить опыт как децентрированное целое, образованное множеством взаимодополнительных соотношений, к числу которых относятся в том числе соотношение феномена и предмета, феномена и экзистенции, пересекающихся со многими другими соотношениями²⁴. Восстановление полноты этих соотношений была бы равнозначна постижению бытийного целого. И в этом случае религиозный опыт отдельного человека, отрелексированный философско-богословской мыслью²⁵, оказывается востребованным. Но чтобы описать различные способы предъявления здесь-бытия к «казанию» бытия, Хайдеггер использует понятие о феномене. Выделение и разграничение способов себя-казания (Сафронов П.А.) является лишь предварительной и «технической» задачей. Необходимо истолковать то, *что* показывается. Феноменология, таким образом, сопрягается с герменевтикой, а «феномены — в своего рода «дорожные» знаки, направляющие наше продвижение ко всё более глубокому пониманию бытия, отмеченному возрастающей детализацией экзистенциальных структур»²⁶.

Значение герменевтики, таким образом, возрастает. Познание и самопознание становятся двумя взаимно дополняющими сторонами реальности, в которой существует религиозный человек. Любой опыт понимания — герменевтический опыт — не рассматривается как норматив, но рассматривается как один из возможных путей, нуждающихся в своём продолжении и переосмыслении.

Современная наука и философия сориентированы на диалог когнитивных практик и методологий, что особенно актуально в отношении религии и духовной жизни человека. Здесь всё больше наблюдается *перенос центра исследовательских интересов от «филогенеза» к «онтогенезу» религиозного феномена, от эволюции вероисповедных традиций к изучению динамики религиозной жизни в контексте индивидуального развития человека.*

Религиозность как субъективно переживаемую встречу с Сакральным, как личную «живую веру», можно рассматривать как *феномен, имеющий многочисленные уровни проявлений в диапазоне от строго-нормативной конфессиональной идентичности до переживания личной эмоционально-психологической вовлечённости в отношения с трансцендентным.*

²³ Сафронов П. А. Онтология феномена. Москва. 2007.

²⁴ Там же. — С. 58.

²⁵ Кстати сказать, теологическое знание и оформилось как система конфессиональных представлений о трансцендентном благодаря рефлексивным механизмам познания.

²⁶ Кстати сказать, теологическое знание и оформилось как система конфессиональных представлений о трансцендентном благодаря рефлексивным механизмам познания. — С. 105-106.

Феноменология, как культурно-феноменологическая система, а не как метод исследования в его классической трактовке, позволяет увидеть религию такой, какой она представляется религиозному опыту отдельного человека. Сложности восприятия герменевтических концепций истолкования религиозных явлений на религиозно-онтологической основе во многом объясняются нерешённостью общетеоретических вопросов феноменологии религии. Например, вопрос об обосновании сознания не представлял для феноменологов первого поколения интереса, тем более если он ставился в религиозно-метафизическом аспекте.

Для современной философской мысли этот вопрос перестал быть риторическим. Некоторые представители феноменологического направления рассматривают религиозную веру как редуцированную, т.е. философскую форму сознания²⁷. В современной российской философии в работах С. Хоружего религиозный опыт рассматривается не только как предмет феноменологического осмысления, но и как некий начальный фон, из которого возможность феноменологии как таковой может быть осознана. Личностный характер феноменологии познания актуален и для концепции посттрансцендентальной онтологии феномена.

Исследование религиозных феноменов в контексте онтологических концепций обогащается развитием современной научно-философской мысли. Очевидно, что перспективность герменевтической и экзистенциальной феноменологий, опирающихся на методологический принцип взаимодополнительности, будет заключаться в решении междисциплинарных проблем не только в социокультурном горизонте религиоведения, но и в вертикальной системе координат трансцендентально-смысловых ценностей и значений религии, что представляется самостоятельной исследовательской темой.

Список литературы

1. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. Москва. 2001.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М. 1990.
3. Микешина Л.А. Проблема релятивизма в социологии познания // Философия познания. Москва. 2002. С. 406-416.
4. Стёпин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10
5. Стёпин В.С. Философская антропология и философия науки. Москва. 1992.
6. Швырёв В.С. Судьбы рациональности в современной философии // Субъект, познание, деятельность: Сб. научн. тр.. Москва. 2002. С. 186-206.
7. Стёпин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. Москва. 2000.
8. Швырёв В.С. Рациональность в спектре её возможностей. «Исторические типы рациональности». Москва. 1995.
9. Швырёв В.С. Судьбы рациональности в современной философии // Субъект, познание, деятельность: Сб. научн. тр.. Москва. 2002. С. 186-206.
10. Красников А.Н. Методология классического религиоведения. Благовещенск. 2004.
11. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Москва. 1994.
12. Phenomenology and the «Theological Turn» The French Debate. New York: Fordham University Press. 2000.
13. Хайдеггер М. Время и бытие. Москва. 1993.
14. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Москва. 2002.
15. Сафронов П. А. Онтология феномена. Москва. 2007.
16. Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research. The Hague; P., 1973. Vol. 1.
17. Dondeyne A. Contemporary European Thought and Christian Faith. Pittsburgh: Duquesne University. 1958.

²⁷ См.: Dondeyne A. Contemporary European Thought and Christian Faith. Pittsburgh: Duquesne University. 1958; Nesteruk A. Humanity in the Universe: A Patristic Insight into Modern Cosmology. Sourzh: A Journal of Orthodox Life and Thought. 88 (2002); Phenomenology and the «Theological Turn» The French Debate. New York: Fordham University Press. 2000; Sokolowsky A. Introduction to Phenomenology. Cambridge University Press. 2000.

-
18. Nesteruk A. Humanity in the Universe: A Patristic Insight into Modern Cosmology. Surozh: A journal of Orthodox Life and Thought. 88 (2002).
 19. Phenomenology and the "Theological Turn" The French Debate. New York: Fordham University Press. 2000.
 20. Sokolowsky A. Introduction to Phenomenology. Cambridge University Press. 2000.
 21. Harvey A. van. Hermeneutics // The Encyclopedia of Religion. N. Y.; L., 1987. Vol. 6.

ON COGNITIVE RESOURCES OF HERMENEUTIC CONCEPTIONS IN THE PHENOMENOLOGY OF RELIGION

T. G. CHELOVENKO

Oryol State University

e-mail: chelovenko@inbox.ru

The article observes the cognitive resources of hermeneutic conceptions in religious phenomena studies. The author addresses to the methodological potential of hermeneutics at the interface of gnoseology and ontology in the postclassical science context.

Key words: postclassical rationality, religious experience, ontology of phenomenon, hermeneutic phenomenology, existential phenomenology.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2/96

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: СТАТЬЯ 3. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СУБКУЛЬТУР ДЕТСТВА И ЮНОСТИ (АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА)*

М. М. БЕЛОУСОВА¹⁾
О. В. КОВАЛЬЧУК²⁾
В. П. РИМСКИЙ³⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail: belousova@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru

³⁾ e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

В данной статье авторы продолжают оригинальное исследование культурной эволюции феноменов детства и юности, рассматривая их как специфические исторические субкультуры, рожденные и существующие в конкретных культурно-цивилизационных системах античности и средних веков.

Ключевые слова: античная пайдейя, христианское воспитание, субкультуры детства и юности, субкультурные коды, возрастные символизации, поколенческая культурно-историческая динамика, институты культурного обновления и инновации.

Еще большее место, чем в архаических обществах, *субкультуры детства и молодости*, не только их концептуально-символические, но уже и понятийно-теоретические коды (философские формы осознания) занимают в греко-римской, античной цивилизации, которая прямо *взрачивает, возделывает ребенка и юношу*. Ведь, собственно, термин «*культура*» в античности отражает не только обработку земли, но и культуру-пайдейю, культуру «возделывания», воспитания и обучения подрастающего поколения. «Пайдейя (греч. pais – ребенок), в первую очередь воспитание и образование детей, затем вообще образование: гармоничное телесное и духовное формирование человека, реали-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 09-03-55309 а/Ц) и развивает идеи, изложенные в ранее опубликованных статьях: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках: Культура и субкультура. Статья 1. // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41; Белоусова М.М., Ковальчук О.В., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках: Статья 2. Генезис и эволюция субкультур детства и юности// Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (79). – Вып. 12. – Белгород, 2010. – С. 25-36.

зующее все его способности и возможности»¹. Симптоматично, что в отечественной словарной традиции только в «Новой философской энциклопедии» мы находим это понятие, вписанным в философский категориальный тезаурус, как «означающее универсальную образованность (ср. лат. *humanitas* – вселенская образованность как существо человека)», и дополненным смыслом «культуры».² Об этом писал и Ф.Х. Кессиди: «Пайдея (*paideia*) – слово, обозначающее одновременно «воспитание», «обучение», «образованность», «культура», «просвещение» и т.п. Непосредственным условием становления греческой пайдеи явилось письмо»³. Линейное письмо не только определило отрыв античности от цивилизаций восточного типа, но и обусловило необходимость в обучении грамоте, столь необходимой в функционировании греческого полиса и становящейся демократии.

Пайдейя в античности обращена, прежде всего, к молодежи (образование распространялось, разумеется, в основном на мальчиков и юношей) и имела своей воспитательной целью формирование человека, обладающего добродетелью (*арете*), т.е. *добродетельного человека*. В.М. Розин совершенно справедливо отмечал: «Каждая культура – древняя, античная, средневековая, Нового времени – открывалась своеобразным «проектом нового человека»... Поскольку в каждой культуре семиотический процесс существовавшего менялся (что не исключает переосмысленных заимствований из предыдущих культур), *менялись и психика, и телесность человека*».⁴ Уже в раннегреческой философии⁵ мы встречаем четко разработанную картину *семи возрастов жизни человека*: младенец, (до 7 лет), отрок (до 14 лет), юноша (до 21 года), молодой человек (до 28 лет), мужчина (до 50 лет), пожилой мужчина (до 56 лет) и старик (после 56 лет). Как известно из литературы по истории педагогики, в античности существовала и четкая возрастная динамика в образовании и воспитании человека: система античной Пайдейи строилась в соответствии с выше приведенной иерархией возрастов. Только период эфебии – военной службы и инициации юношей – несколько конкретизировал эту возрастную таблицу, так как проходил с 18 до 21 года.

Этой возрастной стратификации и связанным с ним воспитанием и образованием не противоречит тот факт, что в классической античности брак мог заключаться в возрасте 12-15 лет для женщины, а для мужчины на 10-15 лет позже – в возрастном диапазоне около тридцати лет (до этого он мог не только воевать и участвовать в политической жизни, но и получать философское и риторическое, «высшее», образование). Возраст *акмэ* (примерно 40-45 лет) считался периодом наивысшего расцвета, и ему греки уделяли очень важное символическое значение. У Платона в идеальном полисе-колонии в этом возрасте заканчивалось обучение «избранных» с золотыми потенциями души философии, и они становились способными к государственному управлению.

Мы видим не только достаточно продолжительный цикл жизни эллина, но и его строгое символически-статусное структурирование. Это не только дискурсивно-концептный *проект человека*, но и антропологическая парадигма, осмысленная в логосном дискурсе философской теории. Антропологическим проектом для античности и стал *идеал калокагатии*, «прекраснодоброго» человека, который соизмерял свои поступки с нормами и ценностями полисной жизни, выполняя свою роль в агональном театре античной жизни, наполненной телесными и душевными порывами, стремлением занять *достойное место* в прекрасном, гармоничном макрокосмосе природы и добродетельном мезакосмосе полиса.

Демократическому идеалу калокагатии предшествовал *идеал арете* (доблести и добродетели), обретение которого было доступно первоначально лишь родовой аристократии (от него идет и ее наименование). В. Йегер, А.-И. Марру, А.Ф. Лосев и другие исследователи выделяли в качестве первичной парадигмы воспитания молодого человека

¹ Словарь античности: Пер. с нем. – М., 1989. – С. 406.

² Солопова М.А., Шичалин Ю.А. Пайдейя // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 3. – М., 2001. – С. 189.

³ Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. – М., 1972. – С. 25.

⁴ Розин В.М. Человек культурный: Введение в антропологию. – М., 2003. – С. 38.

⁵ Например, в трактате о «О числе 7», который приписывают Гиппократу, а некоторые исследователи относят его к допифагогской поре: Досократики. Дозлеатовский и элеатовский периоды / под ред. А. Маковельского. – Мн., 1999. – С. 16.

старинно-аристократический идеал калокагатии, который предполагал образование «красоты» не как чего-то внешнего и только телесного (хотя и прежде всего внешнего и телесного), а прекрасно-добраго «от природы», природной красоты, передаваемой от предков и включающей такие характеристики как «доблесть», «величие», «благодать». «Калокагатии тот, – пишет А.Ф. Лосев, – кто принадлежит к старому, знатному, доблестному, высокопоставленному, величавому, и «благополучному» роду». ⁶ Первоначально гимназии и палестры, в которых мальчики, подростки и юноши из аристократических семей обучались борьбе, владению оружием, терпению и мужеству (но и музыке, танцам), как и ритуальные игры, в которых «спортивный» агон носил мистериально-религиозный характер, мало походили на будущие школы классической античности, а скорее на архаичные инициации.

Особенно наглядно ритуально-религиозная символика инициаций обнаруживается в институте эфебии, который был обязательным для молодых эллинов, которые проходили своеобразную военную подготовку в удаленных от городов и селений местах. А.-И. Марру отмечал, что в эфебии на первый план выдвигалась не мусическая и даже не военно-спортивная подготовка юношей, а *религиозно-моральное воспитание*: эфебы начинали свою службу с официального посещения городских святилищ и клялись «сражаться за богов и родимый очаг», быть верными «богам отцов», призывали в свидетели весь греческий пантеон. ⁷ Особенно жесткий характер служба эфэбов приобрела в Спарте, где из юношей готовили не только воинов-патриотов, но и приучали к убийствам в кровавых криптиях, карательных экспедициях против илотов.

В Афинах мусические и гимнастические школы в эпоху расцвета объединились в гимназии, своеобразные корпорации учеников, учителей и меценатов-покровителей, а эфебии постепенно включили в себя все больший объем образования, в том числе и философско-риторического, что способствовало созданию своеобразной «высшей школы» по типу платоновской академии.

Именно философия и философы формируют новый, *демократический* идеал калокагатии: «Вместе с этим идеалом, вместе с культурой, которая им вдохновляется, распространяется на широкие массы и все аристократическое образование) которое отныне становится стандартным образованием всякого греческого ребенка». ⁸ Первоначально демократизируется занятие спортом как воинским искусством («бой в доспехах», атлетика, гимнастика) и перестает быть привилегией знати (в ее распоряжении остается дорогой «конный спорт»). Демократичная «спортивная пайдейя» берет на себя воспроизводство древнего арете, но уже как *агональной доблести*, подвига в спортивных состязаниях. Гимнастические и мусические искусства в древней античной школе дополняются обучением грамоте, искусству чтения, письма и счета, создается первая система фактически всеобщего начального образования.

Пайдейя формирует все многообразие полисной личности. Платон выделяет различные типы частичной, полисной личности: «человека аристократического» (аристократия), «человека агонального» (тимократия), «человека олигархического» (олигархия), «человека демократического» (демократия), «человека тиранического» (тирания) и т.д. При этом типы человека он увязывает не только с типами полисного устройства, но и с формами и уровнями воспитания и образования. Платон строго логически систематизирует и инкорпорирует в свою теорию идеального государства (точнее в теорию «идеи государства», «образца государства» – так будет правильнее) то понимание человека и его воспитания в интересах государства, которое в зачаточной форме уже присутствовало в учении и образовательной практике софистов. Система Пайдейи, которую предлагал Платон, была педагогической инновацией и культурной, *классической парадигмой*, которая на столетия определила развитие человеческой цивилизации в сфере воспитания человека. Платон первым предложил и сформировал целостную систему образования одновременно и как «консервативный» институт трансляции традиции, духовно-нравственного воспитания, и как *инновационный институт* производства и системати-

⁶ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. – М., 1969. – С. 290.

⁷ Марру А.-И. История воспитания в античности: (Греция). – М., 1998. – С. 151-152.

⁸ Там же. – С. 66.

зации знания»⁹. Классическая античность весьма чутка к возрастным символизациям и идентификациям: проблема воспитания детей, отроков и юношей становится доминирующей и в греческой философии, и во всей античной Пайдеи. Итак, античная философия, живая душа Пайдеи, и становится основным *институтом обновления культуры*, привносящим инновации в жизнь полиса, формирует *весьма развитую культуру детства и молодости*.

При этом надо отметить не только положительные архетипы античной системы воспитания и образования, которые в своих парадигмальных формах дошли до наших дней, включены, например, в систему начального образования. В античности складываются и *консервативные стереотипы* воспитания и образования, связанные с культом учителя и репрессивными механизмами подавления инакомыслия учеников. Не здесь ли лежат семиотические истоки формирования молодежной контркультуры именно в антигонизме со школьной и университетской системой образования? Вспомним, что эллинская молодежь, вовлеченная в инновационные механизмы образования, прямо или косвенно, становится носителем не только творческих, но и разрушительных тенденций в античной культуре. Вспомним, что Сократа подвергли обвинению и суду его же молодые ученики, что не было возможным в добрые «старые» времена.

В этом плане стоит внимательнее присмотреться и к тому мало исследованному феномену, что сама античная философия от возникновения до конца часто носила анти-системный, *антикультурный* характер, выступая против религиозно-мифологической традиции толпы. Здесь обнаруживаются и глубинные связи античной философии с народной смеховой культурой: чудоковатый Фалес, вечно глядящий в небо, спотыкающийся, но не забывший погреть руки на первой биржевой сделке; «таинственный» Гераклит и «смеющийся» Демокрит, ироничный Сократ и юродствующий его ученик Диоген – все они совмещают в себе глубинное теоретическое постижение жизни и *антиповедение*, взрывающее общепринятые мораль, традиции и ритуалы. Молодые ученики Сократа, такие как Мелет и Анит, отдавшие его на суд, были большими консерваторами и «стариками», нежели он сам, этот вечно юный лукавый сатир. «Молодой человек, – писал Э. Эриксон, – может ощущать себя одновременно очень молодым, даже младенцем, и достаточно старым»¹⁰. Противоположным образом себя могут ощущать как старики, так и целые культуры и народы. Средневековые очень часто себя позиционируют как «очень старое» общество, выросшее на мужественных плечах гигантов древности, хотя здесь мы наблюдаем человечество едва-едва вступившим в пору отрочества.

Так или иначе, но именно в контексте устремлений молодежи (или молодых стариков типа Сократа) происходил в античности слом моральных и ценностных установок, что и способствовало формированию *космополитического типа личности*, получившего расцвет в эпоху эллинизма и имперского Рима и подготовившего всемирную победу христианства. Перед *лицом Бога* нет ни эллина, ни иудея, а только человек, обладающий развитыми *личностными* характеристиками.

Но закономерно встает вопрос: была ли в средневековом христианском мире, ощущавшем себя «стариком», столь же развитая, как и в античности, субкультура молодости? Многие исследователи отвечают на этот вопрос отрицательно. Часто опираются при этом на исследования Ф. Ариеса, который, в частности, считал, что в средние века не было даже категории детства (тем самым и юности) как особого качественного состояния человека, что и вело к созданию специфической средневековой «цивилизации взрослых».¹¹ Здесь следует отметить, что наблюдения Ариеса даже на первый взгляд противоречат учению Иисуса Христа: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). Спаситель неоднократно призывал уподобляться детям, а не воспринимать их в качестве «взрослых».

В евангельских образах мы находим также и *развитый дискурс молодости*. Христос в Евангелиях проходит все стадии взросления и предстает перед учениками в

⁹ См. подробнее: Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004.

¹⁰ Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. – М., 1996. – С. 179.

¹¹ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 316.

образе молодого человека, почти все апостолы – еще юноши, хотя сами зарабатывают «хлеб насущный» (кто рыболовством, а кто и сбором податей). Эта заповедь, разумеется, обыгрывалась в христианском мире в различного рода религиозно-культурных символизациях: юродивые и монахи-старцы зачастую и вели себя «как дети»». В чем же тогда дело? Почему дискурс повседневности, на который ориентируется Ариес в своих исследованиях, противоречит дискурсу религиозно-теологическому?

Во-первых, как в живой ткани реальной жизни западно-христианского средневековья, так и в культурных кодах тесно переплелись языческие, античные и христианские половозрастные представления, символизации и ценности, что в повседневной жизни человека приводило к причудливым их метаморфозам, во многом детерминированных экономической отсталостью новой цивилизации и соответствующим изменением демографической динамики. Исследователи очень часто ссылаются на высокую смертность детей и мужчин-воинов, что приводило к быстрому взрослению человека средневековья и столь же быстрому его уходу из жизни, в молодом возрасте (по нашим меркам!). Однако мы считаем, что не надо идти на поводу среднестатистических данных о возрасте людей в их соотношении со статусно-возрастными символизациями, которые были гораздо сложнее. Тот факт, что средние века «не замечали» ребенка по сугубо демографическим и прагматичным соображениям, а не по культурно-семиотическим «причинам», отмечал и Ж. Ле Гофф: «Прагматичное Средневековье едва замечало ребенка, не имея времени ни умиляться, ни восхищаться им. Да и ребенок часто не имел дедушки – столь привычного для традиционных обществ воспитателя».¹²

Да и среди исследователей имеются и другие мнения на этот счет. «По средневековым представлениям человек, как микрокосм, проходит в своем развитии те же периоды, что и окружающая его вселенная, макрокосм. Этих периодов шесть, и они уподоблены шести дням творения. «Возрасты жизни» включают в себя: детство, отрочество, юность, зрелость, старость и дряхлость (последняя иногда не выделяется – авт.). С современной точки зрения они смещены во времени, так как само общество было демографически молодым. Средняя продолжительность жизни невелика: согласно крайне приблизительным оценкам, она составляла примерно 45 лет для мужчин и 35 – для женщин»¹³. Но такая средняя продолжительность жизни наблюдалась даже в развитых индустриальных странах не только в XIX, но и в XX веке. Значительный рост средней продолжительности жизни в индустриальных странах наблюдается в Европе, США, СССР и других индустриальных регионах *только* во второй половине XX века (когда и начинают исследовать более подробно молодежную культуру, совершая невольную идеологическую модернизацию проблемы!). И опыт нашей страны последних десятилетий показал, как она может быстро регенерировать на уровень доиндустриальный, в том числе и по продолжительности жизни.

Во-вторых, культурно-цивилизационный слом, который сопровождал возникновение христианского мира, предполагал определенную перекодировку не только предшествовавших христианству семиотических систем, но и собственно раннехристианских (евангелических) и патристических, антично-христианских дискурсов, концептов и кодов. Разумеется, «христианский мир» иначе, чем античность или общества модерна, символизировал и осознавал как собственный возраст, что мы уже отметили, так и *возрастные символизации человека повседневности*.

Но это не значит, что в культурно-исторической ткани средневекового бытия не было концептов, субкультур и соответствующих кодов «детства», «отрочества» и «юности». Вспомним развитую средневековую систему образования, где на смену монастырским школам пришли городские, а затем возникли университеты, в которых образование продолжалось до очень зрелого возраста и учитывало всю возрастную специфику человека. В крестовые походы отправлялись молодые рыцари, как правило, младшие сыновья феодалов, которые не получали наследства, а потому постригались в монахи или уходили в военные походы «за гробом Господним», добывая при этом не только спасение и благо-

¹² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992 – С. 268.

¹³ Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века. – М., 2002. – С.174.

дать, но и золото, и мирскую славу. Аналогичной была и судьба дружин викингов и русских князей, состоявших сплошь и рядом из сильных молодых воинов, героизированных средневековым эпосом. Как видим, и в средние века были «конфликты поколений». В народной фольклорной культуре средневековья мы обнаруживаем развитую субкультуру детства и молодости, связанную со сложной культурой социализации и воспитания человека. Ранняя социализация человека и взросление юноши средневековья *не отмечают* наличия *поколенческой культурно-исторической динамики* и возрастной стратификации и символизации.

Более того, и в рамках «христианского мира» символизация субкультуры молодости весьма существенно различалась в различных сословно-корпоративных группах и коллективах. Ж. Ле Гофф об этом писал: «Более устойчивыми (чем профессиональные «братства» или половые группы типа вдовствующих женщин – авт.) были возрастные группы, но не те, что умозрительно относились клириками к абстрактным «возрастам жизни», а другие, интегрированные в конкретную реальность, характерные для традиционных цивилизаций, военных и крестьянских обществ. Среди всех возрастных групп несомненной реальностью своего существования выделялась одна – *класс молодежи* (выделено нами – авт.), соответствующий в примитивных обществах юношам, подвергавшимся инициации. Инициацию – ученичество – проходили и молодые люди Средневековья. Но здесь действовали социальные структуры, придавшие этой возрастной стратификации различный характер у воинов и крестьян»¹⁴.

Но Ж. Ле Гофф отмечал в средневековье и своеобразный *перманентный бунт непочтительной молодежи** против отцов: «Нетерпение юных феодалов возбуждалось многими причинами: сокращенный разрыв между поколениями, малая средняя продолжительность жизни и необходимость для сеньора проявлять себя в качестве военного вождя; как только сеньору позволял возраст, он должен был постоянно подтверждать свой статус на поле боя». ¹⁵ И если юные рыцари не отправлялись в крестовый поход или грабительский наезд на соседей, то восставали против собственных отцов.

А повод для молодежи всегда не проблема. На то оно средневековье – пора отрочества человечества. Вспомним мальчишеские драки «стенка на стенку» и «один на один», которые существуют до сих пор во всех странах. Сюда же вписываются символические и стилевые стратегии поведения как молодежных уличных банд наших индустриальных и постиндустриальных мегаполисов, так и политизированных объединений молодежи типа скинхедов, российских нацболов и новоиспеченных молодежных объединений в поддержку В.В. Путина. Последние, хотя и были иницированы сверху, но очень быстро по возрастной и культурно-семиотической логике стали себя вести бунтарски, что повлекло их постепенное «закрытие», как только усилились позиции правящей российской элиты.

Был и другой путь культурной реализации младших сыновей феодалов и незаконнорожденных бастардов. Это был путь ухода в монахи. Вспомним, какой переполох вызвало решение Фомы Аквинского, старшего сына и законного наследника рода, отказаться, как в свое время сделал царский сын Гераклит, от карьеры сеньора и уйти в монахи и стать в последующем ученым-теологом. Ж. Ле Гофф поэтому вполне справедливо отмечал, что в XII–XIII веках именно быстрорастущие монашеские ордена становятся теми культурно-инновационными институтами, которые вносят изменения, своеобразную модернизацию во все сферы жизни средневековой Западной Европы.

В монахи уходили, как правило, младшие сыновья сеньоров или незаконнорожденные бастарды, в основном молодые люди. Именно здесь они становились «корпоративными людьми», обретали идентичность индивидуальную и коллективную, по Эриксону, усваивали технологии и символы христианской культуры. «Средневековый человек всегда член группы, с которой он теснейшим образом связан. Средневековое общество

¹⁴ Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 289.

* Особенно *бастардов* – незаконнорожденных, что было повседневной практикой западноевропейского средневековья (тема многообразия браков в средние века требует особого разговора применительно к нашей проблематике).

¹⁵ Там же. – С. 263.

корпоративно сверху донизу. Союзы вассалов, рыцарские объединения и ордена; городские коммуны, гильдии купцов и ремесленные цехи; защитные объединения, религиозные братства; сельские общины, кровно-родственные союзы, патриархальные и индивидуальные семейные группы – эти и подобные человеческие коллективы спланировали индивидов в тесные микромирки, дававшие им защиту и помощь и строившиеся опять-таки на основе взаимности обмена услугами и поддержкой»¹⁶. Но монашеские ордена давали им возможность не только обрести корпоративную идентичность средневекового человека, но и канализировать свою витальную энергию на путях реформирования и цементирования средневековой европейской цивилизации.

Мы в свое время отмечали, что в средние века христианская церковь была не только институтом традиции, но и инновации¹⁷. На наш взгляд, совпадающий с точкой зрения Ж. Ле Гоффа, *инновационным потенциалом* в средние века обладали именно *монашеские ордена*. И связываем мы это с постоянным притоком в них молодежи. Монашеские ордена формируют *официальную культуру молодости средних веков*. Однако, именно в средние века впервые заявляет себя контркультурный, антисистемный элемент, который связан не только с народной фольклорной культурой, но и вырабатывает собственные способы деятельности и знаково-символические системы.

Л.Н. Гумилев, опираясь на свою теорию пассионарности, указывал на активные этнические элементы, «пассионариев» (купцы, клирики, сектанты, рыцари-бароны, пираты-викинги и разбойники), которые задавали социокультурную динамику средневекового корпоративного и иерархизированного мира и обладали большим культурно-инновационным потенциалом: эти «молодые люди, – писал он, в частности, о викингах, – не хотели жить дома, а хотели заниматься всякого рода безобразиями»¹⁸. Все они не только этнические, но и социальные, и культурные маргиналы. Это наводит нас на мысль, что практически в любом обществе, в том числе и традиционном, определенная часть молодежи закономерно не вписывается в социализацию доминирующей культуры и вынуждена искать свои, обходные, порой деструктивные пути идентификации и аккультурации. Такой подход позволяет, на наш взгляд, посмотреть на проблемы субкультурности и контркультурности молодежи индустриального и постиндустриального общества с позиций *универсальности* как самой *культуры молодости*, так и ее антисистемных формообразований. Контркультурные элементы в периоды социокультурных стагнаций или устойчивости находятся на периферии цивилизаций, а в периоды кризисов и революций выходят на первый план, порой и порождая эти социокультурные катаклизмы.¹⁹ Особую роль в этих процессах играют способы знаково-символического манифестирования молодыми маргиналами собственной идентичности и культурной позиции. Так, сектанты за символы своей веры и своих лидеров-символов готовы были идти на смерть подобно тому, как и крестоносцы-рыцари, защищавшие святыни Господа, только часто их символические миры имели обратные знаки культурной и жизненной валентности.

Но не одни викинги-завоеватели и сектанты-разрушители, как носители средневековой контркультурной энергии молодежи, задавали *инновационную динамику средневековья*. И не только монахи были носителями позитивной социокультурной и жизненной энергетики. Была и позитивная, предпринимательская энергия *молодых купцов* (а старик и не мог отправиться за тридевять земель!), которая двигала средневековье по пути экономического и технологического прогресса, подготавливая капиталистический переворот.

Особенно нам хотелось бы остановиться на культурной роли университетов и студенчества в жизни средневековья и последующих эпох, вплоть до наших дней. Хотя прообразом университетов можно считать и античные философские школы типа платоновской Академии, и византийские патриаршие и императорские школы (одна из них возникла еще при императоре Феодосии II в 425 г. и стала называться «Аудиториум», с сере-

¹⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 200.

¹⁷ См.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.

¹⁸ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990. – С. 87.

¹⁹ Подробнее см.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.

дины IX века ее называют Магнаврой, по названию одного из залов дворца императора), и арабские учебные заведения в крупных городах, но собственно университет со всеми его технологиями деятельности и статусно-корпоративными символизациями – продукт западного средневекового мира.

Средневековые университеты своим возникновением обязаны тем же монашеским орденам, которые не только взяли их под контроль, но зачастую и способствовали возникновению и развитию. В дальнейшем орден францисканцев, как и орден доминиканцев, был включен в жесткую иерархическую структуру католической церкви, возглавлялся главою, который по военному назывался «генералом», как правило, ведущим богословом, философом и культуртрегером своей эпохи (например, после Франциска Ассизского через какое-то время генералом ордена стал Бонавентура). Во многом деятельности монашеских орденов мы и обязаны появлением классических западноевропейских университетов, которые сразу же включились в конкурентную борьбу за влияние на новом «образовательном пространстве». Фома Аквинский, молодым человеком ушедший в монахи доминиканского ордена, а затем возглавивший университет в Париже, стал символом инновационного духа переустройства средневековой католической Европы.

Но университеты, как и само студенчество и преподаватели, несли не только цементирующий фермент в дух эпохи, но и закладывали инновационный потенциал преобразований. Эти университеты, в отличие от школ, имели гораздо более светскую направленность, что отчасти связано с активизацией городской жизни, укреплением власти королей, феодалов и бюргеров (власть пап и епископов становится уже не столь всеобъемлющей, более отодвигаясь в сферу институализации культуры). Светское образование становится и необходимым, и возможным. Инновационный потенциал заключался не только в рационализме схоластики и критических методах проведения занятий (диспут, семинар), но и в способах идентификации и символических формах манифестации членов университетской корпорации, взрывавших сами принципы существования традиционной крестьянской и официальной церковной культуры.

Ж. Ле Гофф писал: «Город чаще всего нарушал эти традиции изначальной солидарности. Впрочем, и в городах можно было найти следы этих обрядов (по типу инициации – авт.): инициации новичков – «желторотых» студентов и школьников (*bejaunes*), призванные очистить их от «сельской дикости». Возможно, здесь прослеживается связь между собирательным именем французских крестьян – Жаки, бытовавшим в конце Средневековья, и именем (*Zak*) – Як, которым в Польше обозначали студента-новичка. Такими обрядами были и инициации молодых учеников, вступающих в компаньонаж – союз подмастерьев, где новичку предписывалось совершить большое путешествие (*Grand Tur*), и инициация молодых юристов, вступающих в Базошь – корпорацию судебных клерков.

Однако Ж. Ле Гофф не обратил внимание на то, что в эти инициации средневековой субкультуры молодости врывается и преобразовывается жизненная стихия народной смеховой культуры, приносящая в жизнь студенческой (и ремесленной молодежи) формы антиповедения и контркультуры. Но это очень тонко подметил М.М. Бахтин.

М.М. Бахтин, исследуя несколько более поздние трансформации смеховой западноевропейской культуры, отмечал громадное значение школьных праздников и рекреаций: «Веселая рекреативная литература школяров во времена Рабле уже поднялась в большую литературу и играла в ней существенную роль. Эта рекреативная литература была также связана с площадью. Школьные пародии, травести, фацетии, как на латинском, так в особенности на народных языках, обнаруживают генетическое родство и внутренне сходство с площадными формами. Целый же ряд школьных увеселений непосредственно проходил на площади. Так, в Монпелье во времена Рабле в праздник королей студенты совершали карнавальные процессии, устраивали танцы на площади. Часто университет ставил моралите и фарсы вне своих стен»²⁰. Сюда же восходит не только студенческий смех, но и традиция обильной студенческой выпивки, которые дожили и до студенческо-богемной культуры XIX-XX веков и современной молодежной контркультуры, прибавив к ритуальному пьянству употребление наркотиков, а к народному эросу средневековья, идеологию и мораль сексуальной революции наших дней.

²⁰ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990. – С.172-173.

Поэтому С.С. Аверинцев закономерно отмечал, что уже в эту эпоху монашеский аскетизм и рациональные принципы христианской этики и антропологии, развитые в богословии и философии Фомы Аквинского, столкнулись с волей общества к естественности и раскованности: «Уже в XIII в. схоласт, – пишет он о Фоме Аквинском, – учащий от имени ортодоксальнейшей христианской этики, считается со здоровой жизнерадостностью мирян и озабочен не тем, как ее изгнать, а тем, как поставить ей благоразумные пределы... Аскетический императив христианства и антиаскетическое настроение общества приходят к договоренности на основе принципов «меры» и «благоразумия».²¹ Фома Аквинский прокладывал дорогу Франсуа Рабле, а эпохи средневековья и Возрождения, развивая веселую витальную энергию молодых людей, закладывали революционный заряд под свою культуру, провоцируя реформационный взрыв.

Интересно, что протестантская Реформация не только постаралась пуританской моралью подавить эротизм народной культуры средневековья, но и заложила в эти культурно-антропологические пласты новые конфликты, которые и привели к последующим взрывам молодежного активизма в эпоху индустриальных, «буржуазно-демократических» и тоталитарных революций, а на переходе к постиндустриальному обществу породили бунтарскую молодежную контркультуру (прежде всего, студенческую – и все началось в Сорбонне!) и фейерверк молодежных субкультур, в том числе и инкорпорированные в коммерциализированную массовую культуру наших дней.

Итак, мифологические ритуально-символические практики инициации становятся одной из основных идеально-информационных форм субкультурного кода детства и юности, дошедшей в превращенных, имитативных и симулятивных формах вплоть до наших дней и входящий в субкультуру детства и молодости общества модерна и постмодерна.

В субкультурные коды детства и юности античность вводит сложную символику оппозиции «учитель – ученик», вмещающую как консервативные, так и инновационные смыслы, а средние века и Возрождение вносят *эзотеризм тайных обществ* (монашеские и рыцарские ордена, студенческие корпорации, мистические сообщества и гностические секты), которые до сих пор задают парадигмы существования многих современных молодежных субкультур (особенно религиозной или оккультной ориентации).

Вместе с возникновением инновационного научного и предпринимательского общества модерна (Нового времени) собственно и возникают *развитые коды* детства и молодости, субкультуры детства и юности, порождающие в последние столетия собственно детскую и молодежную культуры. Детская и молодежная культура эпохи модерна и постмодерна – это и есть *ювенильная культура* «в себе и для себя», вобравшая многообразие знаково-символического, возрастного жизненно-стилевого поведения предшествующих столетий, заложенных в соответствующих субкультурных кодах.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – Л., 1977.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
3. Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
5. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992
7. Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды / под ред. А. Маковельского. – Мн., 1999.
8. Словарь античности: Пер. с нем. – М., 1989.
9. Солопова М.А., Шичалин Ю.А. Пайдеия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 3. – М., 2001.
10. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. – М., 1972.
11. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.
12. Розин В.М. Человек культурный: Введение в антропологию. – М., 2003.

²¹ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – Л., 1977. – С.23.

13. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. – М., 1969.
14. Марру А.-И. История воспитания в античности: (Греция). – М., 1998.
15. Эрикссон Э. Идентичность: Юность и кризис. – М., 1996.
16. Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века. – М., 2002.

METHODOLOGY OF SUBCULTURES STUDIES IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES. PAPER 3. CULTURAL AND HISTORICAL IMAGES OF YOUTH AND CHILDHOOD SUBCULTURES (ANTIQUITY AND MIDDLE AGES)

M. M. BELOUSOVA¹⁾
O. V. KOVALCHUK²⁾
V. P. RIMSKIY³⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail:
belousova@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
kovalchuk@bsu.edu.ru

³⁾ e-mail:
rimskiy@bsu.edu.ru

The paper follows up the authors' original study of cultural evolution of childhood and youth phenomena, regarding them as specific historical subcultures emerged and developed in the definite cultural and civilizational systems of Antiquity and Middle Ages.

Key words: antic paideia, Christian education, childhood and youth subcultures, subcultural codes, age symbolizations, generational cultural and historical dynamics, institutions of cultural innovations.

УДК 139.47:9

ЧЕЛОВЕК В ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В. А. НОСКОВ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: noskov@bsu.edu.ru*

В статье дается антропологический анализ политико-культурных реалий современного российского общества. Исходя из этого, выявляется диалектика взаимосвязи социума, власти и личности с учетом их универсального предназначения, а также специфической формы проявления в рамках российского пути цивилизационного и исторического развития.

Ключевые слова: политика, культура, личность, власть, парадигма, авторитаризм, интеграция, легитимация, идентификация, архетип, технотип, патриархальность.

Специфика российского пути цивилизационного и исторического развития, несомненно, проявляется в его политико-культурной ангажированности, что равнозначно трактовки политико-культурных реалий как первичного структуратора российского общества, или того, что воплощает собой власть. Политико-культурные реалии – это мир властных технологий директивного (политического) и валюативного (культурного) характера, замыкающиеся на человеке, который, с одной стороны, созидает и развивает эти технологии, а, с другой – использует их, одновременно изменяясь и подстраиваясь под обусловленные ими требования профессионального, мировоззренческого и иного плана. В этом проявляется родовая природа человека – быть творцом и одновременно потребителем политико-культурных ценностей. Следовательно, говоря о политико-культурных реалиях, необходимо иметь в виду не только то, что, воплощая собой власть, они соотносятся с обществом, но и то, что здесь присутствует человеческий, личностный фактор как их неотъемлемый носитель, объект приложения и универсальный критерий, в соответствии с которым оценивается степень их эффективности (или неэффективности). В данном контексте личность – это антропологическая характеристика процессов взаимодействия власти и общества, ориентирующая на то, чтобы, с одной стороны, трактовать человеческий фактор как порождение интеракции власти и общества, а, с другой – как ключевую детерминанту подобного взаимодействия. Тип личности в этой связи есть антропологическая специфика интеракции власти и общества на определенном этапе развития, когда сложившаяся историческая конъюнктура актуализирует соответствующие идеалы, интересы, технологии, правила игры, первоочередные проблемы, процедуры принятия решений, – сломом все то, что созидается человеком, адресуется ему и, в конечном счете, принимается или же ставится им под сомнение, отвергается, ниспровергается.

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым дать более развернутую характеристику политико-культурных реалий, которые есть ни что иное, как фактор упорядочивания, приведения к «норме» различных проявлений человеческой активности с учетом специфики фундаментального предназначения каждой из его составляющих. Политика – это власть, основанная на жестких (директивных) технологиях управления обществом; культура же, напротив, олицетворяет власть, воплощающуюся в «мягких» (смыслоупорядочивающих) технологиях воздействия на общественное и индивидуальное сознание. Вместе с тем данные способы властного структурирования общества существуют не автономно, а взаимно предполагают друг друга, ибо они есть кратос – «власть», точнее две ее органически взаимосвязанные друг с другом ипостаси. Именно в политико-культурном факторе воплощается импульсация упорядочивающего плана («власть»), отвечающая за то, чтобы общественные структуры избежали перспективы «ухода в небытие». Отсюда непреложной истиной становится допущение, согласно которому властное упорядочивание, приведение общественных отношений к какой-либо

«норме» актуально в любую историческую эпоху, сохраняет непреходящую значимость для любого государственно-цивилизационного образования (сообщества). Итак, политика – это практическое (с акцентом на директивность), а культура – валуативное (с акцентом на смыслопорождение) упорядочивание социума, что позволяет трактовать их как взаимосвязанные ипостаси власти, каждая из которых имеет свою логику бытия.

Политика, как известно, рассматривается в следующих разрезах: институциональном, т.е. через призму конституционно-правового порядка и существующих традиций общества («*polity*»); нормативном, т.е. на основе целей и задач, которые она (политика) призвана решать («*polisy*»); процессуальном, т.е. как процесса реализации многообразных и противоречивых интересов, получивших «прописку» в обществе («*politics*»). Подобные когнитивные акцентировки востребованы в рамках политологического подхода и сводятся к тому, что здесь антропологическая проблематика имеет, так сказать, «экстернальный» статус, ибо рассматривается как то, что «накладывается» на основную фактуру – социальную реальность – играя роль сопутствующих обстоятельств, побочных факторов и т.д. При реализации же философского подхода данная проблематика «интернализуется», т.е. становится отправным моментом в осмыслении политики, тем, что позволяет трактовать ее как специфическую духовно-практическую форму канализации интересов, фундирующих известные виды человеческой активности; развивающуюся на собственной основе – автономных традициях воздействия и влияния; коренящуюся в природе человека как группового существа, исключаящего неполитические формы совместного проживания; овеществляющуюся в упорядочении (координации и субординации) социальных взаимодействий посредством взаимочета интересов¹.

Если в политике общество обуздывает различные проявления хаоса, борется за порядок в широком смысле этого слова, то в культуре оно осознает смысл этой борьбы, смысл (или бессмысленность) существующего порядка. «В силу этого, – подчеркивает В.С. Семенов, – сами страны, группы стран и общественно-политические системы стали качественно оцениваться прежде всего по степени и уровню развития в них человека, культуры. В совокупности – по степени и уровню цивилизационного развития»². Культура – мера реализации и развития сущностных сил человека, в то время как политика – средство определения данной меры и ее объективизации (реализации), заключение процессов сущностного (качественного) самовыражения человека в соответствующие параметры (количественные ограничения).

Связующим звеном политики и культуры является антропологическая составляющая, которая выступает в роли ключевой детерминанты и универсальной формы бытия этих феноменов. Подчеркивая данное обстоятельство, Аристотель отмечал: «Один только человек из всех живых существ одарен речью... Это свойство людей, отличающее их от всех остальных существ, ведет к тому, что только человек способен к чувственному восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого создает основу семьи и государства... Поэтому-то я и определяю и семью, и поселение, и полис как общение, а полис называю завершенным и совершенным общением»³. Другими словами, человечество изначально «отягощено» политико-культурной формой своего обустройства в этом мире. При этом культура задает глубинные интенции познавательной и преобразующей активности *homo sapiens*, а политика выступает как механизм ее артикуляции и реализации в процессе развертывания коммуникативной / полисной / политической природы человека.

Другим связующим звеном политики и культуры является связь смыслов (сфера культуры) и решений (сфера политики). Связь людей друг с другом происходит через взаимопроникновение смыслов, являющихся «молекулами» культуры. Готовясь к общению, личность формирует смысл общения: просьбу, вопрос, стремление к сотрудничеству и т. д. Акт формирования смысла есть одновременно акт принятия решения. Формирование решения и формирование смысла – один и тот же процесс, но рассматриваемый с

¹ См.: Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 11.

² Семенов В.С. Уроки XX века и путь в XXI век (социально-философский анализ и прогноз). – М.: ИФРАН, 2000. – С. 294.

³ Аристотель. Сочинения. – М.: Мысль, 1983. – В 4-х томах. – Т. 4. – С. 378.

разных позиций и разными науками. Решение – это смысл, взятый с точки зрения предполагаемой последующей его реализации, воплощения в предметном, культурном мире. Решение направлено на изменение предметного мира через акт труда. Формирование смысла – то же самое, но рассмотренное как включение новых реалий в культуру, обогащение культуры. Между людьми нет других форм связи, кроме обмена, взаимопроникновения смыслами, решениями, через их превращение в результат диалога. Общение людей, таким образом, изначально пронизано культурой и политикой. Специфические для человека действия, затрагивающие других людей, выступают как реализация предваряющего решения (системы решений). Акт смыслообразования, формирования решений включает два взаимосвязанных момента: во-первых, это диалог, взаимопроникновение смыслов; во-вторых, это взаимопроникновение культуры субъекта и явления, которое при этом выступает как осмысляемое явление. Смысл явления – результат осмысления через культуру. Предмет, с которым сталкивается человек, осваивается им в формах культуры, т. е. превращается из внешнего, неосвоенного в содержание личностной культуры и деятельности. Одновременно происходит изменение культуры под влиянием новых смыслов⁴.

Это, в свою очередь, побуждает к принятию решений, которые при всей значимости личных качеств того, кто их принимает (факторы воли, например), фундаментально обусловлены фактором культуры. Культурологическое содержание принятия решения заключается в том, что в сложившейся культуре всегда очерчена граница между тем, что подлежит решению соответствующего субъекта, и тем, что не подлежит, во что запрещено вмешиваться, а во что разрешено. Граница между приемлемым и не приемлемым зависит от того, в рамках какой культуры и нравственного идеала она устанавливается⁵.

Исторически сложилось так, что долгое время в социально-философской мысли приоритеты в исследовании данной проблематики отдавались либо политике (Аристотель), либо культурному, или духовно-религиозному фактору (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби). Однако в настоящее время становится очевидным, что «политический человек», равно как и «религиозный человек» – это скорее абстракции, умозрительные конструкции, ибо в реальности они взаимосвязаны, как бы запрограммированы на подпитывание энергетического (мотивационного) потенциала друг друга. В средние века, например, данный тезис подтверждался практикой крестовых походов, воплощающих собой одновременно и агрессивную политическую линию по отношению к иноверцам (нецивилизованным народам), и культурную экспансию – насаждение христианских ценностей на Ближнем Востоке и одновременно придающей смысл деятельности тем, кто осуществлял эту миссию. Это позволяет сделать вывод, что «наложение» в определенные исторические периоды друг на друга политики и культуры превращают их в могущественный кратос – силу, способную динамизировать социальную жизнь, наполнять ее принципиальными мировоззренческими векторами, обогащать политическими технологиями стимулирования многообразных форм социальной активности. И, наоборот, «рассогласование» политической и культурной программ развития общества ввергает его в состояние хаоса, конфронтации, разложения.

Выше обозначенная принципиальная гностическая посылка позволяет объяснить сформировавшиеся на протяжении многовековой истории принципиально важные особенности российского общества. В российских условиях роль первичного фактора выполняла (и выполняет!) политика, которая, прежде всего в лице государства, является главным «менеджером» – структуратором общества. В то же время российская история показывает, что здесь чрезвычайно велика роль духовного фактора. Российская власть пыталась использовать потенциал не только грубого насилия над личностью и обществом, но и изощренные технологии духовного воздействия (например, в форме религиозного или секуляризованного обоснования «светлого будущего»). По этой причине власть воплощала собой не только политику в чистом виде (директивное регулирование), но выступала в культурной (смыслоупорядочивающей) ипостаси.

⁴ Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 307-309.

⁵ Там же.

В России власть (политико-культурный фактор) традиционно выполняла роль авторитарного структуратора общества, а последнее было запрограммировано на осознание себя скорее как «продукта» властного творчества, чем как саморегулирующейся, воспроизводящей гражданские качества (ответственность, законопослушность и т.д.) системы. Исходя из этого, авторитаризм правомерно трактовать не как идеологический или политический, а как онтологический принцип, порождающий монологическую (рассогласованную) интеракцию власти и общества в рамках российского цивилизационного топоса.

Авторитаризм – это своего рода архетипическая парадигма властного структурирования российского общества, в решающей степени определяющая исторические этапы его бытия, вне зависимости от того, касается это знаковых событий и ситуаций (связанных со смутой и революционными потрясениями в обществе) или же следующих за ними череды «неприметных» явлений и процессов, вписывающихся в паллиативные реформы, всеобщую умиротворенность, процессы стагнации и застоя.

Будучи ключевой детерминантой, авторитарный архетип, в свою очередь, черпает силы, получает импульсы, благодаря архаическим истокам, коренящимся в порых российского цивилизационного организма. Архаика проявляется в том, что здесь ключевыми акторами оказывается не власть и общество, а народ, олицетворяющий «массу» и власть, замыкающаяся на персоналиях правителя/вождя/первого лица, что неизбежно придает интеракции кратоса и демоса не секуляризованный (инструментальный), а сакральный (терминальный) характер. В рамках архаизированного ранжирования для кратоса/демоса актуализированную значимость приобретает не внимание к «текущим проблемам», а окончательное решение «главной проблемы» (например, проблемы социальной справедливости, «светлого будущего» и т.д.). Но подобные максималистские требования легче адресовать не институциям, а персоналиям. Разочарованность же в «первом лице» сродни «внезапным прозрениям», что способствует непредсказуемости, спонтанности революционного взрыва (народного гнева), иррационального по своей сути, но по глубинной интенции являющегося закономерным выходом архаической импульсации. Это сигнал опасности, предупреждение авторитаризму как архетипическому способу структурирования российского социума, но не обозначение перспектив, принципиально-го вектора его развития.

Таким образом, как главная структурирующая сила российского цивилизационного топоса (пространства) авторитаризм приобретает статус архетипической парадигмы, а исторические парадигмы в данном контексте есть технотипы – сформировавшиеся де-факто, объективно обусловленные способы властного структурирования общества.

В исторических парадигмах ведущую роль играет проблемная триада «интеграция – легитимация – идентификация». Проблема интеграции соотносится с констатацией того, что именно власть по своей природе предназначена обеспечивать целостность общественной системы. Проблема легитимации есть обоснование претензий власти на роль главного структуратора (интегратора) общества. Проблема идентификации характеризует оценку обществом результатов структурирующей активности власти и вытекающие отсюда перспективы его развития. Необходимо подчеркнуть, что каждая из этих проблем обозначает соответствующий исторический этап в развитии социума и, таким образом, может рассматриваться как обусловленная историческим временем его структурирующая доминанта, как фактор выявления жизнеспособности общества. Другими словами, данная проблемная триада характеризует генезис, развитие и «демонтаж» исторически обусловленных способов «работы» власти с социумом. На протяжении последних пяти столетий довольно отчетливо проявились три подобных способа (парадигмы):

- авторитарно-патриархальная парадигма (XV-XVII вв. – московский период);
- авторитарно-бюрократическая парадигма (XVIII-XX вв. – имперский период);
- авторитарно-коммунитарная парадигма (1917-1991 гг. – советский период);

В рамках авторитарно-патриархальной парадигмы формируется идеологизированный тип личности, для которого характерна ориентация на трактовку государства как источника жестких регламентирующих норм принципов и т.д., определяющих жизнь его подданных. Сама власть в этих условиях трактуется как сакральная сила, что подразумевало подчеркивание ее божественного характера (происхождение от рода Рюрика). А соответствующий коррелят идеологизированной личности – патриархальное общество, в

котором все формы социальной активности заключены в прокрустово ложе традиций, предписаний, «высших прозрений» и т.д. Но как только легитимный статус сакральной власти меркнет, в обществе начинают проявляться стремление к поиску нового идентификатора. Тем самым почва для реформ (по крайней мере, в духовном смысле) оказывается взрыхленной.

Реформы Петра I знаменовали переход от авторитарно-патриархальной к авторитарно-бюрократической стратегеме структурирования общества. Это востребовало глубокую трансформацию главных акторов взаимодействия: власть уже должна была быть окрашена не столько в сакральные, сколько в державные тона, а общество – избавиться от патриархальности и приобрести бюрократизированный облик. Это означало перенос акцента на организационные структуры, являющиеся инструментом власти для обеспечения жизнедеятельности общества на основе обустройства повседневности, реализации «текущих дел». Ключевую роль в этой связи выполняет крестьянская община, воплощающая в себе и хозяйственные, и политические функции. Соответственно, политизированный тип личности становится доминирующим с точки зрения гуманитарной характеристики общества. Для этого личностного типа характерно стремление к формулированию и реализации различного рода проектов, задающих принципиальные векторы развития общества (проекты М.М. Сперанского, западников, славянофилов, евразийцев и т.д.)

Авторитарно-бюрократическая стратегема, знаменая решительную этатизацию, дегуманизацию, секуляризацию власти, способствовала повышению ее «структурирующего потенциала», и, соответственно, автономии от общества с точки зрения одобрения (легитимации) ее действий. Вместе с тем, это можно назвать «пирровой победой», так как кратос раскалывается на два полюса – политическую и духовную власть. Подобная дуализация российского кратоса неизбежно создавала перспективу «ухода в небытие» его авторитарно-бюрократической стратегемы, ибо на данном этапе российской истории произошло не разделение политической и духовной власти на основе консенсусного принципа взаимодополняемости (как на Западе), а раскол, индуцирующий их взаимное отчуждение и, следовательно, ослабляющий политико-культурные скрепы общества. В этой ситуации политизированную личность как доминирующей на тот исторический момент антропологический типаж не устраивала подобная дуализация российского кратоса и она была внутренне готова к новому проекту, предлагающему монистическое видение социальной реальности и переустройство мира зачастую по упрощенным схемам, матрицам, лекалам.

Крах авторитарно-бюрократической стратегемы был обусловлен также тем обстоятельством, что российский социум стремился к реваншу по причине умаления в результате реформаторских усилий державной власти (либеральные реформы второй половины XIX – начала XX вв.) его коммунитарного (общинного) способа (само)структурирования. Но возврат в «исходное» положение знаменовал не просто воссоздание уже апробированного властного инструментария «работы» с социумом, но возникновение качественно новой стратегемы структурирования российского цивилизационного топоса – авторитарно-коммунитарной. В связи с подобной переориентацией общество должно было стать однородным, что, используя терминологию Э. Дюркгейма, востребовало еще более рафинированный тип механической солидарности, когда целостность обеспечивалась не глубинными (например, рыночными отношениями), а внешними причинами (принудительной социализацией – приобщением к «высшим ценностям»). В рамках авторитарно-коммунитарной стратегемы произошел не раскол между властью и обществом но их слияние. Коммунитарный (коллективистский) способ регулирования внутриобщинной жизни был распространён буквально в соответствии с пожеланиями славянофилов XIX века на все сферы жизнедеятельности российского социума, а доминирующим становится социализированный тип личности (в том смысле, что человек должен был «впитать» ценности, санкционированные властью, до такой степени, чтобы в принципе невозможным стало разделение «Я» и «Мы»).

Но монолог-диктат как доминанта авторитарно-коммунитарной парадигмы является жизнеспособным лишь при условии непрерывного «облучения» властью общества – «воспитания», «отслеживания» на предмет лояльности массовидных и индивидуальных

его сегментов. Как только импульсация, основанная на директивном регулировании общественных процессов иссякает, создаются возможности для перевода монологического режима интеракции власти и общества в русло диалога. Но уже первые робкие шаги власти в этом направлении (гласность) приводит к быстрой утрате ей роли застрельщика реформ, главного структуратора общества. Последнее начинает идентифицировать себя не со «светлым будущим», навязываемом ему тотальной (всепроникающей) властью, а с другой альтернативой, которая на рубеже 80-90-х гг. XX в. выступала для него в имидже «свободы», «демократии», «приобщения к мировой цивилизации» и т.п. Коммунитарное (податливое) общество в одночасье становится политизированным (строптивым), консенсус сменяется скептицизмом, апатия – активизмом. Это приводит к быстрому краху тотального типа власти и востребованности ее технического типа. Но российский социум, оказавшийся без «руля» – всепроникающего «ока» тотальной власти и пережив свой звездный час в лице быстротечной политизации, становится демаркированным: неразвитость потенциала самоструктурирования (цивилизационный инвариант) дополняется отчуждением от упорядочивающих импульсаций власти, мировоззренческой дезориентированностью (исторический вариант ответа на крах коммунитарной стратегемы). Соответственно, демаркированный тип личности становится визитной карточкой общества, прошедшего в своем развитии различные «измы», и оказавшемуся на цивилизационно-историческом перепутье.

Личность в демаркированной оболочке воплощает мучительный поиск идеаттрактора, способной наделить высокими смыслами индивидуальные проявления социальной жизни, а, в конечном счете, сплотить, сementировать общество, придать ему идентификационную устойчивость. Аттрактор – это структурирующая сила, призванная как бы «пристегнуть» социум к его будущему состоянию, и, соответственно, вывести его из состояния хаоса, неопределенности, демаркированности. Дилемма «традиционализм – модернизм» в этих условиях малопродуктивна, так как она способствует не преодолению социокультурного, политического и иного раскола, а скорее провоцирует его консервацию. Более того, в условиях переживаемого российским обществом состояния ценностной аномии, возрастает опасность, исходящая от власти, пытающейся заполнить образовавшийся ценностный вакуум активностью технического характера, т.е. выглядеть в глазах общества «специалистом», реализующем конкретные программы действий, но никак не «мудрым правителем», направляющим социальное творчество в нужное русло. Однако подобный способ общения власти с социумом не решает фундаментального вопроса – не способствует поиску символики, несущей глубинные смыслы, вдохновляющей конкретных индивидов, направляющей их энергетику (мотивацию) в рамках соответствующей системы координат и, тем самым, способствующей укреплению легитимного статуса самой власти.

Авторитаризм как архетипический структуратор российского цивилизационного топоса может в перспективе стать актуализированной, исторически востребованной силой при условии сознательной аннигиляции его конфликтогенного и более полного развития консенсусного потенциала. Авторитарно-консенсусная стратегема воплощает интеракцию консолидированной (на авторитарной основе) власти и консенсусного общества, сумевшего примирить разъединяющие его «измы». Консенсусное общество подразумевает творческий синтез ценностей свободы («рынок») и справедливости («социальная защищенность»). Идеи коммунизма и либерализма, материализовавшиеся в условиях России, соответственно, в авторитарно-коммунитарную и авторитарно-утилитарную стратегемы структурирования общества являются примером того, что, в конечном счете, культура (в лице традиции) берет верх над идеологией (в лице чужеродной новации). Поэтому главной созидательной задачей становится не трансплантация (насильственное перенесение), а культивация (терпеливое возделывание) фундаментальных ценностей, являющихся ядром упорядочивающего потенциала власти и потенциала самоорганизации общества.

Смысловое ядро упорядочивания замыкается на ценности порядка, предполагающей механизмы (рычаги) его производства, воспроизводства, корректировки и защиты от воздействия деструктивных сил, или того, что воплощает хаос. Порядок – понятие многозначное, имеющее множество субъективных истолкований. Но субъективистское

«прочтение» порядка должно дополняться выделением его «субстрата» – личности, сохраняющей при любом раскладе сил, в любых исторических условиях принципиальные мировоззренческие ориентиры, не подверженной конъюнктуре сиюминутных обстоятельств. Таковым «субстратом» может стать ответственный тип личности, для которого высшей ценностью является тождественность, с одной стороны, порядка, эффективности, социальной справедливости, а, с другой – необходимости сохранения российского социума, российской государственности и культуры как уникального цивилизационного, исторического феномена. Это подразумевает глубокую духовную трансформацию российского общества и власти, когда и те, кто принадлежит к властвующей элите (политической и духовной), и те, кто олицетворяет «рядовых обывателей» должны «поступиться принципами», т.е. научиться культивировать в себе способности не заикливаться на доморощенном партикуляризме или на импортированном космополитизме, ибо в данном контексте эти крайности как воплощение деструкции (разрушительной стихии) сходятся. Таким образом, политико-культурные реалии – это не только констатация дуальной оппозиции по линии «власть-общество», но и учет степени её гуманизации – возможностей, которые предоставляются для раскрытия потенциала человеческой личности, ибо речь идет о том, носителем каких социальных качеств и свойств она является, какие социальные роли воплощает, в какую историческую эпоху живет и на основе каких мировоззренческих доминант реализует свое предназначение.

Список литературы

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Собр. соч.: В 4-х т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4.
2. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
3. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
4. Семенов В.С. Уроки XX века и путь в XXI век (социально-философский анализ и прогноз). – М.: ИФРАН, 2000.

A MAN IN THE POLITICAL AND CULTURAL REALITY OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY (A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL RESEARCH)

V. A. NOSKOV

Belgorod State University

e-mail: noskov@bsu.edu.ru

The author frames the anthropological approach to investigate the political and cultural reality of the contemporary Russian society.

As a result, the dialectical interaction of society, power and personality are highlighted to understand their universal nature and their peculiarities determined by the Russian civilization and its historical development.

Key words: politics, culture, personality, power, paradigm, authoritarian, integration, legitimation, identification, archetype, technotype, patriarchalism.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.37:2-677

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

В. Л. ГАТИЛО¹⁾
В. В. СУХОРИКОВ²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail: verger@yandex.ru

²⁾ e-mail: verger@yandex.ru

В статье с позиций меристского субъект-субъектного подхода рассматривается проблематика сочетания религии и социального здоровья личности преимущественно в области высшего образования на примере молодежи; обосновывается возможность социального оздоровления молодежи в рамках образовательного пространства вуза посредством включения в него религиозной компоненты.

Ключевые слова: личность, социальное здоровье, религия, образование.

Введение

Развитие высшего образования в России, являясь неотъемлемым компонентом процесса модернизации страны на основе инновационного пути, предполагает изменения в нескольких ключевых областях педагогической деятельности в высшей школе. Данный тезис становится все более очевидным для ученого сообщества: «В современном российском обществе происходит бурный процесс модернизации различных сторон общественной жизни. Модернизация страны предполагает выход ее производства и системы общественных отношений на самые высокие рубежи современного цивилизационного развития. Одним из основных направлений модернизации страны является модернизация образования, в том числе и высшего профессионального образования»¹.

Переход на двухуровневую систему образования с модульной структурой учебных дисциплин, усиление связи между образованием и наукой, ориентация научно-образовательной деятельности на прикладные аспекты и контакты с промышленностью, – всё это не может не привести к ломке существующего порядка в высшей школе России, которая традиционно имеет широкий академический охват окружающей действительности и рассматривает её под фундаментальным углом зрения. Подобная трансформация дезориентирует не только непосредственных участников системы высшего образования: студентов и преподавателей, но также (если рассматривать вуз как «черных ящик») тех,

¹ Перевозчикова Л.С. Гуманистическая образовательная парадигма как аксиологическое основание современного высшего образования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54). С. 36

кто находится на «входе» и «выходе»: абитуриентов и выпускников. Это не только хаотизирует социальные процессы в высшем образовании, не только дестабилизирует отношения между вузом и обществом, но и подвергает людей стрессовому воздействию. Поскольку «вовлеченность в образовательное пространство является для студентов абсолютно приоритетной и занимает центральное место в их жизни»², то именно они являются наиболее уязвимой категорией участников.

Для преодоления негативных последствий переходного периода целесообразно разработать технологию нормализации взаимодействия, не только сконцентрированную на специфике студентов, преподавателей и обслуживающего персонала вуза, но и вписывающую участников системы высшего образования и связанных с ней абитуриентов и выпускников в более широкий контекст. «Актуализация проблемы социального здоровья связана с рядом вызовов, брошенных современному обществу. Один из них обусловлен глобальной тенденцией к самодетерминации человека... Другой вызов связан с неопределенностью и риском – «визитной карточкой» постиндустриального общества, когда границы нормы и мэйнстрима размыты»³. Поскольку наиболее тесное отношение к указанным вызовам имеет молодежь, то социальное оздоровление начинать следует именно с нее. Воздействие на нее с формальной стороны следует производить в первую очередь через систему образования, содержательным же наполнением этого воздействия послужит религия.

Методология исследования

Исследуемая проблематика находится на стыке индивидуального и социального – этот факт заостряет сложности выбора методологии исследования: холистской или меристской. Обе эти традиции имеют достаточное обоснование в истории науки, свои плюсы и минусы, и предпочтение одной из них нисколько не умаляет авторитета другой. Не ставя себе цели синтезировать холизм и меризм для ухода от необходимости выбирать между этими крайностями и предотвращения критики всех возможных уязвимостей представителями альтернативного подхода, мы считаем, что тема исследования предопределяет выбор меристского подхода, поскольку объектом исследования является личность, т.е. элемент социального целого, его часть. В случае формулировки темы, например, как «Личностный аспект социального здоровья религии», разумеется, результатом выбора был бы противоположным (холистским) в силу того, что объектом являлся бы социальный институт религии, т.е. целое.

Каждый из подходов может быть реализован в субъект-субъектном или субъект-объектном варианте. В современной социологии все большую популярность завоевывает первый из них в силу того, что уровень развития исследовательского инструментария не позволяет проводить измерения с коротким временным лагом. Удлинение же этого лага (иными словами, увеличение хронологического масштаба социального процесса) приводит к тому, что роли субъекта и объекта каждой из сторон взаимодействия накладываются друг на друга, что создает впечатление, будто каждая из сторон является субъектом, хотя с тем же успехом можно было бы говорить и об объект-объектной парадигме. В качестве иллюстрации можно вспомнить известный физический опыт: на юлу наносятся семь цветов радуги, а при ее раскрутке кажется, что там один цвет – просто глаз неспособен различить реальные цвета из-за быстрого движения. Однако, несмотря на логическую невозможность субъект-субъектной парадигмы (ибо понятие «субъект» является относительным не к себе, а к понятию «объект»), она приобретает популярность в научной среде в силу своей практической применимости, поэтому в качестве методологии мы выбираем субъект-субъектный меризм. Она вполне подойдет для пограничной области исследований, где «интерпретирующий» активный человек символического интеракционизма

² Климова С.М., Мартынова Г.В. Уровень и характер религиозности студенческой молодежи БелГУ в переходный период (размышления по результатам анкетирования) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2007 №9(40). С. 224.

³ Бабинцев В.П., Колпина Л.В. Проблема формирования категориального аппарата понятия «социальное здоровье» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №12(52). С. 50

противостоит «нормативному» человеку классической социальной методологии, в которой общество представляет собой жесткий распорядок жизни с его совокупностью правил, норм и ценностей»⁴.

Религия и социальное здоровья личности

В одной из монографий, посвященных социальному здоровью личности, оно определяется как «способность личности к конструктивному взаимодействию с социальными субъектами различных уровней для реализации своих потребностей, целей»⁵. Не останавливаясь на уровне социального здоровья как целого, выделим его компоненты и структурируем их в таблице 1.

Таблица 1

Компоненты социального здоровья личности

Динамика	Стабильность	Модификация
Направленность		
Внешняя	Социальная миссия	Социальное творчество
Внутренняя	Социальная адаптация	Социальная самореализация

Данные компоненты не равноправны, а организованы следующим образом: «Минимально необходимый, базовый уровень социального здоровья представляет собой социальную адаптацию личности. Это воспроизводящий уровень удовлетворения потребностей, целей и ценностей социальным образом без качественных изменений себя или социального окружения и ситуации. Компонентами более высокого уровня социального здоровья являются самореализация и социальное творчество, степень развития которых обуславливается конгруэнтностью направленности индивида на достижение собственных целей и ценностей, с одной стороны, и на благо общества, с другой, предусматривая в первом случае, качественное изменение личностных характеристик, а во втором социального окружения. И четвертый компонент социальная миссия представляет собой осознание и реализация собственного предназначения»⁶.

Единого определения религии не существует – в каждой из наук, так или иначе соприкасающихся с религией (философия, социология, психология, история и т.д.), оно свое. Мы считаем, что имеет смысл остановиться только на двух из них, а именно философском (в силу обобщающего характера философского знания и той фундаментальной роли, которое оно играет для других наук) и социологическом (в силу научной специализации авторов). Так, один из крупнейших русских религиозных философов В.С. Соловьев писал: «Религия, говоря вообще и отвлеченно, есть связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего»⁷. Переходным определением между философским и социологическим можно признать следующее: «поиск и установление сакральных связей, обеспечивающих индивиду и (или) социальным группам потребную целостность»⁸. Наконец, среди социологических определений, более-менее соответствующих меристскому субъект-субъектному подходу, следует упомянуть такое: «Для социологии религии религия как социальный феномен — это верования, которые в наиболее существенных аспектах разделяются многими, т.е. существуют только в интеракциях групп»⁹. Подобная неопределенность в дефинициях удивительна с учетом того, что в отношении компонентов религии существует общепризнанный подход: выделяются рели-

⁴ Дронова И.Г., Кожемякин Е.А. Проблема дискурсного конструирования социальной реальности: историко-философские аспекты // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54). С. 7.

⁵ Колпина Л.В. Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности (монография). М.: Изд-во СГУ, 2009. – 180 с.

⁶ Колпина Л.В. Социальное здоровье населения Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. №10(65). С. 79.

⁷ Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Соч.: в 2 т. Т.2. М.: 1969. С. 5.

⁸ Пивоваров Д.В. Философия религии: Учеб. пособие. М.: Академический проект. 2006. С.233

⁹ Гараджа В.И. Социология религии. Учебное пособие... М.: «Наука». 1995. С. 39.

гиозные сознание, деятельность, отношения и организации¹⁰. Поскольку в исследуемой теме ведущим началом является социальное здоровье личности, постольку необходимо вписать религию в систему категорий, при помощи которых исследуется социальное здоровье личности.

Каким же образом можно установить соответствие между элементами религии и сочетаниями «внутренняя стабильность», «внутренняя модификация», «внешняя стабильность», «внешняя модификация»?

Проще всего начать с конца: религиозные организации представляют собой, как правило, внешнее по отношению к индивиду воплощение стабильности – мы абстрагируемся от возможного причисления некоторых террористических организаций (которые направлены как раз на модификацию), использующих религиозную лексику (или даже напрямую основанных на религиозных верованиях) к категории религиозных организаций. По нашему мнению, одна из функций религиозных организаций – стабилизация религиозных отношений, в которые вступают верующие. Следовательно, отношения также относятся к внешней строке таблицы, но они более подвержены модификации, чем организации (кроме того, во внешней строке клетка стабильности уже занята религиозными организациями).

Что же касается распределения религиозной деятельности и религиозного сознания по внутренней строке таблицы, то мы исходим из того, что человек осуществляет любую деятельность в том случае, если его потребности (в т.ч. религиозные) не удовлетворены, а это предполагает модификацию себя, либо в форме отказа от потребностей, либо в форме их удовлетворения и, таким образом, временного или постоянного их снятия, снижения актуальности. Деятельность, разумеется, может осуществляться как индивидами, так и организациями, однако, меризм заставляет акцентировать внимание в первую очередь на индивидуальной деятельности. Наконец, для религиозного сознания остается лишь клетка «внутренняя стабильность», однако, данная связь основывается еще и на том факте, что верующего как стабильную социальную единицу определяет в первую очередь разделяемая им система убеждений, ценностей. Кроме того, наиболее распространенным (хотя далеко не единственным) критерием эмпирического определения является именно самоидентификация респондента как религиозного человека. Таким образом, в таблице 2 мы можем структурировать компоненты религии по схеме социального здоровья.

Таблица 2

Компоненты религии

Динамика	Стабильность	Модификация
Направленность		
Внешняя	Религиозные организации	Религиозные отношения
Внутренняя	Религиозное сознание	Религиозная деятельность

Связь социального здоровья личности и религии

В силу избранной меристской методологии, а так же отсутствия единой дефиниции религии, установление связи между социальным здоровьем личности и религией возможно произвести не на уровне общих характеристик, а путем попарного анализа элементов данных явлений, попадающих в одну и ту же клетку таблицы.

Итак, религиозное сознание и социальная адаптация. С формальной стороны, оба данных элемента являются первичными, базовыми в соответствующих им концепциях. С содержательной стороны, социальная адаптация может осуществляться благодаря религиозному сознанию, если религия выполняет функцию примирения личности с существующим социальным порядком, помогает ему вписываться в наличную социальную структуру, что особенно актуально для теократических режимов. Первоначальная социальная адаптация происходит в процессе социализации: «сущность социализации состоит в сочетании приспособления (социальной адаптации), обособления человека (индиви-

¹⁰ См. Основы религиоведения. Учебник /под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа. 1994. С. 49.

дуализации) и вхождения (интеграции) в условиях конкретного общества»¹¹, – а интегрироваться личности приходится в общество, имеющее то или иное отношение к религии.

Наиболее трудный этап социализации проходит молодежь, поэтому необходимо подчеркнуть, что «... современные молодые люди высоко адаптивны... Если современный молодой человек не в полной мере удовлетворен своей жизнью, то, главным образом, вследствие наличия трех основных проблем: нехватка денег, отсутствие перспективы трудоустройства и отсутствие в обществе справедливости. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку ощущение справедливости является неперенным условием интеграции человека в социум. Если его нет, человек становится «социальным дезертиром», замыкается на себя и отказывается участвовать в решении общественных проблем... Следствием своеобразной «автономизации» молодежи является кризис легитимности почти всех социальных институтов в молодежном сознании. Он проявляется в низком уровне доверия к ним, неизбежным следствием которого является отказ следовать общепринятым социальным нормам, ибо эти нормы и предлагают общественные институты»¹². Причем тенденция к снижению уровня справедливости подтверждается более поздними данными¹³. Это очень тревожный признак для религии, который явно виден, если продолжить попарный анализ компонентов.

Религиозная деятельность больше не является механизмом социальной самореализации для молодежи: «Традиционная религиозность взята новым поколением лишь как форма, содержание превратилось в симулякр, эрзац веры. Отсутствие реальной церковной практики (воцерковленности) и низкий уровень конкретных религиозных знаний и актуализирует переход традиционной религиозности в формальную... Общим свойством религиозности современной молодежи является ее пассивный, нецерковный характер... молодежь, выросшая в отрыве от православной традиции, верит в возможность личной веры и общения с Богом без посредничества церкви и священников. Установка на частную жизнь возобладали и в религиозной сфере»¹⁴. Разумеется, существуют молодежные православные братства, волонтерские организации других религий, но они не охватывают молодежных масс, оставаясь преимущественно клубами по интересам. Таким образом, на практике связь между социальной самореализацией и религиозной деятельностью разрушена.

Намного более тесной является связь между религиозными отношениями и социальным творчеством. Она имеет в первую очередь геополитический подтекст: «...распространение субкультурной религиозности отнюдь не стихийный процесс. В нем заинтересованы политические представители правящих элит стран «золотого миллиарда» (и близких к ним стран, подобно России). Расцвет субкультурной религиозности способствует выключению из политической борьбы наиболее активной, ищущей часть молодежи. Здесь действует принцип: лучше религиозная медитация, чем антиглобализм или политический радикализм и терроризм... С одной стороны, члены субкультурных общин протестуют против существующего мира. С другой – протест используется правящей элитой, эксплуатируется ею как в политико-идеологических, так и экономических целях, делая зачастую новую религиозность простым полем для продвижения новых коммерческих брендов, сбыта товаров и услуг»¹⁵. Таким образом, вполне технологический шаг – внедрение исторически не присущего России типа религиозных отношений – является подавлением социального творчества наиболее активной части населения.

¹¹ Лескова И.В. Социализация и инкультурация как механизмы формирования идентичности личности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №12(52). С. 20.

¹² Воронов В.А., Стариков Н.В. Социальные проблемы молодежи города Белгорода // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54). С. 175.

¹³ См. Что изменилось в стране за последнее время? /Левада-центр <http://www.levada.ru/press/2010052502.html> (дата обращения: 27.05.2010).

¹⁴ Климова С.М., Мартынова Г.В. Указ. соч. С.244

¹⁵ Римская О.Н. Превращенные формы самосознания в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2007. №9(40). С. 251.

Однако не следует сводить оценку связи между религиозными отношениями и социальным творчеством исключительно к негативной. Дело в том, что «Молодежь в силу специфического положения в социокультурной системе раньше многих других общественных групп обращает внимание на любые инновации, происходящие в обществе»¹⁶, – а это означает, что религиозные отношения являются пространством для социального творчества молодых студентов, выпускников и ученых: «Современная профессиональная специализация уже не так тесно связана с прежним разделением труда. Поэтому в содержании профессии все в большей мере реализуется творческий потенциал человека»¹⁷.

Наконец, между социальной миссией и религиозной организацией связь весьма проста: религиозная организация не только агрегирует имеющиеся в рядах ее верующих представления об их социальной миссии, но и предлагает готовый набор социальных миссий потенциальным последователям религии. Артикулируют эти наборы, как правило, религиозные лидеры разных уровней, и довольно успешно: «среди молодежи ЦФО довольно высок уровень религиозной самоидентификации. Логическим следствием его является довольно высокий уровень авторитетности религиозных лидеров»¹⁸. Во многом это обусловлено возможностью непосредственного общения с религиозным лидером – особенно выгодно это смотрится на фоне того, что «в органах по молодежной политике все сильнее проявляется тенденция к бюрократизации отрасли»¹⁹.

Потенциал религии в социальном оздоровлении личности в образовательном пространстве вуза

Не претендуя на исчерпывающую разработку социальной технологии оздоровления личности на основе религии, обозначим лишь ключевые моменты.

Главной характеристикой данной технологии должно быть ее соответствие уровню компетентности субъекта управления. Поскольку данная технология еще только создается, то для оценки этого уровня затруднительно применить понятие социально-технологической восприимчивости: «способность системы управления применять апробированные социальные технологии»²⁰, – поскольку оно разработано для уже «обкатанных», рутинных процедур социально-технологической работы.

Управляемым субъектом будет являться личность, преимущественно молодого студента. Упомянутая фундаментальность его университетского статуса накладывает ограничения на результативность данной социальной технологии: «...хотя очевидно, что центральное место в религиозно-символическом комплексе отведено домовому храму, а скульптура святого является лишь композиционным дополнением к данному комплексу, студенческая молодежь расставила акценты по-иному. Главное и дополнительное поменялись местами. С другой стороны, данная инверсия демонстрирует безусловный приоритет классического образования перед духовно-религиозным традиционализмом»²¹. Попытки же выйти за пределы этого ограничения, предпринимаемые иногда на уровне не высшего, но пока что лишь школьного уровня образования, кончаются не в полной мере удачно: «преподавание в учебных заведениях конфессионально-ориентированных предметов имеет своим результатом (эффектом) формирование в сознании учащихся комплекса смысловых интенций, частично совпадающих, а частично не совпадающих с целями обра-

¹⁶ Белоусова М.М. Молодежная культура в современном обществе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2007. №9(40). С. 219.

¹⁷ Радугин А.А. Социокультурный вектор модернизации российского высшего образования: ценностные основы и методология реализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54). С. 48.

¹⁸ Стариков Н.В., Мамина И.В. Молодежный экстремизм и ксенофобия: проблемы распространения и пути противодействия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №12(52). С. 205.

¹⁹ Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Кадровые ограничения государственной молодежной политики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №8(48). С. 168.

²⁰ Бабинцев В.П. Противоречия и проблемы процесса технологизации государственного и муниципального управления в регионе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2007. №2(33). С. 68.

²¹ Климова С.М., Мартынова Г.В. Указ. соч. С. 224.

зования»²². Подобные неудачи имеют не только ситуативную причину в виде отдельных ошибок субъекта управления, но и фундаментальную: «нельзя упускать из внимания духовный аспект утверждения общества риска. Он связан с очередным кризисом рациональности. С формированием иррациональной и алогичной по своему содержанию социокультурной среды, в условиях которой крайне трудно анализировать и прогнозировать перспективу социального развития, опираясь на логику научного познания»²³.

Объектом управления в данной социальной технологии выступает социальное здоровье личности. «Данный феномен отражает: характеристики включенности личности в общество; удовлетворенность личности этими характеристиками; доступность для нее социальных ресурсов и возможность влияния на их формирование и распределение; характеристики социальной активности личности; потенциал социальной мобильности; социальную направленность этих характеристик»²⁴. В социально-технологическом смысле характеристики, указанные В.П. Бабинцевым и Л.В. Колпиной, являются параметрами управляемого субъекта, подлежащими изменению. Необходимо подчеркнуть, что данные характеристики составляют единое множество, изменение одной из них без изменения остальных, вероятно, осуществимо, но обернется перерасходом ресурсов, что приведет к оценке воздействия как неэффективного. Поэтому деятельность субъекта управления по их изменению должна носить стратегический характер.

Каким же образом производить данное изменение? Можно опереться на разработки И.В. Лесковой: «Процесс усвоения и освоения ценностно-нормативной системы общества обеспечивается несколькими путями. Во-первых, – стихийно, когда человек сам выбирает те источники информации, которые способствуют освоению им положительных культурных норм и ценностей. Но в этой ситуации большая роль принадлежит случаю. ...А во-вторых, посредством целенаправленного содействия приобретению личностью положительных культурных норм и ценностей, и опять же посредством тех же информационно-телекоммуникационных технологий»²⁵. Разумеется, данные положения носят формальный характер, они абстрактны по отношению к содержанию ценностно-нормативной системы общества, но предложения И.В. Лесковой вполне можно наполнить религиозным содержанием. Именно в рамках системы образования можно реализовать второй, целенаправленный путь усвоения ценностей.

Заключение

Кардинальные трансформации, происходящие в социальных структурах, имеют своим основанием изменение в личности человека. Эти изменения возможно до определенного предела рациональности обнаружить, смоделировать при помощи установления связи между социальным здоровьем личности и религией, а также подвергнуть управленческому воздействию с использованием социальной технологии, которая подлежит детальной проработке и апробации.

Однако уже сейчас ясно, что внедрение принципа непрерывного образования в течение всей жизни человека приведет к тому, что вуз окажется ключевым интегратором социальных взаимодействий, что предопределяет его ключевую роль в указанной социальной технологии. «Современный вуз должен стать не только научно-образовательным центром. Он, в силу развития инновационной деятельности, инфраструктуры ее поддержки, установления тесных связей между учебным, научным и инновационными сегментами закономерно трансформируется в особый вузовский комплекс – учебно-научно-инновационный комплекс»²⁶, – эту фундаментальную характеристику вуза необходимо положить в основу действий субъекта управления.

²² Лебедев С.Д., Бахарев В.В. Религиозная культура в светском образовании (региональный аспект) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54). С. 118.

²³ Бабинцев В.П., Римский В.П. Социология смутного времени: проблема методологической парадигмы исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. №4(44). С. 32.

²⁴ Бабинцев В.П., Колпина Л.В. Указ. соч. С. 65.

²⁵ Лескова И.В. Указ. соч. С. 24.

²⁶ Тарабаева В.Б. О некоторых проблемах инновационного развития вузов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. №4(44). С. 90.

В целом же данная тема нуждается в дальнейшей разработке в теоретическом плане путем рассмотрения не только молодежи и системы образования, но других возрастных групп и социальных подсистем.

Список литературы

1. Перевозчикова Л.С. Гуманистическая образовательная парадигма как аксиологическое основание современного высшего образования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54).
2. Климова С.М., Мартынова Г.В. Уровень и характер религиозности студенческой молодежи белгу в переходный период (размышления по результатам анкетирования) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2007 №9(40).
3. Бабинцев В.П., Колпина Л.В. Проблема формирования категориального аппарата понятия «социальное здоровье» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №12(52).
4. Дронова И.Г., Кожемякин Е.А. Проблема дискурсного конструирования социальной реальности: историко-философские аспекты // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54).
5. Колпина Л.В. Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности (монография). М.: Изд-во СГУ, 2009. – 180 с.
6. Колпина Л.В. Социальное здоровье населения Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. №10(65).
7. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Соч.: в 2 т. Т.2. М.: 1969.
8. Пивоваров Д.В. Философия религии: Учеб. пособие. М.: Академический проект. 2006.
9. Гараджа В.И. Социология религии. Учебное пособие... М.: «Наука». 1995.
10. Основы религиоведения. Учебник /под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа. 1994.
11. Лескова И.В. Социализация и инкультурация как механизмы формирования идентичности личности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №12(52).
12. Воронов В.А., Стариков Н.В. Социальные проблемы молодежи города Белгорода // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54).
13. Что изменилось в стране за последнее время? /Левада-центр <http://www.levada.ru/press/2010052502.html>
14. Римская О.Н. Превращенные формы самосознания в субкультурных формах религиозности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2007. №9(40).
15. Белоусова М.М. Молодежная культура в современном обществе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2007. №9(40).
16. Радугин А.А. Социокультурный вектор модернизации российского высшего образования: ценностные основы и методология реализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54).
17. Стариков Н.В., Мамина И.В. Молодежный экстремизм и ксенофобия: проблемы распространения и пути противодействия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №12(52).
18. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Кадровые ограничения государственной молодежной политики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №8(48).
19. Бабинцев В.П. Противоречия и проблемы процесса технологизации государственного и муниципального управления в регионе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2007. №2(33).
20. Лебедев С.Д., Бахарев В.В. Религиозная культура в светском образовании (региональный аспект) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2008. №14(54).

21. Бабинцев В.П., Римский В.П. Социология смутного времени: проблема методологической парадигмы исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. №4(44).

22. Тарабаева В.Б. О некоторых проблемах инновационного развития вузов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. №4(44).

RELIGIOUS ASPECT OF PERSONAL SOCIAL HEALTH

V. L. HATILO¹⁾

V. V. SUKHORUKOV²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: verger@yandex.ru

²⁾ e-mail: verger@yandex.ru

A combination of religion and personal social health in university is observed in terms of subject-to-subject approach in this article. Also the ability of increasing the social health of students is estimated in the paper.

Key words: person, social health, religion, education.

УДК 631.145-057.86

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ РАБОТНИКОВ АПК К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. А. ЕФАНОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
Efanova@bsu.edu.ru*

В статье рассмотрены основные виды мотивации и стимулирования работников сельскохозяйственных организаций к управленческой деятельности. Предложены наиболее эффективные методы мотивации к управленческому труду.

Ключевые слова: работники сельского хозяйства, управленческие кадры, мотив, мотивация, стимулирование.

Агропромышленный комплекс – крупнейшая и сложная система взаимосвязанных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Система управления в АПК не менее сложна и многофункциональна, а управленческий труд в ней представляет собой большой круг обязанностей и определённый уровень ответственности.

Какие же мотивы побуждают человека к управленческой деятельности? Для изучения процесса мотивации работников к службе в органах управления необходимо понять сущность следующих категорий «мотив», «мотивация», «мотиваторы», «стимул».

Мотив (от франц.) побудительная причина¹. Внутренние побуждения, которые заставляют человека делать что-либо или поступать определённым образом².

Все мотивы условно можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние мотивы принадлежат самому человеку, они полностью ему подконтрольны. К внутренним мотивам можно отнести мотив самореализации, независимости и самоуважения. Внешние мотивы объективны по отношению к субъекту (если его рассматривать как отдельную личность), они существенно влияют на уровень мотивации работника, посредством внешнего воздействия на его трудовую активность. К внешним мотивам можно отнести заработную плату, общепризнанную престижность труда и т.д.³

Существует мнение, что в основе деятельности человека лежит не один какой-то мотив, а определённое множество, совокупность мотивов, находящихся в определённом соотношении друг с другом. Можно выделить следующие основные мотивы чаще других присутствующие в структуре мотивации:

- материальный мотив (стремление к материальным благам и материальной независимости);
- профессиональный мотив (стремление погрузиться в содержание деятельности и заниматься совершенствованием трудового процесса и результата работы);
- мотив самореализации, самовыражения (стремление к более полному выявлению и развитию своих способностей и реализации их в профессиональной деятельности);
- мотив социального признания, статуса, престижа (стремление к высокой социальной оценке своих заслуг, получению достойного статуса в обществе);
- мотив власти и доминирования над другими (стремление оказывать влияние на других, быть признанным лидером, подчинять других своим интересам, иметь особый статус и более широкие возможности)⁴.

¹ <http://www.slovardalja.net/> [электронный ресурс].

² Журавлёв П.В., Карташов С.А., Маусов Н.К., Одегов Ю.Г. Персонал. Словарь понятий и определений. – М.: «Экзамен», 1999. – С.197.

³ Холодов О.А. Мотивация труда в системе внутрихозяйственных экономических отношений // Управление персоналом. – №5. – 2009. – С. 52-56.

⁴ <http://www.rusconsult.ru/> [электронный ресурс].

Для обозначения влияния всех мотивов на действия человека используют понятие мотивации. Допустимо утверждать, что мотив является основной единицей мотивации.

Мотивация – это побуждение к деятельности совокупностью различных мотивов. В управлении мотивация связана, прежде всего, с умелым сочетанием методов управления, формирования наиболее действенного стиля руководства⁵.

При рассмотрении мотивации к управленческому труду необходимо учитывать все факторы, которые заставляют человека действовать и усиливают его действие независимо от принадлежности данных факторов к внешним или внутренним мотивам. Мотивация тесно связана с потребностями человека и всегда сопровождается переживаниями, положительными или отрицательными эмоциями.

Условно можно выделить три основных показателя к трудовой мотивации:

- удовлетворенность своим трудом;
- заинтересованность в конечных результатах своего труда;
- приверженность своей организации.

От того, насколько эти составляющие трудовой мотивации выражены у работника, зависит его отношение к профессиональному труду и его рабочее поведение⁶.

Реализуется процесс мотивации работника к управленческой деятельности посредством мотиваторов.

Мотиваторы – это факторы достижения, признания, личной ответственности, роста, продвижения вперед, материального вознаграждения, а так же факторы, связанные с самовыражением личности через работу и способные принести человеку удовольствие от выполняемой деятельности за счет удовлетворения врожденной потребности психологического роста и стремления к повышению своей компетентности⁷.

Мотиваторы в форме материального вознаграждения и в виде перспектив профессионального роста являются мощными стимулами в выборе работником трудовой деятельности в органах управления.

Таким образом, мотив, мотивация и мотиваторы в совокупности составляют систему факторов ориентирующих специалиста в выборе той или иной трудовой деятельности.

Влияние мотивов и стимулов на решение специалистов сельскохозяйственного производства в выборе управленческой деятельности, было исследовано нами в ходе социологического опроса⁸

В результате экспертного опроса мы выявили, какие мотивы преобладают сегодня при поступлении специалиста в органы управления АПК.

На вопрос, «*Какие мотивы, на Ваш взгляд, преобладают сегодня при поступлении специалиста в органы управления АПК?*» мнения экспертов распределились следующим образом:

- мотивы обеспечения (связаны с ориентацией на максимальную материальную выгоду) – 25%;
- мотивы призвания (связаны с ориентацией личности на самореализацию) – 15%;
- мотивы престижа (обусловлены осознанием общественной значимости конкретного вида труда) – 50%;
- затруднились ответить – 15%.

Экспертный опрос показал, что основными мотивами, являются мотивы престижа (50 %).

Если мотив это внутреннее побуждение к управленческой деятельности, то стимул это внешнее побуждение активности работника, эффект которого опосредован психикой человека, его взглядами, интересами, стремлениями и т.д.⁹.

⁵ Ребрин Ю.И. Управление качеством. Учеб. пособие. – Таганрог. изд-во ТРТУ, 2004. – 174 с.

⁶ М.И. Магура. Управление мотивацией персонала. http://www.gkmim.ru/index.php?area=trening_2&trening=70 [электронный ресурс].

⁷ Словарь – справочник. Управление персоналом <http://psyfactor.org/personal/personal12-04.htm> // [электронный ресурс].

⁸ Социологическое исследование «Состояние управленческого кадрового потенциала АПК Белгородского региона» июнь – август 2010 г.

Стимулы играют первостепенную роль в системе мотивации работника к управленческой деятельности

На вопрос, «*Какие из стимулов управленческого труда наиболее действенны в настоящее время?*», ответы экспертов распределились следующим образом:

- повышение оплаты труда – 90%
- ощущение полезности своей деятельности – 50%
- перспективы повышения по службе – 40%
- предоставление социальных благ и льгот – 30%
- благоприятная атмосфера в коллективе – 20%, следует отметить, что мнение экспертов субъективно и отражает небольшой процент мнений.

Итак, согласно результатам проведённого опроса материальные стимулы, что было вполне ожидаемо, играют первостепенную роль в мотивации работников к управленческой деятельности.

Пристальное внимание в настоящее время должно быть уделено мотивации студентов к работе в аграрном секторе экономики и в органах управления агропромышленным комплексом.

По данным социологического опроса¹⁰ студентов пятого курса Белгородской государственной сельскохозяйственной академии на вопрос, «*Есть ли у Вас намерение быть руководителем?*» – 86,0% выпускников ответили – «да», 8,7% – ответили «нет», и 5,3% – затруднились ответить.

На вопрос «*Как Вы считаете, что может способствовать привлечению молодых специалистов для работы в сельской местности?*» варианты ответов в процентном отношении распределились следующим образом:

- высокая заработная плата – 89,33%;
- предоставление жилья – 71,33%;
- возможность карьерного роста – 48,67%;
- предоставление социальных льгот и материальных поощрений – 22,00%;
- затруднились ответить – 1,33%.

Результаты опроса вновь выявили приоритет материальных стимулов в выборе управленческой деятельности. Однако многочисленные исследования и практический опыт показывают, что материальные стимулы действуют до определённого уровня, а затем наступает так называемое «насыщение» и повышение оплаты труда не стимулирует работников к инициативности, а приводит к банальной отработке рабочего времени.

Не только деньги определяют отношение людей к делу и к организации. Американская компания *IBM* уже не одно десятилетие в основу мотивации ставит внимательное отношение к людям, уважительное отношение к человеку. Руководство фирмы *DVAG* («Немецкая консультационная фирма по вопросам управления имуществом») в основу мотивации ставит заботу о людях, их развитии, придает большое значение возможности сотрудников отдохнуть в самых комфортных условиях, сочетая отдых с обучением, повышением своего общеобразовательного и культурного уровня с развлечениями¹¹.

Опыт зарубежных фирм показывает, что перспектива высокого социального статуса и уважительного отношения со стороны окружающих играют не последнюю роль в профессиональной мотивации работников к управленческой деятельности. Результатом становится комфортный психологический климат в коллективе и, следовательно, достаточно высокие результаты труда.

В отечественной производственной сфере накопленный опыт по вознаграждению труда внес свою лепту в теорию и практику мотивации к управленческому труду. Основ-

⁹ Журавлёв П.В., Карташов С.А., Маусов Н.К., Одегов Ю.Г. Персонал. Словарь понятий и определений. – М.: «Экзамен», 1999. – С. 424.

¹⁰ Социологическое исследование «Состояние управленческого кадрового потенциала АПК Белгородского региона» июнь – август 2010 г.

¹¹ М.И. Магура. Чем, кроме денег, можно мотивировать персонал? «Служба кадров и персонал». – №5-6. – 2006г. <http://www.maguru.ru/articles/> [электронный ресурс].

ной сложностью прямого переноса этих наработок в действующие системы оплаты труда является измерение административного, управленческого труда.

Спрос на рынке труда опытных руководителей диктует необходимость внедрения такой системы мотивации, которая заинтересовала бы высококвалифицированных специалистов к работе в сфере управления сельскохозяйственным производством. Одно из возможных решений проблемы, введение гибкой системы оплаты труда, к примеру, аккордной или премиальной системы.

Кроме этого, проблема дополнительного стимулирования решается с помощью различного рода привилегий, не объединенных в общую систему (пользование служебным автотранспортом, служебным мобильным телефоном, социальной инфраструктурой предприятия и т.д.)¹².

Удовлетворённость содержанием и характером работы является одним из главных стимулирующих рычагов в системе мотивации к управленческой деятельности.

Можно выделить следующие показатели удовлетворенности работой:

- содержание и характер работы (ее интенсивность, значимость, результаты);
- условия работы;
- оплата труда, материальное вознаграждение;
- степень престижности работы;
- карьера и развитие личности, перспективы повышения;
- окружение, психологический климат в коллективе¹³.

Наличие перечисленных показателей становится важным в выборе профессии и предпочтении управленческой должности.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема профессиональной мотивации работников к управленческой деятельности в агропромышленном комплексе относится к числу не только важных, но и сложных. Основными факторами, мотивирующими работников к управленческой деятельности, является: материальное благополучие, уважение окружающих, возможность карьерного роста.

С точки зрения социально-психологической и организационной природы мотивации к управленческому сельскохозяйственному труду, мы отметили материальные, психологические и социальные виды мотивов. Однако в настоящее время в условиях рыночной экономики, и по результатам проведённого социологического исследования наиболее значимую роль играет мотив материального благополучия.

Поскольку одного материального мотива, как правило, недостаточно для привлечения работников на управленческие должности его необходимо применять в совокупности с социальными мотивами и стимулами с перспективой новых предложений систем мотивации.

Список литературы

1. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля <http://www.slovardalja.net/word.php?wordid=16033/> [электронный ресурс]
2. Журавлёв П.В., Карташов С.А., Маусов Н.К., Одегов Ю.Г. Персонал. Словарь понятий и определений. – М.: «Экзамен», 1999. – С.197.
3. Холодов О.А. Мотивация труда в системе внутрихозяйственных экономических отношений // Управление персоналом. – №5. – 2009.
4. Исаев А.П. <http://www.rusconsult.ru/> [электронный ресурс]
5. Ребрин Ю.И. Управление качеством. Учеб. пособие. – Таганрог. Изд-во ТРТУ, 2004. – 174 с.
6. Словарь – справочник. Управление персоналом <http://psyfactor.org/personal/personal12-04.htm> // [электронный ресурс]
7. М.И. Магура. Управление мотивацией персонала. http://www.gkmim.ru/index.php?area=trening_2&trening=70 [электронный ресурс].

¹² Попов Д. Мотивация руководителей «Управление компанией» №5.- 2003г. Источник: <http://www//zhuk.net>.

¹³ Потеряхин А. Удовлетворённость работой и профессиональная мотивация персонала. <http://www.hr-portal.ru/> [электронный ресурс].

8. М.И. Магура. Чем, кроме денег, можно мотивировать персонал? «Служба кадров и персонал». – №5-6. – 2006г. <http://www.maguru.ru/articles/> [электронный ресурс].

9. Попов Д. Мотивация руководителей «Управление компанией» №5.- 2003г. Источник: <http://www//zhuk.net>

10. Потеряхин А. Удовлетворённость работой и профессиональная мотивация персонала: <http://www.hr-portal.ru/> [электронный ресурс].

PROFESSIONAL MOTIVATION OF AGRO-INDUSTRIAL WORKERS TO MANAGEMENT ACTIVITY

N. A. EFANOVA

Belgorod State University

e-mail: Efanova@bsu.edu.ru

The article deals with main types of motivation and stimulation of agricultural workers to become managers. The most effective methods of management motivation are discussed in the paper.

Key words: agricultural workers, headmaster material, motive, motivation, stimulation.

УДК 136.2:78/90

ФАКТОРЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М. Н. РЕУТОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: reutova@bsu.edu.ru*

Исследованы внешние факторы естественного прироста населения на основе данных социологического исследования проблем демографии в Белгородской области. Результаты анализа показали тесную взаимосвязь внешних и внутренних факторов, их ситуативный характер и обусловленность региональной спецификой.

Ключевые слова: демографическая ситуация, уровень естественного воспроизводства, факторы естественного прироста населения, репродуктивные установки.

Введение

Демографическая ситуация, т.е. состояние воспроизводства населения, в настоящее время привлекает к себе все большее внимание властных структур и общественности на федеральном и региональном уровне. Это обусловлено тем, что демографический фактор в значительной степени определяет перспективы развития любого общества. В подавляющем большинстве российских регионов демографическую ситуацию можно охарактеризовать как неблагоприятную. Несмотря на то, что Белгородская область занимает второе место в Центральном федеральном округе после г. Москвы по основным демографическим показателям, соотношение между смертностью и рождаемостью в данном регионе не позволяет говорить даже о простом воспроизводстве населения. Особенностью демографической ситуации в области является также неравномерность положения дел в различных муниципальных образованиях на ее территории.

Данные статистики за 2009 г. свидетельствуют, что прирост населения наблюдается прежде всего в городах: Белгороде – на 4,5 тыс. человек (1,3%), Старом Осколе – на 0,5 тыс. человек (0,2%), Строителе – на 0,3 тыс. человек (1,3%), Грайвороне – на 0,1 тыс. человек (1,6%). В Алексеевке, Губкине, Короче и Новом Осколе численность населения сохранилась на уровне 2008 года, в остальных городах произошло снижение численности на 0,1 – 0,2 тыс. человек.

В ряде муниципальных образований отмечено увеличение численности населения: Белгородском районе – на 2,4 тыс. человек (2,3%), Борисовском, Шебекинском и Яковлевском – на 0,2 тыс. человек (0,8 и по 0,4% соответственно), Грайворонском, Губкинском, Ракитянском и Ровеньском – по 0,1 тыс. человек.

Население половины районов области уменьшилось на 0,1 – 0,5 тыс. человек в основном за счет снижения численности постоянно проживающих в сельской местности. Наибольшее сокращение наблюдалось в Прохоровском районе (на 0,5 тыс. человек). В Старооскольском, Корочанском и Краснояружском районах (в двух последних в 2007 – 2008 гг. было зафиксировано снижение рождаемости и более высокое, по сравнению со среднеобластными значениями, значение коэффициента смертности) численность населения осталась на уровне 2008 года.

Следует отметить, что, как правило, оценка демографической ситуации на территории области осуществляется главным образом при помощи статистических методик, которые не позволяют выявить весь комплекс причин, обуславливающих различное состояние воспроизводства населения на территории отдельных муниципальных районов Белгородской области.

Соответственно, для комплексного изучения факторов воспроизводства населения необходимо использовать не только статистические данные, но и социологические методики, позволяющие выявить демографические установки и ценности населения. В целях выявления указанных компонентов общественного сознания и поведения было проведе-

но социологическое исследование¹, которое включало в себя эмпирическое изучение репродуктивных установок и других факторов, влияющих на уровень естественного воспроизводства населения в отдельных муниципальных районах Белгородской области. Целью данной статьи является анализ внешних факторов, оказывающих влияние на соотношение рождаемости и смертности населения Белгородской области.

Теоретический анализ проблемы

Демографическая ситуация характеризует состояние демографических процессов и воспроизводства населения в определенный момент или период времени. Основными критериями оценки демографической ситуации выступают:

- уровень рождаемости и смертности;
- уровень естественного прироста населения;
- уровень брачности (разводимости);
- состояние половозрастной структуры населения.

Естественный прирост населения – это разность уровней рождаемости и смертности. Если рождаемость превышает смертность, имеет место расширенное воспроизводство населения. Если рождаемость уравнивается смертностью, то имеет место простое воспроизводство населения. Если смертность превышает рождаемость, то имеет место суженное воспроизводство населения.

Демографическое поведение – тип поведения, связанный с воспроизводством, миграцией и мобильностью населения.

Репродуктивное поведение – тип поведения, включающий систему действий и отношений, опосредствующих рождение или отказ от рождения ребенка.

Репродуктивные установки – отношение населения к деторождению, выражающееся в готовности (неготовности) иметь детей.

Характеристика демографической ситуации не ограничивается количественным описанием и качественной оценкой демографических процессов. Изменение ситуации в желаемом направлении в соответствии с поставленной целью, что является темой демографической политики, требует понимания факторов, породивших те или иные проблемы, и их управляемости. К факторам уровня естественного прироста населения относятся явления и процессы (социальные, экономические, демографические, природные, социально-демографические и другие), оказывающие заметное влияние на соотношение рождаемости и смертности.

Факторы естественного прироста населения классифицируются по различным основаниям. Так, ряд исследователей выделяет две группы факторов. Первая, к которой относятся так называемые эндогенные факторы, представлена характеристиками самого населения: его половозрастной структурой и параметрами воспроизводства. Вторая группа, к которой относятся так называемые экзогенные факторы, представлена внешними, преимущественно, социально-экономическими воздействиями.

В данном исследовании факторы естественного воспроизводства населения подразделяются на внешние и внутренние. К внешним факторам относятся социально-экономические (уровень жизни, работа, жилищные условия, медицинское обслуживание, состояние системы социального обеспечения, доступность дошкольного, среднего и высшего образования); социально-политические (политическая стабильность, уверенность в завтрашнем дне, государственная демографическая политика); экологические. К внутренним факторам относятся состояние здоровья, подверженность алкоголизму (наркомании), роль семейных ценностей, отношения в семье, репродуктивные установки и их гендерные различия и др. Наибольшее влияние на уровень естественного воспроизводства населения, на наш взгляд, оказывают репродуктивные установки, отношения в семье, удовлетворенность работой, жилищные условия и уверенность в завтрашнем дне.

Выявление степени значимости указанных факторов в контексте их взаимосвязи со статистически фиксируемыми демографическими показателями позволяет обосновать

¹ Исследование проблем демографии в разрезе муниципальных образований проводилось по заказу Департамента здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области (государственный контракт от 15 октября 2009 года), рук. проф. В.П. Бабинцев.

влияние того или иного фактора на уровень естественного воспроизводства, выявить ведущие факторы снижения уровня естественного воспроизводства и предложить рекомендации по его повышению.

Эмпирический анализ проблемы

Опросы общественного мнения, проведенные на общенациональном уровне, свидетельствуют, что внешние факторы оказывают существенное воздействие на рождаемость. В числе наиболее эффективных мер, способных обеспечить положительную динамику рождаемости, участниками всероссийского опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в мае 2006 г., были названы повышение детских пособий, выплат по рождению ребенка, предоставление больших льгот по уходу за ним (24%); обеспечение бесплатного или доступного жилья (22%), доступного образования (4%), бесплатного качественного медицинского обслуживания (2%). Многие упоминали о необходимости повышать уровень жизни населения в целом, снижать цены и повышать зарплаты (21%), повышать уровень социальной защиты людей (15%), создавать новые рабочие места (9%), обеспечить стабильность в обществе и укрепить уверенность людей в завтрашнем дне (2%).

Опрос, проведенный ФОМ в мае 2008 г., показал, что среди причин и обстоятельств, подталкивающих людей к решению отказаться от рождения детей, наряду с эгоизмом и нежеланием обременять себя заботами, респонденты назвали тяжелые материально-финансовые условия, а также увлеченность работой, желание построить карьеру.

Таким образом, результаты общенациональных опросов подтверждают значимость выделенных в настоящем исследовании внешних факторов. Данные проведенного в Белгородской области исследования позволяют выявить степень влияния указанных факторов на состояние естественного воспроизводства населения в регионе.

Уровень жизни

По данным ФОМ, низкий уровень благосостояния как применительно к собственному выбору, так и относительно решений других людей признается в глазах общественного мнения достаточно веской причиной отказа от обзаведения детьми. Этот довод значительная часть опрошенных не трактует как проявление эгоизма, а рассматривает как проявление родительской ответственности, заботы об обеспечении определенных стартовых условий ребенку.

Результаты социологического исследования проблем демографии в разрезе отдельных муниципальных образований Белгородской области показали, что более половины опрошенных (52%) оценивают свой уровень жизни как «средний», 23,38% считают, что они имеют уровень жизни ниже среднего, 10,75% – выше среднего, 9,38% респондентов оценивают его как низкий (рис. 1).

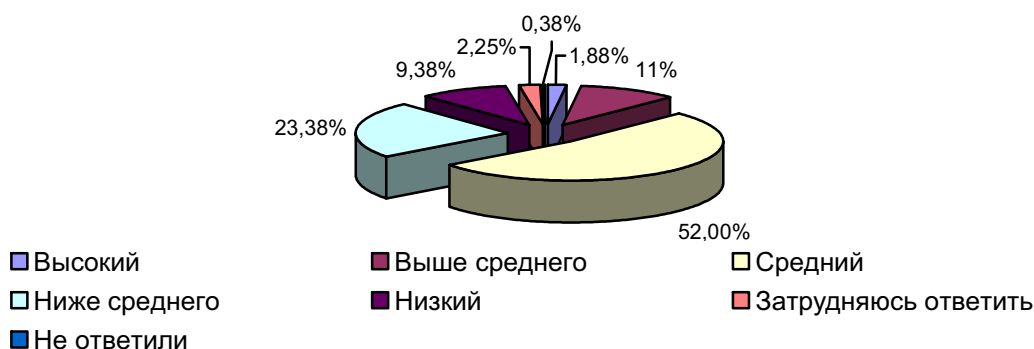

Рис. 1. Оценка респондентами своего уровня жизни

В разрезе муниципальных образований наблюдаются противоречивые оценки. В Губкинском и Краснояружском районах, где демографическая ситуация достаточно благоприятна, удельный вес респондентов, оценивающих свой уровень жизни как средний, выше, нежели по всему массиву опрошенных: 61,88% и 58% соответственно. В то же время, в Белгородском и Валуйском районах, в которых, как свидетельствуют данные статистики, также наблюдается положительный естественный прирост населения, доля респондентов, оценивающих свой уровень жизни как средний, заметно ниже: 43,57% и 45,0%. В этих районах больше, чем по всей выборочной совокупности, удельный вес респондентов, оценивающих свой уровень жизни ниже среднего и низко: соответственно 14,29% и 13,0%.

Что касается муниципальных образований с неблагоприятной демографической ситуацией, то оценки респондентов, проживающих на их территории, очень близки к общим данным.

Правда, при этом следует иметь в виду, что оценка собственного уровня жизни является субъективной и далеко не всегда отражает реальное положение дел. Но в любом случае именно субъективное восприятие условий своей жизни (ее качество) подталкивает граждан к выбору модели демографического поведения.

Следовательно, восприятие и оценка собственного уровня жизни в разрезе отдельных муниципальных образований не является определяющим фактором естественного прироста населения.

Работа, трудоустройство

В качестве одной из гипотез исследования выдвигалось предположение о взаимосвязи репродуктивного поведения и удовлетворенности работой. Значительную часть опрошенных (45%), как показали результаты исследования, в целом устраивает их работа, около 20% опрошенных их настоящая работа полностью или частично не устраивает, и 13,13% респондентов довольны своей работой полностью (рис. 2).

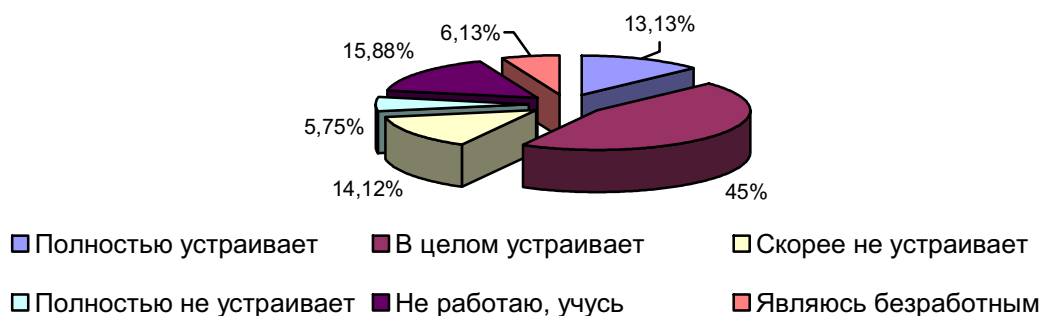

Рис. 2. Удовлетворенность работой

Распределение по районам показало, что заметно ниже, чем в среднем по выборке, удельный вес полностью удовлетворенных работой – в Валуйском районе (6,0%), Губкинском (7,5%), Корочанском (8,0%); удовлетворенных в целом – в Губкинском (38,75%), Корочанском (40,0%) и Прохоровском (32,0%) районах. В Корочанском районе также выше доля респондентов, которых их работа не устраивает частично или полностью: 25,0% и 8,0% соответственно. В Красногвардейском районе 25,0% опрошенных скорее не удовлетворены своей работой, что почти в два раза больше, чем в среднем по всему массиву. Следовательно, уровень удовлетворенности работой у опрошенных мало коррелирует с их реальным репродуктивным поведением. Поэтому данный показатель не является существенным при оценке демографической ситуации.

Жилищные условия

Одним из факторов формирования репродуктивных установок в соответствии с гипотезами исследования является удовлетворенность жилищными условиями. Большинство опрошенных, как показали результаты опроса, так или иначе удовлетворены своими жилищными условиями. При этом 14,37% – удовлетворены полностью, 42,25% – удовлетворены в целом. Неудовлетворенность высказывают в целом 43,25% респондентов. Из них 31,75% – скорее не удовлетворены жилищными условиями, и 11,5% – полностью не удовлетворены.

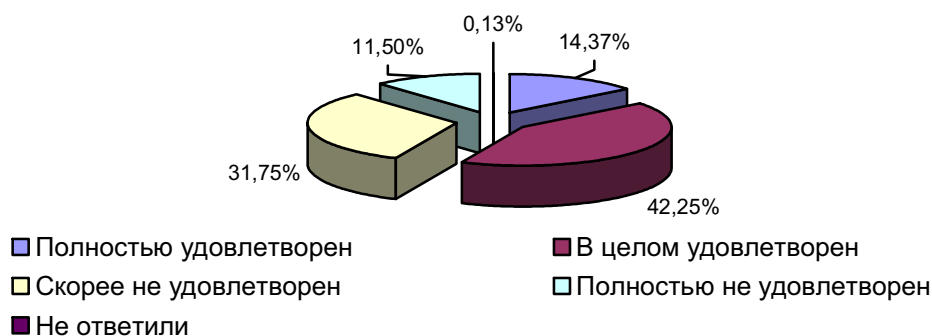

Рис. 3. Удовлетворенность жилищными условиями

Группировка по степени удовлетворенности жилищными условиями показала некоторые различия между группами удовлетворенных и неудовлетворенных собственными жилищными условиями. Так, среди тех, кто полностью не удовлетворен своими жилищными условиями, более ярко выражена установка на рождение одного ребенка – 53,26% против 47,38% по выборке в целом. Однако и среди тех, кто полностью удовлетворен жилищными условиями, аналогичная категория респондентов оказалась почти такой же – 51,3%. Но среди полностью неудовлетворенных достаточно сильно выражена установка на отказ от рождения детей – гораздо сильнее, чем по выборке в целом – 10,87% против 5,88%.

Данные исследования показывают, что выше всего уровень неудовлетворенности жилищными условиями в Белгородском, Валуйском и Корочанском районах. При этом два первых относятся к числу «благополучных» в демографическом отношении. Кроме того, у респондентов из двух последних сравнительно высоки репродуктивные установки.

Следовательно, фактор удовлетворенности жилищными условиями не является наиболее значимым для репродуктивных установок населения. В одних случаях он проявляется в позитивном плане (Краснояржский район), в других – в негативном (Прохоровский район). Но, скорее всего, он лишь в комплексе с другими факторами оказывает влияние на готовность к деторождению.

Состояние системы здравоохранения

Неудовлетворенность состоянием системы здравоохранения, как показали результаты исследования, выступает неблагоприятным фактором репродуктивного поведения. При ответе на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены состоянием системы здравоохранения в Вашем районе?», 49% респондентов ответили, что они в значительной степени или полностью не удовлетворены качеством медицинских услуг, предоставляемыми учреждениями здравоохранения, 36,2% выразили полную или частичную удовлетворенность состоянием здравоохранения в своем районе (рис. 4).

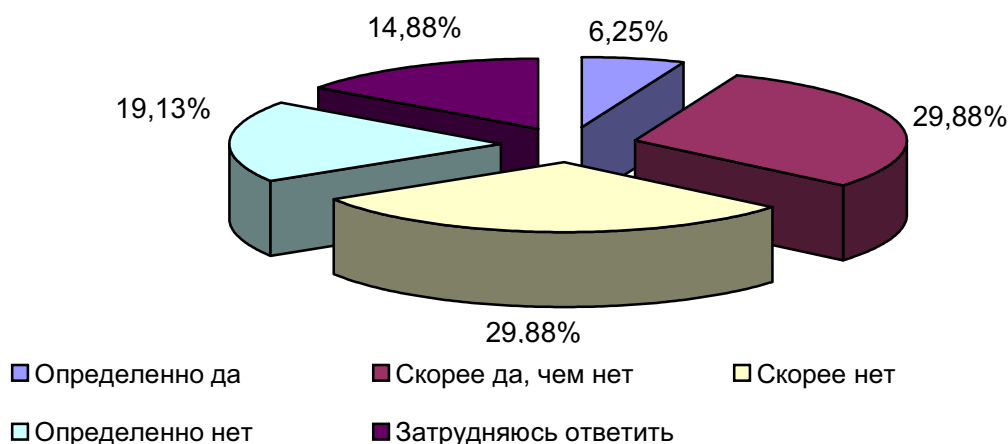

Рис. 4. Удовлетворенность состоянием системы здравоохранения

При этом 32,63% опрошенных считают, что качество медицинских услуг за последние 2-3 года не изменилось, 35,5% отметили значительное либо частичное улучшение, 20,5% – значительно или частичное ухудшение (рис. 5).

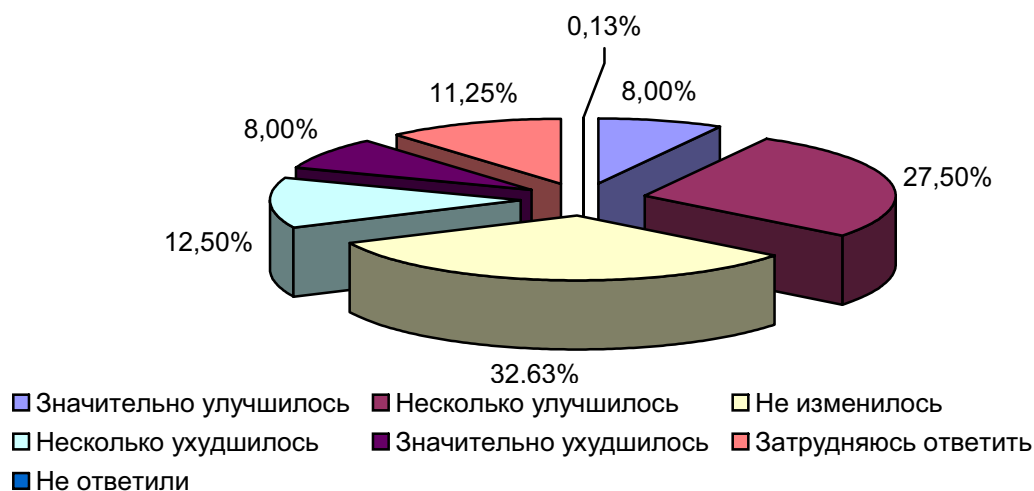

Рис. 5. Оценка динамики качества медицинских услуг

Таким образом, несмотря на более высокий удельный вес респондентов, отметивших повышение качества медицинских услуг, преобладание отрицательных оценок состояния системы здравоохранения в районах проживания над положительными в настоящее время свидетельствует о не вполне удовлетворительной работе учреждений здравоохранения в отдельных муниципальных районах, что негативно сказывается на уровне естественного воспроизводства населения.

Наиболее низкий удельный вес респондентов, отметивших значительное улучшение качества медицинских услуг, наблюдается в Валуйском и Красногвардейском районах (по 5% опрошенных); более заметное, чем целом по всему массиву, значительное ухудшение качества услуг, предоставляемых медицинскими учреждениями, отмечено в Валуйском (20%), Красногвардейском (11,0%) и Краснояружском (13,0%) районах. Красногвардейский район, согласно данным статистики, относится к числу неблагоприятных с точки зрения демографической ситуации районов области, в которых наблюдается снижение уровня рождаемости и повышение уровня смертности.

В целом, результаты опроса свидетельствуют о незначительном влиянии фактора удовлетворенности состоянием системы здравоохранения района на уровень естественного воспроизводства на его территории.

Но такое влияние в большей степени прослеживается при анализе соотношения оценки доступности услуг врачей-специалистов различного профиля и демографической ситуации. Опрос показал, что для большинства опрошенных полностью доступны терапевты (53,0%), для 28,88% они доступны частично, незначительное количество опрошенных (6,38%) не имеет возможности пользоваться услугами врачей общего профиля. Что касается специалистов более узкого профиля, то здесь ответы опрошенных распределились следующим образом: полностью доступны услуги гинекологов для 42,5% респондентов, кардиологов – 31,37%, специалистов в области диагностики заболеваний – 31,25%, специалистов по болезням ЖКТ – 26,25%. Следовательно, большая часть опрошенных имеет ограниченные возможности обращения к врачам-специалистам определенного направления по месту жительства или вовсе не имеет таковых.

Однако – подчеркнем еще раз – между удовлетворенностью состоянием здравоохранения и репродуктивными установками населения взаимосвязь оказалась практически не выраженной.

Так, среди тех, кто определенно неудовлетворен состоянием здравоохранения в районе проживания, больше выражена установка на отказ от рождения детей – 9,15% против 5,88% по выборке в целом. Однако у них же в большей степени выражена установка на рождение трех детей – 7,19% против 5,3%. 45,38% опрошенных, затруднившихся с оценкой состояния здравоохранения, ориентированы на рождение двоих детей. Установка на однодетность в большей степени свойственна тем, кто определенно удовлетворен состоянием здравоохранения в их районе – 56,0% против 47,38% по выборке в целом. Установка на двухдетность в большей степени свойственна тем, кто затруднился с оценкой состояния здравоохранения в районе (45,38%), а также тем, кто скорее удовлетворен им (42,26%).

Таким образом, хотя в ходе исследования и была выявлена взаимосвязь между состоянием системы здравоохранения, доступностью медицинских услуг врачей-специалистов и уровнем естественного прироста населения, фиксируемого по объективным статистическим данным, в сознании населения оценка состояния здравоохранения фактически не определяет характер репродуктивного поведения.

Доступность учреждений дошкольного образования

Поскольку большинство женщин не планирует отказываться ради воспитания детей от профессиональной карьеры, существенное влияние на репродуктивное поведение населения оказывает доступность услуг учреждений дошкольного образования (детских садиков). Данные опроса на территории области свидетельствуют, что значительная часть опрошенных (41,88%) в целом удовлетворены работой учреждений дошкольного образования, 17,25% респондентов – скорее не удовлетворены ей, 8,0% – удовлетворены полностью и 6,13% – совершенно не удовлетворены.

Большинство опрошенных (60,6%) отметили, что они сами или их родственники, знакомые испытывали более или менее значительные проблемы с устройством детей в детский сад; не было проблем лишь у 16,75% респондентов (рис. 6).

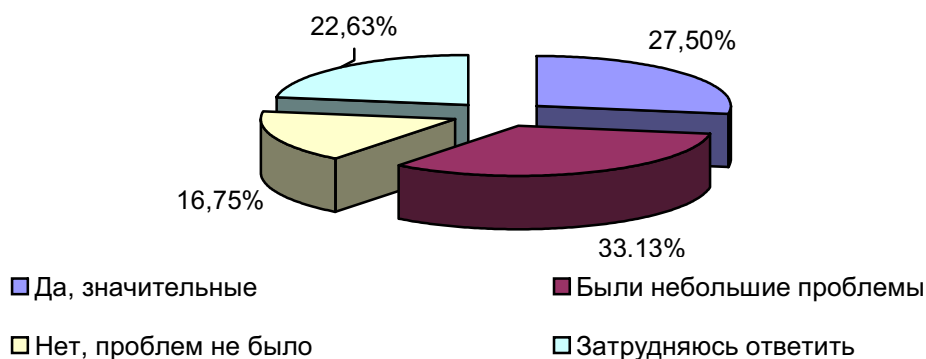

Рис. 6. Наличие трудностей с устройством детей в детский садик

Примечательно, что значительные трудности с устройством ребенка в детский сад испытывали почти в равной мере жители всех районов, но меньше всего их было у жителей Валуйского и Краснояружского районов, то есть «благополучных» в демографическом отношении, и больше – в Корочанском районе, где было зафиксировано снижение рождаемости.

Распределение данных о наличии трудностей с устройством детей в садик и количеством детей выявило прямую зависимость между данными переменными: чем более значительные проблемы пришлось испытать респондентам, тем больше среди них удельный вес тех, кто имеет одного ребенка (38,18%); по мере уменьшения проблем увеличивается удельный вес имеющих двух и трех детей. Неспонденты, имеющие значительные проблемы с устройством детей в учреждения дошкольного образования, более всего ориентированы на одного ребенка (48,18%), опрошенные, у которых таких проблем не было – на двоих детей (50,75%).

Таким образом, деятельность учреждений дошкольного образования оказывает значительное влияние на демографическую ситуацию и репродуктивные установки населения как в целом по области, так и в разрезе отдельных муниципальных образований.

Организация социальной защиты населения

Безусловно, организация социальной защиты оказывает влияние на демографическую ситуацию. Однако, скорее всего, это влияние проявляется более всего в отношении старшего поколения.

Деятельность органов социальной защиты, как показали результаты исследования, удовлетворяет большинство опрошенных (рис. 7).

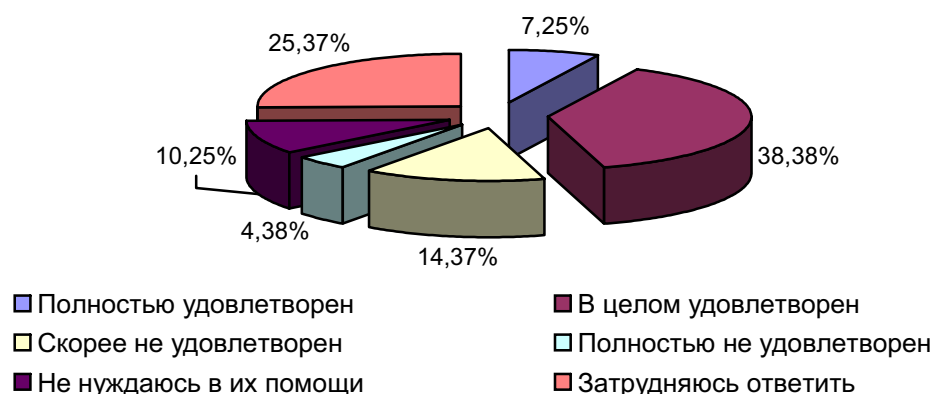

Рис. 7. Удовлетворенность работой органов социальной защиты населения

Анализ данных по районам показал, что в ряде районов недовольство работой органов социальной защиты населения выше, чем по всему массиву опрошенных в целом. Так, в Корочанском районе удельный вес в целом удовлетворенных деятельностью органов соцзащиты, несколько ниже, чем в среднем (35,0% по сравнению с 38,38%). В Красногвардейском районе меньше доля респондентов, полностью удовлетворенных работой органов социальной защиты населения (4,0% против 7,25% в целом), удельный вес скорее не удовлетворенных деятельностью органов социальной защиты составил 18% (в среднем – 14,37%).

Таким образом, можно предположить, что организация социальной защиты населения на муниципальном уровне оказывает определенное влияние на демографическую ситуацию в муниципальных образованиях.

Реализация государственной демографической политики

Результаты всероссийских исследований общественного мнения показывают, что большая часть респондентов считает политику государства по стимулированию рождаемости ведущим фактором естественного прироста населения.

В числе наиболее действенных мер, которые, по мнению респондентов (опрос ФОМ, май 2006 г.), реально помогут повысить уровень рождаемости в России, были названы: введение базового материнского капитала после рождения второго ребенка (55%);

сохранение для работающих женщин 40% заработка во время отпуска по беременности, родам и уходу за ребенком (48%); увеличение пособия на второго ребенка до 3000 рублей в месяц (46%). Наименее эффективными из намеченных мер участники опроса чаще всего называли увеличение пособия на первого ребенка (16%) и увеличение стоимости родовых сертификатов (13%).

Для выявления степени значимости данного фактора в Белгородской области нами была оценена степень удовлетворенности респондентов реализацией государственной демографической политики на уровне района, а также ее корреляция с поведенческим компонентом репродуктивных установок и фактически количеством детей. На вопрос: «Насколько Вы удовлетворены тем, как реализуется государственная демографическая политика (поддержка молодых семей, выплата пособий, начисление материнского капитала и др.) на территории Вашего района?» 5,38% и 34,13% соответственно респондентов ответили, что они удовлетворены полностью и частично; удельный вес неудовлетворенных заметно меньше. Вместе с тем, значительная часть опрошенных (34,38%) затруднилась дать ответ на данный вопрос.

Распределение данных по районам выявило значимые различия между степенью удовлетворенности населения реализацией государственной демографической политики. Более всего ею удовлетворены в Краснояружском, Губкинском, Валуйском, Корочанском и Красногвардейском районах.

Однако полученные показатели не коррелируют с состоянием демографической ситуации во всех указанных муниципальных образованиях.

Характерно, что уровень удовлетворенности государственной демографической политикой несколько повышается у двухдетных респондентов. Так, удовлетворенность («полностью удовлетворен» и «в целом удовлетворен») ею высказывают 41,29% респондентов с одним ребенком; 45,49% респондентов с двумя детьми; у респондентов с тремя и более детьми она вновь снижается до 41,6%. Таким образом, в сознании респондентов государственная демографическая политика является относительно оптимальной в отношении семей с двумя детьми.

Вместе с тем, удовлетворенность государственной демографической политикой не является значимым фактором нормативной детности.

Так, среди респондентов полностью не удовлетворенных государственной демографической политикой, 10,96% считают для себя достаточным иметь трех детей. У тех же, кто полностью удовлетворен демографической политикой, соответствующий выбор сделали 4,65%. Среди респондентов, полностью удовлетворенных демографической политикой государства, заметно больше тех, кто настроен всего на одного ребенка (53,49% против 47,38% по выборке в целом).

Итак, несмотря на объективную значимость государственной демографической политики для репродуктивного поведения населения, в Белгородской области не зафиксировано сколько-нибудь значимой взаимосвязи между уровнем удовлетворенности ею и нормативной детностью. Косвенным образом об этом свидетельствует также большая доля респондентов (более трети), затруднившихся определить свое отношение к реализации государственной демографической политики на территории района их проживания. Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о незначительном влиянии государственной демографической политики на реальные репродуктивные практики населения.

Заключение

Проведенное социологическое исследование позволяет сделать выводы о том, что ведущими внешними факторами естественного воспроизводства населения Белгородской области на уровне различных муниципальных образований выступают жилищные условия, состояние системы здравоохранения и социальной защиты населения. Вместе с тем, данные факторы оказывают воздействие не столько сами по себе, сколько преломляясь в сознании людей, что позволяет предположить приоритет внутренних факторов (репродуктивных установок, состояния здоровья, социального самочувствия и др.), обусловленных целым комплексом условий (влияние семьи, воспитание, культурная среда, региональная специфика).

В связи с этим особую значимость приобретает разработка и внедрение системы показателей оценки демографической ситуации в разрезе отдельных муниципальных образований области, а также комплекса мер по регулированию репродуктивных установок населения, прежде всего молодежи.

Список литературы

1. Численность населения Белгородской области на 1 января 2010 года // Режим доступа к изд.: <http://belg.gks.ru/digital/region1/2007/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB2010.doc>.
2. См.: Борисов В. Демографическая ситуация в современной России // Демографические исследования. – 2006. – № 1.
3. См.: Заславская Т.И. Проблемы исследования и моделирования мобильности трудовых ресурсов // Моделирование социальных процессов / Отв. ред. Э.П. Андреев и Ю.Н. Гаврилец. – М.: Наука, 1970. – С. 140.
4. Гуляева Н.П. Оценка социально-демографических процессов // Режим доступа к изд.: http://zhurnal.lib.ru/n/natalxja_p_g/tema8.shtml.
5. См.: Демография: как повысить рождаемость? Результаты всероссийского социологического опроса // <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/demo/of062025>.
6. См.: Бездетность и нежелание иметь детей. Результаты всероссийского опроса общественного мнения // <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/demo/d082125>.
7. См.: Бездетность и нежелание иметь детей. Результаты всероссийского опроса общественного мнения // <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/demo/d082125>.
8. См.: Демография: как повысить рождаемость? Результаты всероссийского социологического опроса // <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/demo/of062025>.
9. См.: Экологическая ситуация в российском массовом сознании. Всероссийский социологический опрос 23.12.2008 // http://bd.fom.ru/report/map/ekologija_otchet08.

FACTORS OF THE NATURAL INCREASE OF THE POPULATION OF THE BELGOROD REGION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

M. N. REUTOVA

Belgorod State University

e-mail: reutova@bsu.edu.ru

External factors of the natural increase of the population on the basis of the data of sociological research of demography problems in the Belgorod region are investigated in the article. Results of the analysis have revealed close interrelation of external and internal factors, their situational character and conditionality regional specificity.

Key words: demographic situation, level of natural reproduction, factors of natural increase of the population, reproductive attitudes.

УДК 130.2

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В. В. ТРОШИХИН¹⁾
М. А. ТОВСТИЙ²⁾

*¹⁾Белгородский университет
потребительской кооперации*

*¹⁾ e-mail:
Trochihin@bupc.edu.ru*

*²⁾Белгородский университет
потребительской кооперации*

*²⁾ e-mail:
Tovstiy@bupc.edu.ru*

В статье осуществлен концептуальный анализ исследований информационного общества и обоснован вывод о научно-практическом содержании методологической позиции в соответствии с которой определяющим фактором общественного развития становится научное знание, а экономические и социальные функции капитала переходят к информации. Авторы показали, что информационно-технологические процессы, соединенные с аудиовизуальными средствами создают мир поведенческих моделей, которые программируют жизнедеятельность человека, а информатизация социальной сферы вызывает к жизни концепцию «компьютерной демократии», в которой информация олицетворяет власть, а гражданское общество становится системой «общественного мнения» по овладению и удержанию власти.

Ключевые слова: информатизация, коммуникация, социально-технологические процессы.

Развитие информационных услуг и бизнеса актуализировали проблему концептуального истолкования социально-технологической роли информатизации в структурах, институтах и процессах общества. В этой связи представляется исходным и необходимым анализ понятий «постиндустриальное» и «информационное» общества, что предполагает обращение к основным социологическим концепциям, описывающим новые стадии социального развития, формализующих и операционализирующих объекты исследования. Методологически и содержательно первой в этом смысле следует назвать концепцию Д. Белла, заложившего основу теории постиндустриального общества, в которой определил последовательность социального развития и понятий его фиксирующих: «доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество». В отличие от социологических подходов своих современников, которые акцентировали внимание на кризисных моментах общественного развития, Белл предложил позитивную программу социального развития на фундаменте обоснованного им осевого принципа построения общества, в соответствии с которым разделил его на социальную структуру, государственное устройство и культуру. При этом социальная структура включала экономику, технологию и профессиональную систему. Государственное устройство регулировало распределение власти и рассматривало конфликты групп и потребности индивидов, а культура была сферой символизма и значений¹. В концепции Белла «осью» постиндустриального общества является теоретическое знание, предполагающее первенство теории над эмпиризмом и кодификацию информации в абстрактных системах символов, которые могут использоваться для истолкования различных измеряющихся сфер опыта.

«Любое современное общество, – полагал Д.Белл, – живет за счет инноваций и социального контроля за изменениями, оно пытается предвидеть будущее и осуществлять планирование. Именно изменение в осознании природы инноваций – по его разумению – делает решающим теоретическое знание»².

С учетом доминирующей роли теоретического знания в постиндустриальном обществе «университет или какая-либо другая форма индустриализации знания, по прогнозам Белла, будет центральным институтом в последующие сотни лет благодаря своей роли источника инноваций и знания»³.

¹ См.: История теоретической социологии. В 4-х т. / Отв. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. – М.: Изд-во «Канон+» ОИ «Реабилитация». – Т. 4. – 2002. – С. 317.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального программирования; Пер с англ. В.Л. Иноземцев. – М.: Academia, 1999. – С. 335.

³ Там же.

Отличительной характеристикой постиндустриального общества, полагает Д. Белл, станет новая интеллектуальная технология, используемая для принятия управленческих решений, которая будет базироваться не на интуитивных суждениях, а на алгоритмах как правилах решения проблем. Эти алгоритмы могут быть реализованы в автоматической машине, в компьютерной программе или в наборе инструкций, основанных на математических формулах. Интеллектуальная технология, таким образом, связана с использованием математической (статистической) или логической техники при работе с «организованной сложностью», в качестве которой могут быть самые различные, в том числе социальные структуры и системы.

Новые интеллектуальные технологии, по мысли Бела, помогут «упорядочить» массовое общество и к концу XX века будут играть такую же выдающуюся роль в жизни и делах общества, какую играла машинная технология в предшествующие полтора века. Роль «мастера» в интеллектуальной технологии будет играть теория принятия решений, а роль «инструмента» выполнит компьютер.

В отличие от концепции постиндустриализма теоретически обоснованной Беллом, теория информационного общества в ее первоначальном варианте разрабатывалась для решения практических задач социально-экономического развития Японии. Появление термина «информационное общество» связывают с именем профессора Токийского технологического института Ю. Хаяши, а контуры информационного общества были обозначены в отчетах японскому правительству, представленному такими организациями как Агентство экономического планирования, Институт разработки и использования компьютеров, Совет по структуре промышленности и другие. В таких отчетах как «Японское информационное общество: темы и подходы» (1969), «Контуры политики содействия информации японского общества» (1969), «План информационного общества» (1971) информационное общество определялось как такое, где процесс компьютеризации обеспечивает доступ к надежным источникам информации, избавляет от рутинной работы и обеспечивает высокий уровень автоматизации производства. Результатом такого производства станет не материальный, а информационный продукт со значительной долей инноваций, дизайна и маркетинга в его стоимости. Именно информационный продукт будет движущей силой образования и развития общества⁴.

Методологическое сходство идей постиндустриализма и информационного общества особенно четко проявилось в поздней работе Д. Белла «Социальные рамки информационного общества», где он делает акцент на том, что термин «информационное общество» означает новое название постиндустриального общества, подчеркивающее не последовательность ступеней «общественного развития после индустриального общества», а основу его социальной структуры – информацию⁵.

Определяя знание и информацию как стратегический ресурс «информационного общества», Белл формулирует проблему информационной стоимости обосновывая новый подход к экономике, который в отличие от доминирующих подходов, акцентирующих комбинации капитала и труда в контексте трудовой теории стоимости, рассматривает информацию и знание в качестве решающих переменных развития общества.

Значительный вклад в концептуальное осмысление «информационного общества» внес японский социолог Йони Масуда который на основании анализа реального состояния японского общества, его коммуникационной инфраструктуры и информационной промышленности, а также информационной ситуации в Канаде и Швеции, в книге «Информационное общество как постиндустриальное общество» делает вывод о неизбежности социальной трансформации посредством инноваций и информационных технологий.

Акцентируя такие свойства социальной информации как универсальность, способность к самоусложнению и накоплению для многократного использования, а также одновременность производства и потребления, Й. Масуда предполагает, что это все приведет к радикальным изменениям и преобразованию капиталистического общества. В

⁴ См.: Алексеев П.В. Социальная философия. – М.: Проспект, 2003. – С. 140.

⁵ См.: Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.

концепции Масуды подчеркивается роль человеческих ценностей, которые трансформируясь в информационном обществе способствуют ликвидации социальных классов и конфликтов. Основной ценностью, по его убеждению, будет время и культурный досуг. Концепция Масуды, рассматривая экономический аспект информационного общества, предполагает, что в его основе будет лежать компьютерная технология, способная значительно усилить умственный потенциал человека. Информационная технология став новой производительной силой обеспечит массовое производство систематизированной когнитивной информации, а интеллектуальное производство распространяя свою продукцию посредством коммуникативных технологий станет ведущей отраслью экономики.

Описывая прикладной аспект информационного общества, Масуда представляет его как «компьютерный город», основанный на информационно-коммуникативных технологиях, пронизанный информационными системами в числе которых: многоканальное кабельное телевидение; система автоматизированной доставки товаров; новые компьютерные системы здравоохранения и образования; системы автоматизированного контроля за загрязнением окружающей среды; сеть центров профессиональной ориентации, научной и управленческой информации и т.п.

Таким образом Й. Масуда более четверти века назад обосновал особую роль информационно-коммуникативных технологий в развитии современного общества, где виртуальная жизнь в Интернет – творчество, отдых, повышение квалификации, поиск и оперативное получение знаний из информационных ресурсов мирового сообщества – становятся нормой. Й. Масуда был одним из первых в среде ученых разработавших план-прогноз информационного общества, который в его научно-технической и организационной части был реализован в Японии и других, индустриально развитых странах.

Существенный вклад в развитие теории информационного общества внес известный американский социолог и футуролог А. Тоффлер, который продолжил вслед за Беллом развивать концепцию нового общества критически оценивая «индустриальную цивилизацию» пошедшую, по его мнению, «не той дорогой» и приведшую к конфликту между природным и социокультурным началами человеческого существования, а также между формами индустриального общества – системами капитализма и социализма.

По Тоффлеру переход от индустриализма к новой «постиндустриальной» цивилизации с господством информационных технологий будет осуществляться на основе компьютерной революции. В работе «Третья волна» он определяет постиндустриальное общество как стратегическое приспособление к новой постмодернистской культуре и цивилизации, которое являясь наднациональной системой реализует свои возможности в рамках международного порядка. Тоффлер считал, что в результате планетарной перестройки происходит стимулирование новых видов деятельности и производства на основе компьютеризации и робототехники, появляются новые формы организации человеческих отношений, соответствующих использованию новых технологий, а также изменяется образ жизни в сторону нарастания ценностей его качества.

Все это позволяет сделать вывод о том, что Тоффлер определял постиндустриальное общество как стратегическое приспособление к новой постмодернистской культуре и цивилизации, которые формируются в результате глубокой трансформации социального мира.

Особого внимания заслуживают концептуальные воззрения М. Постера, связанного с французской интеллектуальной традицией структурализма и постиндустриализма. Постер, соглашаясь с Д. Беллом, в том, что знание (или информация) в каком-то смысле, являясь основой «всего» современного общества, считает однако, что Белл выдвинув идею информационной экономики, неправомерно сводит коммуникацию к экономической проблематике, отодвигая в сторону вопросы культуры. М. Постер считает неправоверной трактовку информации как экономической сущности и теоретическое обоснование распространения товарных отношений на информационную сферу. Та легкость, с которой информация воспроизводится и передается, утверждает он, разрушает правовую систему, сформированную для защиты частной собственности на материальные вещи.

Небезынтересна в контексте обоснования роли информатизации в социально-технологических процессах теория коммуникаций Герберта Маршалла Маклюэна, предсказавшего роль электронных СМИ в современную эпоху и их связь с глобализацией.

«Средство нашего времени – электронная техника – придает новую форму и перестраивает схемы социальной взаимозависимости, а так же каждой системы нашей личной жизни»⁶. Общественная жизнь, полагает Маклюэн, в большей степени зависит от характера средств при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от содержания сообщений. Информационная технология, соединенная с аудиовизуальными средствами создает целый мир поведенческих моделей, которые постоянно, ежедневно на работе и в быту окружают человека и программируют его деятельность во все возрастающем масштабе.

Информационная технологизация социальной сферы вызвала к жизни концепцию компьютерной демократии, в которой информация олицетворяет власть. Гражданское общество при этом является обществом «общественного мнения»: его формирование и выражение является средством завоевания и удержания власти.

Таким образом информатизация как бы заменяет собой социальную революцию, а правильно разработанная и осуществленная программа информационной деятельности как части эффективного управления, является по убеждению Маклюэна обязательным фактором достижения успеха на основе социального сотрудничества между организациями и людьми.

Резюмируя концептуальный анализ социологов и футурологов в 60–90-е годы XX века по исследованию информационного общества можно сделать вывод о научно-практическом содержании сформировавшейся методологической позиции, в соответствии с которой определяющим фактором общественной жизни становится научное знание, а экономические и социальные функции капитала переходят к информации. В соответствии с этим, ядром социальной организации становится университет как центр производства, переработки и накопления новых знаний. Именно уровень знаний становится определяющим фактором в дифференциации и образовании социальной структуры общества, в котором новой инфраструктурой становится «интеллектуальная», а не механическая техника. В информационном обществе социальная организация и информационные технологии образуют «симбиоз».

Такое общество нигде не состоялось, но основные технико-экономические структуры постиндустриальной эпохи просматриваются в виде нарастания в ВВП доли услуг, снижения доли занятых во вторичном и росте доли в третичном секторах экономики. И хотя университет не заменил промышленную корпорацию в системе базового института нового общества, однако академическое знание в какой-то степени было инкорпорировано в процесс капиталистического производства.

Концептуализация идеи информационного общества обрела как сторонников так и скрытых критиков, которые подчас очень далеко отходят в своих истолкованиях от постиндустриальной концепции Д. Белла. Однако именно такое разнопонимание способствовало поступательному развитию концепции информационного общества

Новая информационная социологическая парадигма направлена против старой социальной модели. Принципиальное отличие «информационных» концепций от «постиндустриалистических» сводится к тому, что наука и техника хотя и наделяются огромной преобразующей силой, но не рассматриваются как непосредственные источники социальных изменений. Информационное общество – это социологическая и в какой-то мере футурологическая концепция полагающая главным фактором общественного развития производство и использование научно-технической и социально-значимой информации.

Проведенный концептуальный анализ позволяет определить информационное общество как общество нового типа, порожденное развитием информационных и коммуникационных технологий, в котором главными продуктами производства являются информация и знание, что актуализирует теоретическую и научно-практическую значимость социально-технологических коммуникаций в современном обществе.

⁶ Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. Сб. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – С. 341.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования; Пер с англ. В.Л. Иноземцев. – М.: Academia, 1995.
2. Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. – Сб.–М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004.
3. История теоретической социологии. В 4-х т. – М.: Изд-во «Канон+ Реабилитация», 2002.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: «Аспект Пресс», 1996.
5. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: «Изд-во АСТ», 1999.
6. Луман Н. Теория общества. – М.: «Канон-пресс-Ц», 1999.
7. Иванов Д.В. Общество как внутренняя реальность // Информационное общество. – Сб.–М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004.

INFORMATIZATION AS FACTOR OF SOCIO-TECHNOLOGICAL PROCESSES**V. V. TROSHIKHIN¹⁾****M. A. TOVSTY²⁾***¹⁾Belgorod University
of Consumer Cooperatives**¹⁾ e-mail:
Trochihin@bupc.edu.ru**²⁾Belgorod University
of Consumer Cooperatives**²⁾ e-mail:
Trochihin@bupc.edu.ru*

The article information society has been analyzed. The scientific and practical content of the methodological position have been grounded which the determining factor of social development scientific knowledge, and economic and social functions of capital transfer to the information. The authors have shown that information and processes, coupled with the audi-visual means creating a world of behavioral patterns that are programmed human life, and informatization of the social sphere brings to life the concept of «computer democracy» in which information represents power, and civil society becomes a system of «public opinion» to capture and retain power.

Key words: information technology, communication, social and technological processes.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 146.89/89

ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

А. Н. АГАЛЬЦОВ*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail:
tulaphilos@gmail.ru*

В статье проанализированы культурные, мировоззренческие и нравственные черты российского язычества, определены характеристики данного религиозного движения, которое представлено как мировоззрение (философско-религиозный и этический аспекты), практика российского неоязычества связана не только с религиозными обрядами, религиозным опытом, но также определяется через институциональность, выраженную в кодексах, различных общинных объединениях.

Ключевые слова: мировоззрение, язычество, религиозные, опыт, кодексы, обряды, объединения.

Цель статьи – религиозно-философский анализ феномена современного российского язычества. В связи с этим будут рассмотрены культурные и мировоззренческие характеристики современного российского язычества. Феномен язычества предполагает рассмотрение его как мировоззрения (религиозные основания и моральные идеалы и нормативные установки), которые формируют образ жизни, его обычай и обряды.

Современное российское язычество представляет собой новое религиозное движение, которое в религиоведческой литературе обозначается термином «неоязычество», представители современного российского язычества именуют учение язычества в его современном варианте "Родноверием" или "Традицией", "язычеством", "ведизмом" или ("Инглизмом", "Луггарианством" и пр. Сходные движения за рубежом именуют свое учение "Nature Religions", "Native Religions" ("Естественные" и "Родные" религии), этнические религии, "Deep Ecology" ("глубинная экология") и др.

Известный исследователь язычества Б. А. Рыбаков в своем фундаментальном исследовании «Язычество древних славян» подчеркивал, что язычество – феномен национальной культуры, одно из ее самобытных оснований. «Познание народной культуры, – подчеркивает исследователь, – всех видов крестьянского творчества невозможно без выявления его архаичной языческой подосновы. Изучение язычества – это не только углубление в первобытность, но и путь к пониманию культуры народа». ¹ В этом смысле язы-

¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., «Наука», 1981.

ческая религия представляет собой синтез верований и культов древних славян, которые сохраняют свои традиции в современной культуре славянских народов. Славянское язычество имеет свою уникальную и неповторимую мифологию, которая сохранилась в мифах и волшебных сказках, традициях и обычаях славянских народов»...²

Современное российское язычество представляет собой попытку продолжить мировоззренческие основы русского язычества, представляя собой феномен, ярко иллюстрирующий особенности современной российской религиозности, характерные черты которой сформированы в условиях активного духовного поиска в атмосфере идеологического плюрализма. Обращение к язычеству связано в России с перестроечными процессами 90-х гг. прошлого столетия, когда в поисках ценностных ориентиров в связи с ростом национального самосознания в обществе возник интерес к языческой религии, основанной на вере и обычаях предков, выражающей самобытность русского духа, содержащей корни национальной идеи.

Современное российское язычество как феномен может быть представлено как мировоззрение и как организованное религиозное движение, имеющее свои институты, регламентирующие документы: кодексы, уставы и др.

В данной статье на основе «Книги природной веры» будут проанализированы мировоззренческие позиции современного российского язычества, выделены его религиозные и морально-этические характеристики.

Критика современной цивилизации.

Основные аргументы, на которых основываются апологеты современного российского язычества – критика современной технологической цивилизации, которая оторвала человека от его природного естества.³ Подчеркивается утилитаристский, потребительский характер современной культуры, так как «техническая цивилизация дает свои ценности человеку только взамен на ценности, данные от Природы». Автор делает вывод, что современная технологическая цивилизация, с ее ценностями потребительства и утилитаризма, по сути, есть вызов человеку, в основе которого – угроза его подлинному существованию, ведь «цивилизация оторвала человека от естественной среды обитания, лишила его этим жизненного тонуса и постаралась компенсировать его своими благами – техническими средствами. Это почти то же, что отрезать ногу и поставить вместо нее совершенный протез. С любым протезом оказываешься обделенным».⁴ В то же самое время Н. Сперанский подчеркивает бессмысленность ухода от цивилизации⁵. Противодействие

² По отношению к мифологии и религии славян употребление термина «язычество» вполне оправдано его славянской этимологией. Слово «язык» означало, в том числе и «отдельный народ, племя». Русский летописец, рассказывая об истории славян, придерживался мнения, что все славяне произошли от единого корня: «Был един язык славянский: славяне, которые сидели по Дунаю <...> От тех славян разошлись по земле и прозвались именами своими, от мест на которых осели... И так разошёлся славянский язык...». Таким образом, слово «язычество» можно использовать как синоним народной, племенной религии славян.

³ В данной статье будут проанализированы труды Н. Сперанского, или волхв Велимир языческой общины «Родолубие Коляды Вятичей». «Книга природной веры. Глава 1. Философские вопросы язычества». «Агрессия технической цивилизации». <http://www.kapishe.ru> Подчеркивая потребительский характер современной цивилизации, автор замечает подмену ценностей как сакральную причину: «Казалось бы, цивилизация создает, например, асфальтовое покрытие потому, что надо ездить автомобилям, а в дождь не пачкать ноги. Это разумная и естественная причина не может быть оспорена. Но, есть еще и другая причина, носящая сакральный смысл. И сила цивилизации (как и любой большой общности людей) состоит в том, что сакральность сопутствует тому, что называют пользой. Сакральная тайна асфальтового покрытия, состоит в том же, в чем тайна и всех других благ. Она, как и всякая тайна, лежит значительно глубже представлений о потреблении. В результате создания асфальтового покрытия, человек обретает бесспорное удобство, но лишается прямого контакта с землей, и это ведет к утрате его природных сил, даваемых землею.

⁴ Там же.

⁵ Нам никуда не деться от пороков цивилизации. Цивилизация разрушает монастыри и возвращает Робинзонов обратно в свое лоно. Свойственный некоторым нашим друзьям бескомпромиссный конфликт с потребительским мышлением ведет к тому, что аристократ духа становится добровольным Робинзоном, оказывается живущим вне цивилизации и в нищете. Дальнейшая его жизнь уже оказывается от него не зависящей. Его потомки с таким образом жизни не соглашаются и уходят обратно в цивилизованный мир, где предаются всем порокам, думая, что в этом и есть истина, а борющийся с цивилизацией родитель был не прав. Там же.

ее пагубным для человеческой природы вызовом он видит в возрождении веры как «способу мышления», «обращенная к силе своей земли, к Природе».

Согласно учению Н. Сперанского в основе мироздания Бог Рода, который «закрепил в Природе свой Нравственный Закон», определяющий «равновесие сил созидания и разрушения». Именно этот Нравственный Закон обозначает пантеон позитивных и негативных Божеств, действующих в природе и в человеческой жизни: «соответственно, в мире есть духовные сущности, следящие за соблюдением этого Закона. Есть и сущности обратного толка. В их задачу входит препятствовать действию Нравственного Закона и стирать память о нем. Сущности, исполняющие и хранящие Нравственный Закон, не однозначны. По своей природе, они могут быть как созидателями, так и разрушителями». В понятие добра вмещается все то, что содействует Природе и жизни. Зло проявляется как насилие над Природой и как «конфликт внутри Мировой Воли». Соответственно этому выстраивается пантеон Божеств. К злым божествам относятся божества разрушения, которые имеют так называемых «агентов разрушения»⁶.

Борьба божеств, представляющих добрые, созидательные и разрушительные силы, проявляется и на человеке, который поставлен перед выбором линии жизни, участия или неучастия в творчестве, борьбе божеств. Ценностный смысл жизни человека заключается в том, насколько он ориентирован на «оправдание замысла Рода» как высшей Божественной цели.

Смысл земной жизни состоит в выборе человеком своей позиции и участия в творчестве и борьбе богов. У подавляющего большинства людей этот выбор производится неосознанно и является позитивным. Позитивным в том смысле, что обыденная жизнь в действительности может быть результатом божественной цели, может оправдывать замысел Рода. Согласно «Книги природной веры» смысл земной жизни человека заключается в том, чтобы «поддерживать свою жизнь, продолжать род, помнить заветы предков и совершать деяния, которых требует высшее начало. Тот, кто чувствует присутствие великих богов и сознательно живет в согласии с этими четырьмя положениями – счастлив, а смерть в конце пути не пугает. Тот, кто выбирает служение черным богам, которые нарушают установленный Родом закон жизни, неважно, осознанно или нет, тот смысла своего бытия не находит, и связанный с этим страх скрывает беспутной жизнью»... Таким образом, религиозное учение современного российского язычества ориентирует человека на созидание, смысл которого раскрывается как «исполнение нравственно позитивного деяния, направленного не на эгоистические, личные интересы, а на интересы Рода и Природы»⁷.

Институциональность движения современного российского язычества Современное российское язычество проявилось как новое религиозное движение в таких организационных формах как: 1. клубы исторической реконструкции, общины; 2. культурные центры, партии и общинные объединения – городское явление, развивающееся в интеллигентской, преимущественно естественнонаучной образовательной среде. В дальнейшем во второй половине 90-х гг. обозначилась линия институализации языческого движения – создания «религиозной славянской конфессии», которая потерпела неудачу.

В настоящее время славянское язычество представляет собой религиозное движение, состоящее из небольших автономных общин, оформился ряд языческих организаций, претендующих на лидерство, которые объединили вокруг себя небольшое число общин. ("Велесов круг", Москва; "Союз Венедов", Санкт-Петербург; "Древлеправославная Церковь Староверов-Инглингов", Омск; "Союз Славянских общин", один из организаторов которого – Вадим Казаков, Калуга). В 2008 году численность сторонников Союза точно не определена ввиду непостоянного состава присутствующих на мероприятиях. По словам В. С. Казакова, «численность ССО вместе с прихожанами составляла на 2007 год

⁶ То, что действительно та или иная сила работает в интересах богов-разрушителей и подпитывается ими, мы понимаем по двум признакам. Во-первых, результат ее действия, в конечном итоге, ведет к гибели людей и вообще жизни. Во-вторых, эта сила относительно быстро пресекается какой-то другой силой. Либо она губит сама себя, ибо не может долго существовать из-за своей нежизнеспособной организации, т.е. является химерой.... Там же. «Книга природной веры». Глава 1. Философские вопросы язычества. О добре и зле.

⁷ Там же.

порядка 2000 человек. Точный подсчёт прихожан не ведётся⁸». Союз проповедует древнее вероучение славян и проводит работу по объединению Славянских Общин в различных государствах.

Круг Языческой Традиции» КЯТ как альтернатива и оппозиция ССО придерживается интернационалистической идеологии. КЯТ возник не так давно — в 2002 году, но темпы роста этого союза не в пример больше, чем у ССО. На данный момент в него входит 23 общины.

Такая популярность обусловлена демократическими принципами деятельности объединения: отсутствие единоначалия и рекомендательный характер главного органа жреческо-волховского Совета «Круга Языческой Традиции». Начало созданию единого координационного органа славянских и не только (договор подписали представители германского, скандинавского и финно-угорского нативизма) неоязыческих организаций было положено еще в 2000 г., когда был подписан первый официальный документ — «Коломенское Обращение». В «Коломенском Обращении» были зафиксированы вечевой принцип внутри и межобщинных взаимоотношений, который стал основой для создания Совета КЯТ, утверждение исключительно религиозного статуса языческих общин и формирование единого неоязыческого информационного пространства. Заключение Битцевского договора через два года стало подтверждением серьезности намерений, заявленных в «Коломенском Обращении». Битцевский договор о создании «Объединенного Жреческо-волховского Совета Круга Языческой Традиции» был подписан главами 15-ти языческих общин и организаций 17 марта 2002 года в Москве на капище в Чертановском парке. Документ свидетельствовал о создании объединенного Совета для координации взаимодействий коллективных членов, подписавших договор. В нем содержалось заявление о создании и регистрации двух языческих объединений, религиозного и светского, с одинаковой конечной целью — восстановление и широкое распространение «Славянской Языческой Традиции», отстаивание общественного и государственного признания ее исконным и традиционным вероисповеданием и мировоззрением. Решения Совета для поддержавших договор языческих организаций должны были носить рекомендательный характер. К Битцевскому договору прилагалось «Битцевское Обращение» — декларация основных положений идеологии неоязыческого объединения родноверов, которые

⁸ Материал из Википедии — свободной энциклопедии: Круг Языческой Традиции принятия. К основным документам, отвечающим на вопросы развития КЯТ в настоящее время, был приложен план-максимум под названием «Цели природной веры». В нем видный идеолог российского нативизма Н.Н. Сперанский (волхв Велимир, «Коляда вятичей») сформулировал социальные задачи неоязыческого движения на будущее: «Первый этап — это объединение и обогащение традиции через обмен опытом». «Второй этап — русский народ должен сознательно понять, в чем суть его языческой веры, и навсегда отбросить тот жупел, который в его сознании сложилось христианство. Суть язычества до народа должны донести не отрешенные святые и не ушедшие в себя волхвы. Это должны сделать живые активисты, ибо наша вера дана для того, чтобы жить с нею, а не отрешаться от жизни. Так что второй этап становления — это формирование слоя наших активистов, которые будут идти в народ». Третий этап становления — «это решение основных экологических проблем и создание общества, находящегося в равновесии со своей природной средой обитания. Этот этап предполагает перестройку экономики и полную переориентацию человеческих потребностей от насильственного стимулирования потребительства — к духовным и природным ценностям.... Не теряя тех жизненных гарантий, которые дает техническая цивилизация, нужно суметь отказаться от всех ее излишних благ и взамен них вернуться к почитанию своей Природы. Таковы этапы развития природной веры и такова ее цель — спасти человечество от самоуничтожения. Все описанное может произойти только плавно, без каких-либо социальных потрясений. Единственное, что может резко подвигнуть россиян, да и все человечество, к такому новому бытию в равновесии с Природой — это очевидная угроза глобальной экологической катастрофы». Судя по содержанию этих документов, деятельность Круга имеет характер жесткой экспансии, которая в результате должна привести к диктатуре неоязычества в России.

Обращает на себя внимание «благовидный» предлог такой агрессивной политики. Если ССО хочет спасти русских от потери собственной национальной идентичности, то КЯТ спасает от экологической катастрофы. Экологизм, действительно, — одна из самых главных пропагандистских идей КЯТ, широко эксплуатируемая для вовлечения новых людей. Члены КЯТ принимают участие на конференциях «зеленых», устраивают многочисленные экологические акции по очищению парковых зон Москвы и Подмосковья. Но без сомнения, муссирование данной темы используется ими с целью привлечь внимание общественности прежде всего к самим себе.

должны разделять все его настоящие и потенциальные члены. Основные формулировки документа имеют пространственный характер. В обращении «язычники — это люди одного языка, принадлежащие одной Традиционной культуре, одному роду-племени». Просторечное «роду-племени» становится более понятным в следующем пояснении, где появляется понятие о некоем «родовом целом», которое представляется в виде своеобразной субноосферной совокупности: «Земля, народ, ее населяющий, другие формы жизни и Боги». Язычник не только хранит и передает традиционные знания прошлого, но и сам является творцом традиции: он «почитает своих богов (Обожествленные предки — эвгемерические боги, и мы их потомки — «Дажьбожи внуци», однако, есть Боги как фундаментальные Силы Мира) — пращуров, знание о которых раскрывается богами лично ему». Языческая Традиция славян — «родноверие», по мнению создателей, документа составляет одну из ветвей «родственных по духу» родоплеменных природных мировоззрений индоевропейских народов. Именно отнесение «родноверия» к разряду индоевропейских верований дает возможность и в декларации своей веры, и в ее реконструкции апеллировать к древней религии Вед как корням славянской Традиции и именовать свою веру «ведической». Отсюда происходит открытость родноверов языческим представлениям других индоевропейских народов.

Преимущества родноверия видятся в его тесной взаимосвязи с природой, оно «дает возможность почувствовать себя нераздельной частью огромной вселенной, и в то же время личностью, ценной и уникальной в мире, естественным микрокосмом... Она направляет к раскрытию могучих механизмов в управлении своим организмом, своим разумом и учит жить в согласии с Силами Мира — Богами — на благо Рода и Земли — Матери, как живой Сущности». В силу возрождения «родоплеменных» отношений язычники принимают такие понятия как «род, семья, община, племя, народ» (хотя понятие «народ» включает в себя уже более широкий спектр отношений, чем только «родоплеменные»), но отвергают понятие нации и национальности. Поэтому идеологи КЯТ всячески отрицают возможность связей славянского нативизма и национализма, обосновывая это тем, что языческая традиция вообще изначально не знала понятия нации, а принцип политеистичности предполагает не только мирное сосуществование людей, отдающих предпочтение разным богам, но и мир между различными народами и культурами.

Поверхностно очерченный пантеизм и демократические условия деятельности Совета КЯТ, отраженные в документах, несомненно, расширяют круг лиц и неязыческих организаций, заинтересованных в их принятии.

Список литературы

1. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., «Наука», 1981.
2. <http://www.kapishe.ru>

CHARACTERISTICS OF RUSSIAN PAGANISM BASED ON PHILOSOPHY AND WORLD OUTLOOK, ETHICS AND RELIGION

A. N. AGALTSOV

Tula State Pedagogical University

e-mail: tulaphilos@gmail.ru

In the article cultural, world outlook and moral features of Russian paganism are analyzed, the characteristics of the given religious movement which is presented as the outlook (philosophical and religious, ethical aspects) are discussed; the practice of Russian neo-paganism is connected not only with the religious practices and experience, etc., but is also defined through the institutionalism, expressed in the codes, various communal associations.

Key words: outlook, paganism, religious, experience, codes, ceremonies, associations.

УДК 178.98/78

БУДДИЗМ КАК ЭТНОИНТЕГРИРУЮЩИЙ ФАКТОР ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

О. С. БАЖЕНОВА*Наро-Фоминский филиал РГСУ**e-mail:
philos@gmail.ru*

В статье анализируются результаты социологического исследования религиозной ситуации в Бурятии. На основе полученных эмпирических данных делается вывод о том, что религия обладает высокой степенью значимости для бурятского населения республики. При этом на фоне сохраняющего внутриэтнического разделения, буддизм становится заметным этноинтегрирующим фактором. Но для большинства религия выступает как это традиционная, культурная составляющая, не требующая четких институализированных рамок, выступающая фактором этнической идентификации.

Ключевые слова: религия, религиозность, буддизм, этнос, этноинтегрирующий фактор.

Одним из основных лозунгов этнической мобилизации выступал тезис о необходимости возрождения религии в целом и буддизма в частности.

С целью выяснения, в какой степени провозглашенные лозунги стали реальностями повседневной этничности для бурят, было проведено социологическое исследование религиозной ситуации, которое могло дать ответ на вопрос насколько религия стала идентифицирующим и дифференцирующим признаком.

Основу исследования религиозной ситуации составил опрос в форме анкетирования, как наиболее эффективный метод получения массовой количественной информации. Объектом массового анкетирования выступило бурятское население Республики Бурятия. Основу выборки составили данные Всероссийской переписи населения 2002 года. Отбор производился по многоступенчатой выборке, когда на первой ступени отбирались районы. Отбор районов производился по принципу традиционного отнесения к «восточным» и «западным» и по относительной доле бурятского населения в районе. Город Улан-Удэ, представляющий собой промышленный, политический и культурный центр, в котором проживает примерно 38% бурятского населения Республики Бурятия, был представлен как отдельный район. На второй ступени выбирались населенные пункты (сельские). Из городских поселений был выбран только город Улан-Удэ. На третьем этапе применялась квотная выборка, т.е. производился отбор отдельных людей с конкретным набором характеристик в соответствии с заданными пропорциями. При построении данной выборки учитывались такие характеристики генеральной совокупности, как пол и возраст. Всего было опрошено 450 человек, при этом ошибка выборки составляла примерно 4,6%, что является статистически допустимым.

В качестве основных характеристик религиозного сознания выделяются три:

- наличие веры в Бога;
- конфессиональная самоидентификация;
- устойчивое религиозное поведение (посещение богослужений, участие в религиозных таинствах, совершение религиозных обрядов и т.д.).

В данном исследовании наличие веры в Бога определялось посредством самооценки, что позволяло фиксировать в целом уровень религиозности сознания. Менее 5% респондентов отметили, что они не верят в Бога. Религия является значимым фактором в жизни бурятского населения республики. Более трети опрошенных (34,8%) отметили очень высокую ее значимость и 42,8%, что она скорее значима.

Резкий рост религиозности населения на постсоветском пространстве активно исследуется специалистами, и ими сделан вывод о причинах данного феномена. «В поисках новой, взамен утраченной, идеологической опоры массовое сознание обратилось

к ценностным стандартам, выработанным культурой ранее, пригодным для большинства и восходящим к определенной базовой модели (что гарантирует их стыковку и неантагонистичность). В этом смысле религия, религиозная идеология оказалась ей типологически близка, поскольку также основана на принципах универсальности и непротиворечивости. Оказавшись в состоянии идеологической аномии, массовое сознание постсоветской эпохи «оттолкнулось» от обязательного прежде атеизма и «качнулось» в сторону религиозной веры»¹.

Что касается конкретной ситуации относительно роста религиозности в республике, то, по всей видимости, немаловажным фактором является поиск «культурно-религиозной идентификации и дифференциации», когда посредством религии человек отождествляет себя с определенной культурной средой. Подтверждением этому может служить тот факт, что более половины опрошенных (51,2%), ранжируя различные высказывания о том, что значит религия лично для них, отметили, что это традиция, 46,6% – выделили мировоззренческие основы религии, 45,3% – культурные.

Следует отметить также, что наиболее значимыми факторами обращения к религии явились два: это влияние знакомых, родственников (43,7%) и осознание себя как члена бурятской общности через принадлежность к религии (38,8%).

Таблица 1

Что послужило толчком к обращению к религии?

№	Варианты ответов	Доля от общего числа опрошенных
1	Поиск смысла жизни	9,7%
2	Влияние знакомых, родственников	43,7%
3	Проблемы со здоровьем	6,3%
4	Ухудшение социально-экономического положения в стране и республике	0,5%
5	Проблемы на работе, в семье	5,3%
6	Стремление разобраться в себе	2,9%
7	Интерес к данной религии	17,0%
8	Осознание себя как члена бурятской общности через принадлежность к религии	38,8%
9	Другое	1,5%

При этом отмечены существенные расхождения доли мужчин и женщин в оценке конкретных факторов обращения к религии. Такие факторы как стремление разобраться в себе и поиск смысла жизни более характерны для мужчин, тогда как для женщин более характерны такие факторы, как проблемы со здоровьем и проблемы на работе и в семье.

Фактор обращения к религии следует связать с другой характеристикой религиозности, а именно с конфессиональной принадлежностью. О том, что посредством религии человек отождествляет себя с определенной культурной средой, доказывают проведенные социологические исследования. Так, исследуя динамику религиозности населения, белорусские ученые выявили большое различие между численностью верующих (49,4%) и тех, кто отождествляет себя с теми или иными конфессиями (77,8%). Данное несоответствие было объяснено феноменом «культурно-религиозной идентификации»². Такие же результаты были получены в ходе исследования религиозности современной молодежи. Авторы исследования подчеркивали, что «отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, молодежь в то же время относит себя к приверженцам традиционных религиозных объединений. Таким образом, православие или ислам воспринимаются не только как собственно религиозная система, а как естественная культурная среда, национальный образ жизни»³.

¹ Новикова Л.Г. Основные характеристики динамики религиозности населения. // СОЦИС, №3, 1998.

² Новикова Л.Г. Основные характеристики динамики религиозности населения. // СОЦИС, 1998, №3. – С.93-98.

³ Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи. – 1998. – С.6-10.

Как отмечалось выше, характерные особенности современной самоидентификации бурят во многом определяются историческими условиями становления бурятского этноса, обусловившие, в частности, конфессиональное разделение бурят: распространение буддизма у восточной части бурят, а с ним монгольской письменности и буддийской культуры через дацаны, и шаманизма с частичной христианизацией — у западных.

Исследование показало, что большинство респондентов (72,3%) исповедуют буддизм в форме ламаизма, 12,1% являются шаманистами. Следует отметить, что к настоящему времени почти половина (47,1%) респондентов не придает значения делению на восточных и западных бурят, хотя и считают (две трети опрошенных – 69,9%), что между восточными и западными бурятами существуют некоторые, несущественные различия.

При этом большинство (60,2%) респондентов рассматривают именно буддизм в качестве той религии, которая могла бы претендовать на роль общебурятской, в частности потому, что это мировоззрение, которое в наибольшей степени соответствует национальному характеру (44,7%). В этом контексте неудивительным является тот факт, что согласно исследованию, среди западных бурят отнесли себя к буддистам, почти столько же респондентов, сколько и к шаманистам (44,4% и 52,8% соответственно), т.е. можно говорить о значительном распространении буддизма в их среде. Вполне предсказуемым было то, что большинство восточных бурят (95,0%) причислили себя к буддистам.

Данное исследование показало, что мнение о необходимости общебурятской религии коррелирует с внутриэтнической групповой принадлежностью респондентов. Существует некоторое расхождение во мнениях (коэффициент ранговой корреляции равен 0,2) западных и восточных бурят на необходимость общебурятской религии. Среди восточных бурят значительно больше тех, кто видит необходимость в общебурятской религии, что является объяснимым, поскольку, как отмечалось, в роли таковой большинством видится именно буддизм. В целом, распределение ответов на вопрос «Должна ли быть общая для всех бурят (абсолютного большинства) религия?» выглядит следующим образом:

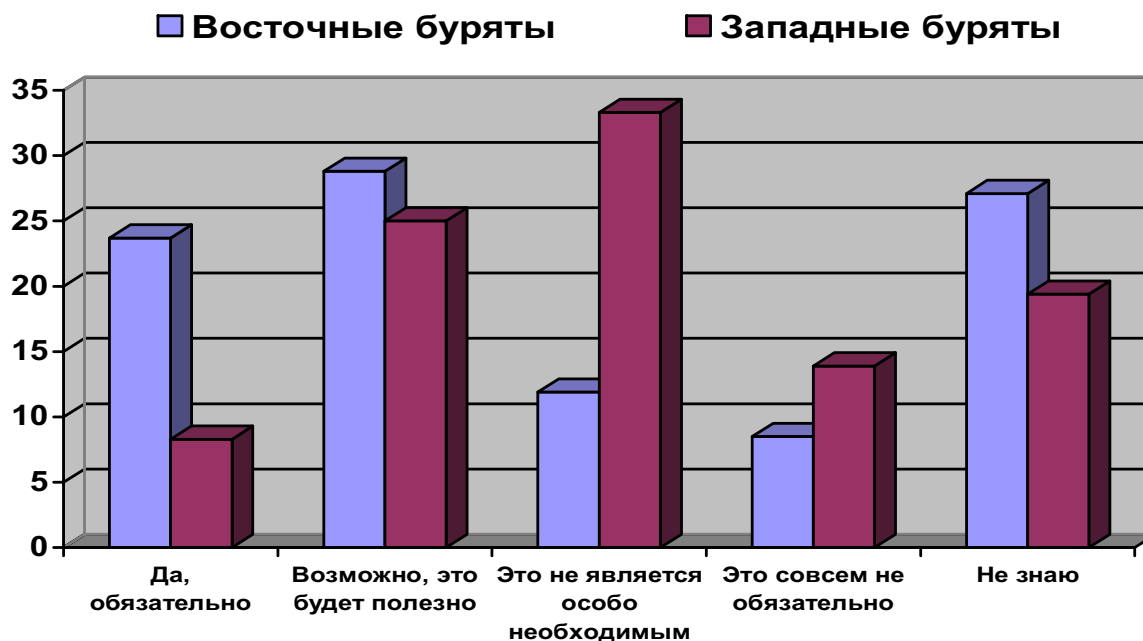

Диаграмма 1. Должна ли быть общая для всех бурят (абсолютного большинства) религия?

При анализе третьего признака религиозности, связанного с культовым поведением, были выбраны следующие показатели – знание религиозного учения, его основных догматов, регулярность посещения богослужений, и, в целом, соблюдение обрядов, влияние на внутрисемейные и производственные отношения, а также обращение к другим (в смысле не относящимся к той религии, которую исповедует респондент) религиозным практикам.

Половина респондентов может быть отнесена к «аморфно религиозным». Это утверждение основывается на том, что 42,7% считают, что их знание религиозного учения является ни хорошим, ни плохим, а также на том, что 52,4% респондентов отметили, что посещают религиозные службы время от времени. При этом, как и следовало ожидать, существует прямая зависимость между религиозным знанием и религиозной практикой. Несмотря на то, что вне зависимости от знания большинство посещают религиозные службы время от времени, тем не менее, чем лучше осведомлен респондент о религиозном учении, тем строже соблюдает обряды, придерживается догматов, посещает службы и т.д.

Таблица 2

Конкретная религиозная практика

	Хорошо	Скорее хорошо	Ни хорошо, ни плохо	Скорее плохо	Плохо
Соблюдаю все обряды, отмечаю праздники, изучаю литературу, часто обращаюсь к своим священнослужителям	30,4	34,4	20,7	8,6	4,8
Посещаю религиозные службы время от времени	65,3	53,1	57,5	54,3	28,5
Посещаю религиозные службы очень редко		3,1	13,8	17,1	28,6
Не посещаю религиозные службы (по разным причинам)			3,4	5,7	19,1
Посещаю службы и совершаю обряды, отдавая дань традиции	4,3	9,4	4,6	14,3	19,0

Также почти половина респондентов (48,1%) отметили, что вполне естественно обращаться за помощью в трудных жизненных ситуациях к другим религиям, еще 18,4% считают, что поскольку Бог один – все равно какой обряд выбирается. Слабая институционализация религиозного поведения является вообще характерной чертой современного религиозного сознания, хотя, безусловно, может наблюдаться существенная корреляция с конфессиональной принадлежностью.

В ходе исследования не было выявлено значительных расхождений в характере конкретной религиозной практики респондентов, относящих себя к различным группам бурятской общности. В связи с этим можно вспомнить, что для населения республики исторически было характерно «двоеверие» и «троеверие», как отмечалось выше. В ходе проведенного исследования было выявлено отношение к другим религиозным конфессиям. В качестве индикаторов выступали различные формы ассоциации. Исследование показало, что наиболее высокий индекс согласия (+0,17) связан с утверждением, что «все религии равны, поэтому по разным поводам можно обращаться к различным религиозным практикам». Если сравнить распределение ответов на вопрос об обращении к другим религиозным практикам среди западных и восточных бурят, то следует отметить, что отношение к этому в целом схож в обеих группах (коэффициент ранговой корреляции равен 0,8, что и позволяет делать вывод о достаточно высокой степени схожести).

Выявленное крайне слабое влияние религиозного фактора на внутрисемейные и производственные отношения, позволяют подтвердить предположение о том, что религиозность у современных бурят – это не столько фактор, определяющий нормы жизнедеятельности, ценности, сколько фактор этнической идентификации, который приобрел в современных условиях унификации материальной культуры, снижения идентификационной роли языка, в целом резком снижении этнодифференцирующих маркеров, детерминирующих социализацию личности как представителя этноса, первостепенное значение.

Данные социологических исследований показывают, что современная религиозность реализуется в большей степени «скорее в форме спонтанных духовных поисков личности в этой сфере»⁴.

Уже отметив наиболее значимые факторы обращения к религии, интересным является рассмотреть их в возрастном аспекте. В этом плане исследование показало, что характерное для молодых решение смысловых проблем и, так называемый «кризис среднего возраста» с его осмыслением и переосмыслением своей жизни, определяет такие причины как «поиск смысла жизни» и «стремление разобраться в себе» как наиболее существенные для самых молодых и сорокалетних респондентов. Следует отметить тот факт, что влияние родных является очень распространенным мотивом для самых молодых, что может служить основой для вывода о становлении и развитии семейных религиозных традиций, в которых воспитывается молодое поколение. Тем же респондентам, которым около 30 или за 30 лет, чаще приходится сознательно выбирать свою религиозную принадлежность и неслучайно именно в этих возрастных категориях «интерес» и «осознание себя как члена бурятской общности» являются наиболее значимыми причинами обращения к религии.

Как уже выше отмечалось, для значительного числа респондентов (47,1%) не является значимым внутриэтническое деление на западных и восточных бурят.

Однако, при более детальном рассмотрении значимости деления, например, посредством приписывания различных характеристик группам, отмечается продолжающееся существование представления об определенной степени дифференциации этих двух групп.

Две трети респондентов (69,8%) согласны и скорее согласны с утверждением, что восточные и западные буряты отличаются по многим характеристикам. Несколько больший разрыв во мнении о несущественных отличиях (согласны и скорее согласны 75,8%, соответственно не согласны и скорее не согласны 24,2%). Однако, при утверждении о только некоторых диалектных отличиях, число несогласных возрастает (согласны и скорее согласны 64,0%, не согласны и скорее не согласны 36,0%). Т.е. даже не обращая, не акцентируя внимания на внутриэтническом делении, не считая его значимым, представители этноса обращают внимание на присущие внутриэтническим группам различия, которые, не будучи уж очень существенными, все же не сводятся только к некоторым обрядовым и диалектным различиям. При этом, разница если и не становится более ощутимой (согласны и скорее согласны с этим утверждением 22,3%, а не согласны и скорее не согласны 77,7%), но и не стирается (почти половина респондентов – 43,9% не считают, что существующие различия в последние годы стираются). Данное положение подтверждается мнением значительного числа респондентов о том, что характерным является предпочтение общения внутри своих групп (согласны и скорее согласны с этим утверждением 42,4%, не согласны и скорее не согласны 57,6%).

Таблица 3

№	Утверждение	Индекс согласия
1	Восточные и западные буряты значительно отличаются друг от друга по многим характеристикам	0,29
2	Между восточными и западными бурятами существуют некоторые различия, но они не существенны	0,33
3	Отличие касается только некоторых обрядов и диалектных различий, но не менталитета	0,19
4	В последние годы существовавшие различия стираются	0,07
5	В последние годы существовавшие различия становятся более ощутимыми	-0,34
6	Восточные и западные буряты предпочитают по возможности общаться внутри своих групп	-0,11

⁴ См.: Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи. – 1998.

Ощущаемая респондентами значимость внутриэтнического деления отражается и в распределении ответов на вопрос о влиянии принадлежности к западным или восточным бурятам на положение в обществе. Почти четверть респондентов (23,8%) считают, что в той или иной степени, но такое влияние существует. Следует отметить, что среди тех, кто не придает значения внутриэтническому делению больше тех, кто не видит такой зависимости. В то же время, почти треть этих респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

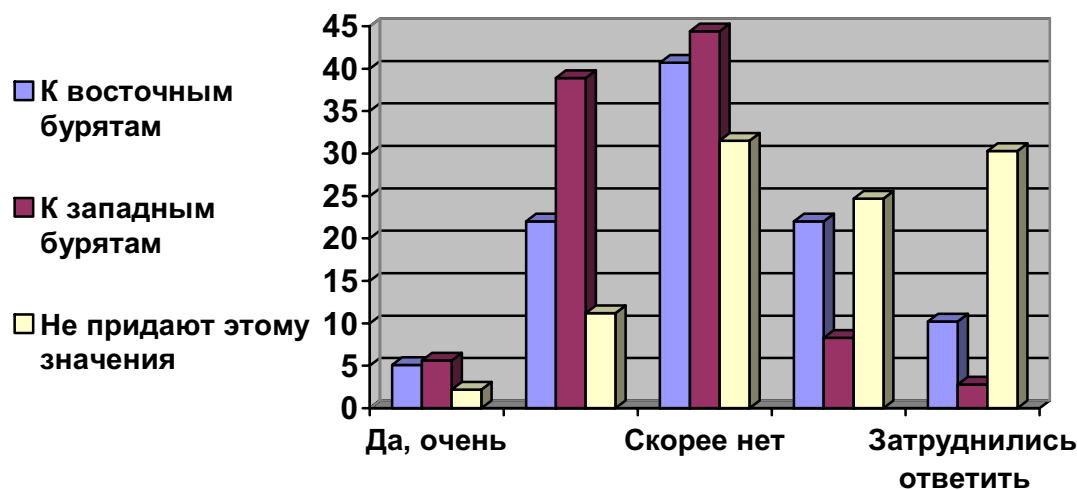

Диаграмма 2. Как Вы считаете, влияет ли принадлежность к восточным или западным бурятам на его положение в обществе?

Таким образом, данные проведенного исследования показали, что сохраняется внутриэтническое разделение и, в связи с этим, сопоставляя этот факт с выявленным фактом роста приверженцев буддизма среди западных бурят, можно сделать вывод о том, что буддизм становится заметным этноинтегрирующим фактором.

Сохранение внутриэтнического деления указывает на факт, что этническая идентичность сосуществует с родовой и племенной идентичностями, которые в современном мире принимая формы территориально-родовой общности, постоянно воспроизводятся, в том числе, посредством характерных обрядов, проведением тайлаганов. Заметным явлением становится деятельность землячеств. Само понятие «земляк» в большей степени ассоциируется с жителями родного района. Именно такой смысл в данное понятие вкладывают 48,6% респондентов. При этом только в группе самых молодых респондентов (в возрасте от 18 до 22 лет) наибольшее число тех, кто считает земляками выходцев из того же района. Это может служить как доказательством постоянно воспроизводящейся и даже усиливающейся родовой идентификации, но, на наш взгляд, в этом прослеживается чисто психологический фактор стремления молодых людей, приехавших в город учиться (среди молодых значительную часть составляли студенты) быть ближе к знакомым в процессе адаптации к жизни в новых для них условиях. Другая половина (45,9%) земляками считает всех жителей республики вне зависимости от их национальности. В большей степени это характерно для городских жителей и для респондентов старше 40 лет. Это позволяет утверждать, что наряду с родовой и этнической идентичностями утверждается и республиканская идентичность или региональная в узком смысле того слова. Подтверждением может служить и тот факт, что четверть респондентов (26,1%) считает, что жители республики, вне зависимости от их национальности, обладают некоторыми отличительными качествами. Можно утверждать, что происходит некий процесс маркирования на «своих», т.е. жителей республики, и «других». В этом смысле знаковым является установление республиканского праздника Цагаалган – Нового года по восточному календарю, который в республике в настоящее время официально отмечается, и этот день является выходным. Этот праздник появился на территории проживания бурят

только в связи с распространением буддизма. Однако, этот праздник, который приобрел общепурятский характер, выходит в последние годы и за рамки только этноинтеграционного процесса, постепенно став общереспубликанским, он становится символом республиканской интеграции.

В ходе проведенного исследования было установлено, что провозглашенные в процессе этнической мобилизации лозунги во многом стали реалиями повседневной этничности для бурят. Анализ религиозной ситуации показал, что религия обладает высокой степенью значимости для бурятского населения республики. При этом, говоря о росте религиозности, следует говорить о росте влияния в большей степени именно буддизма, причем не только среди восточных бурят, но и западных.

Следовательно, на фоне сохраняющего внутриэтнического разделения, буддизм становится заметным этноинтегрирующим фактором. Для молодого поколения религиозная принадлежность в значительной степени является естественным результатом семейной социализации.

Однако, высокая степень значимости религии в жизни не связывается ни с активностью в этой сфере, ни с заметным влиянием религиозного фактора на повседневную жизнь, что и позволяет утверждать, что для большинства религия – это традиционная, культурная составляющая, не требующая четких институализированных рамок, выступающая фактором этнической идентификации.

Таким образом, для современных бурят кроме родовой, племенной и этнической идентичности характерно становление республиканской идентичности, при этом в структуре идентичностей, значимость этнической принадлежности превалирует.

Список литературы

1. Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи. – 1998.

BUDDHISM AS A FACTOR OF ETHNIC INTEGRATION IN THE PEOPLE'S OPINION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

O. S. BAZHENOVA

RSSU, Naro-Fominsk branch

e-mail: philos@gmail.ru

The article analyzes the results of a sociological study of the religious situation in Buryatia. On the basis of empirical evidence it is concluded that religion has a high degree of relevance to the Buryat population. At the same time on the background of preserving intra-division, Buddhism becomes noticeable ethno-integrating factor. Hence for the majority, religion acts as a traditional, cultural component, which does not require explicit institutionalized framework, a factor of ethnic identity.

Key words: religion, religious, Buddhism, ethnos, ethno-integrating factor.

УДК 111:37.01

БЫТИЙНАЯ ВЕРА КАК ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Р. К. ОМЕЛЬЧУК

*Восточно-Сибирская
Государственная Академия
Образования*

e-mail: R.Om@list.ru

В статье исследуется роль веры в воспитательно-образовательном процессе. Рассматриваются ценностные основания для субъектно-субъектных отношений между педагогом и студентом в контексте бытийной веры.

Ключевые слова: бытийная вера; образование личности; становление личности; педагог как Другой; вера как механизм преемственности; культура отношений.

Введение

Традиционно влияние веры на становление личности имело исключительно религиозный характер, и потому в светской науке сформировался устойчивый стереотип, дискредитирующий экзистенциальные и онтологические особенности веры. Пренебрежение механизмами веры – серьезное упущение современного образования, которое в первую очередь сказывается на качестве образования. По нашему мнению, восстановление веры как решающего фактора личностного развития является весьма актуальной задачей, достижимой посредством раскрытия онтологического подхода к вере.

Бытийная вера затрагивает самые глубинные основания человеческого существования и связана с обретением человеком смысла, осознанием своего предназначения. Такая вера коренится именно в духовном опыте человека, проникая во все сферы человеческого бытия, и не является феноменом исключительно религиозного опыта. Бытийная вера связана с получением опыта вообще, с жизненной реализацией ценностей, со становлением, образованием и преобразованием личности.

Бытийная вера, по нашему мнению, играет важнейшую роль в воспитательно-образовательном процессе и представляет собой важнейший инструмент формирования и сущностного самоопределения личности. Именно поэтому изучение феномена бытийной веры и ее особенностей призвано усовершенствовать и модернизировать воспитательно-образовательные процессы в современном обществе. В целом можно сказать, что воспитательно-образовательный эффект фундируется своеобразным механизмом функционирования веры, который заключается в постепенном отождествлении наличного (субъект веры) с истинным (объект веры), или, другими словами, самой личности и того, во что она верит.

Образование и вера: фундаментальная онтология

Интеграционные процессы, происходящие внутри личности в процессе становления истинной, можно определить как образование. Понятие «образование» в философской мысли принимало разные формы – Genesis, Bildung, Metamorphose, отождествлявшие образование с «сотворением», «созданием», «преображением»¹. В процессе такого образования «образуется» личность, формируются ее индивидуальные качества, раскрывается ее уникальность, осознаются ее предназначение и смысл жизни. Субъект веры постепенно уподобляется объекту веры, который представляет собой уже образовавшийся и потому целостный «образ» (Bild)². Нам кажется весьма интересным взгляд на образование М. Хайдеггера, который предложен им в статье «Учение Платона об истине»³. По словам немецкого философа, путь к истине – постепенный, последовательный, «требую-

¹ Сапрыкин Д. Л. Значение и смысл понятия «образование» (на примере немецкой философии конца XVIII – начала XIX в.) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2008. – №1. – С. 19-22.

² Там же. С. 19.

³ Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Библихина. – СПб.: Наука, 2007. – С. 483-487.

щий свыкания» (адаптации), поскольку только когда «перемена касается бытия человека и происходит в основе его существа» это приведет к «устойчивому поведению»⁴. Этот путь к истине как понимаемый М. Хайдеггером онтологически процесс образования, и есть существо бытийной веры, понимаемой нами в качестве осознанного процесса становления наличного человека истинным. Бытийно понятая вера есть образование и преобразование личности, происходящее в процессе достижения человеком тех бытийных идеалов и ценностей, в которые он верит.

Осмысление сути того, что Платон зовет «пайдейя», и того, что мы зовем бытийной верой, неразрывно связано с понятием истины человеческого бытия. Исследуя проблему истины бытия вообще, М. Хайдеггер сосредоточил внимание именно на человеческом бытии как присутствии (Dasein). При первом упоминании о присутствии в своем фундаментальном труде «Бытие и время» М. Хайдеггер обозначает его как «образцовое сущее»⁵, которое является «при-мером», поскольку в своем существе как присутствия «хранит истину бытия» и этим «вы-меряет» и «при-меряет» бытие как таковое⁶. Dasein в этой связи есть присутствие истины в человеке, причем речь идет об осознаваемом присутствии истины или о присутствии истины в сознании. Dasein является идеальным образцом, примером и ориентиром, факт проявленности которого свидетельствует о целостности и истинности реализации личности. Dasein, таким образом, есть прямое указание на потенциальную истину, актуализировав которую человек достигнет собственной подлинности, собственного естества.

Сущность того, что М. Хайдеггер обозначил в качестве Dasein, можно обнаружить в таких философских категориях, как дхарма (санскр.), жэнь (кит.), пайдейя (греч.), гуманус (лат.). Все эти категории могут пониматься, с одной стороны, как обозначающие нечто неотъемлемое от человека, а, с другой стороны, как своеобразные смысловые синонимы понятию культура. Онтологическое и тем более экзистенциальное рассмотрение этих философских категорий свидетельствует о своеобразной ретроспективе понимания «образцового сущего», или истины человеческого бытия. Если для древнеиндийской философии таковым являлась дхарма как поддерживающая человека опора, как личностный долг, для китайской философии таковым являлась жэнь как связующее небо и землю человеколюбие, для древнегреческой философии – пайдейя как воспитанность и образованность человека, для западноевропейской философии – гуманизм как признающая ценность другого человечность. Современные исследователи указывают на девальвацию личности, которая лежит в основе как деградации личностных ценностей, так и деградации личностного сознания. Сегодняшний человек ориентируется на так называемый «новый гуманизм»⁷, искаженный в свете уже упомянутых категорий дхарма, жэнь, пайдейя и гуманус, которые сущностно выражают истину человеческого бытия.

Итак, если понимание человеком истины человеческого бытия меняется, то этого нельзя сказать о самой истине человеческого бытия. Независимо от времени, места и обстоятельств культура была, есть и будет определять адекватность, соответствие человека той сущности, которая заложена в само понятие «человек». Если культура как социальный феномен тесно взаимосвязана с традицией, то культура как экзистенциальный феномен тесно связана с бытийной верой, являющейся своеобразным механизмом преемственности между человеком и истиной.

Студент как субъект: культурное отношение

Известно, что образование подразумевает руководство педагогов, мастеров, наставников и потому тесно связано с воспитанием. Именно воспитание подразумевает целенаправленное развитие человека, включающее освоение культуры, ценностей, культурных и нравственных норм. Если онтологически образование – это преимущественно «развертывающее формирование»⁸, то воспитание – это наполнение формы смыслом,

⁴ Там же. С. 483.

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2006. – С. 7.

⁶ Там же. С. 439.

⁷ Крапивенский С. Э., Фельдман Э. Девальвация личности: причины и возможности коррекции / С. Э. Крапивенский, Э. Фельдман // Философия и общество. – 2004. – №2. – С. 29.

⁸ Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2007. – С. 484.

содержанием, сутью. Воспитание в большей степени связано с раскрытием идеального, правильного, культурного отношения человека к окружающему миру, и потому невозможно без формирования как идеалов и идеальных целей, так и стремления к ним. Такое осознанное направленное стремление и есть бытийная вера. Это во многом объясняет тот факт, что еще сто лет назад тесная связь воспитания и образования были фундированы не только религиозными ценностями, но и светским этикетом. Предлагаемый нами подход, связывающий бытийную веру и образование, позволяет увидеть эффективность и действенность механизмов бытийной веры применительно к целям воспитания. Онтологически и религиозные идеалы, и светские идеалы суть – ценности, которые отождествляются в сознании человека с тем или иным бытием, с той или иной реальностью. Отсюда бытийная вера – это внутренний побудитель, устремляющий личность к уподоблению тому или иному бытийному образу посредством культурного отношения к нему как к истинному.

Рассматривая взаимосвязь бытийной веры и образования, мы считаем целесообразным рассмотреть гипостазированной, персонифицированной истины (педагога) как Другого, а веры как устойчивого культурного отношения к Другому. Через призму воспитательно-образовательного процесса вера, направленная на педагога, выполняет важнейшую функцию преемственности качеств адекватной, социально компетентной личности.

Заметим, что в философских работах, посвященных исследованию истины, то, что до XX в. было принято называть понятиями абсолютное, трансцендентное, непостижимое, впоследствии стало обозначаться как Другой. Среди предшественников экзистенциализма и персонализма можно вспомнить Августина Блаженного, который воспринимает истину в качестве абсолютной личности Творца, наделяющей разум человека способностью постичь божественное бытие, а также Ф. Аквинского, для которого истина – это богочеловек Иисус Христос. Для нас Другой интересен прежде всего как личность, доступная наличному человеку для заинтересованного субъектно-субъектного общения, под которым понимается как передача экзистенциальных ценностей, так и взаимоотношения. В контексте онтологического подхода к образованию под Другим понимается педагог, под наличным человеком – слушатель, студент, а под заинтересованным субъектно-субъектным диалогом – воспитательно-образовательный процесс, фундируемый бытийной верой.

Диалог между наличным человеком и Другим поддерживается внутренней связью, значимой для обеих сторон. Такая связь характеризует тесноту отношений и полноту открытости. Э. Левинас в своей знаменитой работе «Тотальность и Бесконечное» отмечает: «Другой является местом нахождения метафизической истины, необходимой для моего отношения к Богу. Другой отнюдь не играет роли посредника. Другой не является также и воплощением Бога, но именно его лицо, развоплощенное, являет нам высоту, где открывается Бог»⁹. Философское осмысление позиции Э. Левинаса позволяет заключить, что в бескорыстном неэгоистическом отношении человека к Другому рождается истина. С точки зрения онтологического подхода к образованию это объясняет простую истину – секрет успеха в образовании кроется в доверии к педагогу, в культурном отношении в нему. Истина человеческого бытия – это «возможность быть, то есть возможность создавать какое-то отношение с бытием»¹⁰.

Говорить о возможности быть – значит подразумевать, что нами такая возможность еще не реализована. В мире конечного истинная человеческая природа сокрыта и искажена, поэтому желание быть всегда сопровождается желанием создавать какое-то отношение с Другим, бытие которого истинно. Человек, узнавший то, для чего ему нужна истина, и устремившийся к реализации этой истины внутри себя, сам становится истинным. Практически это воплощается в том, что студент нуждается в таком педагоге, личностные качества которого будут, с одной стороны, жизненным ориентиром, а с другой – помогут раскрыть собственные призвание и индивидуальность.

⁹ Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. – М., СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 111.

¹⁰ Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм и другие работы / Н. Аббаньяно; пер. с ит. А. Л. Зорина. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 39.

Через культурное отношение к педагогу как состоявшейся личности студент формирует необходимый фундамент для собственной реализации как личности. Такое культурное отношение достаточно четко выражено в трудах представителей экзистенциальной философии. Началом образования является тот момент, когда человек начинает осознавать свою беспомощность и слабость, коренящиеся в его конечности, неполноте. Стремление преодолеть их побуждает его внимать слова педагога, внимательно слушать его. М. Хайдеггер обозначил такое отношение как «вслушивание в бытие», К. Ясперс – как «слушание трансценденции», Х. Ортега-и-Гассет – как «вслушивание в жизнь». Весьма ценным в этой связи является мнение К.А. Абульхановой-Славской, которая подчеркивает важность изучения правды как мировоззренческой и личностной позиции человека: «Позиция правды предполагает доверие к другому – исходное условие человеческого общества. Это и есть не что иное, как этический эквивалент признания личности в Другом, а значит, его «права» на свой путь, иные решения и т. д. <...> Поэтому отстаивание правдивых отношений есть утверждение личностью этического в жизни, в способе общения с людьми. Здесь речь идет не просто о соблюдении этических норм и идеалов в поведении, а об отстаивании подлинно нравственных отношений»¹¹. Правда – это не только фундамент нравственного отношения студента к педагогу, но и точка пересечения веры и истины (с одной стороны, правда – это личностно воспринимаемая истина бытия, с другой стороны, правда – это внутренняя убежденность в чем-то бытийно-истинном¹²). Правдивый человек не противопоставляет себя истине, но через веру принимает ее и стремится преобразиться. Такие правдивые, нравственные, открытые отношения можно охарактеризовать как культурные.

Педагог как субъект: глубина вовлечения

Качество образования, конечно, зависит как от студента, так и от педагога, однако все-таки в большей степени оно зависит от последнего. Только педагог способен помочь студенту пережить такой внутренний опыт, который будет формировать не только то или иное отношение к окружающему миру на чувственном уровне, но и осознанное желание самореализации экзистенциальных ценностей в собственной жизни¹³. Такой внутренний экзистенциальный опыт основан на переживании причастности к тем или иным бытийным ценностям посредством веры¹⁴, поэтому от квалификации педагога 1) правильно говорить, 2) защищать своей речью истинные ценности и 3) сосредоточивать слушателей на поиске собственного предназначения будет зависеть и уровень образования студента¹⁵. С.Н. Булгаков и А.Ф. Лосев философски описали важность и ценность правильно произносимого слова в своих трудах по философии имени¹⁶, в котором кроме звуковой фонемы они выделяли семему (значение), симболон (символичность), ноэму (смысл), идею (предметную сущность), энергему (явленную сущность), интеллигенцию (самосоотнесение, самосознание) и т.д. Раскроем несколько уровней образования, опираясь на предложенный А.Ф. Лосевым понятийно-категориальный аппарат. Можно выделить 1) предметно-форменный, 2) смыслообразный, 3) чувственно-энергетический и 4) духовно-осознанный уровни образования.

Предметно-форменное образование фундировано низшими мотивациями (приращение, выгода) и потому идет вразрез с сущностью, интересами самого студента. Как правило, такой тип образования, с одной стороны, является следствием формальной подачи материала педагогом без получения обратной связи от студентов и должных объяснений, и, с другой стороны, обусловлен отсутствием у студентов живого интереса к обу-

¹¹ Абульханова-Славская К. А. Личностный аспект проблемы общения / К. А. Абульханова-Славская // Проблема общения в психологии. – М.: Наука, 1981. – С. 231-232.

¹² Омельчук Р. К. Вера как экзистенциальная ценность: дис... канд. филос. наук: 09.00.11 / Р. К. Омельчук. – Иркутск, 2006. – С. 55, 72.

¹³ Прасолов М. А. Проблема внутреннего опыта в философии русского метафизического персонализма / М. А. Прасолов // Вопр. философии. – 2009. – №8. – С. 107.

¹⁴ Калужная Н. А. Философский анализ опыта: экзистенциальные аспекты / Н. А. Калужная // Вопр. философии. – 2009. – №9. – С. 168.

¹⁵ Хайдеггер М. Кто такой ницшевский Заратустра? / М. Хайдеггер // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2008. – №4. – С. 3-4.

¹⁶ Булгаков С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков. – СПб.: Наука, 1998. – С. 13.

ждаемому вопросу или неустойчивым вниманием к нему. Предметно-форменное образование является поверхностным, поскольку протекает в атмосфере самоуверенности, не располагающей к диалогу и общению как инструментам передачи ценностей.

Эти недостатки существенно преодолеваются на смыслообразном уровне и полностью исчезают на уровне чувственно-энергетического образования. Так, смыслообразный уровень характеризуется созданием ярких образов с обязательным присутствием им смыслов. Образ формирует устойчивую связь студента с изучаемым предметом, настраивая на осознание заданных целей и ценностей. На чувственном уровне преподаваемый предмет переживается слушателем-студентом настолько, насколько он переживается педагогом. Отражая понимание педагога, принимая его ценности и отношение, студент становится способным поддерживать диалог и таким образом вовлекается в изучение предмета. В свою очередь это становится причиной возникновения у студента желания направить свою энергию на самостоятельное изучение предмета и задействует личность на последней глубине ее бытия (духовно-осознанный уровень).

В этой связи необходимо подчеркнуть важную роль веры в процессе перехода человека извне внутрь. Становление веры, напрямую связанное со становлением человека истинным, проходит различные стадии со-бытия с истиной: доверительное слушание, послушание, служение, – «вовлекая» в процесс образования все более и более глубокие уровни человеческого бытия. Такое образование личности тесно связано со свободой. Свобода в данном случае – это «не состояние, а процесс, в течение которого человек становится самим собой»¹⁷. Практически это выражено в том, что качество образования прямо пропорционально зависит от предоставления студенту осознаваемых им альтернативных экзистенциальных возможностей. В этом случае образование предоставляет человеку свободу выбора, понимаемую не как свободу самоидентификации, а как свободу самореализации, выбор своего пути среди многих.

Выводы

Итак, подведем некоторые итоги. Рассмотренный нами механизм инициирования веры истиной раскрывает сущность бытийной веры как воспитательно-образовательного фактора становления личности. Установлено, что вера заключается во влечении субъекта веры ко всему, что в той или иной степени соответствует истине, и является своеобразным механизмом преемственности между человеком и истиной. Именно вера впервые проявляет для наличного человека его истинную сущность: открывая для себя истину Другого, он одновременно раскрывает собственную истину. Такой подход позволяет четко проследить, что вера есть экзистенциальный ответ истине, гипостазированной в Другом. Другой – это не просто учитель, а обязательно личность, знаток, истинный источник знания¹⁸. Таким образом, постановка проблемы образования – это, в первую очередь, постановка проблемы квалификации и качеств педагога как достойного примера и воплощения идеалов современного общества.

Кроме того обосновано, что рассмотрение образования в связи с бытийной верой вскрывает проблему ценностного основания для диалога между учащимся и педагогом, в качестве которого решающее значение имеет культура отношений. Вовлечение студента в процесс образования необходимо понимать не просто как процесс становления личности, но как процесс осознанного принятия личностью таких ценностей, которые станут идеальными и в тоже время реально достижимыми ориентирами на всю жизнь. В этой связи бытийная вера как воспитательно-образовательный фактор становления личности является одновременно и идентификатором такого социокультурного идеала (будь то истина бытия в одной из ее модификаций, педагог или бытийные ценности), и самоидентификатором (будь то Я-проект, социальные роли или жизненные принципы). Выявленный нами механизм бытийной веры, таким образом, заключается в том, что принимая тот или иной идеал в качестве ценного и истинного, человек автоматически принимает соответствующий жизненный путь, а, значит, и самого себя в качестве такового.

¹⁷ Гуляев Ю. Ю. Свободное развитие человека как уникальный процесс / Ю. Ю. Гуляев // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2008. – №1. – С. 93.

¹⁸ Чокроборти О. Мне сказал знаток, поэтому я знаю: передача знания (грама) через свидетельство в классической индийской и современной западной эпистемологии / О. Чокроборти // Вопр. философии. – 2007. – №2. – С. 20-34.

Список литературы

1. Сапрыкин Д. Л. Значение и смысл понятия «образование» (на примере немецкой философии конца XVIII – начала XIX в.) / Д. Л. Сапрыкин // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2008. – №1. – С. 19-42.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Библихина. – СПб.: Наука, 2007. – 621 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Библихина. – СПб.: Наука, 2006. – 452 с.
4. Крапивенский С. Э., Фельдман Э. Девальвация личности: причины и возможности коррекции / С. Э. Крапивенский, Э. Фельдман // Философия и общество. – 2004. – №2. – С. 24-47.
5. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. – М., СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.
6. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм и другие работы / Н. Аббаньяно; пер. с ит. А. Л. Зорина. – СПб.: Алетейя, 1998. – 506 с.
7. Абульханова-Славская К. А. Личностный аспект проблемы общения / К. А. Абульханова-Славская // Проблема общения в психологии. – М.: Наука, 1981. – С. 218-241.
8. Омельчук Р. К. Вера как экзистенциальная ценность: дис... канд. филос. наук: 09.00.11 / Р. К. Омельчук. – Иркутск, 2006. – 160 с.
9. Прасолов М. А. Проблема внутреннего опыта в философии русского метафизического персонализма / М. А. Прасолов // Вопр. философии. – 2009. – №8. – С. 101-112.
10. Калюжная Н. А. Философский анализ опыта: экзистенциальные аспекты / Н. А. Калюжная // Вопр. философии. – 2009. – №9. – С. 164-170.
11. Хайдеггер М. Кто такой ницшевский Заратустра? / М. Хайдеггер // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2008. – №4. – С. 3-25.
12. Булгаков С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков. – СПб.: Наука, 1998. – 448 с.
13. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – С. 24-192.
14. Гуляев Ю. Ю. Свободное развитие человека как уникальный процесс / Ю. Ю. Гуляев // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2008. – №1. – С. 92-101.
15. Чокроборти О. Мне сказал знаток, поэтому я знаю: передача знания (прага) через свидетельство в классической индийской и современной западной эпистемологии / О. Чокроборти // Вопр. философии. – 2007. – №2. – С. 20-34.

ONTOLOGICAL BELIEF AS AN EDUCATIONAL FACTOR OF PERSONALITY FORMATION**R. K. OMELCHUK***East-Siberian state Academy
of education**e-mail: R.Om@list.ru*

The article investigates the role of belief in education. The valuable bases for subject-to-subject relations between the teacher and the student in the context of the ontology of belief are considered.

Key words: ontology of belief; education; formation of the person; teacher as Other; belief as the continuity mechanism; culture of relations.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

УДК 342.7

ДОКТРИНА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРАВООЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

М. А. БЕСПАЛОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
lostinsoul@yandex.ru*

В статье представлено исследование многообразия подходов к определению содержания защиты прав человека в контексте правозащитной функции государства. Автором приведены доводы в пользу отграничения понятия «защита» прав человека от иных, тесно связанных с ним теоретических конструкций. Обосновано оформление правозащитной функции государства в качестве самостоятельного направления его деятельности.

Ключевые слова: функции государства, защита прав человека, охрана прав человека, обеспечение прав человека, правозащитная функция государства.

В условиях современной конституционной стратегии развития российского общества и государства результативное функционирование демократического института защиты прав и свобод человека и гражданина связывают с выделением правозащитной функции государства. Таковая опосредована конституционной обязанностью Российской Федерацией защищать права и свободы человека и гражданина; не совпадает с охранительной функцией государства и выступает самостоятельной по отношению к ней; активно взаимодействует с правозащитной деятельностью, осуществляемой структурными элементами гражданского общества. В пользу самостоятельного развития правозащитной функции государства свидетельствует появление в последние годы множества новых публичных институтов защиты прав человека и гражданина, а также возможность применения к Российской Федерации санкций международных правозащитных органов за изъятия внутригосударственного правозащитного механизма¹.

Обособление и наполнение правозащитной функции российского государства адекватным вызовам современности содержанием требуют дополнительного теоретического анализа проблем, связанных с защитой прав человека.

Анализ понятия «защита» прав человека предполагает не только выявление его основных черт, но и обоснованное отграничение от иных, тесно связанных с ним теоре-

¹ См.: Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 17.

тических конструкций. В первую очередь, имеем в виду понятие «охрана». Отметим, что данный вопрос в юридической науке превратился в самостоятельную и достаточно сложную научную проблему.

Лингвистическое толкование термина «защита» также не дает однозначного ответа в установлении определенности его содержания. Так, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, защита толкуется как то, что защищает, служит обороной, а глагол защищать обозначает «охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности; предохранить, обезопасить от чего-нибудь»². Таким образом, исходя из определения защиты через охрану, следует, что эти понятия отождествлены.

Анализ юридической литературы позволил сделать вывод о неоднозначности и многообразии подходов в определении и соотношении содержания понятий «защита» и «охрана» прав человека.

Так, по мнению ряда ученых, понятие «защита» поглощается более широким – «охрана» прав человека. А.С. Шевченко полагает, что охрана – более широкая по сравнению с защитой категория, поскольку она представлена как регулятивными, так и охранительными нормами, а защита – только охранительными³.

По мнению В.А. Терехина, «защита также является одной из форм охраны права. Она осуществляется при нарушении (реальной угрозе нарушения) или оспаривании прав и свобод. В свою очередь, охрана последних начинается с установления общего конституционного правового режима прав и свобод»⁴.

Н.С. Малейн по этому поводу отмечает: «Охрана прав более широкое понятие, включающее все юридические правила по поводу определенного блага», а под защитой права он понимает лишь «меры, предусмотренные в законе на те случаи, когда право уже нарушено»⁵.

Аналогичная позиция прослеживается в работах Н.И. Матузова, В.М. Ведяхина и Т.В. Шубиной. Они полагают, что права и законные интересы охраняются постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются; защита есть момент охраны, одна из ее форм⁶.

А.Д. Бойков и Н.И. Капинус считают защиту всего лишь способом охраны права, наряду с такими институтами, как конституционный контроль, правосудие, обеспечение деятельности судов, прокурорский надзор, выявление и расследование преступлений, исполнение судебных решений⁷.

В юридической литературе также встречается позиция, когда понятие «охрана прав человека» включает как собственно охрану прав (недопущение посягательств на основное право человека), так и защиту прав (активное восстановление нарушенного (оспоренного) права), соотнося «охрану прав» и «защиту прав» как целое и часть⁸.

Противоположным по отношению к приведенному является мнение З.В. Макаровой, которая полагает, что понятие «защита» шире понятия «охрана», и включает охрану в защиту прав личности, поскольку, по мнению автора, охранять права – значит, не допускать их нарушения, а защищать – не только не допустить нарушения прав, но и оградить человека от посягательств на эти права⁹.

Распространенным в отечественной правовой науке является взгляд о тождественности понятий «защита» и «охрана» прав человека. Так, Н.В. Витрук во многих рабо-

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1985. – С. 196.

³ См.: Шевченко А.С. О защите гражданских прав. – Тарту, 1989. – С. 99.

⁴ Терехин В.А. Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан (вопросы теории и практики): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – С. 9.

⁵ Малейн Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. – М., 1985. – С. 18-19.

⁶ Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С. 130-131; Ведяхин В.М., Шубина Т.В. Защита права как правовая категория // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 68.

⁷ Бойков А.Д., Капинус Н.И. Адвокатура в России. – М., 2000. – С. 9.

⁸ См.: Сапун В.А. Охранительные правовые средства в обеспечении реализации советского права // Охранительный механизм в правовой системе социализма: Межвузовский сборник / Под ред. Н.В. Витрука. – Красноярск, 1989. – С. 198-199.

⁹ См.: Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: Понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 25.

тах употребляет термин «охрана (защита) прав»¹⁰. Он считает, что охрана прав – это деятельность, направленная на устранение препятствий в реализации прав и обязанностей, на борьбу с неисполнением обязанностей и злоупотреблением правами, на профилактику и предупреждение нарушений прав и обязанностей, а защита наступает тогда, когда есть неисполнение обязанности или злоупотребление правом, а также, когда возникает препятствие к их осуществлению, либо налицо спор о наличии самого права или обязанности. Но особенность позиции Н.В. Витрука состоит в том, что, выделяя и определяя оба эти явления, – и защиту, и, собственно, охрану, – он, тем не менее, считает, что они составляют единое целое, которое называется «охраной (защитой) прав и обязанностей», а термины «охрана» и «защита» употребляет как синонимы. Примерно такой же позиции придерживался и Л.Д. Воеводин. По его мнению, «охрана основных прав граждан заключается не только и не столько в защите от возможных нарушений, сколько в обеспечении условий и средств для фактического пользования ими каждым ... гражданином»¹¹.

Интересной представляется позиция Е.Е. Тонкова по поводу диспозитивно-личностного подхода в качестве основы реализации правозащитной функции государства¹². Наряду с выделением таковой он все-таки определяет правоохрану через защиту и считает, что правоохранительная форма направлена, в первую очередь, на защиту человека и восстановление его нарушенных прав, активно участвуя в реализации его законных субъективных прав и свобод, а уже во вторую очередь ее функционирование должно быть ориентировано на удовлетворение интересов коллективов, организаций, народностей, наций, общества и государства¹³.

Ученые называют различные причины отождествления понятий «защита» и «охрана»: «меры защиты и меры охраны не встречаются в чистом виде, так как меры защиты в определенной степени выполняют функции охраны»¹⁴; эти слова «этимологически близки»¹⁵; «явления равнозначны»¹⁶; «во многих случаях термин «защита прав и свобод» является синонимом термина «охрана», поскольку законодателем оба этих термина используются для обозначения деятельности, которая состоит в обеспечении, соблюдении прав и свобод человека и гражданина»¹⁷.

Анализ юридической литературы показал наличие позиции, в соответствии с которой признается различие в содержании понятий «защита» и «охрана» прав человека, вытекающее из специфики преломления в каждом из них одной и той же, но более широкой категории – «обеспечение прав человека».

Так, по мнению П.В. Анисимова у защиты и охраны прав человека общими оказываются конечная направленность функционального предназначения (и защита, и охрана рассчитаны на правовое обеспечение интересов в обществе) и содержание – организационно-правовые средства его функционального предназначения (осуществления). Это дает основания полагать, что сравниваемые понятия представляют собой специфические проявления одной и той же, но более общей категории – «правовое обеспечение прав человека»¹⁸.

¹⁰ См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М., 1979. – С. 203; Витрук Н.В., Копейчиков В.В. Реализация прав и свобод личности как процесс // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. – М., 1983; Рабинович П.М., Витрук Н.В. Социалистическое право и личность // Правоведение. – 1970. – № 3. – С. 16-24.

¹¹ Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М., 1972. – С. 111.

¹² См.: Тонков Е.Е. Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – С. 230-231.

¹³ Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 41. – Ст. 1865.

¹⁴ См.: Витрук Н.В. Юридический механизм реализации прав личности // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. – М., 1983. – С. 100.

¹⁵ См.: Ростовщиков И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР. – Саратов, 1988. – С. 65.

¹⁶ См.: Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М., 1972. – С. 111.

¹⁷ См.: Чурилов А.В., Гуцин В.З. Правозащитные функции прокуратуры в постсоциалистическом государстве // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 60.

¹⁸ Анисимов П.В., Папичев Н.В. Правовое регулирование защиты прав человека / Под ред. Ф.М. Рудинского. – Волгоград: ВА МВД России, 2003. – С. 33.

Аналогичной позиции придерживаются Н.А. Шайкенов, К.Б. Толкачев, А.Г. Хабибуллин, В.С. Шадрин.

По мнению Н.А. Шайкенова, если, правовое обеспечение интересов, взятое в завершенной целостной системе, представляет собой именно юридическую форму организации и реализации интересов в обществе, то правомерно заключить, что и защита прав человека, и их охрана – это как раз те юридические формы, в которых и осуществляется правовое обеспечение интересов в обществе¹⁹.

Термин «обеспечение», замечают К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибуллин, применительно к правам и свободам можно рассматривать в двух смыслах: «во-первых, как деятельность государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан по осуществлению своих функций, компетенции, обязанностей в целях создания оптимальных условий для строгой, неуклонной реализации правовых предписаний и правомерного осуществления прав и свобод; во-вторых, как итог, результат этой деятельности, выражающейся в фактической реализации правовых предписаний, прав и свобод граждан»²⁰.

В.С. Шадрин утверждает, что охрана и защита – это разные аспекты обеспечения прав личности²¹.

А.М. Ларин, К.Б. Толкачев, А.Г. Хабибуллин, С.Д. Порошук синонимами называют также не только «защиту» и «охрану», но и «оборону», «юридическую помощь» и «устранение опасности»²².

В отечественной правовой науке также обнаружены позиции, в соответствии с которыми понятие «защита» прав человека имеет самостоятельное содержание. Но сформулированы эти определения гораздо раньше современной конституционной стратегии строительства российского государства, поэтому в них не учтена роль появившихся правозащитных институтов.

Так, В.Н. Бутылин под защитой понимает принудительный способ осуществления права, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами в целях восстановления нарушенного права²³. Вступая в дискуссию, М.В. Мархгейм подчеркивает, что данный подход не охватывает такой конституционный институт, как самозащита, который не всегда сопряжен с правозащитной деятельностью компетентных органов²⁴.

С.С. Алексеев считает, что защита права – это государственно-принудительная деятельность, нацеленная на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности²⁵. В данном определении, как обращено внимание в литературе, также не принят во внимание институт самозащиты, равно как и не учтена правозащитная роль органов местного самоуправления, которые, согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации²⁶, не входят в систему органов государственной власти²⁷.

¹⁹ Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. – Свердловск, 1990. – С. 150.

²⁰ Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991. – С. 60.

²¹ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – Волгоград, 1997. – С. 42.

²² Ларин А. М. Защита прав человека в уголовном судопроизводстве // Общая теория права / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 1996. – С. 171; Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / Под ред. В.М. Савицкого. – М., 1997. – С. 161; Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991. – С. 65-66; Порошук С.К. К вопросу о социально-правовой защите личности // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел. – М., 1994. – С. 68-72.

²³ Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод // Журнал российского права. – 2001. – № 12.

²⁴ См.: Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Монография. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. – С.14.

²⁵ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. – М., 1981. – С. 280.

²⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

Существует группа авторов, которые считают, что в правовой действительности имеют место два явления с различным содержанием: 1) охрана прав и 2) защита прав. Такой подход представляется нам наиболее точным.

В частности, С.Н. Кожевникова придерживается понимания «охраны как установления общего правового режима, а защиты – тех мер, которые предпринимаются в случаях, когда права нарушены или оспорены»²⁸. В.М. Капицын пишет: «Защита прав» означает действия по восстановлению нарушенных прав, обеспечению компенсации физического, морального, материального и профессионального вреда. «Охрана прав» – система законодательства, органов власти и организаций, стремящихся исключить или уменьшить нарушения прав»²⁹.

Подобной точки зрения придерживаются Д.А. Авдеев и К.Д. Шаймарданов. Они отмечают, что охрана – это взаимосвязанные меры, осуществляемые государственными органами и общественными организациями, направленные на предупреждение нарушений прав, устранение причин, их порождающих, и способствующие нормальному процессу реализации личностью своих прав и свобод. Защитой же являются принудительные в отношении обязанного лица меры воздействия, принимаемые в установленном законом порядке компетентными органами и человеком самостоятельно в целях восстановления нарушенного права³⁰.

Б.Ю. Тихонова считает, что охрана прав – это совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, осуществляемых органами государственной власти и общественными объединениями, и направленных на предупреждение нарушений прав человека либо устранение препятствий, не являющихся правонарушениями, на пути осуществления его прав и обязанностей. Под защитой же она понимает принудительный в отношении обязанного лица законный способ восстановления нарушенного права человека либо самим управомоченным лицом, либо компетентными органами³¹.

Изложенное относительно определения защиты прав человека позволяет утверждать, что она прочно связана с природой самих прав человека, каждое из которых есть и проявление сохранения человеком своих естественных качеств и свойств. В данной связи солидаризируемся с позицией Ф.М. Рудинского о том, что каждое право человека принадлежит отдельной личности, неотъемлемо от нее и не может быть отчуждено каким-либо способом. Но вместе с тем вся система прав человека имеет социальный смысл. В сущности, это способы защиты человечества от многочисленных угроз его существования³². Этим объясняется особая системообразующая и регулятивная роль защиты по отношению к правам человека в целом и соответствующим средствам их реализации. Поскольку защита прав и свобод человека и гражданина – конституционная обязанность государства, вполне логична ее связь с функциями государства, в которых проявляется та роль, которую государство играет в решении основных вопросов общественного развития, в удовлетворении разнообразных интересов населения страны. С учетом имеющихся в юридической науке позиций, непреложность осуществления конституционной правозащитной обязанности государства, а также повышение эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина обуславливают оформление правозащитной функции государства в качестве самостоятельного направления его деятельности. Именно такой

²⁷ См.: Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Монография. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. – С. 14.

²⁸ См.: Кожевникова С.Н. Мера защиты в советском праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1968. – С. 4-5.

²⁹ Капицын В.М. Права человека и механизмы их защиты: Учебное пособие. – М., 2003. – С. 140.

³⁰ См.: Авдеев Д.А. Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2004. – С. 25-26.; Шаймарданов К.Д. Конституционно-правовой механизм защиты основных прав человека и гражданина в Российской Федерации и ее субъектах (на примере республики Татарстан): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003. – С. 26.

³¹ См.: Тихонова Б. Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1972. – С. 11-15.

³² Рудинский Ф.М. Универсальная концепция прав человека и современная Россия // Право и права человека. Кн. 1 / Отв. ред. Л.И. Глухарева. – М., 1998. – С. 38.

подход позволит перевести усилия российского государства в сфере защиты прав человека из политических устремлений в разряд реальных, адекватных конкретным вызовам правозащитных шагов.

Список литературы

1. Авдеев Д.А. Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2004.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. – М., 1981.
3. Анисимов П.В., Папичев Н.В. Правовое регулирование защиты прав человека / Под ред. Ф.М. Рудинского. – Волгоград: ВА МВД России, 2003.
4. Бойков А.Д., Капинус Н.И. Адвокатура в России. – М., 2000.
5. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод // Журнал российского права. – 2001. – № 12.
6. Ведяхин В.М., Шубина Т.В. Защита права как правовая категория // Правоведение. – 1998. – № 1.
7. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М., 1979.
8. Витрук Н.В. Юридический механизм реализации прав личности // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. – М., 1983.
9. Витрук Н.В., Копейчиков В.В. Реализация прав и свобод личности как процесс // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. – М., 1983.
10. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М., 1972.
11. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М., 1972.
12. Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 41. – Ст. 1865.
13. Капицын В.М. Права человека и механизмы их защиты: Учебное пособие. – М., 2003.
14. Кожевникова С.Н. Мера защиты в советском праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1968.
15. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
16. Ларин А. М. Защита прав человека в уголовном судопроизводстве // Общая теория права / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 1996.
17. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / Под ред. В.М. Савицкого. – М., 1997.
18. Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: Понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. – 2000. – № 3.
19. Малеев Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. – М., 1985.
20. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Монография. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005.
21. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005.
22. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987.
23. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1985.
24. Порошук С.К. К вопросу о социально-правовой защите личности // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел. – М., 1994.
25. Рабинович П.М., Витрук Н.В. Социалистическое право и личность // Правоведение. – 1970. – № 3.
26. Ростовщиков И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР. – Саратов, 1988.
27. Рудинский Ф.М. Универсальная концепция прав человека и современная Россия // Право и права человека. Кн. 1 / Отв. ред. Л.И. Глухарева. – М., 1998.
28. Сапун В.А. Охранительные правовые средства в обеспечении реализации советского права // Охранительный механизм в правовой системе социализма: Межвузовский сборник / Под ред. Н.В. Витрука. – Красноярск, 1989.
29. Терехин В.А. Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан (вопросы теории и практики): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
30. Тихонова Б. Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1972.

31. Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991.
32. Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991.
33. Тонков Е.Е. Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса. – М.: Изд-во СГУ, 2009.
34. Чурилов А.В., Гушин В.З. Правозащитные функции прокуратуры в постсоциалистическом государстве // Государство и право. – 1998. – № 5.
35. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – Волгоград, 1997.
36. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. – Свердловск, 1990.
37. Шаймарданов К.Д. Конституционно-правовой механизм защиты основных прав человека и гражданина в Российской Федерации и ее субъектах (на примере республики Татарстан): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003.
38. Шевченко А.С. О защите гражданских прав. – Тарту, 1989.

DOCTRINE OF HUMAN RIGHTS PROTECTION IN THE CONTEX OF HUMAN RIGHTS FUNCTION OF A STATE

M. A. BESPALOVA

Belgorod State University

*e-mail:
lostinsoul@yandex.ru*

This article deals with various approaches to the contents of the definition protection of human rights in the context of human rights function of a state. The author gives reasons for restriction of the definition protection of human rights from other theoretical constructions, which are connected with it. It is grounded legalization of state human rights function in the capacity of separate direction of its activity.

Key words: functions of a state, protection of human rights, defence of human rights, provision of human rights, human rights function of a state.

УДК 342.732

ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ УЧЕНИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ ПРИРОДНОГО И ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА

В. И. ЕВТУШЕНКО*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
77712@live.ru*

В статье проведен сравнительный анализ федерального и регионального законодательства (на примере Белгородской области), посвященного правовому регулированию экологических прав человека, экологической безопасности и защиты лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях экологического характера, и сделан вывод о том, что законодательство Белгородской области является достаточно разработанным и довольно полным. Оно разработано и принято в соответствии с федеральным законодательством в данной области, детализирует его и ему не противоречит. Ряд нормативных актов, посвященных данной проблеме, являются новацией регионального законодательства.

Ключевые слова: безопасность, экологическая безопасность, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, право на благоприятную окружающую природную среду.

В последние годы многократно возросло количество областей общественной жизни, нуждающихся в юридическом регулировании, и, соответственно, возросло количество принимаемых на различных уровнях нормативно-правовых актов. В связи с этим резко повысилась значимость нормотворческой техники, необходимость в совершенствовании юридическо-технической проработки вновь принимаемых нормотворческих актов.

Основой правотворчества является целостная система понятий, образующая собой так называемый понятийно-категорийный аппарат категорий правовой действительности, который обеспечивает взаимодействие между различными отраслями права, правовыми институтами и субинститутами, единообразие в понимании и оценке правовых актов, процессов, отдельных норм и способов их реализации¹. Понятийный аппарат присущ каждой структурной единице права, что позволяет обобщить его роль и место в общей структуре права.

Понятийно – категориальный аппарат выступает в качестве связующего звена между различными структурными единицами права, между общим и частным, между философскими категориями и понятийным аппаратом частных наук².

С развитием общества меняется и представление о государстве и праве. Соответственно трансформируется и понятийно – категориальный аппарат. Появляются новые понятия, видоизменяется представление об уже существующих. «Право как регулятор человеческого поведения тем эффективнее выполняет свою роль, чем более верно концептуально и лингвистически выражены его констатации, предписания, дозволения и запреты. Необходимость осмысления юридической терминологии существует всегда. Но значение этой необходимости повышается в периоды, когда происходят существенные структурные изменения в праве, обусловленные историческими потребностями. В эти периоды приходится особенно тщательно обдумывать и смысл происходящих перемен, и значение сопутствующих им терминологических преобразований»³.

Наглядно развитие понятийно-категориального аппарата видно на примере эволюции правовой категории «безопасность».

¹ Теория государства и права. Учебник для юридических ВУЗов. / Под ред. Пиголкина А. С. – М.: Городец, 2003. С. 7.

² См. Агалабаев М. А. Методология становления и развития теории общественной безопасности. // Российский следователь. 2005. №5.

³ Колбасов О. С. Терминологические блуждания в экологии. // Государство и право. 1999. №10. С. 27.

До недавнего прошлого под безопасностью понимали лишь защиту страны от внешней агрессии, посягательства на государственный и общественный строй. Подобная трактовка восходит к древнегреческим мыслителям древности – Платону, Аристотелю и Геродоту – и получившая свое развитие в трудах философов XV – XVII веков – Н Макиавелли, Б. Спинозы и Зонненфельса⁴.

Но с развитием общественных отношений, науки и техники понятие «безопасность» трансформируется, расширяется, сохраняя при этом свою сущность, свою основную характеристику – обеспечение безопасности⁵.

Фундаментальность, многоуровневость, многоаспектность и многогранность проявления категории «безопасность» (личность, общество, экономика, государство, межгосударственное объединение, мировое сообщество, экология и др.) являются причиной существования большого количества определений дефиниции, где в качестве основы используются такие характеристики, как:

- система и совокупность отношений;
- защищенность;
- способность;
- совокупность условий и факторов;
- определение безопасности как определенного состояния и др⁶.

Концептуальной основой закрепленных в законодательстве Российской Федерации правовых норм, обеспечивающих безопасность общества и государства и получивших свое развитие в ряде федеральных нормативных актов, является Конституция России⁷. Официально приняты в Российской Федерации определения понятия «безопасность» закреплены в основополагающих документах Российской Федерации в этой области:

– в Законе Российской Федерации «О безопасности», который определяет безопасность как «...состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»⁸;

– в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», в соответствии с которым «...национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»⁹.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» констатируется необходимость сосредоточить усилия и ресурсы на нескольких приоритетах устойчивого развития государства, и в числе приоритетов – обеспечение рационального природопользования и экологической безопасности¹⁰.

Сам термин «экологическая безопасность» начал широко распространяться в России с середины 80-х годов прошлого века¹¹. Впервые на законодательном уровне термин «экологическая безопасность», без определения самого понятия, упоминается в ст. 13 Закона Российской Федерации «О безопасности» в качестве одной из видов безопасности.

⁴ Кардашова И. Б. О категориально-понятийном аппарате теории национальной безопасности. // Российский следователь. 2005. №5.

⁵ См. Есяня А. К. «Национальная безопасность» как правовая категория. // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. №8.

⁶ См. Халиуллин Р. Г. Безопасность: многообразие подходов и проблемы определения понятия. // Юридическое образование и наука. 2007. №4.

⁷ См. Чапчиков С. Ю. Конституционные гарантии обеспечения безопасности общества и государства. // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 17.

⁸ Закон Российской Федерации от 05 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности» (в ред. Федерального закона от 26.06.2008 г. № 103-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. №15. Ст. 769.

⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента от 12 мая 2009 г. № 537. // Собрание законодательства РФ. 2009. №20. Ст. 2444.

¹⁰ См. Харабет К. В. Некоторые вопросы устойчивого развития государства и предупреждения правонарушений в свете стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. // Российская юстиция. 2009. №7.

¹¹ Вновь об экологической безопасности. Пресс – центр атомной энергетики и промышленности. // http://www.minatom.ru/mass_media/5.2004/212/

Упоминается данный термин и в Конституции России, которая относит проблему обеспечения экологической безопасности к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (пп. «д» п. 1 ст. 72 Конституции России).

Попытка дать юридическое определение экологической безопасности на законодательном уровне была предпринята в Федеральном законе Российской Федерации «Об экологической безопасности»¹². В нем экологическая безопасность определялась как «...состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, окружающей природной среды от угроз, возникающих в результате антропогенных и природных воздействий на окружающую среду». Данное определение практически дословно повторяло определение экологической безопасности, которое было дано на Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств. В соответствии с ним, «экологическая безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от последствий антропогенного воздействия на окружающую среду, а также стихийных бедствий и катастроф»¹³. Федеральный закон Российской Федерации «Об экологической безопасности» был принят Государственной Думой Российской Федерации 17 ноября 1995 г., но не вступил в силу в связи с наложением Президентом России на законопроект вето. В числе причин, по которым это было произведено, называлось то, что определения основных понятий, применяемых в законе (в их ряду и определение понятия «экологическая безопасность»), по мнению Президента России, расплывчаты и допускают различное их толкование¹⁴.

Тем не менее, похожее определение понятия «экологическая безопасность» на законодательном уровне было законодательно утверждено в 2002 году с принятием Федерального закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды». В соответствии с ним, «экологическая безопасность – это состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий»¹⁵.

Экологическая безопасность как правовая категория с момента её появления вызвала пристальный интерес ученых – правоведов. Так, с точки зрения Бринчука М. М. «...экологическая безопасность – это основной принцип охраны окружающей среды, в соответствии с которым любая деятельность, связанная с вредным воздействием на окружающую среду, а также предусматриваемые в законодательстве и осуществляемые на практике правовые и иные природоохранные меры должны оцениваться с позиций экологической безопасности»¹⁶.

По мнению Тимошенко А.С., «...экологическая безопасность – это логический результат эволюции проблемы охраны окружающей среды»¹⁷.

Напротив, Л. И. Лагунова считает «обеспечение экологической безопасности» третьей, самостоятельной формой взаимодействия природы и общества (наряду с охраной природы и использованием природных ресурсов). Более того, указанный автор делает вывод «...о необоснованном сведении обеспечения экологической безопасности к охране природы», считая «...охрану окружающей природной среды» более пассивной формой взаимодействия природы и общества, чем «обеспечение экологической безопасности»¹⁸.

¹² См. Макаров Д. А. Историко – правовой опыт обеспечения экологической безопасности в России. // История государства и права. 2007. № 9.

¹³ О принципах экологической безопасности в государствах Содружества. Рекомендательный законодательный акт, принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств- участников Содружества Независимых Государств в Санкт-Петербурге 29 декабря 1992 г. // <http://ecorportal.ru/dict.php?letter=31>.

¹⁴ Почему президент Российской Федерации не подписал Федеральный закон «Об экологической безопасности». Пресс – центр атомной энергетики и промышленности. // http://www.minatom.ru/mass_media/11.2003/283/.

¹⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. Федерального закона от 14.03.2009 г. № 32-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. №2. Ст. 133.

¹⁶ Бринчук М.М. Экологическое право: Учебник для вузов. – М: Юристъ, 1998. 688 с.

¹⁷ Тимошенко А.С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект // Сов. государство и право. 1989. № 1.

¹⁸ Лагунова А. И. Региональные особенности правового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 15.

В соответствии с концепцией, сформулированной Колбасовым О. С., экологическая безопасность определяется как система «...мер, устраняющих угрозу массовой гибели людей в результате такого неблагоприятного антропогенного изменения состояния природной среды на планете, при котором человек как биологический вид лишается возможности существовать, так как не сможет удовлетворять свои естественно-физиологические и социальные потребности жизнедеятельности за счет окружающего материального мира»¹⁹.

Дубровин Е.Р., Дубровин И.Р. рассматривают экологическую безопасность как самостоятельную сложную многоуровневую систему, имеющую свои подсистемы, и в понятие включают не только охрану окружающей среды, но и рациональное использование природных ресурсов, их воспроизводство и повышение качества. Они определяют экологическую безопасность как:

1. Составной элемент (часть) национальной безопасности государства.
2. Состояние или положение, при котором отсутствуют реальные и потенциальные угрозы экологическим интересам личности, общества и государства, возникающие в результате нарушения природного баланса, ухудшения качества природной среды, истощения природных ресурсов, уничтожения природных экологических систем и других негативных последствий, вызванных антропогенным (техногенным) воздействием на окружающую среду, а также природными процессами и явлениями.

3. Сложное комплексное свойство любого продукта общественного труда, проявляющееся на всех этапах его жизненного цикла и состоящее в способности не нарушать качества окружающей (природной или антропогенной) среды и не создавать угрозу жизни и существованию людей, фауне и флоре. Применительно к продуктам общественного труда экологическую безопасность можно отождествлять с экологической чистотой продукта²⁰.

Обеспечение экологической безопасности некоторыми авторами постулируется в качестве специального принципа международного экологического права, который «...устанавливает прямую связь между охраной окружающей среды и международной безопасностью, отражает глобальный и чрезвычайно острый характер международных проблем в области защиты окружающей среды»²¹. При этом обеспечение экологической безопасности рассматривается в комплексе со всеми аспектами международной безопасности, в том числе, с разоружением и захоронением ядерных отходов.

Еще одно направление в научной литературе отстаивают авторы, которые ставят знак равенства между категорией «экологическая безопасность» и категорией «право на благоприятную окружающую природную среду».

Так, например, Боголюбов С. А. включал в понятие «экологическая безопасность» и окружающую природную среду, и её должное качество (её благоприятность)²². Близкая точка зрения была высказана Соловьевым Н. В., представляющим категорию «право на благоприятную окружающую среду» как совокупность следующих составляющих:

- 1) право граждан на организацию рационального природопользования со стороны государства;
- 2) право на отдых;
- 3) право граждан на обеспечение экологической безопасности²³.

Еще дальше в данном направлении пошли Дзейтов С. А., который считает, что «...конституционное право граждан России на благоприятную окружающую среду (на экологическую безопасность) является конкретизацией основного, естественного и не-

¹⁹ Колбасов О.С. Концепция экологической безопасности // Сов. государство и право. 1988. №12.

²⁰ Дубровин Е.Р., Дубровин И.Р. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности России. // Мир человека. 2009. №1.

²¹ См.: Мухин И. А. Принципы международного права в охране окружающей среды и их роль в системе экологического законодательства России // Международное публичное и частное право. 2006. № 2.

²² Комментарий к Закону Российской Федерации [РСФСР] «Об охране окружающей природной среды». Рук. авт. колл. и отв. ред. д.ю.н., профессор С.А.Боголюбов. – М.: Издательская группа ИНФРА • М – НОРМА, 1996. С. 11.

²³ Соловьев Н. В. Актуальные проблемы реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду на современном этапе развития Российского государства. // Вестник Владимирского юридического института. 2008. №1 (6).

отъемлемого права человека на жизнь»²⁴ и, например, Кузьмин Б. Н., полагающий, что все три права, закрепленные в ст. 42 Конституции России:

- право на благоприятную окружающую природную среду;
- право на достоверную информацию о ее состоянии;
- право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

«...можно обозначить как право на экологическую безопасность»²⁵.

Несмотря на то, что с данной позицией трудно согласится, тем не менее, необходимо отметить, что существует тесная связь между категориями «право на благоприятную окружающую среду», «безопасность» и «экологическая безопасность».

Но большинство правоведов определяет понятие «экологическая безопасность» как состояние защищенности от всевозможного негативного антропогенного воздействия, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий²⁶. Такое осознание понятия «экологическая безопасность» находится в рамках общего понимания национальной безопасности. Взаимоотношение между ними может рассматриваться как отношение общего к частному, в связи с чем, проблемы обеспечения экологической безопасности в данном подходе рассматривается в рамках решения более крупной задачи – национальной безопасности в целом²⁷.

В свою очередь, отдельные правоведы выделяют из экологической безопасности более частные области правового регулирования, такие, как, например, «безопасность высокорисковых объектов», к которым относятся потенциально опасные и одновременно уязвимые объекты, являющиеся источником возникновения угроз массового поражения населения и территории и других чрезвычайных ситуаций экологического характера²⁸.

Определение понятие «чрезвычайное» имеет глубокие исторические корни в русском языке. В обычном понимании чрезвычайность понимается как качество или свойство. Чрезвычайное обстоятельство характеризуется не только тем, что оно наступает редко, но и тем, что оно является «невиданным и неслыханным», в значительной степени превосходящим обычные обстоятельства²⁹.

Но так как проявления чрезвычайности, тем не менее, являются объективной реальностью, со временем люди усовершенствовали набор средств, применяемых по предотвращению или ликвидации нестандартных ситуаций³⁰. Юридические составляющие обобщающего признака чрезвычайности, правовые отношения, возникающие при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, весьма многогранны и регулируются различными отраслями права. Это приводит к отсутствию единого подхода к определению понятия «чрезвычайная ситуация», и, соответственно, к отсутствию обобщающего понимания данной категории в законодательстве Российской Федерации³¹.

²⁴ Дзейтов С. А. Государство и экологическая безопасность (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 1994. С. 56.

²⁵ Кузьмин Б. Н. Правовые формы обеспечения экологической безопасности: автореф. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 14.

²⁶ См.: Кодолова А. В. Экологическая безопасность: понятие и структура. // Вестник Удмурдского университета. 2005. № 6 (1).; Егорова Е. Н. Экологическая безопасность как фактор устойчивости экономической системы Российской Федерации. // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. 2009. №3; Попов В. А. Различные подходы к пониманию экологической безопасности в экологическом праве Российской Федерации. // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2001. №3; Лагунова А. И. Структура экологической безопасности России. Красноярск, 2003.; Серов Г. П. Правовое регулирование экологической безопасности при осуществлении промышленной и иных видов деятельности. – М.: Ось-89, 1998.

²⁷ Куликов К.И. Принципы обеспечения экологической безопасности при разработке стратегий развития регионов. // Право и безопасность. 2008. №4 (29).

²⁸ См.: Назаркин М. В. Безопасность высокорисковых объектов как область правового регулирования. // Российский следователь. 2009. № 15.

²⁹ Коршунова Н. П. Непреодолимая сила: новый взгляд на старую проблему. // Журнал российского права. 2008. №3.

³⁰ См.: Мелехин А. В. Особые правовые режимы Российской Федерации. // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2007.

³¹ Гольцов В. Б. Чрезвычайная ситуация теория или юридический факт (проблемы законодательного определения). // Юридический мир. 2009. №3.

Так, например, ст. 4. Трудового кодекса Российской Федерации указывает на чрезвычайные обстоятельства (в условиях которых выполняются определенные работы), характеризуя их как «...бедствие или угрозы бедствия (пожары, наводнения, голод, землетрясения, сильные эпидемии или эпизоотии), а также иные случаи, ставящие под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части»³²; п. 3. ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет чрезвычайные обстоятельства как «...непредотвратимые при данных условиях обстоятельства»³³; п. 1. ст. 111 Налогового кодекса Российской Федерации под чрезвычайной ситуацией понимает «...стихийные бедствия...», которые «...устанавливаются наличием общеизвестных фактов, публикаций в средствах массовой информации и иными способами, не нуждающимися в специальных средствах доказывания»³⁴.

Наличие подобных коллизий в законодательной системе Российской Федерации нарушает её единство и приводит к снижению её эффективности³⁵.

Но основным законом в федеральном законодательстве России, предусматривающим комплекс мер по защите населения при экологических катаклизмах природного и техногенного характера, правовым центром регулирования всей деятельности по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций является Федеральный закон Российской Федерации «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»³⁶. В соответствии со ст. 2 данного закона все остальные нормативные акты в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, являются второстепенными³⁷. Федеральный закон Российской Федерации «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» определяет «...общие для Российской Федерации организационно – правовые нормы в области защиты граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства..., а также «...окружающей среды...от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» В соответствии с законом – «чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия...».

Чрезвычайные ситуации в зависимости от количества пострадавших, территории, охваченной чрезвычайной ситуацией и т. д. в соответствии с постановлением Правительства России делятся на:

1. локальные;
2. муниципальные;
3. межмуниципальные;
4. региональные;
5. межрегиональные;
6. федерального характера³⁸.

³² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197 – ФЗ (в ред. Федерального закона от 25.11.2009 г. № 267-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 3.

³³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51 – ФЗ (в ред. Федерального закона от 27.12.2009 г. № 353-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. №35. Ст. 3301.

³⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146 – ФЗ (в ред. Федерального закона от 29.12.2009 г. № 383-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1998. №31. Ст. 3824.

³⁵ См.: Хлуденева Н. И. Коллизии в экологическом законодательстве. // Журнал Российского права. 2008. №12.

³⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 1994 г. №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Федерального закона от 30.12.2008 г. № 309-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. №35. Ст. 3648.

³⁷ См.: Гольцов В. Б. Перспективные направления совершенствования иерархической структура законодательства Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации. // История государства и права. 2009. №1.

³⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. №304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. // Собрание законодательства РФ. 2007. №22. Ст. 2640.

Существует и другая классификация зон чрезвычайных экологических ситуаций – по напряженности сложившейся экологической обстановки. По данному критерию экологическая обстановка в зоне чрезвычайной ситуации может классифицироваться следующим образом:

1. относительная удовлетворительная;
2. напряженная
3. критическая;
4. кризисная (или зона чрезвычайной экологической ситуации);
5. катастрофическая (или зона экологического бедствия)³⁹.

В юридической литературе встречаются классификации чрезвычайных ситуаций и по другим основаниям. Так, например, чрезвычайные ситуации могут быть классифицированы в зависимости от⁴⁰:

1. количества людей, пострадавших в этих ситуациях;
2. размера материального ущерба;
3. границы зоны распространения поражающих факторов чрезвычайных ситуаций и т. д.

В случае невозможности выполнения функции защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций «...без применения чрезвычайных мер» п. «б» статьи 3 Федерального конституционного закона Российской Федерации «О чрезвычайном положении» предусматривает введение чрезвычайного положения при «...чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайной экологической ситуации...возникшей в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных или иных бедствий...» «...исключительно для обеспечения безопасности граждан...» и с целью «...устранения обстоятельств, послуживших основанием для его введения...»⁴¹.

На международном уровне, государствам – членам СНГ рекомендовалось принятие несколько иных законодательных оснований для введения чрезвычайного положения. В п. 5 ст. 3 Модельного закона «О чрезвычайном положении» «основанием для введения чрезвычайного положения...» были названы «...стихийные бедствия и кризисные экологические ситуации, ... крупные аварии и катастрофы, ставящие под угрозу жизнь и здоровье населения и требующие проведения аварийно – спасательных и восстановительных работ»⁴².

Необходимо отметить, что на уровне двухсторонних соглашений чрезвычайная ситуация также определяется иначе, чем в Федеральном законе Российской Федерации «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». В соответствии с «Меморандумом между Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерством охраны окружающей среды Китайской Народной Республики о создании механизма оповещения и обмена информацией...» под трансграничной чрезвычайной ситуацией экологического характера понимается «...внезапно произошедшая ситуация на территории государства на территории государства одной из сторон, связанная с загрязнением окружающей среды, которая является результатом катастрофы или аварии, возникшей в результате антропогенной дея-

³⁹ Методика «Критерии оценки экологической обстановки территории для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия», утвержденная Министерством природных ресурсов Российской Федерации 30 ноября 1992 г. // Документ опубликован не был. // КонсультантПлюс.

⁴⁰ Артемьев Е. В., Семенова М. Н. Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации от 21 декабря 1994 г. №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». // Подготовлен для системы Консультант – Плюс. 2008.

⁴¹ Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. Федерального конституционного закона от 07.03.2005 г. №1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. №23. Ст. 2277.

⁴² Модельный закон «О чрезвычайном положении», принятый Постановлением 15 – 15 на 15-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2000. № 25. С. 286-298.

тельности и которая может привести к значительным изменениям состояния окружающей среды и её компонентов, а также к материальным потерям и ущербу здоровья людей...»⁴³. Подобные соглашения на различных уровнях заключены Российской Федерацией со многими странами, как, например, с Сербией⁴⁴, Швейцарией⁴⁵ и т. д.

Анализ различных определений понятия «чрезвычайная ситуация» показывает, что, как правило, при определении данного понятия рассматриваются различные вариации определения самого критерия чрезвычайности, его взаимосвязи с понятием непреодолимой силы⁴⁶, взаимосвязь понятий «экологическое бедствие», «экологическая катастрофа», «стихийное бедствие», «авария» «природно-техногенная катастрофа» и «чрезвычайная ситуация».

Так, например, «...экологическое бедствие (экологическая катастрофа) – экологическое неблагополучие, характеризующееся глубокими необратимыми изменениями окружающей среды и существенным ухудшением здоровья населения...»⁴⁷.

В соответствии с совместным приказом МЧС и Госгортехнадзора «...промышленная катастрофа – крупная промышленная авария, повлекшая за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей либо разрушения и уничтожения объектов, материальных ценностей в значительных размерах, а также приведшая к серьезному ущербу окружающей природной среде»⁴⁸, т. е. катастрофа определяется как «крупная авария». Понятие аварии на федеральном уровне определено следующим образом: «Авария – опасное техногенное происшествие, создающее на объекте, определенной территории или акватории угрозу жизни и здоровью людей и приводящее к разрушению или повреждению зданий, сооружений, оборудования и транспортных средств, нарушению производственного или транспортного процесса, нанесению ущерба окружающей среде...»⁴⁹.

В научной литературе можно встретить и другие основания определения понятия катастрофа, например, как результат нарушения взаимодействия «природная среда» – «антропогенные объекты». В соответствии с ним, «катастрофа природно-техногенная – разрушительный процесс, развивающийся в результате нарушения нормального взаимодействия технологических объектов с компонентами окружающей природной среды, приводящей к гибели людей, разрушению и повреждению объектов экономики и компонентов окружающей природной среды»⁵⁰. Можно привести много примеров катастроф, произошедших в результате нарушения такого взаимодействия, включая последнюю по времени крупнейшую экологическую катастрофу, возникшую в результате взрыва и по-

⁴³ Меморандум между Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерством охраны окружающей среды Китайской Народной Республики о создании оповещения и обмена информацией при трансграничных чрезвычайных ситуациях экологического характера. Подписан в г. Пекине 12.11.2008 г. // Документ опубликован не был. // Консультант Плюс.

⁴⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в области чрезвычайного гуманитарного реагирования, предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий и ликвидации их последствий. Заключено в г. Белграде 20.10.2009 г. // Документ опубликован не был. // Консультант Плюс.

⁴⁵ Соглашение между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Швейцарским агентством по развитию и сотрудничеству о взаимодействии в области чрезвычайного гуманитарного реагирования на катастрофы и кризисы и содействия международному развитию. Заключено в г. Берне 21.09.2009. // Документ опубликован не был. // Консультант Плюс.

⁴⁶ См.: Каплунова Е. А. Непреодолимая сила и смежные с ним понятия: Дис...канд. юрид. наук. Томск, 2005; Гольцов В. Б. О чрезвычайных ситуациях в цивилистике. // Гражданское право. 2008. №1.

⁴⁷ «Рекомендации. Организация и проведение режимных наблюдений за загрязнением поверхностных вод суши на сети Росгидромета. Р 52.24.309-2004.», утвержденный Росгидрометом 28.10.2004. // Документ опубликован не был. // Консультант Плюс.

⁴⁸ Приказ МЧС Российской Федерации №222, Приказ Госгортехнадзора Российской Федерации «О Порядке разработки декларации безопасности промышленного объекта Российской Федерации» от 04 апреля 1996 г. // Документ опубликован не был. // Консультант Плюс.

⁴⁹ Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // Российская газета. – № 5079. – 2009. – 31 декабря.

⁵⁰ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш. Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – М: Инфа – М, 2006.

жара на буровой платформе Deepwater Horizon компании British Petroleum и продолжавшейся длительное время утечки сырой нефти, в результате чего в Мексиканский залив попало огромное количество нефтепродуктов, нанеся огромный, если не сказать непоправимый, вред окружающей среде.

Но большинство авторов справедливо указывают на то, что термин «авария», «катастрофа» и т. д. представляет явление более узкого порядка по сравнению с чрезвычайной ситуацией, не учитывающее многих факторов, являясь одним из обстоятельств, которое предшествует чрезвычайной ситуации⁵¹.

Рассмотрение понятийно-категориального аппарата учения о защите права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, нашедшего отражение в международных соглашениях, законодательных и подзаконных актах Российской Федерации, рассмотрение точек зрения различных авторов на данную проблему, позволяет прийти к следующим выводам:

1. Данный понятийно – категориальный аппарат является достаточно проработанным, как на законодательном уровне, так и в научной литературе, посвященной данной проблематике.

2. Существующее легальное определение понятия «экологическая безопасность» на законодательном уровне, приведенное в Федеральном законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды», вызывает большие нарекания со стороны ученых – правоведов за отсутствие конкретики и расплывчатость в определениях. В связи с этим предлагаются различные определения данного понятия, различающие между собой как различным набором составляющих, так и различной градацией состояния защищенности человека и гражданина от всевозможного негативного антропогенного воздействия, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий.

3. Существующая в России обширная законодательная база, посвященная правовому регулированию деятельности как государственных органов, так и общественных организаций и населения при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера и широкое освещение данной проблематики в юридической литературе не позволили сформулировать четкие критерии определения понятия «чрезвычайная ситуация природного и техногенного характера», равно как не сформулировано определение более часто применяемого в международном праве понятия «чрезвычайная гуманитарная катастрофа (кризис)».

Список литературы

1. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов. / Под ред. Пиголкина А. С. – М.: Городец, 2003. С. 7.
2. Агалабаев М. А. Методология становления и развития теории общественной безопасности. // Российский следователь. 2005. №5.
3. Колбасов О. С. Терминологические блуждания в экологии. // Государство и право. 1999. №10. С. 27.
4. Кардашова И. Б. О категорийно – понятийном аппарате теории национальной безопасности. // Российский следователь. 2005. №5.
5. Есаян А. К. «Национальная безопасность» как правовая категория. // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. №8.
6. Халиуллин Р. Г. Безопасность: многообразие подходов и проблемы определения понятия. // Юридическое образование и наука. 2007. №4.
7. Чапчиков С. Ю. Конституционные гарантии обеспечения безопасности общества и государства. // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 17.
8. Харabet К. В. Некоторые вопросы устойчивого развития государства и предупреждения правонарушений в свете стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. // Российская юстиция. 2009. №7.

⁵¹ См.: Тычинин С. В. Гражданско – правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях: Дис...канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 32.

9. Вновь об экологической безопасности. Пресс – центр атомной энергетики и промышленности. // http://www.minatom.ru/mass_media/5.2004/212/
10. Макаров Д. А. Историко – правовой опыт обеспечения экологической безопасности в России. // История государства и права. 2007. № 9.
11. Почему президент Российской Федерации не подписал Федеральный закон «Об экологической безопасности». Пресс – центр атомной энергетики и промышленности. // http://www.minatom.ru/mass_media/11.2003/283/.
12. Бринчук М.М. Экологическое право: Учебник для вузов. – М: Юристъ, 1998. 688 с
13. Тимошенко А.С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект. // Сов. государство и право. 1989. № 1.
14. Лагунова А. И. Региональные особенности правового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 15.
15. Колбасов О.С. Концепция экологической безопасности // Сов. государство и право. 1988. №12.
16. Дубровин Е.Р., Дубровин И.Р. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности России. // Мир человека. 2009. №1.
17. Мухин И. А. Принципы международного права в охране окружающей среды и их роль в системе экологического законодательства России. // Международное публичное и частное право. 2006. № 2.
18. Комментарий к Закону Российской Федерации [РСФСР] «Об охране окружающей природной среды». Рук. авт. колл. и отв. ред. д.ю.н., профессор С.А.Боголюбов. – М.: Издательская группа ИНФРА • М – НОРМА, 1996. С. 11.
19. Соловьев Н. В. Актуальные проблемы реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду на современном этапе развития Российского государства. // Вестник Владимирского юридического института. 2008. №1 (6).
20. Дзейтов С. А. Государство и экологическая безопасность (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 1994. С. 56.
21. Кузьмин Б. Н. Правовые формы обеспечения экологической безопасности: автореф. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 14.
22. Кодолова А. В. Экологическая безопасность: понятие и структура. // Вестник Удмурдского университета. 2005. № 6 (1).;
23. Егорова Е. Н. Экологическая безопасность как фактор устойчивости экономической системы Российской Федерации. // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. 2009. №3;
24. Попов В. А. Различные подходы к пониманию экологической безопасности в экологическом праве Российской Федерации. // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2001. №3;
25. Лагунова А. И. Структура экологической безопасности России. Красноярск, 2003.;
26. Серов Г. П. Правовое регулирование экологической безопасности при осуществлении промышленной и иных видов деятельности. – М.: Ось-89, 1998.
27. Куликов К.И. Принципы обеспечения экологической безопасности при разработке стратегий развития регионов. // Право и безопасность. 2008. №4 (29).
28. Назаркин М. В. Безопасность высокорисковых объектов как область правового регулирования. // Российский следователь. 2009. № 15.
29. Коршунова Н. П. Непреодолимая сила: новый взгляд на старую проблему. // Журнал российского права. 2008. №3.
30. Мелехин А. В. Особые правовые режимы Российской Федерации. // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2007.
31. Гольцов В. Б. Чрезвычайная ситуация теория или юридический факт (проблемы законодательного определения). // Юридический мир. 2009. №3.
32. Хлуденева Н. И. Коллизии в экологическом законодательстве. // Журнал Российского права. 2008. №12.
33. Гольцов В. Б. Перспективные направления совершенствования иерархической структура законодательства Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации. // История государства и права. 2009. №1.
34. Артемьев Е. В., Семенова М. Н. Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации от 21 декабря 1994 г. №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». // Подготовлен для системы Консультант – Плюс. 2008.

35. Каплунова Е. А. Непреодолимая сила и смежные с ним понятия: Дис...канд. юрид. наук. Томск, 2005; Гольцов В. Б. О чрезвычайных ситуациях в цивилистике. // Гражданское право. 2008. №1.

36. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш. Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – М: Инфа – М, 2006.

37. Тычинин С. В. Гражданско – правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях: Дис...канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 32.

NOTIONAL AND CATEGORICAL APPARATUS FOR THE STUDY OF HUMAN AND CITIZEN RIGHT FOR THE POSITIVE ENVIRONMENT IN NATURAL AND TECHNOGENIC EXTREMAL SITUATIONS

V. I. EVTUSHENKO

Belgorod State University

e-mail:

77712@live.ru

The article shows the results of the comparative analysis of the federal and regional legislation (by the case of the Belgorod region) for legal regulation of ecological human rights, ecological safety and protection of people injured at ecological extremal situations. The author concludes that the legislation of the Belgorod region is developed enough and rather full is made. It is elaborated and accepted according to the federal legislation in the given area, it details the latter and does not confront it. A number of the statutory acts for the problem are an innovation of the regional legislation.

Key words: environment, ecological safety, ecological extremal situation, action on resettlement.

УДК 340.03

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ*

Е. Е. ТОНКОВ*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
etonkov@bsu.edu.ru*

В статье показано, что содержание модернизации состоит в эволюционных изменениях системы управления обществом и её структурных элементов в соответствии с демократическими и гуманистическими принципами политико-правового регулирования.

Ключевые слова: модернизация, управление, правовая система, общество, реформирование.

Процесс очередной модернизации наша страна переживает в своем развитии наряду с глобальным экономическим кризисом, что предопределяет сложный переходный период на пути становления правового государства и обретения статуса полноценного участника процессов, происходящих в современном цивилизованном мире. Нестабильность функционирования в условиях кризиса формирующейся государственной системы стимулирует как рост социальной напряженности, так и обострение криминогенной ситуации.

Поэтому наравне с усилиями по модернизации общества Российская Федерация предпринимает определенные меры в целях выхода из кризисного состояния, угрожающего национальной безопасности и здоровью населения. В государственной политике, рассматриваемой в качестве формы деятельности, присутствуют как минимум две стороны. В первую очередь, речь идет о концептуальной составляющей, которая содержит базисные, теоретические представления о деятельности государства в исследуемой сфере (цель, назначение, содержание, средства и т.д.). Кроме того, нельзя обойтись без практического компонента, представляющего собой совокупность конкретных действий по реализации намеченной цели.

По мнению Ф.И. Шамхалова, политическое решение представляет собой «выбор альтернатив будущих действий»¹. Политические решения в области противодействия кризису принимаются руководством государства, но процесс выхода из кризиса является результатом совместных усилий общества и всех ветвей государственной власти.

В политико-правовом механизме государственной деятельности присутствует сложная духовная составляющая, что требует расширения методологических границ до философских и психолого-педагогических параметров.

В.В. Лапаева отмечает, что «расширение сферы действия государственной научной политики обусловлено тем обстоятельством, что в настоящее время без науки невозможно обеспечить такое качество государственных решений, которое гарантировало бы населению современные стандарты жизни»².

Одновременно перед нами выдвигается требование, реализация которого может обеспечить успех развитию исследовательских и практических усилий: в условиях происходящей трансформации общественных отношений, вызванной кризисной ситуацией, осуществить, прежде всего, смену парадигмы в самом подходе к существу взаимодействия политики и права в сфере государственной деятельности.

Кризисная ситуация в современной России требует поступательной трансформации отечественного права в структурированную, стройную систему норм. Необходи-

* Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 годы (государственный контракт №16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.)

¹ Шамхалов Ф.И. Основы теории государственного управления. – М., 2003. – С. 412.

² Лапаева В.В. Политика Российской Федерации в области науки и технологий: проблемы правового обеспечения // Законодательство и экономика. – 2004. – № 2. – С. 25-36.

мость реформирования отечественного права объективно обусловлена тем, что в течение советского периода развития социальная роль и назначение права были существенно деформированы.

Как подчеркивает А.Ю. Саломатин, «происходит не только стремительное разрастание массива правовых норм и дальнейшая их отраслевая дифференциация, но и создание сложных, комплексных отраслей права в соответствии с требованиями научно-технического прогресса и социально-политической трансформацией общества»³.

Нормы права, являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, но, наряду с этим, в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций при рассмотрении юридических форм с учетом формирования нового нормативного содержания. Представляется важным с теоретической и практической точек зрения выявить обстоятельства, влияющие на развитие и содержание данной категории.

Это тем более необходимо, что «длительное и безраздельное господство позитивного права в худшем его понимании (в духе Вышинского) и отрицание идей естественно-не могли привести к адекватным выводам, характерным для демократического гражданского общества»⁴.

Кризисная ситуация инициирует ускоренное развитие процесса политико-правовой модернизации. Если рассматривать модернизацию как универсальный процесс адаптации к меняющимся условиям, то сущность политико-правовой модернизации заключается в приведении содержания политики и права в соответствие с потребностями общества, что неизбежно влечет за собой развитие проблемы определения сущности самой юридической формы. Целесообразность решения данной проблемы в условиях кризиса объясняется не только потребностями собственно научного анализа, но и необходимостью совершенствования политической и юридической практики.

Содержание модернизации в обычных условиях состоит в эволюционных изменениях системы управления обществом и её структурных элементов в соответствии с демократическими и гуманистическими принципами политико-правового регулирования. Модернизация общества и его политико-правовой системы в условиях кризиса имеет сложный двухуровневый характер.

Во-первых, модернизация – это процесс усвоения и интерпретации (приспособления к российским реалиям) западных ценностей и попытки формирования на этой основе своих новых ценностей.

Во-вторых, модернизация – это ещё и феномен современного мира, направленный на его всё большую унификацию и стандартизацию.

Модернизация, рассматриваемая на выделенных уровнях, играет всё большую, если не сказать определяющую роль в условиях кризиса.

Современное состояние исследований рассматриваемого направления характеризуется многообразием методических и формально-юридических подходов. Большинство учёных выделяют три главных этапа модернизации в России: Санкт-Петербургский (конец XVIII века-1917 год), коммунистический (1917-1991 гг.) и посткоммунистический (с 1991 года). Каждый из этих периодов может быть разделён на меньшие. Например, Санкт-Петербургский включает в себя период реформ Петра, реформы Екатерины II, Павла I, Александра II, Александра III, Столыпина. Кроме того, предлагается считать этапами модернизации в России реформы Ивана Грозного и Бориса Годунова.

На наш взгляд, началом этапа современной политико-правовой модернизации следует считать 1993 год – с момента принятия действующей Конституции РФ, однако в период кризиса развитие процесса модернизации приобретает особый характер.

³ Саломатин А.Ю. Сущность правовой модернизации в России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1. – С. 200.

⁴ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – С. 178-179.

По мнению М.М. Файнберга, механизм модернизации правовой системы – это гибкая система взаимосвязанных нормативно закрепленных стадий, ведущих к совершенствованию правовой системы государства в целях повышения эффективности ее функционирования и достижения ее главной цели, заключающейся в установлении прочного правового порядка⁵.

Он предлагает следующие возможные стадии модернизации:

- Изучение правовой системы с учетом национально-исторических особенностей ее развития;
- Оценка функционирования правовой системы в условиях переходного периода государства и общества с учетом специфики экономического и социального развития на современном этапе;
- Сопоставление тенденций общеправового развития с курсом национальной правовой политики внутри страны и за рубежом.

Проблема совершенствования государственной деятельности в условиях кризисной ситуации является специальной в ряду с другими. Это вызов времени, с которым приходится считаться, принимать его, осуществлять ускоренный поиск адекватных средств государственно-правового реагирования. Рассматриваемая проблема поставлена перед современным обществом как целостным образованием и речь идет если не о выживании, то, как минимум, о благополучии.

Решение поставленных проблем осложняется определенной коррупциогенностью системы государственного управления. На наш взгляд, нет оснований говорить о том, что государство в советский период не уделяло внимания проблеме противодействия коррупции. Одновременно, это является и свидетельством того, что коррупция в обществе не стала порождением социально-политических и экономических реформ в России, а имела место и ранее. Другое дело, что в кризисной ситуации масштабы распространения коррупции стали принимать угрожающие размеры, близкие по своим параметрам к эпидемическому порогу. Кроме того, сама концепция противодействия коррупции имеет ряд системных недостатков, существенно снижающих ее эффективность.

Речь идет о недостаточно верном восприятии и не всегда адекватной оценке факторов, провоцирующих прогрессирующее развитие коррупции, а также их масштабности. В определенный момент произошла переоценка способности силовых ведомств в борьбе с этими явлениями. Оказалось, что так называемые «силовики» правоохранительной системы сами нередко оказываются бессильны перед коррупционным вирусом и страдают весьма распространенным иммунодефицитом (впрочем, скорее, от их иммунодефицита страдает население). В результате в стране не сформированы реальные механизмы по координации усилий государственных и общественных организаций по противодействию коррупции, чему мы далее посвятим отдельный параграф, разъясняющий нашу позицию по поводу признания коррупции атрибутивным признаком государственной власти.

В этой связи имеет смысл обратиться к опыту других стран, хотя ни одно государство не может однозначно заявить о создании оптимальной системы противодействия коррупции. Определенную связь международного и внутригосударственного права российские юристы обосновывали еще в начале прошлого века.

Так, Ф.Ф. Мартенс отмечал, что обе правовые системы являются тесно соприкасающимися кругами, где и позитивное, и негативное влияния обратимы друг на друга. Оторвать системы друг от друга, построив замкнутое, «закрытое» общество означает причинить явный вред всему внутригосударственному развитию, «взрастить уродливое древо государственности». Однако и гипертрофированный примат абсолютно всех норм международного права без их предварительной адаптации на почву национальную будет злом не менее опасным, способным разрушить государственные устои, подорвать национальный суверенитет государства⁶.

⁵ См.: Файнберг М.М. Особенности юридического регулирования общественных отношений в условиях модернизации правовой системы России // Право и политика. – 2008. – № 3. – С. 41.

⁶ См.: Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб., 1902. – С. 366-372.

Сегодня взаимосвязь международного и национального права очевидна и не нуждается в доказательствах. Вместе с тем, до настоящего времени отсутствуют объективные количественные и качественные критерии, которые бы позволяли определить, насколько правовые ограничения, содержащиеся в международном праве и действующем российском законодательстве, способствуют снижению масштабов коррупции и других видов преступности как на международном, так и на национальных уровнях.

В Российской Федерации не принят специальный законодательный акт, посвященный национальной имплементации норм международного права в российское законодательство, а регулирование имплементационных процессов основывается на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и нормативных правовых актах, закрепляющих компетенцию и функции органов государственной власти в области осуществления норм международного права⁷.

Это, безусловно, оказывает влияние на эффективность государственной деятельности и выбор стратегической линии государства в политической, экономической, социальной, культурной сферах в кризисной ситуации.

По справедливому замечанию Т.Я. Хабриевой, «более детальная правовая регламентация о поэтапной имплементации международно-правовых норм, включая использование возможных способов (рецепции, отсылки, инкорпорации), была бы целесообразным дополнением к имеющемуся в Российской Федерации законодательству о международных договорах»⁸.

Общество – саморегулирующаяся система, которая в случае возникновения угроз для его безопасности (финансовый кризис, терроризм, коррупция и др.) задействует весь арсенал средств противодействия неблагоприятным тенденциям, прежде всего, политических возможностей государства, правовых средств, социальных институтов и др. Это относится и к плоскости научных исследований, поскольку политика, система управления, правовое регулирование нуждаются в научном обеспечении (в данном случае, с точки зрения установления оптимального набора средств противостояния неблагоприятным тенденциям).

Как подчеркивает В.В. Сорокин, в результате переходных процессов в правовой сфере происходит не только преобразование, сколько становление и развитие нового качества правовой системы и даже возникновение ее новой типологической сущности, когда изменяются целые пласты правовой системы⁹.

Кризисные явления в мировой экономике неизбежно влекут за собой изменения процессов правовой регуляции. Государственная деятельность в различных юридических и неюридических формах выполняется всеми основными звеньями государственного механизма, всей системой государственных органов. Поэтому специфика их организации и структуры, занимаемое ими место в системе механизма государства, органически связаны с формами их деятельности. Как формы государственной власти, так и структура органов, осуществляющих эту деятельность, подчинены задачам наиболее успешного проведения основных функций государства и зависят от содержания последних.

Ю.А. Тихомиров в своих ранних работах справедливо отмечает важность перехода от преимущественного регулирования статике к динамике и закреплению в праве богатства функциональных связей, взаимоотношений, то есть особенностей в организации их деятельности¹⁰.

В связи с этим способы осуществления отдельных видов государственной деятельности выражают не структурные, а функциональные различия между государственными органами.

⁷ См., например: Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (с изм. от 01.12.2007 г.) // Российская газета – № 272. – 05.12.2007.

⁸ Хабриева Т.Я. Основы взаимодействия международного и национального права / Влияние международного права на национальное законодательство. – М., 2007. – С. 14.

⁹ См.: Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 3.

¹⁰ См.: Тихомиров Ю.А. Теория социалистического управления // Советское государство и право. – 1969. – № 7. – С. 85.

Как уже отмечалось, проблема трансформации форм государственной деятельности имеет специальный характер, но ее разрешение, тем более, в условиях кризиса, требует выхода на общеметодологический уровень научного ее освоения для выработки общей концепции, политической программы, системы государственного управления и правовых компонентов. Без решения этих «общих» вопросов мы будем постоянно испытывать затруднения. Отсюда оправданность внимания к общеметодологическому срезу, к установлению логики структурирования политики и правовых средств.

Целесообразным представляется использование потенциала политического вектора в юридических исследованиях, что в ряду других исследовательских направлений (философско-правового, социологического, формально-догматического), имеет свои особенности. Безусловно, получение достоверного знания при освоении данной проблемы связано с использованием потенциала всех названных направлений юридических исследований и в их рамках применения общенаучных, специальных и частных методов и методик. Однако исследование и разрешение проблемы юридической формы в методологическом ключе нуждается в применении способов и средств, прежде всего, *политического* направления юридических исследований.

О политике, как особом виде деятельности людей по управлению государством, каждый человек имеет собственное представление, формирующееся на основе жизненного опыта, непосредственного общения с теми, кто причастен к политической кухне. Ученые, рассматривая сущность и структуру политики, вкладывают в это понятие также самое различное содержание, основанное на органическом соединении политики с функционированием государства. Политика является отношением между социальными общностями и группами, включающими согласие, подчинение, конфликт и состязание между ними. Функциональность политики, ее свойство служить обществу не только позволяет ей воздействовать на другие сферы государственного организма, но и управлять ими.

Содержание политики, как особого вида социальной регуляции, заключается в согласовании интересов различных общностей, слоев, групп, выработке правил и норм, обязательных для исполнения всеми гражданами. Существуют различные мнения по поводу соотношения политики и других сфер общественной жизни.

Так, Р. Арон, один из основателей теории «индустриального общества», оспаривает приоритет экономики, отдавая предпочтение политике. Он считает, что политика и предоставленные ею права и возможности человека, более значимы, нежели экономика. Сравнивая и анализируя характерные черты индустриального и постиндустриального обществ, Р. Арон приводит аргументы в пользу того, что направление их развития, прежде всего, определяется политикой¹¹.

Подобный подход, на наш взгляд, является достаточно односторонним, так как не позволяет обеспечить целостное представление о влиянии на политику всего многообразия социальной жизни, в том числе, и права. Связь политики и других сфер социальной жизни характеризуется взаимопроникновением. Если же политическая сфера утрачивает способность реагирования на социальные изменения в обществе, игнорирует правовые нормы, то постепенно лишается понимания и поддержки населения, не может предложить разделяемой большинством граждан программы эффективных действий и преобразований.

Немецкие философы, рассуждая о праве, соотносили его развитие с политической системой общества. Управление прямо связывалось с принуждением правовыми средствами. Воспитательное воздействие принуждения расценивалось особенно высоко, оставаясь в значительной мере на точке зрения этической, естественно-правовой теории государства.

Будучи «организацией собственников», основанной на их «договоре», государство сосредоточивает всю власть, декретизирует права и обязанности своих граждан. Для установления равновесия между сословиями и предотвращения социальных конфликтов, для совершенного управления государственная власть должна активно воздействовать на хозяйственную жизнь.

¹¹ Aron R. La developpement da la Societe industrielle et la stratification Sociale. – Paris, v.1. – 1957; v.2. – 1958.

Полицейский характер воздействия государства является лишь необходимым средством. Политико-правовые учреждения носят у И.Г. Фихте принудительно-воспитательный характер, а цель мировой истории он видит, по точному определению известного российского философа Ю. Ю. Вейнгольда, в постепенном воспитании «человечества для более совершенного состояния»¹².

Впрочем, у Ф. Ницше право в случае необходимости успешно сочетается с произволом. По его мнению, «произвольное право необходимо...у всех у нас нет уже традиционного правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще»¹³.

Современная политика рассматривается нами как сфера фактических взаимоотношений и взаимодействий личности, социальных общностей, политических институтов, формирующая структуры, нормы, отношения, политическую среду, в пределах которых определяются стратегия и тактика развития общества и государства.

Мы разделяем позицию английского юриста М. Шоу, который считает, что «право и политика не должны разделяться. Они пребывают в постоянном тесном взаимодействии. Ни одна из них не может принизить значение другой»¹⁴.

Структурно-функциональный анализ позволяет рассматривать государственную деятельность в следующих аспектах.

Поведенческая сторона, которая «вырастает» из системы фактически складывающихся отношений в сфере управления государством, обусловленных потребностями развития общества – экономическими, социальными, а также традициями и обычаями. Не случайной является оценка политики как концентрированного выражения экономики, ее обобщения и завершения. В равной мере государственная деятельность ощущает влияние других сторон жизни общества.

Политика «материализуется» в *структурно-нормативном* компоненте в системе государственных институтов и форм, но и, разумеется, политических, экономических, социальных и других структурах, участвующих в процессе управления государством. При этом мы не склонны преувеличивать возможности государственной деятельности. Она в любом случае формируется и осуществляется в рамках и под влиянием абсолютных общечеловеческих ценностей (свободы, равенства, справедливости), т.е. в пределах и границах правового контекста этих ценностей, а также соответствующих им других институтов и форм, положительно зарекомендовавших себя на практике.

Избыточная политизация различных сторон жизни деструктурирует, дестабилизирует общество. Для государства и права это особенно опасно. Исторический опыт убедительно демонстрирует, что сравнительно легкое манипулирование основами государственности в угоду политическим амбициям и узкоэгоистическим интересам в конечном счете неизменно оборачивается болезненным и длительным возвращением к общечивилизованным началам, стабильности и равновесию в жизни общества и государства. Для политики поэтому исходными являются фактор преемственности и юридические пределы, основанные на общечивилизационных принципах.

Государственная деятельность располагает *функционально-инструментальным* блоком, определяющим систему государственного управления противодействием наркотизации общества и ее деятельностный компонент – функции. Любая, самая взвешенная государственная деятельность окажется нежизнеспособной без оснащения средствами ее реализации – определение направлений (функций), юридических форм их осуществления, поиск оптимальных средств претворения в жизнь политических концепций, программ, целей, задач. Функции права тесно связаны с методами правового регулирования. Сильное, эффективное государство строго функционально. Вся его деятельность – это практическая реализация своих функций (но только своих, государственных, а не иных). Рассматривая юридические формы реализации функций государства, непозволительно смешивать их ни с самими функциями, ни с видами государственной деятельности.

¹² Вейнгольд Ю. Ю. Право как социологическая категория. – Фрунзе, 1962. – С. 28.

¹³ Ницше Ф. Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 431.

¹⁴ Shaw M. N. International Law. Third Edition. – Cambridge, 1991. – P. 57.

Идеологический, интеллектуальный, в том числе *научно-исследовательский* блок политики подразумевает формирование толерантного политического сознания, ценностей правовой культуры, ориентированных на поиск компромиссов, согласия и равновесия (не случайна идентификация политики как искусства компромиссов и т.п.).

Организация деятельности, направленной на достижение общезначимых целей, сохранение фундаментальных ценностей, развитие и совершенствование общественных отношений, основывается на принципах и правилах, закрепленных в нормативно-правовых актах государства с помощью юридического инструментария.

Как подчеркивает С.Ю. Кашкин, «в каждой стране происходит увеличение различных по своим качественным характеристикам правовых норм, расширение и углубление правового воздействия на различные сферы общественной жизни, детализация правового регулирования»¹⁵.

Кризисная ситуация стала поворотным событием для сознания и мировосприятия наших сограждан. Многие факты истории и окружающей действительности оцениваются теперь совершенно по иному, чем еще несколько лет назад. Несмотря на это, новые задачи, обусловленные происшедшими переменами, государство по-прежнему пытается решать старыми методами. Не создаются механизмы оптимального управления государственными делами, которые анализировали бы не только структуру или содержательное наполнение работы какого-либо органа государства, а целостный процесс государственной деятельности как триаду цели, ресурса и результата.

По мнению зарубежных исследователей, одновременно наблюдается рост значения принципов права в качестве его источников, имеет место сближение различных систем права и правовых семей. Получила развитие тенденция фактического признания судебного прецедента в странах романо-германской правовой семьи, включая государства, где с формально-юридической позиции прецедент не признается¹⁶.

Сложившаяся ситуация, которая сопровождается усилением интереса к рассмотрению региональных и глобальных проблем в различных сферах правового регулирования, требует качественно иных видов анализа, выявления и прогнозирования тенденций развития права, по сути дела, новой методологии, способной в определенной степени упорядочить формирующиеся новые направления научного знания.

В процессе разработки теоретических основ деятельности государства в определенной области социальных связей, например, по противодействию коррупции, наркотизации общества или международному терроризму, мы пытаемся выявить определенный способ понимания, трактования исследуемого феномена, руководящей идеи и ведущего замысла, т.е. создать концептуальные основы государственной деятельности в определенной области.

По словам Л. Тевено, исследователь в области права «выступает в качестве носителя некоего блага, которое позволяет ему принимать участие в политической жизни, давая советы власть имущим или излагая публично свои взгляды»¹⁷.

В то же время необходимо учитывать субъективный характер любой концепции в области социальных и гуманитарных наук, соглашаясь с В.Н. Кудрявцевым в том, что «познание общественных явлений в значительной мере изменяется под воздействием взглядов и поступков самого исследователя»¹⁸.

Как подчеркивает Л.Д. Воеводин, «в широком плане концепция представляет собой последовательно развиваемую, взаимосвязанную цепь рассуждений, которые подкреплены теоретическими аргументами и доказательствами, взятыми из реальной жизни, и конечная цель которых – объяснить природу обсуждаемого феномена и предложить отвечающие общественным потребностям оптимальные их решения»¹⁹.

¹⁵ Кашкин С.Ю. Формирование «юриста будущего» и европейское право // Закон. – 2009. – № 3. – С. 86.

¹⁶ См.: Brown L., Kennedy T. The Court of Justice of the European Communities. – L., 2000.

¹⁷ Тевено Л. Взаимосвязь права и экономики // Юридическое образование: новые подходы в России и Западной Европе. – М., 2001. – С. 151.

¹⁸ Кудрявцев В.Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 4.

¹⁹ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 18.

Мы поддерживаем мнение В.М. Баранова, что «концепция как форма познания «лежит» где-то между гипотезой и теорией»²⁰.

Целесообразность концептуального, системного осмысления положения дел в частной области государственного управления обуславливает необходимость привлечения фундаментального, универсального знания, которое не только объединяет накопленные сведения о фактах, задачах и способах их решения, но и помогает увязать общие цели, задачи, функции, принципы, привести к согласованию и обобщенные, и конкретные проблемы.

Одновременно, как считает Г.Ю. Лесников, «существующие концепции, основанные на общих принципах права, в большинстве своем описательны, содержат общеизвестные истины с малореальными, практически заранее невыполнимыми рекомендациями»²¹.

Без общего единства всех элементов правовой системы, интегрирующей и регулирующей роли государства невозможно целостное, логически стройное, целенаправленное конструирование и действие процесса государственной деятельности. Сочетание общего, особенного и единичного в системе является необходимой основой ее функционирования, что становится возможным в результате всеобщей связи элементов системы как объективного факта действительной правовой жизни общества.

Известный немецкий мыслитель и правовед Р. Алекси представляет понятие системы как модель, содержащую три пласта или уровня: нормы, принципы и процедуры, предполагая, что они позволяют ответить на вопрос о том, какое решение предлагает нам правовая система в конкретной ситуации²². Принципы сами по себе к делу не применимы, однако на них возлагается задача структурировать процесс аргументации, нацеливая тем самым на созидание нового рационального решения, формулировка которого не вытекает напрямую из существующих норм.

С ним солидарен и К.-Х. Ладер, подчеркивая, что в качестве первого предварительного допущения мы можем взять идею о том, что свойственное юридическому мышлению понятие системы предполагает predetermined значение права, тем не менее позволяющее, а иногда даже требующее творческой интерпретации²³.

Анализируемая проблематика имеет непосредственное отношение к формирующемуся в условиях модернизации праву, которое А.В. Поляков называет правом глобализирующегося общества.

Если в XX веке основной философско-правовой проблемой являлась проблема обоснования связи нормы закона, установленного государством, с духовным миром личности, то теперь, по его мнению, «на первый план выдвигается проблема правовой коммуникации, т.е. проблема успешного сосуществования в сфере права самых разных субъектов»²⁴.

Как особую проблему рассматривает глобализацию и В.Д. Зорькин, который с тревогой приводит мнение авторитетных мыслителей о том, что Вестфальская система себя исчерпала. Однако готовы ли правоведы заменить ее чем-то и предложить альтернативную правовую систему? Ведь понятно, что «разрушение одной системы без предъявления другой превращает несовершенное право в абсолютный произвол, что нельзя делать паузу между разрушением старого и построением нового»²⁵.

Вот почему так важно в условиях политико-правовой модернизации выявить и сохранить все лучшее российской правовой системы, в том числе наиболее эффективные и

²⁰ Баранов В.М. Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 89.

²¹ Лесников Г.Ю. Синергетика и теория современной уголовной политики // Современное право. – 2004. – № 3. – С.27.

²² См.: Alexy R. Theory of Legal Argumentation. – Oxford, 1989.

²³ См.: Ladeur K.- H. The Theory of Autopoiesis as an Approach to a Better Understanding of Post-modern. // EUI Working Paper. Law. № 99/3. San Domenico, 1999.

²⁴ Поляков А.В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Правоведение. – 2007. – № 4. – С.8.

²⁵ Зорькин В.Д. Современный мир и права человека // Журнал российского права. – 2008. – № 11. – С. 11.

обоснованные юридические формы государственной деятельности. Однако новая правовая перспектива уже не может основываться на простой совокупности юридических норм и рациональности создающего их государства вне практики правовой коммуникации, обеспечиваемой с помощью юридических форм государственной деятельности.

Можно согласиться с О.Э. Лейстом, что авторитетность права зависит прежде всего от политико-правового режима, т.е. от отношения к праву лиц, облеченных властью, а также от его справедливости, эффективности и стабильности²⁶.

Поэтому законодатель должен принимать во внимание специфические правовые ограничения, воспроизводимые в процессе правовой практики.

Как подчеркивают Д.Н. Бахрах и Л.А. Гущина, «оценивая ограничивающий характер правового регулирования и пытаюсь найти оптимальную форму взаимоотношений между государством и личностью, сегодня мы формируем качественно новый характер правового регулирования общественных отношений, основанного на правовом стимулировании позитивными правовыми средствами социально полезного поведения»²⁷.

Ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества.

По мнению Д. Шумпетера, ни одно современное общество не обеспечивает абсолютной свободы и ни одно государство не сводит ее к нулю²⁸.

На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в той или иной области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими.

При этом стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Как отмечал В.С. Нерсесянц, «при всей своей самостоятельности право, как и другие виды социальных норм, осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолированно и обособленно, а в едином комплексе и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами»²⁹.

Особенности построения государственных органов связаны со спецификой форм организации их деятельности. Различные органы государства могут осуществлять один и тот же вид деятельности (например, управление) и, наоборот, один и то же орган (например, орган исполнительной власти может выполнять разные виды государственной деятельности (правотворчество, правоприменение и др.) В этих различиях (структурных и функциональных) между основными звеньями механизма государства лежат и различия в формах осуществления его функций.

Способами реализации непосредственной формы осуществления государственной власти являются свободные выборы и референдумы, с помощью которых народ выражает свою волю: выбирает органы государственной власти и основные законы (конституции). Осуществление государственной власти предполагает и обуславливает наличие особого управляющего механизма в виде различных учреждений и организаций.

Данный механизм представляет собой определенный комплекс социальной регуляции, располагающий специфическими стимулами, методами и средствами управления деятельностью государственных органов и общественных организаций. Он характеризуется системой мер, с помощью которых обеспечивается выполнение поставленных задач.

²⁶ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002. – С. 124.

²⁷ Бахрах Д.Н., Гущина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1. – С. 24.

²⁸ См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976. – P. 271.

²⁹ Нерсесянц В.С. Юриспруденция. – М., 1998. – С. 50.

В нее входят как юридические нормативы и административно-дисциплинарные меры, так и методы общественного воздействия. В этой системе складываются специфические управленческие отношения.

Способами реализации непосредственной формы осуществления государственной власти является внешнее выражение непосредственного волеизъявления народа по решению наиболее важных государственных и общественных вопросов посредством свободных выборов и референдума с целью принятия нормативных актов, определения состава избираемых органов государственной власти и как следствие обеспечения демократической легитимации власти в государстве.

Юридические формы осуществления государственной власти можно разделить на формы опосредованного и непосредственного волеизъявления народа. Содержанием непосредственной формы являются свободные выборы и референдумы, а содержанием опосредованной формы – правотворчество, правоприменение и правоохрана (правообеспечение).

Формы осуществления функций, представляют собой внешнее выражение деятельности государства в том или ином направлении. Вне этих правовых форм невозможна реализация функций государства. Любое направление деятельности государства облекается, прежде всего, в правовую форму. Появляющиеся в результате этого нормативно-правовые акты образуют правовую основу той или иной функции государства. В этих актах определяется предмет правового регулирования (предмет деятельности), субъекты правовых отношений, их компетенция, методы и средства регулирования.

Работа по исполнению нормативно-правовых актов в том или ином направлении деятельности государства и составляет суть правореализационной формы осуществления функций. Это повседневная управленческая деятельность. Основными правовыми актами здесь являются подзаконные нормативно-правовые акты и акты индивидуально-правовые.

Формы фактической деятельности могут реализовываться в рамках правового регулирования, на основе требований законности. Взаимосвязь различных видов государственной деятельности не умаляет актуальности их дифференцированного изучения в качестве самостоятельных форм. Специфика юридических форм государственной деятельности непосредственно сопряжена с понятием юридической деятельности и производной от нее государственной деятельностью.

С развитием кризисной ситуации противоречивые тенденции в различных сферах жизни российского общества не могли не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства. В целях позитивного воздействия на кризисные явления право должно все более последовательно и решительно выполнять интерактивную роль, не только сопровождая меняющиеся условия общественной жизни, но и способствуя их преобразованию.

Список литературы

1. Баранов В.М. Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1.
2. Бахрах Д.Н., Гушина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1.
3. Вейнгольд Ю. Ю. Право как социологическая категория. – Фрунзе, 1962.
4. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997.
5. Зорькин В.Д. Современный мир и права человека // Журнал российского права. – 2008. – № 11.
6. Кашкин С.Ю. Формирование «юриста будущего» и европейское право // Закон. – 2009. – № 3.
7. Кудрявцев В.Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3.
8. Лапаева В.В. Политика Российской Федерации в области науки и технологий: проблемы правового обеспечения // Законодательство и экономика. – 2004. – № 2.
9. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002.
10. Лесников Г.Ю. Синергетика и теория современной уголовной политики // Современное право. – 2004. – № 3.

11. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб, 1902.
12. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003.
13. Нерсисянц В.С. Юриспруденция. – М., 1998.
14. Ницше Ф. Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990.
15. Поляков А.В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Правоведение. – 2007. – № 4.
16. Саломатин А.Ю. Сущность правовой модернизации в России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1.
17. Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003.
18. Тевено Л. Взаимосвязь права и экономики // Юридическое образование: новые подходы в России и Западной Европе. – М., 2001.
19. Тихомиров Ю.А. Теория социалистического управления // Советское государство и право. – 1969. – № 7.
20. Файнберг М.М. Особенности юридического регулирования общественных отношений в условиях модернизации правовой системы России // Право и политика. – 2008. – № 3.
21. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (с изм. от 01.12.2007 г.) // Российская газета – N 272. – 05.12.2007.
22. Хабриева Т.Я. Основы взаимодействия международного и национального права / Влияние международного права на национальное законодательство. – М., 2007.
23. Шамхалов Ф.И. Основы теории государственного управления. – М., 2003.
24. Alexy R. Theory of Legal Argumentation. – Oxford, 1989.
25. Aron R. La developpment da la Societe industrielle et la stratification Sociale. – Paris, v.1. – 1957; v.2. – 1958.
26. Brown L., Kennedy T. The Court of Justice of the European Communities. – L., 2000.
27. Ladeur K.- H. The Theory of Autopoiesis as an Approach to a Better Understanding of Post-modern. // EUI Working Paper. Law. № 99/3. San Domenico, 1999.
28. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976.
29. Shaw M. N. International Law. Third Edition. – Cambridge, 1991.

POLITICAL AND LEGAL PREMISES OF SOCIAL RELATIONS MODERNIZATION IN RUSSIA

E. E. TONKOV

Belgorod State University

e-mail:
etonkov@bsu.edu.ru

The author shows that social relations modernization contains evolutionary changes of society governance system and its structural elements in accordance with democratic and humanistic principles of political and legal regulation.

Key words: modernization, governance, legal system, society, reformation.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СУБЪЕКТИВНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ: ПОНЯТИЙНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И. С. ЧАЛЫХ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Chalyh@bsu.edu.ru

В статье представлен анализ научных подходов к определению понятия гарантий субъективных прав. Дано авторское определение гарантий субъективных экологических прав с их последующей классификацией. Особое внимание уделено перспективе выделения специально-экологических гарантий.

Ключевые слова: субъективные экологические права, обеспечение, реализация, охрана, защита, конституционно-правовые гарантии.

Конституционные установки современных демократических государств закрепляют неотъемлемость, необходимость обеспечения, реализации, охраны и защиты субъективных прав, включая и экологические. При этом признание и нормативное закрепление субъективного права в Основном законе государства не есть свидетельство его реальной исполнимости, что порождает проблемы гарантирования в конституционно-правовой теории и практике. В настоящем исследовании предпринята попытка научного осмысления указанных проблем на примере субъективных экологических прав.

Представляется, одним из ключевых вопросов в данной связи выступает аспект понятийно-содержательных интерпретаций категории гарантий применительно к субъективным экологическим правам.

Данное направление давно и активно исследуется отечественными учеными. Отметим, что гарантии как юридическая категория широко рассматривались еще в советский период, пройдя путь от классового (социалистического) до демократического понимания. Так, первая попытка выделения гарантий прав человека в их классификации была предпринята М.П. Карева. Ею исследовались социально-экономические права, гарантии равноправия граждан и демократические свободы¹. В свою очередь Н.А. Боброва рассматривала гарантии как юридическую категорию – с одной стороны, и как результат интегративного действия всех социальных факторов – с другой, отмечая, что действие гарантий проявляется во всем многообразии выполняемых ими социальных функций². Считаем, что такая позиция автора во многом соответствует доктрине советского периода и отражает одну из основ классификаций гарантий с соответствующей интерпретацией.

Традиционно в советской юридической доктрине гарантии рассматривались как совокупность условий реализации и средств защиты, обеспечивающих фактическую реализацию прав и свобод человека и всестороннюю их охрану³. В данной трактовке гарантии представляются как своеобразные позитивные факторы действительности и обеспечительные условия, под которыми понимается благоприятный режим, условия реализации конституционных прав и свобод. Причем отмеченные условия «образуют внешнюю социальную среду деятельности каждого человека, и они не зависят от воли и желания человека, ибо коренятся в общественном и государственном строе», а средства защиты есть «способы, приемы и методы охраны и защиты прав и свобод личности»⁴. Также

¹ Цит. по: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 39.

² См.: Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм: Монография. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. – С. 5.

³ См.: напр.: Витрук Н.В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан / Н.В. Витрук // Правоведение. – 1964. – № 4.

⁴ Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 42.

имеют место научные позиции о рассмотрении гарантий в качестве элемента правовой системы; отождествлении их с мерами правовой охраны и защиты; юридической ответственности; об исследовании в качестве самостоятельной категории, имеющей свои черты; систему и методы реализации; в аспекте формы определенной общности конституционных норм и т.д.⁵.

В настоящее время предлагаются и иные интерпретации категории гарантий: меры, обеспечивающие возможность реализации физическим лицом принадлежащих ему прав и свобод⁶; система норм, принципов, условий и требований, обеспечивающих в своей совокупности соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан⁷; социальные инструменты и технологии, используемые для целенаправленного воздействия на среду и поведение людей для обеспечения прав человека⁸. Акцентируя внимание на содержательном аспекте, А.П. Морозов предлагает понимать под гарантиями установленные законом условия или механизм обеспечения реализации конкретного права. Такими условиями могут являться, во-первых, возможность субъекта осуществлять свое право самому; во-вторых, соответствующая этому праву субъекта обязанность иных субъектов правоотношения; в-третьих, возможность защиты своего права в случае его нарушения⁹. Представляется, что в приведенных позициях содержание категории гарантий раскрыто фрагментарно и не отражает в полной степени потенциала этого института.

Считаем, более приемлемыми и целесообразными применительно к субъективным правам, подходы, в соответствии с которыми понимаются как: совокупность условий, средств и факторов, позитивно влияющих на реализацию чего-либо¹⁰; положительно действующие условия и средства, которые обеспечивают их фактическую реализацию и надежную охрану и защиту для всех и каждого¹¹; не только условия и средства реализации прав и свобод, но и отдельные субъективные права¹². Применительно к субъективным экологическим правам последнее суждение в определенной степени подтверждает содержательные особенности каждого права, закрепленного в ст. 42 Конституции Российской Федерации¹³.

Уточним, что в субъективные экологические права мы включаем и права человека, и права гражданина. Следовательно, и гарантии таковых будут носить более общий характер, включая функциональный срез. Эта позиция обоснована тем, что в правовом положении личности все элементы взаимно дополняют друг друга, при этом каждый из них имеет свое назначение, выполняет определенную функцию. Гарантии же являются одним из элементов правового статуса человека и гражданина. В данной связи выделяются гарантии обеспечения, реализации, охраны и защиты субъективных экологических прав¹⁴. Заметим, что в юридической науке отсутствует унифицированный подход к разграничению указанных видов гарантий.

⁵ См.: Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2002. – С. 118.

⁶ См.: Государственное право Российской Федерации. Курс лекций для юридических институтов и факультетов / Отв. ред. В.В. Лазарев. – М., 1999. – С. 124.

⁷ См.: Сравнительное конституционное право. – М., 1996. – С. 310.

⁸ См.: Глухарева Л.И. Механизм гарантий прав человека / Л.И. Глухарева // Право и жизнь. – 2000. – № 27. – С. 83.

⁹ См.: Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2002. – С. 118.

¹⁰ См.: Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России. Монография / Под ред. Ю.М. Прусакова. – Москва: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004.

¹¹ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – С. 305.

¹² См.: Югов А.А. Механизм реализации конституционных (основных) прав, свобод и обязанностей – ключевой компонент подлинного народовластия / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 7; www.garant.ru

¹³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

¹⁴ См.: Чхиквадзе В.М. Гарантировано конституцией: Монография. – М., 1979. – С. 49; Эбзеев Б.С. Советское государство и права человека. – Саратов, 1986. – С. 69; Эбзеев Б.С. Конституция. Демократия. Права человека. – Москва-Черкесск, 1992. – С. 214; Югов А.А. Механизм реализации конституционных (основных) прав, свобод и обязанностей – ключевой компонент подлинного народовластия / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 7; www.garant.ru

Так, имеет место позиция, согласно которой понятие «обеспечение» является родовым по отношению к понятиям «охрана» и «защита»¹⁵. В целом мы поддерживаем данное мнение, но считаем возможным соотносить как общее и частное также понятия «обеспечение» и «реализация». В свою очередь ряд ученых рассматривают понятия «охрана» и «защита» либо как тождественные¹⁶, либо с позиций «узкого понимания» второго по отношению к первому, либо как понятия, наделенные собственным содержанием¹⁷. Поддерживая последнюю из представленных позиций в рассматриваемом ключе, считаем, что в корне отличны и гарантии охраны и защиты субъективных прав. Как отмечает В.Н. Бутылин, «под охраной понимаются взаимосвязанные меры, осуществляемые государственными органами и общественными организациями, направленные на предупреждение нарушений прав, на устранение их причин и способствующие нормальному процессу реализации личностью своих прав и свобод. Защита же предполагает принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления права, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами в целях восстановления нарушенного права»¹⁸. То есть, гарантии охраны субъективных прав действуют на стадии, когда такое право обеспечено (или реализуется) и не нарушено (!). Гарантии же защиты субъективных прав начинаю действовать в случае попытки (и (или) реального (фактического) нарушения такого права. На практике указанные гарантии проявляются в рамках соответственно правоохранительного или правозащитного механизмов. Нами же такое разделение гарантий субъективных прав по функциональному признаку использовано как одна из основ интерпретации понятия гарантий субъективных экологических прав.

Рассуждая о соотношении понятий «обеспечение» и «реализация», отметим: если правоотношения по осуществлению субъективного права находятся в статике (субъект не предпринимает активных действий по реализации права), можно говорить о действии гарантий обеспечения; если же указанные правоотношения приходят в состояние динамики (субъект совершает активные действия по непосредственной реализации права), то здесь имеют место гарантии реализации субъективного права.

Придерживаясь обозначенных позиций, под гарантиями субъективных экологических прав мы предлагаем понимать совокупность условий, средств, субъективных и объективных факторов, положительно влияющих на обеспечение, реализацию, охрану и защиту прав человека и гражданина в сфере экологии, установленных в конкретном государстве.

Следует пояснить, что в данном исследовании гарантии субъективных экологических прав, имеющие место в конкретном государстве, мы относим к категории конституционно-правовых.

Данную позицию обоснуем следующим образом. Как отмечает А.П. Морозов, «построение в Российской Федерации правового государства предусматривает усиление гарантий прав, свобод и законных интересов граждан»¹⁹. Как представляется, основным нормативным документом, регулирующим данный процесс, является Конституция Российской Федерации. При этом «демократические права и свободы, записанные в Конституции и других законах государства, могут превратиться в пустые декларации, если их

¹⁵ См., напр.: Григорян Л.А. Конституция СССР – правовая основа организации и деятельности органов внутренних дел / Л.А. Григорян // Конституционно-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел: Труды Академии МВД СССР. – М., 1982. – С. 13-14; Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан / В.Н. Бутылин // Право и власть. – 2002. – № 2.; www.garant.ru

¹⁶ См., напр.: Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм: Монография. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. – С. 95; Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. – Волгоград, 1997. – С. 77-92.

¹⁷ См., напр.: Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М., 1972. – С. 111; Корешкова И.Н. Конституционные права и свободы советских граждан и их развитие в текущем законодательстве: Автореф. дисс. ... к.ю.н. – Москва, 1981. – С. 18-22; Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дисс. ... к.ю.н. – Москва, 1972. – С. 11-15.

¹⁸ Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан / В.Н. Бутылин // Право и власть. – 2002. – № 2; www.garant.ru

¹⁹ Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2002. – С. 116.

осуществление не будет материально и юридически гарантировано»²⁰. Следовательно, для того, чтобы закрепленные в Основном законе государства субъективные экологические права достигли уровня максимальной реализуемости и, соответственно, гарантированности, необходимо признать верховенство, высшую юридическую силу и определяющую значимость самого базового закона. То есть, все установленные государством гарантии, в частности, субъективных экологических прав, должны быть основаны на положениях Конституции Российской Федерации. Отмеченные положения раскрываются далее применительно к содержательному аспекту заявленной проблемы, в том числе, посредством классификации гарантий по различным основаниям.

С учетом многообразия и разноаспектности в общетеоретическом понимании гарантий перспективным в плане уяснения содержания гарантий субъективных экологических прав представляется метод классификации.

Так, еще в советский период предложено деление гарантий на базисные и надстроечные²¹, общие и специальные с последующей конкретизацией²², с точки зрения субъектов осуществления права²³. Позднее в юридической науке различали объективные (условия и средства, которые создаются и используются в охранительной деятельности общества, государства, его органов и должностных лиц) и субъективные (применяемые субъектом для защиты своих прав по собственному усмотрению) гарантии²⁴.

В настоящее время особого внимания заслуживает деление рассматриваемых гарантий на внутригосударственные и международные²⁵. Права человека, являясь категорией международного права, имеют значение соответствующих стандартов, что должно оказывать воздействие на национальный законодательный процесс и правоприменительную практику²⁶.

С учетом рассмотренных позиций представляется возможным выделение развернутой классификации субъективных экологических прав. В этих целях за основу предлагается взять научные разработки М.В. Мархгейм²⁷ с добавлением новых классификационных элементов.

Таким образом, конституционно-правовые гарантии субъективных экологических прав мы разделяем на общие и специальные. К общим отнесем политические, экономические, социальные и культурные гарантии, которые представляют собой совокупность условий, средств и факторов, имеющих место в конкретном государстве. В качестве специальных определим гарантии юридические. Здесь таковые предлагаем разделить на два уровня – внутригосударственный и международный. Причем в последнем наличествуют три подуровня: универсальный, региональный и локальный.

В специальные гарантии субъективных экологических прав считаем необходимым включить гарантии институциональные, подразделяемые по аналогии с юридическими.

В качестве самостоятельных элементов системы специальных гарантий предлагается рассматривать процессуальные и нравственные гарантии.

Самостоятельную позицию в системе специальных гарантий мы предлагаем связывать с гарантиями специально-экологическими. Особенность таковых состоит в том, что в формальном ключе обязательным элементом является понятие «экология», а в со-

²⁰ Снежко О.А. Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 1999. – С. 142.

²¹ См.: Конституционные права и обязанности советских граждан. – Киев, 1985. – С. 117.

²² См., напр.: Права личности в социалистическом обществе. – М., 1981. – С. 144; Боброва Н.А. О конституционных гарантиях основных прав, свобод и обязанностей граждан СССР / Н.А. Боброва // Советское государство и право. – 1979. – № 3. – С. 6-7; Патюлин В.А. Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации / В.А. Патюлин // Советское государство и право. – 1971. – № 6. – С. 31.

²³ См.: Еременко Ю.П. Советская Конституция и законность. – Саратов, 1982. – С. 118.

²⁴ См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 37.

²⁵ См., напр.: Дежина Д.П. К вопросу о формировании системы гарантий прав и свобод иностранных граждан в российской федерации / Д.П. Дежина // Туризм: право и экономика. – 2008. – № 2.; www.garant.ru

²⁶ См.: Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2002. – С. 120.

²⁷ См.: Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... д.ю.н. – Москва, 2005.

держательном – это есть совокупность условий, средств, субъективных и объективных факторов, имеющих место в конкретном суверенном государстве и положительно влияющих на обеспечение, реализацию, охрану и защиту субъективных экологических прав в целом. В качестве примера в формальном ключе можно привести институт обеспечения экологической безопасности, наименование органа исполнительной власти – «Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору» и т.д. С позиций содержательных подтверждают заявленный элемент классификации, например, нормативные правовые положения (гарантии), закрепленные в Конституции Российской Федерации, Федеральных законах Российской Федерации «Об охране окружающей среды»²⁸, «Об экологической экспертизе»²⁹ и пр.

Список литературы

1. Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 39.
2. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм: Монография. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. – С. 5.
3. Витрук Н.В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан / Н.В. Витрук // Правоведение. – 1964. – № 4.
4. Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 42.
5. Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2002. – С. 118.
6. Государственное право Российской Федерации. Курс лекций для юридических институтов и факультетов / Отв. ред. В.В. Лазарев. – М., 1999. – С. 124.
7. Сравнительное конституционное право. – М., 1996. – С. 310.
8. Глухарева Л.И. Механизм гарантий прав человека / Л.И. Глухарева // Право и жизнь. – 2000. – № 27. – С. 83.
9. Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2002. – С. 118.
10. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России. Монография / Под ред. Ю.М. Прусакова. – Москва: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004.
11. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – С. 305.
12. Югов А.А. Механизм реализации конституционных (основных) прав, свобод и обязанностей – ключевой компонент подлинного народовластия / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 7; www.garant.ru
13. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
14. Чхиквадзе В.М. Гарантировано конституцией: Монография. – М., 1979. – С. 49.
15. Эбзеев Б.С. Советское государство и права человека. – Саратов, 1986. – С. 69.
16. Эбзеев Б.С. Конституция. Демократия. Права человека. – Москва-Черкесск, 1992. – С. 214.
17. Югов А.А. Механизм реализации конституционных (основных) прав, свобод и обязанностей – ключевой компонент подлинного народовластия / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 7; www.garant.ru
18. Григорян Л.А. Конституция СССР – правовая основа организации и деятельности органов внутренних дел / Л.А. Григорян // Конституционно-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел: Труды Академии МВД СССР. – М., 1982. – С. 13-14.
19. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и

²⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. ФЗ РФ от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ, 29.12.2004 г. № 199-ФЗ, 09.05.2005 г. № 45-ФЗ, 31.12.2005 г. № 199-ФЗ, 18.12.2006 г. № 232-ФЗ, 05.02.2007 г. № 13-ФЗ, 26.06.2007 г. № 118-ФЗ, 24.06.2008 г. № 93-ФЗ, 14.07.2008 г. № 118-ФЗ, 23.07.2008 г. № 160-ФЗ, 30.12.2008 г. № 309-ФЗ, 14.03.2009 г. № 32-ФЗ, 27.12.2009 г. № 374-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133; www.garant.ru

²⁹ Федеральный закон Российской Федерации от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (в ред. ФЗ РФ от 15.04.1998 г. № 65-ФЗ, 22.08.2004 г. № 122-ФЗ, 21.12.2004 г. № 172-ФЗ, 29.12.2004 г. № 199-ФЗ, 31.12.2005 г. № 199-ФЗ, 4.12.2006 г. № 201-ФЗ, 18.12.2006 г. № 232-ФЗ, 16.05.2008 г. № 75-ФЗ, 26.06.2008 г. № 96-ФЗ, 23.07.2008 г. № 160-ФЗ, 24.07.2008 г. № 162-ФЗ, 8.11.2008 г. № 202-ФЗ, 30.12.2008 г. № 309-ФЗ, 9.04.2009 г. № 58-ФЗ, 8.05.2009 г. № 93-ФЗ, 17.12.2009 г. № 314-ФЗ) // СЗ РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4556; www.garant.ru

- свобод граждан / В.Н. Бутылин // Право и власть. – 2002. – № 2.; www.garant.ru
20. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм: Монография. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. – С. 95.
 21. Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. – Волгоград, 1997. – С. 77-92.
 22. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М., 1972. – С. 111.
 23. Корешкова И.Н. Конституционные права и свободы советских граждан и их развитие в текущем законодательстве: Автореф. дисс. ... к.ю.н. – Москва, 1981. – С. 18-22.
 24. Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дисс. ... к.ю.н. – Москва, 1972. – С. 11-15.
 25. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан / В.Н. Бутылин // Право и власть. – 2002. – № 2; www.garant.ru
 26. Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2002. – С. 116.
 27. Снежко О.А. Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 1999. – С. 142.
 28. Конституционные права и обязанности советских граждан. – Киев, 1985. – С. 117.
 29. Права личности в социалистическом обществе. – М., 1981. – С. 144.
 30. Боброва Н.А. О конституционных гарантиях основных прав, свобод и обязанностей граждан СССР / Н.А. Боброва // Советское государство и право. – 1979. – № 3. – С. 6-7.
 31. Патюлин В.А. Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации / В.А. Патюлин // Советское государство и право. – 1971. – № 6. – С. 31.
 32. Еременко Ю.П. Советская Конституция и законность. – Саратов, 1982. – С. 118.
 33. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 37.
 34. Дежина Д.П. К вопросу о формировании системы гарантий прав и свобод иностранных граждан в российской федерации / Д.П. Дежина // Туризм: право и экономика. – 2008. – № 2; www.garant.ru
 35. Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2002. – С. 120.
 36. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... д.ю.н. – Москва, 2005.
 37. Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. ФЗ РФ от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ, 29.12.2004 г. № 199-ФЗ, 09.05.2005 г. № 45-ФЗ, 31.12.2005 г. № 199-ФЗ, 18.12.2006 г. № 232-ФЗ, 05.02.2007 г. № 13-ФЗ, 26.06.2007 г. № 118-ФЗ, 24.06.2008 г. № 93-ФЗ, 14.07.2008 г. № 118-ФЗ, 23.07.2008 г. № 160-ФЗ, 30.12.2008 г. № 309-ФЗ, 14.03.2009 г. № 32-ФЗ, 27.12.2009 г. № 374-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133; www.garant.ru
 38. Федеральный закон Российской Федерации от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (в ред. ФЗ РФ от 15.04.1998 г. № 65-ФЗ, 22.08.2004 г. № 122-ФЗ, 21.12.2004 г. № 172-ФЗ, 29.12.2004 г. № 199-ФЗ, 31.12.2005 г. № 199-ФЗ, 4.12.2006 г. № 201-ФЗ, 18.12.2006 г. № 232-ФЗ, 16.05.2008 г. № 75-ФЗ, 26.06.2008 г. № 96-ФЗ, 23.07.2008 г. № 160-ФЗ, 24.07.2008 г. № 162-ФЗ, 8.11.2008 г. № 202-ФЗ, 30.12.2008 г. № 309-ФЗ, 9.04.2009 г. № 58-ФЗ, 8.05.2009 г. № 93-ФЗ, 17.12.2009 г. № 314-ФЗ) // СЗ РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4556; www.garant.ru

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF PERCEPTIONS OF ENVIRONMENTAL RIGHTS: CONCEPTUAL ASPECT

I. S. CHALYKH

Belgorod State University

e-mail: Chalykh@bsu.edu.ru

The article presents an analysis of scientific approaches to the definition of the subjective rights of guarantee. The author suggests the definition of subjective guarantees environmental rights and their subsequent classification. Particular attention is paid to the future allocation of special environmental safeguards.

Key words: subjective environmental law, security, implementation, security, protection, constitutional and legal guarantees.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 343.533.6

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г. А. БОРИСОВ*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
Borisov@bsu.edu.ru*

В статье процессуализация законодательства России рассматривается как господствующая тенденция его развития и функционирования. Предпринятый анализ создаст условия для институционализации соответствующей государственно-правовой закономерности, поиска путей научного ее освоения и сознательного использования. Ставится в этом контексте вопрос о модернизации общетеоретической подготовки специалистов направления «Юриспруденция», выдвигаются предложения по оптимизации всех уровней профессиональной подготовки.

Ключевые слова: теория государства и права, материальное право, процессуальное право, юридический процесс, государственно-правовая закономерность, властные полномочия, юридические ограничения, учебные программы.

I

На преобразования, происходящие в современном российском обществе и государстве, накладываются отпечаток обособление групп интересов и соответствующих им видов деятельности носителей публичной власти. С неизбежностью они нуждаются в адекватном юридическом оформлении и сопровождении, а также теоретическом обосновании и высокопрофессиональной подготовке функционеров. Умножение юридических форм государственной деятельности становится следствием усложнения социально-экономических, государственно-институциональных, научно-инновационных, образовательных и других сфер приложения инициативы и энергии людей и соответствующего углубления тенденции процессуализации законодательства России. Данная тенденция становится господствующей не только в связи с появлением новых видов государственной работы и равновеликого массива норм и институтов процессуального права, но самое главное – увязывается с укреплением требований законности при осуществлении функций государства и его органов, гарантированностью реализации прав граждан. Здесь складываются условия для упрочения разрешительного порядка деятельности органов и лиц, действующих в режиме правовых ограничений, в пределах, определяемых нормами процессуального права.

Есть, конечно, основания для суждений о наличии избыточных функций и скрытых полномочий в бюрократических структурах публичной власти, у обладающих властными полномочиями лиц. Но само наличие предметов ведения, полномочий, компетенций, нормативного порядка приведения их в действие означает введение их деятельности в правовые рамки и пределы, определяемые принципом «разрешено только то, что закреплено в законе». Разрешительный режим здесь соотносится с высокой организованностью и точностью¹ юридической деятельности государственных органов и должностных лиц, обеспечивающих осуществление властных функций в строгом соответствии с процессуальными требованиями, исключающими (существенно ограничивающими) совершение юридических действий «по усмотрению». Все это свидетельствует о наличии комплексной системы правовых средств укрепления правового порядка государственной деятельности, независимо от их разновидностей, целей осуществления и результатов.

II

Закономерность процессуализации отечественного законодательства нуждается в научном объяснении как фактора реальной жизни, в глубоком осознании формирующихся здесь потребностей, в сознательном использовании соответствующих требований объективного порядка. В зависимости от особенностей научных подходов и решений складывается определенное качество и результативность государственной деятельности, создаются условия для эффективного осуществления функций государства и его органов, но, прежде всего, гарантированной реализации прав и свобод граждан.

В настоящее время в юридической науке имеет значение сложившаяся к середине XX века характеристика процессуального права в тесной связи с правоохранительной деятельностью, т.е. доминирующим в определенных условиях был узкоотраслевой подход к характеристике юридического процесса (М. С. Строгович, В. М. Савицкий и др.). В другом варианте юридический процесс рассматривался как судебное право, объединяющее уголовное, гражданское, позже административное судопроизводство (Н. Н. Полянский, И. В. Михайловский, В. А. Рязановский и др.). Решающими аргументами в обосновании такой позиции становятся выводы о том, что правоохранительная (юрисдикционная) деятельность имеет особую специфичность, исключающую всякие параллели с другими видами (формами) государственной деятельности в силу её особого значения для прав человека. Не отрицая процессуальной природы других правовых форм государственной деятельности (правотворчество, контроль, государственная регистрация прав и др.), представители традиционного понимания юридического процесса правовой порядок исполнения соответствующей государственной работы именовали юридическими процедурами, несопоставимыми по своим показателям с юридическим процессом.

Во второй половине XX века сложилась концепция «широкой» интерпретации процессуального блока нормативных установлений и научного объяснения юридического процесса в целом (П. Е. Недбайло, В. М. Горшенев, Н. В. Витрук, В. О. Лучин и др.). При всем различии оценок внутри данного направления, его представители установили, что юридический процесс и процессуальное право складываются не только в правоприменительной деятельности управомоченных субъектов, в том числе при отправлении правосудия. Он присутствует там, где нормативно определяются предметы ведения и властные полномочия, которые нуждаются в юридическом сопровождении, т.е. принятии процессуальных норм, определяющих порядок их реализации. В соответствии с предметной характеристикой такая интерпретация создает условия для обособления видов юридической деятельности и одновременно унификации учредительного, правотворческого, правоприменительного, контрольного, надзорного, регистрационно-правоустанавливающего, официального интерпретационного процессов. Основаниями для дифференциации и унификации соответствующих видов государственной деятельности стали однопорядковые правовые формы осуществления функций государства, государственной деятельности. Состоялась при этом научная проработка и формирование системы категорий, понятий и целостной теории процессуального права, в которой юридический про-

¹ См. Алексеев, С. С. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М.: «Статут», 1999. – С. 381-382.

цесс рассматривается как комплексная система, охватывающая все разновидности правовых форм государственной деятельности. Они в равной степени имеют отношение к определению порядка её осуществления, к установлению правовых пределов осуществления полномочий органами публичной власти и другими властвующими субъектами, соответственно, к укреплению гарантий осуществления прав и свобод человека и гражданина.

Внимание сосредотачивалось на вопросах системы и систематики процессуального права, свойствах нормативности соответствующих предписаний законодательства, усилия исследователей сосредоточились на установлении особенностей процессуальных правоотношений, их согласование с категорией «юридическая процессуальная форма». Отмечая масштабность проведенных разработок и формирование научной модели юридического процесса, установим значительный научный и практический потенциал направления. Это сказывается в ходе трансформации традиционных процессуальных отраслей к новому их качеству и роли. Свидетельством тому является приведение в соответствие с потребностями жизни и общечеловеческими ценностями уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной, арбитражной и административной процессуальной отраслей, которое состоялось на рубеже XXI века. Кодифицирование традиционных процессуальных отраслей права не могло не сказаться на количестве и качестве отраслей и институтов процессуального законодательства, о чем свидетельствует изобилие административных регламентов, реформирование государственно-правовых институтов и форм, затрагивающих учредительную, правотворческую, надзорную, регистрационно-правоустанавливающую и другие правовые формы государственной деятельности. Подтверждается, что процессуально-правовые средства осуществления этих видов государственной работы нужно рассматривать в единстве. Для них свойственны общность юридической природы, социального назначения и роли как важного инструмента юридического упорядочения социальных связей, складывающихся в системе властеотношений.

Одновременно следует видеть незавершенность теории процессуального права по ряду позиций. В частности, речь о месте науки процессуального права в системе историко-теоретических наук, в системе отраслевых юридических наук. Исследователи не обращаются к особенностям методологических оснований изучения процессуального права и законодательства. Незавершенными являются представления о соотношении: абсолютные общечеловеческие ценности – основные права человека и гражданина – юридический процесс; демократия – законность – юридический процесс; государственная власть – режим её осуществления – процессуальное право. Нет сложившихся позиций о правообеспечительных средствах реализации норм процессуального права – юридической процессуальной ответственности. Исследователи, наконец, подходят к обнаружению принципов процессуального права, т. е. обращаются к фундаментальному уровню научного исследования проблемы.

III

Обнаружение закономерности процессуализации современного законодательства России, создание соответствующего блока знаний по научному объяснению порядка реализации (сознательного использования) этой закономерности предполагает сосредоточение внимания на образовательном срезе проблемы. Реальное положение дел здесь нельзя признать благополучным.

Во-первых, нет ни общей, ни специальной (уровень спецкурса) учебной дисциплины, соответственно, учебников или учебных пособий, которые бы содержали обобщенные знания о процессуальном праве, особенностях его нормативной характеристики, о юридическом процессе в целом. Дефицит профессиональной подготовки юристов на уровне общетеоретического компонента не могут восполнить отдельные параграфы действующих учебников по теории государства и права, проблемных общетеоретических курсов, академических изданий. Объем сведений о процессуальном праве, предлагаемый в учебных пособиях и учебниках несопоставим с объемом действующих и принимаемых нормативных источников, содержащих процессуальные предписания.

Во-вторых, отсутствует площадка, на которой могло бы прозвучать обоснование настоятельной необходимости модернизации учебных программ в соответствующем ключе. Прежде такую миссию выполняли координационные совещания, которые прохо-

дили под эгидой Министерства образования и продуктом которых становились типовые учебные программы. Предлагаемые сейчас рекомендации, к сожалению, не ориентируют на концептуальные построения реальных вузовских учебных программ, учебников и учебных пособий. Последний раз научное обсуждение проблем совершенствования юридического образования на общероссийском уровне имело место в 1992 году.² Между тем, на индивидуальном уровне со страниц юридических изданий звучит озабоченность относительно качества общетеоретической подготовки по юридической специальности, в частности, отсутствием общетеоретического процессуального образовательного компонента³.

Отдельно может стоять вопрос о возможностях использования трибуны Международной ассоциации процессуального права. Однако на этом пути складываются определенные трудности. Среди них можно назвать отсутствие сотрудничества с данным всемирным форумом при формировании программ его работы. При существующем порядке в программах проведения Всемирных конгрессов по процессуальному праву закладываются исключительно отраслевые (узкопрофильные) проблемы развития современного правоприменительного процесса (состязательного, следственного), обсуждение которых состоялось, например, в г. Торонто 15 июня 2009 г.⁴ Общеметодологический уровень научной проработки соответствующих проблем, к сожалению, не проникает в повестки дня работы Всемирного научного сообщества. Малоактивными при этом являются усилия отечественных научных и вузовских ассоциаций, возрастание влияние которых могло бы создавать такие условия, возможности и перспективы. Сам факт интеграции России в болонское образовательное пространство создает предпосылки для активного участия в работе научных и образовательных ассоциаций, например, Европы с очевидной пользой для всех сторон.

В-третьих, как уже отмечалось, прорабатываются пути преодоления дефицита общетеоретической процессуальной подготовки юристов. Выдвигается предложение, например, о введении новой учебной дисциплины «Общая теория процессуального права».⁵ Предложение это едва ли приемлемо по основаниям возникновения многочисленных нерешенных вопросов относительно времени и места расположения данной дисциплины в системе других учебных курсов, а также с учетом факторов рассогласования отраслевых и видовых компонентов в изучении юридических процессов. Немаловажным при этом становится фактор возрастания количества учебных курсов и дисциплин, в связи с которым потребуются дополнительное переустройство системы и др. Нецелесообразно, наконец, обособление общей теории государства и права и теории процессуального права в условиях неотработанности многочисленных проблем распределения компонентов учебного материала между уровнями профессиональной подготовки – бакалавриатской или магистерской.

Предпочтительными представляются два пути преодоления дефицита процессуальной общетеоретической подготовки по специальности «Юриспруденция».

Первый. На уровне бакалавриатской подготовки полезным было бы в учебной программе и в концепции учебного пособия предусмотреть введение положений о месте теории процессуального права в системе юридических наук и в системе учебных дисциплин правоведения. Согласованию подлежат соответствующие вопросы в теме «Система права и система законодательства». В теме учебного пособия «Функции современного государства» вопрос о правовых (процессуальных) формах государственной деятельности

² См.: Обсуждение проектов вузовской программы по теории государства и права // Государство и право. – 1992. – № 9.

³ См.: Бахрах, Д. Н. Очерки теории российского права / Д. Н. Бахрах. – М. : Изд. «Норма», 2008. – С. 190-193.

⁴ Бевзенко, Р. С. Сближение Романо-германской и англосаксонской процессуальных систем / Р. С. Бевзенко, Д. Я. Малешин, Н. С. Бочарова, И. В. Решетникова : По материалам конференции Международной ассоциации по процессуальному праву в Торонто, июнь, 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – Август. – С. 58-79 // Режим доступа: www.vestnik.ru/content.php?bc_tovar_id=49

⁵ Протасов, В. Н. О насущной потребности в новой учебной дисциплине – «общей теории процессуального права» / В. Н. Протасов // Государство и право. – 2003. – № 12. – С. 53-59.

изложить в контексте представлений о признаках, понятии и разновидностях правовых форм деятельности носителей публичной власти учредительной, правотворческой, правоприменительной, надзорной, регистрационно-правоустанавливающей и др.

В учебной программе и учебном пособии обособить раздел «Правовые формы государственно-властной деятельности в механизме правового регулирования», в пределах которого предложить к изучению темы: «Понятие и виды правовых форм деятельности субъектов-носителей властных полномочий», «Правотворчество как правовая форма государственной деятельности», «Реализация норм права. Применение норм права как правовая форма деятельности носителей властных полномочий», «Толкование нормативных предписаний (установлений) законодательства и его результаты». В других разделах и темах перепрофилировать вопросы правосознания и формирования ценностей правовой культуры носителей публичной власти, правового поведения носителей властных полномочий, процессуальной правовой ответственности и др. Здесь нет необходимости разработки дополнительных учебных дисциплин, либо чтения спецкурсов.

Второй. На уровне магистерской подготовки основная нагрузка по формированию процессуального правосознания выпускников юридических факультетов должна быть возложена на профильный курс «Современные проблемы юридической науки и производства». В условиях действия общих тенденций развития юридической науки и практики этот курс должен не только отразить основные компоненты теории процессуального права, но и юридической практики как результата любой государственно-властной деятельности, венчающейся принятием правовых актов в режиме требований законности и обоснованности. На это обратил внимание Президент РФ в Указе «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации»⁶. Формирование концепции магистерского курса «Современные проблемы юридической науки и производства» в контексте постановки вопроса о совершенствовании процессуальной подготовки выпускников юридических вузов становится сегодня актуальным и практически значимым.

В целом, обнаружение, познание, сознательное использование объективной закономерности процессуализации права и законодательства предполагает проведение тщательного анализа институциональной системы с точки зрения предпосылок формирования, правовой природы, роли и назначения совокупности правовых средств юридического упорядочения властно-организационной деятельности, юридического процесса. Важным становится установление качественных характеристик правовых форм деятельности и юридической практики, а также правообеспечительных средств. Многое зависит от состояния научных исследований и концептуальных построений, отработанности понятийного строя теории юридического процесса, широкой его интерпретации. Важной, наконец, является проблема кадрового обеспечения (прежде всего в образовательном контексте) осуществления названной закономерности. Все это обуславливает поиск путей обнаружения, научного освоения и максимально эффективной реализации названной закономерности, равно как и других государственно-правовых закономерностей, которые нужно рассматривать в системе.

Список литературы

1. О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации : [Текст] : Указ Президента РФ № 599 от 26.05.2009 г. // Российская газета. – № 97. – 29.05.2009.
2. Алексеев, С. С. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : «Статут», 1999. – С. 381-382.
3. Обсуждение проектов вузовской программы по теории государства и права // Государство и право. – 1992. – № 9.
4. Бахрах, Д. Н. Очерки теории российского права / Д. Н. Бахрах. – М. : Изд. «Норма», 2008. – С. 190-193.

⁶ О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации : [Текст] : Указ Президента РФ № 599 от 26.05.2009 г. // Российская газета. – № 97. – 29.05.2009.

5. Бевзенко, Р. С. Сближение Романо-германской и англосаксонской процессуальных систем / Р. С. Бевзенко, Д. Я. Малешин, Н. С. Бочарова, И. В. Решетникова : По материалам конференции Международной ассоциации по процессуальному праву в Торонто, июнь, 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – Август. – С. 58-79 // Режим доступа: www.vestnik.ru/content.php?bc_tovar_id=49

6. Протасов, В. Н. О насущной потребности в новой учебной дисциплине – «общей теории процессуального права» / В. Н. Протасов // Государство и право. – 2003. – № 12. – С. 53-59.

LEGITIMACY OF LAW PROCEDURATION IN RUSSIA: ISSUES OF MODERNIZATION OF LEGAL EDUCATION

G. A. BORISOV

Belgorod State University

*e-mail:
Borisov@bsu.edu.ru*

The article claims the proceduration of law in Russia to be its dominant tendency. The analysis helps to create conditions for institutionalization of the state juridical legitimacy and to search the ways of its scientific rational exploration. The author raises the question of modernization of theoretical training of students of legal speciality and formulates propositions to optimize all levels of professional education.

Key words: theory of state and law, material law, procedural law, legal process, state juridical legitimacy, power authorization, legal restrictions, educational programs.

УДК 340.03

ЮРИДИЧЕСКИЕ (ПРАВОВЫЕ) ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ: ЭВОЛЮЦИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Е. Е. ТОНКОВ*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
etonkov@bsu.edu.ru*

На основе аналитического обобщения имеющихся представлений о формах государственной деятельности в статье обосновывается авторская позиция по вопросу классификации юридических (правовых) форм осуществления функций государства в современных условиях развития общества.

Ключевые слова: государство; деятельность; функции; кризис; юридические формы; юридические последствия.

Кризисная ситуация в России сопровождается очевидным усилением значимости государственной власти в жизни общества. Возрастание доли участия государства в экономике расценивается в публичных выступлениях руководителей страны как вынужденная антикризисная мера и пока, несмотря на высказываемые некоторыми политиками и учеными опасения, не означает свертывание рыночных реформ.

Государственная власть как социальный феномен характеризуется особым статусом в силу известных особенностей ее субъекта, выделяющих государство из других институтов общества, поэтому только расширение диапазона ее влияния может обеспечить макроэкономическую стабильность и сбалансированность бюджета.

Используя авторитет и силу публичной власти, административный ресурс аппарата, государственный механизм выполняет роль мощного активатора общественной жизни, способного организовать эффективное управление обществом, реализацию социальных обязательств, создание стимулов для развития частного сектора и повышения деловой активности.

С развитием кризисной ситуации в экономике противоречивые тенденции в различных сферах жизни российского общества не могли не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства. В целях позитивного воздействия на кризисные явления право должно все более последовательно и решительно выполнять интерактивную роль, не только сопровождая меняющиеся условия общественной жизни, но и способствуя их преобразованию.

Вместе с тем, происходящие в России изменения и необходимость перехода к устойчивому развитию актуализируют вопрос о формировании внутренне непротиворечивой национальной системы права.

Как отмечала Р.О. Халфина, «противоречие между государством и правом разрешается в процессе совершенствования правового регулирования и организации системы управления»¹.

Указанный процесс включает следующие направления:

- оптимальное правовое регулирование отношений, связанных с принятием решений в сфере государственного управления;
- постоянное повышение научного уровня правотворчества и правоприменения;
- динамичное развитие и совершенствование организации управления во всех сферах жизни общества;
- неуклонное соблюдение законности, укрепление правопорядка.

* Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 годы (государственный контракт №16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.).

¹ Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988. С. 61.

Использование средств правового регулирования во всех отраслях управления проявляется как закономерность взаимосвязи государства и права. Научно обоснованное и эффективное управление социальным развитием современного российского общества входит сегодня в число наиболее перспективных направлений фундаментальных, а значит и поисковых междисциплинарных исследований. Несмотря на то, что фундаментальная наука непрерывно производит новое знание, адекватная взаимосвязь между наукой и обществом пока не сформировалась.

Новое понимание принципов взаимодействия теории с практикой социального управления, основанное на приоритете человеческих целей и ценностей, является одним из характерных признаков юридических форм государственной деятельности в условиях финансового и системного кризиса. Его объектом служит процесс деятельности государства по осуществлению функций, а задачи заключаются в разработке теоретических проблем и практических вопросов, в выработке научных рекомендаций по совершенствованию данного процесса.

Одновременно, государственная деятельность сегодня – это не строгая регламентация, а обеспечение направленности развития общества на основе его собственной правовой активности. Развитие концептуальных подходов в науке представляет собой важное направление в современном праве. Это в полной мере относится и к вопросу о классификации юридических форм государственной деятельности, который был предметом оживленных дискуссий в конце первой половины XX века, а в настоящее время фактически сошел на «нет», хотя ясности в однозначном теоретическом представлении о нем так и не прибавилось.

Одними из первых в советской юридической литературе рассматриваемый вопрос исследовали С.А. Голунский и М.С. Строгович, которые выделяли следующие формы:

- законодательствование, заключающееся в установлении высшей государственной властью общих обязательных правовых норм (издание законов);
- управление (административная деятельность), состоящее в том, что органы государства разрешают различные вопросы, возникающие в связи с осуществлением государством его функций, обеспечивают исполнение законов и т.д.;
- правосудие, когда особый государственный орган – суд – разрешает в установленном законом порядке уголовные и гражданские дела².

Однако данная концепция не охватывала многообразия форм реализации функций государства и, следовательно, не могла рассчитывать на обобщение государственной деятельности по отношению к функциям государства. К тому же в основе ее классификации не было единого критерия, правильно определявшего избранную группировку форм деятельности.

Например, основанием выделения в качестве особой формы правосудия служила специфика деятельности судебной системы. Выделение же в качестве самостоятельной формы законодательства обусловлено лишь частным основанием классификации деятельности представительных органов, которые наряду с законодательством осуществляют и другие полномочия – избирают и назначают всевозможные исполнительные органы, осуществляют контроль и т.д.³

Другими авторами предпринята попытка более глубоко охарактеризовать формы деятельности государства с учетом раздельного рассмотрения особенностей самостоятельных сторон деятельности органов государства – чисто фактической и правовой. Фактическая деятельность органов государства представлялась как комплекс или система последовательных действий по осуществлению управленческих мероприятий в различных областях жизни. Деятельность органов государства постоянно порождает ряд общественных отношений, которые объективно могут формироваться в различных вариантах.

В разработку данной проблемы значительный вклад внес И.С. Самощенко, который определил правовые формы реализации функций государства, как однородную по своим внешним признакам (характеру и юридическим последствиям) деятельность орга-

² См.: Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. С. 54.

³ См.: Горшенев В.М. Способы и организационные средства правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 111.

нов государства по руководству обществом путем издания правовых актов в отличие от организационных форм, не влекущих за собой последствий⁴.

Характер юридических последствий, порождаемых каждой из форм деятельности, отражает различные способы управления обществом с помощью права. В одну правовую форму И.С. Самощенко объединялась однородная по своим внешним признакам, характеру и юридическим последствиям деятельность государства (государственного органа) по руководству обществом путем издания правовых актов⁵.

По его мнению, она служит для выяснения того, каким образом государство использует право для решения своих задач и как механизм государства осуществляет свои функции. Им были определены следующие правовые формы:

- правотворческая деятельность по установлению правовых норм;
- оперативно-исполнительная деятельность по предоставлению прав и возложению обязанностей по отношению к подвластным субъектам, деятельность по реализации правовых норм;
- правоохранительная деятельность, связанная с рассмотрением и разрешением споров, привлечением к юридической ответственности.

Таким образом, на уровне теоретического обобщения был поставлен вопрос о том, что от правовых форм деятельности государства необходимо отличать чисто фактические или организационные (неправовые) формы реализации его функций, не создающие юридических последствий.

В конце 60-х гг. XX века М.И. Байтин модифицировал созданную И.С. Самощенко юридическую конструкцию, предложив относить к правовым формам реализации функций государства правотворческую и правоприменительную деятельность, которая, в свою очередь, подразделяется на оперативно-исполнительную и правоохранительную⁶.

Оперативно-исполнительная деятельность подразумевает организацию выполнения предписаний правовых норм государственными органами (должностными лицами) в установленном процессуальном порядке путем создания, изменения или прекращения правоотношений, а правоохранительная включает охрану норм права, применение мер государственного принуждения, обеспечение исполнения наказания.

Впоследствии В.М. Горшеневым был обоснован критерий классификации юридических форм – отношение форм деятельности к действующей системе права.

Несмотря на это, он также выделял две *главные* правовые формы:

- правотворческую, вносящую изменения в действующую систему норм и порождающую новые нормы права;
- правоприменительную, применяющую действующие нормы права и тем самым порождающую, изменяющую или прекращающую конкретные правоотношения⁷.

Аналогичной позиции придерживался и С. А. Боголюбов, который различал правотворческую и правоприменительную (оперативно-исполнительную и правоохранительную) юридические формы деятельности. При этом контрольно-надзорные полномочия он считал неотъемлемым компонентом других форм деятельности, мотивируя это тем, что отрыв надзора и контроля от правотворческой, правоисполнительной и правоохранительной форм деятельности делает необходимым создание органов надзора, свободных от иных задач, приводит к разобщенности исполнения, юрисдикции и надзора, формализации надзора, усилению начал созерцательности в осуществлении надзора⁸.

Несмотря на значительное количество работ теоретического и прикладного характера, исследующих в различных аспектах проблемы государственной деятельности, отчетливо просматривается недостаточность фундаментальных исследований правовых и

⁴ См.: Самощенко И. С. О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 85-87.

⁵ См.: Там же, с. 81.

⁶ См.: Байтин М.И. О формах осуществления функций социалистического государства // Ученые записки СЮИ. Вып. 18. Саратов, 1969. С. 264 – 265.

⁷ См.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1972. С. 123-124.

⁸ См.: Боголюбов С.А. Правотворческая и иные правовые формы деятельности Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховных Советов Союзных Республик // Правоведение. 1973. № 4. С. 17 – 25.

организационных форм деятельности государства, особенностей механизма политико-правового регулирования, соотношения политики и права при формировании государственной стратегии, конфликта правовых ограничений и правовых возможностей.

На наш взгляд, основным индикатором отсутствия четкости и однозначности в трактовке правовой формы является недостаточно развитый понятийный аппарат. Одновременно, различные понятия юридической формы, образованные в правоведении, преимущественно олицетворяют масштабные регулятивные системы, включающие объем юридических явлений, превосходящий рамки юридической формы, находящийся фактически за ее пределами.

Формы осуществления функций государства, безусловно, связаны со спецификой государственной деятельности. Вместе с тем, о специфике видов государственной деятельности можно говорить здесь в смысле форм ее реализации, но не ее содержания.

По мнению Д.А. Керимова, необходимо вывести различие понятий «правовая форма» и «форма права». Первое выражает право в целом по отношению к другим факторам общественной жизни, а второе имеет в виду одну из форм собственно права как относительно самостоятельного феномена. Выявленное различие имеет существенное значение.

Если юридическая форма может выступать в качестве формы экономического развития, формы государственной политики, формы научно обоснованного управления социальными процессами, формы гуманистических или нравственных идеалов общества и т.д., то форма права может рассматриваться и как форма целостного типа права определенной исторической формации (система и структура права), и как форма части этого целого (отрасли, институты, нормы права), и как формы систематизации права (инкорпорация и кодификация права), и как форма реализации права (правоотношение и др.); пути и способы воздействия права на регулируемые общественные отношения⁹.

Для повышения эффективности государственной деятельности необходимы общие принципиальные положения, которые могли бы служить в качестве общего критерия для применения к различным людям в различных обстоятельствах. Это условие обеспечивается при помощи права, нормы которого носят общеобязательный характер.

Нормативное регулирование, осуществляемое органами государства, всегда носит правовой характер. Оно реализуется при помощи соответствующих организационно-правовых форм, которые служат средствами упорядочивания деятельности органов государства и поведения людей.

Под формами осуществления функций государства в современном отечественном правоведении понимаются, во-первых, деятельность основных звеньев механизма государства, специфика видов государственной деятельности в отличие от деятельности негосударственных организаций; во-вторых, однородная по своим внешним признакам деятельность органов государства по выполнению функций государства¹⁰.

Правовые формы немислимы без чисто фактической, организационной деятельности, а в некоторых случаях неправовые формы даже являются основанием или предшествующим этапом для реализации правовых форм деятельности. В то же время форма организационной, фактической деятельности, так или иначе, реализуется в пределах определенного регулирования, на основе выполнения требований законности.

К неправовым формам осуществления функций государства можно отнести организационную, воспитательную, культурно-просветительную, технико-исполнительную деятельность государства. Примером организационной и технико-исполнительной деятельности является инструктирование, рабочее планирование, проведение совещаний, контроль за исполнением принятых решений и т. д.

Таким образом, неправовые формы включают в себя ту часть государственной деятельности, которая не связана с созданием, применением норм права и не порождает в результате юридических последствий.

В правовых формах отражаются неразрывная связь и взаимозависимость государства и права, подчеркивается необходимость государства действовать при реализации своих функций строго в рамках закона.

В современной юридической литературе обычно выделяют три правовые формы реализации функций государства – правотворческую, правоисполнительную и правоох-

⁹ См.: Керимов Д.А. Основы философии права. М., 1992. С. 114.

¹⁰ См.: Теория государства и права / отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2008. С. 80.

ранительную, а в последние годы, в связи с повсеместным развитием рыночных отношений – еще и договорную¹¹.

На наш взгляд, механизм правового регулирования представляет собой систему, включающую юридические формы государственной деятельности, являющиеся способом реализации норм материального права, своеобразной формой жизни закона. Это находится в соответствии с принципом системного подхода, который создает предпосылки для создания в обществе условий, дающих возможность органам государства оперативно выявлять проблемные ситуации и предпринимать целенаправленные действия по их локализации, а также использовать механизм координации и интеграции интересов и потребностей.

Кроме того, данный подход можно считать вполне закономерным результатом сложившейся на постсоветском пространстве научно-правовой традиции, которая существовала и продолжает во многом главенствовать с советских времен. Правовые формы в их традиционном «наборе» по-прежнему рассматриваются как способы или средства воздействия государства на общественные процессы. Такие представления последовательно отражают присущую советскому строю идеологию верховенства государства над личностью, которой отводилось место объекта воздействия со стороны государственных органов.

Отчетливо обнаруживается тенденция к увеличению в различных исследованиях числа форм государственной деятельности и соответственно усложнению их классификации. Указанная тенденция не является случайной, а сформировалась в результате развития всей государственности, в частности, усложнения государственной деятельности по масштабности и содержанию задач и функций, демократизации общества, возрастания роли правительственных органов всех звеньев и т.д.

Одновременно, здесь нашло отражение стремление некоторых отечественных правоведов создавать внешне объемные, но фактически – громоздкие в смысловом плане и неудобные для восприятия на уровне обыденного сознания юридические конструкции. Наряду с расширением сферы деятельности государства, изменения его направленности в сторону обеспечения прав и свобод человека и гражданина, возникает необходимость в уточнении форм государственной деятельности.

На наш взгляд, государственная деятельность является составной частью механизма правового регулирования, носит процедурно-процессуальный характер, влечет обязательное наступление юридически значимых последствий и осуществляется в следующих юридических формах:

- *правотворческой*, включающей законодательствование как высший вид правотворчества;
- *правоуправленческой*, означающей способ осуществления государственной деятельности, который получает развитие в ходе основанного на законах и направленного на реализацию нормативных правовых актов процесса осуществления органами исполнительной власти функций государства по оказанию населению государственных услуг в соответствии с установленными административными процедурами и регламентами;
- *правоохранительной*, представляющей собой властный оперативный и правоприменительный процесс охраны правопорядка и общественной безопасности, реальной защиты путем пресечения нарушения и восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина, создания необходимых и достаточных условий для доступа населения к правосудию;
- *контрольной*, содержащей, как более широкое понятие, реализацию надзорных полномочий.

Предложенные формы охватывают в полной мере объем и содержание государственной деятельности, включая в себя другие, менее значимые способы внешнего выражения реализации полномочий государства.

В условиях экономического кризиса именно правоуправленческой форме государственной деятельности свойственно целесообразное расширение способов правового регулирования, в том числе за счет партнерского договора, который, более характерный для отношений равностатусных субъектов, способствует единению и повышению эффективности публично-правовой деятельности.

Правоуправленческая форма предназначена для упорядочения государственной деятельности и обеспечивает юридическое сопровождение перевода ее в новое качест-

¹¹ См.: Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 337.

венное состояние, основанное на толерантном понимании сущности властеотношения, неотъемлемым элементом которого является партнерский договор как способ правового регулирования.

Юридические формы государственной деятельности под влиянием объективно-диалектических и волеустановленных факторов развиваются в содержательном и видовом смыслах, что дает основания выделять наряду с традиционными новые подходы к их систематизации. По нашему мнению, целесообразно в качестве критериальной основы классификации юридических форм исходить из вида осуществляемой государственной деятельности.

В теории права юридическая форма представлена и как деятельность, и как структура права, и как совокупность источников права, и как процедура.

На наш взгляд, для корректной в научном смысле трактовки данного вопроса следует четко понимать философское значение категорий «форма» «содержание» и «деятельность».

Задачи и функции государственной деятельности реализуются в конкретных действиях органов и должностных лиц, ее осуществляющих. Эти действия находят внешнее выражение в определенных формах государственной деятельности.

Следовательно, форма есть объективированное выражение сущности деятельности органов и должностных лиц, которые осуществляют государственную деятельность. Так как посредством форм практически реализуются задачи и функции государства, то от использования тех или иных форм в значительной мере зависит успех государственной деятельности. Формы призваны обеспечивать наиболее целесообразное выполнение функций государства. Многообразие задач и функций государства обуславливает существование различных форм государственной деятельности, которые предусматриваются законами и иными правовыми актами.

Юридические формы государственной деятельности под влиянием объективно-диалектических и волеустановленных факторов развиваются в содержательном и видовом смыслах, что дает основания выделять наряду с традиционными новые подходы к их систематизации.

Юридическая форма государственной деятельности соответствует способу правоприменения, виду юридического процесса и характеризует процессуальное урегулирование властной деятельности субъектов.

Список литературы

1. Байтин М.И. О формах осуществления функций социалистического государства // Ученые записки СЮИ. Вып. 18. Саратов, 1969. С. 264 – 265.
2. Боголюбов С.А. Правотворческая и иные правовые формы деятельности Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховных Советов Союзных Республик // Правоведение. 1973. № 4. С. 17 – 25.
3. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940.
4. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1972.
5. Керимов Д.А. Основы философии права. М., 1992.
6. Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2008.
7. Самощенко И. С. О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 85-87.
8. Теория государства и права / отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2008.
9. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988. С. 61.

LEGAL FORMS OF STATE ACTIVITY: TRANSFORMATION IN CRISIS CONDITIONS

E. E. TONKOV

Belgorod State University

e-mail:
etonkov@bsu.edu.ru

This article deals with the author's position on legal forms classification and carrying out state functions in modern conditions of state development according to the analytical summary of theories on state activity forms.

Key words: state, activity, crisis, functions, legal forms, legal consequences.

УДК 343.985

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В. Е. ТОНКОВ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: vtonkov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в частности, с оценкой правоприменителем сбыта наркотических средств. Показано, что идентификация конкретного наркотического средства – важный момент при квалификации преступлений, а определение наркотического средства в законе является формально-юридическим. Поэтому при расследовании и рассмотрении данной категории дел обязательным условием является наличие заключения биологической или химической судебных экспертиз.

Ключевые слова: наркотические средства, сбыт, квалификация, преступление, экспертиза.

Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, представляются традиционно сложными для правоприменителя, несмотря на постоянное совершенствование законодательства. Однако, по мере возрастания усилий законодателя по восполнению пробелов в праве и преодолению имеющихся коллизий, активизируется и преступная деятельность. В частности, появляются завуалированные способы маскировки предмета незаконного деяния, распространяется практика использования новых видов сырья для производства наркотических средств.

Так, все большую востребованность, с учетом относительной легальности их продажи и появления новых производственных технологий, приобретают семена кондитерского мака (на сленге наркоманов – «семечки»), многие годы применяющиеся не только в хлебопекарной промышленности, но и для приготовления ацетилированного опия.

Возникает обоснованный вопрос: пищевой мак – это начинка пирожка или шприца? Значительная часть потребителей наркотиков в последнее время предпочитают криминальному героину кондитерский мак, так называемый «наркотик в законе», который содержит в своем составе некоторое количество примеси – маковой соломы, являющейся наркотическим средством.

В связи с этим по стране прокатилась волна уголовных дел в отношении лиц, занимающихся реализацией семян мака. Периодические печатные издания, Интернет-сайты, пресс-службы различных ведомств рапортуют о разоблачении преступных групп, сообществ, промышлявших сбытом «наркотического мака».

Так, предприниматели Пронякин и Дементьев привлечены к уголовной ответственности за торговлю кондитерским маком как за сбыт наркотиков. Это, пожалуй, самое «пропиаренное» уголовное дело, получившее название, ставшее нарицательным для подобной категории – «дело бакалейщиков». Сам предмет преступлений окрестили *булочным зельем и маковым горем*.

Центрально-Черноземный регион в упомянутой борьбе также не стал исключением, поскольку действительно проблема свободной реализации семян кондитерского мака, содержащих в своем составе наркотические средства, на сегодняшний день довольно актуальна.

В связи с изложенным определенным интерес представляют некоторые вопросы, возникающие при квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, где предметом выступает именно семена мака, которые являются важным сырьем и для хлебопекарной промышленности.

С одной стороны, лавинообразный поток уголовных дел, возбуждаемых правоохранительными органами, легкость их направления в суды для рассмотрения по существу свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что обозначенная проблема существует лишь в

теории. Однако это не так, поскольку практика рассмотрения подобных уголовных дел в судах неоднозначна. По ряду дел есть осужденные к реальному лишению свободы либо отсидевшие в следственных изоляторах, имеются также случаи прекращения уголовных дел, в том числе Верховным судом РФ в порядке кассационного производства.

Одной из главных особенностей этих преступлений представляется то, что сам по себе кондитерский (пищевой) мак не является наркотическим средством, соответственно он не включен в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации¹.

По большому счету, в некоторой степени можно говорить об *отсутствии предмета преступления*, необходимого для квалификации действий по статьям уголовного закона, предусматривающим ответственность за незаконный оборот наркотиков. Как известно, наркотическое средство, как предмет преступления, является обязательным признаком одного из элементов состава преступления, в связи с чем его наличие представляется небесспорным.

В то же время, результаты исследований семян кондитерского мака позволяют сделать вывод о том, что на рынке присутствуют как семена мака с примесью маковой соломы в виде семенных коробочек и т.д., так и без примесей.

Фактически в нашей стране не существует запрета на оборот кондитерского (пищевое) мака, если он не кустарного производства, прошел соответствующую сертификацию.

Одним из препятствий в квалификации уголовно-правовых деликтов в этой сфере является то, что на законодательном уровне не определены те критерии, по которым семена мака необходимо относить либо к наркотикам, либо к сырью пищевой промышленности. Дело в том, что до 2007 года на этот вид «товара» существовал государственный стандарт, позволявший ограничивать его реализацию по мотивам несоответствия ГОСТу².

С 1 января 2007 года в России действует новый ГОСТ 52533-2006 в отношении семян мака. Однако данный вид нормативного регулирования признать таковым нельзя, поскольку он является бланкетным, что, представляется, недопустимо при формировании регулятивной основы общественных отношений. В нем указано, что процент содержания наркотических веществ определяется нормативным актом. Парадоксально, но такого документа до настоящего времени нет.

Неоднозначное отношение и видение перечисленных проблем порождает различные точки зрения.

Так, адвокат Н. Андреева, специализирующаяся в основном на участии по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, полагает, что правоохранительные органы в данном случае произвольно расширяют толкование статей УК РФ: человек привлекается к ответственности не за нелегальный оборот наркотиков, а за примесь, что уголовным законом не предусмотрено³.

Так любого человека можно привлечь к ответственности: подключить к делу ведомственную экспертизу, она определит объект исследования как «смесь». И если наркотическое средство, входящее в состав этой смеси, относится к Списку 1 запрещенных наркотических средств (всего их три), его вес будет определяться весом всей смеси. По этой логике, найди следы героина в мешке с мукой, можно спокойно считать его мешком героина. Проблема, на наш взгляд, создается искусственно.

Приоритетная задача Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков – выявление и пресечение их незаконного оборота. При этом в компетенцию ФСКН вовсе не входит контроль за пищевой продукцией. Мак проходит через таможенную, а потом к уголовной ответственности привлекают продавца либо посредника. Арестовываются сотни покупателей мелких партий мака. И статистика задержания таких псевдопотребителей наркотиков устрашающе резко подскакивает.

¹ Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 27. – Ст. 3198.

² По упомянутому «делу бакалейщиков» соответствующий ГОСТам пищевой мак поступал к предпринимателям по договору поставки из Краснодара при наличии необходимых документов (санитарно-эпидемиологические сертификаты и т.д.).

³ Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2009. – 19 февраля. – № 4852.

По мнению уже упоминавшейся нами Н. Андреевой необходима предварительная лингвистическая экспертиза законодательных актов, чтобы устранить противоречия между ними. Так, в частности, существует острая потребность в четкой разработке законодательных понятий «смеси» и «примеси». Сегодня их в законодательстве нет. Внятного и однозначного определения с учетом уже имеющегося в Единой конвенции о наркотических средствах и психотропных веществах требует и понятие наркотического средства, неоднократно подвергавшееся различным официальным и доктринальным толкованиям Бессспорно, нужен и строжайший таможенный контроль.

Напротив, практика и скорость появления уголовных дел «о маке» свидетельствует, как нам кажется, о полном абстрагировании правоохранительных органов от выработанных и закреплённых правил квалификации преступлений.

Анализ ряда уголовных дел в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении незаконного сбыта наркотических средств, выявил неоднозначную позицию органов предварительного расследования именно в отношении формулировки обвинения. Так, к примеру, в значительной части изученных фабул основной акцент обвинения был сделан на вменении подследственным непосредственно сбыта наркотического средства – семян мака, содержащих опий и маковую солому в том или ином количестве.

Приведенная позиция правоприменителей представляется спорной в силу ряда обстоятельств. Во-первых, продавец не реализует само наркотическое средство, поскольку, как уже было сказано, семена мака не причислены законодателем к наркотическим средствам и таковыми не являются. Во-вторых, опий в отличие от маковой соломы не содержится в семенах мака в чистом виде, что не позволяет говорить о его сбыте. Процесс приготовления («вытяжки») опия⁴ из промышленного мака, употребляемого внутривенно наркоманами, – довольно трудоемкий, требующий специальных познаний в этой области, кардинально отличающийся от процесса выпечки пирожка с маковой начинкой.

Наиболее распространенным способом приготовления опия является его «замачивание» и «выпаривание» при помощи промышленного растворителя, уксуса, некоторых медицинских препаратов (в частности, ацетилсалициловой кислоты). Изложенное уже не позволяет говорить о сбыте семян мака, как наркотического средства. В-третьих, примесь маковой соломы в промышленном (пищевом) маке настолько ничтожна, что для удовлетворения разовой потребности лиц, употребляющих наркотики, потребуется несколько килограммов подобной смеси, что представляется экономически неоправданным для указанных лиц, если подобная формулировка применима в данном случае.

Кроме того, как указывается выше, по большому счету продажа пищевого мака, даже если его содержание не соответствует требованиям ГОСТа, не является преступным деянием, так как сами семена мака не отнесены к наркотическим средствам, не запрещены в гражданском обороте, легально продаются в большинстве торговых точек по продаже бакалеи.

Еще одним доказательством спорности квалификации исследуемых криминальных деликтов является следующее обстоятельство, выявленное в ходе изучения уголовных дел данной категории, а также участие в судебных заседаниях по ним. По ряду уголовных дел формулировка обвинения построена, как «сбыт наркотических средств – опия и маковой соломы, содержащихся в семенах мака».

На первый взгляд, она в большей степени соответствует требованиям закона и правилам квалификации преступлений в отличие от «сбыта семян мака, содержащих в себе...», и формально семена мака действительно используются для изготовления наркотика.

С другой стороны правоохранительными органами в установленном законом порядке вещество, изготовленное из семян мака, не изымалось и не исследовалось экспертами, поскольку в большинстве случаев было употреблено. В ходе производства предварительного расследования и судебных заседаний по уголовным делам ни в одном из них не добыто и не представлено доказательств того, что из семян мака был изготовлен именно наркотическое средство – опий.

⁴ В качестве уточнения хотелось бы заметить, что из семян мака получается не чистый опий, а самодельные наркотики опиатной группы («ширка», «ханка»), который, однако, вреднее для организма человека, чем сваренный из частей мака, поскольку содержит больше опасных химических примесей.

Следовательно, это не более, чем предположение, основанное лишь на показаниях приобретателей семян, которые, хотя и обладают специальными познаниями в области приготовления наркотических средств, однако не имеют права на проведение соответствующих экспертиз, в связи с чем их пояснения в данной части о том, что они знали, какое вещество в результате получено, доказательственного значения не имеют.

Идентификация конкретного наркотического средства – важный момент при квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а определение наркотического средства в законе является формально-юридическим, в связи с чем, при расследовании и рассмотрении данной категории дел обязательным условием является наличие заключения биологической или химической судебных экспертиз. При квалификации преступлений следует учитывать, что заключение экспертизы нельзя заменить, в том числе, и показаниями свидетеля о том, что ему известен характер соответствующего наркотического вещества.

Количественно-качественные характеристики наркотического средства (количество, вес, химический состав и т.д.) – это также существенные составляющие процесса квалификации деяния, так как, например, крупный и особо крупный размеры наркотиков являются в большинстве случаев квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками, и наоборот, небольшой объем приобретаемого или хранящегося наркотика без цели сбыта вовсе не влечет наступление уголовной ответственности.

Другими словами, если отсутствует наркотическое средство, обладающее определенными характеристиками, отсутствует и состав преступления.

Таким образом, описанное выше, полагаем, подтверждает тезис о наличии своеобразных сложностей в квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в случаях, когда предметом деликта выступает такой специфический «товар», как семена мака.

Конечно, мы не пытаемся оправдать действий продавцов бакалеи, основным либо единственным товаром в магазинах которых являются семена промышленного мака, которые достоверно знают цель его приобретения, имеют узкий круг покупателей и т.д.

Однако принцип законности уголовного права и правила квалификации преступлений, выработанные традициями отечественной уголовно-правовой науки и ее классиками, никто не отменял. Поэтому, с учетом представленной противоречивости и очевидной неопределенности в вопросах квалификации деяний в рассматриваемой сфере, мы полагаем следующее.

Семена пищевого мака, изготавливаемые для потребностей кондитерской и хлебопекарной промышленности проходят в соответствии с технологией обязательную обработку и очистку от посторонних примесей, в связи с чем, «вытащить» из такого вещества наркотик не представляется возможным, поскольку концентрация в нем опия ничтожно мала и, говоря «математически», стремится к нулю, в связи с чем, такой мак интереса для наркоманов не представляет. Очевидно, что предметом всех вышеописанных преступлений являются семена мака неочищенные, не прошедшие соответствующей обработки. Следовательно, в них имеются какие-либо примеси, в т.ч. маковой соломы, пусть и в небольших количествах.

С учетом того, что законодатель сконструировал уголовно-правовую норму о сбыте наркотических средств безотносительно их размера (основной состав ст. 228.1 УК РФ) и реализация наркотиков в незначительном размере уже образует состав оконченного преступления, у правоприменителя существует реальная возможность осуществлять уголовное преследование таких бакалейщиков. Поэтому по изложенным выше основаниям мы считаем *неправомерным вменение им в объем обвинения незаконный сбыт опия*.

Несколько слов хотелось бы добавить о пресловутом ГОСТе Р 52533-2006, к которому в 100% случаев апеллируют правоприменители, ссылаясь на несоответствие ему реализуемых семян мака. В соответствии с ГОСТом на территории России с 1 января 2007 года действует национальный стандарт «Мак пищевой. Технические условия ГОСТ». Согласно ему семена пищевого мака не должны содержать сорной (органической) примеси: частиц листьев, стеблей, коробочек, корзинок, стручков, маковой соломы. Наличие в списке последнего вида примеси магически действует на правоохранительные органы, которые зачастую только и ссылаются на установленный государством стандарт при ква-

лификации преступлений. В этой связи полагаем необходимым заметить, что не единственным источником уголовного права является УК РФ и совершенное деяние должно соответствовать установленным в Кодексе запретам, а реализация товаров, не соответствующих ГОСТу в данном случае преследуется в соответствии с административным законодательством.

На основании изложенного, отметим, что существенным изъяном современного этапа развития уголовно-правовой науки нам представляется ситуация отступления от исторического наследия, когда даже имеющиеся *общетеоретические положения в области квалификации находят весьма незначительное применение в судебной практике.*

Исследование особенностей квалификации преступлений данного вида является важным резервом повышения эффективности производства по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков. Поэтому необходимость обращения к обозначенной проблеме вызывается, в первую очередь, потребностями правоприменительной практики.

Однако, если правоприменитель (особенно на стадии предварительного расследования) не отойдет от своих неписаных правил «палочной системы» и убеждений типа «суд разберется», а законодатель по-прежнему не будет принимать во внимание разработки юридической доктрины, можно с сожалением констатировать досадное снижение уровня использования научных подходов в процессе правотворчества и правоприменения.

Список литературы

1. Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 27. – Ст. 3198.
2. Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2009. – 19 февраля. – № 4852.

UP-TO-DATE PROBLEMS OF TRAFFIC-RELATED OFFENCES QUALIFICATION

V. E. TONKOV

Belgorod State University

e-mail: vtonkov@bsu.edu.ru

The article is devoted to the problems of traffic-related offences qualification. It deals with judicial functionary officer's assessment of drug-traffic. The author shows that identification of particular narcotic drug is very important in crimes offences qualification. But in accordance with legislation identification of narcotic drug is very formal. It is stated that investigation of traffic-related offences requires biological and chemical forensic reports.

Key words: narcotic drugs, drug-traffic, qualification, offence, expertise.

УДК 343.533.6

СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ В РОССИИ

Е. А. ИСАЙЧЕВА*Самарский государственный
экономический университет**e-mail:
Fingerprints2005@yandex.ru*

В данной статье предлагаются способы борьбы с недобросовестной конкуренцией и рассматриваются основные этапы развития конкурентного законодательства. Отмечаются проблемы, которые возникают при попытке систематизации конкурентного законодательства.

Ключевые слова: борьба, недобросовестная конкуренция, надлежащая реклама, конкуренция, стратегии, конкурент, конкурентоспособность.

Конкуренция – это состязательность хозяйствующих субъектов, предпринимателей, когда их самостоятельные действия эффективно ограничивают возможности каждого из них воздействовать на общие условия обращения товаров на данном рынке и стимулируют производство тех товаров, которые требуются потребителю. Степень защищённости сферы конкурентных отношений зависит от уровня развития национальной экономики.

«Устанавливая правила, обеспечивающие благоприятные условия для развития конкурентной среды, государство одновременно стремится свести к минимуму отрицательные последствия проявления недобросовестных конкурентных действий, вводя для этих целей в действующее законодательство признаки недобросовестной конкуренции и очерчивая круг запрещенных при занятии предпринимательством действий, подлежащих пресечению»¹, – считает О.А. Городов.

В настоящее время законодательным актом, регулирующим конкурентные отношения, является Федеральный закон от 26.07.2006 "О защите конкуренции"² № 135 – ФЗ, в соответствии с которым происходит объективный процесс повышения качества товаров, снижения их удельной цены. Однако как показывает практика, указанного закона недостаточно для того чтобы урегулировать сферу конкурентных отношений. Чтобы выработать необходимую стратегию борьбы с недобросовестной конкуренцией, необходимо проследить, каким образом в России складывалось антимонопольное законодательство, и учесть опыт в дальнейшем.

Историю развития законодательства о конкуренции можно разбить на несколько этапов: первым этапом развития, несомненно, можно назвать Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»³ (1991 год). В июле 1991 года был создан Государственный комитет Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, позже – Государственный антимонопольный комитет, в 2003 году – Министерство по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства, преобразованное в Федеральную антимонопольную службу Российской Федерации (ФАС России). Изучение опыта расследования дел по фактам нарушений антимонопольного законодательства показывает, что Закон о конкуренции 1991 года не в полной мере приспособлен к экономическим процессам в России, и уже в 1993 году стала очевидной необходимость его существенного обновления и дополнения. Вторым этапом является формирование конституционных основ конкурентного законодательства. Конституция РФ гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку

¹ Городов О.А. Недобросовестная конкуренция: теория и правоприменительная практика // Статут. – 2008.

² Федеральный закон "О защите конкуренции": офиц. текст. – Собрание Законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

³ Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»: офиц. текст. – Бюллетень нормативных актов, № 2-3, 1992.

конкуренции. При этом понятие «поддержка конкуренции» трактуется в Конституции РФ в соответствии с Законом о конкуренции 1991 года. Таким образом, закреплены правовые начала в регулировании конкуренции, заложен правовой фундамент для формирования цивилизованного рынка.

Третий этап в развитии конкурентного законодательства начался в 1994 году в связи с принятием нового ГК РФ. Так, часть 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускает использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Четвёртый этап – создание новых направлений Закона о конкуренции 1991 года. Ценовое регулирование деятельности хозяйствующих субъектов доминирующих на рынке, которое в настоящее время реализуется преимущественно в рамках регулирования деятельности субъектов естественных монополий на базе Федерального закона от 17 августа 1995 года № 147-ФЗ «О естественных монополиях»⁴, а также специальных законов (например, Федеральный закон «О государственном регулировании тарифов на электрическую энергию»).

В целях защиты от недобросовестной конкуренции в области рекламы, предотвращения и пресечения ненадлежащей рекламы в 1995 году был принят Федеральный закон «О рекламе». В настоящее время действует Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38 – ФЗ «О рекламе»⁵.

Пятый этап – формирование законодательства о защите конкуренции на рынке финансовых услуг (банковских, страховых и иных, связанных с денежными средствами юридических и физических лиц).

Закон «О защите конкуренции» № 135 – ФЗ определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции, в том числе предупреждения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции; недопущения, ограничения, устранения конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, иными соответствующими органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком РФ.

Российское законодательство содержит открытый перечень актов недобросовестной конкуренции, сформулированных в ст. 14 Федерального закона «О защите конкуренции». Согласно указанной статье не допускается недобросовестная конкуренция, в том числе:

- распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации;
- введение в заблуждение в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара или в отношении его производителей;
- некорректное сравнение хозяйствующим субъектом производимых или реализуемых им товаров с товарами, производимыми или реализуемыми другими хозяйствующими субъектами;
- продажа, обмен или иное введение в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации работ, услуг;
- незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну.

Защита отношений добросовестной конкуренции по своей природе имеет конституционно-правовую основу. Статья 8 действующей Конституции РФ прямо закрепляет конкуренцию как необходимый элемент конституционного строя России. Статья 34 Конституции обязывает государство обеспечить свободу экономической деятельности и поддерживать конкуренцию, запрещая лишь монополизацию этой деятельности и недобросовестную конкуренцию, провозглашает равенство всех форм собственности и их равную защиту. Эта конституционная норма нашла отражение в ст. 10 ГК РФ. При этом основное

⁴ Федеральный закон «О естественных монополиях»: офиц. текст. – Собрание Законодательства РФ, 21.08.1995, № 34, ст. 3426.

⁵ Федеральный закон «О рекламе»: офиц. текст. – Собрание Законодательства РФ 2008 г., № 45, ст. 67.

средство борьбы с недобросовестной конкуренцией – это обращение в антимонопольные органы, которые вправе давать предпринимателям, использующим недозволенные формы конкуренции, предписания о прекращении нарушений, а при невыполнении предписаний – налагать штраф. В случае причинения недобросовестной конкуренцией убытков предприниматель вправе обратиться в суд общей юрисдикции или арбитражный суд с иском об их возмещении.

Принято считать, что уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции наиболее эффективна, хотя, в настоящее время она не находит своего отражения в Особенной части УК РФ. В действовавшем ранее УК РСФСР была статья, посвящённая нарушению антимонопольного законодательства (ст. 175.1). Она устанавливала ответственность за «неисполнение в срок должностным лицом органа власти, управления или хозяйствующего субъекта законных предписаний Антимонопольного комитета Российской Федерации, его территориального управления, если оно совершено лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию за те же действия. Поэтому до января 1997 года у хозяйствующих субъектов, неоднократно в течение года страдавших от недобросовестных конкурентов, имелась возможность обратиться за уголовно-правовой защитой. Формулировка действующей в настоящее время статьи 178 УК РФ «Монополистические действия и ограничение конкуренции» не позволяет применить её в случае совершения актов недобросовестной конкуренции, так как препятствуют различия в определении понятий «монополистическая деятельность» и «недобросовестная конкуренция». Применение уголовно-правовых норм по аналогии недопустимо. Таким образом, необходимо указать на отсутствие в действующем уголовном законе общей нормы, гарантирующей уголовно-правовыми средствами соблюдение конституционных норм о поддержке конкуренции и «запрете экономической деятельности, направленной на недобросовестную конкуренцию»⁶.

Представляется возможным внесение изменений в уголовный закон, устанавливающий меры ответственности за все формы недобросовестной конкуренции. В отечественной литературе очень часто встречаются предложения разделить составы преступлений, нарушающих права авторов и преступлений, предполагающих использование объектов интеллектуальной собственности. Наиболее логичным представляется использование юридической техники, применённой законодателем при формулировании ст. 178 УК РФ. Многие авторы (например, Ю.Г. Следь) предлагают объединить в одной статье все основные формы недобросовестной конкуренции, включая незаконное использование объектов интеллектуальной собственности в хозяйственной деятельности для повышения системности Особенной части УК РФ. Включение данных норм считается возможным в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Проблему защиты от недобросовестной конкуренции нельзя решить исключительно уголовно-правовыми средствами. Степень реальной защищённости личности в экономических отношениях зависит от уровня развития национальной экономики, наличия традиций цивилизованного рынка, а также уровня развития правовой культуры, как производителей, так и самих потребителей. Но при этом наличие в обществе надёжных правовых гарантий (в том числе уголовно-правового характера) в сфере экономических отношений служит обязательным условием для формирования современной экономики, основанной на добросовестной конкуренции и ориентированной в первую очередь на нужды потребителя⁷.

В настоящее время государственная поддержка конкурентных отношений осуществляется путём принятия Программы развития конкуренции в Российской Федерации, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 мая 2009 года № 691-р⁸. Приложением к указанной Программе являются Меры развития конкуренции в отдельных отраслях, представляющих большую значимость для эконо-

⁶ Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – Собрание Законодательства РФ – 2007 г., № 56, ст. 24.

⁷ Следь Ю.Г. Проблемы уголовно-правовой защиты от недобросовестной конкуренции // Юрист. – 2006. – №1.

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 691-р: офиц. текст. Собрание Законодательства РФ 10.06.2009 № 22 ст. 2736.

мики России, таких, как: рынок нефтепродуктов, авиатопливообеспечение, рынок газа, электроэнергетика, жилищно-коммунальное хозяйство и другие. Вместе с тем, в Программе анализируется современное состояние развития конкуренции и указываются виды барьеров, подлежащие устранению с помощью указанных мер, такие, как: административные, инфраструктурные, ограничивающие конкуренцию действия хозяйствующих субъектов и органов власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц. Указанная Программа – ещё один шаг на пути к защищённым и цивилизованным конкурентным отношениям.

Список литературы

1. Городов, О.А. Недобросовестная конкуренция: теория и правоприменительная практика [Текст] // Статут. – 2008.
2. Федеральный закон "О защите конкуренции". [Текст] : офиц. текст. – Собрание Законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.
3. Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». [Текст] : офиц. текст. – Бюллетень нормативных актов, № 2-3, 1992.
4. Федеральный закон «О естественных монополиях». [Текст] : офиц. текст. – Собрание Законодательства РФ, 21.08.1995, № 34, ст. 3426.
5. Федеральный закон «О рекламе». [Текст] : офиц. текст. – Собрание Законодательства РФ 2008 г., № 45, ст. 67.
6. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации [Текст] : офиц. текст. – Собрание Законодательства РФ – 2007 г., № 56, ст. 24.
7. Следь, Ю.Г. Проблемы уголовно-правовой защиты от недобросовестной конкуренции [Текст] // Юрист. – 2006. – №1.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 691-р [Текст]: офиц. текст. Собрание Законодательства РФ 10.06.2009 № 22 ст. 2736.

STRATEGY OF STRIFE WITH UNFAIR COMPETITION IN RUSSIA

E. A. ISAYCHEVA

*Samara State University
of Economics*

*e-mail:
Fingerprints2005@yandex.ru*

The question of unfair competition was repeatedly raised in the literature. The aim of the study is to determine the methods of strife with unfair competition.

Key words: strife, unfair competition, improper advertising, competition, strategy, competitor, competitiveness.

УДК 321 (091); 34 (091)

ИСТОЧНИКИ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ И ПОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

М. В. ЛЕВШУК*Белгородский
государственный
университет**e-mail: lmv18@mail.ru*

В целях повышения эффективности деятельности системы государственного пенсионного обеспечения в Российской Федерации, достижения долгосрочной финансовой устойчивости этой системы, поиска оптимальных направлений реформирования правового механизма финансирования и дополнительных источников финансового обеспечения социальной сферы Российской Федерации, автор исследует позитивный многолетний опыт советской государственной системы социального обеспечения в историко-правовом аспекте.

Ключевые слова: советский и постсоветский периоды; источники финансирования; правовые механизмы финансирования; социальное обеспечение.

В статье 7 Конституции Российской Федерации записано, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹. Реализация целей социально ориентированного государства, как справедливо отмечает С.В. Парамонова, невозможна без социально-экономических институтов, «целеноправленно им создаваемых и поддерживаемых»². В связи с тем, что социальное обеспечение является основным направлением социальной политики государства, одним из таких институтов является российский институт пенсионного обеспечения. Социальным государством наша страна только провозглашена, и в реальности Россия только встает на путь формирования социального государства. Существующий в России институт пенсионного обеспечения, в частности, правовой механизм финансирования пенсионного обеспечения в Российской Федерации, требует модернизации. В целях повышения эффективности деятельности системы государственного пенсионного обеспечения в Российской Федерации, достижения долгосрочной финансовой устойчивости этой системы, поиска оптимальных направлений реформирования правового механизма финансирования и дополнительных источников финансового обеспечения социальной сферы Российской Федерации, необходимо исследовать позитивный многолетний опыт советской государственной системы социального обеспечения.

В настоящее время в Российской Федерации пенсионное обеспечение осуществляется Пенсионным фондом России в соответствии с так называемой «смешанной» моделью пенсионного страхования, сочетающей в себе солидарно-распределительные и накопительные принципы. В системах обязательного пенсионного страхования такого сочетания ни в одной стране в мире нет. Обычно накопительная часть пенсии в смешанной модели формируется на добровольных началах, а базовая часть – за счет бюджета³. Первым нормативно-правовым актом, в котором содержится упоминание о Пенсионном фонде Российской Федерации и о его функциях, является Закон Российской Федерации от 20 ноября 1990 года № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации»⁴. Пенсионный фонд Российской Федерации образован постановлением Верховного Совета

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

² Парамонова С.В. Пенсионное обеспечение – институт социальной защиты населения в социальной рыночной экономике. // Вестник КрасГАУ. 2006. № 10.

³ Павлюченко В.Г. Социальное страхование. – М., 2007. С. 188.

⁴ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351.

РСФСР от 22 декабря 1990 года № 442-1 «Об организации Пенсионного фонда РСФСР»⁵ для государственного управления финансами пенсионного обеспечения в РСФСР. С созданием Пенсионного фонда в России появился принципиально новый механизм финансирования и выплаты пенсий и пособий. Средства для финансирования выплаты пенсий стали формироваться за счет поступления обязательных страховых взносов работодателей и граждан. Таким образом, средства, предназначенные для пенсионного обеспечения, оставаясь при этом государственной собственностью, были выделены из состава государственного бюджета в самостоятельный бюджет Пенсионного фонда РСФСР. С установлением автономности пенсионного бюджета доходы Фонда перестали входить в бюджеты других уровней, был сделан шаг к страховым принципам с целью повышения эффективности деятельности системы государственного пенсионного обеспечения в Российской Федерации. С 1997 года, момента вступления в силу Федерального закон от 01 апреля 1996 года № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учёте в системе государственного пенсионного страхования»⁶, основное значение для установления размера пенсии имеет не общий трудовой стаж, а учётный страховой стаж и размеры платежей, которые осуществлял в интересах работника его работодатель. Финансовые основы обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации установлены Федеральным законом от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»⁷, в соответствии с которым, Пенсионный фонд Российской Федерации является страховщиком по обязательному пенсионному страхованию, а государство несет лишь субсидиарную ответственность по обязательствам Пенсионного фонда Российской Федерации перед застрахованными лицами в случае недостаточности доходных источников у Пенсионного фонда РФ.

Предлагаем исследовать период становления и развития советской системы государственных органов социального обеспечения в правовом аспекте. По мнению Е.Н. Доброхотовой, М.В. Филипповой, М.А. Янтураевой, впервые официальный термин «социальное обеспечение» использован в Положении о социальном обеспечении трудящихся от 31 октября 1918 года⁸. Указанным нормативно-правовым актом было введено всеобщее социальное обеспечение всех трудящихся, не эксплуатирующих чужого труда и не имеющих источников средств к существованию⁹. Таким образом, впервые в советском государстве произошло законодательное закрепление обеспечения населения за счет государства и через органы государственной власти. Преимуществом такой государственной системы социального обеспечения являлось то, что в случае утраты источников средств к существованию обеспечению подлежали все без исключения граждане, источником существования которых являлся их собственный труд.

В декабре 1918 года был принят первый Кодекс законов о труде РСФСР (КЗоТ), разработанный Наркоматом труда и ВЦСПС и обобщающий все предшествующее советское законодательство о труде. Действие Кодекса распространялось на всех лиц, работающих по найму во всех секторах хозяйства (государственном, кооперативном, частном). КЗоТ заменил систему социального страхования (выплат из фондов предприятий и учреждений) системой социального обеспечения (выплат из централизованных фондов государства), что было связано со структурными изменениями в экономике – сплошной национализацией производства и централизацией управления и финансирования¹⁰.

Декретом СНК от 17 апреля 1919 года¹¹ в Положение о социальном обеспечении трудящихся от 31 октября 1918 года были внесены изменения в части, касающейся его финансовой системы. Все страховые фонды передавались во Всероссийский фонд социального обеспечения, а организации, владевшие этими фондами, подлежали ликвида-

⁵ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 415.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 14. Ст. 1401.

⁷ СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4832.

⁸ Доброхотова Е.Н., Филиппова М.В., Янтураева М.А. Советское право социального обеспечения. – СПб., 1992. – С. 4. См.: СУ РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.

⁹ СУ РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.

¹⁰ Исаев И.А. История государства и права России. Учебник. – М., 2005. – С. 575-576.

¹¹ Захаров М.Л., Караваев В.В., Колесников А.Н., Фогель Я.М. Ленинские декреты о социальном обеспечении. – М., 1972. – С. 38.

ции. С мая 1919 года выдача пособий больным, беременным и роженицам была возложена непосредственно на предприятия и учреждения, которые данным лицам сохраняли заработную плату в течение 2 месяцев. Постепенно вал неплатежей при полной бесконтрольности расходования средств привел к фиаско всей системы сбора страховых взносов. Средств на выплаты тратилось не столько, сколько было собрано, а сколько требовалось. Дефицит покрывался за счет печатного денежного станка, что еще больше усиливало инфляцию. В этой связи принципы социального страхования были замещены порядком прямого сметного финансирования социального обеспечения. Произошла смена политического и экономического курса в сфере социального обеспечения: от провозглашенных в первых декретах Советской власти страховых принципов социального обеспечения трудящихся к государственному социальному обеспечению. Монопольным субъектом управления системой социального обеспечения стало государство.

После образования СССР в 1922 году социальное обеспечение осталось в ведении союзных республик, а общесоюзного органа управления создано не было. Социальным обеспечением сначала ведали наркоматы республик, а с 1923 года – Наркомат труда СССР. В 1926-1927 гг. в некоторых Закавказских республиках наркоматы социального обеспечения были слиты с республиканскими комиссариатами внутренних дел и комиссариатами труда. Аналогичный процесс произошел и в ряде автономных республик РСФСР¹².

В соответствии с постановлением ЦИК СССР, СНК и ВЦСПС от 23 июня 1933 года¹³ управление делом социального страхования было передано профсоюзам. Согласно постановлению СНК СССР и ВЦСПС от 10 сентября 1933 года¹⁴, все средства социального страхования были переданы профсоюзам с 15 сентября 1933 года, и на ВЦСПС было возложено общее руководство делом социального страхования, контроль и инструктирование профсоюзов по вопросам социального страхования, представление в Правительство СССР проекта союзного бюджета социального страхования и тарифов страховых взносов.

Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 7 октября 1937 года № 997¹⁵ утверждено Положение о Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР, с введением в действие которого было отменено утвержденное 30 ноября 1931 года Положение о Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР¹⁶. Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР осуществлял материальное обеспечение граждан, потерявших трудоспособность, обеспечение по старости и организовывал производственное обучение и трудовое устройство граждан, частично утративших трудоспособность. Основными задачами Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР являлись: составление планов развития дела социального обеспечения в РСФСР, а также сводных контрольных цифр и планов финансирования организаций, учреждений и предприятий, подчиненных Народному комиссариату социального обеспечения; контроль за выполнением этих планов; контроль за выполнением планов общественных организаций, находившихся под его руководством; внесение на утверждение законодательных органов проектов законов по социальному обеспечению; издание приказов и инструкций по вопросам социального обеспечения и утверждение положений и уставов организаций, учреждений и предприятий, входивших в его систему или находившихся под его руководством; осуществление контроля за исполнением действовавших законов о социальном обеспечении. В структуру Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР входило главное планово-финансовое управление в составе: отдела сводного планирования, сектора отраслевого планирования, сектора статистики, главной бухгалтерии Народного комиссариата. Позже Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР был преобразован в Мини-

¹² Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР. – М., 1980. – С. 30-31.

¹³ СЗ СССР. 1933. № 40. Ст. 238.

¹⁴ СЗ СССР. 1933. № 57. Ст. 333.

¹⁵ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 7 октября 1937 года № 997 «Об утверждении Положения о Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР». // Система Консультант Плюс: Документы СССР.

¹⁶ Собр. Узак. 1931. № 37. Ст. 512; 1933. № 47. Ст. 200; 1936. № 2. Ст. 7.

стерство социального обеспечения РСФСР. В соответствии с Положением о Министерстве социального обеспечения РСФСР, утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР от 20 сентября 1968 года,¹⁷ одной из главных задач Министерства в области пенсионного обеспечения являлось всемерное развитие дела социального обеспечения в целях наиболее полного удовлетворения социальных потребностей престарелых и нетрудоспособных граждан, а также руководство внутриведомственным финансовым контролем в органах социального обеспечения. Министерство разрабатывало инструкции и методические указания по ведению такого контроля и о порядке проведения документальных ревизий, проверяло правильность назначения пенсий и пособий, состояние контрольно-ревизионной работы в местных органах, проводило документальные ревизии финансово-хозяйственной деятельности подчиненных ему учреждений и организаций, а также, в случае необходимости, местных органов и учреждений социального обеспечения.

Согласно статье 5 Закона СССР «О государственных пенсиях» от 14 июля 1956 года¹⁸, а так же в соответствии с Положением о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 4 августа 1956 года № 1044¹⁹, пенсии назначались комиссиями по назначению пенсий, образуемыми исполнительными комитетами районных (городских) Советов депутатов трудящихся. Постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1972 года было утверждено Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий²⁰, согласно которому, пенсионное обеспечение осуществлялось органами социального обеспечения, общественный контроль за правильным расходованием средств, отпускаемых на пенсионное обеспечение и на обслуживание пенсионеров, осуществлялся профессиональными союзами. К числу государственных органов социального обеспечения относились отделы социального обеспечения рай(гор)исполкомов, которые организовывали назначение и выплату различных пенсий и пособий, а также социальное обслуживание инвалидов, престарелых и семей, потерявших кормильца. Отдельные функции по социальному обеспечению некоторых категорий работников выполняли другие государственные органы, например, военкоматы в отношении пенсионного обеспечения кадровых военнослужащих. Общественными органами социального обеспечения являлись профкомы, которые назначали пособия по социальному страхованию, предоставляли путевки на санаторно-курортное лечение, диетическое питание, готовили совместно с администрацией необходимые для назначения пенсии документы, проводили другую работу по социальному страхованию²¹. Местные органы власти осуществляли общий контроль за соблюдением законности в деятельности органов системы социального обеспечения²². Районные и городские отделы социального обеспечения образовывались соответственно районными и городскими Советами народных депутатов и подчинялись в своей деятельности как исполкому соответствующего Совета народных депутатов, так и вышестоящим органам социального обеспечения²³. Таким образом, основная масса средств расходовалась на выплату различных видов пенсий

¹⁷ Положение о Министерстве социального обеспечения РСФСР. Утверждено постановлением Совета Министров РСФСР от 20 сентября 1968 года № 654. // СП РСФСР. 1968. № 19. Ст. 99.

¹⁸ Закон СССР «О государственных пенсиях» от 14 июля 1956 года. // Свод законов СССР. т. 2. 1990. С. 532.

¹⁹ Постановление Совета Министров СССР от 4 августа 1956 года № 1044 «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий». // СП СССР. 1957. № 1. Ст. 1.

²⁰ Бабкин В.А., Смирнова Г.Б. Комментарий к положению о порядке назначения и выплаты государственных пенсий. – М., 1983.

²¹ Там же. – С. 74-78.

²² П. 5, 6 ст. 19 Закона СССР «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов». // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 27. Ст. 526; П. 33 ст. 8 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях районного Совета народных депутатов» от 19 марта 1971 г. с изменениями и дополнениями от 28 ноября 1978 г. // Там же. 1978. № 795; Ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях городских и районных в городах Советов народных депутатов» от 19 мая 1971 г. с изменениями и дополнениями от 28 ноября 1978 г. // Там же. Ст. 796.

²³ Положение об отделе социального обеспечения исполнительного комитета краевого, областного Совета народных депутатов. Утверждено постановлением Совета Министров РСФСР от 6 августа 1982 года № 447. // СП РСФСР. 1982. № 18. Ст. 126.

и пособий непосредственно низовыми органами социального обеспечения – районными и городскими отделами, центрами по начислению и выплате пенсий и пособий в тех областях, краях и АССР, где выплата и учет пенсий были централизованы.

Постановлением Президиума ВЦСПС от 29 февраля 1960 года²⁴ по согласованию с Министерством финансов СССР и Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы была утверждена Инструкция о порядке взимания страховых взносов и расходования средств государственного социального страхования, согласно которой, страховые взносы начислялись на заработную плату всех рабочих и служащих, в том числе штатных, нештатных, сезонных, временных, работавших по совместительству или выполнявших разовые, случайные и кратковременные работы, а также на заработную плату трудящихся других категорий (кроме рабочих и служащих), на которых специальными решениями было распространено социальное страхование. Страховые взносы начислялись на всю сумму заработной платы без учета каких-либо удержаний (например, по подоходному налогу) и независимо от источников выплаты (за счет фонда заработной платы, ассигнований специального назначения, средств заказчика и прочих средств).

17 октября 1964 года постановлением Совета Министров СССР было утверждено Положение о порядке назначения и выплаты пенсий членам колхозов²⁵. В соответствии с нормами указанного Положения, выплата пенсий обеспечивалась за счет средств централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников без каких-либо вычетов из доходов членов колхозов, пенсионное обеспечение осуществлялось советами социального обеспечения колхозников и государственными органами социального обеспечения²⁶. В соответствии с Положением о централизованном союзном фонде социального обеспечения колхозников, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 27 января 1978 года № 68²⁷, указанный фонд образовывался за счет отчислений колхозов, межколхозных предприятий и организаций, а также ежегодных ассигнований из Государственного бюджета СССР. Названным постановлением были признаны утратившими силу постановления Совета Министров СССР от 6 ноября 1964 года № 919 «Об утверждении Положения о централизованном союзном фонде социального обеспечения колхозников»²⁸ и от 30 сентября 1966 года № 791 «О внесении изменения в пункт 7 Положения о централизованном союзном фонде социального обеспечения колхозников»²⁹. Порядок и размеры отчислений колхозов и межколхозных предприятий и организаций в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников устанавливались Советом Министров СССР. Правления колхозов и советы межколхозных предприятий и организаций предоставляли до 15 февраля в районный совет социального обеспечения колхозников и в районный (городской) финансовый отдел расчеты отчислений в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников. Районный совет социального обеспечения колхозников рассматривал указанные расчеты, а также заключения по ним районного (городского) финансового отдела, определял с участием представителя соответствующего колхоза, межколхозного предприятия, организации сумму отчислений в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников и сообщал эту сумму до 1 марта каждому колхозу, межколхозному предприятию, организации и районному (городскому) финансовому отделу. Колхозы и межколхозные предприятия и организации вносили отчисления в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников на особые счета в учреждениях Госбанка СССР в следующие сроки: к 5 марта – 15%, к 15 мая – 25%, к 15 августа (хлопкосеющие колхозы – к 1 октября) – 30 % и к 15 ноября – 30% годовой суммы отчислений. При наступлении сроков платежей и отсутствии средств на текущих счетах колхозов и расчетных счетах

²⁴ Сборник официальных документов. Социальное обеспечение и страхование в СССР. – М., 1979. – С. 420.

²⁵ Михалкевич В.Н., Шедерова Г.С., Фогель Я.М. Комментарий к Положению о порядке назначения и выплаты пенсий членам колхозов. – М., 1980.

²⁶ Там же. – С. 22-26.

²⁷ СП СССР. 1978. № 4. Ст. 24.

²⁸ СП СССР. 1964. № 22. Ст. 137.

²⁹ СП СССР. 1966. № 21. Ст. 190.

межколхозных предприятий и организаций в учреждениях Госбанка СССР поручения на перечисление средств в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников принимались к исполнению учреждениями Госбанка СССР и выполнялись в очередности, установленной для платежей по государственному социальному страхованию. Отчисления в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников, своевременно не перечисленные колхозами и межколхозными предприятиями и организациями на особые счета в учреждениях Госбанка СССР, взыскивались по распоряжению районного (городского) финансового отдела в бесспорном порядке, в очередности, установленной для взыскания взносов по государственному социальному страхованию, без начисления пени. Положением о централизованном союзном фонде социального обеспечения колхозников устанавливался порядок расходования средств этого фонда, который заключался в следующем. Министерство финансов СССР сообщало министерствам финансов союзных республик и Госбанку СССР размер расходов союзных республик на выплату пенсий и пособий в следующем за текущим году за счет средств централизованного союзного фонда социального обеспечения. Контроль за расходованием этих средств в пределах размера расходов, сообщенного Министерством финансов СССР, осуществлялось финансовыми органами. Выдача средств на выплату пенсий и пособий за счет централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников производилось учреждениями Госбанка СССР по поручениям органов социального обеспечения с отдельного счета по выплате пенсий и пособий в пределах сумм расходов на квартал, указанных в справках органов социального обеспечения и подтвержденных финансовыми органами. Порядок оформления справок о суммах расходов средств централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников устанавливался Министерством СССР и Госбанком СССР. Сводные данные о поступлениях в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников и расходов на выплату пенсий и пособий за счет этого фонда составлялись учреждениями Госбанка СССР на основании ежемесячных сводных отчетных балансов и сообщались ими краевым, областным финансовым отделам, министерствам финансов автономных и союзных республик, а также Министерству финансов СССР. Контроль за правильностью отчисления средств в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников, а также за расходованием этих средств осуществляли областные, краевые и республиканские советы социального обеспечения колхозников³⁰.

«Формально в советский период пенсионное обеспечение трудящихся, как справедливо отмечают М.Л. Захаров и Э.Г. Тучкова, осуществлялось в порядке государственного социального страхования (что, в частности было закреплено в КЗоТ РСФСР), однако целевых страховых платежей никто не вносил – ни работодатели, ни застрахованные»³¹.

В соответствии со статьей 100 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде³², все рабочие и служащие подлежали обязательному государственному социальному страхованию. Государственное социальное страхование рабочих и служащих осуществлялось за счет государства. Взносы на социальное страхование уплачивались предприятиями, учреждениями, организациями без каких-то вычетов из заработной платы рабочих и служащих. Неуплата предприятием, учреждением, организацией страховых взносов не лишала рабочих и служащих права на обеспечение по государственному социальному страхованию. Статья 101 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде³³ устанавливала следующие виды обеспечения по социальному страхованию: 1) пособия по временной нетрудоспособности, пособия по беременности, родам и по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года; 2) пособия по случаю рождения ребенка; пособия на погребение; 3) пенсии по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца, а также пенсии за выслугу лет, установленные для некоторых категорий работников. Средства государственного социального страхования исполь-

³⁰ Постановление Совета Министров СССР от 6 ноября 1964 года № 921 «Об утверждении Положения о советах социального обеспечения колхозников». // СП СССР. 1964. № 22. Ст. 139.

³¹ Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. – М., 2004. – С. 46.

³² Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 29. Ст. 265.

³³ Там же.

зовались также на санаторно-курортное лечение рабочих и служащих, обслуживание их профилакториями и домами отдыха, на лечебное (диетическое) питание, на содержание пионерских лагерей и другие мероприятия по государственному социальному страхованию³⁴. Установление правил, определяющих порядок и размеры обеспечения по государственному социальному страхованию, согласно статье 107 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде³⁵, относились к ведению Союза ССР.

Расходы на выплату пенсий и пособий районными (городскими) отделами и центрами по начислению и выплате пенсий и пособий занимали свыше 97 % в общем объеме расходов на мероприятия по социальному обеспечению. Источниками их финансирования являлся Государственный бюджет СССР и централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников. Из союзного бюджета выплачивались пособия на детей малообеспеченным семьям неработающих пенсионеров, получающих государственные пенсии; из республиканского бюджета союзной республики – пенсии по государственному социальному страхованию, пособия пенсионерам на рождение ребенка и на погребение, почтовые расходы по доставке пенсий и пособий, а с 1 января 1970 года – пенсии работникам науки, ежемесячные пособия инвалидам с детства, прочие пособия и культурно-бытовое обслуживание пенсионеров, пенсии и пособия военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава срочной службы и их семьям, включая пенсии инвалидам гражданской и первой мировых войн и их семьям, пособия вышеуказанным пенсионерам на рождение ребенка и на погребение, почтовые расходы по доставке пенсий и пособий; пособия по беременности и родам и на рождение ребенка женщинам – военнослужащим, уволенным из Вооруженных Сил СССР в связи с беременностью, и на детей женам солдат, матросов, сержантов и старшин срочной службы, а также пособия на детей женам солдат, матросов, сержантов, старшин и офицеров запаса, призываемых на учебные сборы и к моменту призыва на них временно не работающих; государственные пособия многодетным и одиноким матерям. До 1 января 1970 года выплата пенсий и пособий осуществлялась за счет кредитов, открываемых вышестоящим органом социального обеспечения – распорядителем кредитов, через Госбанк СССР. После указанной даты расходы на выплату пенсий и пособий производились единым порядком без открытия кредитов, по заявкам органов социального обеспечения. За счет средств республиканского бюджета автономной республики, областного (краевого) бюджета выплачивались пенсии и пособия персональным пенсионерам местного значения, единовременные пособия инвалидам Великой Отечественной войны, их семьям, семьям воинов, погибших в войне, оказывалась санаторно-курортная помощь инвалидам. Из районного (городского) бюджета выплачивались пенсии и пособия персональным пенсионерам местного значения, прочие ежемесячные пособия. За счет средств централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников выплачивались пенсии членам колхозов (по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца), пособия женщинам – членам колхозов по беременности и родам, оплачивались почтовые расходы по доставке пенсий и пособий, а также пособия на детей малообеспеченным семьям членов колхозов, пенсионерам. Распорядителями средств, выделенных на выплату пенсий и пособий в районных и городских отделах социального обеспечения являлись заведующие этими отделами, а в центрах по начислению и выплате пенсий и пособий – начальники центров, которые отвечали за правильное расходование и сохранность средств. Наряду с ними ответственность за соблюдение всех действовавших законов и положений по выплате пенсий и пособий, бюджетной дисциплины, за организацию бухгалтерского учета и отчетности несли главные (старшие) бухгалтеры органов социального обеспечения. На балансе органов социального обеспечения по выплате пенсий и пособий отражались все операции по движению средств, выделенных для этого из государственного бюджета и централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников, и расходованию их в разрезе отдельных видов и источников средств, а также расчеты, возникавшие в процессе выплаты пенсий и пособий³⁶.

³⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1981 года. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 36. Ст. 1032.

³⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 29. Ст. 265.

³⁶ Петров-Денисов Г.В., Измайлов Н.П. Бухгалтерский учет в органах социального обеспечения. – М., 1977. – С. 9-11.

Согласно пункту 124 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1972 года № 590³⁷, в заработок для исчисления пенсии включались все виды заработной платы, на которые по действовавшим правилам начислялись страховые взносы, кроме заработной платы за сверхурочную работу, за совместительство и всякого рода выплат единовременного характера. Процентные надбавки и ежегодное вознаграждение, выплачиваемые за выслугу лет, вознаграждение из фонда материального поощрения за общие результаты работы предприятия или организации по итогам за год включались в заработок, из которого исчислялись пенсии. В тех случаях, когда у отдельных категорий работников из заработка невозможно было исключить заработок за сверхурочную работу или за работу, выполненную другими лицами, в связи с тем, что рабочее время этих работников не поддавалось учету (надомники, штатные заготовители сельскохозяйственных продуктов, пищевых отходов, вторичного и иных видов сырья, продавцы разносной и развозной торговли, агенты фотопредприятий, нештатные уполномоченные по распространению театральные билеты, а также другие аналогичные категории работников, определяемые в необходимых случаях Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы совместно с ВЦСПС), пенсии исчислялись из фактического заработка, но не более чем из полутора тарифных (расчетных) ставок или полутора месячных окладов, с применением в соответствующих случаях коэффициентов и с начислением надбавок за работу в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера. При этом, если тарифная (расчетная) ставка либо оклад для соответствующей категории работников не были установлены, то учитывались полторы ставки или полтора оклада работников аналогичных профессий или занимавших аналогичные должности. В случаях, когда страховые взносы начислялись на условные суммы заработка, в средний заработок для исчисления пенсии включались эти условные суммы.

Инструктивным письмом Министерства социального обеспечения РСФСР от 16 декабря 1974 года № 1-137-И³⁸ был утвержден одобренный Президиумом ВЦСПС 22 ноября 1974 года Перечень видов вознаграждений, премий и других выплат, на которые не начисляются страховые взносы. Следует отметить, что этот перечень являлся достаточно подробным, но не исчерпывающим. Отдельные выплаты в нем приводились в качестве примера к тому или иному виду выплат. Если та или иная выплата, вознаграждение или премия не была указана в перечне и не являлась аналогичной по характеру тем, которые были перечислены в нем, то на такую выплату, вознаграждение или премию должны были начисляться страховые взносы.

Таким образом, советская государственная система социального обеспечения входила в так называемую систему социального страхования, однако, не содержала экономических признаков системы государственного пенсионного страхования, которые наиболее наглядно выражаются в базовых принципах государственного пенсионного страхования. Однако, несмотря на многочисленные экономические недостатки, данная система имела одно важное преимущество – она обеспечивала абсолютно всем категориям граждан минимально необходимый прожиточный уровень. Поэтому советская пенсионная система носила определение – государственное социальное обеспечение. Средства на государственное пенсионное обеспечение, как и другие средства на государственное социальное страхование, аккумулировались в бюджете государственного социального страхования, который в свою очередь, входил в государственный бюджет страны. Пенсионная система была основана на консолидированной программе финансирования выплаты пенсий и полностью зависела от сбалансированности государственного бюджета страны. Бюджет пенсионного обеспечения являлся составной частью государственного бюджета СССР и был включен в него как по доходам, так и по расходам. В таком виде правовой механизм и источники финансирования советской государственной системы социального обеспечения просуществовали, практически без изменений, до 1990 года. Отличительной чертой правового механизма финансирования советской государственной системы соци-

³⁷ СП СССР. 1972. № 17. Ст. 86.

³⁸ Сборник приказов и инструктивных писем Министерства социального обеспечения РСФСР. Часть VI. – М., 1986. – С. 90.

ального обеспечения на протяжении всего этого периода являлся его государственный характер, проявлявшийся в централизованном управлении, государственном сбалансированном финансировании, государственном планировании и государственном контроле за расходованием средств, выделенных государством на социальное обеспечение. Полагаем, что именно это выгодное отличие позволило советской системе государственных органов социального обеспечения достигнуть долгосрочной финансовой устойчивости. Следовательно, можно сделать принципиальный вывод о том, что правовой механизм государственного финансирования системы социального обеспечения советского периода намного эффективней правового механизма финансирования системы социального обеспечения с субсидиарной ответственностью государства в постсоветский период.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Парамонова С.В. Пенсионное обеспечение – институт социальной защиты населения в социальной рыночной экономике. // Вестник КрасГАУ. 2006. № 10.
3. Павлюченко В.Г. Социальное страхование. – М., 2007. С. 188.
4. Закон Российской Федерации от 20 ноября 1990 года № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации». // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351.
5. Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 декабря 1990 года № 442-1 «Об организации Пенсионного фонда РСФСР». // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 415.
6. Федеральный закон от 01 апреля 1996 года № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного пенсионного страхования». // СЗ РФ. 1996. № 14. Ст. 1401.
7. Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации». // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4832.
8. Доброхотова Е.Н., Филиппова М.В., Янтураева М.А. Советское право социального обеспечения. – СПб., 1992. – С. 4. См.: СУ РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.
9. СУ РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.
10. Исаев И.А. История государства и права России. Учебник. – М., 2005. – С. 575-576.
11. Захаров М.Л., Караваяев В.В., Колесников А.Н., Фогель Я.М. Ленинские декреты о социальном обеспечении. – М., 1972. – С. 38.
12. Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР. – М., 1980. – С. 30-31.
13. Постановление ЦИК СССР, СНК и ВЦСПС от 23 июня 1933 года. // СЗ СССР. 1933. № 40. Ст. 238.
14. Постановление СНК СССР и ВЦСПС от 10 сентября 1933 года. // СЗ СССР. 1933. № 57. Ст. 333.
15. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 7 октября 1937 года № 997 «Об утверждении Положения о Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР». // Система Консультант Плюс: Документы СССР.
16. Собр. Узак. 1931. № 37. Ст. 512; 1933. № 47. Ст. 200; 1936. № 2. Ст. 7.
17. Положение о Министерстве социального обеспечения РСФСР. Утверждено постановлением Совета Министров РСФСР от 20 сентября 1968 года № 654. // СП РСФСР. 1968. № 19. Ст. 99.
18. Закон СССР «О государственных пенсиях» от 14 июля 1956 года. // Свод законов СССР. т. 2. 1990. С. 532.
19. Постановление Совета Министров СССР от 4 августа 1956 года № 1044 «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий». // СП СССР. 1957. № 1. Ст. 1.
20. Бабкин В.А., Смирнова Г.Б. Комментарий к положению о порядке назначения и выплаты государственных пенсий. – М., 1983.
21. П. 5, 6 ст. 19 Закона СССР «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов». // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 27. Ст. 526; П. 33 ст. 8 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях районного Совета народных депутатов» от 19 марта 1971 г. с изменениями и дополнениями от 28 ноября 1978 г. // Там же. 1978. № 795; Ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях городских и районных в городах Советов народных депутатов» от 19 мая 1971 г. с изменениями и дополнениями от 28 ноября 1978 г. // Там же. Ст. 796.

22. Положение об отделе социального обеспечения исполнительного комитета краевого, областного Совета народных депутатов. Утверждено постановлением Совета Министров РСФСР от 6 августа 1982 года № 447. // СП РСФСР. 1982. № 18. Ст. 126.
23. Постановление Президиума ВЦСПС от 29 февраля 1960 года. // Сборник официальных документов. Социальное обеспечение и страхование в СССР. – М., 1979. – С. 420.
24. Михалкевич В.Н., Шедерова Г.С., Фогель Я.М. Комментарий к Положению о порядке назначения и выплаты пенсий членам колхозов. – М., 1980.
25. Положение о централизованном союзном фонде социального обеспечения колхозников, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 27 января 1978 года № 68. // СП СССР. 1978. № 4. Ст. 24.
26. Постановление Совета Министров СССР от 6 ноября 1964 года № 919 «Об утверждении Положения о централизованном союзном фонде социального обеспечения колхозников». // СП СССР. 1964. № 22. Ст. 137.
27. Постановление Совета Министров СССР от 30 сентября 1966 года № 791 «О внесении изменения в пункт 7 Положения о централизованном союзном фонде социального обеспечения колхозников». // СП СССР. 1966. № 21. Ст. 190.
28. Постановление Совета Министров СССР от 6 ноября 1964 года № 921 «Об утверждении Положения о советах социального обеспечения колхозников». // СП СССР. 1964. № 22. Ст. 139.
29. Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. – М., 2004. – С. 46.
30. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 29. Ст. 265.
31. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1981 года. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 36. Ст. 1032.
32. Петров-Денисов Г.В., Измайлов Н.П. Бухгалтерский учет в органах социального обеспечения. – М., 1977. – С. 9-11.
33. Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1972 года № 590. // СП СССР. 1972. № 17. Ст. 86.
34. Инструктивное письмо Министерства социального обеспечения РСФСР от 16 декабря 1974 года № 1-137-И. // Сборник приказов и инструктивных писем Министерства социального обеспечения РСФСР. Часть VI. – М., 1986. – С. 90.

SOURCES AND LEGAL MECHANISMS OF FINANCING OF SOCIAL SECURITY IN SOVIET AND POSTSOVIET PERIODS: COMPARATIVELY-LEGAL ANALYSES

M. V. LEVSHUK

Belgorod State University

e-mail:lmv18@mail.ru

In order to improve the effectiveness of the public pension system in the Russian Federation, the long-term financial sustainability of the system, finding the optimal directions for reforming the legal mechanism for funding and additional sources of financial support of the social sphere of the Russian Federation, the author examines the positive long-term experience of the Soviet welfare state in historical and legal aspect.

Key words: Soviet and post Soviet periods; the sources of financing; legal mechanisms of financing; social security.

УДК 347.19

К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

Е. А. МОИСЕЕВА*Самарский государственный
экономический университет**e-mail: Evgenia-86@mail.ru*

Данная статья раскрывает методы корпоративного права, их признаки. В статье содержится характеристика основных методов правового регулирования корпоративного права.

Ключевые слова: корпорация, корпоративное право, корпоративные отношения, юридическое лицо, метод корпоративного права.

В современной юридической науке существует множество нераскрытых вопросов, связанных с исследованием корпоративного права. В настоящей статье анализируется вопрос о методе корпоративного права. Говоря об отрасли права невозможно обойти вопрос о методе правового регулирования.

Под методом правового регулирования понимают установленный нормами права специфический способ воздействия на поведение участников отношений в данной области общественной жизни¹, особенность самого правового регулирования, сочетание юридических средств воздействия². В.Ф. Яковлев полагает, что метод концентрирует основные юридические свойства и отрасли и представляет собой способ ее воздействия на поведение людей, способ организации правовой связи участников регулируемых отношений³. С.С. Алексеев под методом правового регулирования понимает приемы юридического воздействия, их сочетание, характеризующее использование в данной области общественных отношений или иного комплекса юридического инструментария. Методы юридического воздействия – методы субстанциональны, неотделимы от правовой материи. Они – главное, что выражает самую суть, стержень того или иного юридического режима регулирования; следовательно, они служат именно тем объединяющим началом, которое компонует правовую ткань в главные структурные подразделения правовой системы в отрасли права⁴.

В качестве основных элементов метода правового регулирования, в том числе и метода корпоративного права, в литературе обоснованно выделяют следующие: 1) характер общего юридического положения субъектов правоотношений; 2) характер оснований возникновения, изменения или прекращения правоотношений (то есть юридических фактов); 3) характер способов формирования прав и обязанностей субъектов; 4) характер юридических мер воздействия (то есть санкций), способов, оснований и процедуры применения санкций⁵.

В современной юридической науке различают несколько способов воздействия права на поведение субъектов: императивный, диспозитивный, поощрительный, рекомендательный, а также методы согласования, правовых рекомендаций, договорно-правового регулирования и др. Как верно замечает С.П. Маврин, ни одна отрасль не обладает единственным, неповторимым, абсолютно «чистым» и в этом смысле подлинно собственным методом; все отрасли права фактически используют единый арсенал способов правового воздействия, применяемый во всех типах правового регулирования; сами правовые средства не являются уголовно-правовыми, гражданско-правовыми или административно-правовыми, они изначально – общеправовые универсальные элементарные

¹ См.: Шебанов, А.Ф. Система советского социалистического права. М. 1961. С. 11.

² См.: Явич, Л.С. Система советского права и систематизация законодательства// Теоретические вопросы систематизации советского законодательства/ Под ред С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М., 1962. С. 250, 252.

³ См.: Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 65.

⁴ Алексеев, С.С. Общая теория права. М., 1981 (Сочинения: в 2 т. / С.С. Алексеев; т.1).

⁵ См.: Алексеев, С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. (Сочинения: в 2 т. / С.С. Алексеев, т. 1); Шерстюк, В.М. Система советского гражданского процессуального права (Вопросы теории). М., 1989. С. 86.

средства правового регулирования самых разнородных общественных отношений⁶. По мнению И.В. Рукавишниковой, трансформируясь из базовых методов правового регулирования (императивного для публичного права и диспозитивного для частного права) в отраслевые, каждый из методов приобретает специфическую окраску, уникальный набор приемов и способов правового регулирования, свойственных только данной отрасли права⁷. Отдельные ученые поддерживают позицию В.Д. Сорокина полагающего, что в праве присутствует единый метод, включающий в себя следующие системные элементы: дозволение, предписание и запрет, которые взаимодействуют между собой⁸. На наш взгляд, во всех отраслях права в большей или меньшей степени используются указанные способы регулирования права в различном их сочетании, тем самым, создавая свойственный только для определенной отрасли права метод правового регулирования.

Корпоративное право содержит специфические общественные отношения, требующие регулирования особой группой норм; определенный вид общественных отношений требует и соответствующих своеобразных средств (методов) правового регулирования. Стоит согласиться с В.Д. Сорокиным в том, что метод отрасли находит свое проявление в нормах, ее составляющих⁹. В результате деятельности корпорации возникают правоотношения, регулируемые следующими методами:

1. Бесспорным является тот факт, что основополагающим методом корпоративного права выступает диспозитивный метод. Диспозитивный метод правового регулирования предписывает тот или иной вариант поведения субъектов корпоративных правоотношений, но при этом предоставляет им возможность в пределах установленных законом прав действовать по своему усмотрению. Суть такой более широкой правовой автономии, которой наделяются участники отношений, регулируемых диспозитивной нормой права, заключается в том, что сторонам предоставляется возможность самим договориться о своих взаимных правах и соответствующих им обязанностях, и лишь на случай, если они не сделают этого, предписывается определенный обязательный вариант поведения. Так, согласно абз. 4 п. 3. ст. 7 ФЗ «Об акционерных обществах» «акционер общества, намеренный продать свои акции третьему лицу, обязан письменно известить об этом остальных акционеров общества и само общество с указанием цены и других условий продажи акций. Извещение акционеров общества осуществляется через общество. Если иное не предусмотрено уставом общества, извещение акционеров общества осуществляется за счет акционера, намеренного продать свои акции». В данном случае императивные нормы соседствуют с диспозитивными нормами. Согласно абз. 1 п. 34 ФЗ «Об акционерных обществах» «денежная оценка имущества, вносимого в оплату акций при учреждении общества, производится по соглашению между учредителями», что является ярким примером диспозитивного регулирования.

На весьма важную сторону диспозитивного метода правового регулирования указывают М.И. Байтин и Д.Е. Петров: диспозитивная норма предоставляет сторонам свободу усмотрения в выборе по взаимному согласию определенного варианта не только использования права, но и исполнения соответствующих обязанностей¹⁰. Согласно п. 4.1 ст. 17 ФЗ «Об акционерных обществах» «в случае, если собственные акции, принадлежащие обществу, к которому было осуществлено присоединение, не подлежат погашению, такие акции не предоставляют право голоса, не учитываются при подсчете голосов, по ним не начисляются дивиденды. Такие акции должны быть реализованы обществом по цене не ниже их рыночной стоимости и не позднее одного года после их приобретения обществом, в ином случае общество обязано принять решение об уменьшении своего уставного капитала путем погашения таких акций». Законодатель предоставил акционеру свободу выбора исполнения возложенной на него обязанности.

⁶ Маврин, С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. N 1. С. 208 – 210.

⁷ Рукавишниковой, И.В. Метод в системе правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 2003. N 1. С. 221.

⁸ Сорокин, В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 114.

⁹ См.: Сорокин, В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. С. 111.

¹⁰ См.: Байтин, М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 86-87.

2. Рекомендательный метод правового регулирования направлен на установление вариантов желательного, с точки зрения государства, урегулирования общественных отношений, для обеспечения реализации которых адресаты данных рекомендаций проводят мероприятия, соответствующие их компетенции, с учетом местных условий, возможностей и резервов. Развернутое определение рекомендательной нормы права, посредством которой реализуется рассматриваемый метод, дает В.Л. Кулапов подчеркивая, что рекомендательная норма – правило поведения, указывающее на желательное развитие относящихся к компетенции адресата общественных отношений, позволяющее ему учесть свои местные условия, возможности, резервы и поддерживаемое в своей реализации государственными мерами позитивного и негативного характера¹¹. В корпоративном праве рекомендательный метод правового регулирования общественных отношений играет вспомогательную роль. Так, к примеру, большое количество рекомендательных норм содержится в Распоряжении Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг «О рекомендации к применению кодекса корпоративного поведения»¹². Рекомендательные нормы, регулирующие корпоративные правоотношения, зачастую создаются на локальном уровне исполнительным органом корпорации.

3. Императивный метод правового регулирования, хотя и не столь часто используемый, тоже немаловажный метод в корпоративном праве. Императивный метод – метод категорического, строго обязательного, не допускающего отступлений и иной трактовки исполнения правовых предписаний. Свое нормативное воплощение данный метод находит в достаточно редко используемых в корпоративном законодательстве формулировках «обязан», «запрещается» и т.п. Императивность – это властно-повелительная форма социальной регуляции корпоративных правоотношений, опирающаяся на «силовое» начало, т.е. на возможность заставить, наказать, принудить и т.п. Именно принудительный момент отличает юридическую обязанность от субъективного права, от диспозитивности. Хотя субъектам корпоративного права свойственна максимальная свобода самостоятельно регулировать свое поведение в рамках корпоративного правоотношения, императивные нормы в корпоративном праве все же встречаются. Так, согласно п. 4 ст. 11 ФЗ РФ «Об акционерных обществах» «по требованию акционера, аудитора или любого заинтересованного лица общество обязано в разумные сроки предоставить им возможность ознакомиться с уставом общества, включая изменения и дополнения к нему. Общество обязано предоставить акционеру по его требованию копию действующего устава общества. Плата, взимаемая обществом за предоставление копии, не может превышать затрат на ее изготовление». Законодатель возложил на общество обязанность по предоставлению копии устава, не предлагая какой-либо вариативности исполнения этой обязанности.

На наш взгляд, стоит согласиться с Д.И. Дедовым, считающим одной из особенностей метода корпоративного права то, что установление прав субъектов корпоративных отношений зависит от необходимости защиты корпоративных интересов. Предоставление законом прав и установление обязанностей должно быть основано соответственно на защите или ограничении конкретных корпоративных интересов. Защищаемые корпоративные интересы должны быть публично значимыми для превалирования над интересами других субъектов, подлежащих ограничению. А.Ю. Бушев, В.Ф. Попондопуло утверждают, что организующее воздействие на поведение участников корпоративных отношений оказывают не только нормы корпоративного (частного) права, но и нормы публичного права, устанавливающие, например, административную и уголовную ответственность за соответствующие правонарушения¹³.

В качестве сущностных признаков метода корпоративного права, отличающих его от методов правового регулирования других частно-правовых отраслей, можно выделить следующие:

¹¹ Рекомендательные нормы советского права / В.Л. Кулапов [и др.]; под ред. М.И. Байтина. Саратов: 1987. С. 59.

¹² Распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2002 N 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» // СПС «Гарант»

¹³ Бушев, А.Ю. Корпоративное право: проблемы науки и практики/А.Ю. Бушев, В.Ф. Попондопуло//Арбитражные споры. 2005. № 3

а) преимущественная диспозитивность метода корпоративного права, позволяющая осуществлять правовое регулирование корпоративной деятельности, обеспечивая реализацию общества и отдельных лиц в частности;

б) использование рекомендательного метода регулирования корпоративных правоотношений в качестве вспомогательного, преобладание разрешительных и рекомендательных правовых норм;

в) наличие императивного метода.

Таким образом, метод корпоративного права – это самостоятельный оригинальный инструмент правового регулирования, специфика которого проявляется в его диспозитивно – рекомендательном характере, с применением императивных норм, обусловленном особенностями предмета данной отрасли права. Метод правового регулирования корпоративного права преимущественно диспозитивный и направлен на обеспечение предоставления свободы участникам корпоративных отношений.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. Общая теория права. М., 1981 (Сочинения: в 2 т. / С.С. Алексеев; т.1)
2. Алексеев, С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. (Сочинения: в 2 т. / С.С. Алексеев, т. 1)
3. Байтин, М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005.
4. Бушев, А.Ю. Корпоративное право: проблемы науки и практики/А.Ю. Бушев, В.Ф. Попондопуло//Арбитражные споры. 2005. № 3
5. Маврин, С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1.
6. Рукавишников, И.В. Метод в системе правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 2003. № 1.
7. Сорокин, В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976.
8. Шебанов, А.Ф. Система советского социалистического права. М. 1961.
9. Шерстюк, В.М. Система советского гражданского процессуального права (Вопросы теории). М., 1989.
10. Явич, Л.С. Система советского права и систематизация законодательства// Теоретические вопросы систематизации советского законодательства/ Под ред С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М., 1962.
11. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972.

METHOD OF CORPORATE LAW

E. A. MOISEEVA

*Samara State University
of Economics*

e-mail: Evgenia-86@mail.ru

This article reveals the methods of corporate law and their signs. The article contains a description of the main methods of legal regulation of corporate law.

Key words: corporation, corporate law, dealing in-company, corporate person, method of legal regulation.

УДК 347.45

ДОГОВОР ОКАЗАНИЯ УСЛУГ СОТОВОЙ СВЯЗИ

С. В. ТЫЧИНИН¹⁾
А. А. ВАСИЛЬЧЕНКО²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail:
Tychinin@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
leha.vaa@yandex.ru

В данной статье исследуются аспекты правового регулирования договора оказания услуг сотовой связи, особенности услуг связи, приводится определение понятия договора, его отличия от сходных видов правоотношений, рассматриваются такие его элементы как предмет, права и обязанности сторон, основное внимание уделено ответственности оператора сотовой связи перед абонентом.

Ключевые слова: договор, услуга, сотовая связь, сеть связи, радиочастотный спектр, оператор, абонент, ответственность.

Сотовая связь, выступая одним из способов передачи информации, относится к подвижной беспроводной радиотелефонной связи, которая является наиболее динамично развивающимся сегментом рынка электросвязи. Свое название она получила от принципа организации связи, согласно которому зона обслуживания (территория города или региона) делится на ячейки (соты). Сотовая связь, в отличие от проводной связи, связанной со стационарными объектами, позволяет обмениваться информацией, перемещаясь в пространстве. Функционирование сотовой связи осуществляется посредством особого природного ресурса – радиочастотного спектра, который находится в ограниченном обороте. Радиочастотный спектр представлен в виде выделенных полос радиочастот и присвоения (назначения) радиочастот или радиочастотных каналов, причем особенностью владения и пользования радиочастотным спектром в сотовой связи является подчинение его воздействию передающих и принимающих устройств оператора сотовой связи. С помощью подвижной радиотелефонной сотовой связи оказываются не только услуги, “голосовой” связи, но и “неголосовые” услуги, как-то услуги по передаче коротких текстовых сообщений (SMS-сообщений), услуги по передаче мультимедийных сообщений (MMS-сообщений), услуги электронной почты, услуги мобильного интернета. Особенностью услуг сотовой связи является их неосязаемость, несохранность, постоянство качества, использование высокотехнологичного оборудования.

Необходимо отграничивать услугу связи как объект гражданских прав от действий по передаче адресованных сообщений по сети связи, осуществляемых специально уполномоченными на это органами государственной власти, курьерских услуг, услуг перевозки груза, транспортно-экспедиционных услуг, информационных услуг, иных услуг, оказываемых операторами связи с использованием сети связи, в том числе услуг по осуществлению почтовых переводов денежных средств, услуг по распространению сигналов программ телевизионного вещания и радиовещания через сети связи, а также действий по предоставлению доступа к сети связи.

В правоотношениях по оказанию услуг сотовой связи налицо совокупность сложных вещей, состоящая из самостоятельных разнородных вещей, образующих необходимую для оказания услуг сотовой связи совокупность: сотовый телефон, карта идентификации абонента, сеть сотовой связи. Целью договора об оказании услуг сотовой связи является удовлетворение материальных и нематериальных потребностей в передаче адресованной информации (общении) между лицами. Материальным носителем информации является неосязаемая вещь – радиосигнал, который передается по системам электрической связи. Услуга сотовой связи существует во времени, что определяется точной фиксацией специальным оборудованием времени соединения (общения) абонента и имеет количественный показатель – объем услуги.

SIM-карта (п. 2 Правил оказания услуг подвижной связи от 25.05.05 №328¹) – это карта, с помощью которой обеспечивается идентификация абонентской станции (абонентского устройства), ее доступ к сети подвижной связи, а также защита от несанкционированного использования абонентского номера.

Договор оказания услуг связи по своей правовой характеристике является консенсуальным, возмездным, двусторонним, взаимным, обязательным (ст. 445 Гражданского кодекса Российской Федерации²), публичным (ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации). Кроме того, договор присоединения сетей связи относится к организационным договорам (наладка оборудования, пропуск трафика и т.д.), а договор оказания услуг сотовой связи абонентам является договором присоединения (ст. 428 Гражданского кодекса Российской Федерации) и относится к реальным договорам (передача SIM-карты; поступление первого взноса за услуги сотовой связи на счет абонента у оператора связи – исполнителя). Следует согласиться с точкой зрения Суденко В.В. в том, что договор оказания услуг сотовой связи в целом является консенсуальным, т.к. особым его предметом является информация, не облеченная в вещественную форму³.

Договор оказания услуг сотовой связи представляет собой публичную письменную оферту, а ее акцепт будущим абонентом осуществляется путем совершения конклюдентных действий как в офисах сотовых операторов, так и у розничных продавцов и для признания его заключенным достаточно первого фактического подключения абонента к сотовой сети. Договор может заключаться также и с представителем оператора (агентом) на основании выданной ему доверенности, который предлагает абоненту только выбрать тариф (совокупность услуг, входящих в предмет договора) и подписать заранее подготовленный бланк договора – договор присоединения.

Услуга связи – это действия оператора связи по удовлетворению потребности конкретного лица в передаче адресованного сообщения (информации) через сети связи без изменения его содержания с сохранением тайны связи⁴.

Услуга сотовой связи – это деятельность, направленная на прием, обработку и передачу с помощью радиоволн определенного радиочастотного спектра с целью обеспечения непрерывной телефонной связи (местной, внутризонавой, междугородной, международной) между абонентами сети сотовой связи определенного оператора, а также между абонентами сети электросвязи общего пользования других операторов по их вызовам⁵.

Согласно ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации⁶ договором возмездного оказания услуг является договор, по которому исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность, а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Правила гл. 39 Гражданского кодекса Российской Федерации о возмездном оказании услуг применяются и в отношении договора оказания услуг связи.

В действующем законодательстве об услугах связи отсутствует легальное определение договора оказания услуг сотовой связи.

Д.Е. Петров определяет договор об оказании услуг связи как соглашение между оператором связи и абонентом (пользователем), в соответствии с которым оператор связи обязуется осуществить деятельность по приему, обработке, хранению, передаче, доставке сообщений электросвязи (знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода) по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам, а абонент (пользователь) обязуется оплатить эти услуги⁷.

¹ Правила оказания услуг подвижной связи, утв. Постановлением Правительства от 25.05.05 №328 // Информационно-правовая база “Консультант плюс”.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.94 №51-ФЗ // Информационно-правовая база “Консультант плюс”.

³ Суденко В.В. Договор оказания услуг радиотелефонной сотовой связи (12.00.03 – РГБ). – Дисс. ... к.ю.н. – Краснодар, 2003.

⁴ Жевняк О.В. Гражданско-правовой институт оказания услуг связи (12.00.03 – РГБ). – Дисс. ... к.ю.н. – Екатеринбург, 2009. – С. 39.

⁵ Скорикова Т.Н. Указ. соч. – С. 135.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.96 №14-ФЗ // Информационно-правовая база “Консультант плюс”.

⁷ Петров Д.Е. Понятие и виды договоров об оказании услуг связи // Правовые вопросы связи. 2008. №1. – С. 3.

О.В. Жевняк считает договором об оказании услуг связи такой договор, по которому одна сторона (оператор связи) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) передать вверенное ему сообщение определенному адресату или осуществить обмен такими сообщениями через сеть связи без изменения их содержания и с сохранением тайны связи, а заказчик обязуется оплачивать оказанную ему услугу связи, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон⁸.

В.В. Суденко определяет договор оказания услуг радиотелефонной сотовой связи как соглашение физического или юридического лица (абонента) с оператором радиотелефонной сотовой связи, по которому оператор обязуется предоставлять абоненту доступ к сотовым сетям радиотелефонной связи и оказывать прочие заказанные абонентом в соответствии с выбранным тарифным планом услуги, связанные с использованием сети и радиотелефонного оборудования, а абонент обязуется оплачивать их по цене, установленной договором⁹.

Т.Н. Скорикова делит договор оказания услуг сотовой связи на два подвида: договор оказания услуг присоединения сетей электросвязи (“оператор-оператор”) и договор оказания услуг сотовой связи абонентам (“оператор-абонент”). По *договору оказания услуг присоединения сетей электросвязи* присоединяющий оператор обязуется по заданию заказчика присоединяемого оператора связи в соответствии с согласованной проектно-сметной документацией и техническими условиями присоединения сетей электросвязи осуществить присоединение его сетей на определенном уровне присоединения с целью удовлетворения потребности присоединяемого оператора в установлении соединений и передачи информации между пользователями взаимодополняющих сетей электросвязи, а присоединяемый оператор обязуется уплатить как разовую плату за присоединение сети, так и периодические платежи за услуги присоединения и пропуск трафика в соответствии с тарифами присоединяющего оператора связи в порядке и сроки, установленные в законе, иных правовых актах или в договоре¹⁰. По *договору услуг сотовой связи абонентам* оператор сотовой (электрической) связи обязуется доставить по взаимодействующим сетям электрической связи поступившую на его средства связи с абонентского устройства информацию по входящим, исходящим и транзитным вызовам абонентов в целях их общения, а абонент, инициирующий передачу информации, обязуется уплатить за передачу этой информации плату в размере, определяемом тарифом (тарифным планом), за количество времени, затраченного оператором связи на передачу этой информации, фиксируемого на электронном сертифицированном оборудовании оператора связи¹¹.

Резюмируя вышеизложенное, сформулируем следующее определение. По *договору оказания услуг сотовой связи* оператор сотовой связи обязуется по заданию заказчика (абонента, оператора) совершить деятельность по передаче адресованной информации по вызовам абонентов без изменения ее содержания и с сохранением тайны связи, присоединению сетей электросвязи и оказывать прочие услуги, связанные с доступом к сетям сотовой связи, а заказчик обязуется оплачивать оказанную ему услугу, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон.

Предмет договора об оказании услуг сотовой связи составляют действия оператора по пространственному перемещению по определенному адресу информационного сообщения по сети связи, а также воздержание от совершения действий по изменению содержания сообщения и разглашению тайны связи и действия заказчика по оплате оказанных услуг, если иное не предусмотрено законом или договором. Таким образом, отграничение договора оказания услуг сотовой связи от других видов договоров происходит по предмету и направленности договора. Если предметом (результатом) других видов договоров может выступать конкретная материальная вещь (способная подвергаться обратимым и необратимым трансформациям), то предметом (результатом) договора оказания услуг сотовой связи выступает передача информации (сообщения) или обмен ей, а не сама информация (сообщение).

⁸ Жевняк О.В. Там же. – С. 9.

⁹ Суденко В.В. Там же. – С. 23.

¹⁰ Скорикова Т.Н. Указ. соч. – С. 66-67.

¹¹ Скорикова Т.Н. Указ. соч. – С. 71-77.

Форма договора оказания услуг сотовой связи (как присоединения сетей связи, так и абонентам) – письменная (ст. 161 Гражданского кодекса Российской Федерации). Еще одной особенностью заключения договора возмездного оказания услуг сотовой связи абонентам является его заключение с использованием *формуляров*, содержащих только существенные условия договора, а остальные условия договора определяются путем отсылки к Правилам оказания услуг сотовой связи определенного оператора. В практике заключения договора такая форма называется “регистрационная форма абонента”. Сам формуляр договора содержит сведения, индивидуализирующие абонента в сети сотовой связи определенного оператора, и тариф, применяемый при расчетах. В отношении других условий договора формуляр содержит отсылочную норму, т.е. имеет бланкетный характер при определении содержания договора¹².

Гражданско-правовое регулирование отношений по оказанию услуг связи вообще, и сотовой связи в частности, осуществляется нормами гл. 39 Гражданского кодекса РФ. Эти отношения регулируются также нормами специального законодательства, образующими самостоятельный институт законодательства об электрической связи (Федеральный закон «О связи» от 07.07.03 №126-ФЗ; Правила оказания услуг подвижной связи, утв. Постановлением Правительства от 25.05.05 №328; Положение об оплате использования радиочастотного спектра в РФ, утв. Постановлением Правительства РФ от 06.08.98 №895; Правила оказания универсальных услуг связи, утв. Постановлением Правительства от 21.04.05 №241; Правила оказания услуг местной, внутризонавой и международной телефонной связи, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.05.05 №310; Правила оказания услуг по передаче данных, утв. Постановлением Правительства от 23.01.06 №32; Правила присоединения сетей электросвязи и их взаимодействия, утв. Постановлением Правительства от 28.05.05 №161 и др.).

Сторонами (субъектами) в договоре по оказанию услуг сотовой связи являются операторы сотовой связи и абоненты. Одним из индивидуализирующих признаков договора оказания услуг сотовой связи является участие третьих лиц в правоотношениях.

Оператор сотовой связи – это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии (ст. 2 Федерального закона от 07.07.03 №126-ФЗ “О связи”¹³).

Абонент (ст. 2. Федерального закона от 07.07.03 №126-ФЗ “О связи”) – пользователь услугами сотовой связи, с которым заключен договор об оказании услуг при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации.

В обязательствах по присоединению к сетям электросвязи и пропуску трафика сторонами являются операторы всех видов электрической связи, которые в договоре могут выступать как заказчиками, так и исполнителями. В обязательствах по оказанию услуг сотовой связи абонентам сторонами являются операторы сотовой связи, на которых лежит функция исполнителя по оказанию сотовой связи абонентам и абоненты-заказчики, которыми могут выступать любые субъекты гражданского права (граждане, иностранцы, лица без гражданства, юридические лица, государственные и муниципальные органы, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования).

Основными обязанностями операторов сотовой связи являются: 1) обязанность оказывать услугу присоединения сетей связи; 2) обязанность предоставления абоненту необходимой и достаточной информации; 3) доводить до сведения абонентов правила пользования средствами сотовой связи во время оказания услуг и особенностях воздействия электромагнитных излучений; 4) обязанность доступности другого оператора связи абонентам своих сетей; 5) устранять в установленные сроки технические неисправности, препятствующие пользованию услугами подвижной связи; 6) не менее чем за 10 дней до введения новых тарифов на услуги подвижной связи извещать об этом абонентов через средства массовой информации; 8) обязанность не изменять содержание информации и соблюдать тайну связи и др.

¹² Скорикова Т.Н. Там же. – С. 92-93.

¹³ Федеральный закон “О связи” от 07.07.03 №126-ФЗ // Информационно-правовая база “Консультант плюс”.

Права операторов сотовой связи: 1) право на получение оплаты от абонента за оказанные услуги связи; 2) право оператора контролировать использование абонентом надлежащего абонентского устройства (сотового телефона), отвечающего требованиям безопасной эксплуатации сети сотовой связи; 3) оператор связи вправе приостановить предоставление услуг сотовой связи.

К основным обязанностям абонента относятся: 1) обязанность оплатить услугу связи; 2) использовать для подключения к сети сотовой связи оборудования, соответствующего установленным требованиям; 3) незамедлительно сообщать оператору связи об утере SIM-карты; 4) в течение 60 дней сообщать оператору связи об изменениях персональных данных.

К правам абонента относятся: 1) получать необходимую и достоверную информацию об операторе связи, режиме его работы, оказанных услугах сотовой связи; 2) требовать перерасчета абонентской платы вплоть до полного возврата сумм, уплаченных за услуги сотовой связи, в связи с не предоставлением услуг не по вине абонента или предоставлением их ненадлежащего качества; 3) отказаться от уплаты услуг сотовой связи, предоставленных ему без согласования и не предусмотренных договором; 4) получать по письменному заявлению детализацию счета по всем видам услуг подвижной связи с указанием даты и времени всех состоявшихся соединений, их продолжительности и абонентских номеров (п. 27 Правил оказания услуг подвижной связи от 25.05.05 №328).

К существенным условиям договора присоединения сетей электросвязи относятся условия о предмете, сроке оказания услуг по присоединению сетей связи (пропуску трафика), а также об объеме и порядке передачи сведений об абонентах. Другие условия являются обычными условиями договора, сформулированные в императивных нормах.

В соответствии с п. 20 Правил оказания услуг подвижной связи от 25.05.05 №328, к существенным условиям договора оказания услуг сотовой связи абонентам относятся: а) назначенный абоненту абонентский номер из выделенного оператору связи ресурса нумерации географически не определяемой зоны нумерации или уникальный код идентификации; б) оказываемые услуги подвижной связи; в) порядок, сроки и форма расчетов; г) система оплаты услуг подвижной связи.

Договор оказания услуг сотовой связи считается заключенным, если потенциальный абонент имеет особый набор, включающий в себя: 1) радиотелефон; 2) SIM-карта; 3) техническая и организационная документация; 4) карта оплаты¹⁴.

Ответственность сторон в рассматриваемом договорном правоотношении носит имущественно-компенсаторный характер и может выражаться в различных формах (взыскание неустойки, возмещение убытков, компенсация морального вреда и т.д.). На сегодняшний день рассмотрение ответственности оператора перед абонентом является особенно актуальной проблемой. В пункте 56 Правил от 25.05.05 №328 устанавливаются основания ответственности оператора перед абонентом за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору: а) нарушение сроков обеспечения доступа к сети подвижной связи; б) нарушение установленных в договоре сроков оказания услуг подвижной связи; в) оказание не всех услуг подвижной связи, указанных в договоре; г) некачественное оказание услуг подвижной связи; д) непредставление, неполное или несвоевременное представление информации, связанной с оказанием услуг подвижной связи; е) нарушение требований об ограничении распространения сведений об абоненте, ставших известными оператору связи в силу исполнения договора; ж) нарушение тайны телефонных переговоров и сообщений.

На практике нарушения прав абонентов-потребителей чаще всего происходят при непредставлении, неполном или несвоевременном представлении информации об оказываемой услуге сотовой связи, о тарифах на услуги сотовой связи, разглашениях тайны связи и персональных данных абонентов, мобильном мошенничестве¹⁵. В Правилах от

¹⁴ Суденко В.В. Указ. соч. – С. 48-49.

¹⁵ См., например, Артемов В.В. SMS-бизнес и закон // Правовые вопросы связи. 2007. №1; Юшкевич А.В. Актуальные вопросы соблюдения тайны связи // Правовые вопросы связи. 2008. №1; Юшкевич А.В. Теория и практика применения законодательства в области оказания услуг связи. Повременная система оплаты услуг // Юрист. 2007. №12.

25.05.05 №328 совершенно отсутствуют нормы о способах установления (фиксации) нарушений, допущенных оператором связи, что делает достаточно трудным для абонента, ввиду технической безграмотности, доказывать факт нарушения при оказании услуг сотовой связи, т.е. в способах установления причинной связи имеются явные проблемы в гражданско-правовом регулировании. Отсутствие норм о фиксации нарушений затрудняет установление не только причинной связи, но и факта причинения убытков абоненту, а, следовательно, и определение их размера¹⁶. Практика показывает, что зачастую абонент остается один на один с сотовыми компаниями и заключает кабальные договоры, закрепляющие безответственность оператора перед абонентом. Вместе с тем, в силу публичности договора оказания услуг сотовой связи абонентам (ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации; ст. 45 Федерального закона от 07.07.03 №126-ФЗ “О связи”), регулирование вопросов ответственности операторов сотовой связи должно устанавливаться государством, потому что абонент в договоре оказания услуг сотовой связи является более слабой стороной, нуждающейся в защите.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что на федеральном уровне необходимо принять Правила оказания услуг сотовой связи, которые учитывали бы все аспекты данного вида услуг и особенно ответственность операторов сотовой связи перед абонентами.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.94 №51-ФЗ // Информационно-правовая база “Консультант плюс”.
2. Федеральный закон “О связи” от 07.07.03 №126-ФЗ // Информационно-правовая база “Консультант плюс”.
3. Правила оказания услуг подвижной связи, утв. Постановлением Правительства от 25.05.05 №328 // Информационно-правовая база “Консультант плюс”.
4. Суденко В.В. Договор оказания услуг радиотелефонной сотовой связи (12.00.03 – РГБ). – Дисс. ... к.ю.н. – Краснодар, 2003.
5. Жевняк О.В. Гражданско-правовой институт оказания услуг связи (12.00.03 – РГБ). – Дисс. ... к.ю.н. – Екатеринбург, 2009. – С. 39.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.96 №14-ФЗ // Информационно-правовая база “Консультант плюс”.
7. Петров Д.Е. Понятие и виды договоров об оказании услуг связи // Правовые вопросы связи. 2008. №1. С. 3.
8. Артемов В.В. SMS-бизнес и закон // Правовые вопросы связи. 2007. №1;
9. Юшкевич А.В. Актуальные вопросы соблюдения тайны связи // Правовые вопросы связи. 2008. №1.
10. Юшкевич А.В. Теория и практика применения законодательства в области оказания услуг связи. Повременная система оплаты услуг // Юрист. 2007. №12.

CONTRACT OF RENDERING SERVICES OF CELLULAR COMMUNICATION

S. V. TYCHININ¹⁾

A. A. VASILCHENKO²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail:
Tychinin@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
leha.vaa@yandex.ru

The article discusses the aspects of legal regulation of the contract of rendering services of cellular communication. The features of telecommunication service are observed. The definition of the concept of contract and its difference from similar kinds of legal relationship is analysed. Its elements such as a subject, the rights and duties of the parties are considered, and the basic attention is given to the responsibility of the operator of cellular communication to the subscriber.

Key words: contract, service, cellular communication, communication network, radio-frequency spectrum, operator, subscriber, responsibility.

¹⁶ Скорикова Т.Н. Указ. соч. – С. 225.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 323.28

О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

С. Н. БОРИСОВ¹⁾
А. В. РИМСКИЙ²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

*¹⁾e-mail:
SBorISOV@bsu.edu.ru*

*²⁾e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема противодействия терроризму. Терроризм рассматривается как культурно-антропологический и знаково-символический феномен. Отмечается необходимость комплексной методологии исследования и выявляются основания социокультурных практик противодействия терроризму на региональном уровне.

Ключевые слова: терроризм, социокультурные практики, противодействие, субкультура, идетичность.

Проблема противодействия проявлениям терроризма сопряжена с целым рядом других проблем, подчас сугубо теоретического свойства. Одной из них является проблема понятийного определения терроризма и философской методологии его исследования. Решение этих взаимосвязанных задач все больше напоминает движение по кругу, в котором научная парадигматика предпринимает попытку отсылки к практике, а та, в свою очередь, обратно к теории.

Как минимум эта ситуация на уровне теории есть признание в неспособности наличными понятийными средствами ответить на поставленный вопрос о сути терроризма и в последствии противодействия ему. Сам же предмет изучения остается неизменно фрагментарным в восприятии исследователей и потому решение проблемы определения терроризма всегда недостаточно и частично. Оно начинается уже с самого определения, отсылающего к категориям насилия, политики или власти. Эта линия рассмотрения, которую мы позволим себе обозначить «классической», поскольку терроризм здесь мыслится как некие насильственные действия, направленные против власти или же устрашение политических оппонентов. Имманентно присутствующий политический мотив делает это определение достоянием уже минувшей эпохи модерна, явившей примеры революционного терроризма и государственного.

Современность связана с террористическими проявлениями другого порядка, с терроризмом не столько государственным, сколько негосударственным, глобальным или сетевым. Противостояние, фиксируемое ранее по линии борьбы за легитимность, реализуется иначе, оно становится более многогранным, затрагивающим культурные, религиозные и иные стороны жизнедеятельности.

Проблема определяемости терроризма в современности во многом связана не только с усложнением самого объекта исследования, который все еще остается *tabula rasa*, что есть лишь одна сторона; но также с девальвацией самих фундирующих понятий и, прежде всего, таких как власть и насилие. Вторая сторона проблемы определяемости зиждется на том, что устоявшийся комплекс понятий, позволявших говорить о терроризме, претерпел изменения. Складывается новая линия в исследовании терроризма, «неклассическая», описывающая его в терминах симуляции и симулякра («Ж. Бодрийяр), амбивалентности бытия и ничто (Ж.-Л. Нанси, А. Бадью), эстетики исчезновения (М. Сюрри), коммуникации (В.Б. Петухов) и прочих дефиниций, выводящих рассматриваемую проблему за привычные рамки очевидности.

На сегодняшний день дефиниционное поле терроризма вызывает желание отказаться от попыток целостного рассмотрения этого явления в силу его противоречивости и неопределенности. Во многом терроризм становится «пустым словом», позволяющим наделять его любыми и часто взаимоисключающими значениями. Как показал Д. Агамбен: «в жизни понятий есть один момент, когда они теряют свою непосредственную познаваемость и, подобно любому пустому слову, могут быть нагружены противоречивыми значениями. У религиозных феноменов этот момент наступил в конце XIX в. вместе с рождением современной антропологии, в центре которой не случайно стоят такие двусмысленные понятия, как *mana*, *tabu* и *sacer*... понятие *mana* функционирует как избыточное означающее, не имеющее другого смысла, кроме как сигнализировать об избыточности означающей функции по отношению к означаемому»¹. Что указывает на еще один немаловажный аспект, который можно определить как контекст рассматриваемой проблемы терроризма, связанный с изменением социокультурных реалий персонифицированных глобализацией, культурными изменениями, политическими, социальными, экономическими и прочими процессами, происходящими вне собственно философского дискурса, но оказывающие на него влияние.

Следует учитывать три аспекта проблемы определения и методологии исследования терроризма. Первое, изменение того, что мы называем терроризмом. Второе, динамику социогуманитарного и философского дискурсов (смену исследовательских парадигм); а также, третье, социокультурный контекст исследования. Возникает вопрос, что может являться точкой пересечения этих аспектов и позволит соединить изменения, происходящие в культуре и социуме с дискурсивными формациями и всегда недоопределенным явлением терроризма? В нашем исследовании таким центром будет, безусловно, человек, поскольку нас интересует социокультурные практики противодействия терроризму. Более того, фигура человека есть реальное пересечение указанных аспектов и по нашему глубокому убеждению только с позиций антропологии возможно если не объединить, то в некотором роде согласовать знание о явлении терроризма, а также выявить практики противодействия ему.

Таким образом, при анализе терроризма следует учитывать:

- его изменчивость, что требует учета исторического контекста (принцип историзации);
- сложный характер явления, сочетание идеологического, политического, религиозного и иных составляющих, что делает необходимым сочетание различных методологий, соответствующих основным этапам (видам) *эволюции терроризма*;
- нам представляется возможным выделить три основных этапа эволюции терроризма:
 1. Традиционалистский (в своей основе религиозный);
 2. Модерна (национально-революционный);
 3. Постмодерна (культурный-транскультурный).

Рассмотрение генезиса насилия и терроризма сквозь призму различных методологий требует некоего общего основания для сборки самого объекта исследования. Таким основанием в нашей работе выступает человек, его деятельность в конкретных социокультурных и исторических условиях. Данный факт позволяет соотнести феномен терро-

¹ Agamben G. *Homo sacer* Frankfurt a.M., 2002. p.90/ Григорьева Н.Я. Эволюция антропологических идей в европейской культуре второй половины 1920-1940-х гг. СПб., 2008. – С. 113.

ризма с проблемой культурно-онтологических оснований насилия. Трактовка культуры в русле деятельностного подхода в сочетании с привлечением концепций Б.Ф. Поршнева, М. Мосса, Р. Кайуа, Р. Жирара, позволяет выделить культурно-антропологические основания насилия и терроризма.

Так, согласно модели антропокультурогенеза, предложенной Б.Ф. Поршневым, возникновение культуры и человека тесно связано с насилием: «человечество как целое первоначально выступает в виде мелкочаеистой сетки, нити которой (границы и контакты) несут преимущественно отрицательный заряд; и связь, и взаимопроникновение отдельных племен с соседями выступают главным образом в виде негативного взаимодействия, отталкивания, обособления друг от друга. Наряду с этим наличествуют и формы диффузии и смешения, однако главной остается связь противопоставления... Вместе с тем, та или иная связь от одной общности к другой и дальше по цепочке существовала практически всегда. Начиная с верхнего палеолита, она укреплялась и умножалась, по мере расширения Эйкумены выделялись центры и периферия, возникали многообразные культурные контакты»². Таким образом, можно утверждать, что на ранних ступенях бытия культуры обмен деятельностью в значительной степени носил насильственный характер (негативное взаимодействие племен в рамках дуально-этнического отношения «мы-они»³). Деятельность, лежащая в основе как культуры, так и насилия, связывает эти два феномена человеческого бытия.

Формализация и символизация насилия в культуре создавала механизмы его локализации и контроля, подробно исследованные М. Моссом, Р. Кайуа и Р. Жираром применительно к обществу традиционному.

Так, по мнению Р. Жирара, общественный характер жертвоприношения (одной из ритуализированных форм насилия) позволяет говорить о значимости этого института для общества. Насилие, которое неизбежно возникает в сообществе людей, *разрушает* его. Жертвоприношение же позволяет *сублимировать эту разрушительную энергию*, направить на строго определенную жертву, которая заменит и спасет остальных. И лишь впоследствии жертвенное насилие приобретает сакральный статус, что обусловлено стремлением вытеснить не только само насилие, но даже понимание механизма его подавления⁴. Жертвоприношение исключает насилие из сообщества, направляя его вовне, то есть на жертвоприношение посторонних, *чужих*. Вместо взаимных нападок члены одного общества объединяются в едином насильственном акте, где каждый нейтрализует свое собственное насилие.

Очевидно, следует согласиться с Р. Жираром в том, что постепенно этот социальный характер жертвоприношения «затушевывается», и под него подводится религиозное основание и объяснение в том смысле, что механизм вытеснения насилия воплощается в мифе (*речь-миф*, объединившая индивидуальные и коллективные формы суггестии, сакральные запреты). И чем более прозрачной становится связь между насилием и жертвоприношением как механизмом его нейтрализации, тем более эффективно функционирует этот институт.

Выстраивание логики локализации насилия по линии «свой – чужой» в обществе традиционном осуществлялось в рамках родоплеменной и религиозной идентификации. Эпоха модерна вносит существенные изменения в указанную схему и переформатирует линии локализации насилия по принципу политическому, пришедшему на смену религиозной идентичности; а также национальной, сменившей родоплеменную идентичность. Буржуазные революции породившие форму революционного террора, сменивший их террор государственный (тоталитаризм) в настоящее время (эпоху постмодерна) эволюционируют в террор метагосударственный – транскультурный, порожденный гиперциркуляцией знаков, панамериканской глобализацией. Теперь линии локализации насилия преимущественно проходят вне множеств организованных политически или национально, а более культурно. Терроризм как форма насилия, деятельности, субкультура,

² Цит. по: В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов. Сущность культуры. – Ростов-н/Д, 1979. – С. 175.

³ См. подробнее: В.П. Римский. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.

⁴ Жирар Р. Насилие и священное. – М., 2000.

связывает множество людей различных культур, государств и даже вероисповеданий. Это сетевое формообразование делает все указанные различия проницаемыми и основывается на транскультурных основаниях.

Вместе с тем, вневременной характер культурных детерминант насилия и терроризма должен быть дополнен анализом конкретных исторических и социальных условий активизации указанных практик. Поскольку его проявления конкретны, а задача его пресечения и профилактики реализуема в выделении различных типов насилия и видов терроризма по критерию их знаково-символического воплощения. При этом подобный анализ должен сопровождаться решением основных противоречий: террористическая деятельность – культура; антикультура – культура; транскультура – культура в ее аспектах универсальности и глобализации.

Воплощение и существование феномена терроризма в *знаково-символической реальности* дает возможность рассмотреть его с использованием методологии культурной семиотики не только как понятия и концепта, социокультурного и антропологического феномена, но и в качестве знаково-символического пространства бытия человека, понимаемого как организованное множество значений и смыслов, выраженных в художественном творчестве, пространстве театра и кино, литературы, массовой культуры.

При анализе современного терроризма следует учитывать, что знаково-символическое пространство, в котором возникает террористический объект, есть неотъемлемая часть культуры, а терроризм следует отличать от дискурса о терроризме. Целесообразно, в данной связи, уточнить понятие дискурс, которое также неоднозначно и имеет массу значений. В нашем понимании дискурс является культурно, исторически, властно и контекстуально организованным «текстом». То есть совокупностью высказываний, возникающих и обусловленных (ограниченных), определенными культурно-историческими условиями.

Примером может являться возникновение «глобального терроризма» как дискурсивного объекта, чему предшествовали определенные исторические события. «Глобальный терроризм», как дискурсивный конструкт, имеет четкий признак, которым является наделение событий номинируемых как терроризм коннотациями глобальной угрозы. Такой «поворот» глобального медиа-дискурса произошел после трагических событий, произошедших на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене. Акция палестинской организации «Черный сентябрь» не была первым проявлением международного терроризма, но последующую за ней реакцию мирового аппарата СМИ можно считать первым шагом к формированию бренда «терроризма глобального». В работе Брюса Хоффмана «Терроризм изнутри» утверждается, что «около 900 миллионов человек в 100 странах наблюдали за развитием кризиса на телевизионном экране»⁵. Несомненно, что это первый пример встраивания терроризма в глобальный контекст средствами массмедиа. Реальность глобализированного мира, глобальной культуры нуждалась в освоении терроризма как явления, что произошло средствами массмедиа в форме новостей, а в дальнейшем документального и художественного кино.

Не менее интересен процесс дискурсивизации терроризма средствами истории. Проблема бытования в историческом дискурсе террористических объектов обращает нас к событиям, трактуемым как исторические. Они, по сути, уже являются повествованием (нарративом). Именно повествование является продуктом исторического дискурса. Франк Анкерсмит выражается по этому поводу более точно, говоря о том, что «...исторические повествования являются репрезентациями прошлого»⁶. Он (нарратив) есть то, что делает прошлое вновь актуальным, присутствующим. И это неперемное условие исторического дискурса, которое, говоря словами А. Бадью, можно назвать «верностью»⁷, задает вопрос о соотношении прошлого и самого нарратива. Рассмотрение такого соотношения есть вопрос уяснения истинности повествования, а само требование истинности или «верности» событию можно рассматривать как правило собирания высказываний исторического дискурса.

⁵ Хоффман, Б. Терроризм изнутри. М., 2003. С. 86.

⁶ Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М.: Идея-Пресс, 2003. – С. 9.

⁷ Бадью, А. Этика: Очерк о сознании Зла. – СПб.: Machina, 2006.

Высказывания в границах исторического дискурса должны соответствовать правилу истинности, сохраняя верность самому событию, воспроизводя его уже как событие историческое в единой связи с другими событиями. Остается лишь вопрос о возможности сохранения верности событию террористическому, возможна ли его «переделка» в историческое, то есть упорядоченное и соотнесенное с другими событиями. Мы можем предположить, что нет. Экстраординарность террора (что есть его сущностное свойство) не позволяет встроить его в канву прочих событий истории в своей собственной определенности. Верность террору как его реактуализация в дискурсе истории невозможна и по причине столкновения дискурса исторического, то есть институционального, и антиинституционального террористического события.

Помимо этого историей признается только творение историка. Субъект исторического дискурса, говорящий от имени истории и формально соблюдающий принцип объективности⁸, всегда воспроизводит речь власти, институционализированную и узаконенную. Только обладающий правом легитимности имеет право на голос и историю. Террорист как оппонент законной власти лишен права голоса и права на историю. Лишь ускользание легитимности и ее изменчивая природа, дающая шанс террористу стать властью (законной), реализует историю терроризма как события. Такая история, раздираемая внутренним противоречием, не может существовать долго. Легитимизирующая функция истории, ее вечное стремление описать прошлое раз и навсегда, сопротивляется изначально присущей терроризму противоположности легитимности как таковой, космос истории с трудом может вместить хаос терроризма.

История отказывает терроризму в репрезентации, возможность существования террористического дискурса в истории «подменяется» дискурсом о терроризме. Высказывания о терроризме локализуются на пересечении иных дискурсов, прежде всего, дискурса политического (революционер – контрреволюционер), юридического (легитимное насилие государства – нелегитимное преступников-террористов), психологического (терроризм как формы болезни и антисоциальное поведение), военного (иррегулярные формы ведения войны, террор как проявления диверсионной деятельности).

В свою очередь, нельзя не упомянуть о сложной, по сути диалектической связи означаемого и означающего, терроризма как явления и дискурсивного объекта. Поскольку рецепция дискурса, его интериоризация не могут не влиять на мысли и поступки людей. Данное утверждение позволяет несколько иначе оценить факт «авторства» терроризма. Традиционной является точка зрения, согласно которой палестинские (исламские, международные и прочие) террористы, совершившие теракт, стремились привлечь внимание к той или иной проблеме и использовали для этой цели мировые СМИ. Составляющими этой террористической стратегии является выбор значимого объекта, позволяющего привлечь внимание мировой общественности, а точнее массмедиа, которые донесут это послание до адресатов.

Ключевым является то значение, которое мы придаем собственно передаче сообщения. Иначе говоря, сводится ли роль СМИ только к передаче? Дискурсивная теория подразумевает, что социальные объекты (такие, как терроризм в нашем случае) являются результатом властной и исторически обусловленных процессов социального конструирования. Множество событий, номинируемых как террористические, оставались и остаются исключенными из глобального дискурса о терроризме, что ясно свидетельствует о необходимости «перевернуть» привычную схему и рассматривать массмедиа не только как активного участника в передаче сообщения, но как автора глобального дискурса о террористической угрозе⁹.

Вместе с тем, совершенствование социокультурных практик противодействия региональным проявлениям терроризма выстраивается вокруг трактовки терроризма как культурно-антропологического и знаково-символического феномена. При этом под социокультурной практикой мы будем понимать любую форму активности, проявляющуюся в социокультурной системе.

⁸ Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Наука, 2003 – С. 431.

⁹ См. Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Дискурсивное конструирование глобальной угрозы терроризма в СМИ// Вестник Поморского университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2010. Вып. 7. С. 142-146.

Эти исходные положения обуславливают и предполагают три аспекта (своеобразных точек приложения активности и совершенствования): субъекта, культуру и общество. Излишне говорить об их взаимосвязи и взаимозависимости, однако исходя из поставленных задач, приоритетным мы будем считать уровень 1) субъекта и далее 2) культуры и 3) общества.

Как мы показали ранее, именно антропологический ракурс рассмотрения проблемы терроризма позволяет выявить его статус как культурно-исторически обусловленной формы насилия, выстраиваемой вокруг проблемы идентичности¹⁰. Концептуализация этой идеи предполагает обращение к идеям структурного психоанализа Ж. Лакана, согласно которому субъект конституирован бессознательным, выстраивающемся символическими средствами. Субъект как целостность конструирует себя в дискурсе Другого или других, шире культуры в целом.

Таким образом, если исходить из представлений об идентичности как о динамическом, дискурсивном процессе, то любые попытки формирования завершеного, конечного определения идентичности для субъекта следует рассматривать с точки зрения их манипулятивного, властного и идеологического потенциала¹¹. В этой связи, иллюзия наличия стойкой идентичности может быть охарактеризована как продукт манипулятивного идеологического воздействия, создающий условия для формирования предубеждений, а затем и фанатизма в отношении всего того, что входит и не входит в установленные границы идентичности.

Вместе с тем, возможность манипуляции, проявляющаяся на уровне конструирования идентичности, создает возможности для профилактики террористических проявлений на уровне дискурсивных (социокультурных) практик.

Другой аспект знаково-символического рассмотрения феномена терроризма заключается в том, что идентичность как объект исследования оказывается сопряженной с проблематизацией идентичности самого исследователя. Процессуальность, как свойство идентичности, выходит за границы теоретических деклараций и находит свое воплощение в исследовании еще «до» самого исследования, поскольку предполагает факт завершенности в виде номинирования тех или иных объектов реальности в качестве террористических, что подразумевает фигуру «эксперта-ученого». Его роль может сводиться к целому ряду рефлексивных возможностей относительно объекта исследования, однако более значимы его властно-идеологическая функция. Монополизация дискурса о терроризме политико-юридическим дискурсом отнюдь не способствует целостному и объективному анализу. Очевидно, что необходима «диверсификация» и интенсификация дискурса о терроризме.

Рассмотрение феномена терроризма на уровне культуры позволяет применить к его анализу субкультурную методологию, что обосновано необходимостью учета региональных особенностей. Субкультуру терроризма следует рассматривать как пограничную с различными видами экстремистских субкультур, выстраивающих свою идентичность, преимущественно, вокруг националистической, религиозной или этнической идеологии. Сами же экстремистские субкультуры с другой стороны близки к идеологиям вполне легальных культурных (институционально оформленных) формообразований патриотического (некоторые политические партии), ортодоксального (традиционные религии) и этнического толка. Актуализация этой пограничности и создание возможности перехода от экстремистских социокультурных практик к легальным, в том числе и на уровне знаково-символического воплощения создает возможности для противодействия региональным проявлениям терроризма и экстремизма.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М.: Идея-Пресс, 2003.
2. Agamben, G. Homo sacer Frankfurt a.M., 2002.

¹⁰ См. Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Терроризм: идентичность и дискурс// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия Наука и образование. СПб., 2010. Том 2. 2-2 (100). С. 244-248.

¹¹ Dijk van Teun. Discourse and Power. Palgrave Macmillan, 2008.

3. Бадью, А. Этика: Очерк о сознании Зла. – СПб.: Machina, 2006.
4. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Наука, 2003
5. Григорьева, Н.Я. Эволюция антропологических идей в европейской культуре второй половины 1920-1940-х гг. СПб., 2008.
6. Давидович, В.Е., Жданов, Ю.А. Сущность культуры. – Ростов-н/Д, 1979.
7. Dijk van Teun Discourse and Power. Palgrave Macmillan, 2008.
8. Жирар, Р. Насилие и священное. – М., 2000.
9. Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Дискурсивное конструирование глобальной угрозы терроризма в СМИ// Вестник Поморского университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2010. Вып. 7. С.142-146.
10. Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Терроризм: идентичность и дискурс// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия Наука и образование. СПб., 2010. Том 2. 2-2 (100). С. 244-248.
11. Римский, В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.
12. Хоффман, Б. Терроризм изнутри. М., 2003.

ON SOCIOCULTURAL PRACTICES OF COUNTER-TERRORISM

S. N. BORISOV¹⁾

A. V. RIMSKIY²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail:
SBorisov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru

The article considers the issue of counter-terrorism. Terrorism is observed as a cultural anthropological and semiotic phenomenon. The authors distinguish the necessity for the complex methodology and describes the premises for sociocultural practices of counter-terrorism on the regional level.

Key words: terrorism, sociocultural practices, counteraction, sub-culture, identity.

УДК 1(091)

ПОЗИТИВНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

В. П. ЕРМАКОВ¹
А. Д. ПОХИЛЬКО²

*Армавирский Православно-
Социальный институт*

¹*e-mail: aspermakov@mail.ru*

²*e-mail:
nauka2007-2008@mail.ru*

В статье выясняется позитивная значимость кризиса в аспекте диалектики снятия противоречий личностной и семейной автономии как базовых духовных ценностей. Духовный кризис обладает особенностью, которая выражает комплексные угрозы личностной автономии и формам ее выражения в социокультурных институтах. Кризис общества, человека и культуры неразрывно взаимосвязаны.

Ключевые слова: индивидуальная идентичность, духовный кризис, духовная культура, искусство, нравственность, личность, социокультурные институты, семья, религия, автономия.

Понятие кризиса в общенаучном аспекте близком к его философской интерпретации исследовал еще А.А. Богданов (Малиновский) в своей «Тектологии» (общей теории систем)¹. В настоящее время понятие кризиса становится еще более актуальным и стало предметом пристального внимания не только экономистов, но и социологов, медиков, психологов, философов и других представителей гуманитарных и общественных наук². В частности, мы затронем философско-антропологический аспект проблемы³. Мы затрагиваем здесь экзистенциальные и психолого-педагогические аспекты проблемы кризиса, связанные с проблемой относительной самостоятельности и автономности индивидуального сознания в контексте комплексного рассмотрения кризиса в его социальном, культурном и человеческом измерениях.

Существует ли кризис глобальный, сочетающий в себе социальное культурное и человеческое измерения? Самый оптимистический ответ («нет») необходимо сразу же отвергнуть, ссылаясь на аргументы изложенные в книге П.А. Сорокина «Кризис нашего времени»⁴. Во многих работах он на основе обширных доказательств одним из первых констатировал, что «все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис»⁵. «В противовес диагнозу оптимистическому настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. Это не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов»⁶. Рассмотрим различные стороны современного кризиса в экзистенциальном аспекте.

Что означает термин «кризис»? В переводе с греческого это слово означает «решение», «поворотный пункт». Кстати, решение у греков имеется в виду судебное, т.е. это как раз время, когда выносится приговор и наступает определенность. В нашем случае кризис означает аналогичный поворотный пункт в развитии сознания индивида, когда перед ним встает очень серьезная проблема. Он не может ее сразу решить, нет привычного алгоритма разрешения. Конечно, серьезность проблемы тоже относительна. Даже в самые спокойные минуты наш организм и наше подсознание решают проблемы и достаточно серьезные, просто это незаметно. Может быть, вся наша жизнь-это непрерывная череда кризисов. Например, сон – это явный и заметный кризис, когда организм отключается от контакта с окружающей средой и работает в режиме off line наподобие компьютера. Но мы привыкли называть кризисом только самые заметные в обыденной жизни кардинальные изменения: потеря работы, развод, смерть родного человека, опасное заболевание и т.д.

¹ Богданов А.А. Тектология : Всеобщая организационная наука. – М.: Финансы 2003. – 496 с.

² Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. – 272 с.

³ Bollnow O. F. Existenzphilosophie und Paedagogik. – Stuttgart: Verlag, 1960. 159 S.

⁴ Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 427-428.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ Там же. С. 429.

Интересно, что Ф.Е. Василюк в своей книге «Психология переживания» (М., 1984) называет процесс преодоления критических ситуаций «переживанием», вкладывая в это слово несколько необычный смысл, т.е. отмечая творческую активность этого процесса⁷. В обыденной жизни мы говорим: – «Это надо пережить!», понимая под переживанием пассивное созерцание ситуации, имея в виду, что надо выстоять, переждать, как выживают при стихийных бедствиях. Но переживание может истолковываться и как внутренняя интеллектуальная работа по восстановлению душевного равновесия, обретению нового смысла существования. Таким образом, имеется в виду творческое переживание.

В.А. Донченко и Т.М. Титаренко анализируют специфику «переживания» кризисов различными типами личности⁸. Подлинно творческая личность – артист, писатель, художник – неизбежно попадает в кризисы, которые носят конструктивный характер, обладают творческим потенциалом. Такая личность приобретает опыт волевого поведения в критических ситуациях и не теряется, не паникует. Она сознательно ищет выход из сложившейся ситуации. Выход может быть либо в простом возобновлении прерванной привычной жизни, либо в перерождении ее в другую жизнь, пробуждение к новой жизни. В любом случае активность личности по преодолению кризиса становится самостроительством, самосозданием, т. е. творчеством. Парадокс, но разрушительные события в жизни человека могут стать точками духовного роста личности, обновления ее сознания. Конечно, такой исход кризиса характерен именно для творческих личностей. Для моральных иждивенцев, эгоистов, паразитов в человеческом облике кризис может кончиться плачевно: деградацией, самоубийством, переходом на более низкий уровень существования. Такие люди теряют контроль над ситуацией, проявляют пассивность.

В периоды кризисов человек переосмысливает свой жизненный опыт, свое мировоззрение. Переживания, связанные с переосмыслением, у творческих личностей выливаются в усиление творческой активности из-за потребности самовыражения, потребности выплеснуть свои чувства и мысли в мир.

Весьма уместным мы считаем рассмотрение вопроса о ценности экзистенциальных кризисов личности на материале педагогической антропологии. В частности, Отто Ф. Больнов попытался соединить экзистенциализм в его позитивном варианте и педагогику. К сожалению, на русский язык переведена только одна из его многочисленных книг – «Философия экзистенциализма» («Existenzphilosophie»). Мы же в основном будем опираться на оригинал другой книги («Existenzphilosophie und Paedagogik») на немецком языке⁹.

Экзистенциализм, как известно, – это одно из самых влиятельных философских течений XX века, признающее личность высшей ценностью мира. Существование человека как «Я» предшествует ее сущности и творит ее. Педагогика экзистенциализма ставит своей целью вооружить человека опытом личного существования. Приоритет в воспитании, по утверждению педагогов-экзистенциалистов, принадлежит самовоспитанию. В 50-60-х годах в европейских странах и США возникли новые варианты экзистенциалистского педагогического целеполагания (Н.Аббаньяно, О.Больнов, Э.Мунье и др.), среди которых видное место занимают взгляды немецкого философа и педагога О.Ф.Больнова. Ядром его учения служит концепция нравственного воспитания. Основу для нравственного, подлинно человеческого поведения

Больнов усматривает в простых нормах нравственности, которые остаются неизменными, как бы ни различались между собой этические системы. Три фундаментальные добродетели – доверие, надежда, благодарность – заложенные в природе человека, составляют, по Больнову, ядро той системы добродетелей, которая должна формироваться воспитанием. Рассмотрим основные положения книги О.Ф. Больнова «Existenzphilosophie und Paedagogik», посвященную проблеме кризиса в развитии человека. Больнов дает (или пытается дать) ответы на вопросы: может ли воспитатель облегчить протекание кризисного процесса? Должен ли воспитатель предоставить течение

⁷ Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М., 1984.

⁸ Донченко Е. А. Личность. Конфликт. Гармония / Е. А. Донченко, Т. М. Титаренко. – 2-е изд., испр. и доп. – Киев: Политиздат Украины, 1989. – 175 с.

⁹ Bollnow O. F. Existenzphilosophie und Paedagogik. – Stuttgart: Verlag, 1960. 159 S.

кризиса самому себе? Можно ли принудительно толкать ребенка в кризис ради очищающего действия кризиса? Может ли ребенок пережить кризис и воспринять его адекватно? Отметим главные идеи Больнова.

Одна из главных идей позитивного экзистенциализма: «Jedes neue Leben beginnt mit einer Krise»¹⁰. («Каждая новая жизнь начинается с кризиса»). Это означает, что каждый новый уровень, каждая новая ступень в развитии человека начинается с кризиса. Кризис не есть нечто только отрицательное и разрушительное.

Понятие кризиса определяется с помощью таких существенных и отличительных признаков.

1. «Die Krise bedeutet eine Reinigung»¹¹. («Кризис – это очищение»). Кризис должен очистить субъекта от всех «шлаков», избыточных моментов для личностной структуры. Он действует как решето, сито. В кризисе личность освобождается от своего прошлого и устремляется к будущему.

2. «Die Krise bedeutet eine Entscheidung»¹². («Кризис – это решение»). Кризис состоит в том, что человек должен сознательно выбрать один из двух альтернативных путей. Этот признак связан с первым признаком. В феноменологическом плане свободный выбор означает личностное самотворчество, сотворение своей судьбы.

3. «Jedes Kreise bleibt Schicksal». Кризис – это судьба. Больнов определяет следующую позицию педагога по отношению к кризису: педагог не должен грубо вмешиваться в течение кризиса, иначе возможны негативные последствия. Педагог готовит к кризису и вмешивается после прохождения полосы кризиса.

Другие представляющие интерес идеи книги О.Ф.Больнова также тесно связаны с идеей позитивной значимости личностного кризиса. Это идеи духовного пробуждения личности, радикального изменения ее сознания; наставления, т.е. мягкого руководства, ненасильственной помощи, выдвигание образцов поведения на собственном примере; связанное с наставлением советывание (совет); ключевое значение имеет понятие встречи – духовного глубинного единения личностей-одиночек, перенесших кризис. Разумеется позитивное не исключает негативного в процессах экзистенциального самоосуществления личности, ее самовоспитания на основе свободы. Отсюда в итоге мы видим интересный анализ риска и неудачи в воспитании.

Для нас важен главный итог размышлений Больнова: кризисом практически невозможно управлять, он обладает автономностью и спонтанностью, реализует накопленные ранее индивидом потенции. Вмешательство педагога может даже принести вред. Здесь уместна аналогия с медициной: когда приходит время кризиса, врач говорит, что надо только ждать и надеяться на лучшее. Различие же в том, что в педагогической антропологии кризис не физиологический, а духовный кризис, кризис сознания, кризис личности, сопряженный с кризисом культуры.

Личностный кризис тесно связан с кризисом культурным и социальным. В последнее время обращают в основном внимание и много говорят об экономическом кризисе. Однако современный кризис носит комплексный характер. Действительный прогресс общества, культуры и человека следует рассматривать во взаимосвязи с нравственным прогрессом как неразделимый с ним, а критерий задается уровнем гуманизма в обществе. Соответственно кризис охватывает все эти компоненты: социум, культуру и личность.

Современный кризис это, прежде всего, кризис человека как субъекта социально-исторического и культурно-исторического процесса. Социокультурный кризис в его духовном измерении сопряжен с опасностью разрушения этической автономии личности. Этическая автономия выражается в социодинамике этических концептах. Культурные концепты – это динамические смысловые схемы, которые в универсальной, всеобщей форме выражают ценностные установки людей как индивидов, их ментальность, базовые эмоции, оценки и потребности. Достоинство концепта состоит в том, что он является основной единицей хранения и передачи информации, имеющей подвижный, динамический характер. Культурный концепт – минимальная единица духовных ресурсов созна-

¹⁰ Bollnow O. F. Op.cit. S. 34.

¹¹ Bollnow O. F. Op.cit. S. 28.

¹² Bollnow O. F. Op.cit. S. 28.

ния личности, которая опосредствует общее и единичное в особенном. Культурные концепты могут быть рассмотрены в аспекте идеи духовности личности, т.е. процесса взаимного превращения абсолютного и относительного в духовной жизни человека и общества, процесса, который включает в себя культуру и человека как ее субъекта. Содержание традиционных культурных концептов религиозного сознания личности имеет непреходящее значение для современной духовной культуры.

Рассмотрим взаимосвязь духовного и материального кризиса. На одно из первых мест в этом случае можно поставить религиозное учение о человеческой духовности и нравственности у русских религиозных философов и в зарубежной гуманистической философии культуры. В частности, отметим учение о взаимосвязи этики и культуры у Альберта Швейцера¹³. Коренной причиной глубокого и все более развивающегося кризиса современной общественной культуры Швейцер считает тщетность многочисленных попыток создания убедительной индивидуальной этики. Он справедливо отмечает, что упадок культуры не порожден мировыми войнами, совсем напротив, войны лишь усилили кризис культуры и были его выражением. Начался процесс самоуничтожения культуры, и теперь этот процесс продолжается полным ходом. Этот вывод, сформулированный Швейцером на основе его наблюдений за ходом и результатами первой мировой войны, он относит и ко второй мировой войне и к послевоенному времени, породившему угрозу термоядерной катастрофы для всего человечества.

Определяя перспективу исследования кризиса духовной культуры личности в духовно-нравственном аспекте как поиск этических и эстетических концептов и их сравнительный анализ в национальных культурах и прежде всего в своей, российской культуре, надо выделить работы А. Вежбицкой¹⁴, Л.А. Микешинной¹⁵, Ю.С. Степанова¹⁶ и другие. Что такое «концепт»? Этот вопрос все больше интересует ученых. В условиях кризиса этического сознания и подмены истинных ценностей ложными это различие помогает сохранять элементы абсолютного в морали и противодействовать релятивизации этического.

Современный глобальный кризис общества и культуры это, прежде всего, кризис человека. Этот кризис в его духовном измерении сопряжен с опасностью разрушением этической автономии личности. Автономия выражается в этических концептах.

В интересующем нас аспекте искусство подчеркивает релятивность, то есть относительность духовных ценностей и их выражения в этико-эстетических концептах. Искусство становится высокотехничным, но безбожным, аморальным, безобразным и психопатологичным.

Кризис нашего времени (XX-XXI вв.), по мнению П. А. Сорокина, это следствие наступления эпохи чувственной «культурной суперсистемы», которая сменяет «идеалистическую» и «идеациональную» культурные системы¹⁷. Идеациональная культура – это монолитная культура, ориентированная на абсолютную ценность (Бог). Идеалистическая же культура частично чувственна и одновременно сверхчувственна, т.е. соединяет абсолютное и относительное. А чувственная культура только относительна. Искусство становится товаром, который необходимо потребить. Оно продажно, антигуманно, антикультурно и антисоциально.

Диагноз и прогноз русских мыслителей, сделанные еще в 20-40 годы XX столетия в дальнейшем только подтверждались: например, А. Моль, О. Тоффлер и другие исследователи культуры отмечали релятивизацию науки и философии, искусства и морали, ускорение социальных перемен, вызывающих у людей, неспособных адаптироваться к ним, «шок будущего»¹⁸. «Мозаичная культура», согласно А. Молю, делает человека пассивным объектом манипулирования, поскольку его мировосприятие становится иррациональным. Эта созерцательность исторического субъекта связана с его эстетической модальностью¹⁹.

¹³ Швейцер А. Культура и этика / Пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского; Общая ред. и предисл. В. А. Карпушина. М., 1973.

¹⁴ Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.

¹⁵ Микешинная Л.А. Философия познания: Полемиические главы. М.: Прогресс – Традиция, 2002.

¹⁶ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

¹⁷ Там же. С. 430-431.

¹⁸ Тоффлер О. Шок будущего. М.: АСТ 1996. 370 с.

¹⁹ Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. – 406с.

Критерий автономности человека по отношению к искусству использовал при анализе глобального кризиса XX столетия Н.А. Бердяев. Если у П.А. Сорокина прослеживалась философско-социологическая тенденция, то у Н.А. Бердяева анализ был сугубо философским, связывающим автономию, свободу и творчество в персоналистическом единстве. Осознание бессилия творческого акта человека, несоответствие между творческим заданием и творческим осуществлением, согласно Бердяеву, налицо. Восприятие начала небывалого кризиса в обществе через эстетическую «призму» является очень тонким. Рушится как бытие общества, так и самого человека. Наступает машина, на которой распята плоть социального и культурного мира²⁰.

Однако какова роль искусства в духовной жизни современного человека? Бердяев пишет: «Искусство должно быть свободно. Автономность искусства утверждена навеки. Художественное творчество не должно быть подчинено внешним для него нормам, моральным, общественным или религиозным. Но автономия искусства совсем не означает того, что художественное творчество может или должно быть оторвано от духовной жизни и от духовного развития человека»²¹. Оригинальный ход мысли. Свободное искусство вырастает из духовной глубины человека, его свободы. Свобода и творчество, их взаимное обусловливание моделируются в искусстве почти в чистом виде. Свобода должна быть творческой, позитивной, ответственной. Автономность эстетического сознания в искусстве и относительна, и абсолютна. Не следует слишком опасаться гетерономных принципов в искусстве и подчинения его внешним нормам. Искусство для искусства, чистое искусство обладает автономностью. Но будет ли она подлинной автономией, т.е. свободой человека? Автономность искусства парадоксальным образом заключается в том, чтобы выйти из замкнутого, изолированного существования и перейти к творчеству новой жизни.

Мы затронули пока только три социокультурных института – религию, нравственность и искусство. Этот анализ можно продолжить на примере антропологического содержания других социокультурных институтов.

Подчеркнем при этом, что понятие социокультурного института понимается здесь в его первоначальном смысле, так, как оно рассматривалось в работах Б. Малиновского. Религиозные ритуалы, нравственные традиции, многообразные обычаи выполняют социальные и одновременно культурные функции, образуя социокультурные институты. Социокультурный институт представляет собой автономный компонент образа жизни людей, своего рода аттрактор общественно-индивидуальной деятельности, имеющий сложную структуру. Ядро такого института – это материальное или идеальное средство человеческой деятельности. Вокруг ядра складывается многообразная система социальных ролей, исполняемых индивидами по определенным правилам. При этом, в рамках данных социальных ролей применяемые людьми средства, их последовательность и порядок действий приобретают символическое значение.

Наиболее яркое выражение комплексный кризис социокультурной идентичности коллективных субъектов (основы социокультурных институтов) находит в кризисе индивидуальной идентичности. Индивид не может зафиксировать в себе духовную субстанцию, ответить на вопрос: «Кто я такой?» и определить свое отношение к социокультурным институтам.

В отношении такого социокультурного института как семья скажем в этой связи, что, к сожалению, в ходе глобализации и развития информационного общества идет подрыв основного закона семьи – закона любви. Этот закон выражает семейную автономию. Семья творит себя посредством принятия этого закона и неукоснительного его соблюдения. В силу хрупкости, эта автономия создает защитные барьеры для посторонней информации, способной разрушить семью.

Семейная автономия разрушается безличной информацией об интимных отношениях, универсализацией интимного в любви, экономической эмансипацией женщины и т.д. Момент хрупкости, текучести и релятивности любви в современном обществе Гид-

²⁰ Бердяев Н.А. Кризис искусства. – М.: СП Интерпринт, 1990. С. 3-19.

²¹ Там же. С. 19.

денс²² объясняет кризисом традиционной романтической любви и возникновением новой формы любви, которую он назвал «конфлюэнтной». Автономия личности в такой ее форме стремится ускользнуть из социального и культурного измерения²³, приобретает тенденцию культурной аномии благодаря своей легкости, безответственности и кратковременности, утраты четкой моногамности и гетеросексуальности. Любовь теряет все свои внешние основания и остается только на внутренних основаниях субъективности и субъективизма, – согласии участвовать в любовной игре с сексом – ее обязательным элементом. В такой любви в ее предельном выражении становится второстепенным даже пол участников игры.

Угрозой для семейной автономии является гетерономный закон счастья. Счастье понимается как материальное благополучие, комфорт, все другие удовольствия, которые не сопряжены с традиционной ответственностью. Парадоксы счастья показывают, что внутренняя связанность субъекта нравственными ценностями подкрепляется или, наоборот, ослабляется действием внешних факторов, но подлинной автономии человек достигает, осваивая ценности любви. Счастье, чтобы стать ценностью культуры, должно проделать работу сублимации энергии субъективности, преодолеть зло и стать по эту сторону добра, а любовь в широком смысле этого слова – высшая ценность человеческого бытия, сама стоящая на стороне блага жизни. Закон счастья не преодолевает силу эгоизма, хотя может создавать иллюзию прочной формы семьи, основанной на принципе «эгоизм вдвоем».

Наиболее драматическое выражение кризиса семьи находит в увеличении количества аборт. С другой стороны, нежеланные дети в неполных семьях испытывают серьезные трудности в социализации и обретения полноценной идентификации. Не случайно А. Тоффлер, рассматривая историю человечества, которая состоит из трех (аграрной, индустриальной и информационной) "волн", постоянно возвращается к социокультурному институту семьи: "большая семья" в период аграрного периода, затем "ядерная" (или "нуклеарная") семья промышленной эпохи, наконец, "разнообразная семья" информационной волны. Адаптируясь, проходя через кризисы, семья меняет свою форму, вырабатывает новые функции, но сам институт семьи сохраняется.

Сделаем выводы. Существует глобальный кризис человека в различных его измерениях и аспектах: социальном, культурном и антропологическом. В то же время необходимо видеть единство всех этих аспектов в их взаимосвязи и взаимной обособленности. Вполне возможно в исследовании комплексного кризиса начинать познание не с социального кризиса, чтобы идти от него далее к рассмотрению кризиса человека в культурном контексте, а наоборот, от антропологического измерения исследования восходить к социальному через такое промежуточное звено как культурологическое. Духовный кризис обладает автономностью, которая выражает человеческую автономию в культуре и социуме. Поэтому кризис общества человека культуры неразрывно взаимосвязаны. Нельзя считать, что одно из них первично, а другое вторично. Возможно, что сам материальный и экономический кризис вызван кризисом человека и культуры. Например, безнравственность политической элиты, коррупция и стремление экономической элиты к обогащению сами по себе провоцируют кризис. Кризис современной цивилизации – это кризис человека и культуры, подрыв их устойчивой традиционной идентичности, который (подрыв) дает рефлексию в сферу человеческой субъективности. Крайняя форма такого кризиса – это человеческая деструктивность. В ее основе лежат любовь к мертвому и отрицание живого, законченная гордыня нарциссизма, которая может прикрываться новой формой идолопоклонства – поклонением научно-техническому разуму.

Существуют неординарные педагогические следствия из представленных положений, суть которых состоит в том, что воспитание человека в ситуации кризиса может рождать новую личность, способную сознательно противостоять, казалось бы, безудержной релятивизации культурных ценностей, соединять абсолютную и относительную модальности человеческой субъективности, выраженных с социокультурной динамике этико-

²² Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: 2003, в оригинале: Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford University Press, 1992.

²³ См. об этом: Апресян Р.Г. Идеал романтической любви в «постромантическую эпоху» // Этическая мысль. Вып. 4. – М.: ИФ РАН. 2003.

эстетических концептов. Следовательно, на уровне антропологического измерения социокультурного кризиса наиболее ярко выражена позитивная значимость кризиса для личности, ее духовного развития и роста. Менее заметна такая позитивная значимость на уровне культуры и социума, где налицо потери и издержки от разрушений, напоминающих неизбежные последствия разбушевавшейся природной стихии: наводнения, землетрясения или урагана. Тем не менее, все признаки ценности такой острой, неустойчивой и нестабильной формы развития как кризис можно видеть также в социальном и культурном кризисе.

Список литературы

1. Богданов А.А. Тектология : Всеобщая организационная наука. – М.: Финансы 2003. – 496 с.
2. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. – 272 с.
3. Bollnow O. F. Existenzphilosophie und Paedagogik. – Stuttgart: Verlag, 1960. 159 S.
4. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 427-428.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания/ – М., 1984.
6. Донченко Е. А. Личность. Конфликт. Гармония / Е. А. Донченко, Т. М. Титаренко. – 2-е изд., испр. и доп. – Киев: Политиздат Украины, 1989. – 175 с.
7. Швейцер А. Культура и этика / Пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского; Общая ред. и предисл. В. А. Карпушина. М.. 1973.
8. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
9. Микешина Л.А. Философия познания: Полемические главы. М.: Прогресс – Традиция, 2002.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
11. Тоффлер О. Шок будущего. М.: АСТ 1996. 370 с.
12. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. – 406с.
13. Бердяев Н.А. Кризис искусства. – М.: СП Интерпринт, 1990. С. 3-19.
14. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: 2003
15. Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford University Press, 1992.
16. Апресян Р.Г. Идеал романтической любви в «постромантическую эпоху» // Этическая мысль. Вып. 4. – М.: ИФ РАН. 2003.

POSITIVE IMPORTANCE OF EXISTENTIAL CRISES

V. P. ERMAKOV¹⁾

A. D. POKHIL'KO²⁾

*Armavir Orthodox-Social
institute*

¹⁾ e-mail: aspermakov@mail.ru

²⁾ e-mail:
nauka2007-2008@mail.ru

In the article is found out the positive importance of crisis in aspect of dialectics of removal of contradictions of a personal and family autonomy as base cultural wealth. Spiritual crisis possesses feature which expresses complex threats of a personal autonomy and to forms of its expression in социокультурных institutes. The crisis of the society, the person and culture are indissolubly interconnected.

Key words: individual identity, spiritual crisis, spiritual culture, art, morals, the person, социокультурные institutes, family, religion, autonomy.

УДК 1147+571(07)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

А. Н. ЗАДВОРНОВ*Елабужский
государственный
педагогический
университет**e-mail: egri-PF@yandex.ru*

В статье рассматриваются характерные для русской философской мысли темы: соборность, идеал цельности, этический персонализм, онтологизация истины, интуитивизм, космизм, пути развития и менталитет российского народа, критерии прогресса общества и человека. Обосновывается представление о своеобразном подходе русских мыслителей XVIII – первой половины XX вв. к философским вопросам этики, онтологии, гносеологии, социально-философской антропологии.

Ключевые слова: русская философия, соборность, цельность, нравственные ценности, онтологизация истины, интуитивизм, менталитет, критерии прогресса.

Интерес к отечественной философии связан в первую очередь с поиском ответов на злободневные вопросы современности. Среди них выбор исторического пути России, миссия российского народа, возрождение гражданских чувств и патриотизма, развитие православных традиций как основы нравственного совершенствования общества и другие. Современная Россия и мир в целом переживают кризисные явления экономического порядка. Однако даже поверхностный взгляд на проявления кризиса убеждает нас, что его причины находятся в культурной плоскости. О переживаемом ныне состоянии еще в XIX в. писали русские философы. В.С. Соловьев предостерегал, что «для истинного решения так называемого «социального вопроса» прежде всего следует признать, что норма экономических отношений заключается не в них самих, а что они подлежат общей нравственной норме, как особая область ее приложения... Кто отказывается признать эту истину в принципе, тот почувствует ее фактическую силу в финансовых крахах и хозяйственных кризисах. Ведь и виновники и жертвы этих аномалий именно такие люди, которые трудятся для себя...»¹. Несомненно, в современных условиях отечественное философское наследие приобретает особую актуальность.

Русская философская мысль оценивается неоднозначно. Ряд зарубежных и отечественных исследователей отрицают особенности русской философии, сводя ее сущность к подражанию западным школам. Подобное мнение высказывали П.Я. Чаадаев, А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет, Б.В. Яковенко, К. Шмидт, некоторые современные исследователи, например, Е.В. Барабанов. На наш взгляд, такая оценка несправедлива и искажает представление об отечественной философии. Во-первых, у русской философии, как и у любой другой национальной философии, есть свое лицо. Отрицать этот факт равноценно отрицанию национального самосознания и ментальных особенностей народа. Тема специфики русской философии неисчерпаема. Отечественному любознанию свойственны такие черты, как свободомыслие, открытость к иным культурам, чувство общности всех людей независимо от национальной принадлежности, протест против нарушения прав личности, обличение пороков национализма.

Во-вторых, не следует преувеличивать роль европеизации русской философии и степень ее подражания западным школам. Принятие западных идей было ограничено традициями и духовным опытом православия. Поэтому естественно, что особенности православия наложили отпечаток на русскую философскую традицию, которого нет в философских школах, ориентирующихся на западное христианство.

Долгое время русская философия не выделялась в самостоятельную форму знания, поскольку в православной традиции, в отличие от католической схоластики, представление о гармонии веры и разума не закрепилось, и философия не рассматривалась в

¹ Соловьев В.С. Сочинения. В 2т. Т.1. М., 1990. С. 134.

качестве инструмента богопознания. Божественные истины «показываются, но не доказываются». В этой связи неспециальные философские сочинения отражают уровень развития философии, а вся совокупность интеллектуальной деятельности (богословская, житейская, светская литература, иконопись, храмовая архитектура, литургическое творчество и т.д.). Диффузия философских идей, их потаенная распространенность в российской культуре способствовала тому, что народ постоянно осознанно и неосознанно прикасался к ценностям Любомудрия. Русская философия – это философия сердца и разума, что позволяет не только понимать ее, но и чувствовать. В цивилизационном смысле отечественная философия – это синтез «сердечности» Востока и «разумности» Запада.

Русская философия на всех этапах своего развития обладала национально-культурным своеобразием, которое выражалось в особом внимании русских философов к следующим темам: соборность, идеал цельности, положительное всеединство, этический персонализм, онтологизация истины, критерии прогресса общества, интуитивизм, космизм, специфика русского человека и пути развития русского народа и человечества в целом. Названные темы особенно рельефно отразились в трудах мыслителей Нового времени (XVIII – первой половины XX вв.), опиравшихся на синтез православной традиции с высокоразвитыми формами философского мышления. Отметим, что концепция русского космизма довольно органично объединила характерные для русской философии идеи. Остановимся на наиболее характерных для русской философии темах, среди которых одной из наиболее значимых является природа соборности и соборных отношений.

Можно утверждать, что сознание российского народа тяготеет к соборности, которая возникает преимущественно на православной почве. В западном христианстве большинство религиозных положений имеют четкие формулировки, поскольку богословские споры проходили в понятийной форме и апеллировали к разуму. Иррационалистические особенности православия в совокупности с отсутствием абсолютных авторитетов в вопросах веры приводили к разнообразным мнениям в рамках церковного богословия. Истинность суждения определялась не столько логической доказательностью, сколько распространенностью мнения в церковной среде. Так возникает «соборный характер» русского мышления и особое значение коллективного, соборного начала в определении истины. Вместе с тем неверно утверждать, что соборность как модель человеческого общежития нашла полное воплощение в истории российского народа. В эпоху социализма единство было возведено в ранг абсолюта, не допускающего никакой множественности. В современной России наблюдается поток множественности (преобладание групповых и личных интересов), разрушающей всякое единство. И то и другое является искажением истинного духа соборности. «Единство во множестве», социальность, не уничтожающая индивидуальные черты, и есть основная характеристика соборности. При этом соборность не требует внешнего соединения, она существует потенциально. Идея соборности дает возможность совместить провиденциализм с активностью человека.

Однако, как справедливо указывает В.И. Иванов, «соборность – задание, а не данность...»². На реализацию этого задания должны быть направлены усилия философской общественности с тем, чтобы созидать «единство во множестве» как гарантию целостности, устойчивости и гармоничного развития российского человека и общества.

Сущность соборности раскрывается в ее основных формах. По мнению С.Л. Франка, «первичной и основной формой соборности является единство брачно-семейное...»³. Это означает, что укрепление института семьи является корнем, из которого прорастает духовно-соборное единство общества. Формами соборности выступают также религиозная жизнь и общность судьбы всякого множества людей. «Работники в каждом общем деле спаиваются между собой чувством товарищества, некоей внутренней близостью; солдаты, участники одних походов и сражений, навсегда становятся братьями...»⁴. Уместно здесь вспомнить и концепцию «общего дела» Н.В. Федорова.

Опорой соборности является родство, выраженное в уважении к дедам и прадедам, истории и традициям страны. Забвение, безродность «есть начало неосуществимое...

² Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 137.

³ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 58.

⁴ Там же. С. 60.

антихристовая печать, и везде, во всех идеях, во всех построениях, ею отмеченных, – можно безошибочно сказать: это царство не жизни, а смерти...»⁵. Неслучайно, по мнению В.Н. Муравьева, глупость и невежество русской революции основано на безродности, забвении прошлого, «внутренней короткости, одномерности настроений и влечений»⁶.

Соборность не может быть абстрактной категорией. «Истинное «мы» столь же индивидуально, как «я» и «ты»... Любить можно только индивидуальное, ибо любовь есть не абстрактное отношение, а сама жизнь, есть жизнь индивидуальности. Как нельзя в подлинном смысле слова любить «человека вообще», а можно любить только данного человека»⁷. Поэтому конкретная семья, народ, церковь должны быть носителями соборности во «сверхвременном единстве... сверхиндивидуальной памяти и сверхиндивидуальных целей»⁸. Слабо оформленная соборность лежит в основе идей корпоративной чести офицеров, врачей, учителей, ученых, в меньшей степени предпринимателей, политиков. В этой связи необходимо оформление соборности в различных социальных и профессиональных группах через развитие этики корпоративных отношений.

Отдельной характеристикой соборности является ее коммуникативное содержание. Ряд русских философов (Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, Н.Ф. Федоров) указывают, что соборное общение предполагает соединение одной человеческой души с другой, тогда как в мире объективированном, социализированном, массовом и количественном есть только сообщения, основанные на символах. «Объективированные и социализированные сообщения символичны, а не реалистичны. Общение тем и отличается от сообщения, что оно онтологически реально, сообщение же символично, есть лишь подаваемые условные знаки... Внутренняя эмоциональная жизнь в разной степени может прорываться в этих сообщениях, но никогда не достигается подлинное общение и соединение»⁹. Соборность основана на истинном общении, которое скреплено не договором, а любовью, «ибо любовь... не есть договор, и любовь к братьям не есть договор и потому не есть «закон дел»¹⁰. Взаимоприобщенность, соучастие в единстве, преодоление противоположности всеобщего и частного и составляют сущность соборного общения¹¹. Оно глубже, интимнее, эмоциональнее, чем сообщение, связанное с простой передачей информации. Общение, соединение предполагает максимальную духовную общность. Возникновение «единства в слове», по Н.Ф. Федорову, возможно лишь через нравственные средства общения, чуждые экономическим интересам. В противном случае люди «будут братьями, которые не говорят друг с другом... и даже не бывают один у другого»¹².

Технический прогресс, делая жизнь человека более комфортной, оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на развитие соборного общения. С одной стороны, снижается уровень эксплуатации человека, поскольку многие операции выполняет техника. В результате патриархальное, родовое общение, носящее слишком безличный характер, уходит в прошлое. «Тут возможно открытие чего-то нового. Изменение отношения человека к человеку, человека к Богу, человека к животному или цветку...»¹³. С другой стороны, технизация жизни не только позволяет человеку окунуться в глобальное информационное пространство, но и лишает его интимности и близости общения. Соборность теряет одну из своих опор и делает человека одиноким в потоках информационных сообщений.

Социализм и капитализм в равной степени основаны на механистически-атомистическом понимании общества. Люди – это атомы, имеющие свои свойства и находящиеся в хаотичном движении столкновения и отталкивания. Для регуляции, упорядочения движения создаются специальные институты, в том числе основанные на принуждении. Для формирования соборности как системы общественных отношений необ-

⁵ Муравьев В.Н. Рев племени // Вехи. Из глубины: сб. ст. М., 1991. С. 421.

⁶ Там же, С. 422.

⁷ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 58.

⁸ Там же.

⁹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 308-309.

¹⁰ Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1994. С. 36.

¹¹ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса: Проблемы Закона и Благодати. М., 1994. С. 32-33.

¹² Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1994. С. 37.

¹³ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 309.

ходимо стремиться к «органически-корпоративно-иерархическому состоянию, которое, тем не менее, пробивается через сильное чувство свободы и демократическую активность самоуправления»¹⁴. По мнению С.Л. Франка, достижение такого общественного состояния связано с областью конкретно-исторической политики, то есть государственной деятельностью. Думается, что значительную роль в формировании соборности должна сыграть российская интеллигенция, в том числе философское сообщество. Сущность этой роли в теоретическом плане будет состоять в глубоком и разностороннем обосновании феномена «соборности» и построении моделей его воплощения в жизни. При этом все проектируемые модели должны быть основаны на принципах сохранения универсального языка и отказа от постмодернистской паралогии.

Таким образом, соборность предполагает: 1) общение, а не сообщение между личностями; 2) формирование нового сознания «на почве синтеза знания и веры»; 3) целостность, скрепленную любовью, а не договором; 4) родство как осознание единого корня; 5) проявления в брачно-семейной, религиозной жизни, а также при осуществлении людьми общего дела; 6) единство «я» и «ты» вследствие первичности доминанты «мы».

Что мешает современному российскому обществу стать соборным? Первая причина – не умение доверять своему опыту. Россия, стремясь заимствовать лучшее, зачастую превращает акт заимствования в самоцель, и, увлекаясь процессом, копирует чужой опыт без критического разбора и внутренней оценки. Широкие заимствования проявлений иных культурно-исторических типов приводят к эклектичности российской культуры. Сочетание трудносочетаемого порождает конфликт между самобытным и инородным. В то же время следует иметь в виду то, что даже самые обширные заимствования не вызывают эклектичности при условии их глубокой адаптации под основы российской культуры. В этом случае инородное ассимилируется без негативных последствий и даже может стать движущей силой прогресса. По мнению В.С. Соловьева, акты национального самоотречения определяют наиболее динамичные и значимые этапы развития отечественной истории. Например, призвание варягов на Русь или реформы Петра I – это примеры обращения к инородному как первооснове стабильности, порядка, модернизации и т.д. На этих исторических этапах инородное претерпело глубокую адаптацию и потому гармонично прижилось без разрушения целостности культуры. В то же время онемечивание России в период правления Анны Иоанновны вызвало противоречия в общественном сознании. Но разве не наблюдаем мы акт национального самоотречения государственных деятелей того времени, призывавших инородную власть и понимавших всю юридическую и моральную слабость кондиций? Следуя постулату В.С. Соловьева, можно было ожидать динамичного развития страны, ее витка к новым высотам. Однако история распорядилась иначе. Значит ли это, что формула В.С. Соловьева работает в отношении одних и бессильна в объяснении других исторических фактов? Скорее формула философа свидетельствует о том, что прогресс исторического развития напрямую определяется степенью адаптации инородных структур к столпам российской культуры. Скажем еще более предметно. Если инородная тенденция не пытается изменить в худшую сторону нравственно-религиозный облик россиянина, то она действительно может выступить движущей силой прогресса российского общества. Причем национальное самоотречение, открывающее дорогу инородной тенденции, в данной ситуации является благом. Наше представление об инородном и критерии его прогрессивности несколько дополняет позицию В.С. Соловьева. Думается, что это позволяет устранить основания полемики, которая была развернута философом с представителями старого славянофильства, а также с Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым и Н.Н. Страховым.

Вторая причина, мешающая российскому обществу обрести соборность, заключается в слабом развитии институтов гражданского общества и недостаточном привлечении населения к самоуправлению. Гражданское общество и самоуправление постепенно должны снять необходимость использования государством своей принудительной силы. Самоуправляющиеся системы могут нуждаться в регулировании, но не нуждаются в принуждении.

¹⁴ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 488.

Третья причина состоит в отдалении интеллигенции от властных структур. В России должны получить дальнейшее развитие механизмы, позволяющие интеллигенции участвовать в работе властных структур, например, в качестве экспертов. Важнейшей задачей государства, гражданского общества и самой интеллектуальной элиты должно стать поднятие социального статуса российской интеллигенции на уровень «властители дум». Для этого идеологию государства следует ориентировать на ценности интеллигенции, тем более что последние, в сущности, есть ценности народа, но с более высокой степенью нравственной осмысленности.

Четвертая причина находится в области правового нигилизма и неуважения граждан к нормам права. Законопослушность является почвой для развития чувства ответственности перед собой, обществом, природой, что в свою очередь препятствует складыванию «ложной цивилизации», живущей по принципу «после нас хоть потоп». В то же время правовая система должна быть основана на нравственных ценностях, а нормы права в своем содержании раскрывать общечеловеческую мораль.

Социально-философский анализ показывает, что моральное сознание обладает более широким влиянием на все общественные отношения, особенно связанные с социальной сферой жизни общества. Право призвано урегулировать лишь наиболее существенные для людей отношения по поводу охраны их жизни, собственности, здоровья, достоинства и т.п., а также их отношения к правительству и государству. При этом правовое регулирование не способно влиять на отношения, не поддающиеся внешнему контролю (любовь, дружба и т.п.) и не носящие конкретно волевой характер. Право не способно регулировать волевые отношения как процесс. Любое несогласование морали и права, безусловно, должно разрешаться в пользу морали. В противном случае человек неизбежно превращается из цели в средство.

Другой важнейшей особенностью русской философской мысли является приоритет нравственных ценностей как основы цельности духовных сил человека. А. Белый указывает на то, что целостность, гармоничность, ритмичность являются основными составляющими жизни доисторического человека, поскольку «не существовало тогда многообразия социальных, познавательных и эстетических форм...»¹⁵. Человек и природа являлись единственной формой жизни. Целостность естественна как импровизируемая песнь, топор, украшенный резьбой. Однако с течением времени жизнь в многообразии форм, ни одна из которых не дает полного, единого представления о мире, начинает подтачивать и разрушать цельность человека. В итоге цельность и естественность жизни теряются. Появляются искусственные и оторванные от природы формы творчества – «лирический дифирамб, подчиненный правилам метрики, барельеф, украшающий портик храма»¹⁶.

В русской философии обоснована мысль о том, что возможность сохранения цельности жизни определяется ее нравственным содержанием. Целостная личность характеризуется сильным духом, потеря которого делает человека «одержимым или элементарными космическими теллурическими силами земли, расы, народа, пола, или элементарными социальными силами экономических интересов, денег, класса, социальной группы, партии»¹⁷.

Формирование целостности основано на нравственных свойствах, данных человеку природой. По мнению В.С. Соловьева, к таковым свойствам относится чувство стыда (первоначально – половой стыдливости), которое понимается как «естественный корень человеческой нравственности»¹⁸. Чувство стыда не утилитарно, оно имеет «сверхживотное значение». Стыдясь, человек отделяет себя от того, чего стыдится, и в этом нравственном акте проявляется его самость. «Второе нравственное данное человеческой природы – жалость или симпатическое чувство, в котором выражается этическое отношение человека не к низшей природе (как в стыде), а к подобным ему живым существам»¹⁹. В.С. Соловьев полагал, что жалость есть основа должных социальных отношений. Третье

¹⁵ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 243.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 361.

¹⁸ Соловьев В.С. Сочинения. В 2т. Т.1. М., 1990. С. 51.

¹⁹ Соловьев В.С. Сочинения. В 2т. Т.1. М., 1990. С. 52.

нравственное качество, данное человеку природой, – чувство благоговения или благочестия, представляющее собой должное отношение к высшим силам. На этом чувстве основана всякая религиозность, рассматриваемая в русской философии как единство инстинкта, души и духа. Указанное единство позволяет религиозному человеку сохранять целостность, быть «монолитом». Как указывает И.А. Ильин, религиозность «имеет удивительную способность – внутренне объединять человека, придавать ему духовную цельность или тотальность... и строго говоря, человека только тогда следует называть религиозным, если и поскольку ему удастся стать духовным единством»²⁰. Духовная слабость, расщепленность человека свидетельствуют о том, что его религиозность только возникает или, наоборот, разрушается и гибнет.

Внутренняя, душевно-духовная тотальность формируется в человеке как последовательно, эволюционно, так и через революционные скачки, которые происходят, когда человек сталкивается с тяжелыми испытаниями. Духовное единство может возникнуть и в последние минуты жизни человека, как у «детопокупателей», «о которых повествует Виктор Гюго: в открытом океане их настигает буря, они терпят кораблекрушение, в первый раз в жизни произносят молитву Господню и тонут, стоя на коленях»²¹.

Цельность и единство «я» определяется способностью человека к устремленному внутрь созерцанию, которое «выбрасывается вовне в своей активности и объективируется, то есть отпадает от собственного существования»²². Созерцание является условием нормальной душевной жизни человека, поскольку позволяет личности освободиться «от всякой предвзятости, от всякой инородной тенденции, навязанной внешними задачами жизни»²³. Устремленность к собственному сознанию способствует формированию убеждений человека не на основе внешних побуждений, моды, «не ради остроумия или увлекательности прочитанной книги»²⁴, а в соответствии с врожденными особенностями своей воли. Такие убеждения являются истинными двигателями жизни человека. Они позволяют направлять сплоченные духовные силы человека на перестройку действительности. По мнению М.О. Гершензона, цельность, возникающая из созерцания, еще не определяет религиозные, нравственные и политические убеждения человека, но выступает первым условием такого определения. Созерцание, по Н.А. Бердяеву, так же необходимо для перехода «я» в личность, как и творческая деятельность.

Ущербность капиталистических отношений, с точки зрения многих русских философов, определяется преобладанием экономического интереса над нравственностью, что приводит к игнорированию значимости целого. Для преодоления этого положения «функциональное значение должны получить и рабочий и капиталист, а государство, охраняя необходимую для экономической жизни сферу свободной инициативы и конкуренции, регулировать и контролировать ее не с точки зрения интересов рабочего и капиталиста, а с точки зрения интересов целого»²⁵.

Дегуманизация капиталистического хозяйства может быть остановлена только разумным государственным регулированием и последовательным влиянием гражданского общества на экономические интересы классов. Экономические отношения, в первую очередь отношения собственности, порождают у трудящихся интересы обеспечения достойной материальной жизни, сохранения нормального взаимодействия с владельцами средств производства и мотив творческого созидания. Для господствующих классов – это в основном интерес получения прибавочного продукта через побуждение людей к труду и создания соответствующих социально-политических и иных условий. Ф.А. Степун высказывает точку зрения о том, «что классовое чувство пролетариата, в противоположность классовому чувству буржуазии, есть не только чувство общего экономического интереса, но и чувство единой судьбы, объединяющей миссии. В каждой пролетарской аудитории непосредственно ощущается проходящий через все сердца общий идейный ток (в буржу-

²⁰ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1992. С. 398.

²¹ Там же.

²² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 291.

²³ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Из глубины: сб. ст. М., 1991. С. 79.

²⁴ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 291.

²⁵ Трубецкой Н.С. Пути Евразии. М., 1992. С. 412.

азной всего только однородный рассеянный интерес)»²⁶. Мы считаем неверным крайнее противопоставление экономических интересов классов. Напротив, их сближение выступает необходимой основой и критерием успеха социального регулирования человеческого труда. О. Конт утверждал, что мудрость политиков заключается в их способности гармонически сочетать интересы различных социальных групп, так как от этого зависит стабильность общества и его развитие. Сокращение противоречий между экономическими интересами классов особо актуально для социальных систем с высокой степенью расчленения, которое характерно в частности и для российского общества. На наш взгляд, сближение экономических интересов определяется, во-первых, осознанием классами единой национальной принадлежности. Мы соглашались с мнением С.Н. Булгакова о том, что «национальность сильнее классового чувства, и в действительности, несмотря на всю пролетарскую идеологию, рабочие все-таки интимнее связаны со своими предпринимателями-соплеменниками, нежели с чужеземными пролетариями, как это и сознается в случае международного конфликта. Не говоря уже о том, что и экономическая жизнь протекает в рамках национального государства... но и самые классы существуют внутри нации, не рассекая ее на части»²⁷. В сущности российской культуры экономический интерес не выступает центральной детерминантой человеческой активности. Однако это положение в настоящее время претерпевает существенные изменения.

Во-вторых, успех упорядочения человеческого труда непосредственно связан с учетом классами взаимных экономических интересов. Это достижимо через развитие потенциала экономического сознания возможностями политики (с идеократией в основе), права, морали и религии.

В конечном итоге экономический и моральный дефект капитализма должен устраняться на основе кардинальной смены акцентов хозяйственной деятельности, то есть производство должно существовать для человека, а не человек для производства. Норма экономических отношений «подлежит общей нравственной норме, как особая область ее приложения»²⁸, что, в сущности, и является экономическим прогрессом.

В русской философии проведен глубокий анализ взаимосвязи свободы, любви и добра. Показано, что «в свободе, оторванной от живых движений любви, и есть семя смерти»²⁹. В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Раскольников «разложив в работе разума все предписания традиционной морали... стал вплотную перед соблазном, что «все позволено», и, руководствуясь ценностью свободы, пошел на преступление. При этом, даже находясь на каторге, он не испытывал раскаяния. «Поворот пришел позже, когда в нем расцвела любовь к Соне, а до этого в его свободе он не находил никакого вдохновения к моральному раздумью»³⁰. В этом кроется важная догадка Ф.М. Достоевского, указавшего на то, что только сочетание, взаимопроникновение свободы и любви открывает истинный путь к добру.

Цельное восприятие познаваемого мира, онтологизация истины, интуитивизм выступают характерными особенностями концепции познания, разработанной в русской философской мысли. Н.О. Лосский показывает, что всякий познаваемый предмет и весь познаваемый мир есть целое (или момент целого), в котором можно различать стороны, но не чистая множественность самостоятельных элементов. Философ не отрицает существования множественности в мире, но полагает, что «какие-либо А, В, С обособлены друг от друга лишь в каком-либо определенном отношении, а в некотором другом отношении у них есть единая основа, они принадлежат к одному целому, и самая их обособленность необходимо требует какой-либо формы взаимоопределения и объединения их в некотором другом направлении»³¹. Н.А. Бердяев критически оценивает идею Н.О. Лосского (как впрочем, Э. Гуссерля и А. Бергсона) о том, что через интуицию реальности непосредственно входят в познание. Он полагает, что интуиция активна, а

²⁶ Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 364.

²⁷ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. Спб., 1997. С. 341.

²⁸ Соловьев В.С. Сочинения. В 2т. Т.1. М., 1990. С. 410.

²⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 410.

³⁰ Там же, С. 411-412.

³¹ Лосский Н.О. Избранное. М., 1991. С. 346-348.

не пассивна, она есть по преимуществу творчество в познании и предполагает творческое вдохновение. Интуиция выступает механизмом творчества. Она, по мнению Н.А. Бердяева, «есть творчество смысла, активное осмысливание, прорыв смысла во тьму»³². Русская философская мысль не принимала материалистического обоснования основных этапов проявления интуиции, полагая, что в ее сущности «есть нечто, принадлежащее высшему разуму»³³.

Для русской философии характерно соединение правды-истины, правды-справедливости, мысли, чувства и действия, то есть неприятие абстрактного идеализма, оторванного от душевного переживания и волевого импульса к деятельности. Русская философия пытается сочетать рациональные, логические и мистические, интуитивные формы отношения человека к миру, поэтому русскую философию называют конкретным идеализмом в отличие от западного абстрактного идеализма. Многие русские философы (Н.О. Лосский, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев, В.А. Кожевников и др.) основу познания видят в реальной интуиции, которая существенно отличается от интеллектуальной интуиции Р. Декарта. Реальная интуиция предполагает такое постижение внешнего, когда оно сливается с внутренним, психическим, например, с верой. «Не есть ли всякое знание вместе с тем и вера, и не есть ли всякая вера вместе с тем и знание?» – вопрошает Н.А. Бердяев. И отвечает: «Вера лишь расширяет сферу знания и говорит о восприятии вещей высшего порядка, но столь же реальных, как и вещи низшего порядка. Быть может, вера есть знание высшего порядка, знание полное, а горделивое знание есть вера низшего порядка, вера неполная. Тогда спор знания с верой окажется спором низшей и частной формы знания с высшей и полной формой знания; низшей и частной формой веры с высшей и полной формой веры»³⁴. Для русской философской мысли характерно соединение знания и веры, то есть земной истины и трансцендентных смыслов бытия.

Онтологизация истины препятствует отрыву от реальности в познании и распаду цельности личности. Гносеология разделяет субъект и объект познания, что является симптомом серьезной болезни в бытии человеческом. Сущность этой болезни раскрыл И. Кант, который в своей философии «оставляет человека перед бездной пустоты, предоставляет человеку субъективно воссоздать объективно утерянное бытие»³⁵. В русской философской мысли иной подход. Бытие человека, его праведность определяет раскрытие в нем способности к овладению смыслами окружающей реальности. Иными словами, истинность сближается с праведностью, поскольку у них общий корень – стремление к целостности. Истинность – это стремление к собиранию и пониманию целого, а праведность – это стремление к единению личного духа и Бога, но духа в его цельности. Для русской философской мысли не значим вопрос первичности или вторичности субъекта и объекта познания. На первый план выходит их потенциальное единство и тождество, скрепленное живой и сильной верой. Приобщение к реальности как функции личности дано «верующему мышлению». При этом процесс онтологизации истины проникнут интуитивизмом, который «вскрывает и устраняет ложную предпосылку разобщенности между познающим субъектом и познаваемым объектом»³⁶.

В вопросах научного познания русские философы много размышляли о путях формирования «новой науки». По В.Ф. Одоевскому культура ослабляет в человеке «инстинктуальные силы» (совокупность инстинктов), что приводит к доминированию разума. Вследствие этого возникает синкретизм в познании. «Новая наука» должна пробудить «инстинктуальные силы» человека, отказавшись от синкретизма в пользу цельного знания. Для этого нужно идти по дороге предтеч «новой науки»: Карусе, Гете, Ломоносова, то есть сделать науку поэтической, основанной не только на разуме, но и на резонансе чувств. Идеалом для речи в «новой науке» является та сила выражения, которая характерна для искусства. «Симпатический резонанс» и поэтические чутье позволит познать

³² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 260.

³³ Тарасов Б.Н. Чаадаев. М., 1990. С. 479-480.

³⁴ Бердяев Н.А. Сочинения. М., 1994. С. 118.

³⁵ Там же, С. 31.

³⁶ Лосский Н.О. Избранное. М., 1991. С. 335.

истину, поскольку процесс познания в этом случае будет проникнут «инстинктуальной силой». По идее В.Ф. Одоевского, без художественного дара не овладеть смыслами окружающего мира.

Путь к «новой науке», по В.С. Соловьеву, лежит через синтез позитивной науки, философии и теологии. Все предшествующие теории познания, по мнению В.С. Соловьева, не обладали цельным знанием и носили односторонний характер, возводя в абсолют или реальный эмпирический факт, или общую рационалистическую идею, или представления о трансцендентном мире. Каждая из односторонних концепций пытается поглотить другую, отсюда происходит борьба между теологией, философией и положительной наукой. Философия цельного знания исходит из признания необходимости развития позитивной науки, философии и теологии. Они при правильном сочетании не противостоят, а взаимодополняют друг друга. Первая дает необходимую эмпирическую основу всякому знанию, вторая сообщает ему идеальную, теоретическую форму, в третьей получает оно абсолютное содержание и главную цель.

Таким образом, в рамках русской философской мысли обоснована специфическая парадигма научного познания, которая характеризуется: 1) опорой на синтез позитивной науки, философии и теологии; 2) ориентированностью на нравственные ценности; 3) отражением процессов онтологизации истины; 4) активизацией реального интуитивизма в познании; 5) допущением национально-культурного своеобразия, особенно в гуманитарном познании; 6) стремлением к идеалу целостности знания.

Пути развития России и менталитет российского человека являются характерными темами русской философской мысли. Не останавливаясь на тонкостях славянофильского и западного подходов к определению пути и миссии русского народа, рассмотрим философские представления о типичном и нетипичном в свойствах (менталитете) русского человека. Выскажем также рабочие гипотезы о причинах возникновения тех или иных особенностей менталитета русского народа.

Важнейшими обычаями славян еще в догосударственный период следует считать гостеприимство («к иноземцам они относятся ласково... оказывая им знаки своего расположения»), отказ от рабства («предлагают на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, где они находятся на положении свободных и друзей»). Названные исторические особенности определили соответствующие ментальные черты русского человека.

Одной из первых исторически сложившихся черт славян является стремление к крайностям. Примечательно, что древнерусское государство формировалось в рамках двух центров, принципиально отличающихся по своим формам организации власти — авторитарного Киева и демократического Новгорода. Думается, что эта особенность политического устройства древнерусского государства и определила стремление к крайностям как ментальную черту славян, русских, россиян.

Другой характерной чертой российской ментальности является неуважение к закону, но преклонение перед представителем власти. Продолжая ряд гипотез, предположим, что возникновение указанной особенности связано с эпохой золотоордынского ига, когда правовая база Руси игнорировалась наместниками монголо-татар. Таким образом, справедливость и законность определялась не нормами права, а мнением людей, наделенных властью.

В новое время обычаи и традиции проходят этап консервации и приобретают вторичный характер. Освободившиеся позиции постепенно занимают нормы и установки государственного законодательства, которое имеет тесную связь со становлением и развитием властных институтов. Для нас особый интерес представляют такие способы реализации власти, которые в своем культурологическом содержании отвечают потребности социума в сохранении целостности. На протяжении российской истории применялись следующие способы реализации власти, отвечающие указанным задачам: 1) договорной («пусть каждый держит отчину свою...не поступати в жребий братень»); 2) силовой («колокол вечной свесили»). Можно предположить, что первый способ явился источником таких ментальных свойств русского народа, как замкнутость, закрытость в своем микромире (дом, семья и т.п.), вера в случай. Второй способ определил традицию игнорирования мнения народа (вече) и установления следующих ментальных черт: «от нас ничего

не зависит», «мы бесправны, а потому ни за что не ответственны», «во всех бедах виновато государство и власть».

В период формирования Московского государства сложились или проявили себя значимые ментальные черты, в числе которых вера в доброго царя. Она обусловила легкий приход к власти Лжедмитриев и устойчивое мнение народа о «незапятнанности» биографий авторитарных российских правителей. По мнению Н.Я. Данилевского, особенность российского государственного строя состоит в том, что весь русский народ сосредоточен в своем Государе, «который вследствие этого есть живое осуществление политического самосознания и воли народной, так что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народу процессом, подобным тому, как это совершается в личном самосознательном существе»³⁷. Искренне слово Государя может привести весь народ в состояние «дисциплинированного энтузиазма». В результате образуется «сила, которой мир давно уже или даже вовсе еще не видал»³⁸.

Сложно не согласиться с мнением Н.А. Бердяева и ряда других исследователей о том, что российский народ характеризуется антиномичностью. Так, распространенность в России идей анархизма легко уживается с засильем государства и бюрократии, отсутствие национализма – с русским самомнением и бахвальством, а свобода духа – с рабством и покорностью. Тезис о внешней и внутренней противоречивости как ключевой составляющей российского менталитета на сегодняшний момент имеет наиболее глубокое философское обоснование.

Значимое отличие русского человека от западного раскрыто в книге И.В. Киреевского «Критика и эстетика». Он указывает, что «западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд»³⁹.

Некоторые философы обосновывали мысль о том, что русский народ склонен к бунтам и чужд гуманизма. Например, С.А. Аскольдов полагал, что «бунт или мятеж в душе народной – это то же, что эмоция гнева или раздражения в душе отдельного человека или даже зверя»⁴⁰. При этом философ указывает, что бунт в отличие от революции не предполагает планомерное и заранее обдуманное действие человека, не имеет идеологической основы. Революция же обусловлена всегда известной работой ума и воли и потому имеет характер специфически культурный и гуманитарный. Исходя из этих посылок, С.А. Аскольдов делает вывод о том, что «русский народ оставался по существу чужд гуманизму, зародившемуся и пребывавшему лишь в русской интеллигенции»⁴¹.

Однако нередко в трудах русских философов можно увидеть не только положительные, но и критические оценки в адрес российской интеллигенции. По Н.А. Бердяеву, «русская интеллигенция в огромной массе своей никогда не признала себя имманентным государству, церкви, отечеству... Все эти ценности представлялись ей трансцендентно-далекими и вызвали в ней враждебное чувство, как что-то чуждое и насилующее. Никогда русская интеллигенция не переживала истории и исторической судьбы как имманентной себе, как своего собственного дела и потому вела процесс против истории как против совершающегося над ней насилия»⁴². Иными словами, русская интеллигенция не способна вести за собой народные массы. Философ подчеркивает, что В.И. Ленин стал вождем революции преимущественно по той причине, что он не был типичным русским интеллигентом и в нем присутствовали народные черты.

Анализируя характерные черты моральной настроенности русского человека, Н.А. Бердяев определяет «болезнь русского духа» или «болезнь русского нравственного сознания», состоящую в отрицании личной нравственной ответственности, дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чести, в отсутствии работы над формированием собст-

³⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб., 1995. С. 389-390.

³⁸ Там же

³⁹ Киреевский И.В. Критика и Эстетика. М., 1998. С. 306-307.

⁴⁰ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины: сб. ст. М., 1991. – С. 229.

⁴¹ Там же, С. 237-238.

⁴² Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины: сб. ст. М., 1991. – С. 285.

венных нравственных качеств. Вследствие этой «болезни» переживания русского человека трансцендентны, а не имманентны, что открывает дорогу к рабскому сознанию.

Одной из значимых тем русской философии является определение критерия прогресса общества, тесно связанного с вопросами расщепленности и целостности человека. Философское осмысление этой темы проходило в своеобразном национально-культурном русле.

На Западе прогресс общества чаще всего связывался с развитием свободы (Г. Гегель, К. Поппер, П. Фейерабенд, Д. Ролз, Б. Спиноза и многие др.). Редким исключением являются взгляды древнегреческого философа Платона, полагавшего, что демократия, в основе которой находится свобода, влечет за собой непонимание человеком разницы между хорошим и дурным и что в жизни демократического человека «нет порядка, в ней не царит необходимость»⁴³. Подобное «выпадение» из парадигмы позволило К. Попперу назвать Платона врагом открытого, демократического общества, предтечей тоталитарного режима.

Русские философы, несомненно, являлись сторонниками свободы, но указывали на опасности, таящиеся в культе свободы, в понимании свободы как критерия прогресса общества. Основные опасности – социальная разобщенность и расщепленность человека. Иными словами, не следует прогресс общества измерять критерием свободы, поскольку при таком подходе появляется культ свободы и индивид начинает ориентироваться исключительно на личные эгоистические интересы. Непомерное стремление к свободе препятствует нравственным действиям человека, поскольку, как обосновано показано русским философом и публицистом П.Я. Чаадаевым, в основе любого нравственного действия находится долг, а значит и подчинение.

Высказанный тезис не означает, что мы против свободы как таковой. Наоборот, крайне важно понимание того, что свобода человека включает в себя безусловное признание свободы другого человека. Или иначе: свобода одного человека не может быть достигнута ущемлением свободы другого человека. Однако, на наш взгляд, рассмотрение свободы как главного критерия прогресса общества усиливает направленность людей к эгоизму и, как следствие, приводит к социальной разобщенности и расщепленности человека. В этой связи показательны слова К.С. Аксакова, высказанные по отношению к западному обществу XIX века, но вполне актуальные и для современного российского общества и человека. Философ писал: «Очень просто, кажется, говорить, что чувствуешь, и чувствовать, что говоришь. Но эта простота составляет величайшее затруднение современного человека. Для этой простоты необходима цельность души, внутренняя правда, а современный человек сам не может отвечать себе: что он чувствует и чувствует ли он? Самолюбие подъяло в нем всякую правду движения; прежде нежели родится какой-нибудь порыв в человеке, уже он заранее взвешен, заранее соображен, будет ли он к лицу или не будет»⁴⁴. Еще более точное наблюдение принадлежит религиозному философу и ученому П.А. Флоренскому, который указывает, что «физик, или биолог, или химик, даже психолог, философ и богослов читают с кафедры одно, пишут в научных докладах другое, а дома, в своей семье, с друзьями чувствуют третье... Личность рассыпается, утверждая отвлеченное единство всей своей деятельности»⁴⁵. Не есть ли эта потеря цельности и расщепление личности следствием культа свободы, а также стремления выдвинуть ее в качестве критерия прогресса общества. Непомерное стремление к свободе начало довлеть над целостностью природного, человеческого, общественного и нравственного.

Другой важный вывод, который можно сделать, опираясь на труды русских философов, состоит в том, что истинный прогресс возможен только при условии гармоничного развития всех форм общественного сознания, то есть не только экономики и науки (как это происходит сейчас), но и морали, искусства, религии, философии, политики и т.д. Крен в сторону одной из форм духовной жизни общества приводит к дисбалансу, регрессу и потере в обществе равновесия. В этой связи показательны слова нашего соотечественника, философа В.Ф. Одоевского о ситуации на Западе. Мыслитель пишет: «Я вижу на

⁴³ Платон. Сочинения: В 3 т. Т.3. М., 1970. С. 346.

⁴⁴ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 419.

⁴⁵ Флоренский П.А. Сочинения. В 4т. Т.3. М., 2000. С. 367-370.

Западе безмерную трату сил... Запад, погруженный в мир своих стихий, тщательно разрабатывал их... но в беспокойной, ускоренной деятельности он дал развитие одной стихии и задушил другие: в результате потерялось равновесие»⁴⁶. Действительно, продолжая мысль В.Ф. Одоевского, мы можем сказать, что стихии экономики и науки задушили стихии морали, нравственности, эстетики, философии и т.д. О негативных влияниях «стихий» экономики и науки писали ряд русских философов. В частности Н.А. Бердяев указывал на то, что в экономике капиталистического хозяйства могут истреблять, бросать в море огромное количество хлеба из экономических интересов, когда существуют голодные. Давая оценку состоянию науки, П.А. Флоренский пишет, что она «хотела заменить собою то, в чем ищет себе удовлетворения личность; а в итоге стараний была сооружена огромная машина, к которой не знаешь, как подступиться... Научное мировоззрение и качественно и количественно утратило тот основной масштаб, которым определяются все прочие наши масштабы: самого человека»⁴⁷. Тем не менее в последующем именно на развитие науки возлагали большие надежды русские космисты, в концепции которых нашли органическое отражение основные характерные для русской философской мысли идеи.

Русская философия стала значимым фактором развития целого ряда национальных философий на территории российского государства. Например, русская философия активно влияла на концепции ведущих татарских философов: Г. Утыза Имяни, А. Курсави, Ш. Марджани, М. Бигиева, Х. Фаизханова, К. Насыри и др. Русская философия в единстве с рядом национальных философий России образует уникальный, своеобразный феномен – российскую философию. Иными словами, русская философия, в сущности, есть российская философия. Думается, что в этом и состоит важнейший аспект национально-культурного своеобразия русской философской мысли.

Таким образом, специфика русской философской мысли определяется совокупностью тем, находящихся в поле пристального внимания русских философов. При этом весьма дискуссионным представляются мнения отдельных ученых об отсутствии характерных черт русской философии или их сведение к россиеведению. Для снятия основной этой дискуссии необходима систематизация русской философской мысли подобная той, которую провели в западной философии Аристотель и позднее Г. Гегель. Систематизация позволит представить русскую философию как упорядоченную систему с совокупностью взаимосвязанных элементов, что в свою очередь станет предтечей глубокого раскрытия и осмысления ее национально-культурного своеобразия.

Список литературы

1. Соловьев, В.С. Сочинения. В 2т. Т.1. / В.С. Соловьев. — М.: Мысль, 1990. — 832 с.
2. Иванов, В.И. Родное и вселенское / В.И. Иванов. — М.: Республика, 1994. — 198 с.
3. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. — М.: Республика, 1992. — 147 с.
4. Муравьев, В.Н. Рев племени / В.Н. Муравьев // Вехи. Из глубины: сб. ст. / сост. А.А. Яковлева. — М.: Правда, 1991. — С. 402 – 424.
5. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. — М.: Республика, 1994. — 435 с.
6. Вышеславцев, Б.П. Этика преображенного эроса: Проблемы Закона и Благодати / Б.П. Вышеславцев. — М.: Республика, 1994. — 153 с.
7. Федоров, Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Федоров. — М.: Раритет, 1994. — 382 с.
8. Белый, А. Символизм как миропонимание. — М.: Раритет, 1994. — 301 с.
9. Ильин, И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. — М.: Республика, 1992. — 403 с.
10. Гершензон, М.О. Творческое самосознание / М.О. Гершензон // Вехи. Из глубины: сб. ст. / сост. А.А. Яковлева. — М.: Правда, 1991. — С. 73-96.
11. Трубецкой, Н.С. Пути Евразии / Н.С. Трубецкой. — М.: Русская книга, 1992. — 416 с.
12. Степун, Ф.А. Сочинения / Ф.А. Степун. — М.: РОССПЭН, 2000. — 421 с.
13. Булгаков, С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов / С.Н. Булгаков. — СПб: Изд. РХГИ, 1997. — 350 с.
14. Зеньковский, В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 890 с.
15. Лосский, Н.О. Избранное / Н.О. Лосский. — М.: Правда, 1991. — 599 с.

⁴⁶ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 141-142.

⁴⁷ Флоренский П.А. Сочинения. В 4т. Т.3. М., 2000. С. 369-370.

16. Тарасов, Б.Н. Чаадаев / Б.Н. Тарасов. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 574 с.
17. Бердяев, Н.А. Сочинения / Н.А. Бердяев. — М.: Раритет, 1994. — 413 с.
18. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо—Романскому / Н.Я. Данилевский. — СПб.: Глаголь, 1995. — 432 с.
19. Киреевский, И.В. Критика и Эстетика / И.В. Киреевский. — М.: Искусство, 1998. — 427 с.
20. Аскольдов, С.А. Религиозный смысл русской революции / С.А. Аскольдов // Вехи. Из глубины: сб. ст. / сост. А.А. Яковлева. — М.: Правда, 1991. — С. 210-249.
21. Бердяев, Н.А. Духи русской революции / Н.А. Бердяев // Вехи. Из глубины: сб. ст. / сост. А.А. Яковлева. — М.: Правда, 1991. — С. 250-288.
22. Платон Сочинения: В 3 т. Т.3./ Платон. — М.: Мысль, 1970. — 454 с.
23. Аксаков, К.С. Эстетика и литературная критика / К.С. Аксаков. — М.: Искусство, 1995. — 513 с.
24. Флоренский, П.А. Сочинения. В 4т. Т.3. / П.А. Флоренский. — М.: Мысль, 2000. — 503 с.

NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITY OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT

A. N. ZADVORNOV

*Elabuga State
Teachers' Training University*

*e-mail:
egpi-PF@yandex.ru*

The article deals with the typical themes of Russian philosophy: conciliarism, integrity ideal, ethical personalism, ontologization of the truth, intuitionism, cosmism, ways of development and the mentality of the Russian nation, criteria of social and personal progress. The idea of the Russian thinkers' peculiar approach to the philosophical problems of ethics, ontology, gnosiology, social and philosophical anthropology is substantiated.

Key words: Russian philosophy, conciliarism, integrity, truth ontologisation, intuitionism, moral values, mentality, progress criteria.

УДК 070

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ

А. П. КОНСТАНТИНОВА

*Санкт-Петербургский
государственный электро-
технический университет*

e-mail: constin@rambler.ru

Представлена теоретико-методологическая основа анализа медиатехнологий, в качестве которой выступает концепция технологии, в которой технология анализируется как специфическая форма деятельности. Концепция деятельности рассмотрена на трех уровнях: философском, социально-философском, общенаучном.

Ключевые слова: технология, деятельность, медиатехнологии.

В процессе перехода к новой информационной цивилизации решающая роль принадлежит совокупности современных технологий, основанных на фундаментальных и прикладных науках, развитие которых носит экспоненциальный характер. В результате сложилась система инновационных технологий, объединяющая нано-, био-, инфо-, когно-конвергенции, получившая название NBIC-конвергенции.

Философские концепции технологии как теоретико-методологическая основа анализа медиатехнологий

Одним из видов современных технологий являются медиатехнологии. Для того, чтобы рассмотреть медиатехнологии, требуется анализ технологии, как основы для их понимания. Понятие технологии трактуется по-разному: технология может рассматриваться и как технологическая форма движения материи, и как технологический процесс, и как наука, и как методология, и как применение любого научного знания для решения практических задач¹. Технология как технологическая форма движения материи, представляет собой глобальную совокупность материальных, вещественно-энергетических и информационных взаимодействий общества и природы, протекающих в системе техники и в целом формирующих техносферу. В данном контексте технологию понимают как целенаправленно управляемую человеком природно-социальную совокупность материальных процессов изменения в технологических (технических) системах различных форм вещества, энергии и информации. Технология с точки зрения технологического процесса представляет собой материальное (и духовное) воздействие на объект, вызывающее в нем качественные и количественные изменения свойств и пространственно-временного положения.

Технология как наука обобщает класс наук, изучающих проблемы превращения общественных и природных процессов в искусственные целесообразные формы. Основой технологической науки являются различные технологические теории, которые дают системотехническое описание законов и закономерностей технологических взаимодействий различной природы, определяют критерии, параметры и граничные условия протекания процессов преобразования вещества, энергии и информации. Технологические теории представляют собой форму научных знаний, в основе которых лежат факты, явления (описывающие их взаимодействия в виде зависимостей, закономерностей и законов), принципы, модели, постулаты, аксиомы, позволяющие построить и описать процессы и объекты технологического взаимодействия.

Технологическая методология включает в себя систему принципов, норм, требований, технологических методов, способов и приемов, разрабатываемых различными науками для создания и регулирования технологических процессов получения, трансформации, передачи и хранения предметов, энергии, информации, способов деятельности². Кроме того, технология понимается как применение любого научного знания для решения практических задач.

¹ Котенко В.П. Социально-гуманитарные технологии – проблемы теоретико-методологического анализа / Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Специальный выпуск. Философские проблемы социальных и гуманитарных наук. Том 2. Сборник научных статей. СПб. 2008. С. 11-12.

² Селиванов С.Г. Технологическая инноватика М.: Наука, 2004. С. 42.

Понятие технологии в широком смысле включает не только технику, но оно также отражает и цивилизационные завоевания и представляют собой сферу целенаправленных усилий, существенно детерминированных рядом социокультурных факторов и реализуемых в деятельности. Цивилизационные завоевания соотносимы не только с новой техникой, но также с новыми формами кооперации, организации деятельности, с возможностями концентрации ресурсов, с культурой труда, с накопленным научно-техническим и культурным потенциалом³. Когда говорят о той или иной технологии, то имеют в виду те новые возможности и даже целую научно-техническую революцию, которую технология несет с собой. Понимание технологии в широком смысле слова стало активно применяться исследователями, начиная с 60-х гг. 20 века и особенно в 70-80-х гг.⁴ Социокультурные факторы определяют функционирование технологий, формируя социокультурную среду, при этом технологии приобретают социальное значение.

В технологиях, которые являются как социальными, так и техническими технологиями, все чаще проектируются не просто техническое устройство и даже не система "техническое устройство-человек", а целостный комплекс, выступающий как сложная развивающаяся система "техническое устройство – человек", к которой добавляются особенности природной среды, в которую будет внедряться соответствующая технология, а также особенности социокультурной среды, принимающей данную технологию. Понятие «технология» в широком его применении как целенаправленной, структурированной формы трудового процесса распространяется не только на материальную сферу, но и на социальную сферу – социальные технологии, политические, образовательные, информационные, банковские, управленческие и т.д.

Разносторонние проявления технологий могут быть объединены понятием деятельности и находят свое отражение в различных видах деятельности, таких как научная, методологическая, технологическая, техническая, практическая. Рассмотрение концепции технологии как специфической формы деятельности в качестве основы анализа медиатехнологий позволит объяснить понятие медиатехнологий через концепцию деятельности, а для этого нужно обосновать правомерность использования деятельности как объяснительного принципа для анализа медиатехнологий.

Философская концепция деятельности как общетеоретическая основа анализа медиатехнологий

Философская концепция деятельности включает исторический, социальный, системный, эволюционный, синергетический, кибернетический, информационный, научно-технический подходы. Сущность философской концепции деятельности заключается в том, что все предметы рассматриваются как данные человеку через деятельность, что их определенность как предметов обусловлена характером социальной деятельности, детерминирующей как формы социальной организации мира, так и формы человеческого сознания, при этом нужно иметь в виду рамки и контекст социальной деятельности⁵. Познавательная объяснительная значимость концепции деятельности заключается в том, что предмет исследования задается в его целостности. Смысл философской категории деятельности в том, что она призвана служить исходной идеализацией для более конкретного анализа различных форм и проявлений человеческой активности⁶. Человеческая деятельность – историческое явление, оно возникает, меняется, совершенствуется вместе с развитием социальных отношений, которые она обслуживает и которые она изменяет. Исторический характер носят и существующие концепции деятельности: философские, социально-философские, общенаучные.

В литературе по социологии и психологии деятельность человека рассматривается как некий реальный процесс, складывающийся из совокупности действий и операций (А.Н. Леонтьев); как взаимосвязь противоположных, но предполагающих друг друга ак-

³ Розин В.М. Традиционная и современная технология М. 1997. С. 86.

⁴ Муштаев В.И., Мандрыка Е.А. Основы инженерного творчества и технологии интеллектуальной деятельности М. 2003 С. 75.

⁵ Деятельность: теория, методология, проблемы. М.: Издательство политической литературы, 1990.С. 74.

⁶ Там же.

ций – опредмечивания и распредмечивания (Г.С. Батищев); как созидательная сила, производящая культуру (Э.С. Маркарян); как совокупность определенных видовых форм, необходимых в реальной жизни каждому индивиду и играющих поочередно ведущую роль в онтогенезе (Б.Г. Ананьев)⁷. М.С. Каган полагает, что именно понятие «деятельность» наиболее адекватно выражает активность человека и обуславливает социальную жизнь. Обозначая эту человеческую активность, понятие «деятельность» охватывает и биологическую жизнедеятельность человека и его социокультурную, специфически человеческую деятельность⁸. Таким образом, каждый подход раскрывает ту или другую сторону деятельности, образуя систему, выполняющую самые разные функции.

В качестве мировоззренческого принципа понятие деятельность утвердилось, начиная с немецкой классической философии. Она анализировалась как некая спонтанная активность сознания, не только не скованная нормами логики и рефлексии, но и сама создающая основу для всяких норм и прежде всего для норм человеческого поведения, преобразования мира. Диалектико-материалистическое понимание деятельности сформулировано «как направленная активность живых систем, возникающая на основе их отношения к окружающей среде с целью самоподдержания»⁹.

В самом начале столетия М.Вебер, пытаясь определить предмет социологии, ввел понятие о социальном действии, которое он отделял от действия, направленного на неодушевленные объекты. В 30-е годы Парсонс построил аналитическую теорию социального действия. И хотя понятие действия учитывало в первую очередь явления и особенности поведения отдельных людей, тем не менее в нем содержались уже методологические установки и фиксировались такие элементы действия – нормы культуры, ценности, институциональные ориентации и т.п.¹⁰. Согласно работам Гегеля и Маркса человеческая социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная целостность. Сами люди оказываются принадлежащими к деятельности, включенными в неё. Деятельность образует систему с многочисленными и весьма разнообразными функциональными и материальными компонентами и связями между ними.

Система человеческой социальной деятельности оказывается полиструктурой, т.е. состоит из многих пересекающихся структур и каждая из них состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом¹¹. Деятельность представляет собой определенную систему, основными компонентами которой являются: субъект, цель, объект, средство деятельности, условия (среда), процесс, знания, результат. Деятельность можно определить как материально-практическое, преобразующее воздействие субъекта на объект, в ходе которого изменяются как внешний объект, так и воздействующий на него субъект. Деятельность характеризует всю систему субъект-субъектных и субъект-объектных отношений в проявлении сущностных сил человека, причем отношения выступают как проявление жизненной позиции субъекта и его объективного статуса. В деятельностном подходе сам объект рассматривается иначе, чем в методологии естественных наук и в онтологии природы. Объект берется и понимается как элемент категориальной пары "субъект – объект", где субъекту приписываются цели и намерения (интенции), а объект объявляется свободным от целей и намерений. Объект в концепции деятельности всегда изначально интенционален¹².

Субъект – носитель деятельности, сознания, познания, конкретный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми. Цель – представляемое и желаемое будущее событие или состояние, осуществление которого является промежуточным звеном на пути к цели, которая есть антиципированное представление результата нашего действия. Объект – то, на что направлена актив-

⁷ Там же. С. 48.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван. 1973. С. 13.

¹⁰ Целостность человека в системе деятельности, сознания и общения. М. 1985. С. 76.

¹¹ См.: Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М. С. 36.

¹² Всемирная энциклопедия: Философия, Минск, 2001.

ность (реальная и познавательная) субъекта. Средства деятельности включают разнообразные методы. Среда – окружающий мир. Психологически понятие процесса (действия) основано на сознании внутреннего усилия, успешно направленного к известной цели. Результат – конечный итог, следствие. Научное знание – система знаний о законах природы, общества, мышления.

При рассмотрении процесса эволюции деятельности, важно не просто говорить о развитии, но и об эволюционном смысле возникновения деятельности и её системы. Как и эволюция любых развивающихся систем, в системе деятельности в процессе эволюции наблюдаются две тенденции – тенденция к сохранению и тенденция к изменению данных систем. Человеческая деятельность проявляет себя двояко в эволюционных процессах: с одной стороны, ей присущи адаптивные проявления активности – тенденции к сохранению, с другой стороны, – продуктивные типы активности, которые лучше всего проявляют себя в творчестве, самореализации, они направлены на изменение¹³.

Эволюционный подход к технологической деятельности основан на аналогии эволюции живых организмов и технологических систем, причем субъект принимает в ней активное участие. Изучать эволюцию технологической деятельности можно и с позиций системного подхода. Тогда возникает системно-эволюционный подход к деятельности. В деятельности эволюционные процессы влияют как на субъект, так и на объект, которые изменяются, совершенствуются, развиваются.

Таким системам, как система деятельности, присущи синергетические эффекты, и в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития. В состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие в определенном пространственно-временном направлении способно породить (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации. Синергетика показывает, при каких условиях и для каких систем деятельности случайности (флуктуации) могут привести к возникновению порядка.

Синергетическая концепция деятельности выступает как современная парадигма эволюции. Наряду с информационным подходом синергетический подход можно рассматривать как развитие системного подхода. Взаимодействие синергетического и эволюционного подходов привело к формированию эволюционно-синергетической парадигмы.

С точки зрения кибернетического подхода деятельность понимается как последовательность действий, или операций¹⁴. Деятельность представляет собой совокупность взаимодействующих между собой систем управления, каждая из которых имеет цель, на достижение которой направлены ее действия. Сам субъект познания является одной из таких систем и воспринимает окружающую действительность сквозь призму своих целевых установок и внутренней модели мира.

Информационная деятельность связана с использованием совокупных методов и способов получения, обработки, представления информации и направлена на изменение её состояния, свойств, форм и содержания в интересах субъекта. Под информационным подходом традиционно понимают комплекс методов, основанных на базовых понятиях теории информации, таких, как информация, энтропия, сообщение, сигнал, код, канал связи, приемник, передатчик и т.д. Информационный подход рассматривается как фундаментальный метод научного познания природы, человека и общества. Суть информационного подхода заключается в том, что при изучении любого объекта, процесса или явления в природе и обществе в первую очередь выявляются и анализируются наиболее характерные для них информационные аспекты.

Информационный подход можно рассматривать как дальнейшее развитие системного деятельностного подхода. С позиций информационного подхода деятельность является информационной системой. Информационное рассмотрение деятельности – представление её как коммуникацию между компонентами ситуации деятельности. При использовании информационного подхода к анализу деятельности можно предположить,

¹³ Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования/ Вопросы психологии. №5. 1985 с. 28-40.

¹⁴ Горохов В.Г. Методологический анализ системотехники М. 1982. С. 37.

что в качестве субъекта выступает отправитель сообщения (информационного), в качестве объекта или субъекта – приемник сообщения. В целом схема информационной деятельности выглядит как адресант (субъект) – сообщение (информация) – адресант (объект или субъект). В процессе деятельности также участвует обратная связь, каналы коммуникации, условия (шумы) и др. Носитель информации встраивается в систему деятельности. Под информацией имеется в виду та, которая передается в какой-то определенной деятельности. Информация может быть сосредоточена в одном из компонентов ситуации деятельности или рассредоточена по обоим компонентам.

К современной специфической форме человеческой деятельности можно отнести деятельность в области медиатехнологий. Абстрактная структура технологии, рассматриваемой как деятельность, дает возможность показать особенности структуры медиатехнологий. Структуру медиатехнологий как деятельности образуют медиасубъект, медиаобъект, медиасреда, медиапространство, медиасредства, медиадеятельность и медиатехнологические знания. Необходимо отметить, что медиатехнологии – эволюционирующая система, развивающаяся по законам синергетики, а с точки зрения информационного подхода имеет соответствующую структуру и представляет собой кибернетическую модель.

Социально-философские концепции деятельности как основа анализа медиатехнологий

Социальная деятельность как субстанция социальной формы движения материи является сложным объектом, включающим систему различных видов деятельности. Социальная деятельность при таком рассмотрении фиксирует единство компонентов социальной реальности, т.е. единство материального и духовного. Социальная реальность включает 5 сфер жизни общества: материально-производственную, социальную, политическую, духовную, техническую. Общество, рассматриваемое как социальная реальность, понимается как целостная система. Исходя из этого, структуру социальной деятельности можно представить как совокупность этих сфер жизни общества. Социальная деятельность представляет собой комплексное явление современной реальности, отвечающее насущным потребностям человека. Проблематика концепции социальной деятельности включает в себя экономические, политические, социально-культурные и технические процессы и явления.

Сущность материально-производственной сферы жизни общества заключается в обширном характере общественной жизни, связанной с деятельностью человека по производству, распределению, обмену, потреблению материальных благ, материальных условий жизни людей. Составными компонентами этой сферы являются производительные силы, производительные отношения, их соотношение, диалектика производительных сил и производственных отношений.

Социальная сфера выражена законами, согласно которым в обществе образуются устойчивые, большие группы людей, а также формируются отношения между этими группами, проявляются их связи и роль в обществе.

В политической сфере рассматриваются общие законы образования форм, типов политического и другого управления обществом, связи этих форм друг с другом, создание целостной системы политического управления, а также законы её развития, функционирования, место политического управления в обществе, его связь с ним.

Духовная сфера представляет собой сторону общественной жизни, связанную со специализированным (профессиональным) духовным производством, с функционированием социальных институтов, в рамках которых создаются и распространяются духовные ценности. Элементами духовной жизни являются наука, искусство, идеология, религия, образование и воспитание.

Уледов А.К. выделяет «виды деятельности людей, направленные на удовлетворение определенных общественных потребностей»; «общественные отношения как форму деятельности»; социальные субъекты – субъекты деятельности и отношений»¹⁵ как компоненты структуры общества как социального целого. Модель элементарных частиц общества определяется выделением общественного субъекта, его видов деятельности, общественных отношений. Совокупность видов, форм, типов человеческой деятельности составляет систему общественной деятельности.

¹⁵ Уледов А.К. Социалистические законы. М., 1975. С. 86.

Медиатехнологии – это сложная социальная система, включающая социальные технологии, обусловленные всеми компонентами социальной деятельности, и образующая специфический вид социальной деятельности. Структура медиатехнологий представляет собой сложную систему технологий: экономических, социальных, политических, технических и др. Социокультурный аспект становится ведущим при анализе медиатехнологий. Проникновение медиатехнологий во все области может повлиять на изменение социальных ролей человека в общественной и личной жизни, существование виртуального пространства неизбежно повлияет на концепцию реального мира. Являясь механизмом инноваций и развития, медиатехнологии формируют сложную реальность, включающую социальные институты, человеческие отношения, деятельность, ценности, медиакартину мира. Необходимым компонентом медиатехнологий является международный язык, доступный всем субъектам, что придает этим технологиям универсальный характер. «Важная черта мультимедиа технологий состоит в том, что этот феномен охватывает большинство видов художественного творчества во всем его разнообразии, соединяя в себе все проявления культуры (от общедоступной до высокой, от элитных до популярных) как на горизонтальном уровне (в пределах одной страны или времени), так и на вертикальном, соединяя коммуникационные технологии и идеи прошлого, настоящего и будущего в гигантском историческом феномене — Интернете»¹⁶.

Общенаучные концепции деятельности как непосредственная методологическая основа анализа видов медиатехнологий

Под разными видами деятельности: технической, естественнонаучной, социальной и гуманитарной понимаются сферы жизни, функционирование которых осуществляется при поддержке и активном участии технологий. Суть проблемы общенаучных концепций деятельности как методологических основ анализа медиатехнологий заключена в специфических особенностях деятельности, исходя из которых, можно рассматривать различные виды медиатехнологий.

Трудно представить разработку медиатехнологий без достижений естествознания. Естественнонаучная деятельность опирается на кибернетический подход, эволюционизм, синергетику, а также системотехнику и концепцию «технетики». Системотехника изменяется в связи с повышением роли информации в науке и обществе, изменением традиционных представлений об информатике, естествознании, технознании, социогуманитарном знании и появлением медиазнания. Естественнонаучная деятельность нашла своё отражение в преобразовании субъектом происходящих в природе процессов, на основании которых функционируют медиатехнологии. В медиатехнологиях используются последние достижения в области естественных наук. Естественнонаучная деятельность предоставляет научный язык, методологию, в которой используется математический аппарат, средства для создания медиасистем. Благодаря естественнонаучной деятельности познаются медиаобъекты, относящиеся как к области микромира, так и макромира. В основе медиатехнологий находится естественнонаучная деятельность, с помощью которой формируются естественнонаучные знания, способствующие образованию медиазнания.

Отличительная черта современной технической деятельности – тесная взаимосвязь с наукой и целенаправленное применение научных методов и достижений в технической практике. Основополагающее значение технической деятельности заключается в том, что в ней технология выступает как сторона техники и человеческой технической деятельности¹⁷. Выбор технической деятельности как основы анализа медиатехнологий позволяет рассмотреть такой вид медиатехнологий, как технический, т.е. технический компонент. В этом компоненте выражена совокупность операций и процедур, производимых в технической среде (медиа): формирование элементной базы всех современных средств приема, передачи и обработки информации, систем управления и связи. Следует подчеркнуть, что техническая деятельность составляет материальную основу медиатехнологий, поскольку её результатом является создание медиаобъектов. Как следствие этого в медиатехнологиях сочетаются конструктивные особенности техники и выполняемые технологией функции. Благодаря достижениям в технической деятельности уже сейчас

¹⁶ Шлыкова О.В. Культура мультимедиа М., 2004. С. 29.

¹⁷ Елькина Е.Е. Парадигмы технической реальности: философский анализ. СПб.: ООО «Техномедиа»/Изд-во «Элмор», 2007. С. 85.

созданы полностью автоматизированные и совершенные медиасистемы, способные самостоятельно сделать наиболее оптимальный выбор и работающие эффективно в различных областях нашей жизни. В настоящее время техническая деятельность с характерными для неё критериями эффективности, целостности, универсальности¹⁸ связана с формированием и преобразованием различного вида объектов, к которым можно отнести медиаобъекты. Техническая деятельность активно воздействует на естественный мир в соответствии с потребностями и нуждами субъекта, трансформируя его в искусственный, а также регулирует закономерности и многоплановое поведение медиасистемы и её взаимодействие с другими сторонами культуры и общества. В структуре технической деятельности именно субъект осуществляет управление развитием медиатехнологий, а также проводит рациональную технологическую политику, направленную на медиаобъект. Субъект должен произвести разумный отбор среди множества нововведений и инноваций, реализуя те технические возможности, которые продиктованы общественной необходимостью. Многообразные виды технической деятельности включают в себя конструирование, проектирование, эксплуатацию и экспертную оценку функционирования медиасистем, реализуемых непосредственно субъектом.

Цель гуманитарной деятельности направлена на совершенствование духовного, материального, социального и природного мира человека и расширение его когнитивных и коммуникативных возможностей, что наилучшим образом реализуется благодаря развитию медиатехнологий. Гуманитарная деятельность способствует существованию и функционированию новых, современных форм гуманитарного знания. Эффективное использование и их широкое распространение обусловлены тем, что современное общество вступило в стадию информационного: информация является «субстанцией» гуманитарной деятельности¹⁹. Как компонент в гуманитарную деятельность входит гуманитарное знание, которое, по мнению авторов работы «Наука глазами гуманитария», имеет дело с уникальными, индивидуальными явлениями; с герменевтической интерпретацией человеческих действий и их продуктов; с интересом к субъективности мира; с ориентацией на гуманитарные виды практик, со смысловым конструированием социального мира; с диалогом и со спором как гуманитарной ценностью; с отказом от единого Я и с расширением Я на говорящего, думающего, ощущающего²⁰. В основе медиатехнологий можно выделить гуманитарную деятельность, специфика которой дает возможность проследить особенности медиасубъекта, его языка, ценностей, создаваемых текстов, моделируемых идеальных объектов. Такие черты медиатехнологий, как интерактивность и диалогичность также непосредственно связаны с гуманитарной деятельностью.

В соответствии с дисциплинарной классификацией деятельности выделяют социальную деятельность, как особый вид деятельности, которая разворачивается в процессе влияния человека на социальные процессы и организацию общественной жизни. Социальная деятельность характеризуется особым отношением. ОТНОШЕНИЕ – момент взаимосвязи всех явлений. О. вещей объективно; вещи не существуют вне О., последнее все...м к миру, которое заключается в том, что человек ЧЕЛОВЕК – фундаментальная категория философии, являющаяся смысловым центром практически любой философско... его творчески преобразует, целесообразно изменяет, одновременно изменяя и развивая свою социальную сущность СУЩНОСТЬ (лат. haecceitas – этовость и quidditas – чтойность) и ЯВЛЕНИЕ – философские категории, обознача..., что особенно полно проявляется в медиатехнологиях. Социальная составляющая медиатехнологий отражает их общественную направленность, проявляющуюся в их значимости как социальных технологий. Социальное знание активно применяется в медиатехнологиях, когда они направлены на работу с человеком, его жизненным миром, претерпевающим значительные изменения под воздействием медиатехнологий. Социальная деятельность как основа анализа медиатехнологий дает возможность рассмотреть характер взаимодействия субъекта и объекта, а также субъекта и субъекта, в котором среда становится в центре анализа. В социальной деятельности объектная структура взаимодействует исходя из законов общества.

¹⁸ Ниинилуото И. Технологические императивы / Философия: Диалог в Брайтоне: человек в настоящем и будущем №11, 1989.

¹⁹ См.: Наука глазами гуманитария. Отв ред. В.А. Лекторский – М.: Прогресс-Традиция. 2005. с. 14-54.

²⁰ См.: Там же

К феномену медиатехнологии можно подходить с разных позиций, что подразумевает использование системного подхода. Этот феномен синкретичным образом объединяет принципы диалектико-материалистической концепции деятельности, включающей системный, синергетический, эволюционный и информационный принципы. В основе медиатехнологий лежит множество аспектов науки и техники, их можно классифицировать по различным критериям в зависимости от их применения в самых разнообразных областях. Общенаучные концепции деятельности позволяют раскрыть содержание структурных компонентов медиатехнологий. Возможности и перспективы развития любого вида деятельности должны соответствовать гуманистическим установкам общества и потребностям человека. При анализе феномена медиатехнологии возникает целый ряд проблем: философско-методологических, этических, социально-психологических, которые ещё требуют своего исследования.

Список литературы

1. Котенко В.П. Социально-гуманитарные технологии – проблемы теоретико-методологического анализа /Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Специальный выпуск. Философские проблемы социальных и гуманитарных наук. Том 2. Сборник научных статей. СПб. 2008.
2. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС. 1997.
3. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. М., 2005.
4. Деятельность: теория, методология, проблемы. М.: Издательство политической литературы, 1990.
5. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван. 1973.
6. Шлыкова О.В. Культура мультимедиа. М. 2004.
7. Всемирная энциклопедия: Философия. Минск, 2001
8. Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования. / Вопросы психологии. №5. 1985.
9. Советов Б. Я. Информационные технологии. М. 2003.
10. Целостность человека в системе деятельности, сознания и общения. М. 1985.
11. Степин В.С. Высокие технологии и проблема ценностей //Высокие технологии и современная цивилизация (материалы научной конференции). М. 2004.
12. Васильева И.Е., Завьялова Л.М., Копрусова М.В. Гуманитарно-социальные аспекты развития информационных технологий в информационном пространстве образовательного учреждения /Материалы 6 всероссийской объединенной конференции «Технологии информационного общества – интернет и современное общество». М. 2003.
13. С. Кузнецов. Компьютерные технологии на благо каждого /Открытые системы. №4. 2007.
14. Вершинская О.В. Информационно-коммуникативные технологии и общество. М. 2007.
15. Манхейм К. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. М. 1994.
16. Наука глазами гуманитарии. Отв ред. В.А. Лекторский – М.: Прогресс-Традиция, 2005.
17. Карпенков С.Х. Основные концепции естествознания: Учебн. пособие для вузов. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998.
18. Поликарпов В.С. История науки и техники. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PREMISES FOR MEDIA TECHNOLOGIES ANALYSIS

A. P. KONSTANTINOVA

St Petersburg State Electrotechnical University

e-mail: constin@rambler.ru

The author presents a theoretical methodological analysis of media technologies based on the concept of technology as a specific form of activity. The concept of activity is discussed from philosophical, social philosophical as well as general scientific view points.

Key words: technology, activities, media technologies.

УДК 101.8

КРИТИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ К. ПОППЕРА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ПОЗНАНИИ

И. Б. КОСТИНА*Воронежский
государственный
педагогический университет**e-mail:kib999@inbox.ru*

Данная статья посвящена анализу социально-философской методологии гуманитарного познания. В работе детально представлены взгляды К. Поппера на материалистическую диалектику, историзм, историцизм. Показано отличие открытого общества от закрытого (тоталитарного). Особое внимание уделено вероятностному характеру неклассической рациональности, принципу индетерминизма и понятию свободы воли.

Ключевые слова: материалистическая диалектика, историзм, историцизм, вероятность, свобода воли, открытое общество.

В настоящее время социальная философия нуждается в подтверждении своего статуса научной дисциплины, что закономерно ставит вопрос о методологическом оснащении социально-философского познания. В советской философской традиции данный вопрос был в достаточной степени решенным с позиций материалистического понимания истории и принципа историзма. В свете произошедших в России на рубеже XX-XXI веков социальных трансформаций сам принцип историзма требует содержательного уточнения, специфика которого во многом определяется нормами и требованиями научной рациональности.

Развитие общества существенно отличается от процессов развития, наблюдаемых в природном мире, и одним из основных признаков этого отличия является понимание людьми тех движущих сил, благодаря которым осуществляется исторический процесс. При этом история в качестве реального процесса коренным образом отличается от исторического знания и исторической науки. Более того, если во времена господства марксистской философии под историей понимали реальный процесс общественных преобразований, то современная философия все более склоняется к той точке зрения, которая была высказана Дж. Коллингвудом в его знаменитом труде «Идея истории»¹. Коллингвуд определил историю как науку особого рода, задача которой – изучение событий, недоступных нашему наблюдению. Эти события исследуются логическим путем, в результате чего происходит некоторое реконструирование прошлого, причем сама реконструкция осуществляется в мышлении историка. Историк рассматривает не событие, а выраженную им мысль, поэтому его задача сводится к научно обоснованному реконструированию прошлого.

Историческая реконструкция выступает особым типом теоретического знания и оказывается тесно связанной с ценностными основаниями науки. В процессе исследования исторических объектов непосредственно затрагиваются гуманистические ценности общественной жизни, в связи с чем «возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера»².

Принцип историзма, сформулированный в эпоху классической науки, первоначально был рассчитан на исследование природных явлений и естественных закономерностей. Однако в течение XIX и XX вв., когда наука проходила стадию неклассической рациональности, принцип историзма претерпел значительные изменения, связанные со смещением познавательных акцентов в сторону культурно-исторического анализа. В этой связи интересно обратить внимание на фигуру Карла Поппера (1902-1994) – ученого, которого с полным правом можно назвать выдающимся философом XX века. Как отмечал

¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.

² Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М., 1992. – С. 186.

известный астроном Герман Бонди: «В науке нет ничего более важного, чем ее метод, а в методе нет ничего более существенного по сравнению с тем, что сказал о нем Поппер»³. Сам Поппер был самоотверженным защитником демократии и свободы, а про свою философию писал: «Я хотел бы сказать, что были два философа, которые оказали на меня наибольшее влияние и в течение долгого периода времени, – это Кант и Маркс»⁴.

В марксистской философии проблема развития научного знания имела преимущественно прикладной характер, уступая центральное место вопросу об особенностях общественного развития. Маркс был современником своей эпохи, поэтому нет ничего удивительного в том, что его теория классовой борьбы носила революционный характер, ведь XIX век вошел в историю Европы как век буржуазных революций. Революционная тематика глубоко переживалась всеми течениями общественной мысли того времени и способствовала их предельной радикализации⁵. Вспомним, к примеру, позитивизм О. Конта и волюнтаризм Ф. Ницше.

XX век стал особенно тяжелым для российской истории, которая оценивалась Европой как наглядный пример пролетарской демократии. Европейская мысль, выросшая на демократических идеалах Просвещения, была вынуждена защищать свойственный ей образ жизни перед натиском немецкого фашизма и русского коммунизма. Тоталитарные политические режимы угрожали важнейшей ценности европейской цивилизации – свободе личности. Учение Канта вновь стало актуальным, и идея свободы воли, ограниченной категорическим императивом, получила новый импульс к дальнейшему существованию.

В середине XX века, когда противостояние России и Германии разрешилось в форме второй мировой войны, К. Поппер продолжил традицию критической философии, разработав теорию роста научного знания. Поппер был противником индуктивных методов познания, но, тем не менее, считал опытное знание первым и необходимым условием существования науки. Он полагал, что любая научная теория должна быть принципиально опровержимой. В этом случае, по мнению Поппера, с одной стороны, стимулируется процесс развития научного знания, так как конкурирующие теории взаимно корректируют друг друга; с другой стороны, общественно-политические теории вследствие их взаимной критики не имеют возможности перерасти в идеологические и революционные доктрины.

Будучи последовательным рационалистом, Поппер отстаивал первостепенную значимость науки в общественной жизни. Как и Кант, он полагал, что любые знания человека о мире являются относительными, а научное знание обязательно должно иметь опытное подтверждение. В отношении Маркса Поппер не мог согласиться с идеей направленности исторического процесса и выступил с непримиримой критикой марксистского историзма, обосновывающего возможность революционных преобразований.

Творчество Поппера стало доступным русским читателям только в 90-е годы XX века. В 1992 г. на русском языке была опубликована знаменитая работа Поппера «Открытое общество и его враги», в 1993 г. – «Нищета историзма». Поппер принимал горячее участие в переводе своих работ на русский язык и отзывался о крушении в СССР социализма как о многообещающем и позитивном событии.

Одно из центральных понятий социальной философии Поппера – понятие «открытого общества», выдвинутое как антитеза тоталитарному обществу. Открытое общество, по Попперу, – это синоним свободного общества, в котором созданы все необходимые условия для осуществления свободы. В открытом обществе люди самостоятельно принимают решения и творят историю методом проб и ошибок. Относительно истории ничего нельзя знать наверняка, можно лишь высказывать догадки. Эти предположения могут оказаться и ошибочными, но процесс их пересмотра как раз и составляет развитие знания. Главное заключается в том, чтобы всегда сохранялась возможность фальсификации (опровержимости) научного знания.

³ В.Н.Садовский. О Карле Поппере и судьбе его учения в России // Вопросы философии. 1995. – № 10. С. 15.

⁴ Там же. С. 19-20.

⁵ См.: Межуев В.М. Историческая теория Маркса и современность // Философское сознание: драматизм обновления. – М., 1991. С. 300.

В работе «Открытое общество и его враги» Поппер развернул полемику с классическими авторами – Платоном, Гегелем, Марксом. С его точки зрения, идеальные государства этих мыслителей по сути дела представляют собой тирании, в которых человек лишается своей основной характеристики – свободы. Поппер назвал гегелевско-марксистский историзм историцизмом, связав с этим термином какие-либо предсказания и прогнозы общественного развития. По его мнению, любое представление о направленной эволюции общества нельзя считать строго научным, так как научному познанию доступны лишь опытные данные. История же существует в качестве формы человеческого опыта, совершается методом «проб и ошибок», и относительно целей исторического развития ничего конкретного сказать нельзя. Строго говоря, Поппер не приемлет марксистскую идею коммунизма и сопутствующую ее реализации концепцию классового борьбы. Согласно Попперу, наука должна избавиться от догм и глобальных пророчеств, т. е. попыток рассуждать о том, что произойдет в будущем.

От пророчеств, согласно Попперу, нужно отличать предсказания, которые можно делать в том случае, если речь идет о локальных процессах, осуществляющихся, как правило, в закрытых системах, условия протекания которых мы можем выявить, а иногда и контролировать. Предсказания полезны и оправданы в отношении природных процессов, так как в природе легче выявить закрытые локальные системы (хотя и в природе существуют такие процессы, будущее которых предсказать невозможно). Но определенные предсказания возможны и в обществе – в тех случаях, когда это касается некоторых конкретных процессов в контролируемых условиях (некоторые такие зависимости можно найти, например, в экономической науке: взаимоотношения между инфляцией и полной занятостью в условиях рыночной экономики и т. д.). Другое дело – глобальные предсказания или пророчества, которые, согласно Попперу, не имеют научной ценности в силу их метафизического происхождения и не должны быть использованы в качестве инструментов общественного развития. Особенно важно иметь это в виду, когда в центре научного внимания оказываются социальные проблемы, так как именно в отношении общества попытки глобальных пророчеств повторяются вновь и вновь.

Следует добавить, что, по мнению другого выдающегося философа XX века К. Ясперса, «прогноз никогда не бывает нейтральным. Правилен он или неправилен, прогнозирующий анализ неизбежно вызывает побуждение к действию»⁶. Высказывание понуждает к чему-то или отвращает от чего-то. И мнимое знание будущего является прежде всего фактором, содействующим или противодействующим его реализации.

В работе «Нищета историцизма» Поппер размышляет над вопросом о возможности некоего закона эволюции и приходит к следующему выводу: «Я убежден, что на этот вопрос надо ответить «нет» и что поиск закона «неизменного порядка» в эволюции не вмещается в рамки научного метода, будь то в биологии или в социологии. Эволюция жизни на Земле или эволюция человеческого общества есть уникальный исторический процесс. Что касается истории человеческого общества – а именно она главным образом нас здесь и интересует, – то люди разглядели в истории сюжет, ритм, предопределенный образец... Я же вижу лишь то, как одна неожиданность сменяется другой... История – это лишь один великий факт, по отношению к которому, поскольку он уникален, невозможны никакие обобщения...»⁷.

Исходя из вышесказанного, Поппер сделал вывод о том, что все случаи повторения в истории таят в себе совершенно разные обстоятельства, которые могут оказывать серьезное влияние на дальнейшее историческое развитие. Следовательно, у человечества нет оснований ожидать, что какое-то видимое повторение исторического процесса и далее пойдет параллельно своему прототипу. Одно из главных положений Поппера состоит в том, что история – неповторимый процесс, набор уникальных фактов, которые невозможно обобщить.

Поппер выступил также против универсальных законов развития, под которыми обычно понимают законы диалектики. В качестве альтернативы он выдвинул понятие тенденции и аргументировал это следующим образом: «Поскольку не существует движе-

⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 163.

⁷ Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 30-31.

ния общества, сколько-нибудь подобного или аналогичного движению физических тел, то не может быть и соответствующих законов движения. Тенденции не являются законами. Суждение о существовании некой тенденции – экзистенциальное, а не универсальное. Суждение, утверждающее существование тенденции в определенный момент времени и в определенном месте, является единичным историческим суждением, а не универсальным законом»⁸. Таким образом, тенденции, согласно Попперу, имеют субъективное обоснование и принципиально не могут быть подведены под какие-либо объективные законы развития.

Поппер выстроил свою концепцию роста научного знания в русле отрицания диалектического метода познания как единственно возможного при анализе развития. По его мнению, Маркса следует считать не материалистом, а идеалистом, так как он, хотя и отбросил гегелевский мировой дух, но сохранил сам метод, согласно которому движущими силами исторического развития являются диалектические «противоречия», «отрицания» и «отрицания отрицаний». Собственно материалистическим методом познания, по Попперу, выступает метод проб и ошибок, который не ищет универсальных законов развития, не делает далеко идущих прогнозов, и только описывает конкретные события и анализирует отдельные факты.

Поппер писал, что диалектический метод необходимо отличать от метода проб и ошибок. В диалектическом методе, по его мнению, «борьба между тезисом и антитезисом приведет к элиминации тезиса (или, возможно, антитезиса), если он окажется неудовлетворительным, и соревнование теорий должно завершиться принятием новых теорий, если, конечно, для испытания предлагается большое их число»⁹. В материалистической диалектике полной элиминации тезиса или антитезиса не происходит. Здесь существует категория «снятия». Даже если обсуждаемая точка зрения или теория была опровергнута, в ней все равно имеется нечто достойное сохранения, что снимается и в снятом виде переносится в новую теорию – иначе эта теория вообще вряд ли бы была выдвинута и воспринята всерьез. Поппер полагает, что данная процедура имеет чисто субъективные основания и является второстепенным моментом научного познания.

Ссылаясь на Канта, Поппер противопоставляет критический анализ диалектическому, и полагает, что диалектика якобы допускает противоречия в мышление и пытается мыслить противоречиями. Усиливая этот аргумент, он заключает, что мысленное отражение противоречий «равносильно покушению на... закон исключения противоречий традиционной логики, который гласит, что два противоречащих друг другу утверждения не могут быть истинными одновременно; или что утверждение, представляющее собой конъюнкцию двух противоречащих утверждений, всегда должно отвергаться как ложное, исходя из чисто логических оснований»¹⁰. Из этого бесспорного абстрактно-всеобщего закона Поппер делает вывод, что из пары противоречащих друг другу высказываний можно с полным правом вывести что угодно. Это также не подлежит сомнению, если подходить к диалектике с позиций формальной логики и обращать внимание лишь на логическую форму связи, оставляя в стороне конкретное содержание явления. Однако следует заметить, что в отличие от категорий формальной логики, предназначенных для оперирования объективными внешними данными, диалектические категории порождаются самим логическим мышлением и выражают соответствующую этому логическому мышлению последовательность интеллектуальных операций.

Таким образом, попперовская критика диалектики ведется с позиций формальной логики и нарушает важнейший принцип диалектического мышления – принцип историзма, согласно которому исследование более поздней в историческом отношении ступени развития нельзя осуществлять средствами, характерными для предшествующих ступеней. Формальная логика исторически предшествовала диалектическому методу познания, поэтому ее средства предназначены в первую очередь для эмпирического анализа, в то время как диалектика выступает незаменимым инструментом теоретического мышления.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 120.

¹⁰ Там же. С. 121 – 122.

С другой стороны, если вернуться к пониманию К. Поппером истории как набора уникальных фактов и учесть вероятностную природу неклассического типа научной рациональности, то можно признать вполне справедливым его требование ограничить социально-философское познание тенденциями общественного развития, имеющими вероятностный характер. В этой связи хотелось бы привести небольшую историческую справку из биографии К. Поппера. Дело в том, что в 30-е годы XX века Поппер был причастен к деятельности Венского кружка, созданного в 1922 г. М. Шликом. Примечательно, что руководитель кружка Шлик был физиком, защитившим докторскую диссертацию по теоретической оптике под руководством М. Планка. Известно, что Поппер состоял в переписке с А.Эйнштейном, разделял взгляды Э. Шредингера, общался с Н. Бором и В. Гейзенбергом.

В 1959 г. Поппер публикует статью «Интерпретация вероятности: вероятность как предрасположенность», в которой приводит доказательства несостоятельности индуктивистского обоснования вероятности. Эта статья была направлена против позиции неопозитивистов и содержала внушительную критику книги Р.Карнапа «Логическое основание вероятности» (1950). Карнап разделял взгляды Г. Рейхенбаха в вопросе разработки трехзначной вероятностной логики. Если формальная логика является двузначной – суждение может быть либо истинным, либо ложным, то вероятностная логика дополняет эту структуру третьим параметром – суждение может быть также вероятностным или возможным, при этом степень истинности вероятностного суждения зависит от точности и достоверности протокольных предложений, выражающих фиксируемые субъектом эмпирические данные. Вероятность в этом случае предстает как индуктивное обоснование возможности.

Поппер критикует Карнапа и Рейхенбаха за индуктивный подход к вероятности, и полагает, что индуктивное обоснование вероятности верифицируемостью случайных событий несет на себе печать субъективистского толка и принципиально ограничивает объективный смысл вероятности. Поппер полагает, что вероятность случайного события имеет объективные предпосылки, которые необходимо предварительно сформулировать, определив тем самым область случайного события. Иными словами, Поппер подвергает понятие случайности метафизическому переосмыслению. Если в классическом рационализме случайность традиционно определялась как непознанная необходимость и признавалась второстепенной по отношению к необходимости, то Поппер трансформировал смысл случайности в направлении свободы и поставил случайность в равноправное положение с необходимостью¹¹.

Рассуждая о канонах индетерминистской логики, Поппер по сути дела разрабатывает методологическую базу для оправдания человеческой свободы: «...Человеческая свобода, конечно, является частью природы, – пишет Поппер, – вместе с тем она трансцендирует природу...»¹². Иначе говоря, чистая возможность, открываемая субъектом и существующая как его представление, настолько же реальна для человека, как и случайное событие, неожиданно возникающее в практической жизни. Различие между этими типами реальности условное, и определяется оно, по Попперу, – исследовательской позицией субъекта в определенном контексте и соответствующими этому контексту парадигмальными установками. Таким образом, критическая позиция Поппера и его исследовательская программа, сформулированная им в «Логике научного открытия», в достаточной степени учитывают сложность человеческого бытия, включая и проблему свободы, и немало приоткрывают завесу над многовариантностью эволюции.

Возвращаясь к социально-философским идеям Поппера, остановимся на втором важнейшем положении его концепции, которое касается оценки исторического метода. Исследователей исторического метода, позволяющего делать различного рода прогнозы в истории, Поппер называет историцистами и относит к их числу всех последователей

¹¹ См.: Чайковский Ю.В. «Об эволюционных взглядах К.Поппера» // Вопросы философии. – 1995, № 11. – С. 4.; Юлина Н.С. Философия Карла Поппера: мир предрасположенностей и активность самости // Вопросы философии. 1995. – № 10. – С. 47.

¹² Popper K. The Open Universe. An Argument for Indeterminism. – Totova, N.Y., – 1982. – P. 130.

Платона, Гегеля и Маркса. Согласно Попперу, имеются две задачи истории, равно необходимых и дополняющих друг друга:

- 1) распутывание причинных нитей;
- 2) описание «случайности» их переплетений.

Любое событие можно рассматривать и как типическое (то есть имеющее причинное объяснение), и как уникальное (то есть неповторимое). Соответственно этим задачам истории Поппер выделяет две группы историцистов. Одна из них утверждает, что история должна заниматься формулированием исторических законов, то есть – не просто собирать факты, но и пытаться представить их причинную взаимосвязь. Другая же группа, в которую также входят историцисты, считает, что даже «уникальные» события, происходящие только однажды и не несущие в себе ничего «общего», могут быть причиной других событий и что именно такая причинность представляет интерес для истории.

Поппер считает, что каждая из этих групп отчасти права. Он выделяет в истории два основных случая: во-первых, *объяснение* отдельного или единичного, специфического события и, во-вторых, *объяснение* некоторой регулярности или закона. «...Дать причинное объяснение отдельному событию значит дедуцировать суждение, описывающее это событие, из посылок двоякого рода: из универсальных законов и из единичных или специфических суждений, которые мы назовем специфическими начальными условиями.

Во-первых, мы никогда не можем говорить о причине и следствии в абсолютном смысле, а должны говорить, что одно событие является причиной другого – его следствия – в отношении какого-то универсального закона. Однако эти универсальные законы зачастую столь тривиальны, что мы считаем их само собой разумеющимися. И второе: использование теории для предсказания определенного события является просто другой стороной той же теории, используемой для объяснения этого события. И поскольку мы проверяем теорию, сравнивая предсказанные события с теми, что налицо, то наш анализ показывает так же, как можно проверить теорию»¹³.

Таким образом, согласно Попперу, дать событию причинное объяснение – значит показать, как и почему оно произошло, то есть рассказать его историю. Формулировка же универсального закона, существование которого не вызывает у Поппера никаких сомнений, должна включать в себя все условия значимости этого закона на протяжении всей человеческой истории, поскольку иначе этот закон не сможет считаться универсальным. Следовательно, в онтологическом отношении универсальный закон (научно сформулировать который нет никакой возможности) и отдельные события (начальные условия) – равно необходимы для любого причинного объяснения истории.

«Думаю, – писал Поппер, – что из этого затруднительного положения возможен только один выход – сознательно, заранее, ввести в историю установку на избирательность; то есть писать такую историю, которая нам интересна. И действительно, те немногие идеи, внутренне присущие этим избирательным подходам, которые могут быть выражены в форме проверяемых гипотез, единичных или универсальных, вполне можно рассматривать как научные гипотезы. Но, как правило, эти исторические «подходы» или «точки зрения» не подлежат проверке»¹⁴.

Это второе из основных положений социальной философии Поппера: в истории действует установка на избирательность, то есть исторические события рассматриваются с точки зрения интересов конкретного исследователя. Тем самым, представление Поппера об истории оказывается противоположным марксистскому в плане отправной точки исследования. Фундаментом этого положения выступает субъективный фактор или интерес конкретного человека. Напомним, что Маркс, создав свою теорию, делал упор именно на объективные, не зависящие от человека факторы (производительные силы, производственные отношения и т. д.). Поппер не отрицает марксистский подход к историзму, понимая под последним «историческую обусловленность» событий. Но он критикует Маркса за чрезмерное внимание к экономической стороне общественного развития и рас-

¹³ Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 49.

смачивает марксистскую теорию как одну из возможных интерпретаций исторического развития, считая ее лишь научной гипотезой. Если историцисты «действительно обнаруживают, что их точка зрения плодотворна и позволяет упорядочить и проинтерпретировать много фактов, то они ошибочно принимают это за подтверждение, или даже за доказательство своей доктрины»¹⁵.

По мнению Поппера, главная ошибка историцизма заключается в том, что его «законы развития» оказываются абсолютными тенденциями, которые, подобно законам, не зависят от начальных условий и которые неумолимо ведут нас в определенном направлении в будущее. Они являются основой для безусловных пророчеств, в противоположность обусловленным реальными событиями научным предсказаниям. С точки зрения историцизма, можно, например, интерпретировать историю человечества как историю классовую борьбу или историю борьбы за превосходство, как историю религиозных идей или историю борьбы между открытым и «закрытым» обществом, как историю научного и промышленного прогресса и т.д. Поппер принимает все эти точки зрения и полагает далее, что как таковые они совершенно неоспоримы, но их абсолютизация недопустима. Он пишет: «Каждая версия историцизма выражает такое чувство, как если бы нас уносили в будущее какие-то непреодолимые силы. Историцисты словно пытаются возместить себе утрату неизменного мира, цепляясь за веру в то, что изменение можно предвидеть, поскольку им правит неизменный закон»¹⁶.

Подводя итог всему вышесказанному об основных положениях социально-философской концепции Карла Поппера, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, Поппер считал, что история совершается методом проб и ошибок, который является единственным методом эволюции. Под историзмом он понимал «историческую обусловленность» тех или иных явлений, и вкладывал в это понятие: а) специфические начальные условия возникновения конкретного события; б) действие универсальных законов развития, под которыми понималось воздействие внешних обстоятельств. Не отрицая наличия таких универсальных законов, Поппер тем не менее категорически отказывался отождествлять универсальные законы с законами диалектики. Влияние универсального закона, по Попперу, всегда носит частный характер и не может быть сформулировано в математически ясной форме. Поскольку точная формулировка такого закона невозможна, то люди и не должны пытаться это сделать.

Во-вторых, в методологии гуманитарного познания, по мнению Поппера, важно перенести основной акцент с изучения исторических закономерностей на исследование уникального многообразия исторических факторов, т.е. сделать шаг от единства истории к множественности ее интерпретаций, каждая из которых имеет право на существование. И, несмотря на опасность релятивизма, предложенное Поппером решение представляется вполне обоснованным, более того – действенным, если учесть, к примеру, цивилизационный подход А. Тойнби или неопрагматистские идеи Р. Рорти.

В-третьих, концепция открытого общества Поппера неразрывно связана с индетерминистской логикой, которая обосновывает свободу воли человека наличием случайностей, всегда имеющих вероятностный, а не закономерный характер.

Список литературы

1. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980.
2. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992.
3. Садовский В.Н. О Карле Поппере и судьбе его учения в России // Вопросы философии. 1995. – № 10.
4. Межуев В.М. Историческая теория Маркса и современность // Философское сознание: драматизм обновления. – М.: Политиздат, 1991.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
6. Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 10.
7. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1.

¹⁵ Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 50.

8. Чайковский Ю.В. “Об эволюционных взглядах К.Поппера” // Вопросы философии. – 1995, № 11.
9. Юлина Н.С. Философия Карла Поппера: мир предрасположенностей и активность само-сти // Вопросы философии. 1995. – № 10.
10. Popper K. The Open Universe. An Argument for Indeterminism. – Totova, N.Y., – 1982.

KARL POPPER'S CRITICAL RATIONALISM IN SOCIOPHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

I. B. KOSTINA

*Voronezh State Pedagogical
University*

e-mail:kib999@inbox.ru

The article is devoted to the analysis of sociophilosophical methodology of humanities knowledge. The ideas of materialistic dialectics, historicism, historism, stated by Popper, are presented in details. The difference between open and closed (totalitarian) societies is shown in th paper. The special attention is given to the concept of the probability which has arisen within the limits of nonclassical rationality, to principle indeterminism and to the concept of free will.

Key words: Materialistic dialectics, historicism, historism, probability, free will, open society.

ПРАЗДНИК ПО МАРКСУ. ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО

И. Н. ЛАВРИКОВА

*Тверской филиал
Московского университета
МВД России*

e-mail: ilavrikova@rambler.ru

К наиболее известным концепциям праздника относится и марксистская, которая, надо отдать должное, отличается выверенностью, тщательной проработкой деталей и обоснованностью положений. По моему мнению, это одна из наиболее полных и законченных концепций праздника со времен древних греков.

Возникает вопрос: что же является причиной такого пристального внимания к празднику со стороны столь маститых политтехнологов социалистической революции?

Ключевые слова: марксизм, праздник, собственность, способ празднования, воспитание личности, досуг, свободное время, общество, класс.

«...Лишь при условии сокрытия значительной своей части власть может быть перенесима. Ее успех пропорционален тому, что из своих механизмов ей удастся спрятать»¹

К наиболее известным концепциям праздника относится и марксистская, которая, надо отдать должное, отличается выверенностью, тщательной проработкой деталей и обоснованностью положений. По моему мнению, это одна из наиболее полных и законченных концепций праздника со времен древних греков.

Возникает вопрос: что же является причиной такого пристального внимания к празднику со стороны столь маститых политтехнологов социалистической революции?

Прежде чем ответить на интересующий меня вопрос, обращусь к некоторым ключевым положениям данной концепции.

С точки зрения марксистской диалектики и материалистического понимания истории праздники рассматриваются в непрерывной связи с природной и социальной средой². История общественного развития – это, прежде всего история развития и смена способов производства, которые определяют изменения всего общества. Праздник связан с обществом в целом, с его социальными, политическими и духовными процессами. Отправной точкой исследования праздника выступает способ производства, влияющий на изменение всех общественных процессов. Типу способа производства в обществе соответствует определенный исторический тип праздника. Смена типа праздника определяется сменой способа производства. Так, в условиях различных общественно-экономических формаций появление новых способов производства ведет к появлению новых типов праздников.

В тех случаях, когда способ производства находится на восходящей ступени развития, т.е. до тех пор, пока существующая форма собственности соответствует состоянию производительных сил, а интересы господствующего класса совпадают с требованиями объективных законов исторического развития, деятельность этого класса способствует в основном общественному прогрессу, в том числе развитию праздников.

В условиях классового общества каждый класс, выступающий на политической арене, является носителем тех праздников, которые соответствуют его общественной роли. Расцвет праздников приходится, как правило, на периоды роста и сплочения прогрессивных сил, ломки старых и становления новых социальных отношений.

Так как праздники есть выразители интересов определенного класса, то его отношение к средствам производства определяет и отношение к средствам производства

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. С. 185.

² Еще Ф. Энгельс указал на необходимость связывать развитие праздников с определенной географической средой, главным образом общественной. Энгельс Ф. Рейнские празднества. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 1-е изд., т. 2. С. 228.

праздника. Если господствующие классы управляют системой праздников и занимаются, в том числе во время своих праздников преимущественно умственным трудом, то эксплуатируемые классы заняты в основном физическим трудом³. Угнетенные часто являются обслуживающим персоналом на праздниках господствующих классов. Собственные же праздники нередко служат им средством рекреации после тяжелого физического труда.

Согласно авторскому тандему К. Маркса и Ф. Энгельса, праздник – это существенная сила, которая может сыграть важную роль в классовой борьбе антагонистического общества, более того политический праздник – это арена ожесточенных классовых и политических столкновений, есть рупор классовых идей⁴.

По мнению В. И. Ленина, праздники в антагонистическом обществе как бы фокусируют глубокие социальные, классовые изменения в общественной жизни, а участие рабочих в своих праздниках – средство политической и классовой закалки⁵.

Исследование связи между способами производства и видом общественно-экономической формации показали, что, помимо общих черт, внутри формации существует особенное, то есть историческое своеобразие различных вариантов одного и того же способа производства⁶, что становится причиной своеобразия эволюции праздников на различных этапах развития внутри одного общества.

Со способом производства связан способ празднования (далее СП) как способ общественного существования праздников. СП определяется также базисом и надстройкой общества, образом жизни, классами, историческими общностями людей. В антагонистическом обществе способы празднования эксплуататорских классов и класса угнетенных различны: празднования рабовладельцев кардинально отличаются от празднований рабов, СП феодалов от СП крепостных крестьян, СП капиталистов от СП рабочих.

Способы празднования могут быть различны и в условиях неантагонистического общества. Так, в социалистическом обществе возможен единый социалистический способ празднования, однако это единство не исключает возможности неантагонистических различий в способах празднования людей, занятых преимущественно умственным или физическим трудом, живущих в городе или в деревне, в разных регионах, людей, принадлежащих к различным нациям и народностям. В условиях же коммунистического общества, когда стираются грани между городом и деревней, умственным и физическим трудом, образом жизни различных классов и слоев населения, происходит сближение наций и народностей, стираются неантагонистические различия и формируется единый для всего общества коммунистический способ празднования, что, естественно, не исключает широкого разнообразия его форм. Таким образом, способ празднования определяет содержание празднования, а содержанию празднования соответствует определенная форма празднования.

Марксизм выделяет праздничное производство в качестве специфического способа общественной деятельности, вида общественного производства. Общественное производство – это воспроизводство социальных условий человеческого существования, его продуктом являются не только материальные и духовные ценности, но, по существу, вся человеческая деятельность, связанная с конкретно-историческим состоянием общества.

Общую обусловленность социальной деятельности классов и социальных групп нельзя понять в отрыве от образа жизни. В большинстве марксистских работ образ жизни рассматривается как философско-социологическая категория, охватывающая совокупность типичных видов (способов) деятельности индивида, социальной группы, класса, нации, общества в целом, поскольку образ жизни – это вид деятельности, в основе которого лежит определенный способ производства⁷. Образ жизни, социальная деятельность и потребности находятся в тесной взаимосвязи.

³ Бенифанд А. В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. С. 13.

⁴ Энгельс Ф. Письмо организационному комитету Международного празднества в Париже 13 февраля 1887 года. – Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. 2-е изд., т. 21. С. 354–355.

⁵ Ленин В. И. Маевка революционного пролетариата. – Полн. собр. соч., т. 23., т. 23. С. 296–297. Ленин В. И. Начало демонстраций. – Полн. собр. соч., т. 5. С. 370. Ленин В. И. К вопросу о национальной политике. – Полн., собр. соч., т. 25. С. 66.

⁶ Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980. С. 349.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2-е изд., т. 3. С. 19.

Праздники – часть образа жизни. Праздники удовлетворяют широкий спектр материальных и духовных потребностей общества и личности. Потребности – источник деятельности людей, средство возникновения социальной активности. Изучение личных потребностей в неразрывной связи с общественными и в зависимости от социальной среды позволяет правильно понять социальную обусловленность их возникновения и удовлетворения⁸.

Благодаря празднику, прежде всего, реализуются потребности в праздничном отдыхе⁹: потребности психофизиологические, в коллективной добыче и приготовлении пищи, в коллективном застолье, разрядке, рекреации, регенерации. Очень важную группу составляют идеологические потребности. Они возникли с появлением общества, функционируют в государстве и отмирают при исчезновении вызвавших их причин. Большое значение в обществе имеют мировоззренческие потребности, которые удовлетворяются праздниками.

Художественно-эстетические и нравственные потребности возникли еще в первобытном обществе, в классовом обществе они также стали частью идеологических потребностей. К ним можно отнести потребности в наслаждении прекрасным, художественном творчестве, общении с искусством, потребности в художественной самодеятельности, самовыражении, в нравственной ориентации, нормах, нравственных традициях, добре, долге, чести, совести, справедливости, уважении и самоуважении, а также многие другие.

Очень важную группу составляют коммуникативные потребности – познавательные (в передаче социального и трудового опыта в обмене информацией, познании нового и закреплении старого). Кроме того, праздники удовлетворяют одну из главных и древнейших человеческих потребностей в общении, которая взаимосвязана с другими потребностями в празднике. Праздники удовлетворяют целый круг коммуникативных потребностей – в массовом, межличностном и групповом общении, а также в коллективном переживании.

Важными для общества являются потребности, которые можно объединить в одну группу – организационные. Удовлетворяя их в условиях любого общества, праздники выступают как средство социализации людей, сплочения и объединения их в единый коллектив, что формирует у личности чувство принадлежности к обществу, готовность к участию в общественных делах.

Отдельную группу составляют воспитательные потребности, которые всегда актуальны. Удовлетворяя общественные потребности в воспитании людей, особенно молодежи, праздники выступают как воспитательная, педагогическая система. Потребности в воспитании, в структуре потребностей в празднике тесно переплетены с другими.

Особую роль в иерархии потребностей в празднике играют творческие потребности¹⁰. На праздниках удовлетворяются потребности в самых широких формах социального, духовного творчества, в самодеятельности, самовыражении, что характерно для любого общества.

Таким образом, участие в праздниках дает возможность удовлетворять различные общественные и личные материальные и духовные потребности, изменение количественных и качественных характеристик которых, по мнению Ф. Энгельса, ведет к преобразованию функций праздника¹¹.

Рассматривая праздник как социальное явление, основоположники марксизма-ленинизма высказывали мысль об особом значении праздничного отдыха: по мнению В. И. Ленина, последний олицетворяет собой не только фактор восстановления здоровья и физических сил рабочих, но и средство их социального пробуждения и развития¹², кроме того, праздничный отдых подразумевает и высокое чувственно-эмоциональное состояние субъектов, особое приподнятое настроение.

⁸ Злотников Р.А. Духовные потребности советского рабочего. Саратов: Изд.-во Саратов. ун-та, 1975. С. 90.

⁹ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд.-во Краснояр. ун-та, 1986. С. 26.

¹⁰ Энгельс Ф. Рейнские празднества. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 1-е изд., т. 2. С. 228.

¹¹ Энгельс Ф. Положение в Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее». Маркс К., Энгельс Ф. – Об искусстве. В 2-х т. Сост. и авт. вступит. статьи М. Лифшиц. 3-е изд. М.: Искусство, 1976, т. I. С. 416.

¹² Ленин В. И. Политическая стачка и уличная борьба в Москве. – Полн. собр. соч., т. II.

В чистом виде функция активного отдыха выделяется лишь условно, тесно переплетаясь с другими основными функциями праздника, она выступает лишь интегрировано.

Таким образом, праздник – это специфическое социальное явление, представляющее собой форму активного отдыха, основанного на самостоятельности субъектов и способствующего восстановлению и развитию их физических и духовных сил посредством создания особого чувственно-эмоционального состояния. Кроме того, вместе с традициями, обычаями, обрядами и ритуалами праздник представляет собой часть более емкого понятия «праздничная культура», а праздничная культура как часть духовной культуры включена в духовную жизнь общества.

Как вкратце невозможно пересказать Библию, так и в 6-ти страницах изложить взгляды марксистов по поводу значения праздников. Несомненно одно, пристальное внимание к праздникам объясняется их влиянием на общество: они равновелики по своей силе системам устрашения. Ведь неслучайно, в обиход вводятся праздники нового типа, нового календаря, новых методик.

Возможен еще и такой вариант: в обществе молодом, зарождающемся (и не только при переходе от классов антагонистических к неантагонистическим), технологии устрашения со стороны новой власти будут в высшей степени непривлекательны. Общество, охваченное ликованием побед, не поймет «форматирование страхами». Хотя, по моему мнению, такое форматирование дает самый надежный для власти результат: общество становится максимально предсказуемым в основных своих движениях и, как следствие, более контролируемым и управляемым. Вывод небезосновательный, ведь влияние страха на общество замечено давно, и опыт в этой части накоплен немалый.

Народ, объединенный победой над прошлым, устремленный в будущее, консолидированный мечтами о лучшем, очень тонко и точно настроен на праздник. До тех пор, пока новая власть не упрочит свои позиции на столько, чтобы перейти к технологиям запретов и устрашений, она и будет опираться на праздник. Тем более, эти технологии отшлифованы веками, дают быстрый эффект в отличие от более тонко организованного, затратного, требующего хлопотной подготовки праздника. У устрашений один финал, один сценарий – изъятие жизни, с праздником наоборот: каждый требует новых сценариев, новых версий и т.п., иначе праздник перестанет таковым быть, он перестанет радовать и объединять. Кроме того, праздник должен содержать элементы прогресса, эволюционировать в соответствии со своей природой. Возможно, именно в связи с этими затратными особенностями властные структуры предпочитают в обществах с низким качеством жизни и, как следствие, образовательным цензом активно использовать технологии устрашения. Чем общество более развито, тем более цивилизованы и каналы его управления, они более щадят и оберегают человеческую жизнь, ведь, как показывает передовая мировая практика более ценного, чем человеческая жизнь на Земле нет ничего.

Актуальность темы в нашей стране очевидна: техники поддержания страха удачно реализуются в народе. Природное долготерпение русской души, «подогретое» перспективами построения светлого коммунистического будущего, оправданное годами военного лихолетья, стало благодатной почвой для внедрения и поддержания различных страхов. Миллионные людские потери на войнах, намеренное истребление сильных и талантливых принесло плоды: страх стал частью нации, намертво въелся в тела и души.

Возможно, пришла пора вспомнить, что мы имеем право на жизнь, на тело, на здоровье, на счастье, на удовлетворение потребностей, право – «по ту сторону всех и всяческих притеснений и “отчуждений” – обнаружить то, что мы есть, и то, чем мы можем быть»¹³. Возможно, пришло время разобраться в природе сложившейся ситуации, прозреть и попытаться вылечиться от страха, чтобы выжить как нация.

Список литературы

1. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. С. 185.

¹³ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. С. 251.

2. Еще Ф. Энгельс указал на необходимость связывать развитие праздников с определенной географической средой, главным образом общественной. Энгельс Ф. Рейнские празднества. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 1-е изд., т. 2. С. 228.
3. Бенифанд А. В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. С. 13.
4. Энгельс Ф. Письмо организационному комитету Международного празднества в Париже 13 февраля 1887 года. – Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. 2-е изд., т. 21. С. 354–355.
5. Ленин В. И. Маевка революционного пролетариата. – Полн. собр. соч., т. 23., т. 23. С. 296–297. Ленин В. И. Начало демонстраций. – Полн. собр. соч., т. 5. С. 370. Ленин В. И. К вопросу о национальной политике. – Полн., собр. соч., т. 25. С. 66.
6. Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980. С. 349.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2-е изд., т. 3. С. 19.
8. Злотников Р. А. Духовные потребности советского рабочего. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. С. 90.
9. Бенифанд А. В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. С. 26.
10. Энгельс Ф. Рейнские празднества. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 1-е изд., т. 2. С. 228.
11. Энгельс Ф. Положение в Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее». Маркс К., Энгельс Ф. – Об искусстве. В 2-х т. Сост. и авт. вступит. статьи М. Лифшиц. 3-е изд. М.: Искусство, 1976, т. I. С. 416.
12. Ленин В. И. Политическая стачка и уличная борьба в Москве. – Полн. собр. соч., т. II.
13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. С. 251.

HOLIDAY BY KARL MARX. IT'S VERY SERIOUS

I. N. LAVRIKOVA

*Tver branch of the Moscow
university of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation*

e-mail: ilavrikova@rambler.ru

Marxist concept of a holiday is one of the most known concepts. It differs by its accuracy, careful study of details and validity of positions. In my opinion, it is one of the fullest and finished concepts of a holiday since times of ancient Greeks.

There is a question: what is the reason of such steadfast attention to a holiday from so venerable politicians of the socialist revolution?

Key words: marxism, holiday, property, way of celebrating, education of the person, leisure, free time, society, class.

УДК 146.78

ЭВОЛЮЦИЯ БОГОСЛОВСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ЛЮТЕРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Т. В. Луценко*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
philos@gmail.ru*

Статья посвящена анализу эволюции богословских положений Лютера в период его реформаторской деятельности по следующим направлениям: теология протестантизма (*sola Scriptura* – только Писание, *sola Fide* – только Вера, *sola Gratia* – только Благодать) и в отношении Лютера к Римскому папе. Выясняется взаимосвязь идей Реформации и духовного кризиса современного общества.

Ключевые слова: Мартин Лютер, Реформация, *sola Scriptura*, *sola Fide*, *sola Gratia*, Римский папа, духовный кризис общества.

В России в настоящее время предпринимаются попытки выстроить концептуальную модель преодоления глубокого кризиса в сфере культуры, морали и духовных ценностей. Зачастую круг исследований ограничивается анализом внешних проявлений кризиса, в то время как внимание могло быть сконцентрировано на его предпосылках, заложенных в духовных основах современной цивилизации, которая на протяжении веков основывается на парадигмальных основаниях протестантской культуры. Это касается развития современного государственного устройства, науки, технологии бизнеса и современной профессиональной этики.

Реформация, как внутрицерковное явление, явилась закономерным следствием вырождения католицизма, признанием ренессансным социумом неспособности католицизма осуществить основной замысел средневековой культуры: организовать земную жизнь истинных христиан, как подготовку к вхождению в «Царствие Небесное». Необходимо вернуться к непосредственному первоисточнику истины – Священному Писанию и отбросить все позднейшие наслоения, которые являет институт Священного Предания. Главные принципы протестантского вероучения, которые были сформулированы в ходе Реформации таковы: спасение только верой – *sola Fide*, вера только по Писанию – *sola Scriptura*, спасение дается по Божественной благодати – *sola Gratia*. Одна из символических книг Лютеранской Церкви определяет: «Мы веруем, учим и исповедуем, что единственным правилом и путеводной нитью, по которым можно судить и оценивать всякое учение и всяких учителей, являются только пророческие и апостольские писания Ветхого и Нового Заветов»¹. С такой же определенностью изложено и отношение к Священному Преданию: «Противны Евангелию и учению о вере во Христа все человеческие постановления и предания ... на основании деяний и слов Св. отцов нельзя определить догматов веры»².

Принцип *sola Scriptura* исходил из общей идеи Реформации о правомочности личного, непосредственного обращения к Богу. Сила спасения принадлежит только Богу, но обращаться к Нему за ее действием каждый христианин должен сам, без всякого посредничества, земного или небесного. Прежде посредником в спасении была Католическая Церковь, так как она сообщала верным спасающую силу таинств. Церковь также была посредником в вере, потому что она предлагала человеку для познания Бога свой опыт знания о Нем – Священное Предание. Между человеком и Откровением в Священном Писании она утверждала посредство Свщ. Предания. В стремлении уничтожить любое посредничество между Богом и человеком Реформация оставила только Свщ. Писание, открыв которое, каждый мог

¹ Васечко В., иерей. Сравнительное богословие. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 63.

² Там же. С. 64.

непосредственно знать о Боге из Его слов. В культе Свщ. Писания личный вероучительный опыт вытеснил собой вероучительный опыт Церкви.

В католицизме Священное Писание можно правильно понимать только в контексте Священного Предания. В этой связи становится ясным, какую силу давало папству такое решение вопроса. Чтобы лишить папство силы этой позиции, протестантизму было необходимо лишить его монопольного права толкования Библии. Для этого Мартин Лютер провозгласил право каждого верующего не только самостоятельно читать, но и толковать Библию. Допуская философское мышление в качестве дополнения веры, протестантизм считал последнюю единственным критерием истинности восприятия библейского откровения. Итак, данный тезис отрицает соборный авторитет и утверждает авторитет каждой отдельной личности при наличии равенства условий для всех индивидов общества. Из идеи равенства вытекает идея конкуренции и соревновательности. С православной позиции идея равенства есть посыл ложный, так как установка на «отстаивание индивидуальности» заменяет установку заботы и доминанты на другого, установка потребления заменяет установку даяния. Это приводит, во-первых, к атомизации индивидов, во-вторых, к инфантилизации общества, которая понимается как потеря роста ответственности, а значит взросления, и, в-третьих, к замене понятных установок любви, дружбы, заботы и уважения красивыми, но не до конца понятными установками толерантности и лояльности. Общественный идеал такого общества можно выразить формулой «Я над Мы» – доминирование индивидуальных интересов, целей, и средств, в то время как православный идеал соборности – «Я в Мы».

Следующий столп протестантизма – *sola Fide* – провозглашает спасение только верой. «Бог производит в нас добро и зло; спасает нас без нашей заслуги и обвиняет без вины»³. По мысли отцов Реформации стоит быть уверенным в собственном спасении, чтобы обладать им в действительности, ибо оправдывающая вера сочетает в себе обращение к Богу и Его действие, как говорит об этом Лютер: «мысли о деле спасения, и оно будет твоим достоянием»⁴. В каком-то смысле «*sola Fide*» стала протестантским «*opus operatum*». По замечанию архим. Хрисанфа (Ретивцева): «Протестантство поставило во главу угла принцип «Верую, следовательно, спасаюсь»⁵. Спасительная вера дает оправдание, но не как избавление от греха, а как избавление от наказания. В этом тезисе содержится отказ от самоактуализации человека, как духовно-нравственного перерождения личности на пути к изменению отношений человека и Бога, потому что Бог уже спас все человечество Своей Жертвой. Реформация, освободив человека от гнета его совести всеобщей спасенностью, позволяла направить все его силы на практическое обустройство земной жизни, накопление материальных благ, положив этот утилитарный принцип в основу экономического формирования протестантских стран.

Следующий протестантский вероучительный принцип – *sola Gratia* – по своей сути отрицает существование земной Церкви, как посредника между Богом и человеком. Исторически такой взгляд развился, как реакция на существенные недостатки католической экклезиологии. В числе таких недостатков нужно назвать: преобладающее представление о церкви, как идеологическом сообществе, угнетенное бытие таинств, которое претворяло это общество в Тело Христово. Земному образу Церкви Реформация на самом старте своего развития противопоставила образ невидимой небесной церкви, отрицая возможность существования ее земного бытия. «Вместо Церкви, совершающейся в таинствах, Реформация утвердила образ церкви, совершающейся верой каждого из ее верных»⁶. Тезис *sola Gratia* – это отрицание церковного авторитета и иерархии.

В этой связи нам кажется целесообразным рассмотреть эволюцию личного отношения Лютера к Римскому папе.

³ Мартин Лютер. Избранные произведения. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. С. 428.

⁴ Там же. С. 432.

⁵ Хрисанф (Ретивцев), архим. Характер протестантизма и его историческое развитие. СПб., 1871 // Репринт. – М., 1992. С. 29.

⁶ Васечко В., иерей. Сравнительное богословие. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 66.

В начале своей жизни Мартин Лютер, как правоверный католик слепо верил в непогрешимость папы и истинность всех его поступков. Позднее принятая им идея об оправдании верой не мешает ему оставаться ярым поклонником папы и верным сыном церкви, каким он был в момент поступления в монастырь. «Я так благоговел перед папой, что ради него сжег бы всякого еретика»⁷. По приезде в Рим в 1511 году Лютер испытал чувство глубокого религиозного благоговения, все его чувства можно было охарактеризовать чувствами пламенного католика и монаха. Но во время этой поездки Лютер убедился в том, что Рим – логово всех пороков. Но он оправдывал папу, думал, что папа – невинная жертва окружающих его волков – «агнец среди волков»⁸. Но следует заметить, что на Лютера римские впечатления действовали отрезвляюще. Тем не менее, нельзя сказать, что это путешествие совершило переворот в отношении Лютера к папству, сделал его из горячего приверженца непримиримым врагом. Все виденное и слышанное Лютером в Риме не поколебало его основных убеждений. В продолжение многих лет после этого путешествия мы замечаем в Лютере то же строго церковное отношение к верховному авторитету тогдашнего христианства, которое он усвоил себе с юношеских лет. В 1517-1518 годах он еще делает строгое различие между папством, в лице данного его представителя, и первоначальным призванием папы, как главы католической церкви. В 1517 г. в письме к Штаупицу Лютер пишет: «Я готов подчиниться Римскому Первосвященнику, как самому Христу»⁹. Вот еще одна цитата: «Падая к ногам твоим, Святейший Отец, я предаюсь тебе со всем, что я есмь, и со всем, что имею. Дай мне жизнь, или отними ее; оправдай, или осуди, как тебе будет угодно. Если я заслужил, то не отрекаюсь умереть... Да хранит тебя Господь во веки веков. Аминь»¹⁰.

Но в 25 тезисе можно увидеть начало «ереси» – умаление безграничной власти папы: «Тою же властью, как Папа, обладает... всякий епископ в своей епархии и всякий священник в приходе своем»¹¹.

В письме к папе (от 3 марта) 1519 года Лютер уверяет, что «никогда не имел и не имеет намерения нападать на власть Римской церкви и папы»¹², и признает, что «церковь выше всего», но это уже не искренне. 13 марта он писал Спалатину: «Я не знаю, есть ли папа сам антихрист или только апостол его»¹³, в другом письме он прямо заявляет, что антихрист, о котором говорит апостол Павел, управляет Римской курией: «Еще большее готовит теперь мое перо. Я и сам не знаю, откуда берутся у меня эти мысли. Это дело, по моему разумению, еще не началось, хотя высокие господа в Риме ожидают уже его конца»¹⁴.

После диспута с Экком и выхода папской буллы о его отлучении Лютер пишет Папе: «Папа Лев... если эта булла исходит от вас, то я... увещаю вас прийти в себя и прекратить кощунство... Если же этого не сделаете, то знайте, что я и все Христовы служители почитаем ваш первосвященнический престол седалищем сатаны и Антихриста, коему мы не хотим подчиняться...»¹⁵.

Теперь мы можем наблюдать коренной переворот во взглядах реформатора. «Я теперь несомненно уверен, что Папа – Антихрист» – писал Лютер одному из своих друзей и учеников 11-го окт. 1520 г. Этот религиозный опыт «Папа-Антихрист» базируется в «темных водах Средних веков»¹⁶, в познании абсолютного зла, как личного начала – диавола. «Папа – Антихрист» для Лютера не отвлеченный богословский опыт, это мистический страх нечистой силы, который тяготеет над ним всю жизнь. «Я не знаю, кто такой

⁷ Мережковский, Д. С. Реформаторы. Лютер, Кальвин, Паскаль. – Брюссель, Париж: «Жизнь с Богом», «La Presse Libre», 1990. С. 41.

⁸ Мартин Лютер. Избранные произведения. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. С. 113.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 140.

¹¹ Мартин Лютер. 95 тезисов. – СПб.: Роза Мира, 2002. С. 18.

¹² Цит. по Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: Биографические очерки. – М.: Республика, 1995. С. 125.

¹³ Там же. С. 126.

¹⁴ Там же. С. 129.

¹⁵ Цит. по Мережковский, Д. С. Реформаторы. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 65.

Папа – сам ли Антихрист или только апостол его» – эту мысль посещала Лютера в течение всей его дальнейшей жизни.

10 дек. 1520 г. Лютер сжег папскую буллу о собственном отлучении. «Жребий брошен, – писал в эти дни Лютер Спалатину. – Я презираю ярость и милость Рима; я не помирюсь с ним во веки веков; наступил конец смирению»¹⁷.

Многие исследователи деятельности Лютера, например, Брендлер, Бецольд, говорят о том, что реформатор был человеком крайностей, не признававшим серединного пути. Из страстного и горячего поклонника папы Лютер стал таким же горячим его гонителем. Ненависть Лютера к папе, в котором он видел антихриста и дьявола, с годами только усиливалась, принимая характер настоящей *idee fixe*. Он сам сознается в этом, говоря: «Я не могу молиться, не проклиная папы, не могу сказать: «Да святится имя Твое», не прибавляя: «И да будет проклято имя папистов». Воистину так молюсь я каждый день устно, а сердцем своим непрестанно»¹⁸. Последнее сочинение Лютера «Папство, учрежденное дьяволом», вышедшее в 1545 году, представляет собой апогей ненависти реформатора к папе. Лютер полностью отказывается от личного авторитета первосвященника Римской церкви, противопоставив ему авторитет общедоступный и неиерархический – собственное толкование Слова Божия.

Реформы Лютера изначально были направлены на улучшение устройства Католической церкви, но в итоге они обратились против тех столпов, которые лежат в основе любого общества и цементируют его. Это можно представить следующим образом:

авторитет соборный отвергает тезис *sola Scriptura*;

авторитет личный отвергается признанием Папы, как Антихриста;

авторитет церковный отвергает тезис *sola Gratia*.

Реформация не оставила новой культуре охранительных традиций, кроме защиты механизмов функционирования, религиозной и психологической мотивации. Этот процесс принял форму прогресса, для которого приемлемы лишь материальные результаты – сенсорные истины. Этот прогресс не знает преемственности ценностей, эта революция, которая не сменяется миром. Без сдерживающих общество духовных авторитетов начинают стремительно действовать центробежные силы. Если общество, в котором сильны основы православной веры можно по аналогии сравнить с деревом, иерархически упорядоченной структурой, католическую общину – с единым целым, монолитом, то протестантское общество – с кучей песка, где каждый его член – отдельный, самостоятельный и индивидуальный атом. О том, что последствия его реформ центробежны и губительны для общества, Лютер убедился, когда Реформация захватила всю Германию, став необратимым процессом. Нам известен факт, что в течение своей реформаторской деятельности Мартин Лютер изменил первоначальные богословские положения, которые легли в основу протестантского учения в том направлении, которое можно определить, как более близкое духу православной церкви. Далее мы рассмотрим эволюцию религиозной доктрины Лютера.

Право свободного толкования Писания привело к религиозному произволу среди населения, необходимость ограничения этого произвола привела к возникновению так называемых символических книг протестантизма – второго основного источника протестантского вероучения, которые образовали Свщ. Предание протестантизма. Каждое протестантское направление имеет свои символические книги, факт их существования противоречит изначальному принципу Реформации – *sola Scriptura*.

Это противоречие отражают ранние символические книги Германской Реформации. Например, «Формула согласия» провозглашает, что «одно Священное Писание следует признавать критерием, нормой и правилом веры, символы же авторитетного значения в делах веры не имеют, а только служат свидетельством о нашей вере»¹⁹. С другой стороны «Формула согласия» предписывает, что «символами должно проверять все другие книги относительно того, правильно ли и согласно ли со словом Божиим излагаются

¹⁷ Мартин Лютер. Избранные произведения. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. С.251.

¹⁸ Мартин Лютер. Избранные произведения. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. С. 296.

¹⁹ Мартин Лютер. Книга Согласия: Вероисповедание и учение лютеранской церкви. СПб: Фонд «Лютеранское Наследие». 1996. – же. С. 274.

в них христианские догматы» и определяет, что символы содержат учение, которое «существовало и навсегда должно существовать в Церкви»²⁰.

Лютер понял, что отсутствие сдерживающего авторитета Церковного Предания ведет к разрушительным последствиям в общественной среде. Теперь он старается восстановить утраченное равновесие между верой и нравственностью. В первоначальных сочинениях Лютера в начале Реформации краеугольным камнем христианской общины должна была стать христианская свобода, не допускавшая обязательности каких бы то ни было внешних форм и обрядов. В более поздних сочинениях значение такой свободы для народа полностью отрицается. Проповедникам вменяется в непременную обязанность сохранять постоянно одни и те же формулы для преподавания учения веры. «Молодой и глупый народ следует учить всегда в одних и тех же выражениях; в противном случае неизбежны заблуждения... Кто не хочет учиться, того не допускать к Святому Причастию; детей его оставлять некрещеными...»²¹.

После кровавых последствий Крестьянской войны необходимость принципа *sola Fide* так же больше не утверждается, а одним из непременных условий ставится исполнение закона. Лютер измеряет всякий шаг христианской жизни; на каждый случай предписывает либо молитвы, либо благочестивые изречения. Реформатор обличает народ, который из всей Евангельской проповеди извлекает только одно необузданное своеволие. Если сначала реформатор ратовал против соблюдения постов и различных благочестивых обрядов, теперь он признает их полезность для обуздания плоти. Так же он оставляет большинство обрядов старой церкви, если они прямо не противоречат Священному Писанию, требует исповеди перед Причащением. Самое важное право – свобода толковать слово Божье и свобода религиозной мысли, вначале Реформации предоставленная Лютером каждому человеку, отнимается у мирян новым церковным устройством. Теперь только проповедник или приходской священник получал право толковать Священное Писание, из этого права следовала неограниченная власть священника над совестью прихожан.

Ход Реформации и первые шаги к учреждению духовной невидимой церкви заставили ее создателей изменить собственным убеждениям, потому что невидимая церковь превращалась в церковь неведомую. Такой церкви угрожала опасность стать несуществующей в глазах верных. Сразу после разрушения земного церковного здания католичества Реформация была вынуждена оградить свое собственное церковное здание внешними признаками и таким образом придать ему видимую форму, которую она категорично отвергала. «Апология Аугсбургского исповедания» утверждает, что «истинная Церковь имеет и внешние признаки, по которым узнается, а именно: она несомненно там, где чисто проповедуется слово Божие и таинства совершаются согласно слову»²². В конце реформаторской деятельности Лютер пишет в «Застольных речах»: «Если бы мне теперь пришлось снова объяснять народу Слово Божие, я бы иначе распорядился; ибо кто хочет учить других и сам понимать эту книгу, должен обогатиться запасом житейской опытности и оглядеться хорошенько в мире. Огромное большинство неисправимых грешников я оставил бы под игом папы. Ведь учение Евангелия им впрок не идет, а только приводит к злоупотреблению свободой. Но истерзанным и отчаявшимся совестям я стал бы исключительно проповедовать утешения Евангелия. Проповедник должен прежде всего познакомиться с миром, убедиться, что он собственность дьявола, и не ожидать от него исправления. Он не должен быть таким простодушным агнцем, каким был я, который не на шутку верил в незлобие мира и полагал, что при первом звуке Евангелия все соберутся под кров его и примут его с восторгом. Теперь только я с душевным прискорбием узнал, как жестоко ошибался!»²³. После того, как все сдерживающие общество факторы потеряли силу авторитета, каждый последователь Реформации был вынужден разви-

²⁰ Там же. С. 288.

²¹ Мартин Лютер. Избранные произведения [Текст] / М. Лютер. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. С. 291.

²² Там же. С. 342.

²³ Хрисанф (Ретивцев), архим. Характер протестанства и его историческое развитие. СПб., 1871 // Репринт. – М., 1992. С. 24.

вать свой собственный опыт общения с Богом, теряя при этом любые критерии правомерности такого опыта. Из собственных слов Лютера в его письме к Цвингли – «Если мир еще долго будет существовать, то я возвещаю, что при различных толкованиях Писания, которые находятся у нас, не остается другого средства поддержать единство веры, как принять решения Соборов и прибегнуть под защиту церковной власти»²⁴ – мы можем судить о том, что Лютер осознал всю опасность проведенных им реформ для духовного состояния общества и был близок к диалогу с Православной Церковью. Но реформатор так и не смог остановить механизмов, которые он привел в действие, дав жизнь новой протестантской и пост-протестантской цивилизациям.

Процессы реформации общества, которые начал Лютер в XVI веке, оказались губительными для него. Особенно наглядно это проявляется в настоящее время, потому что начало III тысячелетия человеческой истории предстаёт как духовный Рубикон. Глубокий духовный кризис поразил все без исключения христианские народы и страны, в большинстве своем основанные на этике протестантизма. Финансово-экономический кризис глобального масштаба ясно показал: мир Протестантизма, некогда доминирующий, и породивший политические и экономические «гиганты» Западной цивилизации, стал неуспешен в ведении созданного им капиталистического хозяйства. В изначальном девизе Лютера и Кальвина «Во имя Бога и прибыли», «Бог» и «прибыль» с течением времени поменялись местами. На сегодняшний день этот девиз можно сформулировать следующим образом: «Обогащение – вне Бога и прибыли»²⁵. Духовность этих цивилизаций безвозвратно утеряна. Имеет место, так называемый парадокс бездуховности. Став бездуховной, личность оказывается не в состоянии ощутить и осознать свою бездуховность. Утрата духовности на уровне нации означает, как мы сегодня видим, близкий конец её истории. В этой ситуации Россия, в силу богатства своей культуры, конфессиональной последовательности и открытости, полифонии и многообразия, несет ответственность не только за собственное развитие, но и за происходящее в мире, особенно в духовной сфере. Негативные стороны развития протестантской культуры развиваются так повсеместно по той причине, что Россия все еще не осознала для себя в более полном объеме своей духовной традиции. В том числе необходимо более детальное изучение истоков духовных, культурных проблем Западной цивилизации, принявших универсальный характер; более тщательная оценка духовной, культурной и технологической информации, которая массовым потоком импортируется в Россию протестантскими странами; культивирование теоретического и практического интереса к актуальным вопросам современности – духовности, аутентичности и пределам роста.

Список литературы

1. Васечко В., иерей. Сравнительное богословие [Текст]: учеб. пособ. / В. Васечко. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – 100 с.
2. Мартин Лютер. Избранные произведения [Текст] / М. Лютер. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. – 427 с.
3. Мережковский, Д. С. Реформаторы. Лютер, Кальвин, Паскаль [Текст] / Д. С. Мережковский; под. ред. и с предисловиями Темиры Пахмусс – Брюссель, Париж: «Жизнь с Богом», «La Presse Libre», 1990. – 341 с.
4. Хрисанф (Ретивцев), архим. Характер протестантизма и его историческое развитие. СПб., 1871 // Репринт. – М., 1992. – 342 с.
5. Мартин Лютер. 95 тезисов [Текст] / М. Лютер; сост., вступ. ст., примеч. и коммент. И. Фокина. – СПб.: Роза Мира, 2002. – 657 с.
6. Брендлер Герхард. Мартин Лютер: Теология и революция [Текст] / Герхард Брендлер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 368 с.
7. Бекольд, Ф. История Реформации в Германии. Сочинения [текст]: в 4 т. / Ф. Бекольд; пер. с нем. А. С. Лактионов. – СПб.: Питер, 1997. – Т.1-2. – 438 с.

²⁴ Мартин Лютер. Избранные произведения [Текст] / М. Лютер. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. С. 405.

²⁵ Сурин В. А. Неореформация: день первый. Аксиомы, интуиции и оросы посткапиталистической цивилизации // «Политический класс – М., 2008. – № 12. С. 20.

8. Мартин Лютер. Книга Согласия: Вероисповедание и учение лютеранской церкви [Текст] / М. Лютер. – СПб: Фонд «Лютеранское Наследие». 1996. – 325 с.

9. Сурин В. А. Неореформация: день первый. Аксиомы, интуиции и оросы посткапиталистической цивилизации // «Политический класс – М., 2008. – № 12. – С. 20.

10. Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: Биографические очерки [Текст] / сост. Б. Д. Порозовская. – М.: Республика, 1995. – 384 с.: илл.

EVOLUTION OF THEOLOGICAL VIEWS OF LUTHER IN THE PRESENT CONTEXT

T. V. LUTSENKO

*Belgorod State
University*

*e-mail:
philos@gmail.ru*

The article is devoted to the analysis of evolution of theological positions of Luther in its reformatory activity in following directions: theology of Protestantism (*sola Scriptura* – only the Writing, *sola Fide* – only Belief, *sola Gratia* – only Good fortune) and concerning Luther to the Pope. The interrelation of ideas Реформации and spiritual crisis of a modern society is found out.

Key words: Martin Luther, Reformation, *sola Scriptura*, *sola Fide*, *sola Gratia*, the Pope, spiritual crisis of a society.

УДК 178.9/89

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ИСХОДНЫХ И ПРОИЗВОДНЫХ ФАКТОРОВ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Н. В. МАЙОРОВА*Федеральное агентство
по образованию**e-mail: ntmaj@mail.ru*

В статье исследуется формирование и развитие системы образования КНР с позиций определения и систематизации исходных и производных факторов процесса ее становления. Особое внимание уделяется выявлению и определению специфики самого процесса структурно-содержательной модификации системы образования Китая от древности до сегодняшних дней. Рассмотрены перспективы вхождения Китайской народной республики в современное мировое образовательное пространство.

Ключевые слова: генезис, образование, процесс, развитие, система, трансформация, управление, факторы, формирование, эволюция.

Начиная исследование исходных и производных факторов генезиса и эволюции системы образования в истории Китая, мы считаем, что для этого нам необходимо рассмотреть следующие составляющие конгломерата его природно-социальной среды, а именно: как сами китайцы идентифицируют себя в современном мире; каковы герграфические, климатические, ресурсные и языковые особенности и специфика населения, т.е. – *исходные* условия жизнедеятельности страны; каковы основные вехи социально – исторического развития китайского государства и, самое для нас главное, какова история развития социального института образования в контексте типологии обществ, т.е. – *производные* условия существования КНР.

Считаем необходимым отметить, что, рассматривая историю института образования в выбранном контексте, необходимо постоянно помнить тот факт, что мы рассматриваем восточное общество посредством достаточно несовершенного инструмента – европейской типологизации, в форме общественно – экономических формаций теории К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако, даже, применив этот модифицированный механизм исследования, мы считаем, что результаты изучения истории образования в Китае дадут свои позитивные основания для дальнейшего анализа уже не просто истории образования, в целом, а и её специфической части – высшей школы. Причём, не просто истории её формирования и развития, а в определении тенденций и перспектив в прогностических аспектах.

Следуя намеченной логике изложения информационного материала, хотим остановиться на социологических фактах восприятия мировым сообществом китайцев как народа, так и системы идентификации данного народа самим собой¹.

Начиная изложение информационного материала, прежде всего, нам необходимо отметить, что, Китай, для русского человека, по-прежнему остается загадочной страной – полужантасической, населенной диковинными людьми и животными. Но для китайцев их страна была и остается, по сей день, Средним государством, то есть центром мира. Сейчас, в начале третьего тысячелетия, Китай снова удивляет мир, но на этот раз «экономическим чудом»².

Но это «чудо» – не есть просто чудесное превращение отсталой, в европейском понимании, страны в передовую многомиллионную державу с позитивным потенциалом, а учёт в жизнедеятельности страны «традиций», «обычаев», «преемственности»³.

¹ Васильев Л. С. Проблема генезиса китайского государства М., 1983.

² The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of civilization to 221 B. C. (Ed. by M. Loewe and Ed. L. Shaughnessy). New-York, 1999.

³ Васильев Л. С. Культура, религии, традиции в Китае. М., 1970.; История и культура Китая. М., 1974.; Китай. Государство и общество. М., 1977.

Мы считаем эти категории скорее метафизическими, нежели прагматичными, но для полутора миллиардов китайцев многовековые традиции, максимы их великих соотечественников не просто «философские памятники», а будничное руководство в жизни. И две тысячи лет назад изреченное Сыма Цянем «Те, кто помнит прошлое, владеют будущим» для китайцев сегодня так же актуально, как и постановления Коммунистической Партии Китая⁴.

Патриотизм, дисциплина, работоспособность и уважение к старшим происходит на бессознательном уровне, следуя лишь логике национального характера, который на протяжении тысячелетий формировали конфуцианство, даосизм и буддизм. Рассмотрим их в контексте темы статьи – более подробно.

Конфуцианство проявляется в уважении порядка, иерархии, предписанным правилам. Ведь сказал же Конфуций: «Да будет государем государь, слуга – слугой, отцом – отец и сыном – сын». **Даосизм** отразился в своеобразном китайском фатализме – плыви по течению, используя силу течения и правильно расставив паруса, и тогда сохранишь силы, чтобы добиться большего. **Буддистская** же мораль заставляет китайцев помнить о том, что деяния дня сегодняшнего определяют благополучие или страдания дня завтрашнего⁵.

Все эти три философско-религиозно-этических доктрины и сформировали **ментальность** китайского народа, который, предпочитает идти по жизни неспешно⁶.

Наверное, и нам не нужно спешить со своими выводами, учитывая все составляющие конгломерата социально-природно-исторических условий жизнедеятельности Китая: древнего, средневекового и современного...

Каждая страна имеет свои исходные факторы существования, поэтому мы и начинаем рассмотрение вопросов образования именно с них. С географической точки зрения Китайская Народная Республика расположена в восточной части Азии и омывается морями Тихого океана. Площадь страны составляет 9.6 млн. км, что ставит ее на третье место в мире по размерам территории после России и Канады. Протяженность сухопутной границы КНР – 22,8 тыс. км. Две трети площади Китая имеют *горный рельеф*.

На территории Китая находится более полутора тысяч рек, общая протяженность которых превышает 1000 кв. км. Кстати, интересный факт – исток русской реки Иртыш располагается в Синьцзяне. Существуют также внутренние реки, впадающие в озера или растворяющиеся в солончаках и пустынях⁷.

Крупнейшая река Китая – Янцзы, протяженностью 6300 км. Она занимает третье место в мире после Амазонки в Южной Америке и Нила в Африке. Текущая в западно-восточном направлении Янцзы – основная судоходная магистраль страны, носящая имя «золотой транспортной магистрали». Второй крупнейшей рекой Китая является Хуанхэ, общей протяженностью 5464 км. Районы в бассейне Хуанхэ богаты плодородными полями и полезными ископаемыми. Территория бассейна Хуанхэ считается колыбелью китайской нации. Очень интересен факт того, что кроме естественных водных артерий, в Китае имеется древнейшая, созданная в V веке нашей эры, искусственная водная артерия – Великий канал, простирающийся с севера на юг. Он ведет из Пекина в город Ханчжоу восточной провинции Китая Чжэцзян, объединяя русла рек Хайхэ, Хуанхэ, Хуайхэ, Янцзы и Цяньтанцзян. Протяженность канала составляет 1801 км, что делает его самым длинным искусственным каналом в мире.

⁴ История Древнего Мира. Т.1-3. М., 1989.

⁵ Васильев Л. С. Проблема генезиса китайского государства М., 1983.; Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М. 1983.; Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этическая история китайцев на рубеже средневекового и нового времени» М., 1987.

⁶ Синицин Е. П. Бань Гу – историк древнего Китая. М., 1975.; Fitzgerald C.P. Son of Heaven: A Biography of Li Shi-min, Founder of the T'ang Dynasty. Cambridge, 1933.; Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 1-5. Cambridge, 1956-1976

⁷ Страна Хань. Очерки о культуре Древнего Китая. Л., 1959.; Allan S. The Shape of the Turtle. Myth, Art and Cosmos in Early China. Albany, 1991.; Latorette K. Sc. The Chinese. Their History and Culture. New York, 1943.

Китай имеет береговую линию общей протяженностью 18 000 км: она простирается от устья реки Ялудзян в провинции Ляонин до устья реки Бэйлун Гуанси-чжуанского автономного района. Большинство портов, расположенных на территории КНР, в зимний период не замерзают. Побережье континентального Китая омывается водами Бохайского, Желтого, Восточно-китайского и Южно-китайского морей Тихого океана. Из них Бохайское море является внутренним морем Китая.

На морской территории Китая находятся более 5 тыс. островов, общей площадью приблизительно в 80 тыс. км. Крупнейший остров Китая – Тайвань, его площадь – 36 тыс. км. Второй по величине остров – Хайнань, с площадью в 34 тыс. км. Большая территория Китая обуславливает большое разнообразие климатических условий: от субтропиков на юге, до умеренного климата на севере. Немаловажны для нашего исследования и ресурсы Китая, а именно – площадь пахотных земель на территории Китая составляет 1 млн. 270 тыс. кв. км, 28,4% из которых приходится на восточные и западные районы, а 43,2% – на центральную часть страны. В число выращиваемых здесь зерновых культур входят: пшеница, маис, просо, китайское сорго, арахис и др. Главный вид технических культур – хлопок, рис, мандарины и семена рапса, сахарный тростник, чай и помпельмус⁸.

На территории Китая занимаемая лесами площадь составляет 158 млн. 940 000 гектаров, т.е. – 16,55% от общей территории страны, что ниже среднемирового показателя в 30,8%. Основная часть лесных массивов расположены на северо-востоке и юго-западе Китая, где произрастает множество видов древесных пород, в том числе, здесь произрастают такие специфические для Китая породы, как гинко и китайская пихта. В течение последних лет, в целях защиты окружающей среды, а также в экономических целях, Китай проводит широкомасштабную программу «озеленения». В настоящее время КНР занимает первое место в мире по площади искусственных лесонасаждений: 33 790 000 гектаров. Кроме того, в Китае большая территория имеет статус «лесозащитной полосы». Её протяженность составляет более 7000 км. Общая площадь лесополосы: примерно 260000000 гектаров, или четверть континентальной территории Китая. Эти районы лесозащитной полосы являются крупнейшим экологическим объектом в мире⁹.

Основными породами скота в районе Цинхайского пастбища являются як и Хэцзюйская лошадь. В районе Тибетского пастбища главным образом выращивают яков.

По запасам полезных ископаемых Китай занимает третье место в мире (12% мировых запасов). Но по показателю объема полезных ископаемых на душу населения Китай занимает лишь 53 место. По последним данным подтверждено наличие на территории Китая 158 видов полезных ископаемых, в том числе 10 видов энергетических ресурсов, 5 видов черных металлов, 41 вид цветных металлов, 8 видов редких и драгоценных металлов, 91 вид неметаллических руд, 3 вида гидроископаемых). Китай занимает первое место в мире по запасам таких полезных ископаемых, как редкоземельные металлы, гипс, ванадий, титан, тантал, вольфрам, бентонит, графит, мирабилит, барит, магнезит и сурьма. Основные месторождения нефти и природного газа находятся на Северо-востоке, Севере и Северо-западе страны¹⁰.

По запасам угля Китай занимает 1-е место в мире. Объем разведанных запасов угля в Китае оценивается в 1 триллион тонн. Залежи каменного угля, главным образом, расположены в центральной и северо-западной частях страны, в частности, в провинциях Шаньси, Шэньси и Внутренней Монголии. Основные месторождения нефти и природного газа находятся в северо-западной части страны. На втором месте по объемам нефтяных

⁸ История Китая. М., 1998.; История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.; История и культура Китая. М., 1974.; Итс Р. Ф., Смолин Г. Я. Очерки истории Китая. Л., 1961.; Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983.; Очерки истории Китая (Под ред. Шан Юэ). М., 1959.; Ancient China. Studies in Early Civilization. Hong Kong, 1978.; The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of civilization to 221 D. C. (Ed. by M. Loewe and Ed. L. Shaughnessy). New-York, 1999.

⁹ Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 1-5. Cambridge, 1956-1976.

¹⁰ The Cambridge History of China. Ed. by J.K. Fairbank and D. Twitchett Vol. 1-15. Cambridge, 1978-2000.; Eberhard W. A History of China. Berkley; Los Angeles, 1969.; Gernet J.A. History of Chinese Civilization. Cambridge, 1982/.

запасов находятся Северо-восток и центральная часть страны вдоль морского шельфа юго-восточного побережья. Обнаруженные запасы нефти и природного газа оцениваются в 19 миллиардов 850 миллионов тонн и 1 триллион 950 миллиардов кубометров соответственно. По этим показателям Китай занимает 9 и 20 место в мире. В настоящее время на территории страны можно выделить 6 крупных нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих центров и районов, а именно:

- Сунляоский район.
- Район Бохайского залива.
- Таримский район.
- Джунгаро-Турфанские район.
- Сычуаньский район.
- Район Шаньганьнинь¹¹.

В Китае находятся залежи всех видов существующих в мире цветных металлов, в частности, объем залежей редкоземельных металлов составляет около 80 % от общемировых запасов, а объем залежей сурьмы – 40% общемировых запасов.

Китай – это уникальный природный комплекс, на территории которого обитает десятая часть всех животных в мире. Это около 500 видов крупных животных, 1250 видов птиц, 550 видов пресмыкающихся и земноводных, 3800 видов рыб и более 150 тысяч видов насекомых. Согласно проведенным исследованиям, около 470 видов обитающих в Китае животных не встречаются больше нигде в мире. В их числе китайская панда, золотистая обезьяна, китайский тигр, ушастый фазан, маньчжурский журавль, белый дельфин, янцзыский аллигатор и некоторые другие редкие породы животных¹².

В Китае насчитывается более 30 тысяч видов растений и деревьев, что ставит страну на третьем месте после Малайзии и Бразилии по разнообразию растительного мира. В Китае представлены почти все основные виды растений холодного и теплого поясов, в том числе субтропиков. В частности, только в Китае растут метасеквойя, куннингамия, лжелиственница, тайваньская пихта и фуцзяньская сосна. Куннингамия (*Cunninghamia lanceolata*) – это высокое дерево, которое считается самым редким и ценным деревом в мире.

В холодном и умеренном поясах растут хвойные деревья, в умеренном поясе – хвойные и широколиственные деревья. В теплом поясе произрастают хвойные и лиственные деревья. В тропиках и субтропиках растут хвойные и вечнозеленые широколиственные деревья, а также деревья муссонного климата и «дождевые» деревья. Тропические и субтропические леса в Китае по своему разнообразию не имеют себе равных во всем мире¹³.

Если исследовать население страны, то следует отметить, что Китай является самой густонаселенной страной в мире. По последней переписи населения в Китае проживает 1266 млн. человек. Городское население Китая составляет около 37% населения, так что можно сказать, что Китай является страной, где приоритетом пользуется сельский регион, что отражается на первоочередных задачах по развитию, выдвигаемых правительством Китая. В 1970-хх. годах правительство Китая ввело политику «планового деторождения» с тем, чтобы справиться с увеличением населения страны, т.е. на одну семью разрешалось заводить только одного ребенка. Однако, такая политика породила новую проблему, а именно увеличение доли пожилого населения по отношению к общему числу населения страны.

В Китае проживает 57 национальностей, из них 56 являются национальными меньшинствами¹⁴.

¹¹ Материалы по экономической истории Китая в раннем средневековье. М., 1980.

¹² Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.; Carter Th. Fr. *The Invention of Printing in China and Its Spread Westward*. New-York, 1955 (2-d edition); Wilkinson E. *Chinese History. A Manual*. Revised and Enlarged. Harvard-Yenching Institute Monograph Series. 52. (2000).

¹³ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. *Китайский этнос в средние века*, М., 1984.; Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы (Сб. статей). Новосибирск, 1985.

¹⁴ Государство и общество в Китае. М., 1978.; Илюшечкин В. П. *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системного анализа)*. М., 1986.; Китай. Государство и общество. М., 1977.; Greel H. G. *The Origins of Stateraft in China*. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970.

Основной национальностью Китая является национальность хань, которая занимает около 91% от общего числа населения Китая. Численность всех нацменьшинств составляет порядка 100 млн. человек. По отношению к национальным меньшинствам проведена политика автономий. В административно-территориальном делении страны присутствует пять автономных округов:

- Синьцзян-Уйгурский автономный округ.
- Гуанси-Чжуанский автономный округ.
- Тибетский автономный округ.
- Внутренняя Монголия.
- Нинся-Хуэйский автономный округ¹⁵.

Китай — самая густонаселенная страна в мире. По данным конца 2007 года в КНР проживает 1 миллиард 315 миллионов 571 тысяча человек (не учитывая населения ОАР Сянган [Гонконг], ОАР Аомэнь [Макао] и острова Тайвань). Население Китая составляет одну пятую населения всего мира. КНР также является страной с самой высокой плотностью населения (средняя плотность населения 134 человек на кв. м.) Большая часть населения проживает в восточной части страны. Особенно плотно заселены приморские районы — около 400 человек на кв. м. В центральной части страны плотность населения составляет 200 человек на кв. м. Западная высокогорная часть отличается небольшой плотностью — на кв. м. приходится не более 10 человек.

В настоящее время средняя продолжительность жизни в Китае — 71,4 года (средняя продолжительность жизни мужчин — 96,63 года, женщин — 73,33 года), что превышает общемировые показатели средней продолжительности жизни на 5 лет, а показатели развивающихся стран — на 7 лет. Однако по сравнению с развитыми государствами, этот показатель, тем не менее, на 5 лет ниже.

По данным 2007 года в Китае снизился естественный прирост населения. По возрастным группам население разделилось следующим образом:

- ✓ лица моложе 14 лет — 20,3 % от всего населения;
- ✓ лица в возрасте от 15 до 64 лет — 72 %;
- ✓ лица в возрасте 65 лет и старше — 7,7%.

Количество новорожденных составило 16 миллионов 170 тысяч человек — коэффициент естественного прироста — 5,89%¹⁶.

Теперь проанализируем основной язык, которым пользуется большинство населения страны, т.е. — китайский язык, являющийся одним из пяти официальных языков ООН.

Нормативным Китайским языком — «путунхуа» — признан язык основной национальности Китая — Ханьцев. Но помимо хуэйцев и маньчжуров, которые, как и ханьцы, пользуются путунхуа, все остальные 53 национальные меньшинства имеют родной язык, причем 21 из них пользуется 27 национальными письменностями (по состоянию на конец 2007 года). Большею частью одна национальность говорит на одном языке, но есть и национальности, которые пользуются двумя языками и более. По статистическим данным, во всей стране насчитывается 72 вида национальных языков. Преподавание в школах для национальных меньшинств Китая ведется на родном для них языке, также на национальных языках издаются учебники и пособия. У Ханьцев, собственно китайцев, существует семь крупных диалектов и более ста видов местного наречия. В образовании и развитии китайской нации они сыграли свою роль и являются важной составной частью культуры Китая¹⁷.

¹⁵ Китай и соседи. М., 1970.; Китай. Япония. М., 1961.; Китайские социальные утопии. М., 1987.; Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.; Latorette K. Sc. The Chinese. Their History and Culture. New York, 1943.

¹⁶ Вестник ЮНЕСКО. Серия — «Демографические исследования», 2007, №2.

¹⁷ Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.; Тайные общества в старом Китае. М., 1970.; Balazs Et. Chinese Civilization and Bureaucracy. Variations on a Theme. New York; London, 1964.

В Китае языки и письменности национальных меньшинств широко используются во всех сферах общественной жизни, в т.ч. в судебной, административной и политической.

В настоящее время документы на монгольском, тибетском, уйгурском, казахском, корейском, ийском, чжуанском языках, или же синхронный перевод на эти языки, предоставляются на таких важнейших для страны мероприятиях, как съезды Коммунистической партии Китая (КПК), сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). В настоящее время для письменностей монголов, тибетцев, уйгуров, корейцев и ийцев разработаны государственные стандарты по наборам кодовых знаков, шрифтам и раскладам клавиатур. Для операционной системы Windows разработано программное обеспечение на монгольском, тибетском, уйгурском и корейском языках. Также разработана система лазерной верстки текстов на этих языках. На рынке появляются прикладные программные продукты на национальных языках. Определенного успеха удалось добиться и в области машинного чтения текстов на национальных языках и вспомогательного машинного перевода¹⁸.

Теперь, рассмотрев основные исходные факторы жизнедеятельности современного Китая, переходим к анализу его производных, т.е. социально – общественных и исторических факторов. Следуя логике исследования и изложения информационного материала данной статьи, считаем необходимым дать краткий исторический экскурс с акцентом на развитие образовательных направлений, особенностей и систем.

Изучая историю развития древнего и средневекового Китая, отметим, что археологические раскопки свидетельствуют нам о том, что во времена, отстоящие от наших на период от миллиона лет до 400-500 тысяч лет назад, на территории Китая уже обитали первобытные люди: ланьтяньские и пекинские синантропы. Приблизительно в XX веке до н. э. появилась первая в китайской истории династия – Ся, при которой начал складываться рабовладельческий строй. На смену Ся пришла династия Шан, затем Западная Чжоу. Последовавшие далее эпохи «Весны», «Осени» и «Сражающихся царств» (или Восточная Чжоу) – были периодом постепенной смены рабовладельческих отношений феодальными¹⁹.

В 221 г. до н. э. император Циньшихуан объединил под своей властью разрозненные, воевавшие между собой царства и образовал первое в истории Китая централизованное многонациональное государство – «Империю Цинь». В дальнейшем, вплоть до Опиумной войны 1840 г., в Китае господствовали феодальные общественные отношения при периодической смене императорских династий: Хань, Вэй, Цзинь, Эпоха Южных и Северных династий, Суй, Тан, Эпоха пяти династий, Сун, Юань, Мин и Цинь²⁰.

Считаем необходимым отметить то обстоятельство, что уже в древнем Китае высокого уровня достигли экономика и культура. Большие успехи были достигнуты в области астрономии, математики, географии, медицины и фармакология. Появившийся в эпоху Воюющих царств, трактат «Ганьши синцзин» стал первым в мире каталогом звездных тел. Живший при династии Хань ученый Чжан Хэн изобрел армиллярную сферу – прибор для демонстрации движения планет, а также сейсмограф, с помощью которого измерялась амплитуда землетрясений. Математик Цзу Чунчжи, живший в эпоху Южных и

¹⁸ Китай: традиции и современность. М., 1976

¹⁹ Васильев Л. С. Проблема генезиса китайского государства М., 1983.; История Китая. М., 1998.; История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.; Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М.В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М. 1983. Крюков М.В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века, М., 1984. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этическая история китайцев на рубеже средневекового и нового времени» М., 1987. Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983. Материалы по экономической истории Китая в раннем средневековье. М., 1980. Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы (Сб. статей). Новосибирск, 1985.

²⁰ История Древнего Мира. Т.1-3. М., 1989.; Greel H. G. The Origins of Stateraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970.

Северных династий, первым в мире рассчитал число «Пи» – Π – с точностью до седьмого знака после запятой, определив его значение между 3, 1415926 и 3,1415927. Известный фармаколог Ли Шичжэнь составил фармакопею «Бэньцао ганму» («Компендиум лекарственных веществ»), в которой описал более 1800 видов лекарственных трав и другого целебного сырья и привел более 10 тыс. рецептов на их основе.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что «Золотой век» великих изобретений науки и техники стал воплощением мудрости и созидательной силы китайского народа и оказал большое влияние на всю мировую цивилизацию. Особенно отмечаем факт того, что философские учения древнекитайских мыслителей – Лаоцзы, Конфуция и других, имеют огромное значение не только для традиционной культуры Китая, но и для всей мировой культуры в целом²¹.

Развитие истории Китая в период с 1840-1919 годы было отмечено многими трагическими событиями, а именно – важным событием стала Опиумная война 1840 г. В это время европейские державы искали новые рынки сбыта для своих товаров, параллельно разграбляя колониальные страны. С целью сохранения торговли опиумом, в 1840 г. английское правительство развязало против Китая войну, в которой последний потерпел жестокое поражение и был вынужден подписать унижительный «Нанкинский договор». После этого Китай стал постепенно превращаться в полуфеодальную страну.

В 1911 г. на политической арене Китая появилась новая сила – китайский пролетариат. В стране развернулось революционное движение «4 мая», и произошла буржуазно-демократическая революция, которой руководил Сунь Ятсен. В результате революции была свергнута династия Цин и образовано Временное правительство Китайской Республики. Таким образом, был положен конец более чем двухтысячелетней истории правления императоров-феодалов.

В 1921 г. в Шанхае состоялся I Всекитайский съезд коммунистических движений, на котором присутствовали Мао Цзэдун, Дун Биу, Чэнь Таньцю, Хэ Шухэн и др. Съезд провозгласил создание Коммунистической партии Китая, возглавившей «борьбу китайского народа за освобождение». В последней выделяют четыре этапа:

- Северный поход (1924-1927).
- Аграрная война (1927-1937).
- Война сопротивления японским захватчикам (1937-1945).
- Освободительная война (1945-1949).

В 1949 г. было свергнуто гоминьдановское правительство во главе с Чан Кайши, и таким образом, революционные силы одержали окончательную победу.

Анализируя краткую историю Китая с 1949 года по наше время, следует отметить события 1 октября 1949 г. Именно в этот день на площади Тяньаньмэнь в Пекине председатель Центрального народного правительства Мао Цзэдун торжественно объявил о создании Китайской Народной Республики. После образования КНР за первые три года (1950 – 1952) была восстановлена экономика.

В 1953 -1956 года были осуществлены социалистические преобразования в сельском хозяйстве и промышленности, утвердилось доминирующее положение общественной собственности на средства производства.

1957 – 1966 годах происходило крупномасштабное «строительство социализма». В этот период были допущены серьезные ошибки в области экономики, однако в целом народное хозяйство все же получило значительное развитие. В 1966 г. стоимость основных промышленных фондов промышленности Китая возросла в четыре раза по сравнению с 1956 г. Национальные доходы (в сопоставимых ценах) увеличились на 58%. Производство основных видов промышленной продукции, таких как сталь, уголь, сырая нефть, элек-

²¹ История Древнего Мира. Т.1-3. М., 1989.; Синицин Е. П. Бань Гу – историк древнего Китая. М., 1975.; Balazs Et. Political Theory and Administrative Reality in Traditional China. London, 1965.; Greel H. G. The Origins of Stateraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970.; Fitzgerald C.P. Son of Heaven: A Biography of Li Shi-min, Founder of the T'ang Dynasty. Cambridge, 1933.; Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 1-5. Cambridge, 1956-1976.

троэнергия и металлорежущие станки, увеличилось в несколько раз, а по отдельным видам – в 10 раз и более. Был создан целый ряд новых промышленных отраслей, таких как электроника и нефтехимия. Быстрыми темпами шло развитие во многих новых областях науки и техники (атомная энергетика, ракетная техника, электроно-вычислительная техника, полупроводники, системы автоматического управления и т. д.).

С мая 1966 г. по октябрь 1976 г. в Китае развернулась «Культурная революция», ставшая для страны тяжелейшим ударом со времени образования КНР. В конце 1978 г., по результатам 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, правительство Китая перешло к политике реформ и открытости: в 1978 году в сельских районах была внедрена система производственной ответственности, при которой оплата производилась по объему произведенной по контракту продукции; в 1984 году центр тяжести реформ был смещен с сельских районов на город; в 1992 году в Китае был определен курс по созданию системы социалистической рыночной экономики²².

В октябре 2003 года в Китае определились дальнейшие цели и задачи по совершенствованию системы социалистической рыночной экономики, сформулированные следующим образом: «согласно требованиям единого планирования городского и сельского развития, регионального развития, социально-экономического развития, гармоничного развития человека и природы, внутреннего развития и внешней открытости, выявлять в большей степени основную роль рынка в распределении ресурсов, укреплять устойчивость и конкурентоспособность предприятий, совершенствовать процессы государственного регулирования на макроуровне и функции правительства в области социального управления и общественного обслуживания, создавая твердую гарантию для всестороннего развития обеспеченного общества».

Главные задачи состоят в том, чтобы усовершенствовать существующую экономическую систему, параллельно развивая все сектора и институты экономики; создать предпосылки для постепенного отхода от привычной двухосновной «экономики города и деревни»; скоординировать развитие экономики регионов; способствовать укреплению современной единой рыночной системы; совершенствовать систему макроуправления, систему административного управления, правовую систему в области экономики, систему трудоустройства, систему распределения доходов и социального страхования; создать предпосылки для продолжительного социально-экономического развития.

Согласно предварительному плану, к 2010 году в Китае должна быть создана уникальная и единственная в мировом сообществе система социалистической рыночной экономики, где не последнее место отводится образованию во всём многообразии его структур, содержания, систем и уровней²³.

За период с 1950 годов по настоящее время КНР, затратив неполные 2% от общемировых расходов на общественное образование, решила проблему распространения обязательного девятилетнего образования среди населения, составляющего одну пятую часть населения всего земного шара. К 2001 г. образование трех ступеней (высшее, среднее и начальное) охватывало 229 млн. человек, темпы роста почти в два раза превысили среднемировой уровень за аналогичный период. В настоящее время посещаемость начальных школ составляет по всей стране 98,58%, валовой коэффициент зачисления в среднюю школу начальной ступени – 90%, неграмотность среди молодежи и людей зрелого возраста снизилась до 5% и ниже, обязательное девятилетнее образование уже введено в районах с населением, составляющим свыше 90% от всего населения страны.

Стремительно развивается рынок спроса и предложения в сфере просвещения: большой популярностью сегодня пользуются курсы компьютерной грамотности, ино-

²² Greel H. G. The Origins of Stateraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970.; Gernet J.A. History of Chinese Civilization. Cambridge, 1982/; Latorette K. Sc. The Chinese. Their History and Culture. New York, 1943.; Wilkinson E. Chinese History. A Manual. Revised and Enlarged. Harvard-Yenching Institute Monograph Series. 52. (2000).

²³ Китай: традиции и современность. М., 1976.; Balazs Et. Political Theory and Administrative Reality in Traditional China. London, 1965.; Eberhard W. Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962.

странных языков и обучения различным профессиям и квалификационные экзамены для получения соответствующих свидетельств. Стало очень модным продолжать образование: многие китайцы уже окончательно распрощались с идеей разового обучения и овладевают новыми знаниями в течение всего трудоспособного возраста.

Отрадно отметить факт того, что с каждым годом увеличивается международное сотрудничество и обмен в области образования. Китай является страной, направляющей самое большое количество учащихся на учебу за границу.

Причиной столь скорого развития образования, на мой взгляд, является значительный прирост правительственных дотаций в сферу образования: с 1998 года доля расходов на образование в бюджете Китая ежегодно увеличивается на 1%. В 2007 году на просвещение было выделено 352,31 млрд. юаней, что составило 3,57% ВВП страны.

Согласно плану развития, разработанному Министерством образования КНР, правительство намерено создать в сфере образования финансовую систему, которая бы соответствовала финансовой системе общества, что, в свою очередь, позволило бы укрепить ответственность правительственных органов всех ступеней в отношении расходов на образование и гарантировало бы опережающие темпы роста этой статьи расходов бюджета относительно темпа роста государственных доходов.

В отношении дополнительного образования Китай осуществляет политику участия в затратах на обучение, при которой определенная доля стоимости обучения покрывается государством, а другая – за счет обучающегося. Чтобы предоставить возможность учиться также и людям из малообеспеченных семей, правительство КНР предприняло следующие меры, а именно, созданы:

- система стипендий;
- система совмещения учебы с работой;
- система субсидий для учащихся, испытывающих материальные затруднения;
- система частичного или полного освобождения от платы за обучение;
- система государственных кредитов на образование.

Все это, вместе взятое, гарантирует, на наш взгляд, учащимся из малообеспеченных семей получение полноценного и многоуровневого высокотехнологичного современного образования.

Правительство КНР взяло на себя обязательства в ближайшие 10 – 20 лет предоставить обществу еще больше возможностей для подготовки специалистов. В плане Министерства образования присутствуют такие ориентиры, как-то: в 2020 г. на 100 тыс. человек должно будет приходиться около 13,5 тыс. специалистов с высшим образованием и примерно 31 тыс. человек со средним образованием; неграмотность и полуграмотность должны снизиться до 3% и ниже, средний период обучения – приблизиться к 11-ти годам, вместо сегодняшних 8-ми лет.

Обратимся к понятию «базовое образование». В него в КНР включают дошкольное обучение, обязательное девятилетнее образование (от начальной школы до средней школы первой ступени), обучение в средней школе второй ступени, специальное образование для детей-инвалидов и образование в рамках программы по ликвидации неграмотности. Развитие базового образования является одним из приоритетных направлений деятельности правительства и рассматривается как важная сфера социальной инфраструктуры и системы просвещения в целом.

Особенно важно отметить, что руководящие органы страны на правительственном уровне выделяют значительные финансовые средства на строительство школьной инфраструктуры с целью улучшения условий обучения. Ежегодно обновляется и дополняется учебная литература, наглядные пособия и другие учебные материалы и учебная техника во всех школах страны.

Для нашего исследования важна та цель развития базового образования, которую Правительство Китая обозначило на период до 2010 года, а именно – достичь по общему уровню базового образования показателя передовых развивающихся стран.

Согласно плану Министерства по делам образования КНР с 2003 по 2008 года предприняты меры, направленные на распространение девятилетнего образования и ли-

квидации неграмотности в сельских районах страны за счёт активного продвижения дистанционного обучения.

Теперь можно переходить к анализу именно высшего образования Китая и, прежде всего, нужно отметить, что в последние десятилетия оно стабильно развивается. Подтверждению этому служат следующие факты: к концу 2003 года в стране насчитывалось 2003 вуза, а число обучающихся в них студентов превысило 19 млн. человек. По международно-признанным стандартам Китай вступил в этап массового обучения. В опубликованном 23 июня 2003 г. ЮНЕСКО «Докладе о положении в области высшего образования в мире» указывается, что число обучающихся в китайских вузах за очень короткий срок увеличилось в два раза, и теперь по масштабам высшего образования Китай стоит на первом месте в мире.

Продолжая совершенствование системы высшего образования, в 1993 году началось создание системы 100 университетов первоклассного мирового уровня: 708 вузов были объединены в 302 многопрофильных универсальных вуза. В частности, Центральная академия прикладного искусства была объединена с самым авторитетным «храмом науки» Китая — университетом «Цинхуа». Пекинский университет, существующий уже более ста лет, был объединен с самым лучшим в стране медицинским вузом — Пекинской медицинской академией.

Такое слияние ведущих вузов страны позволило, как нам кажется, осуществить значительные преобразования в системе управления высшим образованием, оптимизировать и рационально распределить педагогические ресурсы и повысить качество преподавания. Одновременно, был создан специальный государственный фонд для поддержки более чем 30-ти Китайских вузов, входящих в число передовых высших учебных заведений мира.

Постоянно увеличивается набор в вузы Китая. В 1999 — 2002 гг. число студентов с 1,6 млн. возросло до 3,2 млн. человек. В 2003 г. в вузы было принято 3,82 млн. студентов (на 620 тыс. больше предыдущего года), а в аспирантуру поступили 269 тыс. человек (на 66 тыс. больше предыдущего года). В 2004 г. по государственному плану, в аспирантуры вузов было принято 330 тыс. соискателей, что на 22,7% больше предыдущего года.

Растет и совершенствуется научно-исследовательский потенциал вузов — их вклад в экономическое и социальное развитие страны с каждым днем становится все заметней. Укрепляется сотрудничество в области производства, обучения и НИОКР, что способствует ускорению темпов внедрения научно-технических достижений. Развиваются новые наукоемкие отрасли, и разрабатывается новая высокотехнологичная продукция.

Особое внимание, в свете новых экономических веяний и тенденций развития КНР, правительство уделяет негосударственным образовательным учреждениям, оказывая им всемерную поддержку. Первого сентября 2003 года в КНР вступил в силу «Закон о содействии развитию негосударственного образования». На конец 2003 г. в Китае насчитывалось 60 тыс. негосударственных учебных заведений и «учреждений просветительского толка», в которых обучались более 11,16 млн. человек. В их числе было 1202 вуза (не включая 133 негосударственных вуза, обладающих правом выдавать дипломы государственного образца) с 1,4 млн. студентов²⁴.

Созданные на общественных началах учебные заведения первыми проложили дорогу к организации учебных программ совместно с зарубежными вузами. Совместные международные учебные заведения обогатили образовательную систему Китая и предоставили молодежи еще один путь для получения образования.

Список литературы

1. Васильев Л. С. Проблема генезиса китайского государства М., 1983.
2. The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of civilization to 221 D. C. (Ed. by M. Loewe and Ed. L. Shaughnessy). New-York, 1999.

²⁴ История Древнего Мира. Т.1-3. М., 1989.; Китай: традиции и современность. М., 1976.; Greel H. G. The Origins of Stateraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970.; Eberhard W. Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962.

3. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.; История и культура Китая. М., 1974.; Китай. Государство и общество. М., 1977.
4. История Древнего Мира. Т.1-3. М., 1989.
5. Васильев Л. С. Проблема генезиса китайского государства М., 1983.; Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М. 1983.; Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этическая история китайцев на рубеже средневекового и нового времени» М., 1987.
6. Синицин Е. П. Бань Гу – историк древнего Китая. М., 1975.; Fitzgerald C.P. Son of Heaven: A Biography of Li Shi-min, Founder of the T'ang Dynasty. Cambridge, 1933.; Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 1-5. Cambridge, 1956-1976
7. Страна Хань. Очерки о культуре Древнего Китая. Л., 1959.; Allan S. The Shape of the Turtle. Myth, Art and Cosmos in Early China. Albany, 1991.; Latorette K. Sc. The Chinese. Their History and Culture. New York, 1943.
8. История Китая. М., 1998.; История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.; История и культура Китая. М., 1974.; Итс Р. Ф., Смолин Г. Я. Очерки истории Китая. Л., 1961.; Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983.; Очерки истории Китая (Под ред. Шан Юэ). М., 1959.; Ancient China. Studies in Early Civilization. Hong Kong, 1978.; The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of civilization to 221 D. C. (Ed. by M. Loewe and Ed. L. Shaughnessy). New-York, 1999.
9. Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 1-5. Cambridge, 1956-1976
10. The Cambridge History of China. Ed. by J.K. Fairbank and D. Twitchett Vol. 1-15. Cambridge, 1978-2000.; Eberhard W. A History of China. Berkley; Los Angeles, 1969.; Gernet J.A. History of Chinese Civilization. Cambridge, 1982/
11. Материалы по экономической истории Китая в раннем средневековье. М., 1980.
12. Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.; Carter Th. Fr. The Invention of Printing in China and Its Spread Westward. New-York, 1955 (2-d edition).; Wilkinson E. Chinese History. A Manual. Revised and Enlarged. Harvard-Yenching Institute Monograph Series. 52. (2000).
13. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века, М., 1984.; Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы (Сб. статей). Новосибирск, 1985.
14. Государство и общество в Китае. М., 1978.; Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системного анализа). М., 1986.; Китай. Государство и общество. М., 1977.; Greel H. G. The Origins of Stateraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970.
15. Китай и соседи. М., 1970.; Китай. Япония. М., 1961.; Китайские социальные утопии. М., 1987.; Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.; Latorette K. Sc. The Chinese. Their History and Culture. New York, 1943.
16. Вестник ЮНЕСКО. Серия – «Демографические исследования», 2007, №2.
17. Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.; Тайные общества в старом Китае. М., 1970.; Balazs Et. Chinese Civilization and Bureaucracy. Variations on a Theme. New York; London, 1964.
18. Китай: традиции и современность. М., 1976
19. Васильев Л. С. Проблема генезиса китайского государства М., 1983.; История Китая. М., 1998.; История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.; Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М. 1983. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века, М., 1984. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этическая история китайцев на рубеже средневекового и нового времени» М., 1987. Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983. Материалы по экономической истории Китая в раннем средневековье. М., 1980. Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы (Сб. статей). Новосибирск, 1985.
20. История Древнего Мира. Т.1-3. М., 1989.; Greel H. G. The Origins of Stateraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970.
21. История Древнего Мира. Т.1-3. М., 1989.; Синицин Е. П. Бань Гу – историк древнего Китая. М., 1975.; Balazs Et. Political Theory and Administrarive Reality in Traditional China. London, 1965.; Greel H. G. The Origins of Stateraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970.; Fitzgerald C.P. Son of Heaven: A Biography of Li Shi-min, Founder of the T'ang Dynasty. Cambridge, 1933.; Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 1-5. Cambridge, 1956-1976
22. Greel H. G. The Origins of Stateraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970.; Gernet J.A. History of Chinese Civilization. Cambridge, 1982/; Latorette K. Sc. The Chinese. Their History and Culture. New York, 1943.; Wilkinson E. Chinese History. A Manual. Revised and Enlarged. Harvard-Yenching Institute Monograph Series. 52. (2000).

23. Китай: традиции и современность. М., 1976.; Balazs Et. Political Theory and Administrative Reality in Traditional China. London, 1965; Eberhard W. Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962.

24. История Древнего Мира. Т. 1-3. М., 1989.; Китай: традиции и современность. М., 1976.; Greel H. G. The Origins of Stateraft in China. Vol. 1. The Western Chou Empire. Chicago; London, 1970; Eberhard W. Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962.

GENESIS AND EVOLUTION OF INITIAL AND DERIVATIVE FACTORS OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE PEOPLE`S REPUBLIC OF CHINA

N. V. MAJOROVA

Federal education agency

e-mail: nmaj@mail.ru

The formation and development of the education system in the People`s Republic of China is investigated from the positions of the establishment and systemization of the initial and derivative factors of the process of its making. The emphasis is made on the searching and determining the specifics of the process of the structural-and-content modification of the education system in China from the ancient till modern time.

Perspectives for the integration of the People`s Republic of China into the present-day world educational environment are considered.

Key words: genesis, education, process, development, system, transformation, control, factors, formation, evolution.

УДК 282

ГЕНЕЗИС КАТОЛИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЭКУМЕНИЗМА

В. И. МАНЗЮК*Белгородский
государственный
университет**e-mail: manzuk@bsu.edu.ru*

В данной работе описывается позиция Католической Церкви к экуменическому движению, а также рассматривается трансформация католической концепции экуменического диалога. Показано, как католическая модель экуменизма претерпела значительную эволюцию и осуществила переход от резкого отвержения участия в экуменическом движении, до полного восприятия и доминирования в нем.

Ключевые слова: Католическая церковь, экуменизм, конфессия, диалог, генезис, модель.

Слово «экуменизм» в переводе с греческого имеет следующие значения: «вселенная» или «обитаемый мир». Таким образом, экуменический, значит «вселенский» и экуменизм, значит «вселенскость», стремление к вселенскому сознанию.

Почему же мы стремимся к воссоединению, ведь Церковь одна и в Символе Веры каждый христианин это единство исповедует? Но, к сожалению, в настоящее время, существуют многочисленные общины, представляющие себя последователями учения Иисуса Христа и истинными наследниками основанной Им Церкви.

Есть два подхода к данной проблеме: или одна община считает себя одной-единственной истинной Церковью Христовой, или каждая община признает долю «церковности» в других. В первом варианте, экуменический вопрос сводится к присоединению отделенных (отпавших) христиан к этой Церкви. Во втором же варианте, желаемое воссоединение возможно лишь в том случае, если оторванные от тела Церкви общины признают то, что не все еще соответствует в их образе жизни истинной Церкви Христовой. Это осознание, требует покаяния, признания своих грехов, желания отказаться от ложных элементов своего вероучения. Третий момент, согласно которому все церкви равны в догматическом и вероучительном плане: протестанты, католики и православные. То есть Церковь одна, однако исторически так произошло, что она разделилась на ряд «ветвей» и наша задача лишь постулировать это единство и проповедовать о нем. Есть еще один подход к экуменической проблематике, согласно которому Римско-католическая церковь занимает особую роль в деле объединения церквей. Это, так называемый, католический экуменизм, то есть – единство христианских церквей с особой ролью в нем католической церкви. В данной работе мы попытаемся определить позицию Католической Церкви к экуменическому движению и рассмотреть трансформацию католической концепции экуменического диалога.

Католическая модель экуменизма, как никакая иная религиозная интерпретация экуменической идеи во время своего развития, претерпела значительную эволюцию. Римско-католическая церковь осуществила значительный переход от резкого отвержения участия в экуменическом движении, до полного восприятия и доминирования в нем. Если в прошлом, Католическая Церковь считала, что она является единой истинной Церковью¹, то уже в определениях Второго Ватиканского Собора за другими церквями признается владение некоей частью истины.

Зарождение и наиболее ранние проявления экуменизма относятся еще к XVII веку, но несмотря на это, в христианском мире преобладала атмосфера недоверия и противостояния. Характерной и господствующей формой мировоззрения того времени были прозелитические устремления католической церкви. Речь шла не об объединении церквей, а о их подчинении. 7 августа 1873 г. Папа Пий IX, в письме императору Вильгельму написал: «Всякий принявший крещение принадлежит более или менее – я не могу изъяснить в подробности почему, – принадлежит, говорю, более или менее папе»².

¹ Энциклики Святого Римского Престола в русском переводе. Сб., т. 3. Изд. Католической Духовной Семинарии «Мария- Царица Апостолов». С. 254.

² Цит. по: Кураев А. Диакон. Вызов экуменизма. М: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2003. С. 81.

О недоверии и нежелании вести диалог Ватикана с другими исповеданиями свидетельствует тот факт, что на Первый Ватиканский собор не были приглашены протестанты, им только предлагалось переосмыслить свое вероучение. А Англиканскую церковь католическое священноначалие и вовсе отказалось информировать о грядущем соборе. На Первом Ватиканском соборе 1870 г. был утвержден догмат о непогрешимости верховного понтифика в делах веры и морали. Таким образом, католическая церковь воспринимала окружающий мир как греховный, и не отождествляла себя с ним, что вело к полной изоляции и нежеланию вести диалог с другими христианскими течениями.

В соответствии с экклесиологией данного периода, пределы христианской Церкви совпадают с границами Римско-католической церкви, за пределами которой не может существовать другая Истина. Такое понимание Церкви привело к психологической обособленности, настороженности, и в определенные периоды истории, к ненависти и противоборству. Таким образом, неприятие католической церковью межконфессионального диалога было очевидным, а речь могла идти только исключительно о монологическом взаимодействии.

Идея объединения церквей более ярко стала проявляться во второй половине XIX начале XX веков, в связи с нарастающей секуляризацией культуры. В Англии развернулось, так называемое, оксфордское движение, сторонники которого выступали за особые отношения между тремя церквями: православной, католической и англиканской. Священноначалие католической церкви выступило с резкой критикой в адрес зарождающегося движения. В 1919 году конгрегация «Священное действие» вновь напоминает о постановлении 1864 года, в котором запрещалась деятельность католиков в различных экуменических объединениях.

В начале XX века в протестантском мире начинается бурное развитие экуменического движения, проводятся первые экуменические конференции, в частности стокгольмская и лозаннская. Это заставило Ватикан активизировать свою антиэкуменическую деятельность. Конгрегация «Священное действие» в 1927 году издает декрет в котором выражается жесткое неприятие к экуменическому движению, а 10 января 1928 г. папа Пий XI в энциклике «*Mortalium animos*» (О единстве христиан) запретил католикам принимать участие в экуменических конференциях. Ватикан, по-прежнему, признавал единственным способом соединения христиан: «покаяние и возвращение не католиков в пределы единой истинной католической церкви»³.

Но, несмотря на официальную позицию Ватикана, среди церковных деятелей появляются течения с иной точкой зрения на экуменическую проблематику, находившиеся в оппозиции к основной линии католической церкви. Со стороны католического руководства эти шаги неизменно подвергались осуждению, но, несмотря на то, что в постановлении конгрегации «Священного действия» 1948 г., говорится о запрещении участия католиков в экуменической ассамблее ВСЦ в Амстердаме, впервые официальный Ватикан обошелся без осуждения экуменизма.

Поворот католической церкви в сторону сближения с экуменическим движением начался после Амстердамской конференции. В инструкции конгрегации «Священного действия», которая была издана после проведения ассамблеи ВСЦ, говорится, что экуменическое движение является «веянием Духа Святого». А также, что «во многих частях мира, под влиянием различных событий, но, прежде всего благодаря общей молитве верующих, милостью Духа Святого, в сердцах многих разделенных христиан возникло и возросло желание, чтобы все верующие в Господа Иисуса Христа опять нашли путь к единству...»⁴.

Такое изменение позиции католической церкви не могло остаться без внимания со стороны руководства ВСЦ. Генеральный секретарь Всемирного совета церквей Виссерт Хуфт назвал данную инструкцию «проявлением изменений в позиции Ватикана, состоящих в открытии Римом дверей экуменизму».

Но, несмотря на то, что Ватикан смягчил свою политику по отношению к экуменическому движению, католические богословы не переставали претендовать на стремле-

³ Папа Пий XI Окружное послание «*Mortalium animos*» Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/mortalium_animos.html/2009/9

⁴ Документы о христианском единстве. Четвертый выпуск. 1948-1957 Режим доступа: <http://www.archive.org/details/documentsonchris013417mbp/2009/9>

ние католической церкви руководить христианским миром и стремились подменить идею экуменизма, догмой христианской Римско-католической церкви. Таким образом, позиция католической церкви вплоть до II Ватиканского собора не претерпела кардинальных изменений.

Идея об объединении христианских церквей с новой силой была поднята перед созывом II Ватиканского собора. Папа Иоанн XXIII выразил надежду, что в работе собора будут принимать участие все разделившиеся христианские церкви. Этот собор стал весьма важным в истории христианского мира. Многие его результаты вошли в современную жизнь церквей, а так же повлияли на развитие богословской мысли. Эти благотворные для всех изменения связаны с явлением, которое теперь принято условно называть «революцией Иоанна XXIII» и «восточной политикой Павла VI»⁵.

В последние годы, перед проведением собора произошли качественные изменения в межконфессиональной деятельности Римской церкви. В 1960 году Ватикан посетил глава протестантской церкви ФРГ епископ Дибелий, а в конце того же года состоялась встреча англиканского примаса Ж. Фишера и Иоанна XXIII. Также активно велись переговоры с представителями протестантских церквей. В связи с этим, на первой сессии собора присутствовали, в качестве наблюдателей, представители 28 различных конфессий и деноминаций протестантской направленности, а также члены Русской православной церкви.

Большой вклад в развитии экуменического диалога между верующими всех стран, а также в определении экуменическо-реформаторского направления II Ватиканского собора внесли представители «новой теологии». Ее наиболее яркими представителями являлись А. де Любак, Х.У. фон Бальтазар, Г. Кюнг, П. Тейяр де Шарден и др. Странники новой теологии призывали церковь возродить прошлое наследие Западной и Восточной Церкви. Они утверждали, что нужно обратиться к опыту первохристианской церкви, которая была более близка к правильному пониманию Церкви и Евхаристии. Богословы призывали вернуться к общехристианским истокам веры и ставили под сомнение господство церковной иерархии католической церкви и папства.

На II Ватиканском Соборе было введено новое для католического богословия определение – «диалог», которое, по своей сути, является более глубоким, чем сотрудничество. При таком диалоге неприемлем взгляд, будто одна сторона имеет полноту истины и право учить, а другая же – только учиться⁶. Этот диалог католики намерены вести не только с христианским миром, но и с нехристианскими религиями. Таким образом, католическая церковь отказалась от дальнейшей изоляции от других религий.

Все важнейшие принципы, определяющие облик современного католического экуменизма, были выражены в Декрете об экуменизме («Unitatis redintegratio»), принятом на II сессии II Ватиканского собора. В нем говорится, что одна из главнейших задач Второго Ватиканского Собора – способствовать восстановлению единства всех христиан, так как разделение прямо противоречит воле Христа⁷. В Декрете говорится, что все церкви и церковные сообщества христианского мира равным образом служат средствами спасения. А также, что многие духовные ценности, которые принадлежат «истинной Церкви», единой для всех христиан, можно обнаружить и вне границ католической церкви. Теперь христианские некаатолические общины считаются не безблагодатными и признаются церковными общинами принадлежащими, хотя и не в полной мере, к Церкви Христа. Рассмотрев основные положения Второго Ватиканского Собора мы видим, что он заложил основы здорового и нормального диалога со всем христианским миром.

Во многих постановлениях Собора видна разница с дособорной католической теологией. Но при этом, церковь св. Петра настаивает на своем праве именоваться в полном смысле истинной Церковью, в которой присутствует вся полнота спасения. В 2000 году в разъяснениях кардинала Ратцингера, по вопросам отношения с другими христианскими

⁵ Примирение// Сборник материалов Коллоквиума в Крестовоздвиженском монастыре. М: ББИ,1997. С. 123.

⁶ Иоанн Павел II. Искупитель человека (Redemptor hominis). Режим доступа к изд.: <http://www.krotov.info/acts/20/voityla/19790309.html/2009/9>.

⁷ Материалы II Ватиканского собора. Декрет об экуменизме. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/katholic/Article/dekr_ekumen.php/2009/9.

церквами, говорится, что «Церкви-сестры – это исключительно отдельные Церкви между собой. Должно быть ясным при использовании выражения *Церкви-сестры*, что Единая Святая Соборная и Апостольская Вселенская Церковь не сестра, но мать для всех отдельных церквей»⁸.

Из этого следует то, что II Ватиканский собор, идя на сближение с экуменическим движением, все же настаивает на особенной роли католической церкви в этом движении.

В послесоборный период, в католической церкви произошел пересмотр отношения к существующему межконфессиональному движению, и теперь диалог с межхристианскими объединениями является важным компонентом в католической модели экуменизма. Если в дособорный период в межконфессиональном диалоге католического образца принимали участие только папа, епископат и теологи, то теперь участниками экуменических встреч признаются представители различных христианских конфессий и организаций.

Помимо диалога, проходящего в контексте ВСЦ, Римско-католическая церковь участвует во множестве двусторонних диалогах с христианскими церквями. Преемник Павла VI, папа Иоанн Павел II, продемонстрировал верность экуменическому духу своего предшественника, его деятельность, выступления и энциклики, пропитаны духом экуменизма.

Подводя итог вышесказанному, очевиден тот факт, что Католическая концепция экуменизма претерпела значительную трансформацию, за относительно небольшой период времени. Но, к сожалению, в основном, эти изменения оставались только на бумаге. При этом, так же стоит отметить, что католицизм связывает свою экуменическую деятельность с собственными миссионерскими установками. И, конечной целью этой деятельности, является соединение христиан и возвращение к Истине, хранителем которой является Римско-католическая церковь.

Список литературы

1. Кардинал Йозеф Ратцингер. Преодолеть фальшь и двусмысленность// Русь Православная. – 2000. – № 11.
2. Кураев А. Диакон. Вызов экуменизма. М: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2003.-384 с.
3. Примирие// Сборник материалов Коллоквиума в Крестовоздвиженском монастыре. М: ББИ,1997. – 175 с.
4. Эрнст Суттнер. Христианство Востока и Запада//В поисках зримого проявления единства. М: ББИ, 1999.-312 с.

Материалы сайтов

5. Документы о христианском единстве. Четвертый выпуск. 1948-1957 Режим доступа: <http://www.archive.ru/2009/9>.
6. Иоанн Павел II. Искупитель человека (Redemptor hominis). Режим доступа: <http://www.krotov.ru/2009/9>.
7. Материалы II Ватиканского собора. Декрет об экуменизме. Режим доступа: <http://www.gumer.ru/2009/9>.
8. Папа Пий XI Окружное послание «Mortalium animos» Режим доступа: <http://www.unavoce.ru/2009/9>.

GENESIS OF CATHOLIC MODEL OF ECUMENISM

V. I. MANZUK

Belgorod State University

e-mail: manzuk@bsu.edu.ru

This work concerns the position of the Catholic Church to ecumenism in addition to transformation of Catholic conception of ecumenical dialogue. It's shown there how the Catholic model of ecumenism has developed and moved from sharp rejection of participation in ecumenical movement till full understanding and domination in it.

Key words: The Catholic Church, ecumenism, confession, dialogue, genesis, model.

⁸ Кардинал Йозеф Ратцингер. Преодолеть фальшь и двусмысленность// Русь Православная. – 2000. – № 11.

УДК 141.333

ФИЛОСОФИЯ СЕМЕЙНОГО БЮДЖЕТА

И. М. МУРАВЕЦКИЙ¹
А. М. СТРАХОВ²

В статье рассматривается актуальность рассмотрения семейного бюджета с позиций культурно-философской антропологии.

Ключевые слова: семья, бюджет, антропология, философия.

*Белгородский
государственный
университет*

*¹e-mail:
ant-sn@mail.ru*

*²e-mail:
strakhov@bsu.edu.ru*

Интерес человека к самому себе проявлялся с глубокой древности, особенно активизируется начиная с позапрошлого столетия и не только не спадает в XXI веке, но и продолжает широко реализовываться в связи с развитием философско-антропологического знания. «Современная мысль стоит перед задачей создания философской антропологии, как основной философской дисциплины», – подчеркивал Н.А. Бердяев¹.

В XX столетии формируется философская антропология как течение, представленное стоящим у ее истоков М. Шелером, идеи которой развивают А. Гелен, М. Ландман, Г. Плеснер, А. Портман, Э. Ротхакер и другие. Антропологическая проблематика присутствует в философских учениях многочисленных зарубежных и отечественных авторов, выходя за пределы философии и являющаяся уже предметом междисциплинарного исследования. Проблема человека, отмечал Б.Г. Ананьев, превращается «в общую проблему всей науки в целом, всех ее разделов, включая точные и технические науки»². Что наблюдается «трансформация ценностных ориентаций современной науки в направлении их гуманизации и экологизации», замечает В.Н. Финогентов³. Убедительным подтверждением становления современной отечественной философской антропологии выступает реализация Волгоградским государственным университетом долговременного проекта, в рамках которого состоялось пять международных научных конференций «Человек в современных философских концепциях», антропологическая проблематика широко представлена на Российских философских конгрессах, философская антропология стала учебной дисциплиной. Не случайно в многочисленных публикациях повторяется мысль об «антропологическом повороте» или, как выражается П.С. Гуревич, «антропологическом ренессансе».

Такой поворот сказался на появлении множества, по меткому выражению В.С. Барулина, «региональных антропологий». «В XX веке появилась целая россыпь, так сказать, региональных антропологий, исследующих природу человека под различными углами зрения. Выделяют обычно философско-биологическую антропологию (А. Гелен, А. Портман), культурно-философскую или антропологию культуры (Э. Ротхакер, М. Ландман), философско-религиозную (Г.Э. Хенстенберг, Ф. Хаммер), педагогическую антропологию (О. Больнов), психоаналитическую антропологию (А. Адлер, В. Рейх, К. Хорни, Э. Фромм), историческую антропологию, политическую антропологию и т.д.», –

¹ Бердяев, Н.А. Проблема человека. К построению христианской антропологии / Н.А. Бердяев. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт. Флинта, 1999, С. 21.

² Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001, С. 10.

³ Финогентов, В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. / В.Н. Финогентов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009, С.255.

пишет В.С. Барулин⁴. Сам он разрабатывает основы социально-философской антропологии, опирающейся на три источника – философскую антропологию, социальную антропологию и социальную философию – и имеющей предметом своего исследования создание и преобразование человеком социумного мира, в ходе чего происходит реализация и развитие человеческого потенциала. И.В. Кондаков пишет о визуальной антропологии, антропологии повседневности, антропологии детства, исследуя «антропологию слова» – «внутренне противоречивый дискурс человека, содержащий в себе также и антропологию молчания, невербальных смыслов и т.п.»⁵. В.П. Верякина отмечает появление «множества предметно очерченных типов антропологии: социальной, культурной, юридической, экономической и т.д.»⁶ Г.П. Отюцкий ведет речь о культурной антропологии, Л.Ф. Игнатьева рассматривает антропологию техники, Ю.Г. Белогурова исследует антропологию материнства, Г.В. Мусиков говорит об антропологии физической культуры и спорта, а А.С. Гализдра усматривает антропологическое измерение феномена туризма. А.М. Страхов разрабатывает культурно-философскую антропологию пола и любви, имеющую предметом своего исследования философские, религиозно-богословские и литературно-художественные тексты, рефлексирющие любовь и все прочие аспекты взаимоотношения полов. «...Культурно-философская антропология пола и любви рассматривает половую культуру через ее отражение в философии, искусстве, религиозной морали», – подчеркивает он⁷. Соответственно, правомерно ставить вопрос и об антропологии семейного бюджета, тем более, что, как выше уже отмечалось, имеется экономическая антропология, а об антропологии хозяйства писали С.Н. Бондаренко, О.А. Колесникова, И.В. Липсиц, Л.Л. Любимов, А.П. Стручалина и другие. (Труд «Философия хозяйства» мы встречаем у С.Н. Булгакова). Выходит даже журнал «Философия хозяйства». С.Н. Бондаренко и А.П. Стручалина, обосновывая антропологию хозяйства как область философствования, отмечают: «Философия хозяйства как мировоззренческое знание о хозяйстве в целом имеет несколько формирующих источников: мифологию и народный опыт, отраженные в обобщенных представлениях о нормах хозяйственной жизни; трудовую мораль мировых религий; экономическую теорию в той ее части, где осознаются начала, смысл, жизненное назначение хозяйственной деятельности. В совокупности все знание о хозяйстве получило определение “мирохозяйствование”, а философия хозяйства выполняет роль ее метатеории. Собственное содержание философии хозяйства создается разработкой мировоззренческих, гносеологических, методологических, ценностных, смысло-жизненных аспектов экономического знания и практики. На наш взгляд, структурообразующим элементом все системы знания является антропология хозяйства – философское обоснование представлений о человеке как субъекте, организующем и осуществляющем хозяйственную деятельность»⁸. Аналогично с семейным бюджетом, который также может являться «областью философствования», когда рассматривается с антропологической точки зрения. Тогда антропология семейного бюджета, если воспользоваться выражением указанных авторов, выступает философским обоснованием представлений о человеке как субъекте, организующем и осуществляющем бюджетную деятельность.

Разумеется, семейный бюджет как совокупность доходов и расходов, определяющая уровень жизни семьи, прежде всего в центре внимания экономических и социологических исследований. Обращается к семейному бюджету и статистика. Сама семья явля-

⁴ Барулин, В.С. Основы социально-философской антропологии./В.С. Барулин. – М.: Академкнига, 2002, С. 54.

⁵ Кондаков, И.В. К современной антропологии слова./И.В. Кондаков.//Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука, 2005, С. 381.

⁶ Верякина, В.П. Эвристический потенциал философской антропологии М. Шелера./В.П. Верякина.//Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей Международной научной конференции, г. Волгоград, 14-17 сентября 2004 г.: В 2 т. Т.2. – Волгоград: ПРИНТ, 2004, С. 530.

⁷ Страхов, А.М. Отечественная философия пола и любви (культурно-философская антропология) XIX – начала XX вв./А.М. Страхов. – Ростов-на-Дону: АПСН СКНЦ ВШ, 2006, С. 4.

⁸ Бондаренко, С.Н., Стручалина, А.П. Антропология хозяйства как область философствования / С.Н. Бондаренко, А.П. Стручалина // Человек в современных философских концепциях: материалы Четвертой международной конференции, г. Волгоград, 28-31 мая 2007 г. В 4 т. Т.2. – Волгоград: ВолГУ, 2007, С. 412.

ется предметом междисциплинарным, различные ее стороны исследуют многие научные дисциплины, в том числе и за пределами социально-гуманитарного знания, сексопатология, например. К тому же семейная жизнь с ее бюджетом, т.е. материальной основой, обеспечивающей удовлетворение материальных и духовных потребностей членов семьи, относится к повседневности как жизненному миру человека, а повседневность – уже традиционный и распространенный предмет философского и культурологического рассмотрения. Многоплановость повседневности, в которой «живет и действует огромное количество людей, входящих в различные социальные, национальные, этнические, религиозные, профессиональные, возрастные, поселенческие и другие группы, имеющих разные интересы, потребности, стимулы, установки, ценности, предпочтения, ментальность»⁹, в тех или иных аспектах исследуют многие представители как западной (Ф. Бродель, Ю. Хабермас, А. Шюц и другие), так и отечественной (В.С. Барулин, Р.А. Данакари, Ю.М. Резник и другие) философско-культурологической мысли. В последние годы в РФ защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, посвященные исследованию повседневности. Это «Повседневность как предмет социально-философского анализа» О.Ю. Марковцевой и «Повседневность как элемент социальной реальности Н.Б. Семенова. Внепроизводственной составляющей повседневной жизни выступает быт, исследования которого в прошлом не предполагали, как констатирует П.В. Щербакова, «глубокого философского анализа»; необходимо, полагает данный автор, чтобы история быта, как и история в целом, превратилась в науку о человеке, «то есть стала приобретать антропологически ориентированный характер»¹⁰.

Семейный бюджет обладает несомненным «антропологическим измерением» поскольку напрямую затрагивает взаимоотношение супругов и поколений, сказывается на особенностях социализации и коммуникации членов семьи (последнее приобретает особую значимость в условиях информационного общества), определяет социальный статус последних. Его «антропологическое измерение» реализуется посредством отражения в литературно-художественных текстах, которые являются важнейшей составной частью культурно-философской антропологии. Художественная литература предоставляет ценный материал, описывая те или иные стороны семейной жизни, включая и ее бюджетную составляющую. При всей уникальности каждая семейная история, присутствующая в художественном тексте, содержит в себе и общее с другими историями, демонстрируя тем самым диалектику индивидуального и типического, включенную в диалектику особенного и общего. «Художественная литература – это “эмпирия” особого рода: это такая форма нетеоретического философского мышления, в которой содержится *сущностный уровень* осмысления жизни, т.е. это материал, наиболее подготовленный для последующей концептуализации средствами философского мышления», – пишут Р.Р. Москвина и Г.В. Мокроносов¹¹. Антропологическое «звучание» проблемы семейного бюджета присутствует в различных сторонах супружеской жизни и косвенно связано с самим решением о вступлении в брак, в котором должен при всей безнравственности брака по расчету присутствовать расчет, связанный, во-первых, с определением подлинной глубины взаимных чувств, во-вторых, с моделью будущей семьи (нередко, осознанно или не осознанно, молодожены стремятся воссоздать особенности и практику семейных отношений своих родителей), в-третьих, с семейным бюджетом: важно заранее определиться, на что будет жить будущая семья и что она сможет себе позволить. «Всякий брак может привести к бедам, но тот, который основан не только на одном увлечении, а на равенстве развитий, на общей религии, на взаимном уважении, тот, который даже взял в расчет кусок хлеба себе и детям, – тот имеет больше шансов рациональных», – в свое время писал А.И. Гер-

⁹ Данакари, Р.А. Философия «повседневности» и «мир» этнического бытия./Р.А. Данакари // Ученые записки (Выпуск девятый. Часть 1): Сборник статей. – Волгоград: Волгоградский институт экономики, социологии и права, 2008, С.3.

¹⁰ Щербакова, Л.В. Категория повседневности как объект гуманитарных исследований / Л.В. Щербакова.//Человек в современных философских концепциях: материалы Четвертой международной конференции, г. Волгоград, 28-31 мая 2007 г. В 4 т. Т.2. – Волгоград: ВолГУ, 2007, С. 632.

¹¹ Москвина, Р.Р., Мокроносов, Г.В. Человек как объект философии и литературы./Р.Р. Москвина, Г.В. Мокроносов. – Иркутск: Иркутский университет, 1987, С. 191.

цен своей дочери Н.А. Герцен¹². Соответственно, семейный бюджет определяет планирование семьи; далеко не всегда отсутствие детей связано с низким доходом потенциальных родителей, но в целом ряде случаев именно материальные соображения выступают главным, если не единственным препятствием к рождению в принципе желаемого ребенка, усугубляя и без того сложную демографическую ситуацию в современной России.

Отталкиваясь от трех выделенных Ю.Б. Рюриковым общественных моделей взаимоотношения полов (матриархат, где имеет место главенство женщины над мужчиной, патриархат, при котором мужчина господствует над женщиной, биархат, под которым Ю.Б. Рюриков понимает взаимное главенство, то есть равенство полов), следует заметить, что на протяжении многих столетий существование патриархата решение о вступлении в брак определялось наряду с некоторыми другими мотивами в основном экономическими соображениями. Именно последними А. Шопенгауэр объясняет природу женской половой чести. Философ также рассуждает об «абсолютном благе денег», поскольку последние «отвечают не какой-нибудь одной потребности, а всякой потребности вообще»¹³. Соответственно, если и привносила женщина в семью достаток, то единожды в виде приданого, которым распоряжался содержащий жену муж (если и были исключения из правил, чему есть примеры, в частности, в русской художественной классике, то формально главой семьи и распорядителем ее бюджета все равно оставался слабovolный супруг мужского пола). В простонародье женщина нередко вынуждена была работать, пополняя доход семьи наряду с мужчиной, но, во-первых, ее заработки были куда скромнее, во-вторых, сохранялась полная ее зависимость от господина-мужа. Впрочем, последний, что особенно характерно для России, мог отдать женщине право на самостоятельное ведение домашнего хозяйства, требуя лишь конечного результата: стирки, уборки, приготовления еды. Распространенный порок – пьянство (и не всегда только мужское) – препятствовал направлению расходной части семейного бюджета на цели благополучия семьи: в питейные заведения относилось последнее, вплоть до одежды, на спиртное денег не жалели, бедность уживалась с расточительством.

А. Шопенгауэр дает собственное объяснение тому факту, что к расточительству больше склонны бедняки, чем те, кто с бедностью знаком лишь понаслышке. Философ пишет: «...Истинная причина указанного различия заключается, скорее, в том, что человеку, от рождения окруженному богатством, последнее представляется как нечто необходимое, как условие единственно возможной жизни, все равно как воздух; поэтому он хранит его как свою жизнь и оттого большей частью обнаруживает любовь к порядку, предусмотрительность и бережливость. Наоборот, кому от рождения уделом была бедность, тот в ней видит естественное состояние, а в так или иначе доставшемся ему после богатстве – нечто излишнее, годное лишь для наслаждений и мотовства; если оно опять исчезнет, человек, как и прежде, станет обходиться без него...»¹⁴. Действительно, испытание неожиданным богатством выдерживают достойно не многие, но связано данное обстоятельство скорее с легкостью вдруг обретенного: крестьянин, упорным трудом выбившийся в «кулаки», а то и в купцы, в исполнении расходной части бюджета чрезвычайно экономен, это потомство его, уже привыкшее к обеспеченной жизни, спешит обзавестись всеми ее аксессуарами, чтобы выглядеть не хуже других, не случайно, ведя речь об экономности, немецкий философ в качестве примера ссылается на купечество. Кстати, кричащая роскошь отечественных нуворишей, их удивляющая бережливых европейцев расточительность берут начало как раз из быстрого и не связанного с особым трудом (в прямом и переносном смысле) обогащения. В.В. Розанов в свое время метко подметил: «В России вся собственность выросла из “выпросил”, или “подарил”, или кого-нибудь “обобрал”. Труды собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается»¹⁵. Именно желание быстро обогатиться без каких-либо трудовых усилий привело к феномену

¹² Герцен, А.И. – Н.А. Герцен 23 мая 1869 г./А.И. Герцен. Собр. соч. в 30 т. Т. XXIX. Кн. 1. – М.: Наука, 1965, С. 344.

¹³ Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости./А. Шопенгауэр. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1992, С. 221.

¹⁴ Там же, С. 222-223.

¹⁵ Розанов, В.В. Уединенное./В.В. Розанов. Уединенное.- М.: Правда, 1990, С. 216.

обманутых вкладчиков в первые годы постсоветской России, когда значительные массы неискушенных россиян бросились отдавать свои сбережения с целью их увеличения организаторам финансовых пирамид типа «Русского дома селенга» или «МММ».

Для России советский период выступает как культурный модерн (постсоветское российское общество является уже причудливым сочетанием традиционных, модернистских и постмодернистских установок), в котором наблюдаются применительно к семейному бюджету две тенденции. Первая из них связана с дисциплиной голода, вынуждающей советскую женщину работать, поскольку заработной платы супруга-мужчины в подавляющем большинстве семей не хватает на содержание семьи. Всячески поддерживает женщину-работницу и государство, что определяется и демографической ситуацией в стране (особенно женский труд, включая и ратный, был востребован в годы Великой Отечественной войны), и идеологическими установками единственной и потому безраздельно правящей партии на равенство полов, порой понимаемое слишком буквально, как физическое равенство (достаточно вспомнить «Красную звезду» – роман-утопию А.А. Богданова, где рассказывается, что на социалистическом Марсе настолько смягчились физические различия женщин и мужчин, что стало трудно отличить представителя одного пола от другого!). Сказывается в значительной степени и субъективный фактор: добившаяся эмансипации женщина не хочет замыкаться в узком круге семейного быта, ей нужно работать для самореализации. Итак, первая тенденция – женщина вместе с мужчиной обеспечивает доходную часть семейного бюджета. Вторая тенденция связана с возрастающим участием женщины в формировании и реализации расходной его части. Формируется та общественная модель взаимоотношения полов, которую Ю.Б. Рюриков именуется биархатом, и происходит столкновение патриархатных установок и биархатной практики. Женщина объективно может претендовать на роль главы семьи, превосходя своего мужа по всем показателям, а тот сопротивляется в силу мужского самолюбия и устойчивости патриархатных представлений (такая ситуация все чаще возникает в современной постсоветской рыночной России). Последние подкреплены десекуляризацией, поскольку широко представлены в религиозном мировоззрении, в т.ч. и Православном: «Грех, когда муж отдает жене власть в семье, и точно такой же грех, когда она берет»¹⁶. Конфликты приводят к разводу. Есть ли выход? «Выход, конечно, есть. И он зависит от самой женщины, от ее тактичности и мудрости. Ведь женщина знает множество способов, как, не посягая на мужское самолюбие, взять реальные бразды правления в собственные руки. И при этом подчеркивая всячески, особенно при посторонних, что муж – глава семьи. Последнее важно еще и потому, что немало мужчин крайне болезненно воспринимают превышение доходов их жен над своими собственными», – пишет А.М. Страхов¹⁷.

Обращение к антропологии семейного бюджета не только актуально и оправдано, но и обладает научной новизной. Имеет место немало (в основном социологических) исследований института семьи (Г.В. Антонов, А.В. Махиянова, А.В. Носкова и другие), многие авторы обращаются к проблемам молодой семьи (Н.Н. Азисова, Е.П. Васильев, Е.С. Сорокина и другие). Исследований непосредственно семейного бюджета тем более философско-антропологических не осуществляется, в то время как бюджет играет огромную роль в общественной (государственной) и личной (повседневной) жизни человека. Человека не только разумного и деятельного, но любящего, играющего, бьющего (А. Шопенгауэр, заявлявший, что человеку свойственно бить, а не кусаться), добавим, что и считающего. Считающего доходы и расходы и считающегося с ними.

Впрочем, россияне в массе своей «человеком считающим» только начинают становиться, в то время как бережливость и расчет гораздо раньше и в гораздо большей степени свойственны человеку Запада – сказываются, во-первых, особенности отечественного менталитета, во-вторых, то пренебрежение к частной собственности, что культивировалось идеологией марксизма-ленинизма, провозглашающего конец частной собственности при коммунизме. Обещанная гармония личного и общественного интереса изна-

¹⁶ Протоиерей Шестун, Евгений. Огудина, Наталья. Православная семья / Протоиерей Евгений Шестун. Наталья Огудина. – Самара: Самарский информационный концерн, 2001, С. 60.

¹⁷ Страхов, А.М. Почему гаснет факел Гименея: (Философия пола и любви: кризис семьи на рубеже столетий)./А.М. Страхов. – Белгород: Отчий край, 2006, С. 68.

чально утопична, возможно лишь движение к их гармонизации, где наличествуют как объективная, так и субъективная сторона. Объективная сторона – создание обществом максимум условий для удовлетворения, разумеется, разумных потребностей граждан, субъективная сторона – формирование разумных потребностей с неизбежным самоограничением. И в последней важное значение имеет сбалансированный семейный бюджет. Наиболее привлекательная с точки зрения благосостояния семьи ситуация, когда при достаточно широком удовлетворении материальных и духовных потребностей доходная часть семейного бюджета преобладает над расходной, что позволяет семье осуществлять накопления, способные выступить гарантией в непредвиденных обстоятельствах и, если речь идет о сберегательных банковских вкладах или прочих вложениях, позволяющие в условиях инфляции сохранить или даже увеличить семейное благосостояние. В.Д. Медведев субъектов такой модели финансового поведения называет «сберегатели» (в отличие живущих в долг «антисберегателей» и семей, в которых присутствует комбинация накоплений и долгов). Если в советское время при незначительной доле «антисберегателей» преобладали те, кто либо имел скромные по нынешним временам сбережения, либо не имел их, живя от зарплаты до зарплаты, вовсе, то в условиях рыночной экономики россияне начинают учиться брать кредиты: потребительские, ипотечные и прочие. Особенность современного кредитования – повышенные риски, поскольку, покупая дорогой и не очень дефицитный товар (дефицитные товары в кредит советской торговли не отпускались), покупатель знал, как и когда рассчитается с магазином из своей стабильной заработной платы; в современных условиях, что особенно наглядно продемонстрировал «кризисный» 2009 год, можно потерять работу, можно разориться. Загруженность службы судебных приставов возросла не только в связи с более тщательным взысканием алиментов, штрафов и задолженностей по оплате налогов и коммунальных услуг: банки обращаются с исками в суды на неплатежеспособных «антисберегателей», прибегая и к услугам «коллекторских» фирм. Но отечественным «антисберегателям» до американских еще очень далеко – только за один март 2010 г. более 158 тысяч граждан США объявили о своей финансовой несостоятельности! Риски в современной России связаны и с банковскими сбережениями, хотя государство уже немало сделало, чтобы защитить интересы вкладчиков.

Антропологическое «измерение» семейного бюджета не ограничивается вышеперечисленными аспектами, оно заключается также, например, и в диалектике свободы и ответственности, которая приобретает возрастающую значимость по мере становления и развития в России рыночных отношений.

Список литературы

1. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания. /Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001.
2. Барулин, В.С. основы социально-философской антропологии. /В.С. Барулин. – М.: Академ-книга, 2002.
3. Бердяев, Н.А. Проблема человека. К построению христианской антропологии /Н.А. Бердяев. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт. Флинта, 1999.
4. Бондаренко, С.Н., Стручалина, А.П. Антропология хозяйства как область философствования. /С.Н. Бондаренко, А.П. Стручалина. //Человек в современных философских концепциях: материалы Четвертой международной конференции, г. Волгоград, 28-31 мая 2007 г. В 4 т. Т.2. – Волгоград: ВолГУ, 2007.
5. Веряскина, В.П. Эвристический потенциал философской антропологии М. Шелера /В.П. Веряскина. //Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей Международной научной конференции, г. Волгоград, 14-17 сентября 2004 г.: В 2 т. Т.2. – Волгоград: ПРИНТ, 2004.
6. Герцен, А.И. – Н.А. Герцен 23 мая 1869 г./А.И. Герцен. Собр. соч. в 30 т. Т. XXIX. Кн. 1. – М.: Наука, 1965.
7. Данакари, Р.А. Философия «повседневности» и «мир» этнического бытия. /Р.А. Данакари. //Ученые записки (Выпуск девятый. Часть 1): Сборник статей. – Волгоград: Волгоградский институт экономики, социологии и права, 2008.
8. Кондаков, И.В. К современной антропологии слова. /И.В. Кондаков. //Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука, 2005.

9. Москвина, Р.Р., Мокроносов, Г.В. Человек как объект философии и литературы./Р.Р. Москвина, Г.В. Мокроносов. – Иркутск: Иркутский университет, 1987.
10. Протоиерей Шестун, Евгений. Огудина, Наталья. Православная семья./Протоиерей Евгений Шестун. Наталья Огудина. – Самара: Самарский информационный концерн, 2001.
11. Розанов, В.В. Уединенное./В.В. Розанов. Уединенное. – М.: Правда, 1990.
12. Страхов, А.М. Отечественная философия пола и любви (культурно-философская антропология) XIX – начала XX вв./А.М. Страхов. – Ростов-на-Дону: АПСН СКНЦ ВШ, 2006.
13. Страхов, А.М. Почему гаснет факел Гименея?: (Философия пола и любви: кризис семьи на рубеже столетий)/А.М. Страхов. – Белгород: Отчий край, 2006.
14. Финогентов, В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры./В.Н. Финогентов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
15. Щербакова, Л.В. Категория повседневности как объект гуманитарных исследований./Л.В. Щербакова. //Человек в современных философских концепциях: материалы Четвертой международной конференции, г. Волгоград, 28-31 мая 2007 г. В 4 т. Т.2. – Волгоград: ВолГУ, 2007.
16. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости./А. Шопенгауэр. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1992.

FAMILY BUDGET AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

I. M. MURAVETSKY¹⁾
A. M. STRAKHOV²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail:
ant-sn@mail.ru

²⁾ e-mail:
strakhov@bsu.edu.ru

The article deals with the actuality of family budget's consideration from the position of cultural-philosophical anthropology.

Key words: family, budget, anthropology, philosophy.

ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ КАК СУЩНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО

И. О. НАДТОЧИЙ

*Воронежская
государственная
лесотехническая академия*

*e-mail:
inad@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности религиозного мировосприятия, в основе которого лежит трансцендентное начало, которое является целью и смыслом существования человека. Именно это отличает религию от науки, которая связана исключительно с эмпирической действительностью, и от философии, которая стремится постичь одновременно имманентное и трансцендентное в их антиномическом единстве.

Ключевые слова: религия, культура, христианство, трансцендентное, наука, философия.

У русского философа и религиозного мыслителя П. А. Флоренского есть удивительная по точности и красоте метафора: «буто́н культуры произрастает из зерна религии». Флоренский – один из наиболее глубоких знатоков в различных областях человеческой культуры, ученый и богослов, проявивший себя значительным образом и в науке, и в религии, и поэтому его образ взаимоотношения религии и культуры заслуживает самого серьезного внимания.

На «культурные», религиозные истоки культуры указывают часто и современные исследователи. Так Д. К. Бурлака говорит, что «религия – вершина культурно-исторического творчества»¹, подчеркивая, тем самым, непреходящее значение религии для всех форм культурного бытия человека. Культуротворчество и есть в этом смысле продукт религиозного действия, основанного на религиозном мировосприятии, в основе которого находится трансценденция.

Влияние религии на культуру, ее всестороннее и многогранное воздействие на жизнь человека вряд ли можно переоценить. Оно огромно и значительно. Многие исследователи, писатели, деятели культуры считают именно религию наиболее фундаментальным, древним и стабильным проявлением человеческого духа, связывая духовность и религиозность неразрывными связями. Homo religiosus – одна из наиболее сущностных антропологических характеристик человека.

Силу воздействия религии на жизнь человека уместно сравнивать с научным влиянием. И как наука и техника оказали колоссальное воздействие на материальную сторону жизни, так религия оказала решительное влияние на духовную. Но не только духовной стороной ограничивается воздействие религии; ее значение весьма велико и в экономике, и в политике, и в общественной жизни, да и сами научные открытия весьма часто зависят от веры ученого, от его религиозного мировоззрения.

Принято выделять следующие функции религии, указывающие и на ее огромную социокультурную значимость, и на специфику религиозного мировосприятия.

Мировоззренческая функция заключается в том, религия задает абсолютные ценностные критерии добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи, жизни и смерти, обеспечивая тем самым, смыслополагание и целеполагание всей человеческой деятельности. Религиозное мировоззрение отличается целостностью, устойчивостью и стабильностью, что отражается на формировании культурных традиций, обеспечивающих жизнестойкость социального организма.

Культуротранслирующая функция способствует развитию письменности, книгопечатания, искусства (и духовного и светского). Сакральные тексты мировых религий лежат в основе великих мировых культур, которые и развиваются как система комментариев и интерпретаций этих текстов. Так Библия, без преувеличения стала основой европейской культуры, поскольку философское, художественное, нравственное, научное ос-

¹ Бурлака Д.К. Метафизика культуры. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 38.

мысление ее текстов стало основополагающей деятельностью культурной элиты. Религиозные институты культуры в этом смысле есть институты образования, так как транслируют базовые ценности и знания, образуя фундамент социокультурной жизни общества.

Коммуникативная функция раскрывает специфику человеческого общения, в религиозной сфере проявляющегося особым образом. Литургическое общение – это общение людей, связанных единой верой в Бога, предполагающее видеть в нем не только «политического животное» или социальное существо, но «образ и подобие Божие». Отсюда и особое уважительное, благоговейное и милосердное отношение религиозных людей друг к другу.

Интегрирующая функция состоит в том, что религия может объединять людей не только по эмпирическим национальным (расовым, этнографическим, территориально-географическим) принципам, но и по духовным и нравственным. Это более высокий уровень интеграции, свидетельствующий о том, что не только «кровь и почва» имеют ценностное значение для человеческого бытия, но и дух.

Идентификационная функция проявляется в том, что религиозная идентификация является более высокой, прочной и стабильной, чем любая иная (национальная, партийная, классовая, психологическая и проч.). Человек, имеющий стойкую религиозную веру, всегда предпочтет ее другим детерминантам своего бытия (языковым, географическим, например).

Регулятивная функция состоит в том, что религия вырабатывает жесткую и однозначную систему моральных норм и оценок, которые позволяют осуществить подчас тотальный контроль сознания адептов той или иной религиозной общины. Эту функцию часто используется религиозными шарлатанами, создателями деструктивных сект и культов. Однако, в своем позитивном измерении эта функция свидетельствует о том, что нормативная функция религии – наиважнейшая.

Легитимирующая функция тесно связана с регулятивной и проявляется в узаконивании общественных порядков, институтов, норм как должных или, наоборот, утверждает неправомочность каких-либо из них. Это способствует социальной стабильности общественного организма, укреплению его политических, экономических, культурных связей.

Таким образом, в конкретной духовно-практической деятельности людей религиозное начало проявляет себя весьма существенным и значительным образом, оказывая огромное влияние практически на все стороны жизнедеятельности человека.

Однако неверно было бы сущность религиозного определять социокультурными функциями религии. В религии наиболее явно просвечивает и раскрывается *трансцендентное начало бытия*; именно оно является высшим идеалом, освящающим всю жизнь человека и придающим смысл и значение всей его деятельности (и практической в том числе).

Сущность религиозного мышления – тема весьма серьезная и давняя как для науки, так и для философии. В этом вопросе неизбежности крайности, которые очень часто имеет место в истории культуры. Проблему значительно осложняет то, какое мировоззрение у самого исследователя, каких ценностных ориентаций он придерживается. Поскольку религия – наиболее интимная сфера человеческого духа в исследовании этого феномена весьма трудно добиться какой-либо объективности. Так, значительные недостатки имеют место в религиоведении, исходящем из аксиоматически априорной нерелигиозности как условия «научной объективности». Религиозное чувство в этом случае трактуется весьма примитивно в категориях страха, немоги, зависимости, неразвитости человека, а религия предстает как совокупность пережитков и суеверий, которые должны неизбежно исчезнуть с ростом и прогрессом научного мировоззрения.

Такой подход, с той или иной степенью интенсивности, наиболее частая ошибка в подходе к религии. Исследователь в данном случае, не имея ни религиозного опыта, ни основанных на этом опыте знаний, делает весьма недалекие выводы о религии как о человеческом изобретении. Это в корне неверно, так как религия обнаруживает трансцендентное измерение бытия как реальное и в этом ее исключительная сила и значимость, совершенно непонятная светскому мировоззрению, основанному исключительно на научном (то есть земном, посюстороннем, эмпирическом восприятии).

С другой стороны, имеет место не критическая апология религии, разумеется, со стороны ее верующих ученых адептов. В этом случае все достижения человеческой культуры подвергаются необоснованной критике, и весьма часто отрицанию, в них усматривается лишь греховность, порочность и ненужность. Основанием для этого служат некоторые библейские сентенции, которые, при слишком прямолинейном восприятии, могут способствовать религиозной изоляции от мира человеческой культуры. Наиболее распространенные из таких сентенций следующие: «не любите мира, ни того, что в мире» (1 Ин. 2, 15) и мир «лежит во зле» (1 Ин. 5, 19). Смещение греха и мира приводит к отвержению мира. На это указывают и современные богословы: «В результате евангельские призывы отвергнуть мир (т. е. мир зла, греха) нередко стали восприниматься как призывы изолировать себя от окружающего мира, а уход из мира в уединенные места христианских подвижников – как их отрешенность от мира, сотворенного Богом, как забвение ими этого мира и безразличие к нему»².

Остановимся на некоторых воззрениях философов на природу религиозного мышления, позволяющих раскрыть некоторые существенные черты религиозного мировоззрения, избежав крайности позитивистского отрицания религии и религиозной ангажированности.

Русский философ и богослов С. Н. Булгаков в «Свете невечернем» определяет «основные категории религиозного суждения» и выясняет «в чем выражается своеобразие религиозного переживания?» Его ответ дает универсальный формальный критерий: «В религии устанавливается и переживается связь, связь человека с тем, что выше человека»³.

Это «выше человека» и есть его существеннейшая антропологическая черта – способность к трансцендированию, т. е. выходу за границы наличного существования. Именно этот выход – выход реальный, а не иллюзорный позволят человеку противостоять природе и осуществлять свое не просто выживание и приспособление к окружающей среде, но культуротворчество, которое совершенно нецелесообразно с точки зрения прагматики самосохранения. Сама культура – алиби трансцендентного в человеке и человеческой истории. Именно это рационально необъяснимое начало религии всегда и отмечалось ее серьезными аналитиками. И как раз для философии это представляет наиболее важный и существенный интерес в религии.

В широком смысле религиозность можно определить как способность «сверхчувственного ведения», «переживания священного», предполагающая широкий диапазон духовных практик – от благочестивой жизни до мистико-аскетических упражнений. Именно в этой способности реализуется истинное значение религии, закрепленное на уровне семантики (лат. *religare* – соединять, связывать). Религия в этом смысле – связь человека с высшим, сверхъестественным, в котором это высшее раскрывается как реальное.

Способность к трансцендированию, как важнейшая черта религиозного мировоззрения, порождает еще одну черту, вне которой религии нет как религии. Речь идет о двумерности человеческого бытия, которое в религиозном мировосприятии (в отличие от научного) решается однозначно в пользу иного мира (потусторонней реальности, Царства Божьего и т.д.). Религиозное в этом смысле – гипертрофированная трансцендентность, замкнутая на саму себя, в которой все иное (земное, природное, человеческое, естественное) служит лишь средством к достижению трансцендентной цели.

Именно эту особенность религиозного мировосприятия весьма убедительно и красноречиво показал русский философ С. Л. Франк в своей книге по христианской этике «Свет во тьме». О коренном, антиномичном, рационально непостижимом дуализме «мира» и «Царствия Небесного» как «основоположном факте христианского бытия» философ говорит следующее: «Благая весть по самому своему замыслу есть весть о «сокровище на небесах», незримом для земного взора и в обстановке чувственно данного облика человеческой жизни. Можно недоумевать, почему именно «мир», т. е. порядок видимой, земной жизни человека, остается как бы совершенно за пределами возвещенного и осуществленного Христом спасения – за пределами новой, блаженной, радостной жизни, – более того, почему «мир» оказывается сферой бытия, противостоящей и противоборст-

² О вере и нравственности по учению православной церкви. – М. : 1991. – С. 243.

³ Булгаков С. Н. Свет невечерний : Созерцания и умозрения. – М. : Республика, 1994. – С. 12.

вующей «царству Божию». Но нельзя отрицать самого факта, что Евангелие – благая весть – открыто признает неизбежность этого дуализма и прямо на него опирается, так что он входит в состав самого смысла благой вести»⁴.

Идея двумирности является основополагающей для христианского сознания: «Наша душа принадлежит сразу двум мирам, является участницей двух миров – «этого» и «того» мира»⁵.

Тем самым, Франк выявляет фундаментальный постулат христианского вероучения, который отличает его от научного мировоззрения, не знающего иного мира. Суть христианства в том, что оно знает два мира, но выбирает один, а научного в том, оно знает только один мир.

Сущность религиозного выразил очень точно Генрих Риккерт в своей работе «Философия жизни»: «Религиозный человек может видеть в религиозных ценностях лишь «абсолютные» ценности, стоящие выше всех иных. Он должен отвергнуть всякую мысль об укреплении их значимости подпорками из других ценностей. Более того, все ценности должны согласиться на то, чтобы их измеряли со стороны согласуемости их с религиозными ценностями, если они хотят обладать истинной значимостью. С другой стороны, правда, можно сказать, что религиозный человек в известном отношении ближе к живой жизни, чем нравственно-хотящий. Мы приходим здесь к максимуму близости к жизни, вообще доступной человеку культуры. Религия по существу своему противится ведь всякой специализации и всякому делению, и если она вообще религия, то она должна стремиться проникнуть собою всю жизнь. Так, исходя из религиозной сферы, доходим мы до наибольшей оценки жизни. Но здесь опять-таки речь идет не о голой жизни в ее жизненности; эта жизнь является лишь «внешней стороной» за ней стоящей потусторонней ценностной реальности, и эта посюсторонняя жизнь постольку лишь приобретает большое значение, поскольку она является «живой ризой божества». Живая жизнь в этом случае есть лишь символ совершенно иного, не живого уже, а сверхживого бытия. Если же «живым» называют божество, то тогда жизнь биолога нельзя уже будет назвать «живой». Жизнь эта перед лицом божества превращается в царство смерти. «Alle Pfade, die zum Leben führen, führen alle zum gewissen Grab». («Все тропы, ведущие к жизни, все ведут и к верной могиле»). Несмотря на наибольшую близость к жизни, религиозный человек менее всего может думать о возможности почерпнуть нужные ему ценности из живой, посюсторонней жизни. Говорить можно лишь о том, что лучи сверхживого, божественного проникают сиянием своим всю жизнь. И здесь не обойтись без дуализма жизни и божества. В соединении обоих в смысле религиозного «монизма» жизни можно верить, лишь ограничиваясь чувствительной мечтательностью или сознательно отказываясь от введения в веру свою разумной (begrifflich) ясности. Правда, и это может быть оправдано. Среди приверженцев этого религиозного «мировоззрения» встречаются выдающиеся умы. Они чувствуют, что религия не может быть без остатка переведена на язык понятий, и в этом они, конечно, правы. Но к науке или философии это уже не имеет никакого отношения и, значит, не может быть приведено в качестве аргумента против принципиального распада жизненных и религиозных ценностей. В конце концов религия выходит не только за пределы естественной, но и за пределы всей культурной жизни вообще. «Жизнь», в которой «живет» религиозный человек, имеет поэтому еще иное значение, чем неживая «жизнь» теоретического или эстетического человека в «смысле» науки или искусства. Всей посюсторонней жизни противопоставляется «вечная» жизнь, и лишь жизни, проникнутой этой «вечной» жизнью поклоняются там, где жизнь есть предмет религиозного почитания»⁶.

Евангелие наглядно демонстрирует, что главные цели и установки христианина определяются потусторонними целями существования. Вечная жизнь – это жизнь за гранью земного существования, поэтому ценности этого мира имеют относительный (временный, конечный) характер. Аскетическое отвержение мира наиболее сильно выражена

⁴ Франк С. Л. Свет во тьме : Опыт христианской этики и соц. Философии. – М. : Факториал, 1998. – С. 100.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Риккерт Г. Философия жизни. – Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. – С. 420.

в следующих словах апостола Иоанна: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Иоан. 2, 15-17).

Несмотря на то, что понятие «мир» здесь может трактоваться как мир зла и царство греха, а не как сотворенная Богом вселенная, и что слова апостола о том, что «весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19) служат не основанием для изоляции от него, а наоборот, призывом к его спасению и преобразению, в любом случае, мир рассматривается как средство для достижения абсолютной «неотмирной» цели – Царствия Небесного.

В основе христианского взгляда на мир лежит глубокая убежденность, что истинная жизнь – это не земная жизнь, а жизнь будущая. Не смотря на разную меру приближения духовной сущности христианства к миру (напр. в протестантизме она наибольшая), остается убежденность в приоритетности иной жизни, которая наступает «после смерти». Как бы ни относился к этому миру, он всегда является неполным, несовершенным, некоторым предварением, «школой», подготовкой для истинного состояния, которого нет сейчас, но которое обязательно наступит потом. Настоящее не самоценно, настоящее приобретает ценность лишь в свете будущего.

В этом отличие религиозного (христианского) мировосприятия от научного, которое не ищет иной жизни, видя в настоящей всю полноту бытия, требующее посильного человеческого участия в плане его постепенного и последовательного совершенствования. Иного мира нет и не нужно – такова суть научного мировоззрения. Но нельзя сказать, что христианство близко философскому миропониманию. Конечно, как и для религии для философии ценность этого мира не может быть абсолютной и непреходящей, и философ, так же как и христианин ищет иного. Но в отличие от религиозного человека, философ не знает того, чего ищет; религиозный же человек точно знает, что он ищет, как его нужно искать, где нужно искать, и когда оно наступит.

И в этом плане парадоксальным образом христианское вероучение весьма похоже на науку, которая также точно и достоверно знает, как нужно решать научные задачи. Философию в этом плане отличает от религии и науки именно эта неопределенность. Неудовлетворенность наличным – общее у философии и религии, значимость наличного – общее у философии и науки. Стремление к иному – общее у философии с христианством. Но незнание иного, не знание последней истины, страдание, тоска, и безутешный ее поиск – то, что отличает философию и религию.

Поэтому религиозная этика очень важна для людей, которые понимают ограниченность науки, ее неспособность удовлетворит духовные потребности человека в ином, но при этом, ищущих определенности и известности, то есть духовно-душевного комфорта. И такое утешение, такое спокойствие действительно может дать именно религия. В религии действительно, не иллюзорно, открывается реальность иного мира, реальность Царствия Божьего, но в свете которого мир земной блекнет и исчезает. Можно вспомнить слова русского философа Василия Розанова говорившего, что «мир прогорк во Христе». Это не значит, что философ ищет «языческой радости мира», но стремится к более глубокому проникновению в наличное бытие как бытие, в котором есть своя тайна, и которое не должно просто закончиться и исчезнуть. В этом плане правы те, которые говорят, что будь жизнь вечной, это ничего не решает по существу. Если мы не поймем смысла «конечности», как можно понять смысл вечности.

Согласно эсхатологическим и апокалипсическим установкам христианства «мир в огне сгорит», и на смену этого грешному, падшему миру придет «новое небо и новая земля», то есть абсолютно другой и иной мир. Значит, вместе с этим миром гибнет и тайна этого мира, и никакая иная тайна того, что будет, не может перекрыть того, что есть. Однако, философия не может согласиться с такой трактовкой и таким отношением к «этому» миру. Для нее важнее сохранение принципа двуединства миров, который сохраняется и в этой и в той жизни, и представляет собой как раз то сложное и трагическое задание, которое раскрывается в философском опыте.

Таким образом, при всей сложности, многомерности, противоречивости феномена религии мы выделяем две его характеристики, которые позволяют наиболее отчетливо и ясно представить своеобразие религиозного мировоззрения в его отличие от научного и

философского. Это, во-первых, трансцендентный характер религиозной онтологии и аксиологии, и, во-вторых, идея двоемирия, означающая для религиозного сознания абсолютную приоритетность иного (потустороннего, запредельного плана бытия) по сравнению с наличным, данным, который интерпретируется как неподлинный, подлежащий радикальному изменению через духовное преображение.

Список литературы

1. Бурлака Д.К. Метафизика культуры. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
2. О вере и нравственности по учению православной церкви. – М. : 1991.
3. Булгаков С. Н. Свет невечерний : Созерцания и умозрения. – М. : Республика, 1994.
4. Франк С. Л. Свет во тьме : Опыт христианской этики и социальной философии. – М. : Факториал, 1998.
5. Риккерт Г. Философия жизни. – Киев: Ника-Центр. – С. 1998.

TRANSCENDENCE AS AN ESSENCE OF RELIGION

I. O. NADTOCHY

Voronezh Forestry Academy

e-mail:

inad@yandex.ru

The article considers the peculiarity of the religion attitude. In the basement of it is found the transcendental source, which is the main purpose of human existence. Here it differs from science, which is bound with the empirical reality and also from the philosophy, which tries to understand both immanent and transcendental reality in their contradictory unity.

Key words: religion, culture, Christianity, transcendence, science, philosophy.

МЕСТО И РОЛЬ МНЕНИЯ В СТРУКТУРАХ ОБЪЯСНЕНИЯ И РЕФЕРЕНЦИИ

А. В. НЕХАЕВ

Омский танковый инженерный институт имени Маршала Советского Союза П.К. Кошевого

e-mail:
A_V_Nehaev@rambler.ru

В статье предлагается анализ такой особой познавательной формы, как мнение, артикулированной в виде некоторого осмысленного конечного множества высказываний – «доксе», имеющий целью прояснение места и роли мнения в структурах объяснения и референции.

Ключевые слова: мнение, докса, дискурсивная структура, объяснение, референция.

Мнение, или доксоморфный дискурс, трактуется как семиотический, или синтактико-семантический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик, которые осуществляются через язык, но не сводятся к его категориям, поскольку, хотя они и располагаются в языке, их отношение к языку носит перераспределительный, или деструктивно-конструктивный, характер¹. В этом случае, прежде всего, имеется в виду некоторый специфический способ или специфические условия организации языковой и познавательной деятельности, как письменной, так и устной, которые будучи опосредованными такой особой познавательной формой, как мнение, управляют сцеплением структур значения и обладают собственными правилами комбинации². При этом взятый в топологической перспективе, доксоморфный дискурс описывается некоторым конечным осмысленным множеством предложений – доксой.

Наиболее важным результатом логико-эпистемологического анализа такой особой познавательной формы, как мнение, является то, что он позволяет вскрыть важнейшую функцию доксы, состоящую в том, что помимо описания реальности, высказывания, составляющие некоторое конечное осмысленное множество – доксу – индивидуализируют или определяют некоторую «точку зрения», или «видение как...», способ описания реальности в целях ее интерпретации. Иными словами, докса с помощью такого логического компонента, как «точка зрения», индивидуализируют ту перспективу, в которой следует анализировать или рассматривать реальность. По сути, докса являясь элементом фигуративного среза языка, определяет принцип соединения элементов – высказываний, но не в целях воплощения некоего денотата, а в процессе выработки «знака-как-единичной-вещи-но-знака-многого», который не просто не существует до создания данной доксы – осмысленного множества высказываний, но и вообще не выступает вещественно стабильным прототипом или двойником каких бы то ни было реалий³, что, как следствие, и влечет возникновение парадоксальной ситуации «денотации без денотата», столь типичной для любого доксоморфного по своему характеру дискурса. Следует отметить, что *fictum*⁴, или вымысел, заключенный в любом мнении, есть не что иное, как фикционализованная реальность, соответственно, утверждения, составляющие любой доксоморфный дискурс, безусловно, не все в равной мере мнимы. Более того, вполне может оказаться так, что ни одно из них не является мнимым полностью – как например, в исторических нарративах, – а это означает приоритет принципа целостности, или «неделимости», над дискурсивностью в собственном значении

¹ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 400.

² Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика (сб. пер.) / А.Ж. Греймас, Ж. Курте. – М.: Радуга, 1983. – С. 483-493.

³ Франкастель П. Фигура и место: Визуальный порядок в эпоху Кватроченто / П. Франкастель. – СПб.: Наука, 2005. – С. 94.

⁴ Оккам У. Сочинения / У. Оккам. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 91-101.

этого термина, то есть последовательностью, что, как следствие, и обеспечивает анализируемую ситуацию, когда целое оказывается более фиктивным, нежели каждая из его частей по отдельности⁵.

Трактовка мнения как повествовательной структуры, артикулированной в процессе доксомофного дискурса и предназначенной быть знаком структур и процессов мира или фрагмента реальности в интересах объяснения, чем они являются, посредством предоставления способа их описания – «точки зрения», предполагает необходимость решения принципиальной проблемы, заключающейся в прояснении того, являются ли доксы операционально достаточными объяснительными моделями или нет?

Классической доктриной, исследующей структуры объяснения является «модель охватывающих законов». В соответствии с ней, объяснить какое-то явление означает применить определенную операцию к предложению, описывающему данное явление, выступающему в этом случае в качестве экспланандума, заключающуюся в выведении данного предложения из некоторого множества посылок, называемого экспланансом, которые, как считается, являются адекватной основой для рассматриваемого экспланандума. Именно это и позволяет сформулировать так называемое «предположение о дедукции», согласно которому логическое свойство выводимости из посылок должно рассматриваться как необходимое условие объяснения⁶. Все это в свою очередь, означает, что для объяснения некоторого сингулярного явления Ga должно быть принято некоторое общее суждение – $(x)(F(x) \supset G(x))$, согласно которому при прочих равных условиях сходных обстоятельства порождают сходные явления, а отсюда следует, что объяснить некоторое событие означает связать данное событие с каким-то условием посредством определенного общего, или «охватывающего», закона.

Если попытаться применить «модель охватывающих законов» к доксе, это будет означать, что когда доксогенты пытаются объяснить что-либо, например, какие-то события, то хотя они и не ссылаются прямо на определенные «охватывающие законы», тем не менее они всегда предполагают их существование, и как следствие, доксоморфные объяснения являются, по сути дела, энтимемами, то есть такими умозаключениями, в которых оказываются опущены некоторые из посылок. При этом несовершенство доксы как объяснения заключается и в том, в частности, что эти подразумеваемые «охватывающие законы» не могут быть сформулированы в категорической форме, и именно поэтому если под «объяснением» понимается дедуктивное выведение экспланандума из эксплананса, содержащего признанные «охватывающие законы», то, строго говоря, утверждение, согласно которому, доксогенты объясняют события, является некорректным. Однако данное утверждение вполне можно переформулировать, отметив, что, хотя «доксоморфные объяснения» и не являются объяснениями в собственном смысле этого слова, их можно рассматривать как гемпелевские «наброски объяснений», то есть в «доксоморфных объяснениях» уже отмечены те места, на которые со временем будут вставлены соответствующие объясняющие законы, что позволит этим «наброскам» стать вполне удовлетворительными объяснениями. Тем не менее, несмотря на кажущуюся на первый взгляд, уместность и возможность применения «модели охватывающих законов» к анализу такого осмысленного конечного множества высказываний, как докса, подобного рода анализ не позволяет адекватно вскрыть значение доксы как объяснения. Несомненно, в «доксоморфных объяснениях» обычно стремятся найти причины некоторого события или, иными словами, утверждать, что какое-то условие ϕ причинно обуславливает событие ψ , что, соответственно, означает признание существования некоторого общего закона, гласящего, что ϕ -подобные события влекут за собой ψ -подобные события. Однако является ли необходимым условием для превращения данного «доксоморфного объяснения» в подлинное объяснение только то, что в него должна быть вставлена формулировка соответствующего общего закона?

⁵ Женетт Ж. Вымысел и слог // Фигуры в 2 т / Ж. Женетт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – С. 342-451.

⁶ Гемпель К. Логика объяснения / К. Гемпель. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – С.89-146.

Следует отметить, что необходимый общий закон вполне может носить вероятностный характер, иными словами, вполне можно утверждать, что произошло событие φ и произошло событие ψ , и, как следствие, считать вероятным то, что именно событие φ причинно обуславливает событие ψ , поскольку φ -подобные и ψ -подобные события часто появляются вместе. Если допустить, что известны случаи, когда ψ -подобному событию не предшествовало φ -подобное событие, хотя в большинстве случаев связь между ними имеется, то, используя подобного рода вероятностный закон, оказывается невозможно из предложения, описывающего событие φ , строго вывести, или дедуцировать, предложение, описывающее событие ψ . В этом случае отсутствуют адекватные основания для экспланандума – предложения, описывающего событие ψ , ибо логически вполне возможно, что данное предложение ложно, в то время как предложение, описывающее событие φ , и соответствующий вероятностный закон являются истинными, а отсюда, следовательно, оказывается принципиально невозможным получить объяснение событию ψ , даже если сформулировать подразумеваемый вероятностный закон в явном виде.

Таким образом, необходимо отметить, что главная слабость «модели охватывающих законов», – а впрочем, и любых других подобного рода моделей, стремящихся усмотреть в процессе познания, детерминированного посредством такой особой познавательной формы, как мнение, некоторого рода эквивалент или аналог номотетико-дедуктивной, то есть «научной», формы знания, – состоит в том, что эта модель не предъявляет никаких особых требований к содержанию предложений, в которые облекается данное познание. Иными словами, содержание предложений должно быть таковым, чтобы можно было установить между ними дедуктивную связь посредством некоторых общих утверждений, то есть, соответственно, для сторонников подобного рода моделей содержание предложений является чем-то вроде переменной, вместо которой можно подставить все что угодно, лишь бы при этом не нарушалась дедуктивная структура. По сути, именно подобного рода игнорирование сторонниками номотетико-дедуктивных форм познания, и в частности «модели охватывающих законов», того факта, что любое объяснение всегда дается при определенном описании, является основной причиной, которая до сих пор никак не позволяет подогнать удовлетворительным образом доксу под требования «модели охватывающих законов». Иными словами, хотя это и тривиально, но явления или события как таковые ни когда не объясняются, поскольку объяснять можно только такие явления или события, которым дано определенное описание. Отсюда вполне очевидно то, что имеются как экспланандумы, которые логически предполагают общие законы, и так и экспланандумы, которые этого не делают. Именно поэтому решение вопроса о том, включать или не включать в эксплананс общие законы, всегда будет зависеть от некоторого исходного описания явления или события, которое подвергается объяснению⁷.

Все это позволяет сделать одно важное утверждение, согласно которому, объяснение какого-то явления или события всегда относительно, поскольку оно всегда связано с определенным описанием данного явления или события, то есть, по сути, когда дается объяснение некоторому ψ -подобному явлению или событию, представленному вполне определенным доксоморфным описанием Δ_n , то всегда можно найти другое доксоморфное описание Δ_{n+1} этого явления или события, при котором первоначальное объяснение, например, посредством определенного φ -подобного явления или события, предполагаемое доксоморфным описанием Δ_n , уже не сможет выполнять своей функции. Следовательно, в том случае, если имеется бесконечно много возможных доксоморфных описаний – « $\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n, \Delta_{n+1}, \dots$ » – некоторого ψ -подобного явления или события, которое являясь, по сути, «мнимым» предметом – *fictum* – и допускает эту множественность доксоморфных описаний, то может существовать бесконечно много разных объяснений этого « ψ -подобного» явления или события, и даже более того, могут существовать такие доксоморфные описания данного явления или события, при которых его вообще нельзя объяснить.

Теперь, если обратиться к рассмотрению доксы в ее собственной перспективе, то есть поставить вопрос о свойствах доксы как объяснения, следует отметить, что любая докса, имплицитно содержащая «точку зрения», как особая познавательная форма, безусловно, является, хотя и в своем особом смысле, попыткой объяснения мира, а точнее

⁷ Данто А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 110-138.

фрагмента реальности, то есть некоторых вполне определенных аспектов или тех положений дел, которые реально имеют в нем место, хотя при этом необходимо помнить, что сами эти явления объясняются не как таковые, а всегда в том описании, которое им было дано, по сути, посредством доксы, мы не познаем из фактических вещей ничего, чего бы мы прежде не предопределили им имплицитно содержащейся в ней «точкой зрения»⁸.

Все это означает, что когда вопрос об «объяснительной силе» доксы ставится корректно, предметом обсуждения в этом случае является то, почему нам следует принимать доксоморфное описание мира или фрагмента реальности, а именно является ли логическая форма доксоморфного «объяснения» такой, что ее нельзя не принять. Приняв это во внимание, поиск «объяснительной силы» доксы следует сводить к вопросу о принципе необходимости в доксе: может ли быть вполне определенная докса – Δ_n – иной, чем она есть на самом деле, оставаясь при этом той же самой доксой – Δ_n . Иными словами, если бы «точка зрения», имплицитно содержащаяся в доксе Δ_n , рассматриваемая как некоторого рода лингвистический прием, используемый доксогентом для «объяснения» мира или фрагмента реальности, состояла из какого-либо другого ансамбля или совокупности высказываний, а не из того, из которого она действительно состоит, оставаясь, по сути, той же самой «точкой зрения», то нельзя было бы испытывать уверенность в «объяснительной силе» данной «точки зрения», поскольку тогда разные множества высказываний соответствовали бы разным аспектам мира, но если «точка зрения» «объясняет» разные миры, то она не «объясняет» никакого мира, хотя доксы, имплицитно содержащие «точки зрения», и должны «объяснять» мир, соответствуя в этом своему статусу познавательной формы.

Следует отметить, что невозможно никакое допущение неопределенности в отношении того, каковы свойства содержащихся в них «точек зрения», то есть того, какие выражающие их ансамбли или совокупности высказываний они содержат – «точки зрения» всегда должны быть тем, чем они являются, но то, что любая «точка зрения» может быть индивидуализирована полностью и вполне однозначно только посредством перечисления всех своих свойств, то есть всеми высказываниями, которые она действительно содержит, дает все основания для утверждения о том, что «точка зрения» не может быть иной, не переставая быть той же самой «точкой зрения», какой она является, поскольку, как только опускается или добавляется даже одно-единственное высказывание, «точка зрения» перестает быть тем, чем она была⁹. Таким образом, когда мир или фрагмент реальности получает то или иное доксоморфное описание, выражающее определенную «точку зрения», то можно сказать, что мир или фрагмент реальности получает «объяснение», поскольку «точки зрения», представляющие такое «объяснение», не могли бы быть иными, хотя то, что получает в них «объяснение», то есть мир или фрагмент реальности, могли бы быть другими, иными словами, здесь не следует смешивать логическую структуру доксоморфного «объяснения»¹⁰, которая не могла бы

⁸ В качестве историко-философского основания данного утверждения следует указать схоластический тезис, отстаиваемый Дунсом Скотом, согласно которому: «...главный вывод о разуме и воле Божией заключается в следующем: разум первого [сущего] разумеет всегда, и в отчетливом акте, и с необходимостью любое умопостигаемое естественным образом прежде, нежели это умопостигаемое существует в себе...». Иоанн Дунс Скот. Избранное / Иоанн Дунс Скот. – М.: Изд-во Францисканцев, 2001. – С.229. В целом следует отметить, что для Дунса Скота характерно смещение акцента от абстрактно-всеобщего бытия к бытию индивидуальному как наиболее совершенному, в связи с чем он даже вводит специальное понятие «*haec seitas*», которое призвано характеризовать не класс предметов, а данную единичную – «эту» вещь: «...этовость не может пониматься как нечто универсальное, поэтому она не заключает в себе и природу вида, поскольку данная этовость сама по себе есть "эта вот"...». Там же. – С. 437. Позднее линия рассуждений Иоанна Дунса Скота была поддержана в трансцендентальной философии И. Канта, отстаивающего, что «...мы *a priori* познаем о вещах лишь, то, что вложено в них нами самими». Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – С. 19.

⁹ Иными словами, если кто-либо имеет перед собой только «часть» какой-нибудь «точки зрения», например, именуемой Δ_n , он на самом деле имеет перед собой другую «точку зрения» – Δ_n' .

¹⁰ Следует указать, что если принять во внимание чисто логические аргументы в пользу доксоморфных «объяснений», сформулированных при помощи вполне определенных «точек зрения», и признать доксу *корректным* типом «объяснения», то вполне можно согласиться с утверждениями о том, что мир или фрагменты реальности можно «объяснять», вовсе не прибегая явным или неявным образом к общим высказываниям, выражающим законы, что, в свою очередь, позволяет установить четкую

быть другой, не переставая быть той же самой, с тем, что получает объяснение, поскольку, безусловно, мир или его фрагменты могли бы быть другими.

По сути, стремление выходить за рамки чисто логической структуры доксы при ее анализе является следствием явной или неявной склонности трактовать доксу как простую конъюнкцию высказываний, то есть лингвистическую «проекцию» или «копию» некоторого предмета, отвергая возможность введения «точки зрения» посредством доксы и, как следствие, избыточность самого этого понятия, и опирающейся при рассмотрении данной проблемы на аналогию с тем, как вводятся в речь обычные отдельные вещи, существующие во внеязыковой реальности, что обычно делается посредством имен собственных и идентифицирующих дескрипций. Ведь действительно, в последнем случае кажется немислимым, чтобы можно было ввести в речь некоторый вполне конкретный индивид, который не обладает самостоятельным существованием, то есть существованием, независимым от процедуры, необходимой для его идентификации. Однако в отношении «точек зрения» невозможно утверждать существование реальности, независимой от докс, в которых они имплицитно содержатся. Иными словами, необходимо всегда иметь в виду, что все существующие об этом мире «точки зрения» и вполне определенные «точки зрения», имплицитно содержащиеся в доксах, являются во всех отношениях – и логически, и онтологически – тождественными, в то время как имена собственные и идентифицирующие дескрипции, позволяющие релевантно вводить в тот или иной дискурс существующие в реальности вещи, действительно отличаются – как логически, так и онтологически – от самих этих вещей.

В целом все это имеет своим следствием то, что, когда анализируется проблема того, как конкретные «точки зрения» могут вводиться при посредстве доксы в речь, нельзя представлять себе некоторый «дополнительный» мир, подобный либо объективной реальности, либо «третьему миру» Поппера, либо «миру идей» Платона, содержащих некоторое число определенных или конкретных объектов, введение которых в речь создает «точки зрения», поскольку именно в этом случае, в полном соответствии с «бритвой Оккама» – *pluralitas non est ponenda sine necessitate*¹¹, в противовес тем, кто всегда ищет за рамками доксы, рассматриваемой им как простая конъюнкция высказываний, нечто такое, что соответствовало бы ее логическим компонентам, то есть имплицитно содержащимся в ней «точкам зрения», хотя это принципиально игнорирует особую природу логических компонентов доксы, так как «точки зрения» относятся к той странной категории структур, которые *per se* тождественны своим языковым проявлениям, а процесс их построения в качестве отдельных и различных структур тождественен процедуре их индивидуализации – раскрытию посредством предикатов тех свойств, которые уже с необходимостью содержатся в субъекте. Таким образом, в отличие от обычных вещей, существование которых проходит за рамками самого языка, «точки зрения» обязаны своим существованием исключительно только доксам, в которых они и играют свою роль. При этом «точки зрения», но – и это очень важно – не их имена собственные имеют особый самореференциальный характер.

Следует отметить, что проблема референции уже давно привлекла внимание философов, хотя они главным образом занимались референцией предложений, а не суждений или высказываний. В целом все имеющиеся исследования, посвященные проблеме референции, можно условно разделить на две традиции: фрегеанскую и постфрегеанскую. Так, согласно взглядам традиции, основателем которой следует признать Г. Фреге, все предложения обозначают 'истину' или 'ложь'. Этот вывод Фреге, сделанный им при анализе языка, опирается на его трехчленную семантику: определенный знаковый комплекс, смысл знаков – *Sinn*, значение знаков – *Bedeutung*, – при этом природа смысла

взаимосвязь основных утверждений доксологии и историзма, среди крупнейших представителей которого следует отметить Ф. Майнеке и Э. Трельча. Подробнее см.: Майнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Майнеке. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004; Трельч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – М.: Юрист, 1994. Так, в частности, уникальность – *Einmaligkeit*, которую представители историзма всегда приписывали периодам, событиям или людям прошлого, несомненно, является неотъемлемой чертой любой «точки зрения», и, соответственно, в целом доксоморфного описания мира.

¹¹ Множественность не следует допускать без необходимости. – (лат.).

состоит в том, чтобы детерминировать референт¹². Сам факт, что смысл имеет идеальный статус, позволяет Фреге провести четкое различие между схватыванием самого смысла и представлением, сопутствующим этому схватыванию, всевозможных ментальных образов, имеющих психологически субъективный, сиюминутный характер. Таким образом, смысл в отношении к самостоятельной мировой предметности представляет собой способ тематизации обсуждаемого предмета, то есть простое принятие предмета во внимание каким-либо особым способом. Отсюда становится совершенно понятно, почему смысл индифферентен по отношению к решению вопроса о реальном существовании или несуществовании сформированных посредством этого смысла предметов, то есть для Фреге сам смысл знакового комплекса не может быть описан как истинный или ложный, он также принимается во внимание как нейтральная данность¹³. Такая позиция Фреге во взглядах на язык позволила ему указать первоначальной задачей для любого философского исследования анализ смыслов, ведь до тех пор, пока, как считает Фреге, не достигнут хотя бы удовлетворительный анализ смыслов соответствующих выражений, нельзя ставить вопросы об оправдании и об истине, поскольку в этом случае остается неясность относительно того, что следует пытаться оправдать или истинность чего следует пытаться освидетельствовать.

Вслед за Фреге серьезный поворот в трактовке проблемы референции, но в русле уже постфрегеанской традиции аналитической философии, был осуществлен исследованиями Б. Рассела, устранившего из фрегеанской семантики тот самый медиальный элемент, который фиксирует мир в качестве имманентной данности в языке и которым для Фреге являлся смысл – *Sinn*. Вместо четкого фрегеанского различия *Sinn* и *Bedeutung* Рассел вводит единое, понимаемое явно натуралистическим образом – *meaning*, или значение, и хотя, безусловно, важную роль в семантике Рассела играет термин «пропозиции» – *proposition*, обозначающий для него структурное единство полного предложения, которое состоит из своих конститuentов – что, кстати, более или менее соответствует фрегеанскому понятию «мысль», то есть *Gedanke*, используемого Фреге для обозначения смысла сложного выражения, являющегося при этом полным предложением, – но, тем не менее, в том случае, когда один из синтаксических элементов предложения является именем собственным, тогда, по Расселу, конститuentом пропозиции будет не смысл, то есть *Sinn*, как у Фреге, а значение – *meaning*, то есть сам предмет реального мира, что для Фреге было бы совершенно неприемлемым, поскольку в этом случае в идеальную сферу, какой для него является смысл – *Sinn* или мысль – *Gedanke*, вдруг попадают реальные вещи. Иными словами, двучленная семантика Рассела напрямую связала язык и мир реальных вещей, что должно было позволить непосредственно «иметь дело с самим этим миром», а это, по сути, является пусть и в сильно измененной форме, но возвратом к дофрегеанской традиционной трактовке референции, отстаиваемой еще Дж. С. Миллем, считавшим, что мир предстает перед нами уже разделенным на предметы и все, что мы должны сделать – это научиться прикреплять определенный ярлык к определенному предмету¹⁴.

Принципиальное расхождение Фреге с Расселом состояло в том, что Фреге, отступая от корреспондентной теории истины, утверждал, что мы не можем схватить мир кроме как посредством смысла предложений и что, подобно именам собственным, предложения имеют как смысл – суждение, выраженное в предложении, так и референцию – истина или ложь, в то время как Рассел не проводил различия между смыслом и референтом, когда он рассматривал подлинные имена собственные, поскольку именно

¹² Фреге Г. Логика и логическая семантика / Г. Фреге. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 230–246, 326–34.

¹³ Немного позднее позицию, очень близкую взглядам Фреге, сформулировал Карнап, интерпретируя в своей концепции смысл как формулировку истинностных условий предложений. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап // Вестник Московского Университета. Сер.7. Философия. 1993. – № 6. – С.11–26.

¹⁴ Хотя необходимо отметить, что взгляды Рассела на проблему референции в этом смысле, разумеется, не являются простым дериватом миллевской позиции. Так, он отнюдь не случайно избегает именно миллевских терминов «означает» – *signify*, или «обозначает» – *denote*, используя вместо них слова «выражает» – *express*, или «является символом для...», поскольку, как полагает Рассел, отношения между предложением и фактом, то есть акты референции, совершенно отличны от тех, которые имеют место между именем и именуемой вещью.

meaning – значение имени собственного, то есть сам предмет, на который имя указывает, являлся для него действительным конституэнтном пропозиции, что собственно только и позволяло напрямую связать язык и мир¹⁵. Взгляды Рассела на референцию были также подкреплены появлением в русле аналитической философии «антименталистского направления» Х. Патнэма и С.А. Крипке, которые подвергли острой критике Фреге именно за его утверждения о том, что смысл языкового выражения определяет его предметное значение, или референцию, а это значит, что референтом слова будет тот объект, который удовлетворяет характеристикам, включенным в смысл этого слова, или, иными словами, удовлетворяет тем дескрипциям, которые связываются с данным словом. В противовес фрегеанскому взгляду на референцию «антименталисты» утверждают, что референция важнейших категорий языка: имен собственных, терминов естественных видов и индексальных выражений, устанавливается без посредства смысла, при этом следует отметить, что критика понятия «смысл» не в последнюю очередь связана с трудностью его анализа логико-математическими методами, а также сложностью его выражения в формализованном виде, но в целом «антиментализм» является несколько измененной, а именно привлекающей новые средства аргументации, попыткой представления отношения между языком и миром как прямого, не опосредованного никакими ментальными сущностями¹⁶. Так, если согласно фрегеанской теории имен собственных смысл определяет референцию, то Крипке переворачивает это отношение, утверждая, что имена собственные не могут иметь смысла, поскольку то, что приписывается референту имени собственного его смыслом, может и не быть истинным, аргументируя затем это посредством привлечения логики возможных миров [10, с. 151-183]. Однако примечательно, что, несмотря на все это, в русле аналитической философии произошел возврат и к фрегеанской трехчленной семантической конструкции, сторонником которой следует указать В. Куайна, который в противовес «нестрогой семантике» Рассела настаивает на четком различении между *meaning* и *reference*, в этом случае *meaning* уже обозначает похожий на фрегеанский медиальный элемент. Таким образом, в противовес Расселу, согласно взглядам Куайна, язык отсылает не к абсолютной реальности, а к некоторой промежуточной структуре в субъектно-объектном процессе познания – к универсуму рассуждений¹⁷.

Однако необходимо отметить, что при всем многообразии направлений и позиций, представленных в рамках обеих традиций, занимающихся проблемами теории референции, ни одна из вышеперечисленных, в случае ее использования применительно к такой познавательной форме, как докса, не позволяет удовлетворительно решить вопрос об их референции. Так, взгляды, отстаиваемые Расселом и «антименталистами», по сути своей, основываются на доктрине, признающей язык – «зеркалом реальности», и, соответственно, не могут использоваться при анализе доксы, то есть такого конечного осмысленного множества высказываний, несомненно, представляющего собой «нечто» большее, чем простую конъюнкцию высказываний, а именно данное «нечто» состоит в том, что любая докса имплицитно содержит определенную «точку зрения», – и это, безусловно, противоречит взглядам Рассела и «антименталистов», поскольку, необходимо отметить, что в той мере, в какой можно говорить о существовании когнитивной связи между «точками зрения» и миром, направление этой связи всегда определяется высказываниями, содержащимися в доксе. По сути, для Рассела, а также других сторонников постфрегеанской традиции, признававшего, что каждое осмысленное суждение, содержащееся в предложении, должно быть либо истинным, либо ложным, тем не менее все конечные совокупности предложений, выражающие некоторые множества высказываний, то есть доксы, являются ложными, поскольку, согласно его знаменитой теории дескрипций, специально разработанной для анализа предложений, значение которых было ясно и по-

¹⁵ Рассел Б. Исследование значения и истины / Б. Рассел. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999; Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование / Б. Рассел. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002.

¹⁶ Патнэм Х. Философия сознания / Х. Патнэм. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 146-235.

¹⁷ Куайн В. Слово и объект / В. Куайн. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 102-183; Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание / Н. Гудмен. – М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – С. 339-362.

нятно, но при этом которым трудно было приписать истинностную оценку, так как данные предложения, казалось, предполагали реальное существование тех объектов, к которым относились их термины, стоящие на месте субъекта, хотя такие объекты не существовали, ведь всем таким предложениям и их естественным контрадикторным противоположностями, сохраняя в то же время принцип непротиворечия, необходимо приписать оценку «ложь». Иными словами, для Рассела все предложения, составляющие любого рода систему, в частности, такую, как доксоморфный дискурс, в которых субъектом является единственный термин, не имеющий референта являются ложными¹⁸.

Не является плодотворной и фрегеанская позиция во взглядах на референцию, так как в том случае, если встать на позицию Фреге, то все приемлемые доксы, а следовательно, и имплицитно содержащиеся в них «точки зрения», каковы бы ни были их различия, обозначали бы одну и ту же вещь – «истину», что, безусловно, не может быть признано удовлетворительным решением, а помимо этого, позволяет осознать в целом неприемлемость критерия истинности для оценки доксы, равно как и необходимость выработки другого критерия, который бы учитывал специфику мнения как особой познавательной формы. По сути, в отношении такой особой познавательной формы, как мнение, не может быть поставлен вопрос об истинностном ее значении, то есть, по сути, спрашивать о том, является ли то или иное мнение истинным или ложным, нельзя, так как здесь вовсе не следует забывать, что те фикциональные высказывания, которые составляют некоторое вполне определенное осмысленное конечное множество – доксу, не являются ни истинными, ни ложными, как, впрочем, не являются истинными и ложными одновременно, но лишь возможными, а это, как следствие, означает, что мнение «...либо лежит по ту сторону истинного и ложного, либо же никогда не достигает их различия»¹⁹.

Таким образом, следует признать особый самореференциальный статус «точки зрения», поскольку относительно только имен собственных «точек зрения», если они таковые имеют, можно согласиться с тем, что они обозначают те «точки зрения», которые именуют, но сами «точки зрения» не имеют в качестве своего референта мир или его фрагменты, то есть, выражаясь метафорически, указать «точку зрения» не значит «направить назад к реальности», что является сутью всех актов референции, но, напротив, это означает «извлечь оттуда». «Точки зрения» имеют свою онтологическую привязку не в вещах, существующих отдельно от них во внеязыковой реальности, как в случае компонентов высказывания – субъекта и предиката, но единственно и исключительно в себе самих, то есть, по сути, «точки зрения» не могут быть использованы для выражения каких-либо истинных высказываний о других вещах²⁰. Способность «точек зрения» поглощать высказывания, включаемые доксогентом в свою доксу, объясняет также и особый кумулятивный характер доксоморфного дискурса: «точки зрения» постоянно накапливают содержание, но делают это совсем не так, как в случае использования языка в процессе дедуктивной аргументации, где заключение в дедуктивном рассуждении обычно содержит меньше, чем его посылки, и никогда не больше, в то время как доксоморфный дискурс, напротив, прибавляет к своему первоначальному запасу все высказывания, которые включаются доксогентом в свою доксу, преобразуя их в высказывания о «точке зрения», и как только множество высказываний становится настолько сложным, или, точнее, становится осмысленным, так что его содержание уже нельзя свести к сумме значений составляющих его отдельных высказываний, в доксах возникают «точки зрения».

¹⁸ Рассел Б. Введение в математическую философию / Б. Рассел. – М.: Сибирское университетское издательство, 2007. – С. 191-201.

¹⁹ Женетт Ж. Указ. соч. – С. 351.

²⁰ Подобно тому, как система координат не может быть истинной или ложной относительно мира, рассматриваемого с ее помощью, ведь она есть некий инвариант – лишь одна из бесконечного числа возможных систем рассмотрения. Так, в частности, Н. Гудмен полагает, что сравнение описаний мира с самой «реальностью» неосуществимо, а возможно лишь сравнение одних версий описания мира с другими, и вместо классического понятия истины как корреспонденции он вводит понятие правильности как соответствия убеждениям и принципам той или иной системы описания. Подробнее см.: Гудмен Н. Указ. соч. – С. 116-256. Следует отметить также, что к аналогичным результатам пришел и Ф. Анкерсмит в процессе проведения детального семантического анализа языка историков. Подробнее см.: Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит. – М.: Идея-Пресс, 2003.

Список литературы

1. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
2. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика (сб. пер.) – М.: Радуга, 1983. – С.483-550.
3. Франкастель П. Фигура и место: Визуальный порядок в эпоху Кватроченто. – СПб.: Наука, 2005. – 338 с.
4. Оккам У. Сочинения. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
5. Женетт Ж. Вымысел и слог // Фигуры в 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – С.342-451.
6. Гемпель К. Логика объяснения. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – 240 с.
7. Данто А. Аналитическая философия истории. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 292 с.
8. Иоанн Дунс Скот. Избранное. – М.: Изд-во Францисканцев, 2001. – 586 с.
9. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
10. Майнеке Ф. Возникновение историзма. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 480 с.
11. Трельч Э. Историзм и его проблемы. – М.: Юрист, 1994. – 719 с.
12. Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
13. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского Университета. Сер.7. Философия. 1993. – № 6. – С.11-26.
14. Рассел Б. Исследование значения и истины. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 400 с.
15. Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 7-22.
16. Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.
17. Крипке С.А. Очерк теории истины // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С.151-183.
18. Куайн В. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – 386 с.
19. Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание. – М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – 376 с.
20. Рассел Б. Введение в математическую философию. – М.: Сибирское университетское издательство, 2007. – 262 с.
21. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.

PLACE AND ROLE OF OPINION IN STRUCTURES OF THE EXPLANATION AND REFERENCE

A. V. NEKHAEV

*Omsk tank engineering
institute after P.K. Koshevoy*

e-mail:

A_V_Nehaev@rambler.ru

The article offers the analysis of such special cognitive form as the opinion articulated as an intelligent final set of statements – «doxa». The given analysis having for an object clearing of a place and a role of opinion in structures an explanation and reference.

Key words: opinion, doxa, discursive structure, explanation, reference.

УДК 347.44:330.322.3

ПОНЯТИЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ¹

А. П. ПЕРЕСЫПКИН¹⁾**В. Ю. ТУРАНИН²⁾****А. А. БЕЛЕЦКАЯ³⁾***Белгородский
государственный
университет*¹⁾ e-mail:*ViceRectorScience@bsu.edu.ru*²⁾ e-mail: *turanin@mail.ru*³⁾ e-mail:*asenka12@rambler.ru*

Статья посвящена анализу понятийных проблем, возникающих в сфере инновационной деятельности и связанных с ней правоотношений. Особое внимание уделено анализу федерального и регионального законодательства, регулирующего инновационную деятельность.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, инновационная политика, инновационные правоотношения.

В настоящее время на законодательном уровне не разработаны функциональные механизмы, опосредующие отношения между субъектами инновационного процесса, защиты прав на результаты инновационной деятельности. Поэтому совершенствование инновационного законодательства, внедрение комплексного системного подхода, является значимой и актуальной задачей. Отсутствие необходимого юридического обеспечения, законодательно закрепленных дефиниций основных понятий служит сдерживающим фактором в разработке современных инновационных проектов и формирует рассматриваемую проблему.

Рассмотрение существующих понятийных проблем, возникающих в сфере инновационных правоотношений, следует начать с исследования ключевого понятия – «инновация». Термин «innovatio» представляет собой синтез двух слов: investio – «вложение» и novatio – «обновление». Инновация создается в результате исследований и открытий, материализуя научные и практические решения. Её основное свойство – новизна, которая оценивается как по техническим параметрам, так и с позиций рынка по коммерческой результативности. В привычном для нас понимании новизна определяется совокупностью свойств, характеризующих радикальность изменений объекта. Инновация – это нововведение, которое качественно повышает эффективность действующей системы. Таким образом, в настоящее время понятие «инновация» обладает двумя значениями:

во-первых, это новшество, т.е. новый или усовершенствованный продукт, технология, услуга, внедренные в производственно-хозяйственной деятельности, потреблении, общественной жизни;

во-вторых, это процесс осуществления изменений или внедрения новшеств.

Относительно истории возникновения термина «инновация», хотелось бы отметить, что первое описание инновационных процессов использовал И. Шумпетер в работе «Теория экономического развития»². Однако тогда речь шла не столько об инновациях, сколько о «новых комбинациях» изменений в развитии. Позднее, в 30-х годах, И. Шумпетер уже использовал понятие «инновация», подразумевая под ним изменение с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности. Следовательно, применение этого термина началось в экономической теории.

Правоведы также пытаются определиться в понятии «инновация». Так, по мнению И.В. Кондаковой, инновация представляет собой преобразование новации в товар,

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (государственный контракт № 14.740.11.0554 от 05.10.2010 г.)

² Шумпетер И. Теория экономического развития. – М., 1982. С. 195.

который характеризуется новизной, пользуется спросом и включается в экономико-правовой оборот. Специфической чертой инновации является то, что она не является предметом материального мира, ее невозможно коснуться или физически измерить. Материальным является лишь ее носитель – документ, опытный образец и т.д., который регулируется правом.

Не вызывает сомнения тот факт, что нововведение должно быть защищено в соответствующей юридической форме объемом авторских прав или прав промышленной собственности, то есть стать объектом интеллектуальной собственности, для того чтобы свободно обращаться на рынке и дать возможность правовладельцу распоряжаться как самой инновацией, так и прибылью от ее использования.

Мы солидарны с мнением Г.Г. Азгальдова и А.В. Костина о том, что положение с однозначностью понимания и толкования понятия «инновация» остаётся совершенно неудовлетворительным. В частности, оно толкуется просто как калька с английского «innovation» (нововведение). А также: как такое нововведение, которое связано с новой техникой или технологией; как нововведение, обеспечивающее достижение мирового уровня выпускаемой продукции; как нововведение, достойное патентования³. Отметим, что официальной трактовки данного понятия на уровне федерального законодательства до сих пор нет.

В связи с отсутствием правовой определенности, возникает неопределенность с включением в содержание данного понятия тех или иных объектов. Так Г.Я. Гольдштейн отмечает, что только 10% инноваций (по опросам 700 английских компаний) были по настоящему новыми, а 20% – лишь новыми версиями товаров⁴.

С понятием «инновация» тесно связано другое понятие – «инновационная деятельность». Инновационная деятельность, в широком смысле, предполагает реализацию мероприятий по созданию, приобретению, освоению и распространению новых и усовершенствованных видов продукции, услуг, технологий, сырья и материалов, методов организации производства и управления.

На наш взгляд, инновационная деятельность – это такой социально-техно-экономический процесс, который через выявление общественных потребностей приводит к разработке инновационной продукции, практическое использование которой способствует развитию социально-экономической системы, и позволяет этому новшеству удовлетворять вызвавшую его общественную потребность.

В отношении понятия «инновационная политика» имеется такая же правовая неопределенность. Законодательство оперирует лишь термином – государственная научно-техническая политика (ст. 2 Федерального Закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»).

Отметим, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 г., поставлена первоочередная задача, связанная с тем, что Российская Федерация, наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности, должна сосредоточить свои усилия и ресурсы на экономическом росте, который достигается, прежде всего, путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал⁵.

Для реализации этой первоочередной задачи нужны как теоретические разработки, направленные на описание и разъяснение инновационной политики в России, так и их практическое воплощение – прежде всего, специальный федеральный закон, регулирующий инновационную деятельность. Необходим и четкий механизм применения разработанных правовых норм на различных уровнях власти.

По нашему мнению, определения понятий «инновация», «инновационная деятельность» и «инновационная политика» должны быть закреплены в данном федеральном законе.

³ Азгальдов Г.Г., Костин А.В. Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия // Экономические стратегии, 2008. – №2. – С.163-164.

⁴ Гольдштейн Г. Я. Инновационный менеджмент. – Таганрог, 1998. С.87.

⁵ Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

Что касается регионального законодательства, то практически все законы субъектов Российской Федерации, регулирующие сферу инноваций, закрепляют понятия «инновация», «инновационная деятельность», «инновационная политика».

В частности Закон Белгородской области «Об инновационной деятельности и инновационной политике на территории Белгородской области» в статье 2 дает определение инновации и инновационной деятельности: «инновация – конечный результат творческого труда, получивший реализацию в виде новой или усовершенствованной продукции либо нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в экономическом обороте; инновационная деятельность – вид деятельности, связанный с трансформацией идей (результатов научных исследований, разработок, опытно-конструкторских работ либо иных научно-технических достижений) в новый или усовершенствованный продукт, в новый или усовершенствованный технологический процесс, реализуемых в экономическом обороте, в том числе в области биоэнергетики и биотехнологий»⁶.

Обратим внимание на тот факт, что региональный законодатель, раскрывая значение термина «инновация», в действительности, вместо признаков этого понятия указывает признаки совершенно другого понятия – «инновационная деятельность». Такая позиция нам представляется спорной, поскольку признав, что инновация – это продукт, «получивший реализацию в виде новой или усовершенствованной продукции либо нового или усовершенствованного технологического процесса», мы, тем самым, произвольно сократим перечень объектов, исключив из их числа продукты научно-исследовательской разработки.

Закон Кировской области «О развитии инновационной деятельности в Кировской области» от 04.05.2008 № 243-ЗО (ред. от 20.02.2009) (далее – Закон Кировской области) также дает трактовки понятий «инновации», «инновационная деятельность». Инновации понимаются в нем как «нововведения в области техники, технологий, организации труда и управления, основанные на использовании достижений науки и передового опыта, а также использование этих новшеств в самых разных областях и сферах деятельности». Инновационная деятельность – как «система действий по созданию и использованию интеллектуального продукта, доведению новых оригинальных идей до реализации их в виде готового товара на рынке».

Однако по нашему мнению, понятие инновационной деятельности сформулировано региональным законодателем недостаточно четко. Нельзя не отметить, что в основе инновационной деятельности всегда лежит комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, направленный на коммерциализацию накопленных знаний, технологий и оборудования.

Статья 6 Закона Кировской области предусматривает, что объектами инновационной деятельности, по поводу которых возникают экономические и правовые отношения между субъектами инновационной деятельности, являются внедренные на основе реализации результатов научных исследований и разработок или иных научно-технических достижений:

- 1) результаты интеллектуальной деятельности, содержащие практическую информацию о свойствах, способах производства и области применения инновационной продукции (новшества, нововведения), секреты производства (ноу-хау), научно-техническую и другую полезную информацию;
- 2) объекты исключительных прав, связанные с созданием инновационной продукции;
- 3) инновационные и инвестиционные проекты, программы, работы и услуги, связанные с созданием, освоением и распространением инновационной продукции (товаров, услуг);

⁶ Закон Белгородской области от 1 октября 2009 года № 296 «Об инновационной деятельности и инновационной политике на территории Белгородской области» // Белгородские известия от 09 октября 2009. № 178-179. С.8.

4) новые технологии, а также недвижимые и движимые вещи (имущество), технические изделия, оборудование, обладающие новыми потребительскими свойствами или техническими характеристиками⁷.

Последний, четвертый пункт вызывает сомнения, обусловленные тем, что обладание новыми потребительскими свойствами или техническими характеристиками не достаточно для признания объекта инновационным. Считаем, что одним из обязательных условий признания продукции инновационной должна быть обязательная защита ее определенным объемом прав интеллектуальной собственности в целях недопущения включения в данное понятие объектов, заведомо не являющихся инновационными.

Так, по нашему мнению, инновацию характеризуют следующие черты:

- частично или полностью охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности или патентоспособная продукция;
- выпуск товаров, услуг, по своему качеству, соответствующих или превышающих мировой уровень, за счет чего достигается высокая экономическая эффективность в производстве или потреблении продукта.

Закон Кировской области не регламентирует инновационную политику, однако в тексте содержатся положения о направлениях, целях, задачах государственного регулирования инновационной деятельности, о финансовых и нефинансовых формах государственной поддержки инновационной деятельности. Государственное регулирование и поддержка инновационной деятельности, на наш взгляд, как раз и являются составными частями инновационной политики региона.

Для сравнения Закон Белгородской области «Об инновационной деятельности и инновационной политике на территории Белгородской области», закрепляет дефиницию понятия «инновационная политика». С точки зрения законодателя, это сфера, на которую распространяют действие нормы, изложенные в данном законе. Содержание инновационной политики Белгородской области составляет:

- 1) определение основных направлений и приоритетов развития инновационной деятельности;
- 2) установление форм и методов государственной поддержки инновационной деятельности;
- 3) осуществление взаимодействия органов государственной власти Белгородской области с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам инновационной деятельности;
- 4) организация взаимодействия субъектов инновационной деятельности на территории Белгородской области.

Закон Волгоградской области от 22.06.2004 № 925-ОД (ред. от 10.11.2008) «Об инновационной деятельности в Волгоградской области» (далее – Закон Волгоградской области) закрепляет, что инновационная деятельность – это «деятельность, направленная на внедрение законченных научных исследований, открытий и достижений, обеспеченных соответствующим охранным документом, в производство с целью получения технологических новых и принципиально улучшенных продуктов и процессов».

Государственная инновационная политика – это «определение органами государственной власти Волгоградской области инновационной стратегии и механизмов поддержки приоритетных инновационных программ и проектов»⁸.

Определенные сомнения вызывает трактовка понятия «объекты инновационной деятельности» в статье 6 Закона Волгоградской области, под которыми понимаются внедренные на основе реализации результатов научных исследований и разработок или иных научно-технических достижений:

- новые технологии и новые процессы в различных сферах деятельности человека, обеспечивающие социально-экономические и экологические эффекты от их реализации, в рамках программы социально-экономического развития Волгоградской области;
- новые и принципиально улучшенные продукты, товары, работы, услуги.

⁷ Закон Кировской области «О развитии инновационной деятельности в Кировской области» от 04.05.2008 № 243-ЗО (ред. от 20.02.2009) // Вятский край. № 88-89(4216-4217). 14.05.2008.

⁸ Закон Волгоградской области от 22.06.2004 № 925-ОД (ред. от 10.11.2008) «Об инновационной деятельности в Волгоградской области» // Волгоградская правда. № 121, 06.07.2004.

На наш взгляд, не все перечисленные объекты могут являться инновациями, так как не в полной мере отвечают критерию защиты их комплексом прав интеллектуальной собственности.

Отличительной особенностью Закона Волгоградской области является достаточно подробная проработка положений о формах осуществления инновационной деятельности, вопросов самоорганизации субъектов инновационной деятельности, ответственности данных субъектов.

Также Закон Волгоградской области содержит положения о государственном регулировании инновационной деятельности и меры ее государственной поддержки, правда, не включая их в состав государственной инновационной политики.

Закон Нижегородской области от 14.02.2006 № 4-З (ред. от 06.08.2009) «О государственной поддержке инновационной деятельности в Нижегородской области» (далее – Закон Нижегородской области) в статье 1 раскрывает содержание понятий «инновации» и «инновационной деятельности». Так, инновация (нововведение) – это «конечный результат инновационной деятельности». Инновационная деятельность – это «выполнение работ и (или) оказание услуг, направленных на создание и организацию производства принципиально новой или с новыми потребительскими свойствами продукции (товаров, работ, услуг), создание и применение новых или модернизацию существующих способов (технологий) ее производства, распространения и использования»⁹.

Непосредственно в определении инноваций, на наш взгляд, имеется неточность: термины «инновация» и «нововведение» с точки зрения юридической науки не тождественны. Инновацию характеризует целый ряд признаков, не присущих понятию «нововведение». Инновация – это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы. Термин же «инновационная деятельность» трактуется, по нашему мнению, довольно полно и логично. Действительно инновация позволяет создать дополнительную ценность, связанную с внедрением, отсюда инновационная деятельность включает несколько этапов, в том числе внедрение и использование.

Закон Омской области от 13.07.2004 № 527-ОЗ (ред. от 06.04.2010) «Об инновационной деятельности на территории Омской области» (далее – Закон Омской области) регулирует инновационную деятельность, но в качестве предмета правового регулирования определяет основные направления государственной инновационной политики Омской области, тем самым отождествляя понятия «инновационная деятельность» и «инновационная политика», что является спорным. Кроме этого, Закон Омской области дает определение понятия «инновационная деятельность», но обходит стороной понятие «инновация». Так, инновационная деятельность – это «деятельность, направленная на создание и вовлечение в экономический оборот результатов научных исследований, опытных конструкторских работ, новых или усовершенствованных видов продукции и технологий»¹⁰. Вместе с тем, Закон Омской области не определяет особенности реализации инновационной деятельности, принципы ее организации, а также ответственность субъектов инновационной деятельности.

Подводя итог сравнительного анализа регионального законодательства, регулирующего инновационную деятельность, можно сделать вывод о том, что исследованные законы субъектов Российской Федерации не лишены недостатков, однако позитивным моментом является само стремление регионального законодателя ввести инновационную сферу в правовое поле.

Таким образом, мы видим, что относительно определений понятий «инновация», «инновационная деятельность», «инновационная политика» в региональном законодательстве имеется правовая неопределенность, открывающая, с одной стороны, простор для научных дискуссий и изысканий, а, с другой стороны, – создающая трудности и проблемы для правоприменительной практики.

⁹ Закон Нижегородской области от 14.02.2006 № 4-З (ред. от 06.08.2009) «О государственной поддержке инновационной деятельности в Нижегородской области» // Нижегородские новости. № 33(3445), 25.02.2006.

¹⁰ Закон Омской области от 13.07.2004 № 527-ОЗ (ред. от 06.04.2010) «Об инновационной деятельности на территории Омской области» // Омский вестник. № 40, 23.07.2004.

Имеющаяся правовая основа инновационной деятельности и инновационной политики в России фрагментарна и явно недостаточна для проведения эффективной модернизации нашей страны.

С учетом изложенного, полагаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Понятия «инновация», «инновационная деятельность», «инновационная политика» должны найти свое законодательное закрепление в специальном федеральном законе, в противном случае их применение на практике будет весьма затруднительным.

2. Содержание понятий «инновация» и «инновационная деятельность» не является тождественным. Считаем, что инновация – это конечный результат творческого труда, научной деятельности, защищенный в соответствующей юридической форме определенным объемом авторских или патентных прав. Инновационная деятельность охватывает весь цикл от разработки идеи до её реализации на коммерческой основе.

Список литературы

1. Шумпетер И. Теория экономического развития. – М., 1982. С. 195.
2. Азгальдов Г.Г., Костин А.В. Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия // Экономические стратегии, 2008. – №2. – С.163-164.
3. Гольдштейн Г. Я. Инновационный менеджмент. – Таганрог, 1998. С.87.
4. Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
5. Закон Белгородской области от 1 октября 2009 года № 296 «Об инновационной деятельности и инновационной политике на территории Белгородской области» // Белгородские известия от 09 октября 2009. № 178-179. С. 8.
6. Закон Кировской области «О развитии инновационной деятельности в Кировской области» от 04.05.2008 № 243-ЗО (ред. от 20.02.2009) // Вятский край. № 88-89(4216-4217). 14.05.2008.
7. Закон Волгоградской области от 22.06.2004 № 925-ОД (ред. от 10.11.2008) «Об инновационной деятельности в Волгоградской области» // Волгоградская правда. № 121, 06.07.2004.
8. Закон Нижегородской области от 14.02.2006 № 4-З (ред. от 06.08.2009) «О государственной поддержке инновационной деятельности в Нижегородской области» // Нижегородские новости. № 33(3445), 25.02.2006.
9. Закон Омской области от 13.07.2004 № 527-ОЗ (ред. от 06.04.2010) «Об инновационной деятельности на территории Омской области» // Омский вестник. № 40, 23.07.2004.

CONCEPTUAL ISSUES OF INNOVATIVE LEGAL RELATIONSHIP

A. P. PERESYPKIN¹⁾

V. Y. TURANIN²⁾

A. A. BELETSKAYA³⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail:

ViceRectorScience@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: *turanin@mail.ru*

³⁾

e-mail: *asenska12@rambler.ru*

This article is devoted to the analysis of the conceptual problems arising in sphere of innovative activity and connected with it of legal relationship. The special attention is given the analysis of the federal and regional legislation regulating innovative activity.

Key words: innovations, innovative activity, innovative policy, innovative legal relationship.

ОФИС КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

М. М. ПИСАРЕВА

*Пермский государственный
технический университет*

e-mail: sewrina@gmail.com

Офисное сообщество характеризуется динамичностью поведенческих паттернов, дуализмом социальных норм и ролей, смешением различных способов координации. Именно поэтому анализ офиса в контексте новых институциональных концепций позволяет получить модель, наиболее полно описывающую институт офиса. Основой формирования офисного мира являются межличностные контакты, в рамках которых акторы создают, закрепляют и используют правила, создавая институт. Задачи деятельности офисного сообщества связаны с экономической, производственной, трудовой деятельностью. Но для институционализации офиса не меньшее значение имеют и вне-рабочие взаимодействия офисных сотрудников.

Ключевые слова: социальный институт офиса, институциональная пластичность, офисные практики и интерпретации смыслов, способы координации.

Актуальность изучения офиса связана с тем, что этот институт занимает важное место в социальных отношениях современного города. Офис становится символом успешной карьеры и престижного трудоустройства, тем самым расширяя свое культурное влияние за пределы локального пространства производственной деятельности. Поэтому, в современном городе, офис больше чем пространство для реализации трудовой активности. Офис, вместе с фирмой, олицетворяют рыночный сегмент новой городской экономики, и его изучение необходимо, для детального понимания процесса перестройки социальной структуры российского общества в новое время.

В центре внимания проводимого исследования находятся подразделения (отделы) малых и средних фирм занимающиеся широким спектром деятельности: от отделов кадров и бухгалтерий до IT-отделов, или подразделений экономического планирования и консультирования. Они составляют массив офисов, в которых люди заняты повседневной неспециализированной трудовой деятельностью, обеспечивая предпринимательскую активность бизнес-сообщества информационной и социальной поддержкой.

В силу неопределенности алгоритмов разделения труда в офисах, эти новообразования оказались более приспособлены к постоянно изменяющейся рыночной среде, нежели бюрократически сконструированные иерархические структуры. Социальная и культурная пластичность офисов, позволяет их работникам быстрее реагировать на изменения в конъюнктуре рынка, и моментально преобразоваться внутри, оставляя за бортом балласт из инертных специалистов, привыкших к размеренному и упорядоченному выполнению строго очерченного круга профессиональных обязанностей. Именно в этих процессах социальной мобильности, особенно интенсивно протекавших в эпоху бурных 90-х, последнего десятилетия прошлого века, вместе с отчуждением от профессиональных моделей свойственных индустриальному стилю труда, зародилось особое ядро нового социального института – офиса.

В социологической исследовательской традиции есть много работ, посвященных анализу социальных взаимодействий на промышленных предприятиях. Изучение офисов встречается гораздо реже. Офис представляет собой новый для отечественной производственной сферы, социальный институт, созданный бизнес-сообществом сообществом для обслуживания своих предпринимательских практик. Производственное и межличностное взаимодействие в этом институте не имеет разделительных барьеров. Оно перемешано самой практикой предпринимательской жизни нового социального класса. Искусственная укорененность социального класса предпринимателей в социальном организме российского общества прослеживается во всех практиках новой российской буржуазии.

Их социальные саттелиты – офисные работники, ощущают это, прежде всего через смещение публичных и частных норм социального взаимодействия. Межличностные контакты в офисах – это всегда полуофициальные коммуникации, относительно которых, образно говоря, невозможно сказать в какой момент «стакан будет наполовину полон, а в какой он наполовину опустел».

Именно эту социальную аморфность невозможно заметить в офисных институтах, если применять для их изучения классические теории институционального анализа. С позиций классиков теории социальных институтов – Т. Парсонса, или Р. Мертона – офис будет выглядеть функциональным подразделением некой организации, ведущей борьбу с конкурентами за свою долю рынка, а значит и принимающих для себя в качестве ценностей комплексы рационализирующих моделей, которые рыночная среда создает в пространстве экономической подсистемы индустриального общества. Семейственность и одомашнивание социальных ролей, будет лишь своеобразным «социальным отклонением» которое социальный институт, коим для рынка будет, конечно же, фирма (предприятие) постарается устранить посредством череды санкций. Любая институциональная организация, помещающая офисную среду в систему иерархической модели бизнес-организации, будет исключать практический смысл офисной жизни из рассмотрения. А тем самым лишать офисных актеров важной смыслообразующей системы координат, сводя их до марионеток исполняющих роли подчиненных по отношению к начальнику. Поэтому сразу укажем, что офис как институт не включает в себя ролевые модели «начальник» и «подчиненный». Не они составляют его ролевую матрицу.

Именно поэтому, в качестве теоретической парадигмы для проведения исследования офисных институтов выбраны теории неоинституционализма, в том виде как они представлены в трудах Л. Тевено, Н. Флигстина, В. Радаева, А. Олейника. Согласно новым институциональным теориям ключевую роль в формировании, изменении, развитии института играют повседневная деятельность социальных актеров, которую невозможно понять, если не соотнести поведенческий рисунок поступков индивида с комплексом смыслов, которые он использует при интерпретации действительности и в конструировании своей социальной активности.

Обратимся к проведенным социологическим исследованиям. Важный сюжет, который всплывает в качестве интерпретационной схемы идентификации среды, в которой индивиды осуществляют свою трудовую деятельность, касается частной жизни. Наши интервьюируемые с удовольствием продекларировали принцип солидарности офисного коллектива: «Мы все большая семья», коллеги – в первую очередь друзья, которые «умеют» понимать друг друга, «входить в положение», учитывать интересы других, даже если они не связаны напрямую с выполнением функциональных обязанностей: «человек уже становится не просто работником, среди других работников, а именно частью коллектива, когда сближение происходит» (интервью №1 1-й этап)¹. Именно установление личного контакта свидетельствует о включении сотрудника в институциональную коммуникативную среду офиса.

Офисное сообщество представляет собой сеть, взаимоотношения в которой персонифицированы, выбор партнера для взаимодействия обусловлен, прежде всего, личностными отношениями, и только потом – производственной целесообразностью. Формирование персонифицированных коммуникационных сетей происходит, как правило, за пределами рабочего места: на корпоративных, спортивных мероприятиях, совместном отдыхе коллег по офису, во время чаепитий и перекуров в рамках рабочего дня. Чаепитие – ритуал, участие в котором обязательно для выстраивания личностных коммуникаций. Чаепитие позволяет не только отвлечься от выполнения функциональных обязанностей, но и пообщаться с коллегами или руководителем в другом «режиме»: «В такие моменты распоряжения начальника воспринимаются коллективом уже не как пустая инициация».

¹ В данной статье использованы эмпирические материалы диссертационного исследования автора, проведенного в 2008-2009 гг. В рамках исследования было проведено 17 глубинных интервью с офисными сотрудниками различного уровня. Предварительный этап исследования включал в себя анализ дневников самонаблюдения в форме эссе студентов ПГТУ заочной формы обучения, работающих в офисе.

тива сверху, а в облике разумных требований» (эссе №37 2006г.). Досуговые мероприятия, спортивные и корпоративные праздники, соревнования, празднование Нового года и т.д. – проявления частной жизни. Но без них офисный мир представить невозможно. Отношение офисных сотрудников к таким мероприятиям существенно различается. От положительной оценки: «Это всегда полезно, т.к. сплачивает команду и потом будет легче <...> обратиться к тому коллеге, кто сидит рядом» (интервью №6 1-й этап) до резкого неприятия: «Корпоративные вечеринки превращаются в ритуальные пляски. Ходим туда в добровольно-принудительном порядке, поскольку нашему самому большому начальству «очень приятно видеть там всех» (эссе №43, 2005г.). Положительное отношение к таким мероприятиям преобладает, потому что в их рамках офисным сотрудникам доступен гораздо больший спектр практик для установления персонифицированного контакта как с коллегами, так и с руководством.

Следуя трактовке института Н. Флигстина², офис можно определить как совокупность правил и разделяемых офисными сотрудниками смыслов, подразумевающих, «что люди знают об их существовании, или что они могут быть осознаны». Создание, закрепление правил акторами и есть создание институтов. В офисе правила могут быть заданы руководством или традицией сложившихся повседневных взаимодействий. Нарушение установленных правил или неверная интерпретация смыслов разрушают коммуникационное поле офиса. Стоит отметить, что нарушение формальных правил, не затрагивающих ничьих личных интересов, влечет за собой возможное применение только формальных санкций. Соблюдение же традиционных, неформальных правил, не только поощряется, но и дает возможность избежать наказания за нарушение правил формальных. Для офисного сообщества важнее сохранение межличностных взаимодействий, чем строгое соблюдение документальных требований. В конечном итоге, неформальные нормы и правила могут в большей степени влиять на эффективность деятельности, нежели официальные регламенты.

За советом обращаются к тому, с кем знакомы лично, с кем общаются и вне рабочего места: «Если нужно получить совет, то, зная людей, которые в команде работали, в таких же проектах, можно просто у другого человека спросить, не обязательно непосредственно у своего руководителя. Но, скорее всего, это выстроено все-таки личными отношениями» (интервью №6 1-й этап). При распределении дополнительных благ или дополнительной работы существенную роль играет личная приязнь или неприязнь руководителя к подчиненному. Эффективность взаимодействий по производственным вопросам значительно возрастает при установлении персонифицированного контакта. Так во многих офисах процедура обмена информацией между сотрудниками регламентирована и предполагает посредничество руководителя или официальных форм документов. Однако, при личном знакомстве достаточно зайти в соседний кабинет и попросить предоставить информацию или помочь решить вопрос. Персонифицированные отношения также оказывают существенное влияние на урегулирование противоречий в офисе.

Основываясь на концепции институтов Н. Флигстина, офис можно описать как особое коммуникативное поле, структурированное информационными обменами в пространстве трудовой деятельности. Это поле характеризуется плотностью контактов ограниченного количества людей. Спецификой данного взаимодействия является высокая интенсивность: «На самом деле больше общаешься с людьми, которые рядом территориально. Это общение может происходить и не по работе» (интервью №6 1-й этап); «Он [главный специалист, коллега – М.П.], кстати, рядом сидит, приходится больше общаться. Ну и вроде как дружеские отношения стали» (интервью №3 1-й этап). Взаимодействие с внешними по отношению к офису акторами происходит намного менее интенсивно и не оказывает значительного влияния на формирование офисного поля. Исключение составляют, пожалуй, только контакты с руководителем: «Если там возникает жирный вопрос, и коллеги говорят, это даже не в нашей компетенции, и должно разруливать руководство, тогда в этом случае подключается руководство. Но у нас

² Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений. // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 280с. С. 119-156.

коллектив достаточно дружный, и достаточно спокойно относимся ко всему этому делу, и руководство привлекается в очень крайних случаях» (интервью №6 2-й этап).

Способы выстраивания отношений, интерпретации действий и целей между офис-служащими различны. Может возникать ситуация взаимного понимания или отторжения коммуникативного взаимодействия на уровне выполнения производственных задач, либо личностного общения. В контексте данной работы наиболее интересна концепция способов координации взаимодействий Л. Тевено³. Им отмечены «рыночный», «индустриальный» и «домашний» способы координации интеракций. Л. Тевено ставит акценты на изучении фирмы как средства достижения компромисса между несколькими способами координации. Именно в офисе этот компромисс наиболее актуален. В цехах промышленного производства доминирует «индустриальный» способ координации, в торговом зале – «рыночный», в подсобном хозяйстве – «семейный». И только в офисе возможен комбинированный подход, сочетающий в себе признаки всех трех способов.

Способы координации основываются на порядках обоснования ценности, которые формируются во взаимодействии людей с окружающей средой. В рамках одного института может существовать несколько порядков обоснования ценности: семейные ценности могут соседствовать с рыночными или гражданскими. Этим обуславливаются конфликтные ситуации, возникающие при столкновении различных ценностных комплексов. Смыслом создания организаций является обобщение определенных форм отношений между людьми и окружающей их средой во времени и пространстве. Особую роль в построении этой деятельности играют «общие когнитивные формы, используемые акторами и позволяющие им координировать свои действия», которые необходимо аналитически увязывать с определенным способом координации. Т.е. интерпретация актором символов, вещей, событий, действий других людей и т.д. связана с тем, каким способом координации он руководствовался. Порядки обоснования ценности динамичны, они могут быть пересмотрены акторами, модифицированы, дополнены.

Офис в этом контексте предстает как компромисс между рыночным, индустриальным и домашним способом координации. Индустриальный способ обоснования ценности базируется на техническом исполнении, рыночный – на конкуренции. Ключевой аналитической категорией в анализе этих порядков является время. Рыночный порядок предполагает ориентацию на настоящее путем немедленного удовлетворения сиюминутных желаний потребителей. В рамках индустриального порядка приоритет отдается инвестированию и планированию, ориентированному на будущее.

«Домашний» способ координации сосуществует с рыночным и индустриальным. Домашний порядок «строится на доверительности, включающей три компонента: составляющую времени (предшествующий опыт), составляющую пространства (локальная близость) и иерархическую составляющую (авторитет)». Т.е. доверие – атрибут домашней конвенции. Анализ домашнего порядка позволяет исследователю увидеть динамичный характер рыночных отношений, т.к. доверие постоянно пересматривается и репутации, основанные на доверии, постоянно изменяют свой статус в иерархии. Домашний порядок предполагает персонификацию ресурсов. Т.е. ценность ресурсов зависит от их владельца и степени оказанного ему доверия. Именно сочетание различных способов координации обуславливает специфику офисных взаимоотношений.

Рассмотрим последовательно перечисленные компоненты домашнего способа координации применительно к офису. Предшествующий опыт взаимодействия крайне важен для выстраивания ожиданий и последующего взаимодействия. Для офисного сотрудника аргументация «мы всегда так делаем» будет более значима, нежели «так написано в приказе (кодексе, положении, инструкции и т.д.)». Если обращение к коллеге однажды имело успех, оно будет повторено независимо от того прописано ли такое взаимодействие в документах или нет.

³ Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических образований / Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. Составитель и научный редактор В.В. Радаев Перевод М.С. Добряковой, Р.А. Громова – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 280 с. стр. 19-46.

Локальная близость также имеет ключевое значение для офисного сообщества. Взаимодействия с коллегами, находящимися в одном кабинете более интенсивны и характеризуются большим доверием. Находящиеся рядом сотрудники образуют ядро коммуникативной сети офиса. Личные контакты, как и телефонный разговор и электронная переписка, происходят в режиме реального времени, но невербальная составляющая этих контактов позволяет выстроить более близкие, персонифицированные, а следовательно более доверительные отношения. Кроме того, личное общение воспринимается офисными сотрудниками как более безопасное, т.к. не остается задокументированных высказываний, или факта передачи информации.

Авторитет может основываться не только и не столько на профессиональных достижениях, сколько на личностных характеристиках, харизме. Источником такого авторитета может быть умение и возможность уговорить руководителя или коллегу поступить в интересах сотрудников, а не соблюдать букву нормативных актов организации, способность организовать душевный разговор или праздник с чаепитием, спортивные достижения или умение играть на гитаре, совместные походы в баню или на лыжах. Однако и профессионализм, безусловно, является источником авторитета: *«если я знаю, что человек обладает этой компетенцией, я могу к нему обратиться, и в компании это считается нормальным. То есть, задать вопрос человеку, который действительно владеет ситуацией, имеет опыт в этом вопросе, может ответить или посоветует другого специалиста»* (интервью №6 1-й этап).

Домашний порядок в офисе неизбежно дополняется индустриальной и рыночной иерархией ценностей в силу производственных целей существования офиса. Организация, в которую вписан офис, может диктовать требования к технической и профессиональной компетентности и к финансовым результатам. Здесь определяющую роль играет приоритет рыночного или индустриального способов координации. Они определяют производственную деятельность офис-служащих, тематическое наполнение взаимодействий. Но домашний способ координации определяет суть офисных интеракций, расстановку приоритетов в деятельности, повседневные практики. Наглядно проявляется домашний способ координации в решении наиболее актуального вопроса для сотрудников офиса – материального вознаграждения за работу.

Доверие как ресурс и результат домашнего способа координации формируется в различных аспектах офисной жизни: в повседневных разговорах: *«обсуждению подлечит все от и до. Мы можем говорить хоть о чем, и о здоровье, и о работе, и других обсудить, и себя, и семья. В общем-то, все»* (интервью №5, 1-й этап); в решении профессиональных вопросов: *«Ты по-разному относишься к человеку при этом, и видно, насколько человек заинтересован ответить на твой вопрос. Даже если ему от этого не жарче, ни холоднее»* (интервью №3 1-й этап) и т.д.

Подводя итоги, можно сказать, что офис как социальный институт обладает специфическими характеристиками, отличающими его от привычных институтов городской среды: промышленных предприятий, торговых центров, государственных учреждений. Институциональные рамки офиса заданы полем информационных обменов, в которые вовлечены сотрудники фирмы. Офис представляет собой динамичный институт, практики и интерпретации смыслов в котором изменяются самими акторами в ходе межличностных взаимодействий. Производственная деятельность офисных акторов преломляется в личностных коммуникациях, основанных на локальной близости, доверии и общности опыта акторов, выходящего за рамки функциональных обязанностей. Наиболее полный анализ этих процессов возможен в контексте новых институциональных концепций.

Список литературы

1. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений. // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 280 с. стр. 119-156.
2. Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических образований / Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. Составитель и научный редактор В.В. Радаев Перевод М.С. Добряковой, Р.А. Громова – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 280 с. стр. 19-46.

Эмпирическая база:

1-й этап исследования:

Интервью №1 Главный специалист стратегического отдела энергетической компании, мужчина;

Интервью №2 Руководитель коммерческого отдела фирмы по производству и продаже охранных систем, женщина;

Интервью №3 Главный специалист IT-управления энергетической компании, женщина;

Интервью №4 Инженер по проектированию научно-исследовательской компании, мужчина;

Интервью №5 Главный бухгалтер электромонтажной фирмы, женщина;

Интервью №6 Консультант консалтинговой фирмы, женщина;

Интервью №7 Бухгалтер-финансист финансово-консалтинговой фирмы, женщина;

Интервью №8 Заместитель директора банка, мужчина;

Интервью №9 Программист IT-фирмы, мужчина.

2-й этап исследования:

Интервью №1 Заместитель директора по развитию бизнеса торговой IT-фирмы, мужчина;

Интервью №2 Заместитель директора, строительно-инвестиционная фирма, женщина;

Интервью №3 Начальник отдела эксплуатации технических средств, инвестиционная компания, мужчина;

Интервью №4 Менеджер, строительно-инвестиционная фирма, женщина;

Интервью №5 Заместитель генерального директора, научно-исследовательская, конструкторская фирма;

Интервью №6 Менеджер, туристическая фирма, женщина;

Интервью №7 Начальник отдела эксплуатации технических средств, инвестиционная компания, мужчина;

Интервью №8 Заместитель директора банка, мужчина;

Пилотное исследование:

Эссе №37 (2006 г.) женщина, секретарь

Эссе №43 (2006 г.) женщина, сотрудница коммерческого банка

Эссе №36 (2006 г.) бухгалтер промышленного предприятия. В цитате речь идет о работе в МВД в должности бухгалтера.

Эссе №21 (2006 г.) специалист по тех. надзору управления строительной организации.

Эссе №19 (2006 г.) бухгалтер ОАО «Железнодорожное управление».

OFFICE AS A SOCIAL INSTITUTION: GENERAL ASPECTS

M. M. PISAREVA

*Perm State Technical
University*

e-mail: sewrina@gmail.com

Office community is characterized by dynamical behavioral patterns, dualism of social norms and roles, mixture of various modes of coordination. Therefore, the analysis of office in a context of new institutional concepts allows constructing the model which most full describing institute of office. Interpersonal contacts are basis of formation of office. Actors create, fix and use rules in these contacts thus construting institution. Goals of office community are connected with business. But interactions not concerning work are of great importance for an office institutionalization.

Key words: Social institution of office, institutional plasticity, office practices and interpretations of senses, modes of coordination.

УДК 008

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

Е. С. ПОСМЕТЬЕВА*Воронежский
государственный
технический университет**e-mail:grigores@mail.ru*

Статья посвящена проблеме культурной глобализации – одной из самых актуальных в современной социальной действительности и теоретической мысли. Наряду с достижениями и позитивно осмысливаемым потенциалом глобальные изменения социокультурной системы подразумевают и ряд трудностей, связанных с отсутствием механизмов управления этими изменениями. Авторы делают акцент на гуманитарных аспектах глобализационных процессов, видя в них основание для определения внутренней меры, способной связать в единство логику развития современных преобразовательных процессов.

Ключевые слова: глобализация, модели глобализации, столкновение цивилизаций, риск, глобальная этика, гуманизм.

На сегодняшний момент существует множество соперничающих друг с другом концепций и моделей глобализации, а также взаимоисключающих оценок ее последствий. Несомненно, этот процесс сложен, многопланов и противоречив, причем выявление указанных субстанциональных характеристик имеет принципиально важное методологическое, теоретико-философское и практическое значение. Особый смысл приобретает вопрос: является ли глобализация единственным путем развития и совершенствования современного мира, и если – да, то какова гуманитарная составляющая этого процесса. Бесспорным и очевидным является тот факт, что все существовавшие до сих пор цивилизации носили региональный характер, в то время как становящаяся глобальная цивилизация носит черты общечеловеческой. Она выражает, с одной стороны, единство человеческой биологической природы, с другой – социокультурную целостность человечества. Глобальная цивилизация самими своими требованиями к отдельному человеку вводит его в сферу человеческого «рода», и, ставя перед человечеством глобальные проблемы, предполагающие безотлагательные меры по их разрешению, делает акцент на глубинной природе человека. В этом смысле она выступает как подлинно гуманитарная цивилизация. Истинный смысл глобальной цивилизации заключается в том, что она способна гуманизировать (очеловечить) процесс развития и глобализировать саму человеческую природу. Невиданное доселе расширение и интенсификация связей между людьми, принадлежащими к разным культурам, религиям, национальным общностям приводит к тому, что различные культуры не только вступают в диалог, но и взаимопроникают друг в друга. Этот процесс можно описать терминами конвергенции, диффузии, интеграции, сближения, ассимиляции, творческого взаимодействия и др. Динамические процессы, обозначенные этими понятиями, способствуют формированию единой мировой общности, в то же время они сопровождаются иными, противоположными им процессами, направленными на становление культурной идентичности, акцентирование уникальности культур, установление культурной автономии. Современный термин «мировое сообщество» подразумевает тот факт, что отдельные культурные регионы, отличные во многом друг от друга, могут жить единой экономической жизнью, использовать общую современную технику и технологии, владеть примерно одной и той же суммой знаний, обеспеченной свободным доступом к электронным банкам информации, обращаться к решению глобальных проблем. Хотя эти процессы касаются, в основном, развитых в экономическом отношении стран, все же они ведут к осознанию того, что приоритетным направлением развития современной цивилизации становится формирование нового мирового порядка, способствующего сочетанию единства мира в разнообразии его составляющих. Указанное разнообразие проявляется не столько в установлении национальной идентичности или, порой, в нарочитом космополитизме, сколько в сознательно избираемых человеком жизненных стилях, присущих либо частной жизни, либо сфере добровольных ассоциаций.

На сегодняшний день далеко не все проявления глобализации так заметны, широко и повсеместно распространены, как всемирное проникновение торговых марок, глобальное господство популярных культурных символов и артефактов и одновременное освещение событий для населения всех континентов. Бесспорен тот факт, что наиболее известными символами глобализации являются Кока-Кола, Мак Доналдс и новости Си-Эн-Эн. И каковы бы ни были причины и практическая значимость этих явлений, не приходится сомневаться, что одной из наиболее воспринимаемых и остро ощущаемых форм глобализации является культурная. Каким бы сложным ни было культурное взаимодействие между обществами в течение последних трех тысяч лет, не существует исторического эквивалента мощному глобальному проникновению и огромному объему культурного движения с помощью современных телекоммуникаций, радиовещания и транспортных инфраструктур. Это не может не породить серьезных проблем. По мнению Э.Гидденса, главным сражением XXI века станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью¹. «В глобализующемся мире, где информация и образы постоянно «путешествуют» по всему земному шару, мы регулярно вступаем в контакт с другими людьми, которые мыслят и живут не так, как мы», – заявляет Гидденс в работе «Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь»². В этой ситуации важнейшей задачей, стоящей перед современным миром становится признание общечеловеческих ценностей. Объективные в условиях нарастающей глобализации потребности межэтнического и международного взаимодействия все больше требуют единого языка, способного удовлетворить этим требованиям, а также единой этики. Эти вопросы чрезвычайно актуальны в условиях современного мирового сообщества, непростая действительность которого усугубляется таким фактором, как риск. Изначальный смысл самого понятия «риск» подвергнулся изменению. Возникнув в эпоху Нового времени, концепт риска был связан со способом изменения будущего, его нормализации и подчинения. Современность показывает, что сами попытки поставить будущее под контроль могут обернуться негативной стороной. Дело в том, что риски бывают как внешними, сопряженными с неизменностью традиций или с законами природы, так и внутренними, «рукотворными», беспрецедентными с точки зрения истории. К последним относятся «глобальные риски»: – экологический кризис, угроза распространения ядерного оружия, возможность краха мировой экономики.

Немаловажное значение приобретает изменение системы «природа-общество-человек». Можно со всей уверенностью заявить, что наше общество существует в эпоху, когда лишь немногие аспекты окружающей нас материальной среды не подверглись в той или иной форме антропогенному воздействию. Само человечество пережило за несколько последних столетий существенную социально-культурную мутацию, заставляющую говорить о смерти «человека природы» и рождении «человека культуры». Совокупность изменений социума, объединяемых понятием «глобализация», – одно из проявлений указанной исторической мутации. Человек обеспечивает свое существование не столько путем прямого потребления природных ресурсов, сколько путем их культурной переработки. Он все менее зависит от реальностей природы, и все более – от социальной и технологической ситуации культуры. Отметим, однако, что это в большей степени касается «человека Запада» – жителя благополучных в экономическом отношении стран. Дополнительным и нарастающим противоречием XXI века становится факт неравномерности распределения природных ресурсов, особенно энергоносителей, пищевых продуктов и пресной воды, дефицит которых для части государств начнет реально ощущаться уже в скором времени. В связи с этим основной может стать стратегия выживания (стран и народов), возможности для реализации которой у большей части населения планеты весьма ограничены. И, скорее всего, гуманитарные аспекты сохранятся в форме деклараций, или вообще упразднятся. В целом, как отмечалось рядом экспертов, мы приближаемся к смене парадигмы развития, и эта смена, скорее всего, будет осуществляться чрезвычайно болезненно и нецивилизованно.

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 120 с.

² Там же, с. 20

Практически все предшествующие эпохи основывались на реальных или иллюзорных гуманитарных концепциях. В значительном смысле гуманизм был стержнем развития европейской цивилизации. Поддержка слабых, забота о сирых и убогих, борьба за справедливость, равенство и братство наполняли человечество духовными силами, даже, несмотря на то, что осуществление этих гуманитарных проектов часто граничило с расточительностью огромных человеческих и иных ресурсов и нерациональностью. Глобализация, скорее всего, в первую очередь подвергнет сомнению именно эти аспекты поведения и именно такие (гуманитарные) проекты³. Современные достижения в сфере духовной жизни не могут быть сформулированы в терминах технических систем и, уже поэтому, чужды глобализации. При этом одновременно с кризисом гуманитарных идей будут ставиться под сомнение традиционные понятия смысла жизни, духовных ценностей и веры, которые входят в число важнейших механизмов – системы власти и управления. Рукотворные риски распространяются не только на природу, они проникают и в другие сферы жизни – к примеру, в западном обществе разрушен традиционный образ жизни в виде институтов брака и семьи. Само личное будущее людей представляется теперь более незащищенным. Если до сих пор происходящая мутация вызывала опасные, но локальные и потому контролируемые кризисы, – к ним можно отнести политические революции, разрушительные мировые войны прошедшего века, раскол мира в «борьбе систем», – то глобализация обозначает новый – уже не локальный – масштаб проблем, равно как и новые шансы.

Интенсификация процесса глобализации социальной жизни обостряет проблему взаимодействия, столкновения цивилизаций. Технологически отсталые локальные цивилизации отвечают на вызовы постиндустриального глобализирующегося мира всплеском чувства культурно-религиозной идентичности, нередко отвергая новации развитых стран. Это обострение межцивилизационных противоречий происходит на фоне непреодолимого, неостановимого процесса экспансии индустриализма и постиндустриализма по всему миру. И, тем не менее, в условиях глобализации, несмотря на реакцию самоидентификации и отторжения, усиливается взаимопроникновение цивилизационных структур и элементов различных цивилизаций. Перенос и восприятие этих элементов и структур стали возможными потому, что локальные цивилизации и культуры уже не герметичны, что в них развиваются процессы структурного расщепления. Согласно Д. Беллу, в западной цивилизации произошло относительное обособление технологии, социальной структуры и культуры, – более того, эти блоки могут развиваться по разным векторам. Эта разнонаправленность придает технологии как бы нейтральный, не обремененный социальными и культурными облачениями «чистый вид», и в таком нейтральном виде технологические и экономические элементы цивилизационной системы как бы без опасений и оглядки осваиваются другими цивилизациями. А. Тойнби не без основания отмечал, что рассеянное дифференцированное «излучение» расщепленной цивилизации более опасно для соседних цивилизаций, чем неразложимый свет той цивилизации, где структура еще едина и недостаточно дифференцирована.

В современном мире резко ускоряется цивилизационная динамика, изменения приобретают асинхронный характер и структурная расщепленность усиливается. Происходит значительная дифференциация в темпах изменения трех основных структурных составляющих цивилизационной системы – технологии, социо – экономико- политических и культурно-ментальных структур, которая особенно сильно выражена в более отсталых регионах и странах, ибо происходит резкая интенсификация воздействия на них извне прежде всего технологических и экономических новаций. В условиях быстрой технологическо – экономической динамики обществ, «облучаемых» новациями, другие блоки социальных отношений и культурные структуры не успевают перестраиваться и могут даже консервироваться: но даже проникающие извне технологические, административно-организационные и другие новации, кажущиеся на первый взгляд культурно и идеологически нейтральными, на самом деле не могут быть нейтральными в полной мере. Здесь действует закон, сформулированный А. Тойнби: невозможно по выбору заимст-

³ Лукин В.М. Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 53-55.

воватъ элементы иной цивилизации и при этом не оказаться в зависимости от нее. Так, значительная часть исследователей склонна отождествлять глобализацию с вестернизацией, превознося цивилизаторскую миссию западного мира. Они приветствуют борьбу с варварством «традиционных обществ», искоренение язычества и дикарских обычаев незападных культур. Однако большинство ученых справедливо возражают против отождествления этноцентризма с глобализацией и видят в вестернизации «культурный империализм» евро-атлантической цивилизации, который ведет не к глобализации культур, а к «новому варварству» и «бескультурию». Ключевой проблемой для них выступает интерпретация культурного разнообразия современного мира как органичной функциональной особенности процесса глобализации. В этом направлении идут интенсивные научные поиски и серьезный интерес представляют теории У. Ганнерса и Ш. Эйзенштадта.

У. Ганнерсу принадлежит концепция «глобальной ойкумены» как региона постоянного культурного взаимодействия, обмена информацией и перевода феноменов одной культуры на языки других культур. По мнению этого автора, процесс глобализации может развиваться в четырех направлениях. Наиболее предпочтительным является сценарий «созревания» или глобализации, исключая вестернизацию. В «глобальной ойкумене» в таком случае происходят равноправный диалог и обмен информацией между крупными культурными метрополиями и многочисленными периферийными культурами. Метрополии выступают в роли стимуляторов, оживляющих развитие периферии и способствующих обогащению местных культурных ценностей. А периферийные культуры, в свою очередь, активно интерпретируют привнесенные идеи, значительным образом модифицируют культурный поток и этим влияют на культуру метрополии. Так в процессе диалога культур осуществляется процесс их «гибридизации». В «глобальной ойкумене» все культуры – сложные синтетические образования, в которых основополагающие ритмы локального наследия переплетаются с транснациональными мотивами.

У. Ганнерс предупреждает, что возможны и другие сценарии глобализации, но все они ведут в тупик «культурного империализма». Сценарий «глобальной гомогенизации», например, предполагает полное доминирование западной культуры в мире: все страны копируют западный образ жизни, идентичную продукцию в универсамах, произведения развлекательной индустрии и т. п. Сценарий «сатурации – насыщения» выступает одной из версий подобной унификации. Периферийные культуры постепенно впитывают в себя культурные образцы Запада, насыщаясь ими, и через несколько поколений местные традиции исчезают, уступая место культурной однородности или, скорее всего, безродности. Сценарий «периферийной коррупции» предполагает разложение западной культуры в процессе адаптации в инокультурной среде. Периферийные культуры отфильтровывают высокоинтеллектуальные и гуманистические достижения Запада, оставляя место только для информации самого низкого уровня: воспринимается продукция массовой, а не достижения высокой культуры. Так реализуется тенденция «культурной свалки» – переизбытка культурных произведений низкого качества общественной жизни периферийных стран.⁴ Эйзенштадт присоединился к сценарию «созревания», вслед за Ганнерсом выбрав путь глобализации без вестернизации. На основании анализа культурного диалога древних и современных цивилизаций он пришел к выводу, что процесс гибридизации культур в поле межцивилизационных взаимодействий действительно является всеобщим. Современные культуры кристаллизовались путем отбора, трансформации значительного количества традиций, символов и институтов как национальных, так и заимствованных у других народов. Глобализация, по его мнению, не исключает, а подразумевает развитие вариативности культур, поскольку именно в этом содержится потенциал для дальнейшего развития человечества. Современные культуры кристаллизовались путем отбора, трансформации значительного количества традиций, символов и институтов как национальных, так и заимствованных у других народов. Глобализация, по его мнению, не исключает, а подразумевает развитие вариативности культур, поскольку именно в этом содержится потенциал для дальнейшего развития человечества.

⁴ Hannerz U. Notes on Global Communications // Public Culture. 1989, № 1. P. 65-75; Hannerz U. Scenarios for Peripheral Cultures. Binghampton, 1989.

Подобная логика к содержанию глобализационных процессов отражена в концепции М. А. Чешкова о пяти проектах мирообщности. Первый проект является западным или либерально-рыночным (условно – мир по подобию Запада), гегемоном при этом выступают прозападные мировые организации и прозападная мировая интеллигенция при опоре на транснациональные силы и поддержке части межгосударственных сил. Второй проект рисует мир равноположенных разнообразий, гегемон – мировая гуманитарная интеллигенция при поддержке межгосударственных сил и части религий. Третий проект связан с миром равнозначимых государств, гегемоном здесь являются межгосударственные объединения при поддержке части представителей мировых организаций и великих религий. Четвертый проект – мир через доминирование локального, гегемон при этом – фундаменталистские течения восточных религий (например, ислам) при поддержке части межгосударственных сил. И, наконец, пятый проект – мир без угнетения и неравенства, гегемоном здесь выступит часть гуманитарной интеллигенции при поддержке великих религий⁵. Второй, третий и пятый проекты во многом пересекаются: мир без угнетения и неравенства – это мир равнозначимых государств, мир равноположенных разнообразий, который поддерживается одними и теми социальными силами – гуманитарной интеллигенцией, частью великих религий и некоторыми межгосударственными силами. В данных проектах М. А. Чешкова по существу представлены три соперничающие идеи глобализации – западная либерально-рыночная, фундаменталистская и гуманитарная. Обратившись к творчеству современных западных социологов и политологов, можно заметить, что во всем разнообразии уже созданных проектов глобального мира скрываются все те же три конкурирующие идеи. И это не удивительно: сегодня именно они определяют диалог культур в условиях глобализирующегося мира. Они же свидетельствуют о том, что глобализационные тенденции пытаются поставить под свой контроль самые различные социальные силы, борющиеся за мировое влияние. Не случайно поэтому многочисленные проекты глобального мира так противоречивы, а «само мироведение как отрасль научного знания до сих пор не конституировано»⁶.

Современный этап глобализации предоставляет отсутствовавшую прежде возможность комплексного реагирования в ответ на частичные изменения системы. Главнейший на сегодня вопрос прогресса – ведет ли он к увеличению или уменьшению управляемости мира – в данном случае может иметь как положительный, так и отрицательный ответ. Выход можно найти, обращаясь к механизмам управления, контроля человечества над этими процессами. Говоря о механизмах контроля, мы здесь обращаемся в первую очередь к морали, праву и политике как основным сферам саморегуляции социума. Если политика и отчасти право указывают на оперативные возможности управления исторической ситуацией, то этика несет в себе фундаментальные основания последних. На фоне абсолютно новых вызовов и глубинных изменений практически во всех пластах человеческого бытия становится все более очевидной неспособность традиционной морали ставить эти вопросы и их решать. Подвергаемые трансформации (подчас разрушительной) институты традиционного общества (например, церковь и т.д.) не содержат механизмов адекватного реагирования на проблемы глобального уровня, не обладает такими механизмами и традиционная мораль. Сегодня требуется радикальное переосмысление предмета, методов и задач социальной науки и этики, которые были бы соизмеримы с совершающимся историческим поворотом и обновлением человечества. В противовес деструктивным аспектам индивидуального человеческого взаимодействия, деструктивные аспекты человеческого вмешательства в природу не были даже замечены и включены в этическую проблематику традиционных институтов морали и права или в философскую этику⁷. Лишь в последние десятилетия прошлого столетия стал отчетливо «высвечиваться» факт того, что человеческое отношение к природе и взаимодействие с ней создает этические проблемы, сравнимые с возникающими в социальных отношениях

⁵ Чешков М. А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия, с. 142.

⁶ Василенко И. А. Политическая глобалистика. Учебное пособие. М., 2000. С. 319.

⁷ Юрьев А. Глобализация как новая форма политической власти. – В сб.: Глобализация: варианты для России // Материалы круглого стола – СПб.: Информационное агентство «РосБалт». – 2001. – С. 38-49 с.

между людьми. До настоящего момента далеко не ясно, как следует осознавать эти проблемы и вызовы в отношении к этике в целом. Существуют ли институты или формы морали и этики, которые соразмерны этим проблемам; или мы нуждаемся в совершенно новом типе этики, базирующейся на новом типе философии или мудрости. Или нам можно отказаться и просто игнорировать эти новые этические проблемы и сохранять наши партикулярные моральные традиции и привычки?

Отметим, что на наш взгляд, данный вопрос теснейшим образом связан с проблемой глобализации в области религии, сердцевину которой и составляет этика – каждая религия содержит в себе учение о нравственных добродетелях, понимаемых как средство достижения конечной цели. При этом, конечно, здесь не ставится знак равенства между религией и моралью. Существенно, что этические системы в различных религиях не одинаковы в той же мере, в какой они были различными на разных исторических этапах человеческого развития. Существуют различные классификации религий. Так, все многообразие религиозных можно разделить на ортодоксальные, в которых ведущей тенденцией является доктринальная и ортопраксические, основанные на деятельностином подходе к в вопросе сочетания догмы и практики. В таком случае, к первой группе будут относиться две основные ветви христианства – католицизм и православие, а ко второй – третья ветвь христианства – протестантизм, а также иудаизм и ислам. Можно, вслед за М.Вебером, распределить религии согласно трем основным образам отношения к миру: приспособляющие к миру религии (конфуцианство), уводящие от мира (буддизм и индуизм) и способствующие овладению миром (иудаизм, христианство, ислам). Каждому из этих вариантов отношения к «миру» соответствует свой особый тип рациональности, дающий общее направление системе ценностей, определяющий специфический вектор социального действия. В пределах одного типа религиозной рациональности нетрудно заметить наличие разных «картин мира», неодинаковые системы взглядов на многие аспекты бытия.

Представляется, что ортопраксические религии, или религии «приспособления к миру», в большей степени, чем ортодоксальные или религии «ухода от мира», будут склонны принять глобализацию, ибо они охотнее идут на сближение с другими религиозными системами и в них сильнее развит элемент рациональности, прагматизма и то, что принято называть «здоровым смыслом». В современном глобальном мировом информационном пространстве никакая религия не может игнорировать другие религиозные системы и полностью изолировать себя от них. Конкретные формы глобализации в области религии могут быть сведены к следующим позициям: экуменизм, неорелигия, синкретизм, секуляризация. Из перечисленных форм секуляризация представляется наиболее существенной. По мере все большего раскрытия тайн природы, познания мира, по мере «возвышения» человеческого Разума Бог как олицетворение всего непознанного все дальше может отодвигаться на обочину общественного сознания. Ускоряющиеся темпы научно-технического прогресса, информационных связей предвещают дальнейшее нарастание этой тенденции. Религиозное многообразие все же делает неуместным вопрос о выявлении одной единственной истинной религии, или, другими словами, единственного пути, ведущего к Богу.

Духовный эпицентр любой культуры составляют экзистенциальные проблемы и переживания, вытекающие из констатации непреложного факта смертности человека. И на вопрос, сохранится ли религия в будущем, можно ответить так: до тех пор пока светская культура не даст убедительного ответа на важнейшие проблемы бытия, интимно переживаемые каждым, для значительной части человечества вера в Бога или богов останется своеобразным символом и основой надежды на торжество добра, на приобщенность к вечным истинам бытия, потому что человечество обречено на стремление сомкнуть звездное небо и категорический императив в душе. Но и тогда индивид будет свободно определять свое место в пространстве культуры в зависимости от собственного неповторимого жизненного опыта. Как нам представляется, в самом отдаленном будущем, когда результаты глобализации будут зримы, религия не окажется полностью вытесненной из сферы сознания и поведения значительной части человечества.

В 70-е годы прошлого века Ю.М. Лотман доказал, что культура содержит в себе внутреннее штампуемое устройство, благодаря которому не только единство смысла в

культуре порождает его конкретное символическое и выраженное в различных артефактах многообразии ее проявлений, но и само бытие, осваиваемое человеком, приобретает определенную историческую форму и относительную устойчивость. Согласимся с мнением Барковой Э.В. о том, что функцию этого "устройства" реализует пространственно-временной континуум культуры, совмещающий единство и многообразие явлений и процессов социокультурной реальности. Культура на каждом этапе своего развития формировала свое особое пространство-время с характерным для него стилем, нормами и символами посредством субъектов, представленных обществом, нациями, этносами. Процесс глобализации порождает принципиально новую надтерриториальную и наднациональную реальность, что задает проблему самостоятельного, до-субъектного формирования континуумом культуры необходимой меры.

Современные глобализационные тенденции не обеспечивают основы безопасности и устойчивости бытия как всего международного сообщества, так и отдельных людей. Это связано с тем, что на сегодняшний день процесс глобализации можно определить преимущественно синергетически, выделить некоторые центры, порождающие те или иные формы и режимы развития.

Автономность этих центров связана с их способностью раскрывать новые, еще не освоенные ресурсы (информационные, технологические, организационные), а не со смысловой стороной. Сама логика глобализации в этих условиях выходит из-под контроля человека, будучи связанной не с собственно человеческой направленностью, а лишь с условием совместимости заданных ритмов преобразований с другими "ритмами колебаний" и с международным глобальным целым. Матрица культуры (культуры человека!) должна встроиться в этот порядок и подчинить его не только нормам относительной устойчивости, но и нормам смысла и общечеловеческих ценностей.

Общественный мир, с одной стороны, есть мир фактуальный, воплощенный в определенных фиксированных реальностях. Но в то же время, будучи реализацией самых разных граней человеческой духовности, он является пространством новых устремлений, новых горизонтов, миром внутренней динамики, движимым новыми целями и ориентирами. Современный этап глобализации сопровождается эволюцией психологических и ментальных структур человека, ведет к изменению содержания и роли сознания. Причем это проявляется как на индивидуальном, так и на уровне общественного сознания в целом. Все глобальные и трансграничные процессы, «пропускаясь» через наше сознание, вызывают изменения в оценочной и аффективной сферах человеческого мышления, затрагивают, как уже было отмечено выше, сферу смыслов и ценностей жизни индивида, группы, общества. Более того, под влиянием глобальных изменений в мире трансформируются ценностные и культурные структуры различных обществ и отчасти даже цивилизаций. Так, ценности западного либерализма (Севера), накладываясь на сакральные традиции Востока и Юга, на практике реализуются в весьма причудливых формах, придающих трансграничным процессам непредсказуемые очертания. Однако в мировом пространстве формируются и универсальные ценности, пытающиеся сформировать унифицированные типы оценочных реакций на происходящие в мире события. Даже в том случае, когда эти идеи и представления блокируются в той или иной национальной среде, находятся косвенные, вспомогательные формы для их позиционирования в общественном мнении, культурного продвижения и развития. Таким образом, можно с достаточным на то основанием утверждать, что в современном глобализующемся обществе наметился процесс кристаллизации ряда универсальных категорий и ценностей, формирующих относительно единые гуманитарные идеалы и принципы.

Список литературы

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 120 с.
2. Там же, с. 20
3. Лукин В.М. Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 53-55.
4. Hannerz U. Notes on Global Communications // Public Culture. 1989, № 1. P. 65-75; Hannerz U. Scenarios for Peripheral Cultures. Binghampton, 1989.

5. Чешков М. А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия, с. 142.
6. Василенко И. А. Политическая глобалистика. Учебное пособие. М., 2000. С. 319.
7. Юрьев А. Глобализация как новая форма политической власти. – В сб.: Глобализация: варианты для России // Материалы круглого стола – СПб.: Информационное агентство «РосБалт». – 2001. – С. 38-49 с.

GLOBALIZATION: A HUMANITY ASPECT

The article is dedicated to cultural globalization problem. Global changing of humanity cultural system has positive achievements as well as a number of difficulties caused by absence of changhins control mechanisms. Authors accentuate humanity aspects of globalization processes as they are the base of modern changing processes.

E. S. POSMETYEVA

*Voronezh State Technical
University*

e-mail:grigores@mail.ru

Key words: globalisation, globalisation models, collision of civilizations, global etics, humanism.

ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ

С. В. РЕЗНИК¹
С. А. КУТОМАНОВ¹
В. Н. МИЗАЕВ²

*¹Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
reznik@bsu.edu.ru*

*e-mail:
kutomanov@bsu.edu.ru*

*²Московский государственный
горный университет*

В статье рассматривается феномен исламского терроризма в современном глобализирующемся мире, а также причины и условия, способствующие вовлечению в субкультуры терроризма.

Ключевые слова: ислам, транскulturа, транскультурный проект, транскультурный вызов, глобальный терроризм, субкультуры терроризма.

Исламский терроризм не является новым явлением для XXI столетия, а 11 сентября 2001 года – черный день в истории США и всего западного мира – не стал отправной точкой начала атак исламских террористов на западный мир. Террор исламских шахидов преследовал Запад, Россию и даже сам исламский мир еще в XX веке. Атака террористов на башни ВТЦ явилась своего рода «Перл-Харбором XXI века» и послужила причиной вступления США в активное противостояние с мировым терроризмом. Взрывы в Московском метро показали в очередной раз, что Россия, как и весь мир, находится в состоянии войны – четвертой мировой войны, о которой писал Джангир Арас¹, войны мирового сообщества против терроризма. У этой войны нет четких границ, весь мир оказался на линии фронта.

Нарастающим процессам глобализации противостоит исламский терроризм как **транскультурный проект**. Хотя взрывы в разных частях света осуществили религиозные фанатики, цели их организаторов вполне понятны и объяснимы. Это отнюдь не удар по регулярной армии или по государственным учреждениям. Атаки, направленные исключительно на гражданское население преследуют одну главную цель – погрузить людей в страх, вызвать смятение, сделать их внушаемыми. Война, которую ведут террористы от ислама, не ограничивается каким-либо отдельным регионом, будь то только Северный Кавказ, либо Нью-Йорк, либо Лондон, их амбиции носят глобальный характер. Они воюют не с Кремлем или Белым Домом, не с русскими или американцами, а со всем миром «неверных» во всех странах, т.е. ведут глобальный джихад.

В книге Э. Берри и М. Эпштейна «Транскультурные эксперименты: Российская и американская модели творческой коммуникации» (Нью-Йорк, 1999) транскulturа определяется как «раздвижение границ этнических, профессиональных, языковых и других идентичностей на новых уровнях неопределимости и «виртуальности». Транскulturа создает новые идентичности в зоне размытости и интерференции и бросает вызов метафизике самобытности и прерывности, характерной для наций, рас, профессий и других устоявшихся культурных образований, которые заостеневают, а не рассеиваются в «политике идентичности», проводимой теорией многокультурия»².

Признание различий является одним из символов современности в рамках, как гетерогенности мира, так и поликультурности конкретных обществ. Транскulturация –

¹ Джангир Арас «Четвертая мировая война. Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам».

² Ellen Berry, Mikhail Epstein. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. New York: St. Martin's Press, 1999, p. 25.

символ открытости поликультурного общества в гетерогенный мир – «универсум различий». Она выступает как новая эпистема глобального мировидения, как динамичный институциональный процесс проникновения в «тело» иной культуры. Транскультурация связана со сменой мест обитания, с новой «безместностью» и процессом «завоевания места» в социальном пространстве другого общества – институциональной диффузией. Современная транскультура способна изменить мир быстрее, чем это предусматривает социально-экономическая и мультикультурная политика государства.

В поликультурном обществе проблема коммуникации раскрывается через взаимосвязи, взаимоотношения, контакты субъектов культурных различий – Врага, Чужого и Другого³, а так же через процессы институциональных диффузий, взаимопроникновений институциональных структур «субъектов культурных различий» друг в друга. Коммуникацию усиливает влияние масс-медиа, устраняющее культурные различия и культивирующее массовые потребности. Однако та же коммуникация активно использует «язык вражды» как действенный способ отличия от Другого.

Проблемы коммуникации в поликультурном обществе остро встают в зонах пересечения интересов, миграций, политической неопределенности, «иных гражданств». Зоны пересечения культур являются наиболее уязвимыми точками стабильности поликультурного общества, соседствующего с другими территориями. В зоне коммуникативного обмена различиями («пограничье») происходят принципиально важные процессы соприкосновения культур. Феномены «пограничья», связанные с переселением и сменой мест обитания социальных, этнических и религиозных групп и их вхождением в Чужой социальный мир, в современном мире возникают часто. Феномен «языка ненависти», косвенно отражает мир конфронтующих идентичностей, существующих в поликультурном обществе и порой искусственно подталкиваемых к взаимной вражде.

В наши дни распространяется новое явление – проникновение и устойчивая адаптация новых институциональных структур арабского Востока в европейские и постсоветские страны – «диффузная институционализация». «Она создает особые «анклавы» традиционной и гибридной культур, выполняющие функцию адаптации к западному (или постсоветскому обществу) и рекрутирования «модернистов» в «традиционалисты». Так в Англии, во Франции сотни европейцев стали за последние десятилетия приверженцами – мнимыми и истинными – ценностей ислама, буддийской культуры и другой восточной «экзотики», а представители незападных культур нашли землю обетованную в Европе и Америке, поставив под сомнение демографический рост и политическое доминирование «белой расы»⁴.

В теориях Б. Дженкинса, Г. фон Грюнебаума, С. Хантингтона терроризм объясняется исходя из конфликта цивилизаций. Согласно данной концепции в рамках существующего разрыва между Востоком и Западом терроризм приобрел статус международного. «Похоже, именно незападный мир бросает **транскультурный вызов**, активно формируя на Западе поликультурное общество на свой манер. ...Восток смотрит на Запад уже не со стороны, а изнутри самого Запада, в котором «прецедент» плюрализма делом его рук»⁵.

Глобализация втягивает в свою орбиту не только экономику и науку, политику и культуру, но и религию. Причём, буквально все религиозные конфессии разделились внутри себя на два лагеря, один из которых видит в глобализации только угрозу (своим устоям, привычному порядку) – а другие, напротив, стремятся овладеть этим процессом изнутри, чтобы придать ему свой смысл, выявить заложенные в глубине, но до глобализации не выявленные силы. В глобальном мире терроризм стал всепроникающим и перманентным. Никто и никому не может гарантировать защищенности от террористического акта, будь то политический деятель или простой гражданин. Терроризм стал реальной ежедневной и ежечасной угрозой жизненно важным интересам личности, общества

³ Гречко П.К. Конфликт, терпимость, толерантность // Поликультурное общество: стабильность и коммуникация. – М., 2003. – С. 24.

⁴ Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира. [Восток смотрит на Запад уже не со стороны, а изнутри самого Запада]. // Социологические исследования. – №12 – 2005. – С. 7-8.

⁵ Там же – С. 12.

и государства. В глобально зависимом мире возникает общий социальный клубок проблем. Глобализация делает одинаково уязвимыми перед новыми угрозами большие и малые, богатые и бедные, материковые и островные общества и страны. Говоря о глобализации как таковой, по всей видимости, стоит согласиться с мнением о том, что она – осязательная проблема, выражающая и главное направление развития мира, и главное противоречие начала XXI в., является питательной средой для терроризма.

Противоречия процесса глобализации и локализации как ее побочного продукта, во многом и определяют интенсификацию терроризма в наше время. Это обусловлено тем, что для многих стран терроризм является внутренней болезнью, порождаемой в основном их самобытным развитием и общества в целом в различных областях (культуре, политике, экономике, социальной сфере). Терроризм комфортно чувствует себя в странах с незавершенной модернизацией, перестройками, преобразованиями, там, где есть ресурсы и нестабильная власть. В то же время благодаря глобализации проявления терроризма отмечены и в стабильных развитых странах, так как предпосылки для него существуют практически везде.

Марк Сейджмен, профессор социологии Пенсильванского университета, советник правительства США по борьбе с терроризмом, автор книги «Understanding Terrorist Network», обращает внимание на одну деталь, которая больше других отличает «глобальных террористов» «Аль-Каиды» от групп пакистанских фундаменталистов, талибов или чеченских боевиков: эти люди – интернационалисты, «граждане глобальной деревни», покинувшие родные места, некоторые из них отправились – на Запад. 70% из них стали радикалами-исламистами и присоединились к джихаду за пределами родины, главным образом в западных странах. Характерно, что они были рекрутированы или «рекрутировали самих себя»⁶, будучи посланы как представители элит собственных стран на учебу в США, Германию, Англию или Францию.

Магрибские арабы и выходцы из центральных арабских стран (Египта, Саудовской Аравии, Йемена, Кувейта) социально и географически мобильны. Некоторые из них говорят на трех-четыре языка. Их космополитизм резко отличается от локальной культуры членов фундаменталистских движений вроде «Талибана». М. Сейджмен отмечает, что среди «глобальных террористов» нет ни одного выходца из Афганистана⁷. И это замечание не случайно. В свете перечисленных фактов очень трудно, замечает аналитик, говорить о том, что терроризм пришел на Запад откуда-то извне. Поэтому война с терроризмом за пределами западного мира – в Афганистане или Ираке – бьет мимо своей цели.

Неспособность западной культуры интегрировать иммигрантов свидетельствует о болезненном кризисе этого общества. Терроризм, выпестованный не в Кабуле или Каире, а в Лондоне, Париже или Нью-Йорке, – не результат проникновения на Запад мусульманских фанатиков, а следствие неспособности институтов западного общества обеспечить индивидов прочным чувством идентичности, считает М. Сейджмен⁸. Арабы и другие иммигранты могут чувствовать это гораздо острее, чем коренные европейцы или американцы, но атомизация и отчуждение коснулись практически каждого гражданина «процветающих» демократий. Поэтому идеологической основой такого нового явления, как «глобальный терроризм», может в будущем стать любой другой фундаментализм, не только исламский.

В эпоху информационной революции проблем, связанных с осмыслением социальных и культурных идентичностей, становится еще больше. Современные средства массовой информации и информационные системы, становление информационного общества нарушают границы, системные свойства пола, класса, этноса, религии, национальности, субкультуры. Они разрушают прежние социальные институты, которые формировали идентификационный процесс. Отчуждение, дефицит межлических связей, их стабильности и определенности характерны для глобальной технологической революции.

⁶ Международные террористические организации (данные доклада Государственного департамента США). – Режим доступа к изд.: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016list.htm> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

XXI век есть время перехода мировой цивилизации в качественно новое состояние, которое можно охарактеризовать как переход из состояния «террористического мира» в состояние «террористической войны». Первое было порождено опасностью обоюдного применения термоядерного оружия, грозившей уничтожением всему человечеству. Второе есть проявление политического бессилия как силы, которое открывает перед террористической войной перспективу, какой не знал террор как акция. Все войны имеют религиозное измерение, так как война имеет дело со смертью. Религиозное измерение войны с особой остротой проявляется там, где эсхатологическое развенчивание истории человеческого существования начинает отрицать привязанность человека ко времени и серьезность жизни. Правомерно возникает вопрос: оправдана ли при этом попытка свети действия террористов к какой-либо религии.

Одним из объективных препятствий на пути к объединению мира являются этические, религиозные и идеологические различия народов. Расширение масштабов перемещения людей по планете не отменяет того, что большая их часть продолжает рождаться и воспитываться в относительно закрытых национальных государствах, народностях, а также группах, образованных по принципу родства, религиозной общности или единой истории. Все это ведет к существенным различиям в этических ценностях у отдельных личностей или групп людей, к разному пониманию смысла таких основополагающих категорий, как права человека, индивидуальная свобода. Даже при отсутствии непосредственного конфликта сохраняется непонимание ими друг друга. Ситуация существенно обостряется, когда на этнические различия накладываются различия идеологического, прежде всего религиозного, характера. Эти различия не являются преходящим феноменом.

Наиболее тиражируемой идеей последнего времени является «неизбежность противостояния» мусульманского и всего остального мира. Последователей ислама – почти миллиард человек, т.е. 1/6 населения Земли. Мусульманский мир составляют 120 государств, некоторые из которых процветающие и экономически развитые. Не все они являются сторонниками терроризма. Египет, Ливан, Судан, Алжир, Пакистан сами ведут борьбу с терроризмом и его идеологией.

США как представители англо-саксонской культурно-цивилизационной модели, в соответствии с протестантским мировоззрением, рассматривают урегулирование конфликтов в современном мире как возможность трансформировать мир под собственную модель общества. Именно эту цель преследует большинство разрабатываемых США технологий информационно-психологического урегулирования конфликтов. Проблема борьбы с международным терроризмом, по сути, превращается из политической в религиозную, когда президент США Дж. Буш заявляет, что «каждая страна должна знать, что война с террором для Америки является не просто политикой, а настоящим обетом»⁹. Идеологема об обязательном и безвозмездном экспорте демократии от США во все иные страны, еще не обладающие «истинными демократическими ценностями», также построена в соответствии с протестантскими традициями и имеет четкий религиозный подтекст.

Одним из распространенных инструментов, используемых в современных информационных войнах, является так называемое по терминологии Э. Тоффлера «выкручивание мозгов». Одним из шести «гаечных ключей по выкручиванию мозгов» является заявление о божественной миссии. «Саддам облекал свою агрессию в исламский балахон, но и Дж. Буш тоже взывал к поддержке Господа. Как указала марокканский социолог Фатима Мернисси, заклинание «Боже, благослови Америку» пронизывало всю американскую пропаганду и возымело странный и непредвиденный побочный эффект, когда достигло ушей простонародья на улицах мусульманских городов и деревень. Привыкшие считать Америку оплотом материализма и атеизма, люди, как он пишет, «столбенели», услышав, что Дж. Буш взывает к Богу. Неужто американцы верят в Бога? И еще больше становилось смятение умов, когда Бога привязывали к демократии. Это что, религия такая?»¹⁰.

⁹ Красная звезда 27.09.2002 г.

¹⁰ Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: Аст: Транзиткнига, 2005. – С. 250.

Если рассматривать феномен исламского терроризма через призму проблемы зла, то, опираясь на типологию зла Г. Лейбница можно сказать, что терроризм это реакция на метафизическое зло, то есть несовершенство мира (по крайней мере, касательно рядовых исполнителей терактов). В то же время, сам терроризм может быть определен как нравственное зло, поскольку последнее совершается только субъектом, обладающим способностью к самоопределению, то есть имеет прямое отношение к деятельности человека. «Нравственное зло – одно из возможных проявлений свободы человека»¹¹. Исходя из данного положения, Л. Свендсен предлагает следующую типологию зла: демоническое зло, зло-средство, идеалистическое зло, зло глупость. Теракты совершаемые религиозными фанатиками можно отнести к области идеалистического зла и зла-средства. В первом случае нужно учитывать тот факт, что террористы являются, в общем, идеалистами (рядовые исполнители терактов, шахиды-смертники), которые считают себя борцами со злом. Идеологический противник для них представляет собой зло, с которым следует бороться, а сами они верят в то, что они творят добро. Во втором случае речь идет о злодеянии, совершаемом людьми, которые понимают, что совершают зло, но, тем не менее, реализуют его ради какой-то поставленной цели (заказчики терактов).

Итак, и те и другие творят зло, однако первые верят в то, что они исполняют священный долг, по исполнении которого они попадут в рай, вторые же – реализуют свои политические цели. Для первых террор – это образ жизни и деятельности, который полностью подчиняет человека себе. Для них большую роль играют религиозные мотивы, мотивы активного преобразования «несовершенного» мира. Они ощущают себя героями, жертвующими своими жизнями ради утверждения ценностей своей религии, отсюда их стремление привлечь внимание к своей персоне. Вторые руководствуются меркантильными мотивами и почти всегда остаются в тени. Их цели более прозаичны – желание обогатиться, свержение неугодного политического режима и т.п. Итак, исламский терроризм, в какие бы формы он не облекался – национально-освободительная борьба (сепаратизм), борьба за чистоту веры и т.д. – неизменно носит характер нелегитимного, анти-системного насилия под маской религиозного фанатизма.

«С каким бы лозунгом не выступал террорист, он адепт и порождение глобализма. Основные заповеди глобализации: 1) каждый обязан быть услышанным; 2) должно быть пространство для высказываний. Террорист – тот, кто считает, что его не слушают, и с кем не считаются в коммуникации и практике. Поэтому он берёт слово и весь мир «гласности» устремляется к нему. Терроризм сегодня – как художественное произведение, как шоу, как картина. Он творится перед объективом сотен тысяч фото- и кинокамер. Он только там и возможен, где есть эти камеры и эта гласность, то есть в цивилизованном мире. Но заложники, которых он берёт – это символ системы. Он убивает систему в их лице, как система убивает его. Стратегии чеченцев, арабов поразительно современны. Им дали западные ценности, но Запад сам не справляется с большим количеством своих адептов. И они берут своё то тем, то иным способом»¹².

Общей чертой террористов первого типа является групповой нарциссизм, который заключается в ощущении ими гордости за принадлежность к какой-либо (национальной, этнической, религиозной и т.д.) группе. Террорист, идущий на смерть ради абстрактной цели, обычно считает себя исполнителем собственного «высокого предназначения», спасителем хотя бы для ограниченной группы людей. Окружающий мир для террористов сужается до очень простых и абсолютных понятий: «черное – белое», «мы – они», «хороший – плохой». «Для террориста-фанатика» насилие – это, прежде всего священное действие или божественная обязанность, творимая по прямому требованию веры. Таким образом, терроризм приобретает некое сверхъестественное измерение, а сами террористы перестают быть связанными политическими, моральными или

¹¹ Л. Свендсен Философия зла / Пер. с норв. Наргис Шинкаренко. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С. 107.

¹² Уши машут ослом. Современное социальное программирование / Д. Гусев, О. Матвейчев, Р. Хазеев, С. Чернаков – Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002. – С. 136.

практическими нормами... Таким образом, религия, выраженная в священных текстах и истолковываемая клиром, говорящим от имени Бога, является узаконивающей силой»¹³. Брюс Хоффман проводит различие между светским и религиозным терроризмом и указывает характерные особенности исламских террористических группировок: узаконивание насилия религиозными предписаниями, чувство отчуждения, террористические движения, в которых активисты являются также лидерами, уничтожение широкой категории врагов.

Перефразируя название одной из работ Э. Фромма «Человек волк или овца?» можно задать вопрос «террорист волк или овца?». Если обратиться к терминологии Э. Фромма, то причастность к террористической группе, секте можно назвать «бегством от свободы». В условиях кризиса идентичности данная причастность к какой-то целостной структуре дает индивиду ощущение уверенности. «Волки заставляют овец убивать и душить, а те поступают так не потому, что это доставляет им радость, а потому что они хотят подчиняться. Кроме того, чтобы побудить большинство овец действовать, как волки, убийцы должны придумать истории о правоте своего дела, о защите свободы, которая находится в опасности, о мести за детей, заколотых штыками, об изнасилованных женщинах и поруганной чести. Этот ответ звучит убедительно, но и после него остается много сомнений. ...возникает вопрос; если это не в их природе, то почему овцы с такой легкостью соблазняются поведением волков, когда насилие представляют им в качестве священной обязанности»¹⁴.

Э. Фромм указывал, что «у человека должна быть возможность отнести себя к какой-то системе, которая направляла его жизнь, придавала ей смысл; в противном случае его охватывают сомнения, в конечном счете, парализующие его способность действовать, а значит, лишаящие его способности жить»¹⁵.

Основной питательной средой современного терроризма считаются замкнутые этнические сообщества с высоким процентом молодого активного населения, существующие вне собственной сильной национальной государственности – в виде этнического меньшинства или диаспоры. В большинстве случаев можно утверждать, что совпадает сразу несколько факторов субкультурной автономности: этно/суб/суперэтнический, религиозно-этический, социальный, возрастной. Каждый из них в отдельности является потенциально конфликтогенным. В системе отношений «стволовая культура – контр-культура» возникает постоянно тлеющее напряжение, и создается ситуация конкурса радикальных идеологий. Тем не менее, основным механизмом – и это доказывает статистика, согласно которой средний возраст террористов-смертников часто не превышает 20 лет – становится именно возрастной.

В террористических сообществах система приоритетов смещена в национально-клановую и религиозную сферы, те не менее можно указать на некоторые общие черты между ними и западными субкультурами: узкие одновозрастные группы, радикальная идеология, свой особый язык, символика, цели и выраженные через отрицание ценности – все это необходимые признаки контркультуры.

Бодрийяр, Деррида, Гройс анализируя культурные последствия событий 11 сентября 2001 года, неоднократно употребляли понятие «альтернативная глобализация», смысл которого состоит в том, что глобализация, понимаемая как навязывание миру ценностей западного мира в качестве универсальных и общечеловеческих, вытесняет незападные культурные традиции в положение субкультур, автономность которых балансирует на грани маргинальности.

В случае, когда речь идет о «маргинальной нации», как с палестинскими арабами, чеченцами, косоварами, двигателем контркультурных процессов становится на-

¹³ Б. Хоффман Терроризм – взгляд изнутри = Inside terrorism. – М., 2003. – С. 112-113.

¹⁴ Фромм Э. Человек волк или овца? – Режим доступа к изд.: <http://www.avtonom.org/old/lib/theory/fromm/man.html> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

¹⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Режим доступа к изд.: <http://www.philosophy.ru/library/fromm/02/o.htm> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

циональная самоидентификация. При этом требование национальной независимости в этом случае является лишь прикрытием для настоящей задачи – подрыва структур и целостности того социума, по отношению к которому они являются маргиналами. Маргинализация чеченцев, ставшая следствием первой чеченской войны на общем фоне обострения межэтнических противоречий, столкнула их в состояние контркультурного сообщества, т.е. антисистемы, идеологией, которой становится подрыв «стволовой» культуры.

Глобальность террора имеет ту же природу, что и глобальность левацкого тренда 60-х: атака маргинальных субкультур на консервативные культуры. Чегеваризм и «красный май» 60-х многие пытались использовать в своих политических целях, но единого центра у них не было. Такая атака обретает новые форматы, новую лексику и новую самоидентификацию. В данный момент – в моде национальная и религиозная идентификация. В 60-х лидировала социальная. Поэтому террор может с полным правом считаться культурным феноменом. Нет единой идеологии террора, но есть общие закономерности, по которым возникают террористические течения, анклавные идеологии. Таким образом, террор есть оружие маргиналов, а субкультура терроризма – новая форма антисоциальной маргинальности. Причем одним из путей вовлечения иммигрантской молодежи из стран мусульманского мира в субкультуры терроризма является маргинализация той ее активной части, которая в силу ряда причин не может интегрироваться в иную (западную) культуру.

Таким образом, научный подход к феномену терроризма как объективно протекающего исторического процесса позволяет зафиксировать его как спонтанное проявление более глубоких, фундаментальных процессов. И в этом аспекте позиционировать терроризм как одну из множества тактических форм политической борьбы, значит не учитывать культурно-идеологическую, культурно-антропологическую, этнокультурную и религиозную специфику феномена терроризма. Рассмотрение вопроса о сущности феномена терроризма затрагивает многочисленные аспекты социального бытия, тесно переплетающегося с религиозными взглядами и соответствующим психологическим настроением традиционных слоев населения. Выше сказанное обуславливает исследование культурно-антропологических предпосылок исламского терроризма и моделей негативной идентичности и жизненной стратегии в процессе включения человека в субкультуру терроризма.

Список литературы

1. Джангир Арас «Четвертая мировая война. Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам».
2. Ellen Berry, Mikhail Epstein. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York: St. Martin's Press, 1999, p. 25.
3. Гречко П.К. Конфликт, терпимость, толерантность // *Поликультурное общество: стабильность и коммуникация*. – М., 2003. – С. 24.
4. Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира. [Восток смотрит на Запад уже не со стороны, а изнутри самого Запада]. // *Социологические исследования*. – №12 – 2005. – С. 7-8.
5. Международные террористические организации (данные доклада Государственного департамента США). – Режим доступа к изд.: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016list.htm> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
6. Красная звезда 27.09.2002 г.
7. Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. *Война и антивоенная. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века*. М.: Аст: Транзиткнига, 2005.
8. Л. Свендсен *Философия зла* / Пер. с норв. Наргис Шинкаренко. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.
9. *Уши машут ослом. Современное социальное программирование* / Д. Гусев, О. Матвейчев, Р. Хазеев, С. Чернаков – Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002.
10. Б. Хоффман *Терроризм – взгляд изнутри = Inside terrorism*. – М., 2003.

11. Фромм Э. Человек волк или овца? – Режим доступа к изд.: <http://www.avtonom.org/old/lib/theory/fromm/man.html> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

12. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Режим доступа к изд.: <http://www.philosophy.ru/library/fromm/02/0.htm> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

ISLAMIC TERRORISM AS A TRANSCULTURAL PROJECT

S. V. REZNIK¹⁾
S. A. KUTOMANOV¹⁾
V. N. MIZAEV²⁾

¹⁾Belgorod State University

e-mail: reznik@bsu.edu.ru

e-mail:

kutomanov@bsu.edu.ru

²⁾ Moscow State Mining University

The paper discusses Islamic terrorism as a phenomenon of the globalizing world. The reasons and conditions of interpellation into terrorist subcultures are observed in the article.

Key words: Islam, transculture, transcultural project, transcultural challenge, global terrorism, terrorist subcultures.

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МАТЕРИНСТВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСА ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Л. Н. ТРОНИНА

*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail:
tulaphilos@gmail.ru*

В статье рассматривается материнство как нравственно-психологический и социокультурный феномен, его значение в системе жизненных ориентаций российского общества. Определяются причины и основные черты кризиса традиционного материнства как выражения кризиса нравственных ценностей в современном российском обществе, показываются возможные пути его преодоления.

Ключевые слова: материнство, кризис материнства, нравственные ценности материнства, кризис нравственных ценностей, социокультурные причины падения рождаемости, ценностное отношение к материнству, меры поддержки материнства и детства.

Женское начало в культуре разных народов всегда связывалось с образом матери. Традиционно в России материнство всегда было обозначено как высшая нравственная ценность. Это понятие объединяет в себе такие нравственные характеристики как материнская любовь, забота, самоотвержение или жертвенная материнская любовь. Подчеркивая особенность материнской любви, С.Л. Франк в своей работе «Фр. Ницше и этика любви «к дальнему»» подчеркивал нравственно-духовную особенность феномена материнской любви, рассматривая ее как *особую форму*, не укладывающуюся систему традиционных представлений о любви. С.Л. Франк подчеркивает, что материнская любовь есть такая разновидность моральной любви, которая не может и не должна выразить смысл альтруизма, как любви к «дальнему». Этот особый род любви есть «любовь к чему-то создающемуся, будущему, творимому, любовь не к человеку, а к «призраку» будущего человека». ¹ Таким образом, в природе женщины изначально заключена нравственная доминанта любви и заботы о будущем ребенке. Именно поэтому в общечеловеческой системе нравственных ценностей уважение к женщине является добродетелью и нравственным идеалом.

Образ матери традиционно связан с такими нравственными чертами как мягкость, терпеливость, милосердие. Наконец, нравственные характеристики материнства, основанные на любви и заботе о детях, характеризуют женщину как существо в высшей степени самоотверженное, готовую ради ребенка пожертвовать собственной жизнью. Эти черты придают женскому образу ореол духовного преображения, а, следовательно, и святости. Высший символ святости воплощен в самоотвержении и любви Богоматери, отдающей любимого Сына во имя любви людям.

Таким образом, материнская любовь представляет собой *нравственный феномен*, черты и характеристики которого воплощают в себе культурный собирательный смысл *женственности*, выражающий в целом сущность предназначения женщины. В этой интерпретации материнская любовь выступает как нравственная основа *традиционного материнства*.

В современной России, как и во всем мире, ценности традиционного материнства, в основе которых – любовь к детям, а самое главное – желание их иметь, постепенно утрачиваются. Современное российское общество, не выдерживает тех культурных вызовов, которые предлагаются современной цивилизацией: ее техногенным, экономическим, информационным развитием, вовлекающим человека в систему водоворота профессионального успеха, экономического роста, информационной загруженности.

¹ С.Л. Франк «Фр. Ницше и этика любви «к дальнему»»/ [Электронный ресурс] www.philosophy.ru/library/frank/frank.html

Основные социокультурные причины кризиса материнства

Кризис материнства в России означает переоценку ценностей традиционного материнства, что формирует новую систему ценностей. В данной статье сделана попытка систематизации социокультурных оснований и причин, формирующих переоценку ценностей традиционного материнства. В числе культурных вызовов – *женская эмансипация, потребительская парадигма культуры*, рождающая черты крайнего индивидуализм и эгоизма, *демографический кризис*, влияющий на изменение системы ценностных ориентаций и мотиваций.

Женская эмансипация как ответ экономическим вызовам связана с активным вовлечением женщин в сферу экономического производства – традиция Советского государства, которая продолжилась особенно активно в перестроечный и пост перестроечный периоды развития российского государства. Общественная деятельность способствовала формированию у женщин традиционно мужских качеств: волевых черт характера, твердости, стремления к лидерству, профессиональному самоутверждению, карьерному росту, что порой напрямую противоречило предназначению женщины-матери, милосердной, мягкой, терпеливой и любящей. Властный стиль женского поведения стал переноситься в семейные отношения, что привело к доминированию в семье авторитета жены.

Результат: 1. достижение женщинами экономической независимости; 2. разрушение традиционного семейного уклада: отсутствие должного внимания и заботы о доме, семейном устройстве и детях; 3. изменение и противоречий ценностных мотиваций материнства и профессионального успеха.

Потребительская парадигма культуры в постсоветской России: от коллективизма к крайнему индивидуализму

В перестроечный и постперестроечный период в России происходит ломка традиционных нравственных ценностей, что связано с изменением экономических отношений, интеграции России в мировое культурное пространство. Изменилось отношение к ценностям традиционного материнства. Это рождает такие процессы как отказ от материнства, отсутствие бережного и заботливого отношения к ребенку, к семейным обязанностям. Обобщая это, мы можем сказать, что *ответственность* как нравственная норма традиционного материнства в современной парадигме культуры подменяется в общественном сознании такими ценностями как профессиональная ответственность, профессиональный успех, рождается такой феномен как *педофобия*, выражающий отсутствие *мотивации* деторождения и моральной и экономической ответственностью.

Таким образом, переоценка ценностей традиционного материнства выражает, особенности современной парадигмы культуры, которая мотивирует направленность деятельности человека на достижение потребительских стандартов жизни, обуславливая эгоистических цели, связанные с гедонистическими ценностями сужая, его естественные и природные особенности.

Результат: 1. отсутствие мотивации к материнству;² 2. профессиональный эгоизм как норма; 3. демографический кризис и изменение системы ценностных ориентаций и мотиваций.

Как показывают социологические исследования демографический кризис выявляет следующие ценностные мотивации в среде молодежи: а) отсутствие мотивации к рождению детей;³ б) изменением приоритета ценностей.⁴

² Так, например, в опросе, проводимом в 2009 году на базе Владимирского государственного гуманитарного университета, участвовало 300 студенток всех факультетов вуза. Интересен тот факт, что все респондентки высказали желание иметь ребенка (детей), однако больше половины (78 %) студенток отметили, что не готовы жертвовать собой, своим личным временем и комфортом, удовольствиями ради детей. Более того, эти же девушки указали, что, по их мнению, самовыражение личностей супругов важнее родительских обязанностей.

³ По мнению авторов исследования «Семья и дети в жизненных установках россиян», семейные ориентации 36 % молодых людей до 30 лет не сопровождаются установкой на рождение детей (Варламова, 2006 с. 61-73).

⁴ По данным опросов, проведенных Институтом демографических исследований, среди основных жизненных целей молодых респондентов от 14 до 30 лет цель деторождения следует после таких

Результат: а) снижение репродуктивных установок; б) низкий престиж материнства и отцовства; в) направленность выбора супругов на бездетную семью; г) создание иллюзии «новых» форм семьи («гражданский брак», «гостевая семья» и др.); д) внебрачное рождение детей; е) малодетность;⁵ ж) рост количественных показателей социального сиротства; з) распространенности девиантных форм материнского поведения.

Выводы: 1. В статье выделена особенность материнства, показано, что материнская любовь – *нравственный феномен*, выражающий культурный собирательный смысл *женственности*, выступающий как сущность предназначения женщины, в основе которого материнская любовь. Именно в этой интерпретации трактуется смысл *традиционного материнства*. В природе женщины изначально заключена нравственная доминанта любви и заботы о будущем ребенке. Именно поэтому в общечеловеческой системе нравственных ценностей уважение к женщине является добродетелью и нравственным идеалом.

2. Обозначены основные характеристики материнской любви, такие как мягкость, терпеливость, милосердие. Определен нравственный смысл материнской любви как *постоянную готовность к самоотвержению и жертве*.

3. В данной статье представлена система социокультурных вызовов, представляющих собой основания для кризиса традиционного материнства в современной России: *женская эмансипация, потребительская парадигма культуры*, рождающая черты крайнего индивидуализма и эгоизма, *демографический кризис*, влияющий на изменение системы ценностных ориентаций и мотиваций

Список литературы

1. Франк С.Л. «Фр. Ницше и этика любви «к дальнему» [Электронный ресурс] www.philosophy.ru/library/frank/frank.html
2. Варламова С.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян [Текст] / С.Н. Варламова [и др.] // Социс. – 2006. – № 11. – С. 61–73.
3. Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронный ресурс].
4. Завражин С.А. Матримониальные установки и представления студенток вузов / С.А. Завражин // Психолого-педагогический поиск. – 2009. – № 3 (11). – С. 105–109.
5. Изабеков Ф. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека / Ф. Изабеков. – М.: Даниловский благовестник, 2008.
6. Пантин В. Семья и семейные ценности в сознании россиян / В. Пантин // Воспитание школьников. – 2008. – №10. – С. 9 – 14.
7. Пациорковский В.В. Большая семья в демографической ситуации России [Электронный ресурс] / В.В. Пациорковский, В.В. Пациорковская / Социологические исследования. – 2009. – № 3 / Институт демографических исследований. Демография.ру
8. Скрицкая Т.В. Материнство как социально обусловленный феномен [Электронный ресурс] / Т.В. Скрицкая. – Режим доступа: hpsy.ru/public
9. Узик А.В. Изучение ценностных ориентаций и семейного поведения городского населения современной России А.В. Узик // Вестник МГУ. Социология и политология. – 2007. – № 4. – С. 60–63.
10. Ценностные и репродуктивные ориентации молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demographia.ru.html
11. Чибисова М.Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании современной молодой женщины. Автореф. канд. психол. наук / М.Ю. Чибисова. – М., 2003.

ценностей-целей как хорошая семья, здоровье, хорошие друзья, жизненный успех. При этом в гендерном аспекте ориентация всей массы молодых людей на ценность детей (26,1 % и 26,4 % у юношей и девушек) почти одинакова (Ценностные и репродуктивные ориентации молодежи). Эту особенность равенства репродуктивных установок молодых женщин и мужчин подтверждает в своем исследовании и А.В. Узик. По его мнению, наиболее предпочтительной для современных юношей и девушек является однодетная семья (50,4 %) (Узик, 2007, с. 61–63).

⁵ Так, согласно исследованиям отечественных социологов, малодетность сегодня становится жизненной нормой: половина российских семей воспитывает только одного ребенка, при этом родители (в том числе и матери) не стремятся к рождению последующих детей, ссылаясь на недостаточность своих средств, времени и сил (Всероссийская перепись населения, 2002).

CRISIS OF MODERN MOTHERHOOD AS THE EXPRESSION OF MORAL VALUES CRISIS

L. N. TRONINA

*Tula State Pedagogical
University*

*e-mail:
tulaphilos@gmail.ru*

In the article motherhood as the moral-psychological and socio-cultural phenomenon, its value in the system of vital orientations of the Russian society are considered. The reasons and the basic features of the crisis of traditional motherhood as the expressions of moral values crisis in the modern Russian society are defined, possible ways of its overcoming are shown.

Key words: motherhood, crisis of motherhood, moral values of motherhood, moral values crisis, socio-cultural reasons of falling of birth rate, valuable attitude to motherhood, measures of motherhood and childhood support.

УДК 133.2/7.89

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ «РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»

И. Р. ФОМИНА*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого**e-mail: phileo@tspu.tula.ru*

Статья посвящена ценностным основаниям права в философии «русского зарубежья». В статье рассматривается право как феномен культуры. Анализируется духовная природа права, определяются основные ценности права.

Ключевые слова: право, духовные основания, ценности, мораль, юридическая наука, философия.

В настоящее время в отечественной философии и юридической науке идет сложный процесс поиска правопонимания, учитывающего как исторический опыт страны, так и мировые достижения в исследовании правовых начал общественной жизни. «Пока же отсутствие в нашей юриспруденции достаточно авторитетной и общепризнанной позиции в этом фундаментальном для нее вопросе, – отмечает известный отечественный юрист В.В. Лаптева, – влечет за собой и отсутствие полноценной правовой доктрины, что негативно сказывается на состоянии правовой практики»¹.

Необходимой составляющей осмысления феномена права является исследование отечественной философско-правовой традиции, представленной той ее частью, которую называют «русским зарубежьем». Лучшие представители этой традиции И.А. Ильин (1883 – 1954); Н.Н. Алексеев (1879–1964); С.Л. Франк (1877 – 1950), Г. Д. Гурвич (1894 – 1965) внесли существенный вклад в развитие мировой философии права и юридической науки.

Одна из его важнейших идей, определявшая их философскую деятельность, заключалась в формировании программы пересмотра юридической науки с позиций духовного осмысления права. Сама по себе проблема духовного осмысления права неоднократно ставилась русскими философами, однако она не встречала должного понимания со стороны ученых-правоведов. Так, один из крупнейших русских теоретиков права Г.Ф. Шершеневич утверждал, что юристы изучают право в его фактическом состоянии, а философы создают идеальное право, не зная, что именно представляет собой право в действительной жизни². В результате, в общественном сознании закрепилась, на первый взгляд, самоочевидная мысль о том, что существует определенное «разделение труда» между юристами и философами. Первые ограничивают толкование права узкими границами юридической догматики, поскольку они знают «реальное право», вторые, рассуждая о сущности права, остаются на уровне моралистической публицистики, поскольку они «реального права» якобы не знают.

Одна из основных заслуг правоведов «русского зарубежья» состоит в том, что они убедительно показали: претензия позитивистской юридической науки на знание права – не более как иллюзия, пустая абстракция, не ухватывающая истинную суть реального права. Поэтому И.А. Ильин, решительно призвал к полному обновлению всей юридической науки. «Общую теорию права, – писал он, – придется пересмотреть всю. Самые идеи права и государства, отмиравшие в пустой отвлеченности, прикрепятся внизу к живой глубине правоощущающего духа и вверху к единой, объективной цели права и государства»³. По его убеждению, юридическая наука должна строиться не просто как наука о

¹ Лаптева В.В. Российская юриспруденция в поисках нового типа правопонимания // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М., – 2006. – С. 36.

² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., – 1911. – С. 15-16.

³ Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // Собр. соч. в десяти тт. – М., – 1999. – С. 226.

«праве», но как наука о «праве в нормальном правосознании»⁴. «Строить право, – писал И.А. Ильин, – не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание»⁵.

Юристу, способному только к формальным анализам, и политику, стремящемуся к максимальному расширению публичных полномочий, может казаться, что сущность юриспруденции сводится лишь к поиску надежного механизма, регулирующего внешние возможности и поступки человека. Фактически же, такой подход приводит к тому, что дефекты правосознания принимаются как своего рода норма и право субъекта. А именно субъект права привлекает главное внимание мыслителя. «Право и государство живут, – писал И.А. Ильин, – по существу, в субъекте права, им, субъектом, – его душой, его духом. Но субъект права – это не только понятие, или категория, или абстрактная точка для умственного приложения полномочий и обязанностей; субъект права – это прежде всего духовно организованная душа»⁶.

Отчетливо выраженный персонализм философии права «русского зарубежья» резко контрастировал с идеей индивидуализма, заложенной в западноевропейской традиции правопонимания. Именно негативные этические последствия философско-правового индивидуализма вызывали критическое отношение к этой традиции у многих русских мыслителей. В частности, один из крупнейших теоретиков права «русского зарубежья» Н.Н. Алексеев указывал, что признание личности основной правовой ценностью – это главная догма новейшей философии права. «Истина, что право существует для человеческой личности и для ее охраны, – полагал он, – является как бы философско-правовой аксиомой»⁷. С понятием изолированной личности связаны производные от нее понятия, которые обычно и считаются основными правовыми ценностями: понятия эгоизма и интереса, понятия свободы и равенства. На них строятся определения различных правовых явлений и самого права: «право есть обузданный эгоизм», «право есть защищенный интерес» или «область внешней свободы», или «равновесие между свободой и равенством».

Это воззрение этически оправдывает эгоизм и индивидуализм, что и вызывало негативную реакцию многих русских мыслителей, в том числе и Н.Н. Алексеева. «Но нет никакого труда показать, – пишет он, – что между эмпирическим фактом живой человеческой личности и идеей права нет и не может быть ровно никакой логически необходимой связи. Материальные, нравственные, культурные и всякие иные потребности личности всегда являются чисто историческими изменчивыми величинами. При одних условиях они могут способствовать развитию права, при других – могут прямо препятствовать ему»⁸.

По утверждению другого представителя юридической науки «русского зарубежья» Г.Д. Гурвича именно индивидуалистическая концепция права привела к драматическому разрыву правопонимания и действительности, породив целый комплекс трудностей согласования абстрактных постулатов юридического индивидуализма с реальностью общественной практики. Основные дефекты такого понимания права Г.Д. Гурвич, подобно Н.Н. Алексееву, видел в том, что высшей целью права объявляется автономный индивид как усредненный представитель человеческого рода; единственная функция права видится в негативном ограничении сферы внешней свободы индивидов; единственное основание обязывающей силы права приписывается воле индивида (человека или государства); единственно возможной сферой юридического общения является подчинение множества изолированных индивидов абстрактному правилу поведения – закону; сфера действия права ограничивается регламентацией исключительно внешнего поведения индивида.

Представления Г.Д. Гурвича о праве в концентрированном виде отражаются в его определении права, которому мыслитель придавал большое значение. «Право, – писал он, – представляет собой попытку осуществить в данных социальных условиях идею справедливости (т. е. предварительного и по своей сущности многообразного примире-

⁴ Там же. – С. 226.

⁵ Там же. – С. 221.

⁶ Там же. – С. 222.

⁷ Алексеев С.С. Основы философии права. – СПб., – 1998. – С. 110.

⁸ Там же. – С. 122.

ния противоречивых духовных ценностей, воплощенных в данной социальной структуре) путем многостороннего императивно-атрибутивного регулирования, основанного на неразрывной связи между правоприязнаниями и обязанностями; это регулирование обретает действенность через нормативные факты, которые придают регулированию социальную гарантию эффективности, и может в некоторых случаях обеспечивать выполнение своих требований посредством заранее установленного внешнего принуждения, что не предполагается как обязательное»⁹.

Как видим, К.Г. Гурвич отнюдь не связывал в своем определении право с государством. Право, доказывал, существует на разных уровнях организации социума: на государственном уровне, на уровне отдельных социальных групп, на уровне общества в целом.

Идея социального права являлась одной из важнейших в правовом учении Г.Д. Гурвича и именно оно во многом воплощает идеи этического понимания права, характерного для русской философии. В одной из своих поздних работ ученый подчеркивал, что социальное право является правом объективной интеграции в феномен «Мы». Социальное право является правом мира, взаимопомощи, дружбы; индивидуальное право – правом войны, конфликта, разделения. Основанное на доверии социальное право никогда не может быть навязано извне. Оно осуществляет регулятивные функции исключительно изнутри. Поэтому социальное право автономно, оно присуще любому отдельному феномену «Мы». Вся сила права, по мысли ученого, производна от социального права, в котором выражается феномен «Мы», который не сводится лишь к простой взаимозависимости индивидов и разграничениям их интересов.

Разработка интегрального, синтетического и коммуникативного правопонимания была продолжена С.Л. Франком, которое связывается им с проблемой природы и смысла общественной жизни как таковой. Эта проблема есть существенная часть более общей проблемы природы и смысла человеческой жизни.

Для С.Л. Франка, как и для многих русских мыслителей, была очевидна абстрактность либерального антропологического идеала, лежащего в основе западноевропейской правовой идеологии. Он вполне отдает себе отчет в том, что решение антропологической проблемы возможно лишь на основе разработки новой концепции. Идея этой концепции связана с осмыслением того факта, что история нового времени зашла в тупик под влиянием ложной концепции гуманизма, противопоставившего себя христианству. «Старое «возрождение» – пишет С.Л. Франк, – изжито и умирает, уступая место новому возрождению. Человечество – вдалеке от шума исторических событий – накапливает силы и духовные навыки для великого дела, начатого Данте и Николаем Кузанским и неудавшегося благодаря роковой исторической ошибке или слабости их преемников»¹⁰.

Обновленная концепция христианского гуманизма, по его мнению, и была призвана дать ответ на вопрос об антропологических основаниях права как о его духовных основаниях. С.Л. Франк стремится раскрыть идею духовности человеческого существования не только в индивидуальном, но и в социальном аспекте. Но в каком смысле общество может считаться реальностью духовного порядка? Выступая как против позитивистской идеи о том, что общество есть лишь сумма индивидов, С.Л. Франк был далек и от иррационалистических и романтических представлений социологов-органицистов об обществе как о проявлении сверхиндивидуальных сил, об «общественной воле», о «душе народа» как принципах понимания социальности. «В обществе, – писал он, – нет единого субъекта целостного, соборного сознания, а духовное единство выражается во внутренней связи отдельных индивидуальных сознаний членов общества»¹¹. Это означает, что единство общества выражается не в наличии особого «общественного» субъекта сознания, а в коммуникативной взаимосвязанности индивидуумов, образующих реальное действительное единство.

⁹ Гурвич Г.Д. Философия и социология права. СПб., – 2004. – С. 608.

¹⁰ Франк С.Л. Освальд Шпенглер и закат Европы // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914 – 1922. – М.: Астрель, – 2007. – С. 888.

¹¹ Франк С. Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию. – Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. – Л., – 1991. – С. 290.

С.Л. Франку принадлежит глубоко продуманная концепция социального как коммуникативного единства «я» и «мы». Общество есть не простое и абсолютное единство субъекта, а именно многоединство, т. е. единство, действующее в объединенности многих индивидуальных сознаний. Это означает, что общество в качестве соборного единства есть не некое «я», а «мы». Единство общества существует, присутствуя и действуя как сознание общности, как идея «мы» в его отдельных членах. В результате, общественная жизнь мыслится не только как чисто внешняя форма человеческой жизни, но и как подлинная целостная реальность, как единственная реальность, в которой конкретно дан человек. Изолированный индивид есть абстракция, поскольку лишь в соборном бытии, в единстве общества человек обретает свою подлинную реальность.

Таким образом, общество имеет два слоя: внутренний и внешний. Внутренний слой образуется единством «мы» – соборность, внешний – общественность – существует постольку, поскольку указанное единство распадается на раздельность, противостояние и противоборство многих «я». Именно в этом обстоятельстве С.Л. Франк видит подлинный трагизм человеческого существования, несоответствие между эмпирической реальностью и онтологической сущностью. Реальное общество должно мыслиться как двуединство соборности и общественности – это один из важнейших методологических принципов понимания всех социальных феноменов, в том числе, государства и права. Первичной и основной формой соборности является брачно-семейное единство, вторая форма соборного единства есть религиозная жизнь, третья форма соборности проявляется через общность судьбы объединенного множества людей.

Общественное бытие, будучи нематериальным, вместе с тем является бытием надиндивидуальным и сверхличным, отличаясь от бытия психического. Такое объективное нематериальное бытие мыслитель называет идеей, в смысле духовного (но недушевного) объективного содержания бытия. В результате, существо общественного явления состоит в том, что оно есть объективная, суцая идея. Общественное бытие входит в область духовной жизни, сферы духа. Под духовной жизнью С.Л. Франк, подразумевает ту область бытия, в которой объективная, надиндивидуальная реальность дана не в форме предметной действительности, извне, как объект, как трансцендентная реальность, а в форме реальности, присутствующей в нас самих. Общественное бытие входит в этом отношении в состав духовной жизни и есть ее специфическое внешнее выражение и воплощение.

Теперь становится понятным, почему для С.Л. Франка либеральная и натуралистическая антропология «естественного состояния» и «естественных прав» искажает подлинную суть человека, поскольку своеобразие человеческого бытия заключается в преодолении и духовном преображении его собственной природы. Человек есть существо, социально и духовно преобразующее самого себя, а значит, фундаментальная характеристика его бытия и выражается в категории должного, которая тем самым определяет человеческую жизнь. Специфическое существо этой жизни и выражается в ее нравственно-правовом характере. В силу этого право для С.Л. Франка в своем первичном смысле есть должное в человеческих отношениях, то, что в них зависит не от эмпирической человеческой воли, а от высшего, абсолютного веления правды. Лишь в производном юридическом смысле под правом подразумевается совокупность норм, лишенных первичной внутренней авторитетности и заимствующих свою обязательность из авторитета власти.

Согласно С.Л. Франку, в силу двойственной природы общественной жизни «должное», нормирующее общественные отношения и идеально их определяющее, существует в двух формах: в форме права и в форме нравственности. Таким образом, человеческое поведение и отношения между людьми подчинены не одному, а двум законодательствам, которые по своему содержанию в значительной степени расходятся между собой. Это обстоятельство служит источником многочисленных конфликтов в человеческой жизни. И в то же время это обстоятельство является фундаментальным фактом человеческого существования и требует особого осмысления.

Мир права, полагает философ, с присущим ему оправданием эгоизма и принуждением резко противоречит началам свободы и любви, образующим основу нравственной жизни, и все же попытка отменить право и последовательно подчинить жизнь нрав-

ственному началу приводит к результатам еще худшим, чем правовое состояние. Проблематичность соотношения права и нравственности русский мыслитель видит в том, что и право, и нравственность представляют собой законодательства, охватывающие всю человеческую жизнь и проистекающие из совести человека, из сознания должного, и потому неразличимые ни по своему предмету, ни по своему происхождению.

Для понимания различия между правом и нравственностью С.Л. Франк предлагает возвыситься над формой «закона» и обратиться к осмыслению различия между «благодатью» и «законом», а также связанным с ним различием между «церковью» и «миром». Сущностная нравственность мыслится не как закон, а как конкретная жизнь, как живое субстанциальное начало, имманентно присущее человеческому бытию. Вне этой благодатной жизни, вне этой богочеловеческой основы человеческого существа для С.Л. Франка нет нравственной жизни вообще, нет начала, которое, формируя, объединяя и совершенствуя человеческую жизнь, тем самым творит и жизнь общественную. Исходя из понимания различия между правом и нравственностью на основе различия между «законом» и «благодатью», С.Л. Франк утверждает, что церковь есть универсальная категория человеческой общественной жизни. Церковь мыслится им в самом широком социально-философском смысле религиозного утверждения и освящения общественного союза. Вместе с тем, С.Л. Франк требует признания и мирского, эмпирического начала как необходимого начала общественной жизни, определяющего бытие человека со стороны его принадлежности к природе. Мнимое оцерковление мира, приводящее к обмирщению церкви, есть проявление искажения духовной жизни, в котором внешнее подобие правды заменяет ее внутреннюю сущность и вытесняет ее. Поэтому всякий социальный утопизм как вера в абсолютно-священный характер каких-либо форм внешней общественной жизни, всякая попытка насадить общественными реформами «царство Божье на земле» не только бесперспективна, но и духовно ущербна.

Н.Н. Алексеев развивал подобные взгляды. Рассматривая жизнь как арену борьбы добра со злом, он фактически утверждал ее сущностно нравственный и метафизический характер. Однако правовые акты могут иметь место далеко не на всех ступенях нравственности. Они не имеют отношения к низшей ступени нравственности, на которой господствует «жизненный порыв». Праву чужда также и высшая нравственная ступень, — ступень нравственного экстаза. И там и здесь одинаково нет места признанию, — этому основному акту, в котором проявляются правовые ценности. Признание, по мысли Н.Н. Алексеева, есть акт, возможный только на средних ступенях моральной жизни, на ступенях рефлексии и гнозиса. Правовым субъектом как деятелем может быть только то лицо, которое способно совершать акты признания и сопереживать их. Другими словами, область права значительно совпадает со способностью совершать акты, которые можно назвать сознательными и разумными.

Высшая же область нравственности связана с существом духовной жизни и с характеризующими ее состояниями и деятельностями. В ней также есть несколько ступеней. Низшая из них есть ступень моральной рефлексии, обычно принимаемая моралистами за единственно возможную форму моральной деятельности. Характерными моментами ее является гнозис — стремление разумно опознать существо и смысл нравственных ценностей, а также автономия или способность к сознательному и лично определяемому нравственному деланию; наконец, личная уверенность, как выражение непосредственного личного участия в жизни добра и зла. Эту ступень Н.Н. Алексеев называет ступенью морального самосознания, актуальную жизнь которого мы наблюдаем в чистом сознании или в чистом Я.

Н.Н. Алексеев утверждает существование более высоких ступеней нравственности, ступеней проникновения добром, в которых погашается всякая рефлексия, всякий гнозис. «На них, — пишет он, — добро настолько проникает жизнь, что сама жизнь становится полнотой добра. В таких состояниях исчезает всякий момент стремления к чему-то высшему, ибо оно уже — «здесь», присутствует и действует во всей своей полноте»¹². К этим ступеням неприменима идея нравственной автономии, предполагающая,

¹² Алексеев Н.Н. Указ. раб. — С. 252.

что добро еще не достигнуто, но только может быть достигнутым. Здесь снимается даже и идея ответственности, подразумевающая также неполное проникновение добром. «Это, – пишет Н.Н. Алексеев, – стадия морального экстаза, которым владеет добрый демон. Не лицо, а он является в них истинным деятелем. Рассматривая их с точки моральной рефлексии, мы начинаем чувствовать, что уже не мы являлись здесь самоопределяющимися лицами, но какая-то добрая сила руководила нами и заставляла нас делать то, что мы совершили»¹³.

Подобная позиция долгое время рассматривалась как выражение сугубо религиозного мироощущения русских мыслителей, как их, на первый взгляд, бесперспективное стремление противопоставить христианские ценности логике развития современной цивилизации. И, тем не менее, современные исследования в сфере культурологии и философии права заставляют нас пересмотреть подобные оценки. «Сосуществующие в пространстве, времени и вечности правопорядки, – пишет известный отечественный теоретик права И.А. Исаев, – никогда не сливаются в один глобальный порядок, и это происходит потому, что на другом «трансцендентном» уровне они уже обладают таким единством»¹⁴.

Эпоха Модерна пытались доказать самодостаточность единственно нормативистского понимания и восприятия мира, искусственно ими же созданного и выдаваемого за высшую реальность. Несмотря на то, что тенденция к единому порядку, к высшей нормативности, несомненно, присутствует в мире, она все же не может характеризоваться исключительно в юридических терминах. Подобно тому, как грех, зло и преступление так и не стали сугубо юридическими категориями, их метафизическая сущность остается непреодолимой, постольку и метафизический, нравственный порядок мироздания не может быть исчерпан одними лишь юридическими понятиями. «Следует только помнить, – отмечает И.А. Исаев, – что это всегда был и остается порядок совершенно иного рода, чем тот, который формируется путем механической законодательной техники и администрирования, этот порядок, имея свой высший источник в трансцендентном, одновременно зарождается и живет в душе каждого отдельного индивида: древние говорили о макрокосме и микрокосме; религиозное сознание и традиция напоминают нам о Боге и душе человека»¹⁵.

Интегрально-коммуникативное правопонимание, в создание которого внесли свой неоценимый вклад философы «русского зарубежья», стало той философской и научной концепцией, которая опередила свое время, поскольку в Западной Европе и США интерес к подобному правопониманию проявился лишь в последней четверти XX в. в работах Н. Лумана, Ю. Хабермаса, Р.Циппелиуса, Г.Дж. Бермана, Л.Л. Фуллера, Р.Дворкина и их последователей.

Оригинальность же философии права мыслителей «русского зарубежья» проявилась в стремлении создать теорию, сочетающую идею нравственного смысла человеческой жизни с реалистической правовой доктриной, которая могла бы стать основой понимания общественной жизни и государственного строительства. Выдвинутая и обоснованная ими коммуникативная концепция духовной природы права находит все большее число сторонников не только среди современных философов, но и среди правоведов. Создание синтезированной, интегральной этики права, в которой идея коммуникации играла определяющую роль, стала новаторским вкладом философско-правовой и этической мысли «русского зарубежья» в мировую философскую культуру.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Основы философии права. – СПб., – 1998.
2. Гурвич Г.Д. Философия и социология права. – СПб., 2004.
3. Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // Собр. соч. в десяти тт. – М., 1999.
4. Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. – М., 2007.

¹³ Алексеев Н.Н. Указ. раб. – С. 253.

¹⁴ Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. – М., – 2007. – С.413.

¹⁵ Там же. – С.415.

5. Лаптева В.В. Российская юриспруденция в поисках нового типа правопонимания // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М., – 2006.

6. Франк С. Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию. – Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. – Л., 1991.

7. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911.

VALUES FOUNDATIONS OF LAW IN THE PHILOSOPHY OF RUSSIAN EMIGRATION

I. R. FOMINA

*Tula State Teachers' Training
University n.a.L.N.Tolstoy*

e-mail: phileo@tspu.tula.ru

The article is dedicated to values foundations of law in the philosophy of Russian emigration. The article dwells on the law as a phenomenon of culture. The spiritual essence of law is analyzed, the main values of law are specified in the paper.

Key words: law, spiritual foundations, values, moral, juridical science, philosophy.

УДК 146.89/89

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЦЕЛОМУДРИЕ» В РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОМ УЧЕНИИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Ю. В. ШАРАНОВСКАЯ*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail:
tulaphilos@gmail.ru*

Статья посвящена нравственно-религиозной философии Л.Н. Толстого. В статье рассматривается идеал целомудрия как один из ключевых элементов религиозно-философской системы Толстого, способ достижения нравственного совершенства человека.

Ключевые слова: нравственно-религиозное учение, целомудрие, идеал, духовность, телесность, мораль, человек, добродетель, этика.

Религиозно-нравственное учение Л.Н. Толстого является одним из уникальных учений в истории не только отечественной, но и мировой духовной культуры. Моральная философия Толстого – это поистине откровение человеческого духа, призванное показать человечеству необходимость и ценность абсолютного совершенства, попытка преодоления трагедии невозможности его полного достижения в обычной жизни. Мораль для Толстого в данном случае не является способом ухода от несовершенства мира, скорее – это необходимая данность, действительность, в которой совершается истинная человеческая жизнь, наполненное смыслом бытие.

Единственной достойной целью жизни человечества Толстой считает единение всех людей в любви, определяя любовь как стремление к соединению человеческой души с Богом и душами других существ. Наиболее полно эта мысль сформулирована в итоговом произведении писателя «Путь жизни»: «Душа человеческая, будучи отделена телом от Бога и душ других существ, стремится к соединению с тем, от чего она отделена. Соединяется душа с Богом все большим и большим сознанием в себе Бога, с душами же других существ – все большим и большим проявлением любви».¹

Л.Н. Толстой явно осознавал противоречие между духовной и телесной природой человека, непреодолимый дуализм которой воспринимался и переживался мыслителем «как глубоко личная, экзистенциальная драма».² Следуя христианской традиции, Толстой умалнял значение плотского для человека. Плоть воспринималась им всегда как нечто греховное; дух, душа, божественные по своей сути, противостояли телесному, и конфликт между ними извечен.

Признавая изначальную двойственность природы человека, Толстой приходит к мысли, что «жизнь человека не в теле, а в душе, и не в теле и душе, а только в душе», «вся жизнь человека – это борьба духа с телом».³

Отречение от блага животной личности, – по Толстому, – «есть закон жизни человеческой», согласно которому «все цели, к которым влечется животная личность человека, – все явно недостижимы»⁴. Жизнь «животной личности», будучи неверно истолкована как единственное основание человеческой жизни, неизбежно обрекает человека на мучительно-бессмысленное существование.

Прежде всего, интересно определение человека, данное Толстым в «Христианском учении»: «Ни зверь и ни ангел, но ангел, рождающийся из зверя, духовное существо, рождающееся из животного»⁵ и далее «все наше пребывание в этом мире есть ни что иное как это рождение».

¹ Толстой Л.Н. Путь жизни: В 2-х книгах. Кн. 1. – Тольятти: Анфас, 1995. – С. 55.

² Гельфонд М.Л. Религиозно-философские истоки мировоззрения Л.Н. Толстого: Монография. – Тула: Контур, 2009. – С.16.

³ Толстой Л.Н. Путь жизни: В 2-х книгах. Кн. 1. – Тольятти: Анфас, 1995. – С. 46.

⁴ Л.Н.Толстой: Собр. соч. в 22 т. – Т. 17. О жизни. – С. 76.

⁵ Толстой Л.Н. Я верю // Христианское учение. – М.: СП «Вся Москва», 1990. – С. 12.

Дилемма духовного и плотского, жизни истинной и ложной, а следовательно истинной и ложной любви с особой остротой обнаруживает себя и непосредственно вытекает из дуализма человеческой природы: «Называют одним и тем же словом любовь духовную – любовь к Богу и ближнему, и любовь плотскую мужчины к женщине или женщины к мужчине. Это большая ошибка. Нет ничего общего между этими двумя чувствами. Первое – духовная любовь к Богу и ближнему – есть голос Бога, второе – половая любовь между мужчиной и женщиной – голос животного».⁶ Из всех человеческих страстей плотская любовь по мнению Л.Н. Толстого, является «самой сильной и злой, и упорной», именно она «...чаще всего отвлекает человека от исполнения закона Бога»⁷. Не удивительно, что именно смирение животного, плотского начала в человеке стало одним из ключевых направлений толстовской программы духовно-нравственного совершенствования человека, центром его религиозно-философских и жизненных исканий.

«В молодости люди, не зная истинной цели жизни – единения любовью, становятся себе целью жизни удовлетворение похотей тела. Хорошо бы было, если бы это заблуждение оставалось только заблуждением ума; но дело в том, что удовлетворение похотей тела загрязняет душу, так что человек, загрязнивший похотливой жизнью совою душу, уже теряет способность находить свое благо в любви».⁸ Таким образом, целомудрие, как противоположность разврата, волнует Толстого уже в молодости. Первая дневниковая запись гласит: «...Беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимают за следствие молодости, есть ни что иное, как следствие раннего разврата души...».⁹

«Борьба с грехом блуда – самая трудная борьба, и нет положения и возраста, кроме первого детства и самой глубокой старости, когда человек был бы свободен от нее»; «... никакая страсть не поддерживается и не усиливается так мыслью, как страсть сладострастия».¹⁰

О том, какое значение Л.Н. Толстой придавал борьбе с «грехом блуда», свидетельствует также запись в «Тайном дневнике» писателя: «Все пишут мою биографию – да и все биографии – о моем отношении к 7-й заповеди¹¹ ничего не будет. <...> А это очень важно, и очень важно как наиболее сознаваемый мной, по крайней мере, порок, более других заставляющий опомниться».¹²

Произведением, положившим начало религиозно-философским исканиям писателя, принято считать «Исповедь», написанную в 1880 году, а итоговой работой – масштабный труд «Путь жизни». В «Исповеди» Толстой указал на огромную пропасть между наличными нравами и моральным сознанием, на нежелание людей проникнуть в смыслы нравственные понятия, которыми они постоянно апеллируют как к высшей инстанции, объясняя и оценивая с их помощью свои побуждения и поступки. «(Инерция) привычка жизни» – так характеризует Толстой современное ему состояние общественных нравов и умов: «Добрая тетушка моя, – пишет Л.Н. Толстой в «Исповеди», – чистейшее существо, с которой я жил, всегда говорила мне, что она ничего не желала бы так для меня, как того, чтоб я имел связь с замужней женщиной: «Ничто так не образует молодого человека, как связь с порядочной женщиной».¹³

Дневниковые записи этого периода свидетельствуют о переживаниях писателя, связанных с низким нравственным уровнем как господствующего класса, так и в среде рабочих и крестьян. Толстым осознается и постоянно подчеркивается противоречие реальной жизни людей, их поведения и христианского идеала. В дневниковых записях встречаются описания бытовых сцен, свидетелем и участником которых был Л.Н. Толстой. Так, запись от 30 апреля 1888 года описывает «страшный случай» на Девичьем поле: «Она (женщина) давала 20 коп. и хотела уйти. С злобой тащил ее на блуд. Потом по-

⁶ Толстой Л.Н. Путь жизни: В 2-х книгах. Кн. 1. – Тольятти: Анфас, 1995. – С. 149.

⁷ Там же. – С. 150.

⁸ Толстой Л.Н. Путь жизни: В 2-х книгах. Кн. 1. – Тольятти: Анфас, 1995. – С. 110.

⁹ Толстой Л.Н. ПСС в 90 т.: Т. 46. – С. 30.

¹⁰ Толстой Л.Н. Путь жизни: В 2-х книгах. Кн. 1. – Тольятти: Анфас, 1995. – С. 154.

¹¹ Седьмая заповедь по древнееврейскому закону Моисея: «Не прелюбы сотвори».

¹² Тайный дневник (9 июля 1908 г.). – С. 173.

¹³ Исповедь / Толстовский листок. – Вып. 7. – СПб, 1996. – С. 13.

вел ее к начальству требовать исполнения ее обещания <...> (толпа все одобряла). Я пошел за ними и не выдержал, вмешался, дал ему 20 коп. и сказал ему, что он Бога забыл и его закон. Толпа перешла на мою сторону. Он женатый и сказал это без стыда. Боже мой! Когда же я обличу их? Неужели не надо этого?»¹⁴.

В последующие дни Толстой много думает о целомудрии и приступает к написанию рассказа «Крейцера соната», а позднее и Послесловия к ней, которыми он «беспощадно избивал нашу нечистую жизнь»¹⁵. Идеал целомудрия, ставший центральной темой произведения, вызвал далеко неоднозначную реакцию общественности. Прежде всего, в Послесловии Толстой определяет целомудрие не как правило или предписание, а как «идеал или скорее одно из условий его»¹⁶.

Толстой приходит к выводу, что в Нагорной проповеди Христа выражены и вечный идеал, к которому свойственно стремиться людям, и та степень его достижения, которая может быть доступна человеку уже в настоящее время. Содержание второй заповеди «не прелюбодействуй» составляет идеал – полное целомудрие даже в мыслях и правило – чистота брачной жизни, воздержание от всякого блуда. Рассмотрение христианских заповедей одновременно как идеала и как правила «позволяет снять целый ряд противоречий» в понимании христианских заповедей¹⁷ и идеала целомудрия в частности. Толстой, в полной мере осознавая невозможность реализации идеала полного целомудрия, однако настаивает на том, что человеку нельзя снижать в своем сознании требований идеала, и человек должен руководствоваться не умеренными правилами справедливости в филантропии, а именно идеалом полного, бесконечного божественного совершенства: «Только стремление к этому совершенству отклоняет направление жизни человека от животного состояния к божественному настолько, насколько это возможно в этой жизни»¹⁸.

В истории культуры понятие целомудрия неоднозначно: оно рассматривалось и как нравственная чистота, и как супружеская верность, и как девственная невинность, а в некоторых случаях как символ невоспитанности, как физиологический фактор, полностью нейтральный по отношению к противоположности добра и зла. Как моральная норма целомудрие не имеет безусловного значения, не принадлежит к разряду абсолютно неизменных жизненных ценностей, зависит от реальных форм жизнедеятельности и по мере движения истории наполняется новым смыслом. Понятие целомудрия может приобретать то или иное значение по мере его включения в конкретную систему ценностей.

Согласно этимологическому словарю, слово «целомудрие» имеет старославянские корни и происходит от соединения слов «целый» и «мудрый», т.е. является калькой греческих слов « $\eta\sigma\omega\phi\rho\sigma\acute{\omicron}\nu\eta$ » и « $\sigma\omega\upsilon\rho\omega\nu$ ». Греческое понятие «софросине» может быть переведено на русский язык не только как «целомудрие», но и как «благоразумие».

В словаре А.П.Евгеньевой «целомудрие» имеет несколько значений: девственность, невинность; строгая нравственность, чистота¹⁹.

Соответственно, «целомудренный человек» это:

- не имевший половых сношений, т.е. обладающий целомудрием;
- исполненный целомудрия, выражающий душевную чистоту, высокую нравственность.

В апостольских писаниях и в писаниях святых Отцов под целомудрием подразумевается чаще всего «чистота от всякой плотской греховной скверны, здравие ума и души». Однако и в христианской литературе нет единства в определении понятия. Так, целомудрие понимается и как «супружеская верность», и как «всякое безгрешное состояние», «состояние невинности», и как «противление сладострастию», и как «здравый смысл», «здравый ум».

¹⁴ Толстой Л. Н. ПСС в 90 томах: Т.50 – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958. – С. 77.

¹⁵ Страхов Н.Н. Толки о Л.Н.Толстом // Религиозные мыслители о Толстом. – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2002. – С. 70.

¹⁶ Толстой Л.Н. Крейцера соната. – М.: Зарницы, 2004. – С. 148.

¹⁷ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. – М.: Наука, 2006. – С. 125.

¹⁸ Там же. – С. 69.

¹⁹ Словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Рус.яз., 1985.

В светском понимании слово «целомудрие» обычно связывается с отношением человека к нормам сексуальной морали, в христианской же этике употребляется для обозначения добродетельности вообще и, указывая на «умудренную цельность» внутреннего мира человека, является общеобязательной христианской добродетелью.

В 1891 году выходит статья Толстого «Первая ступень». В ней рассматривается так называемая «лестница добродетелей», смысл которой заключается в установлении определенной последовательности приобретения добродетелей, необходимых для «доброй жизни». Для Толстого не существует доброй жизни без ограничения себя в половом вопросе: «Я только что читал письма <...> Огарева, к <...> Герцену. <...>. Он говорит о самосовершенствовании, о святой дружбе, любви, о служении науке, человечеству и т.д. И тут же спокойным тоном он пишет, что часто раздражает приятеля, с которым живет, тем, что, как он пишет "возвращаюсь (домой) в нетрезвом виде или пропадая долгие часы с погибшим, но милым созданием»... Очевидно, замечательно сердечный, даровитый, образованный человек не мог даже представить себе, чтобы было что-нибудь хоть сколько-нибудь предосудительного в том, чтобы он, женатый человек, ожидая родов жены (в следующем письме он пишет, что жена его родила), возвращался домой пьяный, пропадая у распутных женщин. Ему в голову не приходило, что пока он не начал бороться и хоть сколько-нибудь не поборол своего поползновения к пьянству и блуду, ему о дружбе, любви, а главное о служении чему бы то ни было и думать нельзя»²⁰.

«Христианское учение», вышедшее в 1897 году, стало серьезной попыткой Толстого систематизировать свое религиозно-философское учение. В работе представлена развернутая феноменология грехов и соблазнов, дан анализ их происхождения, характеристики и описание их последствий, предпринято исследование причин, препятствующие проявлению любви и единению людей.

В работе Толстой обозначил следующую последовательность борьбы с грехами: опьянения, праздности – похоти – корысти – властолюбия – блуда. Грех блуда стоит на последнем месте и это не случайно. Толстой подмечает коренное отличие греха блуда от всех остальных личных человеческих грехов и, прежде всего, оно состоит в том, что в отличие от других грехов в грехе блуда возможно полное воздержание от греха, т.е. полное воздержание от половой потребности – целомудрие. Однако, несмотря на то, что «удовлетворение половой потребности не обязательно для каждого человека: каждому отдельному человеку предоставлена возможность воздержания от этой потребности», но «только редкие люди могут вполне быть целомудренны».

Толстой придает идеалу целомудрия большое значение, именно в нем он видит спасение от многих порождаемых грехом последствий: «не будь греха блуда, не было бы рабства женщины, стязания ее, и рядом с этим баловства и извращения ее; не было бы ссор, драк, убийств из-за ревности, не было бы низведения женщины до орудия удовлетворения плоти, проституции; не было бы неестественных пороков; не было бы расслабления телесных и душевных сил, тех страшных болезней, от которых теперь страдают люди; не было бы заброшенных детей и детоубийства»²¹.

Таким образом, в понятие блуда Толстой включает любое удовлетворение половой потребности, не имеющей целью продолжение рода, «но с целью увеличения своего личного блага»²². Рассматривая грех блуда как «необходимое условие жизни всякого животного и человека, как животного», данный грех Толстой склонен рассматривать исключительно как Божий замысел: «Уничтожить в себе стремление к похоти не может ни одно живое существо: не может и человек, если не принимать в расчет исключения. Оно и не может быть иначе, так как похоть эта обеспечивает существование рода человеческого, и потому, пока Высшей Воле нужно будет существование человеческого рода, будет в нем и блуд»²³.

Борьба же с грехом блуда состоит в доведении блуда до наименьшей степени и некоторыми людьми может быть доведен до полного целомудрия: «Хотя только редкие лю-

²⁰ Толстой Л.Н. Первая ступень: ПСС в 90 т. – Т. 29. – С. 57-85.

²¹ Христианское учение / Я верю. – М., 1990. – С. 31.

²² Там же. – С. 26.

²³ Там же. – С. 69-70.

ди могут вполне быть целомудренны, пусть всякий человек понимает и помнит, что он всегда может быть более целомудрен, чем он был прежде, и может вернуться к нарушенному целомудрию»²⁴.

В середине 80-х годов XIX века у Л.Н. Толстого возникает идея написать книгу для ежедневного чтения, которая позволит вооружить человека знаниями в поисках смысла жизни, в понимании великого смысла нравственных законов. Толстой считал, что человек в жизни должен руководствоваться общечеловеческой мудростью, которая заключена в «духовном наследстве», «которое оставили нам предки...». В 1903 г. им был составлен сборник «Мысли мудрых людей на каждый день», в 1904-1905 гг. – велась работа над «Кругом чтения», в 1909-1910 гг. – «Мысли на каждый день». В этих работах Л.Толстой синтезирует различные религиозно-философские и культурно-исторические памятники и учения.

Книга Л.Н. Толстого «Путь жизни» (1910 г.) стала последним и итоговым произведением писателя, в котором в обобщенном виде представлена его оригинальная философская система, выраженная посредством языка мудрых мыслей. По мнению писателя, систематическое изложение мыслей и взглядов не всегда в состоянии выразить всей полноты жизни: «Есть огромное преимущество в изложении мыслей вне всякого цельного сочинения, <...> в отдельно же выраженной мысли центр всегда на месте, и она равномерно развивается во все стороны».²⁵

В предисловии к «Пути жизни» Л. Н. Толстой отмечает, что многие высказывания мудрецов, вошедшие в данный труд, подверглись значительным изменениям и не позволили ему поставить под ними их авторство. Следует отметить, что содержание выдвигаемых Толстым идей было для него неизмеримо важнее отстаивания их авторской принадлежности.

В предисловии к «Пути жизни» Толстой выделяет грехи, препятствующие единению человека с другими существами и с Богом – это грехи чревоугодия, блуда, праздности, корыстолюбия, тунеядства и грехи недоброжелательства²⁶.

Половой похоти, или греху блуда, посвящена VIII глава последнего, итогового произведения Л.Н. Толстого «Путь жизни». Мысли и изречения, представленные в данной главе, разбиты на соответствующие параграфы: «Необходимо стремиться к полному целомудрию», «Грех блуда», «Бедствия, порождаемые половой распущенностью», «Преступное отношение к греху блуда со стороны правительств, руководящих жизнь людей», «Борьба с грехом блуда», «Брак», «Дети – искупление полового греха».

Толстой отмечает, что излишества половой жизни, по сравнению с другими излишествами, более губительны для «доброй жизни» и разница между ними существенная – «отказавшись от половой жизни, человек не прекращает ни своей жизни, ни жизни рода, которая зависит не от него одного»²⁷; «...указание совершенства, к которому должно стремиться, не означает того, что человек должен достигнуть полного совершенства. <...> Назначение человека в приближении к совершенству»²⁸.

Одним из «самых верных признаков того, что человек точно хочет жить доброй жизнью», – Толстой считает «строгость к себе в половой жизни»²⁹.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что Толстой, отрицая церковный брак, склонен считать любое сожителство, последствие которого может быть деторождение, истинным, действительным браком. Брак для Толстого – это, прежде всего, обещание двух людей иметь детей только друг от друга. Брачное целомудрие рассматривается Толстым и как охранное средство против неверности супругов, и как залог неразрывности брака.

²⁴ Христианское учение / Я верю. – М., 1990. – С. 70.

²⁵ Дневниковая запись от 27 августа 1891 г.

²⁶ Толстой Л.Н. Путь жизни: В 2-х книгах. Кн. 1. – Тольятти: Анфас, 1995. – С. 6.

²⁷ Там же. – С. 146-147.

²⁸ Там же. – С. 149.

²⁹ Там же. – С. 154.

Одним из аргументов против идеала целомудрия было прекращение рода человеческого в случае исполнения этого идеала. В качестве контраргументов Толстой использует данные науки и «церковное верование», согласно которым должен наступить конец света. Так же как и в «Христианском учении» Толстой грех блуда рассматривает как Божий замысел «прекращение или не прекращение рода человеческого не наше дело»³⁰.

«Я говорю, что надо стремиться к целомудрию, и на этом пути будет в первой степени девственность, во второй – чистый брак, в третьей – не чистый, т.е. не единственный, но брак; против меня говорят, что я отрицаю брак и проповедую прекращение рода человеческого».

Грех, как препятствие, мешающее проявлению любви, приобретает ценность в процессе его преодоления и невозможности без преодоления греха познания истины.

Л.Н. Толстой в «Пути жизни» дает конкретные «рекомендации» в борьбе с грехом блуда, которые приведены нами тезисно³¹:

– по пробуждению полового чувства необходимо «соблюдать себя чистыми и стремиться к целомудрию мыслей и желаний»;

– при появлении нечистых мыслей, необходимо удержаться от падения, так как «попущение» соблазну только усилит его;

– «павшим» «смотреть на это первое падение как на вступление в неразрывный брак», «...если пали, тем с большей энергией вновь боритесь»;

– вступившим в брак также стремиться к целомудрию.

«... он (человек) всегда может быть более целомудрен, чем был прежде, и может вернуться к нарушенному целомудрию»³².

Таким образом, идеалу целомудрия в нравственно-религиозном учении Л.Н. Толстого отводится важное место в системе нравственного совершенствования человека в рамках его религиозно-нравственного учения. Осознание человеком своей духовности – является главным средством борьбы с грехом блуда.

«Из соединения этих двух противных стремлений: стремления к борьбе и к половой похоти и стремления к любви и целомудрию, и слагается жизнь человека такою, какою она должна быть»³³.

Несмотря на то, что грех блуда является телесным грехом, идеал целомудрия, являющиеся его противоположностью, не приравнивается мыслителем к девственности и, соответственно, не является атрибутом только телесности человека.

Целомудрие, включенное в структуру духовно-нравственного совершенствования человека как базовое понятие, позволяет наиболее адекватно отразить всю совокупность жизненных процессов в его духовном и природном измерениях, снять антиномию между телесностью и духовностью человека. Целомудрие для Толстого является не только и не столько недостижимым идеалом, сколько неотъемлемым свойством человека как духовного существа, способного приближаться к этому идеалу в реальной жизни «по мере своих сил и возможностей».

Таким образом, целомудрие устанавливает параметры нравственного совершенствования человека, включающие в себя определенные нравственные нормы, такие как ответственность, верность, человеколюбие и сопутствующих требований морали. Целомудрие в рамках религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого являет собой не только один из главных критериев нравственного совершенства, но, прежде всего, определяет и формирует образ и стиль жизни человека.

Список литературы

1. Гельфонд М.Л. Религиозно-философские истоки мировоззрения Л.Н. Толстого: Монография. – Тула: Контур, 2009.
2. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. – М.: Наука, 2006.

³⁰ Толстой Л.Н. Путь жизни: В 2-х книгах. Кн. 1. – Тольятти: Анфас, 1995. – С. 159.

³¹ Там же. – С. 152.

³² Там же. – С. 147.

³³ Там же. – С. 152.

3. Словарь русского языка: В 4т./ Под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Рус.яз., 1985.
4. Страхов Н.Н. Толки о Л.Н.Толстом // Религиозные мыслители о Толстом. – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2002.
5. Толстой Л. Н. ПСС в 90 томах. – М.: Художественная литература, 1928-1958.
6. Толстой Л.Н. Исповедь // Толстовский листок. – Вып. 7. – СПб, 1996.
7. Толстой Л.Н. Крейцера соната. – М.: Зарницы, 2004.
8. Толстой Л.Н. Путь жизни: В 2-х книгах. Кн. 1. – Тольятти: Анфас, 1995.
9. Толстой Л.Н. Собрание в 22-х т. – М.: Художественная литература, 1985.
10. Толстой Л.Н. Христианское учение // Я верю. – М.: СП «Вся Москва», 1990.

ANALYSIS OF THE CONCEPT “CHASTITY” IN THE RELIGIOUS-MORAL DOCTRINE OF L.N. TOLSTOY

Y. V. SHARANOVSKAYA

*Tula State Pedagogical
University*

*e-mail:
tulaphilos@gmail.ru*

The article is devoted to L.N. Tolstoy's moral religious philosophy. The ideal of chastity as one of the key elements of Tolstoy's religious philosophical system, as a way of achievement the moral perfection of the person is considered in the article.

Key words: moral religious doctrine, chastity, ideal, spirituality, corporeality, morals, person, virtue, ethics.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

«ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: АРХАИЧЕСКОЕ, ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ НАЧАЛА»

Материалы IV Всероссийской научной конференции

27 мая 2009 года в Москве и 28-29 мая 2009 года в Белгороде состоялась IV Всероссийская научная конференция «Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала». Конференция была организована Институтом философии РАН, правительством Белгородской области, Белгородским государственным университетом и Белгородским университетом потребительской кооперации. В этой рубрике мы публикуем статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике «Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. 4-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 27-29 мая 2009 г.» – М.: ИФ РАН, 2010.

УДК 101.1 : 316.008

СОЦИАЛЬНАЯ АКСИОЛОГИЯ Н.Н. СТРАХОВА (Опыт реконструкции)

П. А. ОЛЬХОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Olkhov @bsu.edu.ru

Статья посвящена ценностным стратегиям социального понимания Н.Н. Стрхова (1828-1896), одного из наиболее основательных русских мыслителей XIX столетия. Возможность эффективной реконструкции социальной аксиологии Н.Н. Стрхова определяется её историчными центонами – практическим тождеством свободомыслия и самоумаления, которое усматривается в высказываниях Н.Н. Стрхова, ориентированных на социального другого. «Заслуженными собеседниками» (по слову кн. А.А. Ухтомского) становились для него Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, А.А. Фет Н.Я. Данилевский и др. В разговорах с ними или о них даёт себя знать практико-ориентированная социальная аксиология русского мыслителя.

Ключевые слова: социальная аксиология, свободомыслие, самоумаление, историчность, социальный другой.

*Я вовсе не умею выкидывать знамена...
Н.Н. Стрхов*

Социальные исследования в России начала XXI в. осложнены утратой теоретической преемственности, своего рода экзистенциальными разрывами теоретической памя-

ти о русской социальной мысли прошлых столетий. Не располагая теперь никаким предварительным познавательным согласием относительно социальных событий, которые происходят или, возможно, будут происходить в современной России, мы не можем пренебречь надеждой на историчное, «молитвенное» обновление начал нашего социально-теоретического опыта¹.

В обстановке социально-теоретического ресентимента плодотворным, пожалуй, будет обратиться к схожим временам, – середине XIX в., особенно выделяя при этом 60-70-е годы. Участники тогдашних разговоров о России были мало склонны к «перегородочным», абстрактно-систематическим стратегиям опознания российской социальной реальности; между тем, повсюду различным образом давали себя знать ценностные ориентиры социального понимания. С особой тщательностью стремился соблюдать их Н.Н. Страхов (1828-1896), один из самых признанных и желанных русских мыслителей-собеседников тех времен². Эти ориентиры предстают у него в некотором практическом, *центонном тождестве свободомыслия и самоумаления* – в решимости высказываться, прежде всего признав и осмыслив предрассудки социального понимания, свойственные его собеседнику³.

Перечитывает ли Н.Н. Страхов рассуждения Н.М. Карамзина о социальной истории, дискутирует с В.С. Соловьевым о доктрине социально-исторических типов Н.Я. Данилевского, исследует ли пушкинскую историю небывалого села Горохина, пишет о социальной совести, комментируя вольтеровского «Микромегаса» или «Путешествие Гулливера» Дж. Свифта, – во всех случаях заметно его стремление сблизиться с иным социальным высказыванием с некоторой предельной точностью, освоить его, понять и принять то, о чем говорит собеседник, с микроаксиологической адекватностью, с точки зрения конкретно и индивидуально-практически понимаемой им «вечности». Концепт центона позволяет принять во внимание конкретность социальных рефлексий Н.Н. Страхова, ответный или «участный» (М.М. Бахтин) характер его социальной аксиологии, развившейся в эпоху радикальной искренности – вплоть до искренности «отвратительной»⁴.

Центонное, происходящее в разговорах о российском обществе самоумаление Н.Н. Страхова исторично соответствует как европейско-русской обстановке социальных потрясений и социального энтузиазма *laissez faire* (вплоть до руинизации этико-

¹ Известная в движении истории европейской мысли платоновская реплика о молитве Сократа (в «Федре») обновляется в гегелевских рассуждениях и – задолго до европейского «нового мышления» XX в. – особенно принимается и подхватывается в истории русской философской мысли XIX столетия. У Н.Н. Страхова в работе «О задачах истории философии» общим эпитафием становится гегелевский афоризм: «Мышление – тоже молитва». Ср.: Бросова Н.З. Н.Н. Страхов как историк философии // *Credo new*. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/164/25/>. Ср.: Гегель Г.В.Ф. Афоризмы / Работы разных лет. В 2 тт. Т. 2. М., 1973. С. 536 (афоризм 31).

² Хорошо известно о способности Н.Н. Страхова быть «всепонимающим философом» (Ап. Григорьев) – в его исследованиях научного знания, переводах академически популярных работ К. Фишера, И. Тэна и др. (см. напр.: Скотов Н.Н. Русский критик Николай Страхов / Соч. в 4-х т. Т. IV. СПб., 2001. С. 275-320. Ильин (Мальчевский) Н.П. Последняя тайна природы (О книге «Мир как целое» и ее авторе // Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007. С. 5-62 и др). Сам Н.Н. Страхов относился к этой своей герменевтической способности весьма щепетильно, определяя ее как «*жгучий интерес взаимного ауканья*» в социальном, прежде всего, смысле. – Переписка Л. Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб., 1914. С. 305. Ср.: Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. – Белгород: изд-во БелГУ, 2007. Климова С.М. Историко-культурно-экзистенциальный диалог Н.Н. Страхова с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским // Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Материалы международной научной конференции / Отв. редактор Антонов Е.А. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008. – С. 59-67.

³ О познавательном ресурсе концепта центона см. напр.: Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV – первой половины VII в. М., 1984. С. 281 и др. Его же. Риторика как подход к обобщению действительности / Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 158 и др. Ср.: Данилевский И.Н. «Повесть временных лет»: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 55-75 и др.

⁴ Страхов Н.Н. (Н. Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») / Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902. С. 231-242 (здесь и ниже цитирую электронную копию, любезно присланную мне В.А. Фатеевым). П.И. Вейнберг, автор знаменитого «Титулярного советника» (1859 г.), в «Веселой песенке» 1862 г. называет эту эпоху временем «великой русской гласности». См.: Вейнберг П.И. Стихотворения // Поэты «Искры». В 2 тт. Т. 2. Изд-е 3. Л., 1987. № 380.

социальных иерархий и «нравственной первобытности»⁵), так и процессам всестороннего обновления русской интеллектуальной культуры, которые происходили в ту пору. Почти все стало возможно помыслить в тогдашней России, и не было ничего труднее, нежели помыслить хоть что-то теоретически осмыслительно и ответственно: совсем недавно, только в первых годах XIX в. приумножились российские университеты; еще в 1825-м году Россия, не зная, по слову А.С. Пушкина, своего философского, «метафизического» языка, но уже в 1849-м году успела побывать под запретом университетская философия... Отечественные интеллектуалы жадно читали европейских современников, многим из которых уже был внятн мефистофелевский провокативный скепсис насчет открытия чего бы то ни было нового в истории мысли⁶, и озадачены они были ничуть не менее насчет того, что возможно еще сказать на том языке социально-теоретической определенности и концептуальных надежд, который европейцами уже был поставлен под вопрос, а в России был все еще неразработан и ненадежен.

«В наше время... доверчивые люди преспокойно набивают себя всяческими обрывками слов и мыслей, носящихся вокруг них; этот хаос удовлетворяет их, насыщает, заглушает в них потребность ясного и точного понимания...»⁷

Уже в самом начале 1860-х годов можно обнаружить примеры центонного самоумаления Н.Н. Стрхова как социального мыслителя-публициста, часто подписывавшего свои статьи-выступления псевдонимами «Н. Косица», «Н. Коси...», «Н. Кос...» – парафразами пушкинского псевдонима «Феофилакт Косичкин»⁸. Весьма характерна в истории страховского самоумаления полемика, развернувшаяся между Стрховым-Косицей и А.Н. Пыпиным в начале 1870-х: теоретико-социальному усердию последнего, старающегося различить устаревшее прошлое карамзинской нравственной философии истории и настоящее философии исторического прогресса, тихий Н.Н. Стрхов противопоставляет иронию и предпочитает обсуждать все это различие с позиций мерных, обращаясь к неким конкретно-общим, этическим местам социального понимания, в которых невозможен такой абстрактный темпоральный энтузиазм:

⁵ Ф.И. Тютчев (со слов И.С. Аксакова) после посещения Франции в 1859 г. замечал, что «это нравственный строй, как бы возвращенный развратом к степени первобытности. Это уже почти состояние натуральности, как в публичных банях России...» (Тютчев Ф.И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. М., 2007. С. 15). Тютчевская заметка 1873 г.: «Что меня наиболее поражает в современном состоянии умов в Европе, это недостаток разумной оценки некоторых наиважнейших явлений современной эпохи <...> Это дальнейшее выполнение все того же дела, обоготворения человека человеком, – это все та же человеческая воля, возведенная в нечто абсолютное и державное, в закон верховный и безусловный» (Там же). Любопытно, что Э. Золя, известный своим вниманием ко всему натуральному, именно в эти годы приобрел популярность в России – раньше, чем во Франции: уже в 1865 г., когда Золя начал свою публичную литературную карьеру, его «Сказки Нинон» («Contes a Ninon») отмечены сочувственной рецензией в «Отечественных записках». В 1872 г. «Вестник Европы» публикует первые два тома его Ругон-Маккаров (кн. 7-8).

⁶ Опубликовано во втором акте второй части «Фауста», в 1832 году: «Ступай, чудак, про гений свой трубя! / Что б стало с важностью твоей бахвальской, / Когда б ты знал: нет мысли мало-мальской, / Которой бы не знали до тебя» (пер. Б.Л. Пастернака, см.: Гете И.В. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. М., 1976. С. 257). Внимание русских мыслителей к Гете было вполне устойчивым, пристальным; В.Г. Белинский досадовал даже, что с Гете «шалят» переводчики, русифицируя как «великое и бессмертное» у него, так и разный гетевский «балласт и пустяки». – Белинский В.Г. Сочинения Гете. Выпуск I. Санкт-Петербург. В тип. Ильи Глазунова и К^о. 1842... / Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М., 1979. История русских версий гетевского «Фауста» начинается в 1844 г. (переводы и переложения М.П. Вронского); история критического разбора переводов и переложений – в 1845-м (рецензии на переводы М.П. Вронского И.С. Тургенева).

⁷ Стрхов Н.Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887. С. 57-58. Материалы этой книги готовились Стрховым еще в 70-х: в №№ 41–42, 43 и 44 «Гражданина» за 1876 г. была напечатана большая статья Стрхова «Три письма о спиритизме», существенно определившая впоследствии содержание книжного издания. Ср.: Введенский А. Общий смысл философии Н.Н. Стрхова (Статья 3). М., 1897. Режим доступа: www.hrono.ru/literatura.htm

⁸ О внимании Н.Н. Стрхова уже к пушкинскому центонно-парафрастическому мастерству см. напр.: Стрхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев, 1897. С. 17-34 («Главное сокровище нашей литературы» (впервые опублик. в «Отечественных записках» в 1867 г.)), 35-59 («Заметки о Пушкине» (впервые опублик. в Санкт-Петербургском сборнике «Складчина», в 1874 г.), в т.ч. главки «Нет нововведений», «Переимчивость», «Подражание», «Пародии», «Прямодушие») и др.

«Неохотно и не без некоторого смущения касаюсь я предметов этого рода. Далекий от дел государственных, нередко я втайне благословляю свою смиренную долю, когда помыслию, в какое великое затруднение привели бы меня задачи, с коими другие обращаются легко, отважно, не задумываясь»⁹.

Нет ничего надуманного и в центонном страховском свободомыслии: его историчность – прежде всего в том, как Страхов учитывает конкретные этико-социальные, философские практики русского либерализма, от Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева или А.Н. Пыпина до М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.П. Буренина в его «фригийской шапке» социального интеллектуала-шута¹⁰.

«Мы все шутим, у нас все шутки! Статьи г. Пыпина, на мой взгляд, тоже чистейшие шутки. Даже целый "Вестник Европы" есть ничто иное, как огромная шутка, ежегодно издаваемая в двенадцати толстых томах, – шутка над русскою литературою, над русскою историею, над памятью Карамзина, имени которого посвящен сей журнал. Мы резвимся и играем – кто как умеет, кто во что горазд, кто в европейскую цивилизацию, кто в русскую народность! А жизнь и история между тем идут своим чередом, и ни цивилизация, ни народность нас знать не хочет»¹¹.

Центонное («пропушкинское», «прогегелевское» и т.д.) свободомыслие «тонкого» Н.Н. Страхова, которого «не подкупишь» (В.В. Розанов)¹², всегда ограничивалось усилиями по сохранению здравого смысла и нравственному самосбережению:

«Я люблю, милостивый государь, преимущественно хороший слог, логику и добродетель, и притом люблю их ради их самих, без всяких расчетов, безо всяких дальнейших соображений»¹³.

⁹ Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина // Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб., 2006. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml. См. тж.: Страхов Н.Н. (Н. Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») / Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902. С. 231-242. Страхов Н.Н. (Н. Косица). Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. Март. С. 1012-1020 (архивные фрагменты, опубликованные и коротко комментированные И.П. Матченко, с обращением к страховской «Борьбе с Западом в нашей литературе»; цитирую электронную копию, любезно присланную мне В.А. Фатеевым) и др.

¹⁰ Д.Д. Минаев, известный переводчик, социальный поэт и «король рифмы», близкий некрасовскому кругу мыслителей, стал автором этой знаменитой строфы: «Песенник наш и плясун Монуменов, / Виктор Петрович известный, / В шапке фригийской канкан для студентов / Пляшет у нас он прелестно». – Мартыанов П. К. Дела и люди века. СПб., 1893. Т. 1. С. 197, 226 (Вл. Монуменов – один из псевдонимов молодого Буренина). Сам В.П. Буренин (Монуменов), которого принято было считать «злым языком» (Н.И. Кроль) даже в среде тогдашней социальной публицистики, отличавшейся своей прямоотой, в «Драматических сценах по поводу выхода "Современника"» (1863 г.) пишет реплику от имени М.М. Достоевского: «Ну, да я сберуся с силой: / Купно с Федором отщю / Иль Косицу напущу!». – Буренин В.П. Стихотворения // Поэты "Искры". В двух томах. Т. 2.: Д. Минаев, В. Богданов, Н. Курочкин, П. Вейнберг, Г. Жулев, В. Буренин, Н. Ломан, А. Сниткин. Изд. 3-е. Л., 1987. № 398-399. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/burenin_w_p/text_0040.shtml. Эта «фригийская», площадная острога очевидно не соответствует привычкам Н.Н. Страхова, «лестничного остряка», никогда не смеявшегося смехом вызывающим. Ср. напр. с высказыванием Н.Н. Страхова в письме к Л.Н. Толстому: «Что же я сделал? Я стал смеяться над ними, стал вступаться за логику, за историю, за философию. Шутки мои едва ли многим были понятны и только покрыли мое имя позором». – Переписка Л. Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб., 1914. С. 447. См. тж. письмо Н.Н. Страхова В.В. Розанову от 27.01.1888: «Мне нужно обдумать вопрос...» – Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 7 и др.

¹¹ Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml.

¹² Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994. С. 42, 276.

¹³ Страхов Н.Н. (Н. Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») / Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902. С. 231-242. Замечателен тот пушкинский «свободный консерватизм» (П.П. Вяземский), который воссоздает в своих полемически-смеховых «Вздохах» Н.Н. Страхов: несогласие с оппонентом, «искренним своим», имеет здесь не абстрактно-критический, а конкретно-нравственный мотив, оно принципиально недогматично. Н.Н. Страхов нисколько не торопится предъявлять аргументы к авторитету Н.М. Карамзина – Карамзина можно вспоминать, вполне смеясь, как это сделал уже Пушкин в «Летописи села Горохина». Надев маску Н. Косицы, Страхов защищает карамзинские труды от квазисоциальной подозрительности, социально-теоретического своенравия своего авторитетного современника. Ср. еще: Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев, 1897. С. 29-32.

«...точка зрения нравственная и художественная, то есть *вековая* точка зрения, одна могла быть твердою опорой для создания нашей истории, что всякая иная точка зрения неминуемо увлекла бы историка во взгляды ложные и поверхностные»¹⁴.

Когда Н.П. Вагнер упрекает Н.Н. Страхова в стремлении к «перегородочной философии»¹⁵, сам Н.Н. Страхов находит это «живописным» и соглашается только в «предохранительно-дидактическом» (А.И. Введенский) смысле:

«По-моему, нет ничего хуже путаницы, когда человек не отдает себе отчет в том, что говорит и думает, когда он свободно носится по всяким ветрам...»

«...*постараемся мыслить строго, отчетливо, то есть будем различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем*»¹⁶.

Оставаясь «трезвым между угорелыми»¹⁷, основой своей философии социального центонного самопонимания Н.Н. Страхов делает историчный социальный кеносис – философское исповедничество в связи с положительно ценным у реального собеседника, отыскивает положительный минимум у социально конкретного второго лица, «всепонимает» только эту конкретную положительную данность своего социального другого. Из ситуации нашего социального понимания начала XXI столетия («нового нового времени», эпохи «трэсе-модерна»¹⁸ и т.д.), при изживании множественных экзистенциальных разрывов нашей исторической памяти Н.Н. Страхов видится поэтому актуальным собеседником – реалистичным мыслителем, чуждым утопической мечтательности, стремления «заштопать» разрывы, или начать мыслить с некоторого абстрактного *ab ovo*¹⁹. Кенотические практики Н.Н. Страхова являются практиками незавершенными; его философия известна как философия «недосказанная»²⁰. Но проблематически интересно исследовать именно эту теоретически неэксплицированную, социально-аксиологическую установку Н.Н. Страхова на второе лицо: эта фактически крепкая установка позволяла ему «утверждаться там, где стоишь», – не выпуская из виду *auto tó auto*, извечно беспокоящее нас наше социальное «самое само»²¹, забота о котором есть не столько непосредственная забота о себе, сколько практико-ориентированная, свободная «забота об Алкивиаде» – своем социальном другом²².

Список литературы

1. Бросова Н.З. Н.Н. Страхов как историк философии // *Credo new*. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/164/25/>.
2. Гегель Г.В.Ф. Афоризмы / Работы разных лет. В 2 тт. Т. 2. М., 1973.

¹⁴ Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина.

Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml.

¹⁵ Вагнер Н. Перегородочная философия (открытое письмо г. Страхову) // *Новое время*. 1883. № 2647. 13 июля. С. 2; № 2654. 20 июля. С. 2.

¹⁶ Страхов Н.Н. О вечных истинах. С. 57-58.

¹⁷ Грот, Н. Я. Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерцания. М., 1896. С. 8.

¹⁸ Концепты В.Г. Федотовой.

¹⁹ «“Заштопанный чулок лучше, чем разорванный”; не так с самосознанием». Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 546 (64 афоризм). Реализм Н.Н. Страхова, без сомнения, чужд тому, что называли «реализмом», вслед за Д.И. Писаревым, позитивистические настроенные современники последнего. Писаревский реализм концептуально односторонен, тяготеет к практическому делу, которое хорошо бы выполнить лучше других и как бы за других (школы, больницы и т.д.). Такого реализма не избежали многие из тех, кто был близок Н.Н. Страхову (известны, например, порывистые краткосрочные опыты по организации школьного дела у Л.Н. Толстого); сам же Страхов такого концептуального реализма сторонился, оставаясь, между тем, одним из самых продуктивных, несуетных и впрок трудившихся своих сверстников. Переоткрытие интеллектуального наследия Н.Н. Страхова, происходящее в последние годы, новая актуализация его философии науки, социальной эстетики и др., свидетельствуют, пожалуй, пока в пользу страховских ценностных ориентаций.

²⁰ Ср.: Введенский А. Общий смысл философии Н.Н. Страхова (Статья 3). М., 1897. Режим доступа: www.hrono.ru/literatura.htm

²¹ Платон. Алкивиад I / Собр. соч. в 4 т. Т. I. М., 1990. С. 256-259.

²² М. Фуко в «Герменевтике субъекта» сосредоточивается на анализе практик заботы о себе, тем самым интенсивно ограничивая смыслы «Алкивиад I»; обширные, вполне герменевтические штудии Н.Н. Страхова не позволяют безропотно согласиться с такой интенсификацией, вызывают воспоминания еще и о платоновском «Алкивиаде II».

3. Скатов Н.Н. Русский критик Николай Страхов / Соч. в 4-х т. Т. IV. СПб., 2001.
4. Ильин (Мальчевский) Н.П. Последняя тайна природы (О книге «Мир как целое» и ее авторе // Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007.
5. Переписка Л. Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб., 1914. С. 305.
6. Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. – Белгород: изд-во БелГУ, 2007.
7. Климова С.М. Историко-культурно-экзистенциальный диалог Н.Н. Страхова с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским // Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Материалы международной научной конференции / Отв. редактор Антонов Е.А. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008.
8. Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV – первой половины VII в. М., 1984.
9. Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности / Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
10. Данилевский И.Н. «Повесть временных лет»: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004.
11. Страхов Н.Н. (Н. Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») / Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902.
12. Вейнберг П.И. Стихотворения // Поэты «Искры». В 2 тт. Т. 2. Изд. 3-е. Л., 1987. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/burenin_w_p/text_0040.shtml.
13. Тютчев Ф.И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. М., 2007.
14. Гете И.В. Фауст / Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. М., 1976.
15. Белинский В.Г. Сочинения Гете / Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М., 1979.
16. Страхов Н.Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887. Введенский А. Общий смысл философии Н.Н. Страхова (Статья 3). М., 1897. Режим доступа: www.hrono.ru/literatura.htm
17. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев, 1897.
18. Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина // Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л.А. Сапченко. СПб., 2006. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml.
19. Страхов Н.Н. (Н. Косица). Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. Март.
20. Мартьянов П. К. Дела и люди века. СПб., 1893
21. Буренин В.П. Стихотворения // Поэты "Искры". В двух томах. Т. 2.: Изд. 3-е. Л., 1987. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/burenin_w_p/text_0040.shtml.
22. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001.
23. Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994.
24. Вагнер Н. Перегородочная философия (открытое письмо г. Страхову) // Новое время. 1883. № 2647. 13 июля. С. 2; № 2654. 20 июля.
25. Грот, Н. Я. Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерцания. М., 1896.
26. Платон. Алкивиад I / Собр. соч. в 4 т. Т. I. М., 1990.

AXIOLOGICAL PRESUPPOSITIONS IN SOCIAL UNDERSTANDING (HISTORICAL EXAMPLE BY NICOLAI N. STRAKHOV)

P. A. OLKHOV

Belgorod State University

e-mail: Olkhov@bsu.edu.ru

The article is devoted to the axiological presuppositions in social understanding, not metaphysical or metaphorical – rather moral and ‘answerable’ – which was realized in the XIX century by Nikolai Strakhov (1828-1896). The author of the article argues it was very practical or actual unity of free thought and free humility in that epoch of radical or ‘repugnant’ sincerity. Russian thinker practically used to be as a social other, mainly fending for his well-earned collocutors (Karamzin N.M., Poushkin A.S., Dostoevsky F.M., Tolstoi L.N., Fet A.A., Danilevski N.I., etc.). The Strakhov’s strategies of social understanding are not a bit archaic, most interested as practically engaged or dialogical in a statu nascendi – to recognize the social reality in Russia one and half century after.

Key words: Social axiology, free thought, free humility, historicity, social other.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ: РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ П.С. ГУРЕВИЧА «ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ» – М.: ОМЕГА-Л, 2010. – 607 С.

А. М. СТРАХОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

Очевидный, предсказуемый и оправданный интерес к человеку и его проблемам вызвал развитие в России философской антропологии, в т.ч. как учебной дисциплины, и, соответственно, сформировал потребность в учебном материале для студентов, философскую антропологию изучающих. Стали появляться учебные пособия по данной дисциплине, и заметное место среди них занимает учебное пособие «Философская антропология» П.С. Гуревича. Важен сам факт появления последнего, так как если по общему курсу философии и по истории философии учебных материалов если не океан и не море, то, пожалуй, судоходное озеро, с философской антропологией ситуация складывается по понятным причинам пока иначе, и можно констатировать, что новый ручей с чистой водой влился в мелководный водоем.

Данное пособие представляет собой объемный труд, структурированный по разделам (их два – «Человек как объект социально-философского анализа» и «Человеческие экзистенциалы»), главам и параграфам. К каждому параграфу прилагаются список литературы и контрольные вопросы, а также темы самостоятельных и контрольных работ. Последнее обстоятельство делает данное учебное пособие не только, что указывается в аннотации, предназначенным студентам гуманитарных вузов, но и полезным для преподавателей философской антропологии и общего курса философии как таковой. Кстати, текст написан доступным и легко усваиваемым языком, что для философских трудов, даже учебников, большая редкость, но по причине неизбежной насыщенности своей работа П.С. Гуревича требует от потребителя определенной философской подготовки («потребителя», а не «читателя»), поскольку данный труд не есть книга для чтения, а является пособием для изучения, серьезного изучения серьезной дисциплины).

Данное пособие содержит в себе богатый историко-философский материал, но, чем выгодно отличается от ряда других, отнюдь не ограничивается только им, и опять-таки, обращение к истории философии (как зарубежной, так и отечественной, и последнее обстоятельство является одной из очевидных позитивных сторон) выступает не как самоцель, а скорее как иллюстрация. Добавим, что различая философскую антропологию

как область знаний и как философское направление, автор избегает подробного рассмотрения последнего, рассматривая философскую антропологию в общем как «философское постижение человека».

Хотелось бы заметить, что при ознакомлении с текстом данного пособия возникают два взаимоисключающих друг друга пожелания: с одной стороны, увидеть более подробное освещение местами лишь обозначенных проблем, с другой стороны, встретить более полный перечень «человеческих» вопросов, например, помимо жизни и смерти, страдания и страха, любви уместно и важно было бы остановиться на таких человеческих экзистенциалах, как вера и надежда. А раз так, то значит, автор сумел определить тот баланс постановки и содержательности, который подобные замечания снимает, иными словами, П.С. Гуревичу удалось вместить в объем своей 600-страничной работы максимум возможного материала, и обговоренная им во введении задача выстраивания относительно целостного представления о философской антропологии как самостоятельной дисциплины успешно реализована.

Жанр учебного пособия в данном труде несомненно выдержан, но значимость последнего выходит за пределы формальной принадлежности, поскольку и постановка ряда вопросов, и ряд авторских идей в нем вызывают не только познавательный, но и научный интерес. Весьма показательны в этом отношении те факты, что данное учебное пособие, что в принципе не приветствуется, использовалось при написании дипломной работы, цитируется в диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, и против этого трудно возразить. Собственно, сам П.С. Гуревич подчеркивает, что «предлагает собственные философские идеи, которые изложены им в различных теоретических публикациях». Следует еще заметить, что в данном учебном пособии успешно реализуется воспитательная функция, автор не просто предлагает в нем набор сведений, а делится житейской мудростью, что происходит в духе классической традиции древности, крайне редко встречающейся в современности, и уж тем более отсутствует в учебных пособиях, часто безличных и сухих. В данном учебном пособии наблюдается личностное авторское присутствие. Кстати, местами текст напоминает эссе.

Да, есть в тексте дискуссионные моменты, да, можно высказать иные соображения применительно к структуре, да, разноплановы контрольные вопросы, но дискуссионность отдельных положений неизбежна, структура вполне оправдана с позиций авторской логики, а разноплановость контрольных вопросов, чего нельзя исключить, возможно, является результатом тщательно продуманного автором их подбора. Данное учебное пособие, без всякого сомнения состоялось, и, как кажется рецензенту (а мы живем в условиях рыночной экономики), обречено на коммерческий успех.

DISCOURSE ON MAN: REVIEW ON THE STUDY GUIDE BY P.S. GUREVITCH "PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY". MOSCOW: OMEGA-L, 2010. 607P.

A. M. STRAKHOV

Belgorod State University

e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Агальцов А.Н.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Антонов Е.А.** доктор философских наук, профессор кафедр философии Белгородского государственного университета
- Баженова О.С.** старший преподаватель Наро-Фоминского филиала РГСУ
- Белоусова М.М.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Белецкая А.А.** аспирант кафедры трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Беспалова М.А.** аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Борисов Г.А.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права БелГУ
- Борисов С.Н.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Васильченко А.А.** магистрант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Гатило В.Л.** аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Евтушенко В.И.** кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета
- Ермаков В.П.** аспирант кафедры религиоведческих и религиозно-философских дисциплин Армавирского православно-социального института
- Ефанова Н.А.** аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Задворнов А.Н.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Елабужского государственного педагогического университета
- Исайчева Е.А.** аспирант кафедры теории и истории права и государства института права Самарского государственного экономического университета
- Ковальчук О.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного университета
- Кожемякин Е.А.** доктор философских наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Белгородского государственного университета
- Константинова А.П.** аспирантка кафедры философии СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

- Костина И.Б.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Воронежского государственного педагогического университета
- Кутоманов С.А.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Лаврикова И.Н.** кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Тверского филиала Московского университета МВД России
- Литич Т.И.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Левшук М.В.** аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Луценко Т.В.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Майорова Н.В.** кандидат культурологи, заместитель начальника отдела высшего профессионального образования Федерального агентства по образованию
- Манзюк В.И.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Мизаев В.Н.** кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Московского государственного горного университета
- Муравецкий И.М.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Моисеева Е.А.** аспирант кафедры теории и истории права и государства института права Самарского государственного экономического университета
- Надточий И.О.** кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Воронежского государственного университета
- Нехаев А.В.** кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского танкового инженерного института им. П.К.Кошевого
- Носков В.А.** доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белгородского государственного университета
- Ольхов П.А.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Омельчук Р.К.** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирской государственной академии образования
- Пересыпкин А.П.** кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе Белгородского государственного университета
- Писарева М.М.** соискатель кафедры культурологии Пермского государственного технического университета
- Посметьева Е.С.** ассистент кафедры философии Воронежского государственного технического университета
- Похилько А.Д.** доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Армавирского государственного педагогического университета

- Римский В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного университета
- Римский А.В.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Резник С.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Реутова М.Н.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного университета
- Страхов А.М.** доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета
- Сухоруков В.В.** аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Тонков Е.Е.** декан юридического факультета Белгородского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
- Тонков В.Е.** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета, заместитель начальника отдела кодификации и систематизации законодательства Белгородского областного суда
- Трошихин В.В.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук Белгородского университета потребительской кооперации
- Товстий М.А.** аспирантка Белгородского университета потребительской кооперации
- Тронина Л.Н.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Тычнин С.В.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Туранин В.Ю.** кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Фомина И.Р.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Чалых И.С.** аспирант кафедры международного права и государственного управления Белгородского государственного университета
- Человенко Т.Г.** кандидат педагогических наук, доцент заведующий кафедрой религиоведения и теологии Орловского государственного университета
- Шарановская Ю.В.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
3. Ключевые слова.
4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
5. Библиографический список.
6. Ссылки.
7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).

} на русском
и английском
языках

} на русском
языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
 - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
 - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**

*¹⁾ Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**

*¹⁾ Department of economic
development of the Belgorod area*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod state university

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

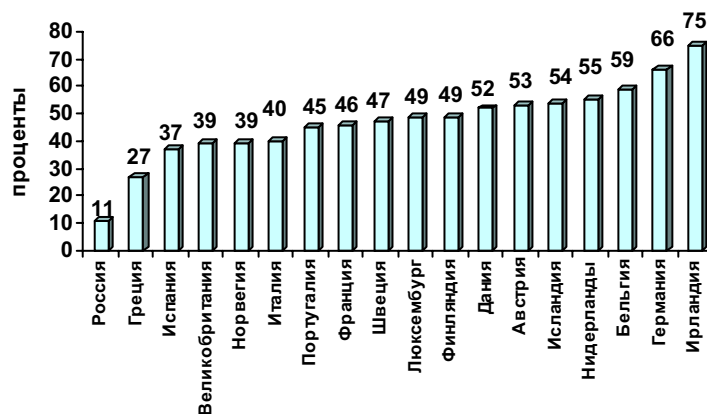

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

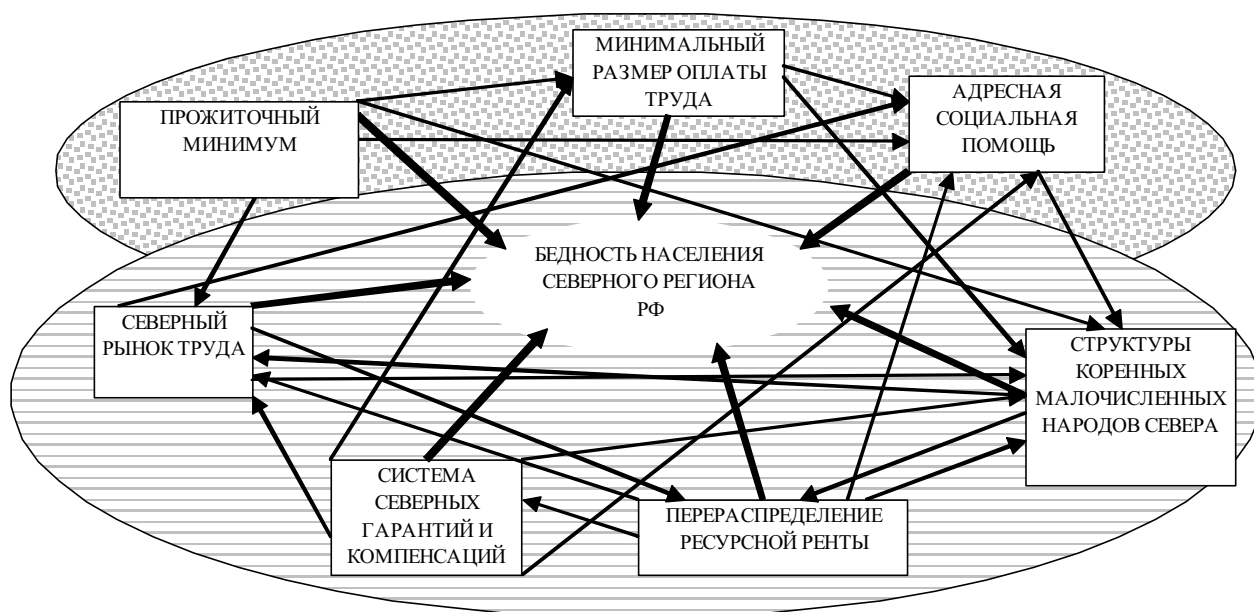

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.